Ф. ЭНГЕЛЬС и современные проблемы философии марксизма

Данная книга создана в результате творческого сотрудничества философов СССР и ГДР.

В книге раскрывается содержание научной деятельности одного из основоположников марксизма — Ф. Энгельса. Цель труда — показать, как велико значение разработки Энгельсом широкого круга проблем марксистской философии для дальнейшего развития теории марксизма. Авторы стремились также показать возрастание роли идей марксизма-ленинизма в международном коммунистическом движении.

Опираясь на современные научные данные, авторы показывают, как современное социальное развитие, борьба классов, прогресс естествознания и общественных наук подтверждают правоту взглядов Энгельса и доказывают несостоятельность утверждений о том, будто взгляды Энгельса устарели и противоречат взглядам К. Маркса, с одной стороны, ленинизму — с другой.

Ф. ЭНГЕЛЬС
и современные проблемы философии марксизма

Ф. ЭНГЕЛЬС и современные проблемы философии марксизма

Под общей редакцией
М. Т. Иовчука (руководитель
авторского коллектива),
И. С. Нарского и Л. Н. Суворова

Издательство «Мысль»
Москва 1971

1М
Э63

АКАДЕМИЯ НАУК СССР.
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Редакционная коллегия:
М. Т. Иовчук, А. Г. Мысливченко,
И. С. Нарский, Л. Н. Суворов,
Б. А. Чагин, Л. Г. Горшкова

1-1-3
73-74-71

От редакции

28 ноября 1970 г. исполнилось 150 лет со дня рождения великого мыслителя и пролетарского революционера, одного из основателей научного коммунизма и философии марксизма — Фридриха Энгельса. Имя Фридриха Энгельса неразрывно связано с жизнью и творчеством его великого друга — Карла Маркса. Их содружество дало международному рабочему классу, трудящимся всего мира самое мощное идейное оружие — научную теорию революционного преобразования мира на основах коммунизма. Маркс и Энгельс создали и всесторонне обосновали цельное интернациональное учение, неотъемлемыми составными частями которого являются диалектический и исторический материализм, политическая экономия, теория научного коммунизма. Маркс неоднократно говорил о выдающейся роли Энгельса в их совместных трудах и революционной борьбе. Широко известна исключительно большая роль Энгельса в подготовке и издании ряда произведений Маркса. После смерти своего великого друга Энгельс продолжал руководить немецким и международным революционным рабочим движением, стал основателем II Интернационала и развернул последовательную и непримиримую борьбу с оппортунистами и буржуазными попутчиками рабочего движения, которых, говоря словами Ленина, диалектика истории заставляла переодеваться марксистами.

Вся жизнь и деятельность великих основоположников марксизма была ярким примером принципиального единства и творческого содружества. В. И. Ленин писал об этом: «Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе» [1].

Сам Энгельс оценивал свою роль в этом замечательном содружестве и плоды своей теоретической деятельности чрезвычайно скромно. Он писал, что «Маркс стоял

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 12.

выше, видел дальше, обозревал больше и быстрее всех нас. Маркс был гений, мы, в лучшем случае, — таланты. Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она по праву носит его имя»[1].

В действительности Энгельс был глубоким и оригинальным мыслителем, самостоятельно пришедшим к идеям диалектического и исторического материализма и научного коммунизма. Непреходящее значение и всемирно-историческая роль Энгельса в истории общественной мысли и революционного движения не ограничиваются его совместной работой с Марксом. Исходя из принципов революционной науки, обоснованных им вместе с Марксом, Энгельс самостоятельно обогащал, систематизировал и развивал социальную теорию и философию марксизма; он внес ценнейший вклад в разработку важнейших философских проблем естествознания и обществоведения. После смерти Маркса Энгельс проделал очень сложную творческую работу по подготовке II и III томов «Капитала», а также «Теорий прибавочной стоимости» (IV том «Капитала»). Ведя неутомимую революционно-практическую и теоретическую деятельность и непримиримую борьбу против буржуазной идеологии и оппортунизма, Энгельс оказывал сильнейшее воздействие на международное рабочее и революционное движение конца XIX — начала XX в. Он отстоял и развил в этой борьбе теоретическое наследие Маркса.

Революционные идеи и научные предвидения Энгельса, касающиеся самых различных отраслей науки, были и остаются весьма актуальными, плодотворными и жизненными вплоть до нашего времени. Поэтому, изучая историю марксизма и раскрывая значение идей Маркса и Энгельса, марксистская наука видит важную задачу в том, чтобы дать подробный анализ и специальную оценку той большой и самостоятельной роли, которую в становлении, развитии и победе марксизма сыграл Энгельс.

Та непримиримая идеологическая борьба, которая развернулась в нашу эпоху на почве антагонизма социалистической и капиталистической систем между марксизмом-ленинизмом, с одной стороны, и буржуазной и ревизионистской идеологией — с другой, имеет одним из своих острейших пунктов оценку теоретического наследия

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 301 (примечание).

Ф. Энгельса и его значения для современности. Имя Энгельса и его труды служат излюбленной мишенью для буржузных марксологов и ревизионистов в их оголтелых нападках на марксизм в целом. Враги коммунизма пытаются оторвать идеи Энгельса от целостного и постоянно развивающегося учения марксизма. Они противопоставляют материализм, диалектику и научный социализм, развитые Энгельсом вместе с Марксом, воззрениям раннего Маркса. Они не могут простить Энгельсу того, что он самым тесным и органическим образом связал развитие философии марксизма с научным прогрессом и практической революционной деятельностью пролетариата. Энгельсу приписывают так называемую сциентистскую линию в марксизме, связывают его труды с позитивизмом и противопоставляют их гуманизму Маркса. Великого гуманиста Энгельса обвиняют в . . . антигуманизме. Часто в современной буржуазной и ревизионистской литературе звучат столь же несостоятельные и нелепые обвинения Энгельса в «схематизме», «догматизме», «конформизме» и т. п. Извращаются его воззрения на диалектику природы и истории, базиса и надстройки. Ожесточенным нападкам подвергаются взгляды Энгельса по вопросам теории познавательного отражения, особенно его учение о соотношении относительной и абсолютной истины.

Марксистско-ленинские партии, разоблачая буржуазные и ревизионистские измышления о Ф. Энгельсе, рассматривают его труды и идеи, как и труды и идеи Маркса, в качестве прочной и незаменимой основы интернационального учения коммунизма, видят в них великое наследие международного коммунистического движения, развиваемое и разрабатываемое далее В. И. Лениным, его учениками и продолжателями. Жизненный подвиг Энгельса и его вклад в теорию марксизма был высоко оценен Лениным, который применил и развил его и Маркса идеи в ходе решения как проблем общественного развития, так и теоретико-познавательных вопросов борьбы против идеализма и метафизики, догматизма и ревизионизма. Актуальность теоретических трудов и всей деятельности Энгельса сохраняется в полной мере и в наши дни.

Теоретические интересы Энгельса были обращены в первую очередь на сферу экономических и социальных отношений. Но научный анализ этих отношений не был

для Энгельса самоцелью и не выступал обособленно от других сторон марксизма. Вся деятельность Энгельса основывалась на глубоком понимании решающей функции рабочего класса во всемирно-историческом процессе социального развития и путей борьбы за освобождение всех трудящихся от угнетения и эксплуатации. В этой связи Энгельс подверг глубокому анализу все три стороны классовой борьбы в их единстве и взаимосвязи — теоретическую, политическую и экономическую. Глубоко понимая фундаментальную и активную роль передового революционного сознания, научной теории в процессе эмансипации пролетариата и всего человечества, Энгельс дал марксистский анализ идеологических явлений, интенсивно разрабатывал и защищал новое диалектико-материалистическое мировоззрение, марксистский диалектический метод.

Во всей своей теоретической деятельности Энгельс исходил из того, что диалектика и материализм в их органическом единстве составляют философскую основу подлинно научной социальной мысли и революционных преобразований, осуществляемых пролетариатом.

Оппортунизм еще в XIX в. начал с ликвидации материалистической диалектики. Энгельс же видел в диалектике универсальный метод научно-философского познания, могучее орудие конструктивного прогностического мышления, опирающееся на глубокое научное знание объективных предпосылок человеческого мышления и отражаемых в нем объективных связей и закономерностей действительности. Он видел в диалектике алгебру социалистической революции. Познаваемые при помощи диалектики объективные закономерности природы и истории Энгельс понимал как область приложения революционных усилий рабочего класса, всех трудящихся масс. В ходе этой деятельности происходит реализация открытых наукой диалектических закономерностей, воплощение в жизнь прогрессивных тенденций развития, осуществление революционных идеалов. Недаром В. И. Ленин в предисловии к переписке Маркса и Энгельса указывал, что именно диалектика была живым нервом, центральным пунктом всей их титанической мысли и деятельности.

Опираясь на принцип единства всех закономерностей природы, общества и человеческого мышления, Энгельс

исследовал диалектический характер законов мира в разнообразных его областях — и в природе, и в обществе, и в различных сферах познания. Это была поистине энциклопедическая работа, и она была подчинена целям и задачам развития диалектико-материалистического учения, его применению и распространению в международном рабочем движении в интересах революционного социального прогресса, победоносной пролетарской революции и последующего построения социализма и коммунизма.

* * *

Авторский коллектив настоящей книги поставил перед собой задачу в связи с 150-летием со дня рождения Фридриха Энгельса показать его вклад в развитие философии марксизма и раскрыть значение философского наследия Энгельса в решении современных проблем философии. В книге рассматриваются становление, развитие и современное значение общей философской концепции Энгельса, его диалектико-материалистические теоретико-познавательные и логические исследования; вклад Энгельса в исторический материализм, в исследование диалектики социальных отношений, в разработку учения об активной роли идеологии и вообще сознания, а также в философию естествознания. Вместе с тем авторы подвергают критике современные буржуазно-марксологические фальсификации и ревизионистские искажения философского наследия Энгельса.

Книга делится на четыре раздела. В первом рассматриваются общие вопросы формирования мировоззрения Энгельса и его роль в историческом развитии марксизма, в том числе в России, и определяется отношение В. И. Ленина и ленинизма к наследию Энгельса. Во втором разделе исследуются проблемы диалектического материализма, в третьем — проблемы исторического материализма. В заключительном разделе книги характеризуется роль Энгельса в разработке теории и метода марксизма в целом, значение его трудов для развития современной науки и революционной практики.

Данная работа, издающаяся в СССР и ГДР, подготовлена коллективом сотрудников сектора истории марксистско-ленинской философии и других секторов Института философии АН СССР при участии ряда советских

философов из других научных учреждений и высших учебных заведений совместно с коллективом авторов — философов Германской Демократической Республики — сотрудников Центрального института философии Германской академии наук в Берлине и Берлинского университета имени Гумбольдта.

Главы книги написали следующие авторы: главу первую — чл.-кор. АН СССР П. В. Копнин, главу вторую — проф. М. Клейн (ГДР), главу третью — проф. Г. Штилер (ГДР), главу четвертую — чл.-кор. АН СССР М. Т. Иовчук, главу пятую — проф. Л. Н. Суворов, главу шестую — проф. И. С. Нарский, главу седьмую — акад. Л. Ф. Ильичев, главу восьмую — проф. З. М. Оруджев, главу девятую — канд. философ. наук В. С. Швырев, главу десятую — проф. Э. Альбрехт (ГДР), главу одиннадцатую — проф. С. Т. Мелюхин, главу двенадцатую — проф. Я. Ф. Аскин, главу тринадцатую — проф. Г. Герц (ГДР), главу четырнадцатую — чл.-кор. АН СССР Т. И. Ойзерман, главу пятнадцатую — доц. Л. Г. Горшкова, главу шестнадцатую — чл.-кор. АН СССР Б. А. Чагин, главу семнадцатую — проф. Г. Лей (ГДР), главу восемнадцатую — проф. М. И. Петросян, главу девятнадцатую — доц. И. Л. Андреев, главу двадцатую — проф. М. И. Шахнович, главу двадцать первую — акад. Б. М. Кедров. Заключение к книге написано И. С. Нарским. В подготовке к печати и редактировании ряда разделов книги принимала участие проф. М. И. Петросян. Подготовку и редактирование статей авторов из ГДР для немецкого издания осуществили проф. М. Клейн и проф. Г. Лей, в редактировании принимала участие д-р Э. Мит.

В редакционной и научно-организационной работе по советскому изданию книги кроме членов редакционной коллегии участвовали научные сотрудники Института философии АН СССР И. С. Морозова (ученый секретарь издания), Л. Н. Мануйлова, Л. В. Шумилова.

Редколлегия и авторский коллектив выражают благодарность профессорам А. Д. Косичеву, М. П. Новикову и канд. философ. наук М. А. Хевеши за участие в рецензировании отдельных разделов и глав рукописи.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Общие проблемы марксистской философии и ее истории

Глава первая

Концепция предмета и задачи философии в свете трудов Энгельса

В формировании и развитии философии диалектического и исторического материализма трудам Ф. Энгельса принадлежит огромная роль, с большой силой подчеркнутая В. И. Лениным. Сам Ф. Энгельс с присущей ему скромностью в одном из примечаний к работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» писал: «Я не могу отрицать, что и до и во время моей сорокалетней совместной работы с Марксом принимал известное самостоятельное участие как в обосновании, так и в особенности в разработке теории, о которой идет речь. Но огромнейшая часть основных руководящих мыслей, особенно в экономической и исторической области, и, еще больше, их окончательная четкая формулировка принадлежит Марксу. То, что внес я, Маркс мог легко сделать и без меня, за исключением, может быть, двух-трех специальных областей. А того, что сделал Маркс, я никогда не мог бы сделать» [1].

Наука, занимающаяся историей марксистско-ленинской философии и опирающаяся на ленинские принципы ее исследования, установила, что Ф. Энгельс занимает значительно большее место в обосновании и разработке теории, по праву носящей имя К. Маркса, по сравнению с тем, как он сам его очень скромно определяет; особенно это касается философии. Можно смело сказать, что без таких произведений, как «Анти-Дюринг», «Диалектика природы» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», нельзя представить марксистской философии, диалектического и исторического материализма как целостного учения. Особенно это касается таких ее разделов, как теория материалистической диалектики, включающая гносеологию, исследование диалектики на основе обобщения данных естествознания XIX в. и т. п.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 300—301 (примечание).

Не случайно современные буржуазные мыслители и следующие за ними ревизионисты пытаются подорвать марксистскую философию, лишив ее того вклада, который внес Ф. Энгельс. Если философские идеи Ф. Энгельса объявить ошибочными, или, как некоторые говорят, «немарксистскими» и даже «деформирующими» марксизм, то марксистская философия действительно окажется обедненной, поскольку идеи Ф. Энгельса во многом дополняли воззрения Маркса и давали мощный толчок развитию марксистской философской мысли в конце XIX и первой половине XX в. Эти идеи живут и сейчас, вокруг них происходит острая борьба противоположных мировоззрений, выражающих борьбу классов в обществе.

1. Возможна ли и что собой представляет научная философия?

В философском наследии Ф. Энгельса большое место занимает исследование предмета и содержания материалистической диалектики. Эту проблему он ставит в тесной связи с пониманием философии вообще, ее исторических судеб. Мысли Ф. Энгельса о предмете философии привлекли сейчас всеобщее внимание и встречают различную реакцию у современных ученых. Очень распространена среди буржуазных марксологов точка зрения, что концепция философии, выдвинутая Ф. Энгельсом, отходит от понимания ее Марксом. В принципиальном различии подходов к философии со стороны К. Маркса и Ф. Энгельса был будто бы заложен уже изначально плюрализм, идея которого якобы нашла наиболее полное выражение в современных течениях марксистской мысли. Это различие усматривается в следующем: 1) К. Маркс якобы занимался преимущественно проблемами философии общества, а Ф. Энгельс переместил центр философии с диалектики общественной жизни на диалектику природы; 2) Ф. Энгельс был будто бы выразителем сциентизма в философии, а К. Маркс — гуманизма; 3) по Ф. Энгельсу, философия — наука о всеобщих законах, а по К. Марксу — осознание человеком самого себя; 4) Ф. Энгельс был диалектическим материалистом, а К. Маркс

«экономическим объективистом», «гуманистом-натуралистом» и употреблял термин «материализм» не в онтологическом значении, а как чисто метафорическое выражение; 5) философская концепция Ф. Энгельса является продолжением традиции французского просветительского материализма, гольбаховского в особенности, в то время как подлинный марксизм есть более «плод и продолжение немецкого классического идеализма».

Наши идеологические противники характеризуют Энгельсово понимание философии как позитивистское, якобы послужившее теоретическим источником догматизма и последующих деформаций марксистской философии. Отсюда тенденция, присущая, например, некоторым югославским философам, группирующимся вокруг журнала «Праксис», очистить марксистскую философию от идей Ф. Энгельса, а вместе с тем и В. И. Ленина и тем самым дойти до «аутентичного» Маркса. «Грустно констатировать... — рассуждает М. Кангрга, — как Энгельс интерпретировал Гегеля, исходя из самых слабых сторон его «Энциклопедии» и его понимания диалектики. Итогом явилась «Диалектика природы», несовместимая с предпосылками и существенным смыслом философии Маркса. Это, между прочим, та же линия, которая коренится в старой метафизике... Результатом же всего этого является... так называемый диалектический и исторический материализм» [1].

Таким образом, идеи Ф. Энгельса о предмете и сущности марксистской философии вообще и материалистической диалектики в частности стали ареной борьбы, затрагивающей многие стороны современной идейной жизни. Вот почему выяснение их содержания, отношения к принципам марксизма приобрело такое большое значение.

Когда речь идет о двух таких мыслителях, как К. Маркс и Ф. Энгельс, о характере и особенностях их философских идей, то нельзя не учитывать следующего важного обстоятельства. При разработке диалектико-материалистического мировоззрения наряду с общими проблемами каждый из них концентрировал внимание и на отдельных, более близких ему вопросах. Например, гносеология и диалектика в области естествознания больше

[1] «Praxis», 1965, № 6, str. 772—773.

привлекали Ф. Энгельса, а экономические и исторические вопросы — К. Маркса. И это ни в коей мере не вредило их теоретической деятельности по созданию единого и качественно нового мировоззрения. Наоборот, оно дало возможность включить в сферу их анализа более богатый материал из разных областей науки, охватить все стороны диалектико-материалистического мировоззрения.

Не существует никакого принципиального различия между К. Марксом и Ф. Энгельсом в понимании самого предмета философии и основополагающих принципов ее разработки, и не может быть в марксизме различных школ, направлений, коренным образом отличающихся друг от друга в исходном пункте, в подходе и понимании сущности, содержания и задач научного мировоззрения, его основных законов и категорий. Когда такие направления возникают, то тем самым обнаруживается отход от марксистского, научного мировоззрения в сторону какой-то школы буржуазной философии.

Между К. Марксом и Ф. Энгельсом существует глубокое единство в исходных принципах, в понимании предмета и задач философии. Одной из ведущих для Ф. Энгельса являлась идея о том, что философия в своем развитии должна стать и становится наукой. Сам он всей своей деятельностью способствовал превращению философии в систему научного знания. Мысль о необходимости для философии стать наукой заложена в самом определении Ф. Энгельсом материалистической диалектики.

Не только материалистическая диалектика, но и вся марксистская философия ставит и решает свои проблемы свойственным науке способом. Ф. Энгельс вскрывает различия между научной и ненаучной философией, беря в качестве образчика последней рассуждения Е. Дюринга.

Е. Дюринг считал предметом философии принципы всякого знания и воли, а потому на основе лучших образцов прежней, спекулятивной методы пытался сконструировать философию, которая исходила бы из априорно установленных принципов. Эта концепция философии и подвергается критике Ф. Энгельсом, но не за то, что философия формулирует принципы, а за то, ка́к она это делает, что́ собой представляют эти принципы с точки зрения научного способа постижения реальности. «...Речь

идет у него, — пишет Ф. Энгельс о Е. Дюринге, — о *принципах*, выведенных из *мышления*, а не из внешнего мира, о формальных принципах, которые должны применяться к природе и человечеству, с которыми должны, следовательно, сообразоваться природа и человек»[1]. В науке принципы выводятся не из головы (мышления), а при помощи головы из реальности, «...принципы — не исходный пункт исследования, а его заключительный результат... не природа и человечество сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»[2].

В связи с этим Ф. Энгельс употребляет термины «философия как таковая», или «прежняя философия», или «обособленная философия». Под этими терминами имеется в виду не конкретное содержание той или иной философской системы прошлого, а определенный метод самого философствования. С точки зрения отдельных положений эти системы могут иметь некоторое позитивное значение, угадывать действительное развитие явлений природы и общества, но сам общий метод подхода к разрешению философских проблем и его осознание (методология) порочен, ибо на его основе невозможно научное постижение действительности. В основном развитие этой «прежней философии» шло по двум связанным между собой направлениям: мистическому и спекулятивному. Первое искало путь к истине, минуя разум; второе признавало рациональное познание, однако, как говорит Ф. Энгельс, его представители подходили к нему как «чистые идеологи» — исходили из конструированных в уме принципов, а не фактов. С этих позиций представители спекулятивного направления подходили к созданию «философских систем» на основе некоторых априорно установленных принципов. Такой «творец», не обладая конкретным знанием всей природы и истории, но желая построить всеобъемлющую философскую систему, действительную для всех времен и народов, «вынужден заполнять бесчисленное множество пробелов *собственными измышлениями*, т. е. *иррационально* фантазировать, заниматься идеологизированием»[3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 33.
[2] Там же, стр. 34.
[3] Там же, стр. 630.

Ф. Энгельс считал, что к середине XIX в. эта «философия как таковая» («прежняя философия», «обособленная философия») изжила себя, ей пришел конец. Не стало больше необходимости в такой философии, стала не нужна никакая «система» философии. «Если схематику мира выводить не из головы, а только *при помощи* головы из действительного мира, если принципы бытия выводить из того, что есть, — то для этого нам нужна не философия, а положительные знания о мире и о том, что в нем происходит; то, что получается в результате такой работы, также не есть философия, а положительная наука» [1]. Ф. Энгельс не был, однако, противником «системы» вообще в познании, в частности в философии. Наука, создавая теорию, обязательно строит систему понятий, но при этом она сама выявляет систематическую связь изучаемых ею явлений, и, следовательно, философия как умозрительное системотворчество является излишней.

Эти мысли Ф. Энгельса вызывают самые различные толки в кругу современных буржуазных философов и нередко рассматриваются как свидетельство того, что Ф. Энгельс либо стоял на позициях позитивизма, либо по крайней мере был очень близок к нему. «Позитивизм» Ф. Энгельса был изобретен буржуазными марксологами, а потом подхвачен некоторыми зарубежными философами, субъективно считающими себя марксистами, которые строили свои концепции на противопоставлении идей К. Маркса идеям Ф. Энгельса.

Философии пришел конец — что это значит? Ведь то же самое утверждали позитивисты, которые выдвигали взамен философии позитивные науки! Действительно, внешнее сходство между рассуждениями позитивистов и концепцией Энгельса есть. Но мистическая и чисто умозрительная философия готова объявить позитивизмом любое мировоззрение, опирающееся на научный подход к действительности. Марксистское понимание философии, которое развивал и Ф. Энгельс, коренным образом отличается не только от спекулятивного системотворчества, но и от позитивистского пренебрежения к особенностям философского знания. Позитивизм не жалел слов, чтобы изобличать метафизику спекулятив-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 35.

ного философствования, но он практически был не способен преодолеть это мировоззрение, ибо не дал ничего взамен, ограничившись одним голым, зряшным отрицанием прежней философии.

Ф. Энгельс ставил вопрос совершенно по-иному. Отрицая одну философию, он ратовал за иную философию — свободную от пороков априоризма, системотворчества и т. п. Конец прежней философии отнюдь не означает, по Ф. Энгельсу, гибель философии вообще, не означает замену ее совокупностью отдельных наук. Возникает новая философия, опирающаяся на положительное знание о мире, которая в силу этого уже не противопоставляется науке, а сама становится формой научного постижения мира. Диалектический материализм как отрицание «представляет собой, — пишет Ф. Энгельс, — не простое восстановление старого материализма, ибо к непреходящим основам последнего он присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, как и самой этой двухтысячелетней истории... Философия, таким образом, здесь «снята», т. е. «одновременно преодолена и сохранена», преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию» [1].

Итак, философия преодолена по форме, но сохранена по своему действительному содержанию. Форма философии, обособленная от научного подхода к действительности, канула в прошлое, и не требуется никакой философии, стоящей над другими науками. Хотя такая философия в современном буржуазном мире и существует, но исторически она уже не действительна и утратила разумную основу своего существования. Ее место заняла философия как положительное содержательное знание о мире. Это — мировоззрение, и оно не только сохраняет свое значение, но и получает полный простор для своего развития. Все то, что в предшествующей философии имело отношение к процессу достижения такого знания, сохранилось, удержалось в ней. Правда, действительное знание, которое имело место в прежней философии, не целиком входит в диалектический материализм, поскольку философия в древности объединяла всякое знание о мире, что ныне уже не может иметь места. Многое из

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 142.

философии ушло в специальные области знания, обособившиеся от философии в отдельные науки. «Как только, — пишет Ф. Энгельс, — перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории» [1].

Этот тезис Ф. Энгельса подвергается самой различной интерпретации. Наиболее распространенным является утверждение, что Ф. Энгельс ограничивает философию учением о мышлении и, следовательно, кроме формальной логики и диалектики, ничего другого в философии нет и быть не может. Объективная реальность является предметом только отдельных специальных наук о природе и истории. Несомненно, что эта интерпретация, согласно которой Ф. Энгельс отличается от любого позитивиста только тем, что философское учение о мышлении не ограничивает формальной логикой, а признает еще и включает в него и диалектику, не соответствует духу энгельсовской концепции философии, пронизывающей все его произведения.

Прежде всего, саму диалектику Ф. Энгельс не ограничивает учением о мышлении, при ее определении он всегда отмечал, что она является наукой о всеобщих законах всякого движения, а не только движения мысли, наукой о наиболее общих законах «движения и развития природы, человеческого общества и мышления» [2], а не только последнего. Далее, саму философию марксизма Ф. Энгельс никогда не ограничивал диалектикой, он ее часто называл современным материализмом, который «является по существу диалектическим...» [3]. Наконец, диалектический материализм неотделим у Ф. Энгельса от исторического, от материалистического понимания истории, благодаря которому «был найден путь для объяснения сознания людей из их бытия вместо прежнего объяснения их бытия из их сознания» [4].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 25.
[2] Там же, стр. 145.
[3] Там же, стр. 25.
[4] Там же, стр. 26.

В предшествующей философии были некоторые идеи, сохранившие рациональное значение для всех ее разделов. Подчеркивая роль старого материализма, Ф. Энгельс видит в его содержании непреходящую философскую истину: философы-материалисты прошлого, во-первых, отстаивали правильную философскую линию в понимании природы, а в трактовке общества иногда приближались в отдельных моментах к материалистическому пониманию истории. Но наряду с этими идеями, имеющими рациональный смысл, в предшествующей философии сформировалось самостоятельное учение о мышлении в виде формальной логики, а также диалектики. Здесь особенно виден результат движения философской мысли, ибо анализ познающего мышления и его категорий, в частности благодаря усилиям Аристотеля и Гегеля, далеко продвинулся вперед [1].

Неоднократно подчеркивая мысль о том, что, «когда естествознание и историческая наука впитают в себя диалектику, лишь тогда весь философский скарб — за исключением чистого учения о мышлении — станет излишним, исчезнет в положительной науке» [2], Ф. Энгельс отнюдь не ставил своей задачей умалить результаты, достигнутые предшествующей философской мыслью и свести саму философию к учению о чистом мышлении. Прежде всего, под «философским скарбом» он разумел не какие-то конкретные результаты познания философами прошлого, особенно материалистами, природы и общества, а метод философствования, оторванный от науки, спекулятивное, натурфилософское конструирование систем природы (а также философии истории, права), которое действительно изжило себя и заменяется положительной наукой. Как понимать, что на смену прежней философии приходит «положительная наука»? Позитивизм противопоставляет философии положительные науки, разумея под последними естествознание, а также конкретную социологию. Подобно этому иногда понимается и мысль Ф. Энгельса: философии, дескать, наступает конец, сохраняются только учение о мышлении (формальная ло-

[1] «...Исследование *форм* мышления, логических категорий, очень благодарная и необходимая задача, и за систематическое разрешение этой задачи взялся после Аристотеля только Гегель». (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 555).

[2] Там же, стр. 525

гика и диалектика) и отдельные естественные и гуманитарные науки.

В действительности же идея Ф. Энгельса совершенно иная. Место философии, которая, хотя и имела позитивные результаты, но была обременена ненаучным методом, занимает наука о природе и истории. Эта последняя имеет множество различных ветвей, разделов, среди которых находится со своим специфическим предметом и методом сама философия. Иными словами, замена старой, домарксистской философии наукой означает не только становление отдельных отраслей естествознания и гуманитарного знания, но и превращение самой философии в отдельную положительную науку о природе и истории, т. е. в область, дающую объективно истинное знание о реальных вещах, процессах и законах. В этом смысле философия не должна ничем отличаться от других наук, ей следует окончательно порвать с мистицизмом и беспочвенным умозрением. Но при этом она остается самостоятельной и специфической областью знания, имеющей свой предмет, свои задачи и функции в обществе, ставящие ее в особое положение по отношению к другим наукам и формам общественного сознания.

История показывает, что в процессе развития философии боролись две тенденции: научная и антинаучная. Первая стремилась сделать философское знание разновидностью научного постижения действительности, а вторая, наоборот, направляла свои усилия на обособление философии от науки, противопоставление философии науке. Эта, вторая тенденция особенно четко выявлялась в иррационалистической линии буржуазной философии конца XIX и первой половины XX в. В качестве предпосылки, на которой основывалось обособление философии от науки, выступала «специфичность» философского знания, особенность ее предмета и метода, которые были уже отчетливо осознаны в середине XIX в.

Позитивизм, претендовавший на развитие идеи научности философии в пределах буржуазного мировоззрения, пытался свести ее к специальной области знания, уподобить по предмету и методу частной области знания. Были выдвинуты различные вариации подобного сведе́ния: 1) философия призвана только упорядочивать, классифицировать и систематизировать знания, строить «общую систему человеческих понятий» (Конт); 2) на долю

философии остается логика науки, анализ ее языка (Карнап) и т. п. Невозможность такого сведения была воспринята феноменологами, представителями «философии жизни», экзистенциалистами как доказательство правомерности противопоставления и обособления философии от научного знания.

Постановка вопроса в марксизме, и в частности Ф. Энгельсом, совершенно иная по сравнению и с позитивизмом, и с иррационализмом. Только та философия может служить надежным орудием познания и практического преобразования мира, которая развивается в рамках научного постижения действительности. Но при этом она сохраняет свою особенность как система научного знания, выступающая в качестве определенной формы общественного сознания.

2. Марксистская философия как мировоззрение и идеология

Критикуя подход к философии Дюринга, Ф. Энгельс писал: «Так как Дюринг исходит из «принципов», а не из фактов, то он является идеологом, и он может скрывать, что он идеолог, лишь выражая свои положения в столь общей и бессодержательной форме, что эти положения представляются *аксиоматическими, плоскими*, причем в таком случае из этих положений нельзя сделать никаких выводов, но можно лишь *вложить* в них произвольное значение» [1].

Здесь Ф. Энгельс противопоставляет истинную философию как науку идеологии как произвольному умозрительному конструированию мира. Может возникнуть вопрос: противопоставлял ли Ф. Энгельс философию всякой идеологии или только ее определенной форме, видел ли он в марксистской, научной философии наличие идеологической функции? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к анализу предмета философии, к ее пониманию как мировоззрения.

Вопрос о предмете марксистской философии непрерывно обсуждается в нашей литературе. Иногда пыта-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 630.

ются его решить путем нахождения жесткого, абстрактного определения, при этом одно такое определение противопоставляется другому. Одни выделяют «всеобщие законы движения», другие — «человека, цель его бытия», третьи — «метод познания и практической деятельности, т. е. логику», и т. д. Таких определений можно выдвинуть множество, но сведéние философии к одному из них ведет к ущербным концепциям. Действительно, если в качестве определения предмета философии взять только «всеобщие законы всякого движения» и не раскрывать, не развивать дальше это определение, то философия потеряет свое мировоззренческое значение, ибо из предмета философии либо совсем выпадет, либо останется в тени ее основной вопрос. С другой стороны, «человек вообще» также не может быть предметом философии, сама концепция человека зиждется на определенных мировоззренческих основах, куда входит и научное знание о всеобщих законах природы, общества и человеческого мышления. Наконец, метод мышления — важная сторона предмета философии, но, конечно, далеко не единственная: ведь он основывается на объективных законах и служит способом решения сложных, в том числе философских, проблем. Сущность концепции, развитой Ф. Энгельсом, состоит в том, что в ней предмет философии не сводится к какому-то абстрактному определению, фиксирующему только его одну сторону, какой бы важной она ни была; наоборот, Энгельс стремится охватить предмет философии со всех сторон, показать сложность связей между ними и тем самым выявить особенность философии как системы научного знания о явлениях объективной реальности и ее отражения в сознании людей. Прежде всего он выделяет основной вопрос философии. «Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию» [1]. Глубокое осознание и формулирование основного вопроса и его роли в становлении и развитии философии по существу является научным открытием Ф. Энгельса, имеющим принципиальное значение для понимания философии, ее истории.

В настоящее время, даже среди некоторой части философов-марксистов в понимании предмета и содержания

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 282.

философии имеет место тенденция или исключить основной вопрос философии — отношение мышления к бытию, сознания человека к окружающей его действительности, субъективного к объективному — из предмета марксистской философии, или ограничить сферу действия этого вопроса определенными историческими рамками — периодом неразвитых общественных отношений и научных знаний. Ф. Энгельс, напротив, считал, что этот вопрос «мог приобрести все свое значение лишь после того, как население Европы пробудилось от долгой зимней спячки христианского средневековья» [1]. Две линии — Демокрита (материалистическая) и Платона (идеалистическая) — обрисовались уже в античной философии, но в новое время они приобрели более четкие формы и их борьба обострилась. Неверно представление, будто основной вопрос философии имеет значение только до тех пор, пока существуют философы-идеалисты. В действительности же проблема отношения сознания к объективной реальности имеет общее мировоззренческое значение и невозможна научная философия, непрерывно не углубляющая решение вопроса об отношении сознания к бытию. Философия всегда будет иметь дело с субъектно-объектным отношением «человек — окружающий его мир», а отношение сознания и находящейся вне его объективной реальности — теоретически уточненная и обобщенная «сердцевина» этого отношения.

Углубление решения основного вопроса философии означает развитие материализма, поднятие его на новый уровень, соответствующий опыту движения практики и познания. «С каждым составляющим эпоху открытием... — писал Ф. Энгельс, — материализм неизбежно должен изменять свою форму» [2].

Лишено всякого основания утверждение, что Ф. Энгельс отошел от К. Маркса, поставив во главу марксистской философии развитие материализма. Начиная с середины 40-х годов, особенно с работы «Святое семейство», и до конца своей жизни К. Маркс постоянно подчеркивал: «мой метод исследования *не* тот, что у Гегеля, ибо я — материалист, а Гегель — идеалист» [3].

С решением основного вопроса философии тесно свя-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 283.
[2] Там же, стр. 286.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 448.

зано понимание всеобщих законов всякого развития. Без диалектической концепции развития невозможно последовательное материалистическое решение вопроса об отношении мышления к бытию. Понятие всеобщих законов развития необходимо для диалектического выведения мышления из бытия. В. И. Ленин это выразил как органическое соединение в марксистской философии двух принципов. Он писал: «...всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира,* природы, движения, материи etc» [1].

Принцип развития необходимо довести до понимания и раскрытия общих законов исторического движения человечества. Вот почему Ф. Энгельс считал материалистическое понимание истории необходимой составной частью научного мировоззрения, а его открытие — величайшим научным подвигом К. Маркса. «Новое направление, — писал он, — отличалось лишь тем, что здесь впервые действительно серьезно отнеслись к материалистическому мировоззрению, что оно было последовательно проведено — по крайней мере в основных чертах — во всех рассматриваемых областях знания» [2].

Научное понимание общества — это ключ не только для построения и разработки диалектической концепции развития, но и для последовательно материалистического решения основного вопроса философии. Человеческое сознание не только свойство высокоорганизованной материи — мозга, но и результат возникновения новой материальной системы — общества со своими особыми законами движения. Общество — исходный пункт в понимании самого человека, его природы вообще и его сознания в частности. Проблема человека — одна из важных не только для философии, но и для очень многих так называемых гуманитарных наук, с некоторых сторон ее касаются даже отдельные области естествознания. Поэтому философия не может претендовать на исчерпывающее изучение человека, однако она создает философскую концепцию человека, которая служит методом познания различных сторон человеческой сущности и форм его существования, составляющих предмет специальных наук.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 229.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 301.

Существует совершенно неверное представление, будто Ф. Энгельс исключил из предмета философии человека. На самом деле это совершенно не так. Он подвергал критике антропологизм Л. Фейербаха, но отнюдь не за то, что тот исходил из такой реальности, как человек, а за абстрактное понимание самого человека как определенной реальности. «По форме он, — пишет Ф. Энгельс о Фейербахе, — реалистичен, за точку отправления он берет человека; но о мире, в котором живет этот человек, у него нет и речи, и потому его человек остается постоянно тем же абстрактным человеком, который фигурирует в философии религии. Этот человек появился на свет не из чрева матери: он, как бабочка из куколки, вылетел из бога монотеистических религий. Поэтому он и живет не в действительном, исторически развившемся и исторически определенном мире. Хотя он находится в общении с другими людьми, но каждый из них столь же абстрактен, как и он сам» [1].

Критика абстрактного человека Л. Фейербаха была направлена не на то, чтобы заменить в предмете философии человека всеобщими законами движения, а на то, чтобы сделать знание этих законов научным методом для постижения конкретной сущности человеческого бытия, на место общих рассуждений о гуманизме поставить определенную конкретную теорию о действительной природе и человеке. «Надо было заменить, — писал Ф. Энгельс, — культ абстрактного человека, это ядро новой религии Фейербаха, наукой о действительных людях и их историческом развитии. Это дальнейшее развитие фейербаховской точки зрения, выходящее за пределы философии Фейербаха, начато было в 1845 г. Марксом в книге «Святое семейство»» [2].

Таким образом, Ф. Энгельс отнюдь не был философом, который не понимал значения концепции человека для мировоззрения. Наоборот, он вместе с Марксом разрабатывал такую теорию, которая имела дело с действительным человеком, с живыми людьми в их исторических действиях. Чисто человеческие отношения существуют в реальном бытии человека, в его историческом развитии. Сам человек «есть продукт процесса развития, длив-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 295.
[2] Там же, стр. 299.

шегося миллионы лет»[1]. Идеалистическому и абстрактному натуралистическому пониманию человека марксизм противопоставил понимание материалистическое. Реальная историческая практика является исходным моментом для раскрытия природы человека и его бытия. «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»[2].

Марксистская философия включает в свое содержание концепцию человека, рассматривая эту проблему с позиций науки, т. е. она не провозглашает культ человека, как это делается некоторыми зарубежными философами (марксизм против всяких культов, в том числе и культа человека), а создает научную теорию человека в том аспекте, который входит в предмет философии. Нет никакого сомнения в том, что К. Маркс и Ф. Энгельс создали принципиально новое, отличное от построений буржуазных философов, оригинальное понимание человека как творца посредством практики самого себя и своей истории. Однако лишено всякого основания противопоставление теории человека Маркса и Энгельса диалектическому материализму. В основе марксистской концепции человека, на которой теоретически и практически основывается реальный гуманизм, лежит диалектико-материалистическое мировоззрение, выступающее как методология научного познания и практического действия.

Эта органическая связь материализма и гуманизма была обоснована уже в 40-х годах XIX в. К. Марксом и Ф. Энгельсом в работе «Святое семейство». Далеко не всякий материализм становится обоснованием гуманизма. Односторонний, механистический материализм не мог быть таким обоснованием. Так, К. Маркс и Ф. Энгельс, характеризуя материализм Т. Гоббса, писали: «*Физическое* движение приносится в жертву *механическому* или

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 666.
[2] Там же, стр. 545.

математическому движению; *геометрия* провозглашается главной наукой. Материализм становится *враждебным человеку*. Чтобы преодолеть *враждебный человеку бесплотный* дух в его собственной области, материализму приходится самому умертвить свою плоть и сделаться *аскетом*. Он выступает как *рассудочное существо*, но зато с беспощадной последовательностью развивает все выводы рассудка» [1].

Механистический и негуманистический материализм хотя и имел некоторые сильные стороны в учении о природе и способствовал развитию естественных наук, но в силу своей ограниченности и односторонности оказался неспособным победить спекулятивную философию, претендовавшую на исключительность в постановке и решении проблемы человека.

В предшествующем К. Марксу материализме была и другая традиция, наступавшая на спекулятивную метафизику и стремившаяся рассматривать человека не как механическое существо. Она характерна особенно для французского материализма XVIII в. и материализма Л. Фейербаха. Спекулятивная метафизика, писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «будет навсегда побеждена *материализмом*, достигшим теперь благодаря работе самой *спекуляции* своего завершения и совпадающим с *гуманизмом*. А подобно тому как *Фейербах* явился выразителем *материализма*, совпадающего с *гуманизмом*, в *теоретической* области, французский и английский *социализм* и *коммунизм* явились выразителями этого материализма в *практической* области» [2].

В. И. Ленин, развивая диалектический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса, углубил его органическое единство с гуманизмом по линии связи с социалистическим движением, с практикой пролетарской революции, ставящей своей задачей действительное освобождение человека; этим путем должны мы идти и сейчас.

Проблема человека, несомненно, относится к основным в марксистской философии, но как ее ставить и разрешать? Одни думают, что необходимо в составе марксизма иметь или создать специальную науку — фи-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 143.
[2] Там же, стр. 139.

лософскую антропологию. Создание такой марксистской антропологии вольно или невольно мыслится по рецептам той антропологии, которая ныне «процветает» в буржуазной философии.

К. Маркс и Ф. Энгельс имели перед собой философскую антропологию Л. Фейербаха и в процессе позитивной ее критики преодолевали ее пороки. Проблема человека решалась Фейербахом в крайне абстрактной форме; и даже у Гегеля она была поставлена глубже. «Столь же плоским является он, — пишет Ф. Энгельс о Л. Фейербахе, — по сравнению с Гегелем и там, где рассматривает противоположность между добром и злом» [1].

Философская антропология как Л. Фейербаха, так и особенно идеалистическая антропология современных буржуазных мыслителей содержит в себе множество пороков, и один из существеннейших — рассмотрение человека в абстрактном виде, в отрыве от его действительного исторического, социально-классового развития. А как только философия начинает анализировать человека в его конкретно-историческом бытии, она перестает быть философской антропологией в прежнем ее смысле.

Марксизм создал новое мировоззрение, в котором преодолены пороки философской антропологии; но проблема человека не отброшена прочь, а поставлена на реальную научную почву. Не какая-то философская антропология как «часть» философии, а вся марксистская философия во всех своих категориях и законах так или иначе, но направлена на человека и его отношение к объективному миру. И это начинается с основного вопроса философии — вопроса об отношении человеческого сознания к окружающему его бытию.

Иногда дело представляется таким образом: философская антропология должна заниматься человеком и его бытием, онтология — это учение о бытии вообще, а гносеология и логика в качестве своего предмета имеют познание, мышление. Однако такое разделение философии не является приемлемым. Человек, его, так сказать, сущность и существование постигаются путем выяснения и раскрытия его связи с объективным миром: ведь человек создает и осознает себя только через посредство своей предметной, практической деятельности, направленной

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 296.

на изменение явлений и процессов объективной реальности. Он не просто часть природы, а активное начало в процессе ее преобразования. Представить человека вне этой деятельности, т. е. вне природы, — значит не понять ни его сущности, ни существования. Поэтому антропология, которая не была бы одновременно онтологией, в марксистско-ленинской философии невозможна.

Кроме того, философия как научное мировоззрение возможна только тогда, когда в нее включается рассмотрение отношения человека к окружающему его миру, а тем самым и к самому себе. Ни знание о человеке, как таковом, ни знание о мире, как таковом, не составляет в их расщепленности философского мировоззрения. Человек, как таковой, — абстракция: ведь его сущность и существование раскрываются только в его отношении к природе и к другим людям. Природа, как таковая, ее явления, законы, отношения постигаются различными областями науки, которые познают свойства и отношения, присущие как отдельным видам и явлениям, так и всем им. Как отмечал Ф. Энгельс, «форма всеобщности в природе — это *закон*. . .» [1].

Все науки о природе, познавая ее законы, вскрывают всеобщее в ней. Например, в атоме наукой раскрываются и познаются всеобщие свойства вещей и явлений действительности, но эти знания не составляют мировоззрения до тех пор, пока не поставлен вопрос в плане философского отношения между человеком и атомами, а именно: существуют ли свойства атома вне и независимо от сознания человека, как они могут познаваться и т. д.? Философия, признавая объективное существование природы вне и независимо от человека, рассматривает ее не как объект созерцания, а как предмет человеческой практики. То же самое относится и к гносеологии, которая рассматривает познание не просто как субъективную деятельность человека, взятую саму по себе, а со стороны его объективного содержания, в соотнесении с объектом, т. е. в плане проблемы, каким образом природа отражается человеком в его сознании.

Человек, точнее, человечество, человеческое общество, сознание и существующая вне его природа рассматрива-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 549.

ются в марксистской философии как нечто целостное и не расчленяются на учения об отдельных «частях» (антропология, онтология, гносеология), которые были бы взаимно обособленными и взаимонезависимыми; создается единое мировоззрение, отражающее отношение «человек — окружающий его мир».

В марксистском мировоззрении человек с его духовным миром, с одной стороны, не растворяется в природе, а эта последняя не одухотворяется, как это было в мифологии, а с другой стороны, человек не отрывается от природы как нечто сверхъестественное от естественного (отрыв не тела, а именно «души» человека от остальной природы характерен для религиозного мировоззрения). В марксистском, подлинно научном мировоззрении человек выделяет себя в качестве общественно-специфической формы бытия той же самой природы, способной эту природу преобразовывать на основе объективных законов, в соответствии с человеческими потребностями.

Преодолевая мифологическое и религиозное отношение к миру, материалистическая философия в борьбе с идеализмом создавала и развивала научное мировоззрение. Возникновение марксистской философии — кульминационный пункт этого процесса; в ней научный подход к объективной реальности совпадает с идеей переустройства мира на основе научно развитого коммунистического идеала. Сама проблема идеала жизни становится научной идеей. И здесь не следует бояться обвинения в «сциентизме». Все зависит от того, что́ разуметь под этим термином. Если «сциентизмом» называется стремление философии быть ближе к результатам современного научного знания, усваивать их и размышлять над ними, делать из них широкие выводы, стремление к построению действительных теоретических систем на основе доказательного, разумно постигаемого знания и принципиальное изгнание беспочвенных спекуляций, смыкающихся в конце концов с мифологией и религией, то нет оснований избегать этого термина. Если же в «сциентизме» видеть средство подмены самой философии результатами естественных и гуманитарных наук и отрицание научного обоснования гуманизма, то подобного рода «сциентизм» в принципе неприемлем для диалектического материализма.

Мировоззрение — это не только определенная система

знаний, но и убеждения и принципы действия (класса, партии и т. п.). Отсюда возникает проблема классовости мировоззрения, его идеологической функции. Ф. Энгельс понимал роль философии как формы общественного сознания в борьбе классов в обществе. Французская философия XVIII в. подготовила, по его мнению, политический переворот во Франции, а «учение Гегеля оставляло, как мы видели, широкий простор для самых различных практических партийных воззрений» [1].

К. Маркс и Ф. Энгельс реально имели дело с идеологией, которая давала ложно-превратное, отчужденно-искаженное отражение действительности. Они употребляли термин «идеология» именно в этом смысле. «Идеология, — писал Ф. Энгельс, — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах» [2]. Такой идеологический характер носила религия, политические и философские идеи господствующих эксплуататорских классов, буржуазное право и т. п.

Не случайно идеализм Гегеля Ф. Энгельс называл идеологическим извращением. Прежняя философия и религия являются для него идеологиями высшего порядка, наиболее удаленными от материальной экономической основы. «Здесь связь представлений с их материальными условиями существования все более запутывается, все более затемняется промежуточными звеньями. Но все-таки она существует. Как вся эпоха Возрождения, начиная с середины XV века, так и вновь пробудившаяся с тех пор философия была в сущности плодом развития городов, то есть бюргерства. Философия лишь по-своему выражала те мысли, которые соответствовали развитию мелкого и среднего бюргерства в крупную буржуазию» [3]. В идеологии мысли представляются как самостоятельные сущности, «которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам. Тот

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 279.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 83.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 312.

факт, что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается этот мыслительный процесс, в конечном счете определяют собой его ход, остается неизбежно у этих людей неосознанным, ибо иначе пришел бы конец всей идеологии»[1]. Другого рода идеологии до К. Маркса и Ф. Энгельса не было. Но само возникновение марксизма и его философии знаменует собой появление нового типа идеологии, которая, с одной стороны, выражает интересы определенного класса в обществе — рабочих в их борьбе против буржуазии, а с другой — дает не искаженное, а объективно истинное научное отображение действительности и этим самым принципиально отлична от всей прежней идеологии.

Ф. Энгельс, не употребляя в отношении марксистской философии термина «идеология», чтобы не смешивать ее с прежней идеологией как ложным сознанием, отчетливо понимал, что научное мировоззрение, выражая интересы рабочего класса, выполняет определенные идеологические функции в борьбе против капитализма и его ложного сознания, включая буржуазную философию. Завершая произведение «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», Ф. Энгельс писал: «...чем смелее и решительнее выступает наука, тем более приходит она в соответствие с интересами и стремлениями рабочих. Найдя в истории развития труда ключ к пониманию всей истории общества, новое направление (речь идет о марксизме. — *П. К.*) с самого начала обращалось преимущественно к рабочему классу и встретило с его стороны такое сочувствие, какого оно не искало и не ожидало со стороны официальной науки. Немецкое рабочее движение является наследником немецкой классической философии»[2]. Ф. Энгельс не оперировал уже разработанным понятием научной идеологии, однако, когда он объяснял, каким образом марксистская философия, давая научное понимание действительности, тем самым служит классовым целям пролетариата и в этом смысле является его научной идеологией, он, как и Маркс, по сути дела пользовался этим понятием.

Развивая эти идеи, отчетливо сформулировал понятие «научная идеология» В. И. Ленин. Он стал употреблять

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 313.
[2] Там же, стр. 317.

термин «идеология» и в отношении марксистской теории. Он писал, что надо «всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию — учение научного социализма, т. е. марксизм» [1]. Но, называя марксизм пролетарской идеологией, В. И. Ленин показал, что он ничего общего не имеет с ложным сознанием, а, наоборот, впитывает в себя научное постижение действительных отношений в мире. «Но социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т. е. он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. и т. д. В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм *вносится* идеологами» [2]. Марксистская философия органически сочетает в себе и науку, и идеологию, прямо выдвигающую и научным образом обосновывающую свою классовую цель. Таким образом, в ней органически связаны научная и идеологическая стороны: идеология получает научное обоснование, наука подводит к идеологически важным выводам.

3. Философия и логика

Философия, как мы уже отмечали, выступает как принцип единства практического и теоретического действия человека. В этой связи представляет интерес рассмотрение вопроса об отношении философии к развивающемуся научному знанию. Известно, что вначале научное знание формировалось в лоне философии, выступавшей как собрание всех знаний о мире. При этом вплоть до XIX в. философы упорно стремились дать общую картину природы как целого и создать всеобъемлющую натурфилософскую систему, объединяющую на основе некоторых априорно выдвинутых принципов все знание о природе. Некоторые и сейчас пытаются построить такую систему, получившую название натурфилософии.

Историческая роль натурфилософии противоречива.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 269.
[2] Там же, стр. 362—363.

С одной стороны, науки ей обязаны многими плодотворными идеями, обогатившими наше знание и определившими на многие годы развитие естествознания (вспомним идею атомизма, возникшую в лоне еще древнегреческой философии, гелиоцентризма и т. п.), но, с другой стороны, натурфилософия обременила науку о природе беспочвенными вымыслами и спекуляциями. Начиная с XVII в. происходит процесс образования отдельных естественнонаучных дисциплин со свойственными им методами исследования — астрономии, механики и т. п. К середине XIX в. уже сформировались основные отрасли науки о природе и отпала необходимость в натурфилософии, а у естествоиспытателей возникла и непрерывно затем усиливалась тенденция к освобождению науки от натурфилософских оков. Решительным ударом по натурфилософии стали три открытия в науке о природе, которые Ф. Энгельс назвал великими, — создание клеточной теории, формулирование закона превращения энергии, эволюционная теория Ч. Дарвина. «Благодаря этим трем великим открытиям, — писал Ф. Энгельс, — и прочим громадным успехам естествознания, мы можем теперь в общем и целом обнаружить не только ту связь, которая существует между процессами природы в отдельных ее областях, но также и ту, которая имеется между этими отдельными областями. Таким образом, с помощью фактов, доставленных самим эмпирическим естествознанием, можно в довольно систематической форме дать общую картину природы как связного целого» [1].

Раньше эту функцию выполняла натурфилософия, и при этом она «заменяла неизвестные еще ей действительные связи явлений идеальными, фантастическими связями и замещала недостающие факты вымыслами, пополняя действительные пробелы лишь в воображении» [2]. Теперь естествознание само создает «систему природы», опираясь на научный метод, а потому «теперь натурфилософии пришел конец. Всякая попытка воскресить ее не только была бы излишней, а *была бы шагом назад*» [3]. И это относится не только к натурфилософии, но и «ко всей совокупности наук, занимающихся вещами челове-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 304.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 305.

ческими (и божественными). Подобно натурфилософии, философия истории, права, религии и т. д. состояла в том, что место действительной связи, которую следует обнаруживать в событиях, занимала связь, измышленная философами... Здесь надо было, значит, совершенно так же, как и в области природы, устранить эти вымышленные, искусственные связи, открыв связи действительные» [1].

В области науки о человеке и обществе этот процесс шел более медленно, старые философские, идеалистические предрассудки здесь были более живучи, и на историю человеческого общества долгое время смотрели как на продукт действия неких высших идей, как на осуществление некоего провидения. Но с возникновением материалистического понимания истории появилась подлинно научная основа для становления специальных наук об обществе и человеке.

Конец натурфилософии, а также философии истории, философии права и т. д. означал не прекращение воздействия философии на ход развития научного знания о природе и обществе, а изменение формы этого влияния и ее взаимоотношения с отдельными науками о природе и обществе. Эти науки стали самостоятельными, обладая своим предметом и методом, но они уже не входят в философию как ее составная часть; они сами выдвигают и обосновывают свои фундаментальные идеи и теории и разрабатывают «способы движения» в своей области к новым познавательным результатам. Они продолжают нуждаться в философии, но не как в источнике новых идей относительно изучаемого ими соответствующего предмета, законов его развития, его свойств и отношений, а как в общем методе мышления, способствующем выдвижению и обоснованию этих идей и теорий, в том числе обоснованию и развитию частных логик исследования в специальных науках (и их отдельных группах).

Анализируя и обосновывая эту идею, Ф. Энгельс считал, что марксистская философия является мировоззрением, «которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках» [2]. В этих реальных науках философия и прояв-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 305.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 142.

ляет себя как метод, как логика движения знания к новым, объективно-истинным результатам. Можно ли это понимать в том смысле, что Ф. Энгельс сводит вообще философию к логике, к методу движения мышления? Подобные представления возникают, когда берут отдельное высказывание Энгельса, относящееся к определенной проблеме — формам воздействия философии на ход научного знания, и превращают его в общую концепцию философии, ее предмета и метода. Да, согласно взглядам Ф. Энгельса, философия становится логикой, когда рассматривается функция философии в развитии научного знания; она в качестве научного метода направляет движение наук к обнаружению объективной природы вещей и явлений. Однако это отнюдь не означает, что в качестве своего собственного предмета изучения философия имеет только мышление как субъективную форму деятельности человека, его формы и законы. Философия потому и выступает в качестве метода развития мышления, что вскрывает всеобщие законы движения объективных процессов, происходящих вне самого мышления. Критикуя идеализм Гегеля, Ф. Энгельс писал: «Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей, вместо того чтобы в действительных вещах видеть отображения тех или иных ступеней абсолютного понятия. Диалектика сводилась этим к науке об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления...»[1] При этом Ф. Энгельс всегда подчеркивал, что бытие определяет мышление и мысль тогда достигала объективных результатов, когда «направлялась» по законам объекта, а «диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира»[2].

Эта мысль Ф. Энгельса нашла свое дальнейшее развитие у В. И. Ленина, последовательно проводившего идею диалектического совпадения диалектики, логики и теории познания в марксистской философии. На труды Ф. Энгельса опирался В. И. Ленин, показывая значение марксистской философии как метода научного мышления. И в этой связи чрезвычайно актуальными для на-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 301—302.
[2] Там же, стр. 302.

шего времени являются слова: «Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее»[1]. Однако без мышления они не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории. Эти категории надо заимствовать не из обыденного сознания и плоского «здравого смысла», полного предрассудков, и не из остатков давно умерших философских систем, а из научного мировоззрения. Таким мировоззрением является марксистская философия, категории которой развиваются на основе данных наук, данных всего исторического и современного опыта социальной практики человечества.

Но марксистская диалектика, выступающая в силу своего объективного содержания в качестве логики научно-теоретического мышления, отличается от формальной логики. Проблема материалистической диалектики и формальной логики занимала большое место в трудах Ф. Энгельса, и он различал их именно как два метода мышления. «Даже формальная логика, — писал он, — представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному; и то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет собой диалектика, которая к тому же, прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения»[2].

Формулируя эти положения, Ф. Энгельс имел дело с исторически сложившейся к его времени старой, традиционной, или классической, формальной логикой, законы которой служили в XVII — XIX вв. логической основой метафизического метода мышления. Естественно, что он постоянно подчеркивал мысль, что именно диалектика, а не формальная логика «является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой»[3]. Законы и категории диалектического материализма составляют философский метод научно-теоретического мышления, причем

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 524.
[2] Там же, стр. 138.
[3] Там же, стр. 367.

формальная логика, поскольку она входила в философию, была лишь ранней ступенью его. Дальнейшее развитие формальной логики в значительной степени происходило путем применения математических средств к выражению и анализу форм мышления. Это привело к еще большей формализации изучаемых ею отношений, в результате чего она превратилась в самостоятельную отрасль науки со своим предметом и методом.

Предметом формальной логики стал узкоспециальный объект — структура мышления, истолковываемая как совокупность собственно языковых структур, причем анализ последних предполагает конструирование различных исчислений, лишь впоследствии получающих свою интерпретацию. Поэтому формальная логика утратила свое прежнее значение философского метода познания действительности, хотя и сохранила весьма тесную связь с философией через гносеологические проблемы структур мышления. Марксистская философия стала ныне единственной логикой движения научного знания к объективной истине, основывающейся на содержательных философских законах и категориях мышления и использующей в подчиненном виде средства современной формальной логики.

Таким образом, в трудах Ф. Энгельса была систематизирована и развита дальше выработанная им вместе с К. Марксом концепция предмета и метода философии как мировоззрения, идеологии и метода научного мышления. Эта концепция исходила из глубоко обобщенного и проанализированного опыта развития философии. Особенно большое значение имело при этом критическое освоение уроков развития новой философии, и в частности философии Гегеля и Фейербаха, всего хода становления наук о природе и обществе. Эта концепция исходила из потребностей классовой борьбы и задач освобождения пролетариата и всего человечества из-под гнета буржуазии. Эта концепция дает целостное представление о философии, где находят свое место ее различные моменты и функции. При этом Ф. Энгельс отнюдь не представляет марксистскую философию как сумму каких-то частей, сторон (онтологических, гносеологических, логических, антропологических и т. п.). Она включает в себя учение (теорию) о всеобщих законах всякого развития, учение (теорию) о познании и познавательном мышле-

ния, философскую концепцию общества и самого человека, однако не разлагается на эти учения как на самостоятельные составные части, а представляет собой некоторое их единство, стержнем которого является отношение человеческого сознания к окружающей его объективной реальности.

Попытки вырвать и обособить из этой концепции какой-то один момент, одну сторону, одну теорию и представить ее в качестве самостоятельной части марксистско-ленинской философии или даже выдать за философию во всей ее полноте приводят к извращению сущности и действительного содержания марксистского мировоззрения. Дальнейшее плодотворное развитие марксистской философии возможно только на основе принципов, выдвинутых К. Марксом и Ф. Энгельсом и развитых дальше и конкретизированных В. И. Лениным.

Глава вторая

Духовное развитие молодого Энгельса

Формирование мировоззрения Энгельса происходило в конце 30-х — начале 40-х годов, когда молодые Маркс и Энгельс теоретически и практически независимо друг от друга совершали чрезвычайно сложный и связанный с глубокими внутренними конфликтами и противоречиями переход из лагеря революционной буржуазной демократии в лагерь пролетариата. Этот начальный период генезиса марксизма, который освещен в данной главе на примере идейного развития молодого Энгельса, представляет для нас сегодня не только исторический интерес. Рассмотрение этого периода вооружает нас знаниями и выводами, которые актуальны и важны для нас и сегодня.

Именно в нашу эпоху, существенной чертой которой является революционный переход от капитализма к социализму, во всех частях мира имеется множество людей, особенно среди молодежи и интеллигенции, перед

которыми стоит задача решения социальных и идейных проблем своего времени так же остро, как она в свое время стояла перед молодыми Марксом и Энгельсом. Изучение процесса идейного развития молодых Маркса и Энгельса во всей его сложности помогает глубже понять динамику объективных и субъективных моментов, общую закономерность в становлении и развитии марксизма. Это изучение помогает до конца опровергнуть измышления ряда современных ревизионистов и буржуазных философов, будто Энгельс был чужд идеям гуманизма и положил начало одностороннему «сциентизму» в марксизме.

Само собой разумеется, что исторические и общественные условия развития, формы и содержание идейной борьбы и социальные изменения сегодня принципиально иные, чем во времена Маркса и Энгельса. Когда Маркс и Энгельс в начале 40-х годов прошлого века стали идеологами пролетариата, последний как самостоятельно действующая политическая сила только появился на арене истории. В то время только отдельные личности теоретически разрабатывали новые общественные и идейные проблемы, появление которых было исторически обусловлено классовой борьбой пролетариата. Маркс и Энгельс должны были прежде создать философско-мировоззренческое и теоретико-методологическое научное обоснование всемирно-исторической миссии рабочего класса и указать пути его освобождения.

В настоящей главе показано идейное развитие молодого Энгельса от его первых конфликтов с христианской религией и буржуазным мировоззрением до выработки той новой философской, мировоззренческой позиции, которая впоследствии дала возможность Энгельсу вместе с Марксом всесторонне обосновать и разработать теорию научного социализма и объединить научный социализм с рабочим движением, создав коммунистическую партию.

1. Первые мировоззренческие конфликты

Фридрих Энгельс происходил из буржуазной, консервативной и пиетистской семьи. Он родился в Бармене (Вуппераль). Как он писал сам, он с детства был воспи-

тан в крайностях ортодоксии и пиетизма; в церкви, в школе, дома ему внушали всегда безусловную, слепую веру в Библию и в соответствие между учением Библии и учением церкви и даже особым учением каждого священника [1]. В городской школе в Бармене, куда Энгельс ходил до 14 лет и где он получил начальные знания по физике, химии и французскому языку, господствовал тот же, что и в родительском доме, стесняющий всякое духовное развитие дух пиетизма.

Из этого мрачного мира пиетизма, в котором всякое естественное проявление радости считалось грехом, Энгельс вырвался лишь в 14 лет. В эльберфельдской гимназии, которая тогда признавалась одной из лучших в прусском государстве [2], пытливому и любознательному подростку открылся новый мир. Здесь царил сравнительно свободный дух гуманистического воспитания и образования, прислушивались даже к либеральным идеям и устремлениям времени. После унылых лет и грустного опыта строго пиетистского воспитания молодой Энгельс впервые вздохнул свободно. Атмосфера гимназии содействовала тому, что в душе его зародились сомнения в истинности религиозной веры.

Со времени пребывания в эльберфельдской гимназии намечается тот глубокий принципиально важный процесс духовного развития, который завершился полным теоретическим преодолением буржуазного мировоззрения и обоснованием мировоззрения качественно нового, научного. Этот огромной значимости процесс начинается скорее стихийно, чем сознательно, но как следствие приобретения новых знаний, полученных молодым гимназистом в самых различных областях. Энгельс с большим интересом и жаром воспринимал знания, но вначале пытался привести их в согласие со своей религиозной верой. Однако он уже чувствовал, что благородные образы и подвиги, о которых рассказывается в народных сказаниях, захватывают его и возбуждают его юношескую фантазию, а великие гуманистические и свободолюбивые идеи и идеалы немецкой и мировой литературы больше соответствуют его юношеским стремлениям и надеждам,

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 313.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 465.

чем скучные картины и образы Библии. В особенности светлый образ юного героя Зигфрида. В юношеском, еще неотчетливом стремлении к свободе Энгельс выбрал тогда его себе за образец; многие годы образ Зигфрида был ему особенно близок.

Как ни глубоко был захвачен Энгельс миром поэзии и сказаний, науки и искусства, это могло лишь на короткие промежутки времени заставить его забыть мир пиетизма, царивший в родительском доме, пробуждало и усиливало в нем сомнения в истинности веры, но не могло еще уничтожить саму веру. В то время Энгельс надеялся даже обрести внутреннюю свободу и покой, вернувшись к бездумной вере своего детства. Так, в 16 лет, готовясь к конфирмации, он попытался с глубокой серьезностью и благочестивым рвением еще раз побороть все религиозные сомнения, зародившиеся в его юной душе. Он раскаивался в своем жизнелюбии, считая это грехом, и попытался найти союз с богом, отвернувшись от «мирских дел», в круговорот которых он попал, как он считал, из-за внутренней оппозиции к родительскому дому, из-за своих занятий поэзией, науками и искусствами.

Но вскоре Энгельс вновь поворачивается лицом к жизни, к «мирским делам», от которых он собирался было бежать. Его еще неопределенное стремление к свободе и самостоятельности направлено теперь, однако, не вспять, в прошлое, не к героям старинных сказаний и времен; впервые он обращается к актуальной политической и социальной теме. В «Рассказе о морских разбойниках», написанном в 1837 г., он изображает освободительную борьбу греческого народа против турок, борьбу, которая восхищала тогда либералов и демократов. Энгельс заявляет в этом сочинении о своей солидарности с греческими корсарами, которые умеют ценить свободу и готовы бороться за свободу эллинов [1].

Обращение 17-летнего Энгельса к политической теме и активное участие в революционно-демократическом движении, в которое он вскоре вступает, представляют собой первый важный шаг в формировании его мировоззрения.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. II. М.—Л., 1929, стр. 444.

2. Переход Энгельса к революционному демократизму и к гегелевской философии (1838—1840 гг.)

Летом 1838 г. Энгельс покидает свой родной город Бармен и уезжает в Бремен, чтобы готовиться к коммерческой деятельности. За время пребывания в Бремене, с августа 1838 по март 1841 г., молодой Энгельс переживает решающий этап своего идейного развития. Это развитие приводит его вначале к революционному демократизму, а вскоре к младогегельянству. Годы жизни в Бремене имели для идейного становления Энгельса такое же решающее значение, как годы пребывания в Берлине — почти в то же время — для развития Маркса.

О политическом и мировоззренческом развитии Энгельса в бременский период дают представление, с одной стороны, его письма, в особенности братьям Греберам, а с другой — многочисленные статьи, которые он писал в «Телеграф», «Моргенблатт», выходивший в г. Котта, и в другие газеты. Если публикации молодого Энгельса показывают главным образом его политическое развитие в направлении революционного демократизма, то письма братьям Греберам отражают больше глубокие внутренние конфликты и религиозные сомнения, которые он переживал и преодолевал в бременское время. Нельзя отделить политическое развитие молодого Энгельса от развития его мировоззрения, так же как и его духовное развитие нельзя отделить от политического. Они переходят одно в другое, взаимно проникают, дополняют и оплодотворяют друг друга.

Подготовка к будущей профессии и работа в конторе никогда не занимали Энгельса целиком, не говоря уже о том, что они не приносили ему внутреннего удовлетворения. Как это было уже в эльберфельдской гимназии, свою любовь и склонности он отдавал по-прежнему литературе и истории, искусству и поэзии, музыке и языкам. Свободное время он посвящал чтению и научным занятиям, публицистической деятельности и занятию различными искусствами. Он внимательно следил не только за современной немецкой литературой, но и читал многие иностранные книги и газеты. Благодаря своим исключительным лингвистическим способностям он уже в 19 лет был в состоянии читать, кроме французской и англий-

ской, также итальянскую, испанскую, португальскую и голландскую литературу и объясняться письменно и устно на всех этих языках.

О политических и идеологических успехах, которых достиг Фридрих Энгельс в первые месяцы своего пребывания в Бремене в результате интенсивных занятий литературой, свидетельствуют особенно ярко его «Письма из Вуппераля», опубликованные в марте — апреле 1839 г. в журнале «Телеграф фюр Дейчланд». В этих письмах Энгельс рисует на основе своих наблюдений и опыта глубоко впечатляющую картину господствующих на его родине, в Вуппертале, социальных и политических условий, положения религии и состояния культуры. Он показывает удручающе тяжелую социальную и духовную жизнь трудящегося населения, которую он мог постоянно наблюдать с детских лет и которая врезалась в его сознание. Правда, Энгельс не мог еще вскрыть конкретных экономических причин ужасающей нищеты низших классов, особенно фабричных рабочих. Однако он уже понял зависимость между капиталистической фабричной системой и религиозным ханжеством, с одной стороны, и бедственным социальным положением и духовно-моральной деградацией фабричных рабочих — с другой. Фабриканты и владельцы мастерских используют пиетизм как идеологическое средство для оправдания тяжелых условий работы и нищенской жизни фабричных рабочих и ремесленников. Для Энгельса ясно, «что из фабрикантов хуже всех со своими рабочими обращаются пиетисты: они всевозможными способами снижают рабочим заработную плату...» [1].

Симпатии Энгельса совершенно определенны — он на стороне рабочих, угнетенных и эксплуатируемых. Он осуждает капиталистических предпринимателей, которые с помощью пиетизма и мистицизма идеологически оправдывают бесчеловечную эксплуатацию и расслоение народа на два враждебных лагеря: «добропорядочных» пиетистов-фабрикантов и беспутных людей, т. е. эксплуатируемых и бесправных рабочих с их семьями [2]. По мнению Энгельса, капиталистическая фабричная система и пиетизм связаны неразрывно.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 456.
[2] См. там же.

«Письма из Вупперталя», в которых Энгельс так горячо становится на сторону рабочих, угнетенных и эксплуатируемых и так беспощадно критикует капитализм и пиетизм, не только свидетельствуют о его политическом развитии в направлении революционного демократизма, но указывают и на прогрессивный сдвиг в его мировоззрении весной 1839 г. В чём он выразился, Энгельс подробно писал, в частности, в своих письмах Фридриху и Вильгельму Греберам.

В этих письмах Энгельс высказывал свои безоговорочные симпатии июльской революции во Франции, в которой он видел самое прекрасное со времени освободительной войны проявление народной воли[1]. Так же безоговорочно — кстати говоря, он пишет об этом впервые — он становится на сторону Гейне и Бёрне, творчество которых приобрело особенно большое значение после июльской революции и на которых опирается новое поколение, «умеющее использовать литературу и жизнь всех народов. . .» [2].

Это новое поколение, к которому Энгельс причислял и себя, объединяет лучших представителей «Молодой Германии», — Гейне, Бёрне, Гуцкова, Кюне, Лаубе, Винбарга и многих других, в которых осознали себя «идеи времени» или «идеи века» [3]. Энгельс принимает эти идеи, потому что они не представляют «чего-то демагогического или антихристианского, как их клеветнически изображали; они основываются на естественном праве каждого человека и касаются всего, что противоречит этому в современных отношениях. Так, к этим идеям относится, прежде всего, участие народа в управлении государством, следовательно, конституция; далее, эмансипация евреев, уничтожение всякого религиозного принуждения, всякой родовой аристократии и т. д. Кто может иметь что-нибудь против этого?» [4].

С воодушевлением принимая эти демократические идеи и стремления «Молодой Германии», он, с другой стороны, решительно отмежевывался от поверхностной, трескучей фразеологии и всех пессимистических тенден-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 279.
[2] Там же.
[3] См. там же, стр. 280.
[4] Там же.

ций и настроений, которые имелись в литературе «Молодой Германии».

Политическое развитие Энгельса и его оппозиционное отношение к господствующим общественным и политическим порядкам в значительной степени усилили его критический взгляд на религию. Чтобы разрешить религиозные сомнения, все чаще появляющиеся у него, Энгельс после прочтения осенью 1838 г. некоторых сочинений Якоба Бёме берется в апреле 1839 г. за изучение философии и критической теологии. Чтение работ Фридриха Шлейермахера укрепляет Энгельса в намерении «бороться сколько хватит сил с пиетизмом и верой в букву» [1]. На дальнейшее духовное развитие Энгельса оказал сильное влияние в первую очередь младогегельянец Давид Фридрих Штраус. Теперь Энгельс признает религиозное, или божественное, лишь в той степени, в какой оно отражается и развивается в истории и в идее человечества и может быть объяснено человеческим разумом. Этот взгляд означает по существу отказ от всякой традиционной церковной веры. Сводя божественное к человеческому разуму и гуманности, он предвосхищает мысль, которую вскоре разовьет Людвиг Фейербах в своей «Сущности христианства».

Под влиянием Штрауса Энгельс перешел от движения «Молодой Германии» к младогегельянскому движению, после того как уяснил себе, что многочисленные противоречия Библии исключают ее божественное происхождение и что вера в бога и соединение с ним не могут быть достигнуты разумом и несоединимы с ним. В письме Вильгельму Греберу от 8 октября 1839 г. Энгельс, ссылаясь на Штрауса, окончательно прощается со своей «вуппертальской верой» и своими религиозными сомнениями. Он пишет: «...я теперь восторженный штраусианец. Приходите-ка теперь, теперь у меня есть оружие, шлем и щит, теперь я чувствую себя уверенным; приходите-ка, и я буду вас колотить, несмотря на вашу теологию, так что вы не будете знать, куда удрать» [2].

Через несколько недель Энгельс сообщает Вильгельму Греберу, что он не может больше вернуться к христианству. Нельзя думать, что «человек, стряхнувший

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 305.
[2] Там же, стр. 316.

с себя, во имя идеи, мир представлений ортодоксии, способен снова надеть на себя эту смирительную рубашку... Штраус так мне осветил Гегеля, что это кажется мне довольно правдоподобным... Я как раз на пороге того, чтобы стать гегельянцем... Его (Гегеля) философия истории как бы вычитана из моей души» [1].

В одном из своих последних писем Ф. Греберу Энгельс пишет, что у него нет больше охоты продолжать теологический диспут, что он успел освободиться от туманных категорий. «Благодаря Штраусу я нахожусь теперь на прямом пути к гегельянству» [2]. Прежде всего он штудирует теперь «Философию истории» Гегеля. Это — «грандиозное произведение; каждый вечер я обязательно читаю ее, и ее титанические идеи страшно захватывают меня» [3].

Гегелевская система представляется Энгельсу такой «циклопической постройкой», что только одного-единственного фрагмента ее, если вообще можно разбить на «плиты» эти «гранитные мысли», будет достаточно, чтобы «раздавить весь Бремен». «Свались, например, на шею какого-нибудь бременского пастора со всей своей силой мысль, что всемирная история есть развитие понятия свободы, — как бы он взвыл!» [4]

Энгельс видел единственно возможный путь осуществления философии в ее соединении с революционной политической борьбой. В то время как многие младогегельянцы удовлетворялись тем, что видели в одной лишь мыслительной «критике» существующего осуществление гегелевской философии, Энгельс, исходя из идей «Молодой Германии», пытался осуществить гегелевскую философию через ее соединение с наиболее крайним, прогрессивным направлением «Молодой Германии», с творчеством Людвига Бёрне. Стремление Энгельса соединить гегелевскую философию с политикой, демократией и революцией выделяет его из младогегельянского движения, в рамках которого он действовал с начала 1840 г., не являясь, однако, младогегельянцем по существу.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 330.
[2] Там же, стр. 333.
[3] Там же, стр. 334—335.
[4] Там же, стр. 335.

3. Позиция Энгельса в младогегельянском движении (1840—1842 гг.)

С помощью философии Гегеля Энгельс смог подвести под свои политические и социальные идеи и устремления более основательный философский фундамент, чем абстрактное, заимствованное от просветителей естественное право каждого человека [1], на которое он до этого — по примеру Бёрне — опирался.

Из писем молодого Энгельса братьям Греберам ясно видно, как глубоко заинтересовала его с самого начала философия Гегеля. В первую очередь основные идеи Гегеля, что «вся мировая история есть история понятия свободы», что «человечество и божество по существу тождественны», страшно захватили Энгельса, так как он считал, что нашел в них адекватное философское обоснование своим собственным гуманистическим и революционным устремлениям.

Чем глубже Энгельс проникал в сущность гегелевской философии, ее диалектики, тем яснее он понимал, что эта философия может осуществиться не «из себя самой», а только соединившись с революционной политической борьбой. Этот вывод определил в дальнейшем его критическое отношение не только к самой гегелевской философии, но и к тем толкованиям, которые она получила в сочинениях различных представителей гегелевской школы, в том числе и младогегельянской. Уже в этом отношении философско-мировоззренческую позицию Энгельса в рамках младогегельянской школы следует рассматривать как особую и вполне самостоятельную; она характеризуется сознательным соединением рациональных и революционных элементов гегелевской философии с революционными политическими тенденциями литературного творчества Л. Бёрне в единое мировоззрение, причем Энгельс отрицал как всякий консерватизм в гегелевской философии, в особенности в религиозной и политической областях, так и аскетизм и другие негативные моменты в творчестве Бёрне.

Ф. Энгельс считал главной задачей времени объединение и взаимопроникновение идей Гегеля и Бёрне, мысли

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 280.

и действия, науки и жизни. В статьях, написанных в 1840—1842 гг., он неоднократно возвращается к этой задаче. В статье «Ретроградные знамения времени», опубликованной в феврале 1840 г., где он впервые открыто выступает как сторонник философии Гегеля, Энгельс указывает на необходимость осуществить «взаимодействие науки и жизни, философии и современных тенденций, Бёрне и Гегеля...»[1]. Еще с большей определенностью и ясностью Энгельс проводит эту мысль в статье «Эрнст Мориц Арндт», написанной почти год спустя. В ней он выступает с требованием «взаимного дополнения» Бёрне и Гегеля: ведь оба они, хотя и различным и противоположным образом, работали «над развитием немецкого духа», один — как «человек мысли», другой — как «человек политической практики»[2].

Взаимное дополнение и соединение Гегеля и Бёрне, политической практики и философской теории кажется Энгельсу тем более необходимым, что представители младогегельянской школы, например Руге и Кёппен, сами уже пришли к тому, чтобы сделать из гегелевской философии также и революционные политические выводы, и эти выводы идут в том же направлении, в каком мыслил и действовал Бёрне. Летом 1842 г. Энгельс последний раз поднимает тему Гегель и Бёрне в статье «Александр Юнг», опубликованной в теоретическом органе младогегельянцев «Немецкие ежегодники науки и искусства». До написания этой статьи Энгельс неоднократно высоко оценивал значение Бёрне в политической борьбе своего времени. В статье о А. Юнге Энгельс называет истинными сынами автора «Парижских писем» (Бёрне) теперь уже не деятелей «Молодой Германии» Гуцкова и Винбарга, а «философских либералов»[3], т. е. младогегельянцев. В этой связи Энгельс приходит к следующему выводу: «Без прямого и косвенного влияния Бёрне свободному направлению, вышедшему из школы Гегеля (т. е. младогегельянцам), было бы гораздо труднее конституироваться. Но теперь все сводилось лишь к тому, чтобы расчистить засыпанные пути мысли между Гегелем и Бёрне, а это было не так уж трудно. Оба эти

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 356.
[2] Там же, стр. 368, 369.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 478.

человека стояли друг к другу ближе, чем это казалось. Непосредственность, здоровые воззрения Бёрне являлись практической стороной того, что́ Гегель имел в виду, по крайней мере, теоретически» [1].

Соединение прогрессивной философии и прогрессивной политики в единое диалектическое целое было для молодого Энгельса такой же мировоззренческой задачей, как в то же время для молодого Маркса соединение Гегеля и Бёрне, которое представлялось Марксу гарантией того, что его революционные стремления и действия совпадают с объективной исторической необходимостью.

Энгельс считал, что гегелевская философия, обобщив предшествующее всемирно-историческое развитие и опыт, доказала всеобщую всемирно-объективную закономерность и необходимость в развитии разума ко все более высоким формам выражения и существования в исторической и общественной жизни, ко все более высокому духовному и моральному совершенству, ко все большей свободе человека. Политика и государство не являются, согласно этой философии, силами, существующими отдельно от общего развития разума и самостоятельными по отношению к нему. Скорее они интегрированы как существенные и необходимые моменты в общий ход развития духа. Их разумное назначение может состоять поэтому лишь в том, чтобы помогать осуществлению этого развития и требований разума в качестве движущей силы.

Как и Карл Маркс, Фридрих Энгельс в отличие от младогегельянцев придавал наибольшее значение именно объективности в гегелевской трактовке истории. Поэтому Энгельс со всей резкостью выступал против *всякого* субъективного произвола, который проявляли в особенности представители «Молодой Германии», а также против искаженной, субъективистской трактовки гегелевской философии со стороны Шеллинга, А. Юнга и некоторых младогегельянцев. «...Не нужно быть особенным знатоком Гегеля, — писал Энгельс, выступая против попытки субъективистского искажения Гегеля со стороны А. Юнга, — чтобы знать, что он стоял на гораздо более высокой ступени, придерживаясь точки зрения *примирения* субъекта с объективными силами, что он относился

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 478.

с огромным почтением к объективности, ставил действительность, существующее гораздо выше субъективного разума отдельной личности и от последней как раз и требовал признания объективной действительности разумной. Гегель не был пророком субъективной автономии, как полагает г-н Юнг и как она проявляется в форме произвола у «Молодой Германии». Принцип Гегеля — тоже гетерономия, подчинение субъекта всеобщему разуму, а иногда даже, как, например, в философии религии, — всеобщему неразумию. Больше всего Гегель презирал рассудок, а что̀ это такое, как не разум, фиксированный в своей субъективности и единичности»[1]. Энгельс считал невозможным привести в соответствие субъективизм «Молодой Германии» с гегелевской философией, так как она полностью основывается на признании объективности развития разума.

В результате изучения гегелевской философии Энгельс был так глубоко убежден в объективной закономерности и необходимости исторического процесса, что решительно отвергал всякое субъективистское мировоззрение, неизбежно ведущее к дуализму, к произволу и анархизму. Великое значение философии он видел именно в том, что она поставила перед собой задачу «понять мир как нечто разумное». То же, что в историческом развитии мира оказывается разумным, заключает Энгельс, то, конечно, и необходимо; «...все, что необходимо, должно быть или, по крайней мере, стать действительным. Это служит мостом к великим практическим результатам новейшей философии»[2]. Эти «практические результаты» следует усматривать в том, что новейшая философия, прежде всего в виде левогегельянского направления, продолжая гегелевскую диалектику разума, борется против всего, что оказалось в господствующих политических, религиозных и общественных отношениях настоящего времени неразумным, что задерживает развитие и осуществление разума и свободы и поэтому потеряло право на существование.

Эта кратко охарактеризованная здесь мировоззренческая позиция Энгельса определяет всю литературно-критическую и публицистическую деятельность Энгельса

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 476.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 402.

с того времени, когда он в конце 1839 г. пытался соединить свои революционно-демократические идеи и устремления с философией Гегеля в единую систему мировоззрения. В уже упоминавшейся статье «Ретроградные знамения времени» Энгельс выступает против представителей реакционной немецкой и французской литературы, которые, приспосабливаясь к реакции, хотели бы «уничтожить свободную мысль» и ищут темы в прошлых столетиях, а в языке пользуются устаревшими формами.

Он выступает здесь и против представителей «исторической школы», которые пропагандируют только все традиционное и признают только «органическое», замедленное развитие истории. Энгельс защищает диалектическую точку зрения, согласно которой историческое развитие протекает *по спирали*, витки которой поднимаются вверх сначала медленно, а потом все быстрее и выше [1].

Согласно взглядам Энгельса в отличие от точки зрения Гегеля, история в своем развитии ко все более высоким формам не знает границ, не знает конца. Но история в своем развитии не всегда движется только вперед, иногда это развитие связано и с временными отступлениями, например политическими реакциями, которые в свою очередь — и здесь проявляется уже замечательная способность Энгельса исследовать взаимодействие всех сторон исторического процесса — могут оказывать отрицательное, реакционное действие на другие стороны общественной жизни, на социальное, духовное и художественное развитие. Однако в конечном счете подобные временные отступления, согласно диалектическому взгляду Энгельса на историю, являются лишь исходным пунктом для новых, более быстрых успехов на более высоком уровне. В борьбе нового со старым победа в конечном счете на стороне новых сил, хотя этот процесс противоречив, а иногда и отбрасывает развитие назад.

Однако эта победа — и это Энгельс все время подчеркивает — не приходит сама, ее нужно завоевать. Энгельс вспоминает «славную эпоху освободительной войны», видя ее великое историческое значение и уроки в том, что «мы вооружились, не ожидая всемилостивейшего дозволения государей, что мы даже *заставили* властите-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 353—354.

лей стать во главе нас, словом, что мы выступили на одно мгновение как источник государственной власти, как суверенный народ...» [1]. Если тогда надо было изгнать из страны внешнего врага, чужеземного завоевателя, то теперь надо вести борьбу против внутреннего врага, против собственных угнетателей народа, князей и королей. И здесь перед нами снова «дух времени», гегелевская философия, из которой Энгельс выводит историческое и нравственное право на революционную борьбу против исторически изжившей себя феодальной реакции. Как могла прусская реакция, которая до сих пор считала, что опирается на философию Гегеля, но никогда не давала себе труда «проникнуть в смысл неясных форм системы и тяжеловесного стиля Гегеля», — как могла она знать, «что из тихой гавани теории эта философия отважится выйти в бурное море событий, что она уже обнажает меч, чтобы ополчиться как раз на практически существующее положение вещей?» [2]. Новое учение должно сначала, считал Энгельс, «утвердиться, получив признание нации, чтобы затем иметь возможность свободно и последовательно развить свои жизненные принципы» [3]. Этому содействовала, по мнению Энгельса, прежде всего деятельность младогегельянцев.

Как можно заключить на основании всех публикаций Энгельса в 1840 и в начале 1841 г., Энгельс во время своего пребывания в Бремене вырабатывал мировоззрение, которое базировалось на гегелевской философии, на диалектике, но было свободно от каких бы то ни было религиозных представлений и религиозной веры и в котором революционная теория и революционная практика объединялись в тенденции в единое целое. Его стройная, хотя в это время еще основывающаяся на идеализме система взглядов об объективности всего сущего, об объективности закономерности и необходимости в развитии мира, природы и общества не позволяла Энгельсу делать какие-либо уступки субъективному идеализму, в какой бы форме последний ни выступал. Энгельс оставался верен этому взгляду всю свою жизнь, также и тогда, когда он вместе с Марксом подвел под него диалектико-мате-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 366.
[2] Там же, стр. 369.
[3] Там же.

риалистическую базу. Поэтому он всегда был врагом анархизма и мелкобуржуазного революционаризма. Оптимистичность его мировоззрения основывалась именно на том, что он был уверен: его взгляды на вещи и явления мира, в том числе и его революционные политические идеи и устремления, находятся в соответствии с объективным, закономерным и необходимым ходом мирового развития. На этом основывается его безусловная уверенность в победе демократической революции над феодальной реакцией.

Такова была идейная позиция Фридриха Энгельса, когда он, полный боевого духа, покинул в конце марта 1841 г. Бремен и вернулся в свой родной Бармен.

В сентябре 1841 г. Энгельс уехал в Берлин, чтобы пройти там в качестве вольноопределяющегося одногодичный срок военной службы. В свободное время он занимался военными науками, посещал лекции Шеллинга, Мархейнеке и Мишле в Берлинском университете и вскоре вошел в круг берлинских младогегельянцев, так называемых свободных. Энгельс был первым среди тех, кто начал борьбу против «философии откровения» Шеллинга. Ему шел тогда 21-й год.

Работы Энгельса, направленные против Шеллинга, дают нам яркое представление о его тогдашних философских взглядах. Энгельс защищает Гегеля против Шеллинга в общем в духе младогегельянской школы, но не с позиций субъективного идеализма, на которых стоял, например, Бруно Бауэр, а с позиций идеализма объективного, на которых стоял сам Гегель. Энгельса побудили выступить против Шеллинга причины не только философско-мировоззренческого порядка, но и политические. Он критиковал Шеллинга как идеолога прусской реакции с позиции революционного демократизма, опирающегося на гегелевскую диалектику.

В первой статье против Шеллинга Энгельс упрекает его в отходе от прежней философской позиции тождества, от принципов разума и науки, обвиняет его в том, что он предал свободу. Раньше Шеллинг еще верил во власть разума и в прогресс свободы, в то время как теперь он подчиняет философию разума мистической философии откровения и приспосабливает ее к потребностям христианской религии и монархического государства. Шеллинг хочет, с одной стороны, изобразить все

развитие философии начала XIX в., которое было обязано своими достижениями Гегелю, Фейербаху, Штраусу, Руге и «Немецким ежегодникам», так, чтобы приписать се завоевания себе, своим собственным ранним философским работам, а с другой стороны, отказывает разуму в праве осуществиться и подчинить себе бытие, отрицает по сути дела не только свою собственную прежнюю позицию, но и весь прогресс философской мысли за последние 40 лет, выходящий за рамки идей молодого Шеллинга [1].

В брошюре «Шеллинг и откровение» Энгельс развивает критику Шеллинга и дает очень ценный с точки зрения истории философии обзор развития гегелевской философии с начала века до младогегельянцев. Он обращает внимание на ограниченность и непоследовательность, которые допускает Гегель и которые обусловлены отчасти временем, в котором он жил, отчасти его личностью,— это относится особенно к его философии религии и философии права. Принципы гегелевской философии несут печать «независимости и свободомыслия», выводы же, которые сделал из них Гегель, «нередко осторожны, даже нелиберальны» [2].

Энгельс решительно отвергает философию откровения Шеллинга. Разум, который у Шеллинга осознает себя лишь «потенцией» познания и останавливается на этой потенции, Энгельс характеризует как неразумие. «Только тот разум является действительным разумом, который доказывает свою состоятельность в акте познания...» [3]

Разум является не только «возможностью», но «и абсолютной силой, необходимостью познания. Последняя, однако, должна проявиться, должна познавать» [4]. Тезис Шеллинга, направленный против Гегеля,— разум может познать лишь сущность вещей, но не может доказать их существования — Энгельс называет полнейшей путаницей, так как «ни Гегелю, ни кому-либо другому не приходило в голову доказывать существование какой-либо вещи, не имея для этого эмпирических предпосылок; он доказывает только необходимость существующего» [5].

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 411.
[2] Там же, стр. 397.
[3] Там же, стр. 411.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 412.

В то время как Шеллинг рассматривает разум абстрактно, приписывает ему «домировое существование, совершенно оторванное от всякого другого существования», разрывает дуалистически единый мир, «вывод новейшей философии... который лишь Фейербах со всей остротой довел до сознания, состоит в том, что разум может существовать только как дух, а дух может существовать только внутри и вместе с природой, а не так, что он в совершенной изолированности от всей природы, бог весть где, живет какой-то обособленной жизнью» [1].

В противоположность попыткам Шеллинга превратить «идею» в «надмировое существо», в «личного бога» Энгельс подчеркивает монистический принцип гегелевской философии. «Реальность идеи у Гегеля есть не что иное, как природа и дух. Поэтому у Гегеля абсолютное не дано дважды... Идеально-реальное, завершенное в себе абсолютное есть именно единство природы и духа в идее» [2]. Правда, Гегель не проводил монистический принцип последовательно и со всей определенностью, как, в частности, видно в его философии религии, где сделаны уступки христианской вере. Именно против этого первые выступили младогегельянцы. Они развивали исключительно гегелевскую диалектику. «Гегелевская диалектика, эта могучая, вечно деятельная движущая сила мысли, есть не что иное, как сознание человечества в чистом мышлении... Там, где, как у Гегеля, все совершается само собой, божественная личность излишня» [3]. Выработке этого сознания способствовал — сознательно или несознательно — сам Гегель и этим «открыл новую эру сознания потому, что он завершил старую». Поэтому тот факт, что Л. Фейербах в «Сущности христианства» решительно отвергает всякое теологизирование философии, Энгельс рассматривает только как логический вывод из самой гегелевской философии.

В этом Энгельс еще не усматривает принципиальной противоположности материализма Фейербаха гегелевскому идеализму, скорее он причисляет Фейербаха к младогегельянскому движению и рассматривает его критику христианства только как «необходимое дополнение

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 412.
[2] Там же, стр. 420.
[3] Там же, стр. 441.

к основанному Гегелем спекулятивному учению о религии. Последнее достигло своей вершины в Штраусе, и догма посредством своей собственной истории *объективно* разрешается в философскую мысль. В то же время Фейербах сводит религиозные определения к *субъективным* человеческим отношениям, но при этом не только не уничтожает выводов Штрауса, а как раз и подвергает их проверке, и оба они приходят к одному и тому же выводу, что тайной теологии является антропология»[1].

Энгельс выступает здесь как восторженный поклонник Фейербаха, потому что Фейербах преодолел дуализм Шеллинга и признал права как человека, так и природы. «Занимается новая заря... — пишет Энгельс. — Мир, который был нам до сих пор так чужд, природа, скрытые силы которой пугали нас, как привидения, — как родственны, как близки стали они нам теперь... Природа раскрывается перед нами и взывает к нам: Не бегите от меня, я не отвержена, я не отреклась от истины... Всякая разорванность, всякий страх, всякий раскол исчезли. Мир опять стал целым, самостоятельным и свободным... И самое любимое дитя природы, человек, возвратившись после долгой борьбы... к своей матери... превозмог также свое собственное раздвоение, раскол в своей собственной груди. После томительно долгой борьбы и стремлений над ним взошел светлый день самосознания»[2]. Как ни притягательна для Энгельса светская, антитеологическая, антропологически-материалистическая позиция Фейербаха, он еще не вполне осознал органическую связь между религией и философским идеализмом, хотя Фейербах достаточно ясно доказал, что религия и теология могут быть преодолены теоретически только тогда, когда порывают с идеализмом и переходят к материализму.

И во второй брошюре против Шеллинга[3], в которой Энгельс в пародийной форме высмеивает Шеллинга за его переход в лагерь реакции, он исповедовал принципы философии Гегеля. Он интерпретировал ее, но пользовался ею очень критически, а именно соответственно своей революционно-демократической позиции и обращая

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 443.
[2] Там же, стр. 443—444.
[3] Там же, 446—465.

её на действительность, на природу и историю в последовательно гуманистическом и атеистическом смысле, не делая, однако, еще из этого материалистических выводов.

На этой точке зрения он стоит не только в своей последней статье из Берлина — уже упоминавшейся критике в адрес А. Юнга, — но и в работе «Фридрих-Вильгельм IV, король прусский», которую он написал перед отъездом в Англию (в октябре 1842 г.) [1]. В этой статье ясно проявился революционный демократизм Энгельса и его критическое отношение к гегелевской философии права.

Энгельс не хочет руководствоваться в своем изложении ненавистью или местью угнетенной партии, гневом, который вызывала прусская цензура. В его намерения не входит также оценка личных качеств короля; он дает оценку королю лишь в той степени, в какой его личность и его действия отражают характер определенного, реакционного прусского государства, возникшего и развившегося на основе «христианского принципа». *«Фридрих-Вильгельм IV,* — пишет Энгельс, — всецело продукт своего времени, личность, которую можно полностью объяснить только в том случае, если исходить при этом объяснении из развития свободного духа и его борьбы против христианства... Он представляет собой самый крайний вывод из принципа пруссачества; в нем этот принцип проявляется в своей последней попытке собраться с силами, но в то же время в полном своем бессилии перед свободным самосознанием. С Фридрихом-Вильгельмом IV завершилось соответствующее этому принципу развитие прежней Пруссии; она немыслима в новой форме, и если Фридриху-Вильгельму удастся провести свою систему практически, то Пруссия должна будет либо проникнуться совершенно новым принципом... либо потерпеть крушение, если у нее нехватит сил для такого прогресса» [2].

Уже в тезисах, которые Энгельс затем развивает подробно, раскрывается вся непримиримая противоречивость, которая характерна для развития Пруссии и которая, по мысли Энгельса, с необходимостью должна при-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 487—495.
[2] Там же, стр. 488.

вести ее к революции. Фридрих-Вильгельм IV олицетворял монархистско-христианский принцип в духе протестантизма. Он объединял в своем лице высшую государственную и высшую церковную власть. Целью этой государственной формы «является слияние государства и церкви, как оно выражено у Гегеля» [1].

Это утверждение Гегеля Энгельс, как и все младогегельянцы, решительно отвергает, поскольку оно противоречит диалектике разума, о которой пишет сам Гегель, и является, следовательно, неразумным и реакционным. Энгельс доказывает, что прусское государство, будучи христианским, запуталось в множестве внутренних противоречий, которые коренятся в сущности и всей истории христианства и которые оно именно потому, что хочет быть христианским государством, никогда не в состоянии будет разрешить [2].

Статья Энгельса о Фридрихе-Вильгельме IV не только ярко характеризует его точку зрения на революционную демократию, но и его критическое отношение к гегелевской философии права и к младогегельянцам. Младогегельянцы по существу удовлетворялись в это время признанием того факта, что прусское государство как государство, связанное с христианством и теологией, находится, таким образом, в противоречии с «государством разума», с идеальной, разумной сущностью государства, какого требует философия. И так как государство *по самой своей природе* является разумным и в этом отношении враждебным религии, оно может и должно быть перестроено средствами «критики», если оно противится разуму и выдвигает в качестве своего принципа неразумие, христианство. На этом берлинские «свободные» остановились, а в 1843—1845 гг. они деградировали, превратившись в заурядных буржуазных либералов; Энгельс пошел дальше. Он потребовал, как делал это и Маркс, начиная свою деятельность в «Рейнской газете», преобразования христианского, неразумного государства в разумное путем *революции народа.* При этом Маркс и Энгельс еще опирались в определенной мере на гегелевскую философию, используя ее для того, чтобы показать народу, общественности прусское христианское государство как

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 489.
[2] См. там же.

государство, которое противоречит «истинному» понятию государства, исторически устарело и стало реакционным и поэтому потеряло право на существование. Все это лежит в общем еще в русле гегелевской философии и младогегельянства. Но Маркс и Энгельс выходят уже существенно за его рамки в том отношении, что видят решающее средство свержения старого государства и основания нового государства разума не в словесной «критике», а в революции народа.

Почти четырехлетняя публицистическая деятельность молодого Энгельса к тому времени, когда он покинул Германию и переселился в Англию, привела его к убеждению, что эта революция в пруссаческой Германии закономерно созрела и стала неизбежной.

4. Переход Энгельса на позиции коммунизма и материализма (1842—1844 гг.)

С переездом в Англию начинается новый этап в философско-мировоззренческом и политическом развитии молодого Энгельса. В результате непосредственного знакомства с социальными условиями Англии он сталкивается с вопросами, которые раньше играли только подчиненную роль в его мышлении. Это прежде всего социальные и экономические отношения Англии, совокупность вопросов, связанных с классовой борьбой и социальной революцией, идеями социализма и коммунизма, которые с этого времени становятся для Энгельса чрезвычайно важными и дают новое направление его мыслям.

Правда, Энгельс еще и раньше, как показывают его «Письма из Вупперталя», занимался социальными вопросами, но до сих пор его волновали, определяя его идейное развитие, в первую очередь религиозные, литературно-эстетические, политические и философские проблемы. Только в Англии он почувствовал необходимость вплотную заняться социальными вопросами и проблемами социализма во всем их многообразии и историческом значении. Поэтому не удивительно, что именно социальные проблемы Англии стали центральной темой всех статей и обзоров, которые Энгельс написал из Англии

для «Рейнской газеты», «Швейцарского наблюдателя», «Немецко-французских ежегодников» и других газет и журналов.

Уже первые несколько дней непосредственного знакомства с «английскими условиями», с чрезвычайно острыми социальными противоречиями между богатством и бедностью, буржуазией и пролетариатом произвели на Энгельса такое сильное впечатление, что в своей второй, написанной в Англии статье он ставит очень важный вопрос: «Возможна ли, более того, вероятна ли революция в Англии?» [1] Изучение этого вопроса и ответ на него привели Энгельса к глубокому конфликту с его идеалистическим мировоззрением. Вначале он пытался ответить на этот вопрос с позиций своего сложившегося в Германии, в общем пока идеалистического, понимания истории. В то время как «закоснелый» британец все жизненные вопросы ставил «на национально-английскую точку зрения непосредственной практики, материальных интересов», Энгельс заявил, «что так называемые материальные интересы никогда не могут выступить в истории в качестве самостоятельных, руководящих целей, но что они всегда, сознательно или бессознательно, служат принципу, направляющему нити исторического прогресса» [2].

Пытаясь доказать истинность этого идеалистического положения, Энгельс выводит необходимость революции из противоречия между консервативным, отставшим «на несколько столетий от континента» политическим положением страны и «ушедшим за это время вперед духовным развитием». Энгельс показывает противоречие между устремлениями господствующих политических сил, включая законодательство и парламент, с одной стороны, и «волей народа» и «общественного мнения» — с другой, которые не имеют ни малейшего влияния на правительство. Такое полное противоречий состояние не может продолжаться длительное время, считает Энгельс [3].

Но Энгельс сам замечает, что его идеалистическая дедукция не убедительна. Он видит, что приходится по-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 498.
[2] Там же, стр. 498, 499.
[3] См. там же, стр. 499.

кинуть «поле принципиальных вопросов» в указанном смысле слова. «В Англии, — сообщает он немецкому читателю, — по крайней мере среди партий, которые теперь оспаривают друг у друга господство, среди вигов и тори, не знают никакой борьбы принципов, знают только конфликты материальных интересов. Следовательно, было бы справедливым и этой стороне дела воздать должное» [1]. И он изучает материальные, прежде всего *экономические*, предпосылки, которые обусловили развитие Англии и на основании которых он пытается объяснить затем также и классовые отношения, политические столкновения и приближение социальной революции. Таким образом, он впервые становится на путь исследования, который приведет его к конфликту с идеализмом и рано или поздно должен будет неизбежно привести к материалистическим выводам.

«Англия по своим природным условиям — бедная страна, — пишет Энгельс, — и, кроме преимуществ своего географического положения, своих железных рудников и угольных копей, не обладает ни плодородной почвой, ни какими-либо другими природными богатствами, если не считать некоторого количества тучных пастбищ. Таким образом, Англия всецело зависит от торговли, судоходства и промышленности, и с их помощью она сумела подняться на ту высоту, которую она занимает. Но из самой природы вещей вытекает, что та страна, которая пошла по этому пути, может держаться на однажды достигнутой высоте только при непрерывном росте промышленного производства; всякая остановка была бы здесь уже регрессом» [2].

Из этих условий существования английского промышленного государства проистекают «естественные следствия», т. е. становятся закономерными ряд внутренних и внешних противоречий (пошлины, кризисы, конкуренция и т. д.), «в тисках которых находится Англия» и решить которые «промышленное государство само по себе неспособно...» [3]. Энгельс, в частности, изучал социальные последствия промышленного развития Англии. Правда, это развитие принесло Англии большое богатство, но

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 499.
[2] Там же, стр. 499—500.
[3] Там же, стр. 500.

и создало также «класс неимущих», «абсолютно бедных» людей, который живет со дня на день, который быстро растет, класс, который потом нельзя устранить. А между тем третья часть и даже почти половина всех англичан принадлежит к этому классу. Малейший застой в торговле обездоливает значительную часть этого класса, большой торговый кризис лишает хлеба весь класс. «Когда создается такое положение, что еще остается этим людям, как не восставать? А по своей численности этот класс стал самым могущественным в Англии, и горе английским богачам, когда он осознáет это» [1].

Правда, это сознание еще не развито. Пролетарии питают еще иллюзии, что могут улучшить свое положение с помощью революции законным путем [2]. Но такая революция, по словам Энгельса, «является противоречием, практической невозможностью...» [3]. Волнения рабочих в августе 1842 г. учат, что «только насильственное ниспровержение существующих противоестественных отношений, радикальное свержение дворянской и промышленной аристократии может улучшить материальное положение пролетариев. От этой насильственной революции англичанина удерживает еще свойственное ему почтение к закону...» [4].

Энгельс убежден, что вместе с растущим промышленным развитием, с ухудшением жизненного положения рабочих во время кризисов и голода исчезнет страх перед законом [5]. «Эта революция неизбежна для Англии, но как во всем, что происходит в Англии, эта революция будет начата и проведена ради интересов, а не ради принципов; лишь из интересов могут развиться принципы, т. е. революция будет не политической, а социальной» [6].

Из статей Энгельса с очевидностью следует, что он изучал и оценивал общественные отношения в Англии в сущности с позиции пролетариата. Он посещал манчестерские фабрики и рабочие кварталы, чтобы лично по-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 501—502.
[2] См. там же, стр. 502.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 503.
[5] См. там же.
[6] Там же.

знакомиться с условиями труда и жизни рабочих, принимал участие в митингах и собраниях и общался с их руководителями. Он начал изучать сочинения социалистов-утопистов и труды по английской экономике, чтобы теоретически вникнуть в проблемы экономической и социальной жизни капитализма и прежде всего «со всех сторон понять положение работающего класса». С позиций этого класса он оценивал другие классы и партии капиталистического общества.

То обстоятельство, что Энгельс мог заниматься экономическими, социологическими и политическими исследованиями именно в Англии, самой развитой тогда капиталистической стране, и что он там с самого начала близко соприкасался с английским рабочим движением, чартизмом, а также с «Союзом справедливых», имело чрезвычайно важное значение для его идейного и политического развития. Позднее сам Энгельс подчеркивал, что в Манчестере он, «что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу; что они образуют основу, на которой возникают современные классовые противоположности; что эти классовые противоположности... в свою очередь составляют основу для формирования политических партий, для партийной борьбы и тем самым для всей политической истории»[1]. Если, придя к такому выводу, Энгельс пока еще не отказался непосредственно от своего идеалистического толкования истории, то во всяком случае этим в его взгляды были внесены основные элементы *материалистического* понимания истории, которые заставили его вскоре окончательно порвать с идеализмом.

Поворот Энгельса к коммунизму и материализму находит свое более отчетливое, чем в статьях для «Рейнской газеты», выражение в «Письмах из Лондона», которые он публиковал в мае — июне 1843 г. в «Швейцарском республиканце»[2]. В них Энгельс выражает свои симпатии больше к тем людям из круга Р. Оуэна, которые представляли классовые интересы пролетариата и стремились

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 220.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 512—524.

к социализации общественной жизни, чем к чартистам, считавшим достаточной демократизацию государства и общества. Вместе с тем Энгельс заявляет о своем несогласии с Оуэном и другими социалистами-утопистами, так как они хотели осуществить социализм в основном лишь путем воспитания и образования, мирными средствами, а не как чартисты — средствами политической классовой борьбы. Энгельс рассматривал коммунизм не просто как нравственный постулат, как делали это М. Гесс и отчасти В. Вейтлинг, а как выражение глубоких стремлений пролетариата, как результат экономического развития и обусловленных им кризисов и классовых битв.

В этих взглядах нашел свое выражение все более определенный поворот Энгельса к материалистическому истолкованию истории, однако следует подчеркнуть, что Энгельс здесь еще не делает из развития Англии обобщенных выводов, не распространяет их на все капиталистические страны. Вначале он полагал, что только в Англии пролетариат может быть той прогрессивной и революционной общественной силой, которая вызовет и осуществит социальную революцию. В Германии, где пролетариат был еще слаб, революционную роль должны, по его мнению, сыграть люди образованные [1].

Следующий шаг к материализму и коммунизму Энгельс сделал в серии статей «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», которая публиковалась в ноябре 1843 г. в еженедельнике английских социалистов, последователей Оуэна, «The New Moral World» [2]. Энгельс анализирует в этих статьях развитие коммунизма во Франции, Германии и Швейцарии, чтобы убедить читателя в необходимости социальной революции, целью которой является коммунизм. Он рассматривает коммунистические идеи и движения в отдельных странах, специфические исторические причины их возникновения, показывает различия между разными ступенями развития коммунизма и взглядами его представителей и то общее, что их объединяет. Особое значение для понимания взглядов Энгельса того времени имеет его утверждение, «что коммунизм — не следствие особо-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 513.
[2] См. там же, стр. 525—541.

го положения английской или какой-либо другой нации, а необходимый вывод, неизбежно вытекающий из предпосылок, заложенных в общих условиях современной цивилизации» [1].

В этом утверждении Энгельс впервые обобщает взгляды, к которым он пришел год назад в Англии на основе анализа материальных и экономических предпосылок развития английского промышленного государства, классовых отношений и материальных интересов и конфликтов. Тогда Энгельс в силу своего идеалистического мировоззрения лишь отчасти занимался анализом материальных предпосылок жизни общества. Однако новый опыт и порожденные им новые выводы оказывались во все большем противоречии с идеалистическим взглядом на историю. Следует, однако, отметить, что Энгельс в то время еще не порвал окончательно с идеализмом. В серии статей «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» намечаются лишь первые шаги материалистического толкования истории; исследуя коммунизм в отдельных странах, Энгельс исходит из конкретных исторических фактов и выводит коммунистические идеи в значительной степени из существования и противоречивого воздействия на умы людей частной собственности, классов и классовой борьбы. Хотя в результате этого не были еще вскрыты лежащие в основе и в конечном счете определяющие появление коммунизма экономические законы, но было в общем виде сделано указание на главные материальные основы коммунизма.

Утверждение, что возникновение коммунизма определено общими условиями современной цивилизации, Энгельс соединяет с первыми выводами об интернационалистической сущности коммунистического рабочего движения, которые через несколько лет были диалектически включены в марксистское учение о пролетарском интернационализме. Так, Энгельс надеется доказать, что, несмотря на различное происхождение коммунистической доктрины, существующие в отдельных странах расхождения в мнениях имеют второстепенное значение, «что эти разногласия очень незначительны и что они отнюдь не исключают самых сердечных отношений между сторонниками социального преобразования в разных стра-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 525.

нах. Настоятельно необходимо, чтобы они узнали друг друга. И если это будет достигнуто, то я не сомневаюсь, что все они будут горячо желать успеха своим зарубежным братьям-коммунистам»[1]. Хотя представления Энгельса о коммунизме и возможностях его реализации уже существенно отличаются от утопического социализма и коммунизма, на этой стадии развития он еще не смог точно определить необходимые практические и теоретические предпосылки интернационального коммунистического движения.

Коммунизм в Германии Энгельс сводит пока к взглядам Т. Мюнцера, причем он — и в значительной степени уже материалистически — толкует противоречие между Мюнцером и Лютером как выражение *социального* противоречия между народом, в особенности крестьянами, и феодальным дворянством, князьями и помещиками, за которыми Лютер признавал «божественное право» «топтать народ»[2].

Энгельс различал в немецком коммунизме того времени два направления, или две партии. Первая связана с именем Вейтлинга. Энгельс считал, что она, «несомненно, в скором времени объединит весь рабочий класс Германии», так как она «чисто народная» партия[3]. Второе направление — и этим утверждением Энгельс подчеркивал решающий теоретический источник научного социализма — выросло из немецкой классической философии. Философский коммунизм, который Энгельс ценил особенно высоко, является для него логическим и необходимым следствием философского развития от Канта до младогегельянцев, все большее число которых в последнее время переходит от либерализма к коммунизму[4]. «Немцы, — пишет Энгельс, — нация философская, они не пожелают, не смогут отказаться от коммунизма, раз он покоится на здоровых философских основах, в особенности, когда он является неизбежным выводом из их *собственной* философии. И вот задача, которую нам предстоит теперь выполнить. Наша партия должна доказать, что либо все усилия немецкой философской мысли от

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 526.
[2] Там же, стр. 534.
[3] См. там же, стр. 537.
[4] См. там же, стр. 539, 540.

Канта до Гегеля остались бесполезными или даже хуже чем бесполезными, либо их завершением должен быть коммунизм; что немцы должны либо отречься от своих великих философов, чьи имена составляют их национальную гордость, либо признать коммунизм»[1].

Утверждая, что философский коммунизм немцев теоретически превосходил французский и английский коммунизм, Энгельс, с другой стороны, подчеркивал — и здесь снова ясно видно материалистическое направление его развития, — что немцы в практическом отношении, т. е. во всем, что касается практики, фактов современного общественного строя, еще многому должны учиться у английских социалистов. Каким образом Энгельс впоследствии теоретически разрабатывает «факты современного общества», можно проследить по его статьям конца 1843 — начала 1844 г. для «Немецко-французских ежегодников», по «Наброскам к критике политической экономии» и работе «Положение Англии. *Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»*».

Этой работой Энгельс начинает довольно обширное исследование о «Положении Англии», которое он публиковал с 31 августа по 19 октября 1844 г. в виде серии статей в парижской газете «Форвертс».

Работа Энгельса «Наброски к критике политической экономии» — первая большая работа в процессе выработки марксистского мировоззрения, в которой Энгельс в стройном виде дает критический, в сущности своей материалистический анализ экономических основ буржуазного общества, его объективных закономерностей и внутренних противоречий, а также подвергает критике буржуазную экономию с позиций пролетариата и социализма. Эта работа, как считает В. И. Ленин, свидетельствует об окончательном переходе Энгельса от революционного демократизма к коммунизму и от идеализма к материализму, хотя она еще и не вполне свободна от влияния этического утопического и «философского» коммунизма.

В центре работы Энгельса — критика капиталистической частной собственности с ее античеловеческими общественными последствиями и апологетического отноше-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 540.

ния буржуазных экономистов к явлениям современного им общества. Правда, Энгельс еще не делает здесь принципиального различия между классической буржуазной политической экономией и политэкономией вульгарной. Однако его коммунистическая позиция и его все более четко проявляющийся историко-материалистический метод исследования уже дают ему возможность увидеть обусловленный классовыми интересами переход от научного характера классической буржуазной экономии к плоской и грубой апологетике, которой занялась вульгарная экономия. «Чем ближе экономисты к нашему времени, тем дальше они от честности. С каждым прогрессом времени необходимо усиливается софистическое мудрствование, чтобы удержать политическую экономию на уровне века» [1].

Особенностью энгельсовской критики собственности является исторический подход, который характеризуется диалектическими и материалистическими чертами и противостоит внеисторическому, метафизическому способу рассмотрения вопросов буржуазными экономистами. Энгельс рассматривает собственность как явление, возникшее при соответствующих исторических условиях и исчезающее при определенных исторических условиях. Тем самым он опровергал несостоятельные взгляды буржуазных экономистов, рассматривавших собственность совершенно внеисторически, как присущую характеру человека естественную необходимость.

Энгельс вскрыл буржуазный характер политической экономии и охарактеризовал ее как «науку обогащения». Он разоблачил капиталистическую торговлю как действующий под покровом закона обман. В то время как социалисты-утописты пытались разрешить присущие капиталистической собственности противоречия извне, апеллируя к так называемым историческим личностям, диалектик Энгельс, прошедший диалектическую школу Гегеля, знал, что разрешение противоречия может произойти только через взаимную борьбу его сторон, что отрицательная сторона в качестве движущего момента противоречия должна подвергнуть отрицанию противостоящую ей положительную сторону. Это означает, что только пролетариат как отрицательная сторона частной

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 547.

собственности может освободить себя через снятие своего противоречия, т. е. путем уничтожения капитала.

Энгельс исследовал опустошительное действие капиталистической собственности и пришел при этом к первому диалектическому определению таких экономических категорий, как торговля, конкуренция, кризисы, стоимость, монополия, труд. Энгельс понимал эти категории — и здесь проявляется его именно материалистическая позиция — как отражение объективных экономических условий и законов при капиталистических отношениях и разоблачал их идеалистическую фальсификацию буржуазными экономистами. «Но в политической экономии все таким образом поставлено на голову: стоимость, представляющая собой нечто первоначальное, источник цены, ставится в зависимость от последней, от своего собственного продукта. Как известно, это переворачивание и образует сущность абстракции, о чем смотри у Фейербаха» [1].

Энгельс прослеживал с особым вниманием противоречия и взаимодействия между отдельными сторонами экономических явлений. Так, он вскрыл взаимодействие между конкуренцией и монополией, которое происходит на базе капиталистической собственности и вызывает противоречие между общим и личным интересом. Энгельс с очевидностью устанавливает, что закон конкуренции, который вызывает периодически возникающие и принимающие все более всеохватывающий характер кризисы торговли, действует объективно, независимо от воли и сознания участников, «что закон этот — чисто естественный закон, а не закон духа. Это — закон, порождающий революцию» [2].

В своей статье Энгельс неоднократно возвращается к проблеме революции, он дает здесь первое, пусть еще не очень совершенное, обоснование пролетарской революции, выводя ее из существования и действия капиталистической частной собственности, из обусловленного ею «раскола человечества на капиталистов и рабочих, раскола, который обостряется с каждым днем и, как мы увидим, *должен* постоянно усиливаться» [3]. Страстность,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 554.
[2] Там же, стр. 561.
[3] Там же, стр. 558.

с которой Энгельс выступает против капиталистической системы и оправдывающих ее буржуазных экономистов, достигает наивысшего накала в его критике мальтузианства. Он характеризует теорию Мальтуса как «гнусную, низкую доктрину», как «отвратительное кощунство против природы и человечества...» [1]. «При посредстве этой теории мы стали понимать глубочайшее унижение человечества, его зависимость от условий конкуренции; она показала нам, как в конце концов частная собственность превратила человека в товар, производство и уничтожение которого тоже зависит лишь от спроса; как вследствие этого система конкуренции убивала и ежедневно убивает миллионы людей; все это мы увидели, и все это побуждает нас покончить с этим унижением человечества путем уничтожения частной собственности, конкуренции и противоположности интересов» [2].

В результате критического анализа буржуазного общества Энгельс приходит к выводу, что капиталистическая система из-за присущих ей внутренних противоречий движется к гибели. Но она не погибнет автоматически, а будет уничтожена «социальной революцией», которая ликвидирует капиталистическую частную собственность и построит социализм. И Энгельс уже дает понять, кто осуществит эту революцию. Он пишет: «Важнейшим результатом восемнадцатого века для Англии было образование пролетариата вследствие промышленной революции» [3]. Таким образом, Энгельс к концу своего пребывания в Англии приходит в принципе к тем же выводам, к каким Маркс несколько другим путем приходит в это же время в Париже.

Статьи Энгельса для «Немецко-французских ежегодников» и его работы о «Положении Англии» отнюдь не были свободны от влияния этического и «философского» коммунизма. Это влияние чувствуется главным образом в тех моментах, где Энгельс пытается вывести движущие силы исторического развития, идя от античного рабовладельческого строя через средневековое феодальное общество к образованию капитализма, из духовных принципов. Критикуя Карлейля и буржуазных экономистов,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 565.
[2] Там же, стр. 567.
[3] Там же, стр. 617.

Энгельс в некоторых случаях исходит при этом из абстрактно-гуманистических принципов общечеловеческой морали, как их, в частности, развивал Фейербах.

Но в общем ясно, что Энгельс в процессе и в результате диалектического и критического анализа буржуазного общества все более сознательно освобождается от остатков младогегельянских воззрений и ограниченных сторон мировоззрения Фейербаха. Он вырабатывает новую мировоззренческую позицию, которая ориентируется на рабочий класс и пролетарский социализм и в основных своих положениях — если даже Энгельс сам этого еще не формулирует — основывается на прочной историко-материалистической базе и этим качественно отличается от мировоззренческой позиции немецкой классической философии.

Когда в конце августа 1844 г. Маркс и Энгельс встретились в Париже, «выяснилось, — как сообщает сам Энгельс, — наше полное согласие во всех теоретических областях, и с того времени началась наша совместная работа. Когда мы весной 1845 г. снова встретились в Брюсселе, Маркс... уже завершил в главных чертах развитие своей материалистической теории истории, и мы принялись за детальную разработку этих новых воззрений в самых разнообразных направлениях»[1]. Теоретическим и практическим следствием этой работы было создание через два года коммунистической партии и издание «Манифеста Коммунистической партии». Тем самым Маркс и Энгельс осуществили соединение научного социализма с рабочим движением. Это было всемирно-историческим событием. В. И. Ленин писал, что «Манифест Коммунистической партии» есть произведение, завершающее собой формирование основных составных частей марксистской теории, хотя в полной мере всестороннее научное экономическое обоснование социалистической революции было достигнуто только впоследствии в «Капитале» К. Маркса, в завершении и публикации которого великой была заслуга и Фридриха Энгельса.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 220.

Фридрих Энгельс и немецкая идеалистическая философия (Кант и Гегель)

Фридрих Энгельс, равно как и Карл Маркс и В. И. Ленин, был превосходным и глубоким знатоком истории философии. Он основательно изучил историю философского познания от великих представителей античной философии до мыслителей возвышающейся, а затем приходящей в упадок буржуазии. Эта эрудиция была не просто книжным знанием в целях завершения научного образования; она была, как и весь образ мыслей и действий Энгельса, включена в его борьбу за организацию пролетариата в революционный класс, исторической миссией которого является свержение капиталистического, эксплуататорского общества. Превращение пролетариата из класса «в себе» в класс «для себя» не могло произойти без осознания законов развития общественной жизни. Решение этой задачи (в значительной части осуществленное Марксом и Энгельсом) включало сохранение и критическую переработку результатов труда мыслителей прошлых поколений, ибо марксизм опирается на прочный фундамент человеческого знания, достигнутого при капитализме [1].

Это особенно правильно применительно к отношению теории Маркса и Энгельса к великим идеалистическим системам философии Канта и Гегеля. Они представляли собой (до Фейербаха) вершину философской мысли в Германии. Разработка диалектического и исторического материализма Марксом и Энгельсом осуществлялась в форме критического снятия буржуазно-философского мышления при сохранении и дальнейшем развитии всего, что содержалось в нем рационального. Находившиеся вначале еще под влиянием классической немецкой идеалистической философии, в частности Гегеля, с переходом на позиции революционного рабочего класса основоположники марксизма освободились от идеалистического мировоззрения, не отказываясь при этом от продуктив-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 304

ного использования достижений немецкой идеалистической философии, и прежде всего диалектики. Как известно, Маркс даже признавал себя учеником Гегеля. Он, как и Энгельс, настойчиво подчеркивал превосходство классиков философской мысли над самонадеянными философами-эпигонами пришедшей к власти буржуазии.

Основоположники марксизма, высоко оценивая достижения английского и французского материализма XVII и XVIII вв. и развивая дальше его материалистические идеи на качественно ином уровне, в то же время рассматривали классическую немецкую философию как идейно-историческую предпосылку своего собственного мышления, как один из теоретических источников революционного мировоззрения пролетариата. В. И. Ленин писал: «Но Маркс не остановился на материализме XVIII века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — *диалектика,* т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи» [1].

Ленинская характеристика роли классической немецкой философии как теоретического источника марксизма полностью совпадает по содержанию с той оценкой ее значения, которую дал Ф. Энгельс. С юности и до последних лет жизни Энгельс твердо придерживался мнения, что немецкая классическая философия была важной теоретической предпосылкой возникновения и развития марксистского мировоззрения.

Это подтверждается двумя высказываниями Энгельса. В предисловии к работе «Положение рабочего класса в Англии» он писал: «Немецкий социализм и коммунизм более чем всякий другой исходили из теоретических предпосылок: мы, немецкие теоретики, еще слишком мало знали действительный мир, чтобы действительные отношения могли непосредственно пробудить в нас стремление к преобразованию этой «дурной действительности». Среди тех, кто сейчас является открытым поборником подобных преобразований, едва ли кто пришел к комму-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 43—44.

низму иначе, чем через фейербаховское преодоление гегелевской философии»[1]. А в добавлении к предисловию 1870 г. к работе «Крестьянская война в Германии» в 1874 г. говорится: «Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм, — единственный научный социализм, который когда-либо существовал»[2].

Из этих слов с очевидностью вытекает, что классическая немецкая философия была для Энгельса более чем подчиненным теоретическим вспомогательным средством при разработке мировоззрения пролетариата. Теоретическая разработка содержащихся в немецкой классической философии попыток критического анализа общества явилась в значительной мере объективным историческим моментом возникновения мировоззрения Маркса и Энгельса. Идеи великих представителей классической немецкой философии стали ферментом для радикальной критики немецкой действительности. В пролетариате Маркс и Энгельс открыли реальную силу, которая вместе с преодолением существующих отношений устраняет старую, спекулятивную философию.

Немецкая классическая философия явилась стимулирующим фактором в создании нового, революционного мировоззрения рабочего класса именно потому, что в реальных условиях Германии объективные условия для существования нового класса созревали с большими трудностями и противоречиями. Поэтому Энгельс имел основания констатировать, что немецкий социализм и коммунизм, более чем всякий другой, исходили из теоретических предпосылок. Конечно, это не устраняет того факта, что теория Маркса и Энгельса является выражением интересов пролетариата. Это только подчеркивает особые идейно-исторические предпосылки ее развития. Маркс указывал на эту связь в предисловии к работе «К критике политической экономии», а В. И. Ленин вполне определенно писал: «Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией»[3].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 239.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 498.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30.

По этим высказываниям можно судить, что основоположники марксизма-ленинизма были очень далеки от вульгарно-материалистических взглядов, сводивших роль духовного только к пассивному отражению действительности и недооценивавших большое значение развития идей в человеческой истории. Именно Ф. Энгельс особо подчеркивал активное воздействие идеологической надстройки на общественное развитие.

С такой же решительностью Энгельс постоянно защищал материалистическую точку зрения в понимании истории, согласно которой определяющим фактором общественного развития в конечном счете являются экономические отношения людей. Идеи, как элемент надстройки, отражают экономическую структуру общества. Для Энгельса было совершенно очевидным, что его и Маркса теория, испытав в идейно-политическом плане влияние классической немецкой философии, отразила положение и роль рабочего класса в антагонистическом буржуазном обществе. Материалистическое объяснение развития идей Энгельс применил также в отношении классической немецкой философии; при этом он, как всегда, обосновывал свою точку зрения одновременно с материалистических и диалектических позиций.

Энгельс оценивал классическую немецкую философию как «философскую революцию», предшествовавшую политической революции и явившуюся результатом экономического подъема. В начале работы «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» он выдвигает принципиальное положение, что как во Франции XVIII в., так и в Германии XIX в. философская революция является прелюдией политического переворота. Выражение Энгельса «философская революция» означало, что классическая немецкая философия представляла собой решающий прогресс познания по отношению к прежнему уровню философского мышления. Этот прогресс Энгельс увидел прежде всего в разработке диалектики как учения о противоречивом развитии в природе, обществе и мышлении.

Глубокое научное содержание историко-философского анализа у Энгельса находит свое подтверждение в том, что он не остановился на констатации многообразного теоретического и практического приспособления немецких философов к существующему политическому строю,

а раскрыл перспективность содержания, объективную историческую тенденцию их мышления. Гегелевское положение «Все действительное разумно, и все разумное действительно» предоставило Энгельсу возможность практически использовать этот метод. Не заблуждаясь относительно применения этого положения к «ограниченным правительствам» и «равным образом ограниченным либералам», Энгельс раскрывает его подлинную познавательную ценность, сущность которой состоит в выражении закона противоречивого развития. Хотя сам Гегель и не сделал из своего положения тех выводов, к которым пришел Энгельс, это не помешало последнему подчеркнуть объективное познавательное значение гегелевского тезиса.

В соответствии с принципами материалистического анализа идеологии Энгельс объяснял «философскую революцию», совершившуюся в классической немецкой философии, экономическими факторами. Однако он делал это отнюдь не путем прямого выведения идеального из материального, а учитывал самым тщательным образом сложность взаимных связей между экономикой и идеологией. Об этом свидетельствует его письмо К. Шмидту от 27 октября 1890 г.

Энгельс констатирует, что экономически отсталые страны могут занимать в философии передовое место. Это связано с тем, что философия — как и другие области надстройки — развивается относительно самостоятельно, что развитие идей реализует внутреннюю связь, подчиняющуюся специфическим законам. «Но, как особая область разделения труда, философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит» [1].

Философия олицетворяет определенную отрасль общественного разделения труда, она аналогична частной системе в системе форм общественной деятельности и вместе с тем определяется совокупностью этой системы, способствуя со своей стороны существованию и развитию целого. Таким образом, обусловленность развития философской мысли экономическим базисом не является прямолинейной и непосредственной; оно опосредуется всей

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 419.

структурой общества. В конечном счете как уровень общественного развития вообще, так и качественная природа философской мысли, безусловно, являются результатом процессов, происходящих в базисе общества. Последовательно придерживаясь этой точки зрения, Энгельс сделал вывод о диалектике базиса и надстройки, являющийся серьезным достижением исторического материализма. «Но как во Франции, так и в Германии, — подчеркивал Энгельс, — философия, как и всеобщий расцвет литературы в ту эпоху, была также результатом экономического подъема. Преобладание экономического развития в конечном счете также и над этими областями для меня неоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью: в философии, например, воздействием экономических влияний (которые опять-таки оказывают действие по большей части только в своем политическом и т. п. выражении) на имеющийся налицо философский материал, доставленный предшественниками. Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения» [1].

Научные достижения «философской революции», совершившейся в классической немецкой философии, Энгельс усматривал в восстановлении диалектики, после того как на смену наивно-диалектическому мышлению древних греков пришел господствовавший в XVII и XVIII вв. метафизический метод. В «Анти-Дюринге» о немецкой философии от Канта до Гегеля говорится: «Ее величайшей заслугой было возвращение к диалектике как высшей форме мышления» [2]. В этом высказывании также проявляется характерная черта энгельсовского метода историко-философского анализа, заключающегося в подходе к философским учениям с точки зрения определения их места и роли в прогрессе философского знания. Установив связь философских систем с экономическим и политическим развитием, с классовой борь-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 420.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 19.

бой, он рассматривал их затем в русле относительно самостоятельного развития философских идей и с точки зрения их вклада в мировое развитие философского знания. Не заблуждаясь относительно того, что в классической немецкой философии диалектика искажена идеализмом и обременена многочисленными антидиалектическими предпосылками и выводами, Энгельс подчеркивал свойственную ей объективную истину, определившую место этой философии в человеческой культуре. Эта оценка была дана с учетом той роли, какую сыграла классическая немецкая философия при разработке мировоззрения рабочего класса.

Когда Маркс применил диалектику к политической экономии, гегелевская диалектика (при всей непригодности той формы, которую придал ей Гегель) представляла собой тем не менее единственный элемент «из всего наличного логического материала... который можно было по крайней мере использовать» [1]. Именно такая возможность использования идеалистической диалектики, реализованная Марксом и Энгельсом при разработке материалистической диалектики, обусловила непрерывность в развитии знания от немецкой классической философии до марксизма-ленинизма. Эта непрерывность является стороной, моментом в процессе революции философской мысли, совершенной Марксом и Энгельсом, в дальнейшем развитии материализма в диалектический и исторический материализм.

Рациональным ядром, извлеченным Энгельсом из классической немецкой философии, является, таким образом, диалектика. «Итак, точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть получено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными. Именно в этом духе и выступила сразу же новейшая немецкая философия» [2].

Энгельс высоко оценивал заслугу диалектиков-идеалистов, хотя, как он подчеркивал, они не разрешили

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 496.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 22.

задачу, которую себе поставили, — научно доказать всеобщее развитие в природе, обществе и мышлении. Уже постановка такой задачи означала, по Энгельсу, эпохальную заслугу.

Эта точка зрения проливает новый свет на метод историко-философского анализа Энгельса. Уже побуждения к размышлению, вытекающие из какой-нибудь по-новому поставленной проблемы, Энгельс оценивал весьма высоко. В духе диалектико-материалистического понимания развития как противоречивого движения вперед от низшего к высшему он следил за постановкой новых проблем в истории философии и усматривал в них намечающуюся тенденцию будущего реального, развивающегося прогресса научного познания. Энгельс рассматривал историю идей в их диалектическом развитии, в борьбе нового со старыми, отживающими позициями философского мышления.

* * *

Основной принцип историко-философского метода Энгельса заключался в оценке философских систем согласно их ответу на основной вопрос философии. Основной вопрос философии Энгельс характеризовал как вопрос о соотношении бытия и мышления (в смысле сознания). Этот вопрос он формулировал и в более узком, специальном смысле — как вопрос о соотношении природы и духа. Вопрос, по которому расходятся основные философские направления, гласит: что является первичным; породил ли дух (бог) природу и материальную действительность, или природа и объективная действительность представляют собой основу для возникновения и развития духа, сознания? Революционный переворот, совершенный Марксом и Энгельсом в философии, состоял в том, что они впервые дали всеохватывающий материалистический ответ на основной вопрос философии. В то время как все материалисты до Маркса и Энгельса по своему пониманию движущих сил общественного развития в целом принадлежали к лагерю идеализма, марксизм объясняет как природу, так и общество материалистически. Представители немецкого идеализма превратили идеалистический принцип, идеалистический ответ на основной вопрос философии в ведущий элемент своего мировоззрения и оказались тем самым в плену ненауч-

ного, теологического способа мышления. Энгельс никогда не выражал сомнения в том, что идеализм является ложным мировоззрением и что основные идеалистические позиции философии от Канта до Гегеля должны быть подвергнуты всесторонней критике.

В написанной им совместно с Марксом работе «Святое семейство» раскрывается тайна спекулятивной конструкции наиболее значительного представителя немецкого идеализма — Гегеля, раскрываются теоретические искажения, лежащие в основе объективного идеализма. Сущность спекулятивной конструкции заключается в том, что все общее в явлениях действительности, выражающееся в познании в форме понятий, противопоставляется предметным вещам и явлениям как идеальная субстанция. Реальная действительность низводится до уровня простой видимости, проявления комплекса движения «идей». Реальные предметы философу-идеалисту представляются продуктами таинственной активности идеальных сущностей, продуктами диалектического саморазвертывания объективированных понятий.

Процесс мышления при этом подвергается искажающей абстракции, поскольку чувственный опыт предстает как простое проявление понятийного познания. Это искажение возводится с помощью теолого-идеалистической предпосылки в такую степень, что процесс человеческого мышления представляется как самообоснование идеального принципа мирового духа. В этой идеалистической конструкции — через многократные опосредования — отражается положение буржуазии в общественной жизни, ее реальный отрыв от материальной практики трудящихся масс, производителей материальных благ, а также предпочтение, оказываемое буржуазией умственному труду по сравнению с физическим трудом.

Энгельс подверг идеализм «имманентной» критике путем разоблачения лежащего в его основе теоретического механизма искажения. Он обнажил теоретическую сущность, спекулятивную тайну идеалистического мышления. Однако Энгельс на этом не остановился. Верный принципам материалистического объяснения идеологии, он одновременно раскрыл реальные экономические корни идеалистического искажения. В совместно с Марксом созданной работе «Немецкая идеология» возникновение идеалистического мировоззрения связывается с разделе-

нием труда. Разделение труда становится действительным разделением труда только тогда, когда наступает разделение физического и умственного труда. При этом речь идет о разделении общества на различные классы. Имущий класс монополизирует умственный труд и обрекает неимущий класс на физический труд. «С этого момента сознание *может* действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может *действительно* представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного...» [1]

Эту мысль Энгельс развил в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Как он показал здесь, идеологическая деятельность и ее результаты играли все возрастающую роль в развитии общественного труда. И напротив, роль физического труда отходила на задний план. Это тем более так, что «планирующая работу голова... имела возможность заставить не свои, а чужие руки выполнять намеченную ею работу. Всю заслугу быстрого развития цивилизации стали приписывать голове, развитию и деятельности мозга. Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей... и этим путем с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами в особенности со времени гибели античного мира» [2].

Тем самым Энгельс дал не только «имманентную» критику идеализма, вскрыв лежащее в его основе теоретическое искажение, но и общественно-историческое объяснение этого мировоззрения, дедуцировавшее процесс его возникновения и развития из материальной практики разделенного на классы общества. В этом обществе, а именно в капиталистическом способе производства, объективные экономические условия приводят к господству вещей над людьми, что находит свое идеологическое выражение в религиозно-идеалистическом мировоззрении. Это положение Энгельс мастерски раскрыл в «Анти-Дюринге». «Во всяком обществе со стихийно сложившимся развитием производства, — а современное общество (т. е. капиталистическое. — *Г. Ш.*) является именно таким, —

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 30.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 493.

не производители господствуют над средствами производства, а средства производства господствуют над производителями»[1].

Стихийная форма развития общественных отношений закономерно создает у людей представление, что над их бытием господствует чуждая им судьба, неразгаданная сила. Основные понятия немецкого идеализма, такие, как «сознание вообще», «я», «мировой дух», являются теоретическим отражением тех реальных отношений, при которых люди подчинены продуктам своей собственной деятельности. Только при социализме, как гениально предвидел Энгельс, господство продукта над производителем устраняется. «Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей»[2]. В результате общественные условия существования религии и идеализма оказываются преодоленными и научное материалистическое мировоззрение становится достоянием всех людей.

Из высказываний Ф. Энгельса следует, что идеализм в классической немецкой философии был не только продуктом национальных условий, поскольку они способствовали его развитию, но что он вырос также из общих отношений разделенного на классы общества товаропроизводителей. Этот факт имеет большое значение для конкретного понимания партийной борьбы между материализмом и идеализмом в досоциалистическую эпоху истории человечества. Поскольку в силу объективных общественных условий домарксистский материализм оставался односторонним и несовершенным и в области объяснения исторических событий впадал в идеализм, Энгельс решительно боролся с его мировоззренческой программой.

Ф. Энгельс всегда высоко оценивал правильный исходный пункт домарксовского материализма, однако он безоговорочно вскрывал присущие ему идеалистические моменты. Одновременно он отдавал должное содержавшимся в классических идеалистических системах — прежде всего в системе Гегеля — диалектическому подходу и постановкам вопросов. Материализм английской и французской буржуазии XVII и XVIII вв. остановился на пол-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 303.
[2] Там же, стр. 295.

пути, поскольку он провозглашал историю реализацией «царства разума», которое, как отметил Энгельс, «было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии...»[1]

Фейербах, несмотря на его выдающиеся заслуги в восстановлении материализма, также не был свободен от идеалистического мировоззрения. «Действительный идеализм Фейербаха выступает наружу тотчас же, как мы подходим к его философии религии и этике. Фейербах вовсе не хочет упразднить религию; он хочет усовершенствовать ее»[2]. С другой стороны, о гегелевской системе Энгельс писал, что она представляла собой поставленный на голову материализм.

Из этих высказываний видно, что Энгельс анализировал партийную борьбу в домарксистской философии не метафизически, а диалектически. Борьба между материализмом и идеализмом является движущей пружиной развития философского знания как отражения развивающихся в экономическом базисе общества объективных противоречий. В условиях господства средств производства над производителями до возникновения диалектического и исторического материализма идеалистическим системам никогда не противостоял действительно последовательный материализм, и философы-материалисты при постановке существенных вопросов находились под влиянием идеалистической философии, равно как, с другой стороны, социально прогрессивные философы-идеалисты могли способствовать развитию материализма. Борьба между двумя лагерями — материализмом и идеализмом — проникла даже в отдельные философские системы.

Этот факт не препятствует отнесению тех или иных философов преимущественно к материализму (Демокрит, Гольбах, Дидро, Фейербах и др.) и преимущественно к идеализму (Платон, Лейбниц, Гегель и др.). Равным образом этот факт не мешает подчеркнуть принципиальную правильность исходной позиции домарксистских материалистических философов, а также абсолютную ложность основных предпосылок таких философов-идеалистов, как Лейбниц и Гегель. Энгельс при исследовании

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 17.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 292.

историко-философских процессов использовал именно этот метод подхода и тем самым доказал свою последовательную партийность.

* * *

Эта партийность включает защиту материализма как философской доктрины и принятие всякого достижения в области познания, осуществленного идеалистическими мыслителями в домарксистский период развития философских идей. Эти достижения познания Энгельс искал и находил в особенности в области диалектики. Прежде всего, это касалось восстановления и дальнейшего развития диалектики, за что он положительно оценивал представителей немецкой философии от Канта до Гегеля.

Как отмечал Энгельс в «Диалектике природы», Кант начал свою научную карьеру с того, что подверг историческому рассмотрению Солнечную систему, которую Ньютон считал неизменной. Этот переворот в философском мышлении означал, по выражению Энгельса, величайший прогресс в астрономии со времен Коперника. Примененное Кантом историческое мышление создало отправную точку для всего дальнейшего движения вперед [1]. Так как открытие Канта имело последствия для всей естественной науки и философии, отныне стало неотложной необходимостью рассматривать все явления действительности под углом зрения их возникновения и уничтожения, их развития. «Всеобщая естественная история и теория неба» Канта указала направление, в котором развивалось последующее диалектическое мышление.

Великие заслуги Канта в развитии человеческой мысли не помешали, однако, Энгельсу увидеть принципиальные недостатки его философии. Что касается диалектики, то она в философии Канта проявлялась лишь односторонне и отрывочно. Кант нередко — прежде всего в критике познания — впадал в метафизику; он считал даже, что диалектическое мышление навсегда закрыто для человека и что он в состоянии охватить реальность только категориями аналитико-дискурсивного мышления.

Особенно критиковал и отвергал Энгельс субъективный идеализм Канта, который проявлялся в его пред-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 351.

ставлениях о пространстве и времени как априорных формах чувственного созерцания и о неэмпирическом происхождении понятий. Агностицизм Канта Энгельс характеризовал как «выверт», а решающее опровержение его видел в эксперименте и промышленности. «Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой «вещи в себе» приходит конец» [1].

Так в ходе критики субъективно-идеалистической теории познания Канта Энгельс развивал принципы материалистической теории познания, твердо опираясь на практику и усматривая в практике основу, критерий и цель познания. Одновременно Энгельс отметил содержавшийся в учении Канта материалистический момент, состоявший в признании объективного существования «вещей в себе». В возрождении кантовского мировоззрения неокантианцами Энгельс усматривал шаг назад в науке, состоявший в открытом отрицании материализма и его молчаливо-стыдливом признании. Поскольку материализм давно уже стал единственной плодотворной основой для философии, неокантианское выступление против него имело явно реакционный характер.

В качестве действительно плодотворного объекта для изучения диалектики Энгельс считал гегелевскую философию. «...Учиться диалектике у Канта было бы без нужды утомительной и неблагодарной работой, с тех пор как в произведениях *Гегеля* мы имеем обширный компендий диалектики, хотя и развитый из совершенно ложного исходного пункта» [2].

Энгельс всегда подчеркивал ложность исходного идеалистического пункта гегелевской системы; его приверженность к материализму, выступления против идеализма исключали какое-либо соглашение с религиозно-идеалистическим мировоззрением. Вместе с идеалистической исходной позицией Гегеля Энгельс отбросил систему, сконструированную Гегелем, пытавшимся втиснуть действительность в надуманные схемы.

Одновременно Энгельс исходил из того, что богатое

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 284.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 370.

теоретическое наследие Гегеля необходимо принять и сохранить. Энгельс высвободил диалектику из гегелевской системы, поставил ее с головы, на которой она стояла у Гегеля, на ноги и смог использовать ее, таким образом, материалистически как решающий инструмент для познания действительности. В этом позиция Энгельса полностью совпадала с позицией Маркса, на которого он многократно ссылался при оценке диалектики Гегеля. Такое критическое, но бережное отношение к гегелевскому философскому наследию позже проявил и В. И. Ленин.

Только после того как ложные предпосылки мировоззрения Гегеля были устранены, стало возможным непосредственно обратиться к богатой сокровищнице мыслей, содержавшихся в гегелевской диалектике, и всесторонне их использовать. Энгельс пошел по этому пути. В одном из писем К. Шмидту он подробно описал свой метод оценки гегелевской диалектики. Энгельс ориентировал на то, чтобы находить за гегелевской диалектикой понятий реальную диалектику объективной действительности и выявлять развитые Гегелем взаимосвязи в конкретной реальности. Он дает К. Шмидту следующий совет: «Но никоим образом не следует читать Гегеля так, как читал его г-н Барт, именно для того, чтобы открывать в нем паралогизмы и передержки, которые ему служили рычагами для построений. Это работа школьника. Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи верное и гениальное» [1].

Это замечание имеет принципиальное значение для марксистско-ленинского подхода к использованию гегелевского диалектического наследства. Оно в точности соответствует тому, что Ленин называл «читать Гегеля материалистически». Как отмечал Ленин, он в большинстве случаев отбрасывал такие основные понятия гегелевской философии, как «абсолют», «чистая идея», «бог», и исходил из того, что философия Гегеля представляет собой поставленный на голову материализм [2]. За диалектикой понятий Ленин видел диалектику вещей объективной действительности.

Конечно, нельзя лишь поставить перед диалектикой Гегеля материалистический «знак», чтобы сделать ее

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, стр. 177.

[2] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 93.

пригодной для марксизма-ленинизма. Идеализм насквозь пронизывает не только систему, но и метод диалектики Гегеля, нередко направляя ее достижения снова в метафизическое русло. Так, развивая закон противоречия и закон отрицания отрицания *идеалистически*, в духе ошибочного принципа тождества бытия и мышления, а также идеалистически анализируя проблему соотношения между рассудком (формальная логика) и разумом (диалектическая логика), Гегель делает антидиалектические выводы, которые в конечном счете являются отражением принятой им общей буржуазной классовой точки зрения. Поэтому читать диалектику Гегеля материалистически означает постоянно критиковать ее как идеалистическую диалектику и «снимать» ее материалистически. Только такая теоретическая работа, в ходе которой преодолеваются свойственные гегелевской диалектике искажения, как отражение объективных социальных извращений, открывает доступ к подлинным богатствам гегелевской философии.

Поступая именно таким образом, Энгельс в таких произведениях, как «Анти-Дюринг», «Диалектика природы» и другие, сумел всесторонне использовать гегелевское наследство для развития материалистической диалектики. В результате рассмотрения работ Энгельса под этим углом зрения становится ясным, что он не прошел мимо действительных достижений Гегеля, что он открыл в них перспективные моменты, которые можно было использовать для дальнейшего углубления материалистической диалектики.

Это относится к впервые сформулированным Гегелем трем основным законам диалектики, к его идее о противоречивом развитии, его взглядам на диалектику познания и понятий, его положениям о диалектическом соотношении свободы и необходимости, необходимости и случайности, конечного и бесконечного, причины и следствия. Даже в гегелевской философии истории и в его учении о внутренней цели Энгельс усматривал плодотворную постановку вопросов, которые диалектический и исторический материализм смог наследовать, использовать и развивать дальше.

Таким образом, научный метод, которым руководствовался Энгельс при использовании гегелевского диалектического наследства, и результаты, достигнутые им

при этом, подтверждают правильность его вывода о выдающемся значении философии Гегеля, сделанного в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». «Само собой понятно, что нужды «системы» довольно часто заставляли его здесь прибегать к тем насильственным конструкциям, по поводу которых до сих пор поднимают такой ужасный крик его ничтожные противники. Но эти конструкции служат только рамками, лесами возводимого им здания. Кто не задерживается излишне на них, а глубже проникает в грандиозное здание, тот находит там бесчисленные сокровища, до настоящего времени сохранившие свою полную ценность» [1].

Этот методологический момент в оценке Энгельсом немецкого классического идеализма получил дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина.

Глава четвертая

Энгельс, революционная мысль и марксизм в России XIX в.

Фридрих Энгельс, стоявший наряду с Карлом Марксом у истоков международного коммунистического движения и учения научного социализма, сыграл исключительно большую роль в развитии революционной борьбы и социалистической мысли не только в странах Западной Европы, но и в России. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [2].

В этом сложном и противоречивом историческом процессе исканий революционной мысли, начиная с 40-х до 90-х годов XIX в., в осуществлении благородных стре-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 278.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 8.

мнений русских революционеров найти правильную социалистическую теорию особенно велики заслуги Фридриха Энгельса. Он, как и Маркс, оказал российскому революционному движению неоценимую помощь в переходе к научному социализму, стал идейным вдохновителем русских марксистов 80—90-х годов XIX в.

Исторические судьбы общественного развития и революции в России, борьба прогрессивных сил русского народа против царистской реакции, пути и идеалы русской революции, распространение и становление идей социализма в российском революционном движении на протяжении почти половины столетия — от европейских революций 1848 г. до возникновения революционной социал-демократии в России — стояли в центре внимания Энгельса.

Вырабатывая теорию научного социализма и закладывая основы интернационального социалистического движения, Маркс и Энгельс неизменно обращали свои взоры к России, настойчиво изучали ее историю, язык и культуру русского народа. Они глубоко анализировали экономическое развитие, социальные отношения и политический строй русского общества, верили в победу русской революции и всемерно способствовали ее подготовке. Энгельс, как и Маркс, был тесно связан со многими деятелями российского освободительного движения и представителями передовой русской общественной мысли, высоко ценил труды и деятельность таких идейных вождей русской революционной демократии, как Чернышевский и Добролюбов, героическую борьбу революционных народников 60—80-х годов. На долю главным образом Энгельса выпало установление тесных контактов с первыми русскими марксистами — Г. В. Плехановым и его группой «Освобождение труда», забота о переводах сочинений Маркса и их распространении в России, идейное руководство зарождавшимся здесь революционным социал-демократическим движением.

С именем Энгельса и его идейным влиянием связаны в 80-х — первой половине 90-х годов первые шаги марксистской философской и общественной мысли в России; под его могучим духовным воздействием возникали, распространялись и направлялись против идейных противников марксизма философские и социально-политические труды пионеров марксизма в России. Исключительно ве-

лики заслуги Энгельса в пробуждении революционных сил России к борьбе со всеми видами угнетения.

В 80-х и первой половине 90-х годов первые русские марксисты — участники плехановской группы «Освобождение труда» — порадовали Энгельса своей деятельностью по распространению произведений марксизма, своими первыми теоретическими трудами. 23 апреля 1885 г., после ознакомления с книгой Плеханова «Наши разногласия», Энгельс писал Вере Засулич: «...я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие всякой *выдержанной* и *последовательной* революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны» [1].

Попытки такого применения учения марксизма в России, хотя и не всегда безошибочные, были предприняты уже в 80-е годы Г. В. Плехановым и его группой «Освобождение труда». Решающую же роль в творческом применении учения марксизма к России и в дальнейшем развитии всех сторон марксистского учения в новых исторических условиях в масштабах как России, так и всего мира сыграл В. И. Ленин.

1. Ф. Энгельс и общественное развитие России

На основе материалистического понимания истории, выработанного в процессе научного обобщения и философского анализа экономических и других общественных отношений Германии, Англии, Франции и других западноевропейских стран, Маркс и Энгельс стремились познать особенности общественных отношений России, законо-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, стр. 260.

мерности и пути русской революции. При этом они предостерегали русских мыслителей и революционеров против механического перенесения в Россию созданной ими применительно к Западной Европе теории исторического процесса и рекомендовали делать выводы о применимости или неприменимости тех или иных положений этой теории к социальным отношениям России лишь на основе их всестороннего и конкретно-исторического анализа, с учетом особенностей русского общественного развития. Так, в письме в редакцию русского журнала «Отечественные записки», написанном в 1877 г. (и опубликованном на русском языке впервые в 1886 г. в Женеве в «Вестнике Народной Воли» № 5), К. Маркс предупреждал против попыток Н. К. Михайловского «превратить... исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются...». Маркс на основе исторических примеров сделал глубокий диалектический вывод о том, что «события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой, в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности»[1]. Такую же позицию занимал в своих сочинениях и многочисленных высказываниях о России Ф. Энгельс, предостерегая также против какого-либо априоризма и схематизма в подходе к общественно-историческому развитию России, против игнорирования особенностей этого развития, к чему иногда склонялись некоторые русские либеральные теоретики.

В то же время Энгельс выступал против тех народнических идеологов, типа Михайловского, которые приписывали Марксу и Энгельсу фаталистическую теорию о «вываривании России в фабричном котле» и на этом «основании» отвергали применимость марксизма к русской действительности с ее крестьянской общиной. В про-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 120, 121.

тивоположность таким метафизическим воззрениям, представители которых либо механически переносили на Россию Марксову концепцию исторического пути развития капитализма, либо с порога отвергали ее, поскольку она находилась в противоречии с народническими теориями об «исключительности» России, Энгельс на протяжении почти полувека глубоко изучал конкретные процессы общественно-исторического развития России (как и других стран), чтобы делать выводы о закономерностях ее развития — универсальных и специфических, — опирающиеся на диалектику всеобщего и особенного. Так, в одном из писем 1893 г., отказываясь выносить окончательное суждение об экономическом развитии русской деревни и о русском революционном движении, которые различным образом истолковывались русской эмигрантской литературой, Энгельс писал: «Что же касается жгучих вопросов революционного движения в России и той роли, которую крестьянству может быть доведется сыграть в нем, то на эти темы я не мог бы со всей добросовестностью высказать свое мнение в печати, не изучив сначала весь предмет заново и не пополнив свои весьма недостаточные знания фактов по этому вопросу новейшими данными» [1].

Когда же Энгельс, обращаясь к изучению общественных отношений в пореформенной России и овладев для этой цели русским языком, высказывал свои суждения об общественном развитии России, он показывал образцы диалектического понимания конкретно-исторических его особенностей. Вместе с тем он выступал против тех идеалистических и субъективистских концепций общественного развития (М. Бакунин, П. Ткачев и др.), которые исключали Россию из мирового общественно-исторического процесса и утверждали неприменимость к ней открытых экономической и исторической наукой общих закономерностей социального развития.

В брошюре «О социальном вопросе в России» и других статьях из серии «Эмигрантская литература» (1874—1875), в послесловии к указанной брошюре, написанном в 1894 г., Энгельс дал пример диалектического подхода к анализу общественных отношений, раскрывающего единство всеобщих и специфических сторон их развития.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 65.

В этих работах о социальном вопросе, особенно в послесловии, на основе анализа экономических, статистических и других данных о социальных отношениях в России Энгельс вместе с Марксом сделал важный теоретический вывод о том, что после 1861 г. Россия вступила в новую полосу своего экономического развития, встала на путь капитализма со всеми присущими ему антагонистическими противоречиями и закономерностями. Анализируя «бедственное, совершенно невыносимое положение» крестьянства России в результате реформы 1861 г., после которой оно осталось в кабале у помещиков и царизма, показывая, что народная масса в России, как ни в какой другой стране, придавлена и опутана сетями помещичьего, самодержавного и капиталистического паразитизма, Энгельс раскрывает ошибочность идеалистических утверждений народнического идеолога П. Ткачева о том, будто царское государство «не имеет никаких корней в экономической жизни народа, оно не воплощает в себе интересов какого-либо сословия... У нас, — иронически цитирует он Ткачева, — в этом отношении дело обстоит как раз наоборот; наша общественная форма обязана своим существованием государству, которое, так сказать, висит в воздухе, не имеет ничего общего с существующим социальным строем и корни которого находятся в прошлом, а не в настоящем» [1].

Из философско-социологического анализа коренных антагонизмов феодально-самодержавной России и новых противоречий, порожденных развитием капиталистических отношений в пореформенный период, Энгельс делает также вывод о неизбежности социальной революции, которая, по его убеждению, будет носить не непосредственно социалистический, а буржуазный характер.

Критически рассматривая народнические, полуславянофильские иллюзии Ткачева, Энгельс замечает: «Всякая действительная революция есть социальная революция, поскольку она приводит к господству новый класс и дает ему возможность преобразовать общество по своему образу и подобию. Но г-н Ткачев хочет сказать, что революция будет социалистической, что она введет в России, прежде еще чем мы достигнем этого на Западе, ту общественную форму, к которой стремится западноевропей-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 538.

ский социализм, — и это при таком состоянии общества, когда и пролетариат и буржуазия встречаются пока еще не повсеместно и находятся на низшей ступени развития! И это возможно, мол, потому, что русские являются, так сказать, избранным народом социализма, обладая артелью и общинной собственностью на землю!» [1]

Обращаясь к фактам истории и современной ему действительности, Ф. Энгельс доказывает, что общинная собственность на землю, во-первых, не является исключительно русским явлением, а представляет собой такой институт, который существовал на низкой ступени развития у всех индоевропейских народов от Индии до Ирландии, и, во-вторых, эта община в ряде стран (Польша, Украина и другие европейские страны) превратилась в тормоз сельскохозяйственного производства, разложилась и мало-помалу устраняется, а в других, как, например, в России, она существует при растущем большом неравенстве в благосостоянии отдельных членов общины, выделяет из своей среды богатых крестьян — эксплуататоров остальной крестьянской массы.

Энгельс, как и Маркс, разделяет мнение Н. Г. Чернышевского о возможности для сельской крестьянской общины, если ее спасет от окончательного разложения русская революция, стать свободной от буржуазной собственности и капиталистического расслоения крестьянства, стать элементом возрождения русского общества в более высокой его форме, путем организации совместной обработки земли. «...Общинная собственность в России, — утверждал еще в 1875 г. Энгельс, — давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению» [2].

Но в отличие от крестьянского демократа Чернышевского, Энгельс в полном согласии с Марксом ставит возможность социалистического преобразования русской общины и соответствующего разрешения социальных антагонизмов пореформенного развития в зависимость от радикального и последовательного разрешения коренного социального противоречия в европейском обществе. Перевод сельской общины в высшую (т. е. социалистическую) общественную форму станет возможным не в силу

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 541.
[2] Там же, стр. 545.

ее внутренних источников (а тем более не благодаря так называемым коммунистическим инстинктам русского крестьянина, придуманным народническими идеологами), а «может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, — в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия» [1].

В ряде своих последующих работ, писем и бесед с русскими политическими деятелями Ф. Энгельс опасается, что время для социалистического преобразования русской общины в новую, действительно жизнеспособную форму уже упущено. Он приходит к выводу, что эта община, как и в других странах, разложилась за несколько десятилетий после 1861 г. под влиянием капиталистического способа производства и все более превращается в анахронизм, феодальный пережиток, тормозит развитие производительных сил России и классовую борьбу сельского пролетариата и полупролетариата против помещиков, кулаков и других эксплуататоров в деревне.

В предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» Маркс и Энгельс отмечали, что русская община — форма первобытного общего владения землей — сильно уже разрушена быстро развивающейся капиталистической горячкой и образующейся буржуазной земельной собственностью. Они утверждали: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» [2]. Ожидания Маркса и Энгельса тогда не сбылись: революция в России ни в 1881—1882 гг., ни несколько позднее не произошла, так же как не осуществилась тогда и ожидаемая ими пролетарская революция в капиталистически развитых странах Западной Европы.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 546.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 305.

Развивая мысли Маркса о возможностях социалистических преобразований в России, Энгельс, побуждаемый к решению этого вопроса русскими деятелями не только народнического, но и формирующегося марксистского направления, в 1894 г. снова возвращается к социальному вопросу в России. «Русская община, — утверждал он с полной определенностью, — просуществовала сотни лет, и внутри нее ни разу не возникло стимула выработать из самой себя высшую форму общей собственности; точно так же обстояло дело с германской маркой, кельтским кланом, индийской и другими общинами с их первобытно-коммунистическими порядками... В одной из европейских стран она сохранила относительную жизненную силу до такого времени, когда в Западной Европе не только товарное производство вообще, но даже его высшая и последняя форма — капиталистическое производство пришло в противоречие с созданными им самим производительными силами, когда оно оказывается неспособным управлять долее этими силами и когда оно гибнет от этих внутренних противоречий и обусловленных ими классовых конфликтов»[1]. Отсюда Энгельс делал вывод, что «инициатива подобного преобразования русской общины может исходить исключительно лишь от промышленного пролетариата Запада, а не от самой общины. Победа западноевропейского пролетариата над буржуазией и связанная с этим замена капиталистического производства общественно управляемым производством, — вот необходимое предварительное условие для подъема русской общины на такую же ступень развития»[2].

Вместе с тем Энгельс отнюдь не исключает возможности некапиталистического развития экономически отсталых стран под влиянием вдохновляющего примера и при условии активной поддержки промышленного пролетариата, который своей победоносной революцией в более или менее развитых странах капитализма создал предпосылки для социалистических преобразований в таких экономически отсталых странах, как Россия. «Только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло рас-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 443—444.
[2] Там же, стр. 444.

цвета, только тогда, когда отсталые страны увидят на этом примере, «как это делается», как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом, — только тогда смогут эти отсталые страны встать на путь такого сокращенного процесса развития. Но зато успех им тогда обеспечен. И это относится не только к России, но и ко всем странам, находящимся на докапиталистической ступени развития» [1].

Эти глубокие и яркие мысли Энгельса, тесно связанные с научным анализом противоречий экономического, социального и политического развития России в пореформенный период, послужили наряду с марксовым анализом капиталистического процесса и классовой борьбы в буржуазном обществе одним из важнейших источников ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, ленинских идей о некапиталистическом пути развития народов ранее отсталых стран.

2. Проблемы революционного движения в России и его международное значение

Фридриха Энгельса на протяжении почти полувека не покидал интерес к вопросу о русской революции, ее целях, характере и сроках, о ее месте в международном революционном движении. «Мы, — писал Энгельс, имея в виду и Маркса, — живейшим образом интересуемся всем, что способствует... революционному движению в такой стране, как Россия, которая находится накануне всемирно-исторического кризиса...» [2].

Маркс и Энгельс связывали судьбы социалистической революции с победой пролетариата в крупнейших странах Западной Европы, где уже к середине XIX в. сложился и выступал в качестве активной политической силы рабочий класс. И вместе с тем Маркс и Энгельс надеялись на то, что революционная Россия сыграет большую роль и в судьбах европейского освободительного движе-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 446.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 357.

ния. Гневно осуждая российский царизм, который уже в 1848—1849 гг. выступил в качестве одного из главных душителей европейской революции, Энгельс в 1851 г. выражал надежду, что союзником революционной Германии могла бы стать Россия «при условии, что там произойдет крестьянская революция»[1]. В статье «Европа в 1858 году» Энгельс отмечал, что «из всех наций Европы Россия первая пробудилась от... политической летаргии», вызванной поражением европейских революций 1848—1849 гг., и указывал, что с отменой крепостного права «пробуждение к политической жизни более образованных кругов русского общества полно добрых предзнаменований»[2].

Энгельс, как и Маркс, связывал надежды на крестьянскую революцию в России с той революционной ситуацией, которая сложилась в 1859—1861 гг., и с возраставшим возмущением народных масс России социальными последствиями буржуазной реформы 1861 г., проведенной царизмом в интересах помещиков. Подъем стихийных крестьянских движений накануне реформы и в начале 60-х годов, рост разночинно-демократического движения и развитие революционной мысли в России 60-х годов подтвердили предвидение Энгельса. Вместе с тем 60—70-е годы были периодом наступления самодержавно-помещичьей реакции на революционное движение в России, показали, что и после Крымской войны царизм смог продолжать свою реакционную политику борьбы с революционным движением и передовой общественной мыслью Европы.

Отсрочка наступления революционного переворота в России и реакционные действия царизма, оправившегося от нанесенных ему в 50-х — начале 60-х годов внешних и внутренних ударов, не привели к какому-либо разочарованию Маркса и Энгельса в русском революционном движении и его перспективах. Они и в 70-х годах считали, что отмена крепостного права ускорила процесс разложения старого общества и Россию ожидает социальная революция. «Великий акт освобождения, на все лады расхваленный и прославленный либеральной прессой Европы, создал не что иное, как лишь твердое осно-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 240.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 672.

вание и абсолютную необходимость будущей революции»[1].

Тогда же в брошюре «О социальном вопросе в России» Энгельс, анализируя положение в пореформенном русском обществе, прозорливо определял те движущие силы, которые могут стать участниками грядущей русской демократической, но не социалистической революции, как думали А. И. Герцен, М. А. Бакунин, П. Н. Ткачев и другие русские революционеры народнического направления.

Энгельс полагал тогда, что революцию в России начнут ее «высшие классы (имелись в виду дворянские революционеры, разночинная интеллигенция и, возможно, растущая столичная буржуазия. — *М. И.*) ...но крестьяне развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса; эта революция, — продолжал Энгельс, — будет иметь величайшее значение для всей Европы хотя бы потому, что она одним ударом уничтожит последний, все еще нетронутый резерв всей европейской реакции»[2]. В предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» в 1882 г. Маркс и Энгельс сделали вывод о том, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе... Русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе...»[3].

Революцию в России Энгельс считал «ближайшим поворотным пунктом во всемирной истории». В письме к румынскому социалисту И. Нэдежде в 1888 г. Энгельс утверждал, что «революция в России в данный момент спасла бы Европу от бедствий всеобщей войны и положила бы начало всемирной социальной революции»[4]. Ф. Энгельс в 1878 г. предвидел, что в России назревают все элементы русского 1789 г., за которым неизбежно последует 1793 год. «А раз уж дело дойдет до революции в России — изменится лицо всей Европы»[5]. Знаменательно, что эти и другие пророческие мысли Маркса и Энгельса о международной роли русской революции послужили одной из идейных предпосылок создания

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 144.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 548.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 305.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 5—6.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 124.

и развития российского социал-демократического движения.

Энгельс в статье «Внешняя политика русского царизма» высказывал предположение о том, что европейская реакция может прийти на помощь шатающемуся царизму. «...Когда сам этот главный оплот перейдет в руки революции, реакционные правительства Европы потеряют последние остатки самоуверенности и спокойствия; им тогда придется рассчитывать лишь на свои собственные силы и они скоро почувствуют, насколько это меняет положение. Возможно, они решатся даже на то, чтобы послать свои войска для восстановления царской власти, — какая ирония всемирной истории!» [1].

В 1890 г. Энгельс надеялся, что перемена политического строя в России, свержение царского абсолютизма произойдут в ближайшие годы. Произошло это через 27 лет — в 1917 г. В связи с этим критики марксизма часто говорят об ошибках Маркса и Энгельса в оценке наступления сроков русской революции. По поводу этой «ошибки» Маркса и Энгельса Ленин писал: «Да, много ошибались и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции, в надеждах на победу революции... Но *такие* ошибки гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач, — в тысячу раз благороднее, величественнее и *исторически ценнее, правдивее*, чем пошлая мудрость казенного либерализма...» [2]

3. Энгельс и русская революционная мысль второй половины XIX в.

Огромный интерес Энгельса и его великого друга Маркса к историческим судьбам России, их самая радужная, говоря словами Ленина, вера в русскую революцию и ее могучее всемирное значение самым тесным образом связаны с тем неизменным вниманием, какое проявляли основоположники марксизма к русской общественной

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 51.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 249.

мысли, к русским исканиям правильной революционной теории. Многосторонние идейные и нередко организационные связи установили Маркс и Энгельс с представителями различных течений революционной русской мысли — от революционных демократов и народников (П. Л. Лавров, С. М. Степняк-Кравчинский, Г. А. Лопатин, М. А. Бакунин, которого, отдавая дань его революционному прошлому, Маркс ввел в I Интернационал) до членов Русской секции I Интернационала (Н. И. Утин, Е. Л. Томановская-Дмитриева и др.), а затем марксистской группы «Освобождение труда» (В. И. Засулич, Г. В. Плеханов). Маркс и Энгельс, которых глубоко волновали назревшие проблемы социальной и политической жизни России, проявляли живой интерес к различным течениям русской общественной мысли; в связи с этим они вступали в контакты, встречались, вели переписку и с теми прогрессивными в то время русскими деятелями, которые не стояли на революционных позициях. В числе корреспондентов Маркса и Энгельса были и либеральный просветитель П. В. Анненков, утопист-коммунист Н. И. Сазонов, видный социолог профессор М. М. Ковалевский, близкий к либеральному народничеству экономист Н. Ф. Даниельсон, склонявшийся к «легальному марксизму» профессор Н. И. Зибер и многие другие видные русские публицисты и ученые.

К сожалению, в 50—60-х годах XIX в., видимо в связи с происками М. А. Бакунина, который пытался поссорить Герцена с Марксом и Энгельсом, и его раскольнической линией в I Интернационале, Маркс и Энгельс были далеки от русских революционных демократов А. И. Герцена и Н. П. Огарева и порой выступали против них. Однако они проявляли большой интерес к их «Колоколу», к некоторым литературным и публицистическим сочинениям Герцена («Былое и думы», «О развитии революционных идей в России» и др). Будучи противниками мелкобуржуазного утопического социализма, в том числе и его русской разновидности, представители которого видели единственно надежный источник социалистического развития в крестьянской общине, Маркс и Энгельс рассматривали западноевропейский промышленный пролетариат как главную активную силу социалистических преобразований общества. Герцен же лишь в последние годы своей жизни, в конце 60-х годов, стал обращать свой взор

к пролетариату. В связи с этим Маркс и Энгельс неоднократно и остро критиковали утопические, народнические заблуждения идеологов «русского крестьянского социализма», не соглашались с их утверждениями об исконно социалистическом характере крестьянской общины. Маркс и Энгельс, по всей видимости, не были знакомы с материалистическими трудами А. И. Герцена («Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы» и др.), опубликованными в России до его отъезда в эмиграцию. Зная об идеалистических иллюзиях Герцена в отношении русской крестьянской общины и связывая его деятельность с анархистскими и панславистскими взглядами и действиями Бакунина, Маркс и Энгельс подвергали сомнению научный характер и самостоятельность его мировоззрения. Окружение А. И. Герцена и Н. П. Огарева, которое составляли анархиствующие деятели, такие, как Бакунин и Нечаев, с одной стороны; и мелкобуржуазные реформисты и либералы из ряда европейских стран — с другой, не способствовало идейному общению и организационным контактам между вождями революционного пролетариата и Герценом и Огаревым, питавшим до 60-х годов либеральные иллюзии и допускавшим серьезные тактические ошибки (например, поддержку Огаревым Бакунина и Нечаева).

У Маркса и Энгельса могло появиться и появилось предположение, будто Герцен является полуславянофилом, пытающимся «обновить» Европу с помощью отсталых общественных форм славянских народов, что он стал центром, вокруг которого концентрировались либеральные и мелкобуржуазные элементы из западноевропейских стран (например, прудонисты, бакунисты и т. п.), противостоящие международному революционному рабочему движению, руководимому I Интернационалом, враждебные научному социализму. Далеко не все в этих сомнениях Маркса и Энгельса по отношению к Герцену, к его взглядам и деятельности было справедливо и достаточно обоснованно. Но и Герцен со своей стороны долгое время, по крайней мере до конца 60-х годов, не понимал величайшего значения социалистического учения Маркса и Энгельса и деятельности руководимых ими организаций пролетарских революционеров, присоединяя свой голос к несправедливым нападкам на немецкую социал-демократическую эмиграцию.

Маркс и Энгельс не заметили происшедшего в 60-х годах перехода Герцена к революционному демократизму, причисляли его к аристократам и противопоставляли ему русских революционеров из среды народа. Они ошибочно считали его «панславистским беллетристом», который изображал «русских крестьян как истинных носителей социализма, прирожденных коммунистов в противоположность рабочим стареющего, загнивающего европейского Запада, которым приходится лишь искусственно вымучивать из себя социализм» [1].

Всесторонняя и верная оценка позиций и деятельности Герцена была дана В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена» и других работах.

Иное, чем к Герцену, отношение сложилось у Энгельса и Маркса к Н. Г. Чернышевскому и Н. А. Добролюбову — выдающимся революционным крестьянским демократам, которых Энгельс называл социалистическими Лессингами, считал замечательными учеными и критиками. И в 1894 г. в послесловии к работе «О социальном вопросе в России» Энгельс вновь подчеркивал различие между Герценом и Ткачевым, с одной стороны, Чернышевским и его сторонниками — с другой. «...Русская община, — писал он, — привлекла внимание и заслужила себе признание и таких людей, которые стоят несравненно выше Герценов и Ткачевых. В их числе был и Николай Чернышевский, этот великий мыслитель, которому Россия обязана бесконечно многим...» [2].

К. Маркс и Ф. Энгельс были знакомы с экономическими, социально-политическими и литературными произведениями Чернышевского и Добролюбова и высоко ценили их, ставили их как писателей наряду с Дидро и Лессингом. Наука пока не располагает, однако, неопровержимыми доказательствами того, что Марксу и Энгельсу были известны те философские и эстетические работы Чернышевского («Антропологический принцип в философии», «Эстетические отношения искусства к действительности», «Характер человеческого знания» и др.), которые представляют собой философский фундамент мировоззрения русской революционной демократии 60—80-х го-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 543.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 441.

дов. Эти работы были впервые проанализированы в марксистской литературе Г. В. Плехановым в работе «Н. Г. Чернышевский» (1890 г.) (публикацию которой на немецком языке горячо приветствовал Ф. Энгельс) и получили высокую оценку как произведения воинствующего материализма в работах В. И. Ленина конца 90-х годов и в 900-х годах.

В известном ответе переводчице Е. Паприц, которая сетовала на то, что работы русских социалистов будто бы «продиктованы чувствами, а не идеями, не знаниями», что «они поднимают революционный дух, но не дают глубоких познаний», Энгельс дал очень яркую и заслуженно высокую оценку теоретической деятельности Чернышевского и Добролюбова, отделив их от некоторых «школ» русского революционного народничества того времени (имелись в виду Бакунин, Ткачев и, возможно, Герцен и Лавров). Энгельс писал: «...Вы немного несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть еще кое-где блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только о революционных социалистах, действующих на практике, но также об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в этом отношении в Германии и Франции официальной исторической наукой. И даже среди революционеров-практиков наши идеи и экономическая наука, коренным образом переработанная Марксом, всегда встречали понимание и симпатию»[1].

Если, говоря в 1884 г. об историко-критической школе в русской литературе, Энгельс, видимо, имел в виду, с одной стороны, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, а с другой — Флеровского, то в последнем случае он отмечал интерес к экономическим трудам К. Маркса со стороны таких народников, как Г. Лопатин и Н. Даниельсон, и особенно активную деятельность только что созданной группы «Освобождение труда».

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 147.

Глубокое уважение и симпатии Маркс и Энгельс питали к лучшим представителям русского революционного народничества. Энгельс полностью разделял мысли Маркса, высказанные им в 1870 г. в письме от имени Генерального совета Международного Товарищества Рабочих членам его Русской секции в Женеве (Н. И. Утину, А. Д. Трусову и др.), в котором высоко оценивалась книга Флеровского «Положение рабочего класса в России» как «труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника... возмущенного против гнета во всех его видах...» [1]. «Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, — говорилось далее, — делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века» [2]. Член Русской секции I Интернационала Е. Л. Томановская-Дмитриева — героическая участница Парижской коммуны — также пользовалась поддержкой Маркса и Энгельса. Особенно большими симпатиями и дружеской поддержкой Маркса и Энгельса пользовался русский революционер Герман Лопатин, взявший на себя огромный труд перевода на русский язык I тома «Капитала» Маркса. Лопатин еще в 1870 г. прилагал усилия к тому, чтобы I том «Капитала» вышел на русском языке. Маркс и Энгельс сочувствовали дерзновенной, но неудавшейся попытке Г. Лопатина освободить Чернышевского из сибирской ссылки. Вырвавшись из царской тюрьмы, Лопатин эмигрировал за границу и снова установил тесные идейные связи с Марксом и Энгельсом — получал от них и направлял в Россию их статьи и книги, желал быстрейшего завершения II тома «Капитала» для его перевода на русский язык. Об этом же писал в 1884 г. Энгельсу другой русский революционер-народник, П. Л. Лавров, который от имени Лопатина сообщал, что в «России существует группа лиц, которая решила издать перевод второго тома «Капитала» *во что бы то ни стало*» [3]. Это издание, которому столь много времени посвятил Энгельс, вышло в России в 1885 г. в переводе Н. Даниельсона (III том вышел в 1896 г.).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 428.

[2] Там же.

[3] «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 495.

Маркс и Энгельс находились в дружеских отношениях с П. Л. Лавровым, который в 70—90-х годах жил в эмиграции, часто встречались с ним и обменивались письмами. Вместе с тем Маркс и Энгельс не раз высказывали критические замечания в адрес теоретических концепций Лаврова, страдавших эклектизмом и субъективизмом, в частности возвеличением роли отдельных личностей — революционных деятелей, критически мыслящих интеллигентов. В статьях 1874—1875 гг. об эмигрантской литературе Энгельс критиковал не только мелкобуржуазно-анархические и идеалистические концепции народнического революционера П. Н. Ткачева, но и взгляды «друга Петра» — Лаврова, который стремился быть проповедником «единства», пытался «всех примирить», в частности западноевропейское рабочее движение, следующее идеям научного социализма, с анархизмом (в частности, бакунизмом) и бланкизмом Ткачева. Энгельс в 1875 г., прочитав статью Лаврова в журнале «Вперед!», написал ему письмо с критическими замечаниями по поводу перенесения Лавровым на социальную жизнь положений Дарвина о «борьбе за существование» и «борьбе всех против всех» и в связи с этим показал, что «существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае *собирают,* тогда как люди *производят*» [1].

Критика субъективной социологии Лаврова, его иллюзий относительно решающей роли русской интеллигенции в подготовке крестьян к революции, которая, по мысли Лаврова, должна носить непосредственно социалистический характер, несогласие Энгельса с его метафизическими, близкими к социал-дарвинизму формулами «социального прогресса», не мешали Энгельсу, как и Марксу, до конца их дней находиться в дружбе с Лавровым и видеть в нем союзника (хотя и непоследовательного и теоретически слабого) в общей революционной борьбе против реакции и капитализма.

Русская революционная демократия с большим интересом следила за работами Энгельса и стремилась излагать его и Маркса идеи в подцензурной печати. Так, большую популярность завоевала у революционной молодежи статья Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 137.

в Англии и во Франции», в которой с позиций русской революционной демократии, но вполне объективно и с искренним сочувствием к рабочему классу излагались идеи произведения Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Киевский профессор Н. Зибер написал в 1879 г. для русских легальных журналов «Критическое обозрение» и «Слово» — статьи о произведении Энгельса «Анти-Дюринг», в которых показал, что «в первый еще раз с тех пор, как существует так называемая диалектика, она является глазам читателя в таком реальном освещении» [1].

Уже в начале 80-х годов некоторые русские революционные деятели, выходившие из народнической среды, стали понимать непоследовательность и несостоятельность народнических теорий и обратили свои взоры к учению Маркса и Энгельса.

4. Энгельс и российские марксисты 80—90-х годов XIX в.

Славные страницы вписаны Энгельсом в историю международного рабочего движения в 80—90-х годах в связи с распространением марксизма в России и идейным подготовлением российской революционной социал-демократии.

Проникновение идей марксизма в легальную прогрессивную литературу и в революционные круги России, начавшееся еще в 40-х годах XIX в., переводы произведений Маркса и Энгельса и истолкование их идей русскими народническими и либеральными идеологами, которые не принимали марксизма как учения в целом, и особенно его философии, деятельность Русской секции I Интернационала, члены которой глубоко симпатизировали революционному делу Маркса — Энгельса, но еще не стояли на позициях марксистской теории, не могли привести к утверждению марксистской идеологии в российском революционном движении.

Качественные изменения в развитии передовой русской философской и общественной мысли во второй половине XIX в., в ее исканиях правильной революционной

[1] «Критическое обозрение». М., 1879, № 15, стр. 11.

теории наступили в 80-х годах XIX в. с образованием первой марксистской организации революционеров России — группы «Освобождение труда», развивавшейся под идейным влиянием Маркса и Энгельса. Эта первая марксистская организация в России сделала шаг навстречу рабочему движению и заложила идейные основы революционной социал-демократии. «Русский марксизм, — писал В. И. Ленин, — родился в начале 80-х годов прошлого века в трудах группы эмигрантов (группа «Освобождение труда»)» [1].

Между Ф. Энгельсом и основателями группы «Освобождение труда» Г. В. Плехановым и В. И. Засулич тесные идейные связи и организационные контакты установились еще в самом начале 80-х годов, когда эти бывшие видные деятели революционно-народнической организации «Черный передел», постепенно освобождаясь от народнических иллюзий, обратились к изучению марксизма и опыта западноевропейского рабочего движения. Плеханов в 1882 г. перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии», который вышел еще в народнической «Русской социально-революционной библиотеке», как и сделанный Дейчем перевод книги Маркса «Наемный труд и капитал». Засулич перевела «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельса, а затем «Нищету философии» Маркса. В сентябре 1883 г. группа «Освобождение труда» в извещении об издании «Библиотеки современного социализма» заявила об изменении своей идейно-теоретической позиции — окончательном разрыве со старыми, анархистскими тенденциями и переходе на позиции марксизма в целях борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию со своей революционной программой.

Сначала В. И. Засулич, а затем Г. В. Плеханов завязали переписку с Ф. Энгельсом, затем неоднократно посещали его в Лондоне и пользовались его мудрыми советами и идейно-теоретической помощью. Не раз Энгельс выражал свое горячее сочувствие возникающему в России марксистскому движению и одобрение идейно-политической деятельности первых русских марксистов. Так, в 1884 г. в ответе В. Засулич по поводу перевода на русский язык «Нищеты философии» он писал: «То, что Вы

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 405.

мне сообщаете о растущем интересе в России к изучению книг по теории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, по-видимому, в самом деле нашла себе убежище в России» [1].

Ф. Энгельс с большим удовлетворением прочитал первые марксистские работы Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «Н. Г. Чернышевский», «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и другие и высоко их оценил. В связи с чтением работы «Наши разногласия» Энгельс горячо одобрил в письме к Засулич от 23 апреля 1885 г. основные идеи книги, разрыв с анархическими традициями народничества. Он вместе с тем проявил известную осторожность в отношении плехановской критики тактики народовольцев и других фракций революционных народников и с большим оптимизмом приветствовал рост революционного движения в России. «По-моему, самое важное, — писал он, — чтобы в России был дан толчок, чтобы революция разразилась. Подаст ли сигнал та или иная фракция, произойдет ли это под тем или иным флагом, для меня не столь важно... В стране, где положение так напряжено, где в такой степени накопились революционные элементы, где экономическое положение огромной массы народа становится изо дня в день все более нестерпимым, где представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой, и где все эти противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, не имеющим себе равного, деспотизмом, все более и более невыносимым для молодежи, воплощающей в себе разум и достоинство нации, — стóит в такой стране начаться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год» [2].

При известной неточности предвидения Энгельсом сроков наступления русской революции нельзя не изумиться необычайному по силе и глубине диалектическому анализу противоречий экономического, социального

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, стр. 104.
[2] Там же, стр. 263.

и политического развития России — страны, в которой Энгельс никогда не был. Большую роль в этом глубоком научном анализе предпосылок и перспектив русской революции, несомненно, сыграли изученные Энгельсом материалы и сведения, почерпнутые им из русских источников, в частности из книги Плеханова «Наши разногласия».

Плеханов в некоторых своих письмах 1894 г. — часть писем не сохранилась — предостерегал Энгельса от несколько преувеличенных представлений, идущих от русских народников, о размахе революционного движения в России во второй половине 80-х и первой половине 90-х годов. Подчеркивая правильность мысли, высказанной Энгельсом в послесловии к брошюре «О социальном вопросе в России», о том, что развитию революционного движения в России может повредить организованное революционерами преждевременное выступление, Плеханов писал Энгельсу, что террористическая борьба народников истощила силы интеллигенции, бросила буржуазию и дворянство в объятия царизма и привела к другим неблагоприятным последствиям, в результате чего «в истекшем десятилетии (1884—1893) революционного движения, откровенно говоря, почти не было. Революционные кружки продолжали существовать, но централизованная организация, которая бы объединяла все силы борющихся, отсутствовала» [1]. Отсюда Плеханов делал очень важный вывод: «Революционная пропаганда в современной России может быть только *марксистской*... Теперь, когда речь идет о марксистской пропаганде, каждое Ваше слово может оказать решающее влияние на дальнейшее развитие наших революционных идей» [2]. При этом Плеханов ссылается на публикацию на русском языке брошюры Энгельса «О социальном вопросе в России» с послесловием к ней, которые, как известно, наносили удар по субъективно-идеалистическим и анархистским идеям народничества, распространенным в российском революционном движении. Плеханов пишет Энгельсу, что «русская интеллигенция пытается иногда превратить самый марксизм в своего рода *утопический социализм*» и ука-

---

[1] «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 692.
[2] Там же.

зывает на своеобразную народническую ревизию марксизма, осуществляемую, например, Н. Даниельсоном — народническим идеологом, который вел оживленную переписку с Энгельсом.

Особенно вредными и опасными для русского революционного движения Плеханов считал (о чем он писал, в частности, в письмах Энгельсу) либерально-народнические утопии Н. Даниельсона, В. Воронцова и Н. К. Михайловского, согласно которым русское общество при помощи правительства якобы может поставить перед собой задачу социалистической организации производительных сил на основе крестьянской общины, т. е. их «своеобразный социализм, выгодный прежде всего императору всея Руси и французской буржуазии» [1]. Г. В. Плеханов критикует попытки народнических идеологов уцепиться за слова Маркса, считавшего в свое время возможным (при условии соединения крестьянской революции в России с пролетарской революцией на Западе) социалистическое развитие крестьянской общины. Плеханов в духе идей Энгельса, высказанных в брошюре «О социальном вопросе в России» и других работах, делает в 1894 г. вполне обоснованный диалектический вывод: «...если во времена Маркса наши революционеры могли черпать известную энергию в той мысли, что Россия не пройдет через капиталистическую стадию развития, то в наше время та же идея становится очень опасной утопией. Теперь совершенно необходимо с ней бороться» [2].

В другом письме (июль 1894 г.), отвечая на письмо Энгельса (к сожалению, не разысканное), Плеханов продолжает начатое в переписке с Энгельсом совместное обсуждение теоретических вопросов социального развития России и доказывает: «...чем больше разрушается наш старый экономический строй, который столь мил Н.-ону (Даниельсону. — *Ред.*), тем больше мы приближаемся к революции. Н.-он так ставит вопрос о капитализме, как будто он еще не существует в России. В действительности мы *уже* страдаем от капитализма и, *кроме того,* страдаем от того, что капитализм недостаточно развит» [3].

[1] «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 693.
[2] Там же, стр. 694.
[3] Там же, стр. 700.

Плеханов стремился убедить Энгельса выступить в печати против Даниельсона и других либеральных народников, но 75-летний Энгельс (который был в то время серьезно болен) не смог принять этого предложения. К тому же, по мнению Энгельса, путем полемики с народническими идеологами невозможно побудить их отказаться от своих иллюзий. В одном из писем Плеханову незадолго до смерти — в феврале 1895 г. — Энгельс писал, имея в виду Даниельсона: «Совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских, к которому он принадлежит и которое все еще верит в стихийно коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную Святую Русь, от других неверных народов» [1]. Отмечая там же, что в такой стране, как Россия, где современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей, Энгельс выражает уверенность в том, что «постепенно, с ростом городов изолированность талантливых людей исчезнет, а с ней исчезнут и эти идейные заблуждения, вызванные одиночеством, бессистемностью случайных знаний этих чудаков-мыслителей, а отчасти также — у народников — отчаянием при виде крушения их надежд» [2].

Ф. Энгельс, как и Плеханов в то время, не знал, что годом ранее, в 1894 г., в России В. И. Ленин, только что вышедший на арену революционной борьбы и теоретической мысли, написал марксистскую книгу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», которая нанесла сокрушительные удары по идеологии либерального народничества. Через два года после того, как было написано это письмо, В. И. Ленин создал капитальный научный труд «Развитие капитализма в России», в котором, исходя из теории и метода Маркса и Энгельса, убедительно доказал полную несостоятельность народнической доктрины вообще.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 344.
[2] Там же.

5. Традиции диалектического материализма и марксистская философская мысль в России до середины 90-х годов XIX в.

В области философии русские марксисты уже в 80—90-х годах прошлого века стали страстными защитниками учения К. Маркса, активными продолжателями традиций воинствующего материализма и революционной диалектики, так ярко выраженных в творчестве Ф. Энгельса. Энгельс был особенно рад, когда группе «Освобождение труда» в 1895 г. удалось легально издать в России книгу Бельтова-Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в которой была талантливо и систематически освещена предыстория философии марксизма и очерчены ее основополагающие идеи, книгу, на которой, как писал В. И. Ленин, воспиталось целое поколение русских марксистов.

Г. В. Плеханов, впервые встретившийся с Энгельсом в Лондоне в 1889 г. и считавший эти дни «самыми счастливыми» в своей жизни, в письмах 1893—1895 гг. не раз делился с Энгельсом своими литературно-философскими планами (в частности, планами по подготовке «Очерков по истории материализма», статьи о Гегеле к 60-летию со дня его смерти, работы «Анархизм и социализм», книги о монистическом взгляде на историю и т. д.). В одном из писем 1893 г. Плеханов подчеркивал выдающуюся роль работ Энгельса по истории философии. «...Чем яснее, — писал он, — вырисовывается передо мной французский материализм XVIII века, тем более я восхищаюсь написанными Вами страницами по этому вопросу в Вашей работе «Людвиг Фейербах и т. д.». Эта брошюра дает внимательному читателю больше, чем сотни томов, написанных официальными философами, философами ex professo. Мне передавали, что Вы написали несколько благожелательных слов Каутскому по поводу моей статьи о Гегеле. Если это верно, я не хочу других похвал. Все, чего я желал бы, это быть учеником, не совсем недостойным таких учителей, как Маркс и Вы» [1].

Отстаивая традиции воинствующего материализма, Плеханов выступил не только в российском, но и в международном рабочем движении 80—90-х годов в рядах

[1] «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 648—649.

II Интернационала, основанного Энгельсом, как последовательный и боевой диалектический материалист. В своих трудах он решительно и умело критиковал проникавшие в революционное движение идеалистические философские концепции народников и анархистов, их субъективную социологию, раскрывал идейно-философские истоки их мировоззрения в младогегельянстве, позитивизме Конта, Спенсера и других идеалистических учениях, чуждых революционному движению. И в этом отношении он продолжал традиции Энгельса, который, начиная с совместной с Марксом работы «Святое семейство» и кончая книгой «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и предсмертными письмами, последовательно критиковал идеалистические и субъективистские теории, привносимые в революционную мысль.

Плеханов не ограничился критикой антиматериалистических взглядов, открыто противостоявших марксизму в революционном движении. Когда диалектика истории, говоря словами Ленина, заставила врагов марксизма переодеваться в марксистов, Плеханов обратил свое критическое философское оружие против тех социал-демократических деятелей (Э. Бернштейн, русские «экономисты» и впоследствии приверженцы махизма и т. д.) и либеральных попутчиков социал-демократического движения (П. Струве, немецкие катедер-марксисты, Т. Масарик и т. п.), которые пытались спекулировать на популярности марксизма в революционном движении и подменяли его эклектической смесью из «обрывков» опошленного и искаженного ими учения Маркса и модных идеалистических систем (неокантианство, махизм и т. п.). И в этом отношении Плеханов продолжал традиции Маркса, который решительно выступал против прудоновской метафизики и бакунинского волюнтаризма, проникавших в рабочее движение, традиции Энгельса, который дал в книге «Анти-Дюринг» систематическое, научно аргументированное изложение диалектического и исторического материализма в процессе критики метафизической и априористической концепции Дюринга, принимаемой многими видными немецкими социал-демократами.

Г. В. Плеханов с первых шагов своей теоретической деятельности во II Интернационале осуждал подобную терпимость в отношении чуждых марксизму антиматериалистических и антидиалектических взглядов, к рас-

пространению которых беззаботно относились многие социал-демократические лидеры, считавшие философию «частным делом» каждого социал-демократа и допускавшие возможность соединения социалистической деятельности и марксистских политических взглядов с немарксистской философией (кантианство, позитивизм и т. п.).

Принимая из рук Энгельса эстафету диалектического и исторического материализма в рабочем движении, Плеханов не только в русской революционной печати, но и в зарубежных социал-демократических органах нападал на отступников от философии марксизма, особенно на Э. Бернштейна, осуждал примиренческое отношение к бернштейнианству и другим антимарксистским «поветриям» в социал-демократических партиях Запада (в том числе и со стороны признанного тогда «ортодоксального» теоретика социал-демократии К. Каутского). В письмах Каутскому он горько сожалел о том, что «марксисты являются очень редкими птицами в социалистических партиях Запада. Право, это очень жаль»[1]. «...Вы говорите, — писал он в другой раз, — что ваши читатели не интересуются философией. Я думаю, что надо *заставить* их интересоваться ею...»[2]

Г. В. Плеханов писал К. Каутскому 20 мая 1898 г.: «В последнем номере «Neue Zeit» Бернштейн напечатал статью о двух «моментах» социализма... Его критика материализма очень слаба. Но как бы слаба она ни была, она прямо направлена против Ф. Энгельса (см. «Людвиг Фейербах» и письмо к Конраду Шмидту). Если Бернштейн прав в своих критических попытках, то можно задать вопрос: что же останется от философских и социалистических воззрений наших учителей?.. К чему я стремлюсь, — это защитить идеи Ф. Энгельса, которые наши «философы», вроде К. Шмидта, считают старыми и не выдерживающими критики... «Философские идеи» господ Шмидта и Бернштейна являются именно теми неокантианскими идеями, против которых всегда боролись мои учителя...

Читали ли вы статьи Юлия Вольфа в 4-м выпуске «Zeitschrift für Sozialwissenschaft»?.. Бернштейн там цитируется как реформатор современного социализма.

[1] «Группа «Освобождение труда»», сб. № 5. М.—Л., 1926, стр. 216.

[2] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. V. М., 1938, стр. 283.

Что сказал бы Энгельс обо всем этом?» [1]. Когда Каутский пытался смягчить в «Neue Zeit» критику бернштейнианства, содержащуюся в статьях Г. В. Плеханова, последний решительно возражал против этого.

«...Примите во внимание, — писал он 24 декабря 1898 г., — что я защищаю идеи Маркса и Энгельса и что для нас было бы непростительно сдаться при первой атаке каких-нибудь университетских педантов» [2]. В другом письме Плеханов также подчеркивает свою непримиримость к ревизионизму Бернштейна, упрекая Каутского в стремлении ослабить критику в адрес Бернштейна. «Я не понимаю, почему я не имею права разругать этого господина, который смеет поносить наших учителей, не поняв ни одного слова в их философии. Ах, дорогой Каутский, если бы был жив Энгельс, он не осудил бы меня за резкость!» [3] В этом отношении Плеханов следовал за Энгельсом, который с большой тревогой следил за ростом оппортунистических настроений и пренебрежительного отношения к революционной теории, особенно к философии со стороны немецкой социал-демократической партии.

В первое 20-летие своей марксистской деятельности (1883—1903 гг.) Плеханов отстаивал и продолжал унаследованные от Маркса и Энгельса традиции диалектики как методологии революционного мышления и действия. Известно, что Энгельс решительно выступил в 1891—1894 гг. против разрыва между теорией и практикой и реформистской «постепеновщины», которые насаждали оппортунистические элементы в немецкой и французской социалистических партиях (Фольмар, Мильеран). Когда склонные к примиренчеству с оппортунизмом лидеры немецкой социал-демократии (В. Либкнехт) попытались исказить написанное Энгельсом введение к работе Маркса «Классовая борьба во Франции», Энгельс в апреле 1895 г. выразил в связи с этим резкий протест в письмах К. Каутскому и П. Лафаргу. Энгельс писал, что В. Либкнехт пригладил введение «таким образом, что я предстаю в нем в виде *миролюбивого* поклонника законности во что бы то ни стало», «взял все, что могло ему послужить для защиты мирной, во что бы то ни стало противо-

[1] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. V, стр. 260, 261.
[2] Там же, стр. 283.
[3] Там же, стр. 284.

насильственной тактики, которую ему с недавнего времени угодно проповедовать...»[1].

Плеханов до 1903 г. и в этом отношении продолжал революционную диалектическую традицию Энгельса. Разоблачая в 1889 г. метафизические концепции «постепенного прогресса», выдвинутые бывшим народовольцем Л. Тихомировым, Плеханов доказывал, что «в настоящее время история подготовляет в передовых странах чрезвычайно важный переворот, относительно которого есть все основания думать, что он совершится насильственно... *Экономическая эволюция* роковым образом ведет к *политической революции*...»[2]. Критикуя в 1897—1900 гг. вульгарный эволюционизм Бернштейна и Струве, которым ревизионистские «критики» марксизма в социал-демократическом движении и их союзники из лагеря либералов — «легальные марксисты» подменяли диалектику Маркса, Плеханов доказывал, что диалектика, являющаяся «алгеброй революции», рассматривает «все существующее с его преходящей стороны... ни перед чем не останавливается и ничего не боится... она *революционна по самому своему существу*»[3].

Идейно-философский смысл борьбы русских марксистов в конце XIX и на рубеже XX в. Плеханов выразил в 1900 г. в сообщении «От русского социал-демократического союза»[4]. «Так называемая *критика марксизма* представляет собою жалкую, реакционную попытку ослабить борьбу пролетариата с буржуазией на практике и облегчить его сближение и примирение с нею [в] теории, сделалась модой в среде нашей ученой и полуученой, образованной и полуобразованной мелкой буржуазии. Один за другим переходят «под знак критики» и покидают все основные положения марксизма те самые люди, которые называли и до сих пор продолжали называть себя учениками Маркса. Умственный хаос, причиняемый этой псевдокритикой, принимает поистине величественные размеры и грозит проникнуть в рабочую среду, принести большой вред нашей молодой и еще не окрепшей социал-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 373, 376—379.

[2] *Г. В. Плеханов*. Избранные философские произведения, т. I. М., 1956, стр. 389, 390.

[3] Там же, т. II, стр. 393.

[4] Один из вариантов этого сообщения опубликован в сб. № 6 «Группа «Освобождение труда»». М., 1928, стр. 299.

демократии. Борьба с этой умственной анархией является ближайшей задачей революционных социал-демократических элементов, не поддавшихся модной заразе антиреволюционной «критики»» [1]. В лекции «Наша программа и наши современные задачи» (1903 г.) Плеханов говорил: «Во всей Европе, от Казани до Лондона и от Палермо до Архангельска, происходило тогда т[ак] н[азываемое] *ревизионист[ское]* движение, цель которого заключалась, как это показывает само название, — в пересмотре основных положений теории М[аркса]. Пересмотр — дело недурное, почему и не пересмотреть? Но пересмотр пересмотру рознь. Пересмотр, о котором я здесь говорю, имел то главное отличит[ельное] свойство, что он во многих и многих отношениях *подрывал*, ослаблял теорети[ческие] позиции соц[иал]-дем[ократической] партии в ее борьбе с буржуазными партиями и сближал эту партию с ними. В этом отношении ревизионисты очень приближались к буржуазным экономистам школы Брентано...

У нас в России, где берн[штейнианство] существовало раньше апостазии г. Бернштейна, рев[изионизм] свирепствовал в легальной марксистской литературе, прокладывая путь для проникновения идей г. Бернштейна в рус[скую] соц[иал]-дем[ократию]» [2].

Плеханов продолжал критиковать философский ревизионизм и после 1903 г., на что указывал Ленин в 1908 г. в статье «Марксизм и ревизионизм» и в 1914 г. в письме из Поронино в редакцию «Правды», где шла речь о том, что Плеханов — «крупный теоретик, с громадными заслугами в борьбе с оппортунизмом, Бернштейном, философами антимарксизма...» [3]. Но после 1903 г. Плеханов в области политики и тактики рабочего движения, перейдя на позиции меньшевиков, пытался «примирить», «установить единство» между революционерами и оппортунистами и стал в конечном счете перед Октябрем 1917 г. противником социалистической революции в России, за дело которой боролся в прошлом.

Но в области философии, в частности в своих предисловиях, комментариях и примечаниях к издаваемым на

---

[1] Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив Дома Плеханова. П. Р. 29, 3б, л. 8—11.

[2] «Группа «Освобождение труда»», сб. № 6, стр. 45—46.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 48, стр. 296.

русском языке сочинениям Маркса и Энгельса, Плеханов отстаивал их взгляды, особенно их материалистическое понимание истории, от извратителей субъективистского и реформистско-фаталистического толка. Он ярко и убедительно доказывал, что исторический материализм Маркса — Энгельса, предполагающий научное познание объективных законов истории, не имеет ничего общего с созерцательным приспособлением к этим законам, т. е., употребляя современную терминологию, не содержит в себе никакого «конформизма».

Исторический материализм Маркса и Энгельса, как и все их учение, дает, считал Плеханов, широкий простор для творческой революционно-преобразующей деятельности прогрессивных классов и передовых людей общества. Их действиям придается реальный смысл и высокое гуманистическое назначение, если они не игнорируют объективные законы истории, а относятся к ним как к законам и строят свою мыслительную и практическую деятельность на знании науки. Тем самым передовые классы, революционные партии получают реальную возможность активно воздействовать на мир и преобразовывать его в интересах человека. Так, в одном из вариантов предисловия к третьему изданию произведения Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» [1] Плеханов писал: «. . .прежде, чем явиться *причиной* общественных явлений, более или менее сообразных с его намерениями, общественный человек является *следствием* других общественных явлений, совершенно не зависевших от его воли. Поняв эту истину, исследователь общественных явлений подходит к изучению деятельности общественного человека не с той стороны, с которой она представляется *свободной*, а с той, с которой она оказывается *необходимой*. Таким, — и только таким, — образом делается возможным *научное* объяснение общественной жизни. Всякий раз, когда исследователь покидает эту точку зрения; всякий раз, когда он, подобно русским субъективистам, склоняется к той мысли, что деятельность общественного человека должна быть рассматриваема *отчасти* как свободная, а *отчасти* как необходимая; всякий раз, когда он позабывает, что тут не может быть речи ни о каких *«от-*

[1] В переводе Плеханова эта работа Энгельса была названа «Развитие научного социализма».

части», потому что историческая *необходимость* совсем не исключает *свободной* человеческой деятельности, а только обусловливает собою *движение человеческой воли,* — он сходит с единственного возможного пути научного исследования и запутывается в лабиринте неразрешимых противоречий» [1].

Если Энгельс, понимая, что исторический материализм не может ограничиться выведением идеологических надстроек из материального базиса общества, требовал, чтобы марксисты дали научно-философский анализ истории идей в процессе их развития и во взаимосвязи, раскрыли механизм обратного влияния идеологий на породившие их общественные отношения, то Плеханов и был одним из первых марксистов, приступивших к осуществлению этого завещания Энгельса. В работах «О материалистическом понимании истории», «К вопросу о роли личности в истории», «Основные вопросы марксизма» и «Письма без адреса», в статьях о религии, морали, искусстве, философии и других Плеханов давал научный анализ происхождения и развития многих идеологических течений прошлого и современности, доказывал, что «без революционной теории нет революционного движения, в истинном смысле этого слова. Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства, революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени» [2].

Энгельс — блестящий историк философии — в произведениях «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» со всей силой поставил вопрос о борьбе партий в философии — материализма и идеализма, о противоположности диалектики и метафизики, о том, что изучение истории философии — лучшая школа философского мышления. Продолжая и эту традицию Энгельса, Плеханов дал ряд ценных исследований по истории материализма на Западе и в России и отчасти по истории диалектики, доказывал, что революю-

---

[1] Архив Дома Плеханова. Р. 25. 4б, л. 9—10.

[2] *Г. В. Плеханов.* Избранные философские произведения, т. I, стр. 95.

ционный пролетариат наследует лучшие философские традиции прошлого и продолжает вести борьбу против реакционной философии, поднимаемой на щит буржуазной реакцией в наше время.

Плеханов доказывал, что возникновение диалектического материализма Маркса было самой великой революцией, которую когда-либо знала история человеческой мысли [1]. Но Плеханов не смог развить далее философию Маркса и Энгельса применительно к новым условиям, особенно к условиям эпохи империализма в XX в.

В отличие от Энгельса, который в своих произведениях, особенно в «Анти-Дюринге», дал систематический очерк материалистической диалектики как науки и метода марксизма, разрабатывал законы и категории диалектики, обращал серьезное внимание на применение и совершенствование логики научного мышления, Плеханов недооценил материалистической диалектики как науки, не разрабатывал далее диалектическую логику.

Энгельс в работах «Анти-Дюринг», «Диалектика природы» и в других произведениях философски обобщал завоевания естествознания XVIII—XIX вв., раскрывал связь развития материализма и изменения его форм с характером и уровнем развития естествознания, последовательно критиковал идеалистические и метафизические спекуляции на открытиях естественных наук и нерешенных проблемах науки. Что касается Плеханова, то, признавая, что современное естествознание опровергает идеализм, а не материализм и диалектику, он не обратил необходимого внимания на естественнонаучные открытия на рубеже XIX—XX вв., на кризис философских основ естествознания и паразитирование «новейшей» идеалистической философии на революции в естествознании. И это наряду с причинами социально-политического характера помешало Плеханову в полном объеме продолжить философские традиции Энгельса, творчески развивать материалистическую диалектику Маркса и Энгельса применительно к условиям новой эпохи XX в.

---

[1] См. по вопросу о борьбе Плеханова за философию марксизма и о его историко-философской концепции: *Б. А. Чагин.* Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.—**Л.**, 1963; *М. Т. Йовчук.* Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. М., 1960; «История философии», т. IV. М., 1959; т. V. М., 1961.

Для Энгельса был характерен конкретно-исторический подход к социальным процессам и явлениям, творческое понимание диалектики как метода, требующего постоянного развития, совершенствования и видоизменения. Русский социал-демократ А. Воден, которого по рекомендации Г. В. Плеханова принимал в Лондоне Энгельс, вспоминает, что Энгельс советовал, чтобы «русские — да и не только русские — не подбирали цитат из Маркса и его, Энгельса, а мыслили бы так, как мыслил бы Маркс на их месте, и что только в этом смысле слово «марксист» имеет «raison d'être» (право на существование. — *Ред.*)»[1].

Если Плеханов и пытался конкретно применять в России историческую и экономическую теорию Маркса, то ему, однако, не удалось раскрыть диалектику всеобщего и особенного в применении к развитию капитализма в России, и ряд его произведений, даже в конце XIX — начале XX в., в том числе проект программы РСДРП ко II съезду партии, страдал абстрактностью, не учитывал особенности России и ее революционного движения. Плеханов не понимал до конца руководящей роли пролетариата как гегемона российской буржуазной революции, особой важности союза рабочего класса с крестьянством, закономерности быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в России в социалистическую. Только В. И. Ленин последовательно применил диалектику Маркса и Энгельса к новым историческим условиям и потому смог создать и философски обосновать научную теорию империализма, новую теорию социалистической революции, учение о партии и социалистическом государстве, о построении социализма первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой, стране и т. д.

Именно Ленин творчески развил и продолжил дело Маркса и Энгельса, не ограничился защитой и популяризацией основ философии марксизма, а всесторонне разработал ее на основе новейшей революционной практики и современных завоеваний науки. Не имеют под собой никаких оснований попытки ревизионистских деятелей обвинить Энгельса и вслед за ним Плеханова и даже Ленина, имея в виду его работы, написанные до 1914 г., как это делают современные ревизионисты, на-

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 344.

пример Р. Гароди в книжке «Ленин» (1968 г.), в догматизме и отрицании диалектики. Несостоятельны попытки Р. Гароди, так же как и философствующих ревизионистов из журнала «Праксис», приписать Энгельсу, Плеханову и даже Ленину «сциентистскую» созерцательность и возрождение метафизического материализма Спинозы, французских мыслителей XVIII в. и Фейербаха. Такую противоречащую исторической правде версию ревизионистские отступники от марксизма проповедуют вслед за буржуазными и реформистскими марксологами (например, Г. де-Маном, Л. Гольдманом, И. Фетчером и др.), которые давно уже выступают против ненавистных им материалистических основ и традиций марксистской философии [1].

В. И. Ленин, которому уже не довелось увидеть Энгельса, с первых же лет своей теоретической деятельности высоко поднял революционное знамя марксизма, глубоко овладел и творчески развил философские традиции Маркса и Энгельса.

В политической деятельности и теоретических работах русских марксистов 80—90-х годов XIX в., и особенно в революционном теоретическом и практическом творчестве Ленина, отражена преемственность традиций, цельность и жизненность единого интернационального учения марксизма, новой ступенью которого стал ленинизм.

Глава пятая

В. И. Ленин и философское наследие Ф. Энгельса

В апреле 1894 г. В. И. Ленин по заданию Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» выехал за границу для установления связей с плехановской группой «Освобождение труда». Одной из целей этой поездки было стремление осуществить сокровенное желание — увидеться с Фридрихом Энгельсом. Но Энгельс в

[1] См. «Проблемы мира и социализма», 1970, № 9, статьи К. Хагера, В. Гернса, Я. Фойтика, Г. Гиргинова, А. Геде и др. (стр. 9—10, 37—38, 49—50, 59—60, 64—65 и др.).

это время был уже тяжело болен, и встреча не могла состояться.

Вскоре Энгельс умер. Ленин по возвращении в Россию написал известную статью-некролог «Фридрих Энгельс», в которой раскрыл великое значение практической деятельности и теоретических трудов Энгельса, ближайшего друга и соратника Карла Маркса, одного из основоположников коммунистического мировоззрения.

В. И. Ленин писал, что после Маркса Энгельс был «самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире». Ленин призывал рабочих-революционеров всех стран изучать дела и мысли Энгельса, имя и жизнь которого, по его словам, должны быть знакомы каждому рабочему. Ярко и образно раскрыл Ленин место и роль Энгельса в сотрудничестве, дружбе и братстве, которые связывали его с Марксом в течение всей жизни. «Европейский пролетариат может сказать, — писал Ленин, — что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе» [1].

Однако, подчеркивал Ленин, Энгельс был велик не только как друг и помощник Маркса. Он был вполне самостоятельным и оригинальным мыслителем, двинувшим далеко вперед ряд важных областей человеческого знания. Ленин говорил о чрезвычайно содержательном и поучительном анализе Энгельсом ряда сложнейших вопросов философии, естествознания и общественных наук [2] в работах «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и др.

К сожалению, для Ленина осталась неизвестной работа Энгельса «Диалектика природы». Тем не менее Ленин неоднократно указывал на громадное значение идей Энгельса в философском обобщении достижений естествознания последней трети XIX в. В «Философских тетрадях» Ленин в связи с положением Гегеля о том, что естествоиспытатели «бессознательно преобразуют непосредственно виденное с помощью понятия», отметил: «Очень верно и важно — именно это повторял

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 5, 12.
[2] См. там же, стр. 11—12.

популярнее Энгельс, когда писал, что естествоиспытатели должны знать, что итоги естествознания суть понятия, а искусство оперировать с понятиями не прирождено, а есть результат 2000-летнего развития естествознания и философии» [1].

Имея в виду деятельность Энгельса после смерти Маркса, Ленин утверждал, что Энгельс и в эти годы продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов. Он писал о величайшем авторитете, который имел Энгельс у пролетариата самых различных стран, о громадном значении теоретической и практической роли Энгельса в рабочем движении 80—90-х годов XIX в.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что Энгельс сформулировал ряд теоретических положений, ставших общепризнанными принципами для коммунистов всего мира. Так, часто используемая Лениным формула о том, что теория есть не догма, а руководство к действию, принадлежит именно Энгельсу [2]. Ленин неоднократно отмечал, что для изучения теории Маркса необходимо изучать и пропагандировать труды Энгельса. «Для правильной оценки взглядов Маркса, — писал он, — безусловно необходимо знакомство с произведениями его ближайшего единомышленника и сотрудника *Фридриха Энгельса.* Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его, не считаясь со *всеми* сочинениями Энгельса» [3].

Как известно, Маркс не успел подготовить к печати II и III тома своего главного произведения — «Капитала». Эта громадная и чрезвычайно трудная работа была проделана после смерти Маркса его другом. В. И. Ленин не мог знать, что во имя этого Энгельс отказался от завершения давно задуманного и в значительной части подготовленного им капитального труда, объяснявшего итоги развития естествознания, обществоведения и наук о человеке и познании им объективного мира. Рукопись «Диалектика природы» содержит, как известно, подготовительные работы к этому труду. Вероятно, частями этого незавершенного труда являются работы Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в чело-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 236.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, стр. 488.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 93.

века», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Развитие социализма от утопии к науке» и некоторые другие. Самоотверженный труд Энгельса по завершению великого произведения Маркса поднимает его на громадную идейную и моральную высоту. Известно, что лидеры II Интернационала называли себя учениками и единомышленниками Маркса, но на деле предпочитали тактику оппортунизма и ревизионизма, а в теории зачастую занимались либо замалчиванием и опошлением идей Маркса и Энгельса, либо пытались их «корректировать» (вспомним попытки Бернштейна и Каутского не допустить публикации ряда работ Маркса и Энгельса, настойчивые предложения лидеров немецкой социал-демократической партии к Энгельсу смягчить революционные идеи его произведения «К жилищному вопросу» и т. д.).

В 1969 г. в Вене вышла в свет книга Ф. Марека и Э. Фишера «Что действительно говорил Ленин». Они пытаются доказать, что если Маркс, несмотря на свою большую практически-революционную деятельность был прежде всего теоретиком, то Ленин, хотя и занимался теорией(что, по мнению указанных авторов, «не было его сильной стороной»), стал по преимуществу «стратегом и тактиком революции» [1]. Не менее характерны попытки буржуазных марксологов и ревизионистов противопоставить Энгельса Марксу и их идейное наследие в целом — ленинизму.

1. Энгельс и общие проблемы диалектического материализма в оценке Ленина

В. И. Ленин назвал работу Энгельса «Анти-Дюринг» одним из главных философских произведений марксизма [2]. Если взять два основных философских труда самого Ленина — «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради», то бросается в глаза громадное внимание Ленина к Энгельсу, постоянное обращение к его идеям, их развитие и защита.

[1] *E. Fischer, Fr. Marek.* Was Lenin wirklich sagte. Wien, 1969, S. 11, 167.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 118.

В предисловии 1908 г. к работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин определяет ее задачу как защиту философских идей Маркса и Энгельса от врагов диалектического материализма. Он с едкой насмешкой пишет, что утверждения Бермана о том, что энгельсовская диалектика есть «мистика», и заявления Базарова о том, что взгляды Энгельса «устарели», на деле выявляют полное отречение русских махистов от диалектического материализма, т. е. от марксизма [1]. В знаменитых «Десяти вопросах референту» Ленин прямо связывает признание диалектического материализма с необходимостью разбора основных философских идей Энгельса. Интересно отметить, что в шести вопросах из десяти Ленин ссылается на Энгельса.

В. И. Ленин приводит здесь следующие мысли Ф. Энгельса: признание диалектического материализма философией марксизма (1-й вопрос), формулировку основного вопроса философии и его второй стороны (2-й вопрос), признание идей Энгельса о превращении «вещей в себе» в «вещи для нас» (4-й вопрос), положение о том, что единство мира заключается в его материальности (5-й вопрос), мысль о неразрывном единстве материи и движения (6-й вопрос), идею о том, что понятия причинности, необходимости, закономерности есть отражение в человеческой голове законов действительного мира (7-й вопрос) [2]. Таким образом, уже только эта сделанная Лениным сводка ряда положений, выдвинутых Энгельсом по общим проблемам диалектического материализма, содержит в себе целую систему философских взглядов марксизма.

Энгельс оставил нам общую оценку материи как основы всех объективных явлений окружающего мира и раскрыл тот факт, что единство мира заключается в его материальности. Развивая эти положения, Ленин дал классическое определение материи как философской категории, подчеркнув его гносеологический смысл.

Для ленинской книги «Материализм и эмпириокритицизм» характерны защита и творческое развитие идей Маркса и Энгельса в ходе борьбы с махизмом. Приведем только один пример. Ленин резко критикует В. Чер-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 9—10.
[2] См. там же, стр. 5—6.

нова, который выступил против употребления энгельсовского понятия «Spiegelbild» (зеркальное отражение), считая его неверным обозначением природы содержания человеческих знаний. Ленин пишет по этому поводу: «Это — придирка; Spiegelbild употребляется по-немецки и просто в смысле Abbild (отражение, отображение, образ)» [1]. Это ленинское разъяснение, кстати, имеет для нашего времени весьма существенное значение.

Дело в том, что многие буржуазные марксологи и правые ревизионисты пытаются сейчас поставить под сомнение ленинскую теорию отражения, объявляя ее «пассивной», «не действенной», «лишенной творческого начала» и т. д. Так, югославский философ Г. Петрович в своей печально известной рядом ревизионистских положений книжке «Философия и марксизм» пишет: «Если человек — действительно свободное творческое существо практики, как же его познавательная деятельность может быть всего лишь отражением объективной реальности?» [2]. Г. Петрович инкриминирует Ленину употребление при характеристике отражения понятий «копия» и «фотоснимок». Но Ленин не считал термины «копия» и «фотоснимок» вполне точными и применял их лишь в приблизительном значении. Именно следуя Энгельсу, Ленин никогда не считал познавательное отражение (обозначавшееся Энгельсом посредством терминов «Spiegelbild» и «Abbild») лишь мертвой, пассивной, фотографической и зеркальной копией действительности. Об этом вполне определенно писал Энгельс, отмечая что диалектика «берет вещи и их умственные отражения в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении...» [3]. То же имеет в виду и Ленин уже тогда, когда он говорит, что «ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания» [4], активно воздействующего на мир, породивший в нем это ощущение.

С этой точки зрения новейший прогресс конкретных наук (включая кибернетику, психофизиологию и т. д.)

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 99 (примечание 1-е).
[2] *G. Petrović.* Filozofija i marksizam. Zagreb, 1965, str. 80.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 22.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 46.

не только не противоречит ленинской теории отражения, но напротив, углубляет ее и развивает применительно к новому, более высокому уровню человеческих знаний в современную эпоху — эпоху громадных социальных сдвигов и новейшей научно-технической революции.

В. И. Ленин утверждал, что отражение в широком смысле есть результат взаимодействия любых материальных объектов. В ходе такого взаимодействия объекты отражения претерпевают определенное изменение, реализующееся в отпечатке или следе взаимодействия, остающемся на взаимодействовавших объектах. Отсюда взаимодействие может быть интерпретировано, в частности, как взаимоотражение.

В процессе этого взаимодействия между материальными объектами создаются условия для более развитого отражения. Так два тела, обладающие различной температурой, при взаимодействии уравнивают разницу своих температур. При определенном уровне развития материи отражение может приобрести более сложный характер. Так происходит при отражении внешнего мира органами чувств живого существа. В данном случае взаимодействие выступает не прямо, непосредственно, оно осуществляется путем одностороннего накапливания информации в субъекте отражения (живом существе) и адекватной этой информации реакции живого на внешнее воздействие. В любом акте отражения можно выделить две основные стороны: содержание отражения, т. е. специфику усвоения объектом внешнего воздействия, и форму отражения, т. е. то, как это усвоение реализуется в воспринявшем отражение объекте. В труде «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин сформулировал основные принципы теории отражения и подчеркнул: «Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи» [1].

Таким образом, отражение лежит в основе всего процесса познания человеком объективного мира. Задача марксистско-ленинской теории познания заключается в раскрытии природы отражения человеком объективного мира, его форм и основных процессов развития и взаимопереходов этих форм в ходе взаимодействия человеческого общества и окружающей его природы.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 50.

Отражение как основа всякого познания несет в себе источник собственного активного воздействия на мир, ибо познание упорядоченности есть выявление энергетических резервов и возможности их использования сообразно потребностям человека и общества. А отсюда и следует, что отражение — это не пассивное воспроизведение объекта в сознании, а деятельное взаимодействие с ним, творческая его переделка. Воздействие объекта познания на субъект может быть сравнено с кибернетическим понятием прямой связи между входом и выходом системы. Величина и характер входного сигнала системы всегда воздействуют определенным образом на величину и характер выходного ее сигнала. Но взаимодействие объекта и субъекта требует аналогий, гораздо более сложных, чем, скажем, понятие обратной связи.

Теория отражения, основные контуры которой содержатся у Маркса и Энгельса и развиты в единую стройную теорию Лениным, не только не противоречит новейшим открытиям конкретных наук, но напротив, выступает в качестве основы и теоретической базы для наиболее полного и верного истолкования этих открытий.

В. И. Ленин раскрывает великую роль Энгельса в защите от противников и в развитии диалектического материализма. Он пишет: «Энгельс... берет *то основное*, в чем *отходят* от материализма *все* юмисты, и поэтому под критику Энгельса подпадают и Милль, и Гексли, и Мах» [1].

Если проанализировать ленинские «Философские тетради», которые, кстати говоря, современные ревизионисты тщетно пытаются противопоставить работе «Материализм и эмпириокритицизм» [2], то ясно видно, что постоянное обращение Ленина к идеям Энгельса остается органическим и необходимым элементом и этой работы. Так, рассматривая отношение Фейербаха к природе и сверхчувственности, Ленин записывает на полях: «Фейербах ярок, но не глубок. Энгельс глубже определяет отли-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 108.

[2] Так, например, Г. Петрович утверждает, что проблема активной роли сознания в преобразовании мира поставлена и рассмотрена В. И. Лениным только в «Философских тетрадях», тогда как в книге «Материализм и эмпириокритицизм» сознание интерпретируется Лениным только как пассивное отражение действительности (*G. Petrović.* Filozofija i marksizam, str. 79).

чие материализма от идеализма»[1]. Характеризуя гегелевское понимание развития «вещи в себе» в «вещь для другого», Ленин вспоминает положение Энгельса о получении ализарина из каменноугольного дегтя. На десятках страниц «Философских тетрадей» можно найти такого рода ссылки на Энгельса, соответствующие сопоставления мыслей Фейербаха и Гегеля с идеями великих основоположников диалектического материализма.

Давая общую оценку философии Гегеля, Ленин писал: «...Гегель есть поставленный на голову материализм (по Энгельсу)...»[2]. Ссылки на Энгельса мы встречаем и при разборе Лениным вопроса о механическом движении, а также связи понятий и эмпирического познания и при исследовании ряда других проблем, рассматриваемых в «Философских тетрадях».

Особый интерес представляет оценка Лениным взглядов Энгельса в связи с философским обобщением новейших открытий естествознания. В главе V книги «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин развивает идеи Энгельса почти по всем анализируемым им проблемам. Это вполне понятно. Ведь именно Энгельс дал философскую оценку развития естествознания во второй половине XIX в. Ленинское обобщение новейшей революции в области естествознания на рубеже XIX и XX вв. непосредственно примыкает в этом плане к работам Энгельса, являясь их продолжением и развитием. Особенно важно здесь вспомнить, что Ленин, не зная о содержании книги Энгельса «Диалектика природы», следует основному направлению изложенных в ней идей. Теоретическое содержание «Диалектики природы» нуждается в специальном и многостороннем анализе[3]. Многие идеи, выдвинутые в ней Энгельсом, давно уже приобрели характер общепринятых положений марксистской философии нашего времени.

В основу анализа новейшей революции в естествознании Ленин кладет мысль Энгельса: «С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 47.

[2] Там же, стр. 93; см. также: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 285.

[3] См. *Б. М. Кедров.* Энгельс и диалектика естествознания. М., 1970.

свою форму»[1]. Анализируя на этой базе кризис физики на рубеже XIX и XX вв., Ленин показывает, что известное идеалистическое положение «материя исчезла» проистекает из непонимания философского материализма как материализма диалектического. Рассуждения склоняющихся к махизму естествоиспытателей о метафизической «неизменной сущности вещей» являются плодом незнания диалектики. Выдвигая известные тезисы об определении материи и о бесконечности ее содержания «вглубь и вширь», Ленин связывает их со взглядами Энгельса. Так же поступает он и при анализе проблемы единства материи и движения.

Наиболее важным моментом ленинского анализа кризиса новейшей физики является раскрытие Лениным основных причин этого кризиса. Ленин указывает, что основа физического идеализма кроется в отрицании объективной реальности, данной нам в ощущении и отображаемой нашими теориями, т. е. в отказе от философского материализма. Это ленинское положение выступает как развитие идей Энгельса о материальности мира. «Какую бы позу ни принимали естествоиспытатели, над ними властвует философия, — писал Энгельс. — Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы над ними властвовала какая-нибудь скверная модная философия, или же они желают руководствоваться такой формой теоретического мышления, которая основывается на знакомстве с историей мышления и ее достижениями»[2].

В. И. Ленин видит в кризисе физики своеобразный преходящий период в истории науки и указывает, что это «болезнь роста, вызванная больше всего *крутой ломкой* старых установившихся понятий»[3]. Сопоставим это положение с известным высказыванием Энгельса, относящимся к естествознанию второй половины XIX в.: «Нельзя теперь взять в руки почти ни одной теоретической книги по естествознанию, не получив из чтения ее такого впечатления, что сами естествоиспытатели чувствуют, как сильно над ними господствует этот разброд и эта путаница...»[4]. Опять мы видим преемственность между

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 286.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 525.
[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 323.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 368.

взглядами Энгельса и Ленина и развитие Лениным теоретических идей Энгельса.

Третья, наиболее существенная причина кризиса физики, указывает Ленин, заключается в отступлении от прямого и бесповоротного признания объективной ценности ее теорий, т. е. в конечном счете в неуверенности относительно истинности наших знаний. Опровергая подобный агностический подход к науке, развивая идеи об объективности истин, раскрываемых в ходе научного познания, Ленин исходит из взглядов Энгельса, показавшего, что субъективное мышление и объективный мир должны в конечном счете согласоваться между собой. В связи с этим Ленин рассматривает факты математизации физики в XX в. и указывает, что они порождают представление об отделении науки от объективной реальности — замену материи математическими уравнениями, что ведет к забвению материализма; на деле это означает крупный успех естествознания, который позволяет подвергнуть результаты познания математической обработке. В отрывках, вошедших в работу «Диалектика природы», Энгельс строит свои доказательства диалектического единства бытия и мышления в значительной мере на математическом материале.

В качестве еще одной важной причины кризиса физики Ленин называет безудержный релятивизм, навязанный естествоиспытателям ломкой сформировавшихся ранее теорий. Этот релятивизм при незнании диалектики, подчеркивает Ленин, неминуемо ведет к идеализму. Он раскрывает это положение, вскрывая диалектику абсолютной и относительной истины, прямо ссылаясь на взгляды Энгельса. Он пишет, что «все эти положения, сами собою разумеющиеся для всякого, кто думал над «Анти-Дюрингом» Энгельса...» [1], замалчиваются либо извращаются новейшим физическим идеализмом. Роль Энгельса в решении данной проблемы, указывает Ленин, заключается в том, что он «отказался от старого, метафизического материализма в пользу *диалектического* материализма, а не в пользу релятивизма, скатывающегося в субъективизм» [2].

В XIX в. Энгельс сыграл выдающуюся роль в фило-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 328.

[2] Там же, стр. 329.

софском обобщении новых данных естествознания, в критике физиологического идеализма. Ленинская оценка физического идеализма конца XIX — начала XX в. является развитием идей Энгельса, продолжением его борьбы против идеализма и агностицизма. Критикуя физический идеализм, Ленин развивает соответствующие мысли Энгельса: «Не тела суть символы ощущений, а ощущения — символы (вернее, образы) тел... сегодняшний «физический» идеализм точно так же, как вчерашний «физиологический» идеализм, означает только то, что одна школа естествоиспытателей в одной отрасли естествознания скатилась к реакционной философии, не сумев прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму» [1].

Таким образом, развитие марксистской философии от Маркса и Энгельса к Ленину предстает перед нами как органически единый процесс. Это особенно важно в свете современной идейной борьбы марксистов против буржуазных и ревизионистских деятелей, стремящихся противопоставить идеи молодого Маркса идеям марксизма 60—80-х годов прошлого века, взгляды Маркса — взглядам Энгельса, а идеи Энгельса, особенно в позднейший период его деятельности (80—90-е годы) — ленинскому теоретическому наследию.

2. Диалектика общественного развития в трудах Энгельса

Ленин отдавал много сил пропаганде и популяризации социально-философских произведений Энгельса. Известны его неоднократные обращения в ЦК партии и различные издательские организации с призывом шире пропагандировать боевые, глубоко партийные социальные труды Энгельса. В 1905 г. в одном из писем Ленина читаем: «Спешу напомнить Вам об одной вещи, которую *необходимо* перевести и издать как можно скорее и которую я забыл упомянуть в разговоре с Вами (хотя давным-давно уже имел в виду эту вещь!). Это — Die Reichsver-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 330—331.

fassungskampagne Фридриха Энгельса... Это — отдельная, самостоятельная вещь, которая обязательно должна выйти брошюрой. Интерес ее в современный момент *особенно* велик» [1].

Несколько позднее, в докладе на III съезде РСДРП об участии социал-демократии во временном революционном правительстве, Ленин дал подробную оценку этой работы Энгельса. Он указал на значение положений Энгельса о путях организации и активизации восстания пролетариата, о боевой, наступательной стратегии и тактике пролетариата в революции. Ленин беспощадно высмеял оппортунизм меньшевиков, полный отход которых от революционных идей Энгельса выявился в революции 1905—1907 гг.

В одном из писем Ленина к И. Арманд в январе 1917 г. говорится: «Перечитывал «Zur Wohnungsfrage» Энгельса с предисловием 1887 г. Знаете? Прелесть! Я все еще «влюблен» в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это — настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить» [2]. Эта ленинская оценка не нуждается в комментарии. Но стоит отметить, что вопреки весьма распространенному во II Интернационале мнению, что Энгельса якобы интересовали в основном только общефилософские, методологические и естественнонаучные проблемы, Ленин показал великое значение идей Энгельса по многим наиболее боевым и злободневным проблемам диалектики общественного развития, теории классовой борьбы, революции и государства. Можно без преувеличения сказать, что в этой области Ленин «открыл» широкому читателю Энгельса не только как друга и соратника Маркса, занимавшегося теоретическими вопросами, но и Энгельса — революционного мыслителя, исследования которого были самым тесным образом связаны с практикой революционной борьбы международного пролетариата.

Громадной теоретической заслугой Энгельса было развитие марксистской теории по проблемам активной роли надстройки и общественного сознания в развитии человеческого общества. В статьях-письмах об историче-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 47, стр. 31.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, стр. 378.

ском материализме, написанных в первой половине 90-х годов прошлого века, Энгельс показал великую преобразующую силу теории и вообще надстроечных явлений в общественной жизни. Ленин развил эти идеи Энгельса, создав развернутое учение о роли субъекта в общественном развитии и о субъективном факторе в революции.

Главным, определяющим в общественном развитии, как известно, является объективный фактор, т. е. способ материального производства, складывающийся и развивающийся в обществе вне и независимо от сознания людей. Однако в отличие от объективных условий жизни людей он не включает в себя ни географической среды, ни динамики народонаселения, ибо они не играют в общественном развитии решающей роли. Развитие же производительных сил — наиболее активного и революционного элемента общественного производства — порождает исторически определенные общественные отношения и стимулирует их непрерывное развитие. В свою очередь производственные отношения, возникая на основе определенного уровня производительных сил, обладают способностью обратного активного воздействия на них.

Это обратное воздействие, как показали Маркс и Энгельс, реализуется в общественной деятельности людей как в сфере материальных производственных отношений (собственности, распределения, обмена и т. д.), так и в сфере идеологических и политических отношений, выступающих в качестве надстройки по отношению к первым. Таким образом, объективный фактор, который раскрывается в диалектике производительных сил и производственных отношений, существует и действует в диалектическом единстве с фактором субъективным, так как люди, являющиеся главным элементом материального производства, в то же время являются и его субъектом, сознательно формируют цели своей деятельности и намечают пути осуществления этих целей. Объективный фактор (как и субъективный фактор) всегда существует и функционирует в исторически конкретных формах.

В первые годы Советской власти Ленин называл главным фактором, определяющим победу пролетарской революции в СССР, союз рабочего класса и крестьянства. В других случаях он говорил о факторах конкретных исторических процессов строительства социализма: об индустриализации, развитии электрификации, создании

топливной базы, подготовке квалифицированных рабочих кадров и интеллигенции, коллективизации (ленинский кооперативный план, смычка города и деревни и т. д.). Однако во всех этих случаях речь шла о различных формах проявления главного — объективного экономического фактора как определяющей силы общественного развития. Таким образом, Ленин считал, что выяснение специфики действия объективного фактора на том или ином этапе развития требует максимальной конкретности и здесь абсолютно противопоказан догматический подход.

Читая гегелевскую «Науку логики», Ленин записал: «В системе Спинозы нет субъекта свободного, самостоятельного, сознательного (недостает *«свободы и самостоятельности самосознающего субъекта»*)...»[1] Здесь важна характеристика субъекта, как объединяющего в себе активность по отношению к объекту, осознание себя и объекта и свободу выбора субъектом своих действий. И далее: «На деле же субъективность есть лишь ступень развития из бытия и сущности, — а потом сия субъективность «диалектически «прорывает свой предел»» и «через заключение раскрывается в объективность»»[2]. Другими словами, по Ленину, субъективность есть момент в развитии объективного, причем, раз возникнув, субъективное активно воздействует на объект, раскрывая себя в нем.

Исходя из этих высказываний можно заключить, что субъективным фактором общественного развития является человеческая деятельность, практика и ее осмысление в сознании людей. При этом важно отметить, что субъективный фактор в истории общества меняет свое содержание. Если на ранних ступенях человеческой истории деятельность людей была по преимуществу стихийным процессом, в котором осознавались лишь узкие и непосредственные задачи и цели, то при переходе от капитализма к социализму самые широкие народные массы начинают действовать осознанно, имея в виду уже не только сегодняшние задачи и цели, но и историческую перспективу развития всего человеческого общества.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 149—150. В скобках Ленин берет в кавычки слова Гегеля.

[2] Там же, стр. 165.

Иногда из субъективного фактора исключают стихийные действия людей. Это неправильно. Ведь понятие «стихийный» имеет применительно к человеку и его действиям довольно относительный характер. Толпа религиозных и невежественных фанатиков, разрушающая сокровища науки и искусства, субъективно убеждена в том, что она действует сознательно, защищая основы своего религиозного мировоззрения. Понятие «стихийность», очевидно, употребляется как противоположность научному подходу к явлениям внешнего мира, сознательному использованию объективных законов общественного развития, основанному на их знании.

Таким образом, субъективный фактор общественного развития выступает как общественная практическая деятельность людей, основанная на определенных понятиях и представлениях о целях и задачах человека в исторически определенных условиях его существования.

Было бы неверно относить субъективный фактор либо только к материальным явлениям, либо только к духовной жизни людей, т. е. к сфере идеального. Здесь следует вспомнить указание В. И. Ленина о том, что идеальное, как таковое, есть продукт особым образом организованной материи, т. е. не существует вне и независимо от материального носителя. Эта мысль проводится Лениным неоднократно, например в работах «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и т. д. Согласно Ленину, различие материального и идеального следует понимать диалектически, как определенное единство противоположностей. Пределом противопоставления материи и духа в данном случае должны служить «те пределы, которые определяют *направление* гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» [1]. В годы Советской власти Ленин резко критикует «левых» доктринеров за противопоставление субъективных моментов и оценок действию объективных факторов.

Ленин, как и Энгельс, неоднократно подчеркивал диалектику субъективного и объективного факторов. В субъ-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т 18, стр. 259.

ктивном факторе четко выделяются две стороны. Одна из них — это явления, относящиеся к сфере материального взаимодействия человека и природы, а также производственная и политическая деятельность, работа в различных общественных организациях и т. д. Другая — сфера духовной жизни людей (познание и истолкование мира, различные виды идеологической деятельности и т. п.). Следовательно, к субъективному фактору следует подходить как к диалектическому единству материального и идеального, в котором материальное является первичным, главным, определяя и порождая идеальное и затем взаимодействуя с ним.

Раскрывая определяющую роль экономики в создании социалистического общества, Ленин в ряде своих работ и выступлений подчеркивал колоссальное значение мыслей Энгельса о политической и идеологической работе партии пролетариата. Он раскрыл идеи Энгельса о диалектическом единстве и неразрывной связи идеологии, политики и экономики. Развивая мысль Энгельса, Ленин отмечал, что политика возникает на основе экономики, являясь ее концентрированным выражением. Но вместе с тем политика не может не иметь «первенства» над экономикой в силу своей активной направляющей и мобилизующей роли. Эти ленинские положения, являющиеся непосредственным развитием идей Энгельса, полностью относятся к диалектике субъективного и объективного в общественном развитии.

Многогранна и разнообразна деятельность Ленина, развивающего идеи Маркса и Энгельса по вопросам общественной жизни. Особенно выделяется здесь разработка Лениным проблем государства и революции.

Летом 1917 г. Ленин писал одному из членов ЦК: «Entre nous: если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве»... Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса... Есть ряд замечаний и заметок, формулировок... Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали» [1]. Тетрадка, о которой пишет Ленин (известная «Синяя тетрадь»), содержала подготовительные материалы к работе «Государство и революция». В тетради помимо других материалов содержались выписки из ряда работ Энгель-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, стр. 444.

са и заметки по их содержанию (в том числе его работ «К жилищному вопросу» и «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года»).

На что же обращал внимание Ленин, выделяя основные идеи Энгельса о революции и государстве?

Ленин выписывает положение Энгельса, характеризующее политику оппортунистов: «На первый план выдвигают общие, абстрактные политические вопросы и таким образом прикрывают ближайшие конкретные вопросы, которые сами собой становятся в порядок дня при первых же крупных событиях, при первом политическом кризисе. Что может выйти из этого, кроме того, что партия внезапно в решающий момент окажется беспомощной, что по решающим вопросам в ней господствует неясность и отсутствие единства, потому что эти вопросы никогда не обсуждались?»[1] На полях Ленин записывает: *«((Абстрактное на 1-ый план, конкретное затушевать!!)) Nota bene!* NB прелесть! главное взято!»[2]

Достаточно вспомнить опыт всех революций XIX и XX вв., чтобы понять, что Ленин выделяет в мыслях Энгельса именно тот пункт, выполнение которого партией большевиков в Октябре 1917 г. облегчило победу пролетарской революции в России. И именно игнорирование этого пункта германской социал-демократической партией в ноябре 1918 г. стало одной из основных причин гибели германской пролетарской революции.

Вслед за этим в ленинской тетради идет выписка из работы Энгельса: «Это забвение... великих, коренных соображений из-за минутных интересов дня... может быть, происходит и из-за «честных» мотивов. *Но* это *есть оппортунизм* и *остается* оппортунизмом, а **«честный» оппортунизм,** *пожалуй, опаснее всех других*»[3]. Рядом на полях в двойной рамке записано: ««честный» оппортунизм всех опаснее»[4]. Это звучало очень актуально в 1917 г. Но ведь это столь же, если не еще больше, актуально и в наши дни, когда правый ре-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. **22**, стр. 237.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 143.

[3] Там же, стр. 145; см. также: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 237.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 145.

визионизм и оппортунизм пытаются спрятать под «честностью» своих намерений антисоциалистическое содержание и враждебную идеям коммунизма политическую сущность.

Подводя итоги анализа критических замечаний Энгельса по поводу проекта программы германских социал-демократов 1891 г., Ленин выделяет как наиболее важное: прямую борьбу Энгельса против оппортунизма; защиту им диктатуры пролетариата как конечной цели пролетарской революции; критику иллюзии только мирной, только легальной борьбы. Все эти моменты остаются наиболее важными и актуальными и в истории международного рабочего движения вплоть до наших дней.

Выписывая основные мысли из работы Энгельса «К жилищному вопросу», Ленин выделяет определение им важной функции диктатуры пролетариата — уничтожения противоположности между городом и деревней. Для Ленина это положение представляло особый интерес в связи с принципиальной постановкой Энгельсом вопроса о пролетарском государстве как государстве совершенно особого типа. Ленин писал: «Вот наглядно — одна из функций диктатуры пролетариата, одна из задач *государства* (объединение пролетариев) в *переходную эпоху* от капитализма к полному коммунизму. Такой вещи нельзя *т о т ч а с* начать делать без *революционного использования г о с у д а р с т в е н н о й власти*»[1]. Позднее, в работе «Государство и революция» Ленин приведет слова Энгельса из письма к Бебелю: «Пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе, — не будет государства»[2].

Итак, развивая теорию революции и социалистического государства, В. И. Ленин разрабатывал далее и конкретизировал взгляды Маркса и Энгельса. Однако это не просто популяризация их идей, как часто любят утверждать буржуазные марксологи и ревизионисты, а оригинальные воззрения, углублявшие и дополнявшие позицию основоположников марксизма. Ленин глубоко

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 203.
[2] Там же, стр. 89.

и всесторонне использовал эти идеи в процессе разработки теоретических основ строительства социализма в СССР, анализа проблем мирового коммунистического движения и международных антиимпериалистических сил. Эти марксистско-ленинские идеи имеют громадное значение и для деятельности современных коммунистических и рабочих партий.

Мы привели только два примера творческого использования Лениным философского наследия Энгельса по вопросам диалектики общественного развития. В истории творческого развития марксизма Лениным много и других столь же ярких примеров. Но и того, что сказано, достаточно, чтобы иметь основание сделать общий вывод о громадном значении идейного наследства Энгельса для дальнейшей разработки марксистской теории, о развитии его идей В. И. Лениным в новых исторических условиях, об актуальности и жизненности их вплоть до настоящего времени.

3. Деятельность Энгельса как историка философии

В работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин дал интереснейшую характеристику взглядов Энгельса как историка философии. Следует отметить, что Ленин в этом случае особое внимание обратил на методологические основы историко-философских идей и оценок, содержащихся в трудах Энгельса. В ряде ленинских работ имеется большое количество более частных оценок историко-философских исследований Энгельса, раскрывающих другие моменты историко-философской концепции Маркса и Энгельса, как-то: вопрос о гносеологических и социальных истоках тех или иных философских течений, проблема партийности в истории философии и т. д.

Что же выделяет Ленин как наиболее существенное в трудах Энгельса как историка философии? Прежде всего четкое проведение Энгельсом в истории философии принципа коренного отличия и противоположности материализма и идеализма. «...Энгельс, — писал Ленин, — во всех своих философских работах коротко и ясно противополагает по *всем* вопросам материалистическую и

идеалистическую линию...»[1] Ленин ссылался, в частности, на работы Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и «Анти-Дюринг». «Эту суть дела, — писал Ленин, — с полнейшей определенностью выразил Энгельс в своем «Л. Фейербахе», когда он *всех* кантианцев и юмистов того времени (т. е. 80-х годов прошлого века) отнес к лагерю жалких эклектиков, крохоборов (Flohknacker, буквально: ущемитель блохи) и т. п.»[2]. В. И. Ленин подчеркивает, что Энгельс избегает здесь имен, так как для него важно определить общую тенденцию развития идеализма в конце XIX в., а не знакомить немецких рабочих с «выродившимся потомством» классической немецкой философии.

Ленин показывает различное отношение Энгельса к идеализму и материализму на примере критики им «плохого», т. е. метафизического, материализма XIX в. Если о «плохих материалистах» Маркс и Энгельс говорили, желая исправить их ошибки, пишет Ленин, то «о юмистах и берклианцах, Махе и Авенариусе, они и разговаривать не стали бы, ограничившись одним еще более презрительным замечанием по адресу *всего* их направления»[3]. Однако из этого отнюдь не следует, что в критике метафизического материализма Энгельс не выступает с последовательных и принципиальных позиций. Наоборот, позиция Энгельса четка и определенна, и Ленин отмечает это, говоря: «А яснее, чем отозвался Энгельс о французском материализме XVIII века и о Бюхнере, Фогте и Молешотте... трудно было бы выразиться. Не понять Энгельса *нельзя*, если *не желать* извратить его»[4].

В. И. Ленин комментирует известные положения Энгельса о трех ограниченностях домарксовского материализма: о его механистичности, заключающейся в абсолютизированном применении масштаба механики к сложным процессам химии и биологии; о его метафизичности, выразившейся в антидиалектическом подходе к познанию мира; о его ограниченности, непоследовательности в области общественных наук.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 358.
[2] Там же, стр. 214—215.
[3] Там же, стр. 252.
[4] Там же.

«*Исключительно* за эти три вещи, *исключительно* в этих пределах отвергает Энгельс и материализм XVIII века, и учение Бюхнера и К°!» [1] Что же касается всех остальных более азбучных вопросов материализма, писал Ленин, «*никакой разницы* между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, всеми этими старыми материалистами — с другой, *нет и быть не может*» [2]. Ленин показал это на примере критики Энгельсом Дюринга. Он подчеркивал, что Энгельс критиковал Дюринга не за его материалистические тенденции (признание ощущений, сознания, разума естественноисторическим продуктом живой материи), а за непоследовательное проведение этого принципа, оставляющее лазейку идеализму. Дюринг признавал, что человеческие знания закономерно возникают в сознании людей под воздействием окружающего их материального мира. Энгельс критиковал Дюринга не за это материалистическое положение. «Он высмеивал всякую напыщенность, — писал Ленин, — но в признании объективной закономерности природы, отражаемой сознанием, *Энгельс вполне сходился с Дюрингом*, как и со всяким другим материалистом» [3].

В конкретных исторических условиях последних десятилетий XIX в., писал Ленин, в среде передовой интеллигенции и рабочего класса господствовало материалистическое мировоззрение. «Совершенно естественно поэтому, что не на повторение старого обратили все свое внимание Маркс и Энгельс, а на серьезное теоретическое *развитие* материализма... Совершенно естественно, что они *ограничивались* в области гносеологии исправлением ошибок Фейербаха, высмеиванием пошлостей у материалиста Дюринга, критикой ошибок Бюхнера... они *больше отгораживались* от вульгаризации азбучных истин материализма, чем *защищали* самые эти истины» [4].

В. И. Ленин подчеркивал исключительную последовательность Энгельса в защите диалектического и исторического материализма как от идеализма, так и от метафизических извращений. И это является одной из

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 253.
[2] Там же, стр. 254.
[3] Там же, стр. 254—255.
[4] Там же, стр. 255—256.

существеннейших сторон историко-философской деятельности Энгельса. В этом проявилась подлинная партийность историко-философского подхода Энгельса и Ленина, настойчиво и систематически раскрывавших основную разграничительную линию в развитии философских знаний как борьбу между материализмом и идеализмом, как борьбу диалектики против метафизики.

Важной стороной историко-философских трудов Энгельса было выявление им не только реакционного и отжившего свой век, но и всего прогрессивного в предшествующей философии. Создавая уже в советские годы программу развития марксистской философии и ее борьбы с идеализмом, в статье «О значении воинствующего материализма» Ленин указывал, что Энгельс давно советовал руководителям современного пролетариата переводить для массового распространения в народе боевую атеистическую литературу конца XVIII в. Вместе с тем Ленин считал, что важно не только использовать материалистические и атеистические традиции старого материализма.

В. И. Ленин призывал широко развернуть изучение философских трудов Маркса и Энгельса. Отвечая на попытки отдельных лиц найти у Энгельса «устарелые» и «неверные» положения, Ленин писал: «Я на своем веку больно много видал скоропалительных обвинений Энгельса в оппортунизме и отношусь к ним архинедоверчиво: Попробуйте, мол, докажите-ка сначала, что Энгельс был неправ!! Не докажете!» [1] Критикуя русских махистов, высокомерно третировавших Энгельса как якобы «устаревшего» философа, Ленин заметил: «...с каким презрением встретил бы Энгельс теперешнее увлечение кучки марксистов «новейшим позитивизмом» или «новейшим реализмом» и т. п.» [2]. Ленин всегда подчеркивал органический сплав глубокой научности и подлинно революционной партийности в трудах Энгельса, его глубокое отвращение ко всякому приспособленчеству к чужим мнениям, бессодержательности и напыщенности, характерной для многих буржуазных и мелкобуржуазных идеологов типа Дюринга или Бюхнера. «...Та философия, которую

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, стр. 348.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 360.

обосновал Энгельс в «Анти-Дюринге», — писал Ленин, — мещанства не допускает и на порог» [1].

* * *

В. И. Ленин творчески применял и развивал многие теоретические идеи Ф. Энгельса. Особенно важное и непреходящее международное значение имеет учение Ленина об основных формах классовой борьбы, изложенное им в работе «Что делать?», где широко использованы мысли Энгельса о роли и месте теоретической борьбы пролетарской партии в общем процессе классовой борьбы рабочих с буржуазией. Многие положения Энгельса об оппортунизме легли в основу ленинской критики меньшевизма, троцкизма, социал-шовинизма и ряда других разновидностей оппортунистических и ревизионистских теорий. Эти боевые традиции классиков марксизма живут и развиваются ныне, когда борьба против правого и «левого» оппортунизма и ревизионизма является насущной задачей мирового коммунистического движения. Ленин особо подчеркивал значение этой стороны деятельности Энгельса, указывая: «...Энгельс сумел пробивать себе дорогу к *пролетарскому* социализму, не боясь разрыва с массой добрых людей, горячих революционеров, но плохих коммунистов» [2].

Глубокая партийность и бескомпромиссность Энгельса в вопросах идеологии, его борьба за идейное единство подлинных революционеров является для коммунистов всех стран образцом практически-революционной деятельности и теоретического поиска. Пролетарии всех стран «прекрасно усваивают глубочайшую (философскую, историческую, политическую, психологическую) истину, изложенную Энгельсом» [3], ибо Энгельс, «принадлежащий, подобно Марксу, к тем редким и редчайшим писателям, у которых в каждой фразе каждой крупной их работы есть замечательная глубина содержания...» [4], был и остается для коммунистов всего мира примером великого и беззаветного служения самой благородной

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 47, стр. 138.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 267.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 51.
[4] Там же, стр. 50.

цели, когда-либо существовавшей в истории человечества, — построению коммунистического общества.

И не случайно в наши дни открытые и скрытые враги марксизма-ленинизма всячески пытаются извратить и принизить значение теоретических идей Энгельса. Эти идеи как в XIX в., так и сегодня являются острым оружием партии пролетариата в ее борьбе за подлинный прогресс всех людей на земле, за уничтожение эксплуатации и угнетения человека человеком.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Проблемы диалектического материализма

Глава шестая

Вопросы теории познания в трудах Энгельса

Фридрих Энгельс вместе с Карлом Марксом заложил основы теории познания диалектического материализма. Он сформулировал основные принципы познавательного отражения, и ему, как подчеркивал В. И. Ленин, принадлежат классические характеристики диалектических закономерностей перехода от незнания к знанию, от относительной к абсолютной истине. Проблематика отражения занимает существенное место в теоретической системе марксистско-ленинской философии, ее разработка лежит в фундаменте построения диалектико-материалистической гносеологии, хотя она и шире последней, а история ее развития в основных своих членениях входит в состав главных этапов истории марксизма в целом. Современный этап в развитии философии марксизма существенно определяется созданной В. И. Лениным теорией отражения, отправные пункты которой были выработаны К. Марксом и Ф. Энгельсом. Недаром атаки ревизионистов на марксизм-ленинизм чаще всего бывают направлены именно против этой теории [1].

Учение о развитии отражения от относительных истин к истине абсолютной складывалось у Ф. Энгельса на основе обобщения им опыта формирования марксизма как научной теории, отражающей действительность, и в том числе действительность социальную, в ее сущности и тенденциях. Оно складывалось также на основе анализа огромного количества фактов истории науки, философии, культуры. Основательно занимаясь изучением естествознания, Ф. Энгельс смог соединить естественнонаучный и социальный планы анализа, значительно углубив тем самым свои гносеологические изыскания. Принципиальную роль в исследованиях Энгельса по теории познания сыграли методологические идеи, которыми ру-

[1] «Neki problemi teorije odraza. Referati i diskusija na IV stručnom sastanku udruženja». Bled, 10—11, Novembra 1960.

ководствовался К. Маркс во время работы над «Капиталом», а также характеристика основоположниками марксизма пути, пройденного ими от «Набросков к критике политической экономии» и «Экономическо-философских рукописей 1844 года» до научной политической экономии революционного пролетариата, которая завершила собой формирование марксизма. Гносеологические исследования Энгельса проводились им не в кабинетной изоляции, а в борьбе против утопических конструкций и ревизионизма в политике, гегелевского и дюрингианского «абсолютизма», юмистского и кантианского агностицизма в философии. Энгельс всегда был решительным противником вульгарного материализма, и критика по адресу последнего была важной составной частью исследований проблем познания.

Исследования Энгельса по теории познания были продолжены В. И. Лениным и подняты им на новую ступень как теория отражения. В наши дни ленинская теория отражения находится в центре идеологической борьбы и на этапе своего интенсивного развития. При этом категория отражения (отображения) осмысливается главным образом в разрезах четырех понятий: (1) деятельности субъекта, (2) активности сознания, (3) ответной реакции организмов, а также кибернетических устройств на внешние воздействия и (4) приращения знаний людей. Многосторонность этой категории связана, в частности, с тем, что область ее применения была существенно расширена В. И. Лениным и охватила неорганическую природу. Но деятельная активность и преобразующая реактивность отражения в наибольшей степени, безусловно, присущи главному виду его — познавательному отражению. Познавательное отражение и было основным объектом теоретических исследований в трудах Энгельса.

1. Об объектах и видах отражения

Энгельс, как это видно из произведений «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы», считал понятия «познание» и «отражение» в основном тождественными, придавая им значение воспроизведения объективной реальности в

знании. Первым уровнем отражения является отражение объективной реальности в виде наук и научных теорий. Об отражении как сознательном познании действительности Энгельс писал: «Уже верное отражение *природы* — дело трудное, продукт длительной истории опыта... В сфере *общественных* явлений отражение еще более трудное дело» [1]. Отражению подлежат и сами субъективные его продукты, т. е. результаты отражения, которые в свою очередь рефлектируют в сознании, подвергаются изучению, гносеологической характеристике и определению причин их искаженности; то же касается и познания идеологических явлений. Это второй уровень отражения; он имеет место и в истории самих наук, где необходимо выяснить степень неполноты и искаженности отражения действительности в научных теориях, в которых нередко «отражение принимается за отражаемый объект... Именно такой случай представляет учение о теплоте: в течение почти двух столетий теплота рассматривалась не как форма движения обыкновенной материи, а как особая таинственная материя...» [2]. В гносеологической же и логической науках складывается третий уровень отражения, поскольку теория познания и логика исследуют в свою очередь формы познающего (отражающего) мышления, которые опосредованно зависят от познаваемых в них связей содержания, т. е. в этом смысле сами отражают его.

Уже в трудах Энгельса наметилось более широкое, чем познание, значение отражения, которое предвосхищало понятие изоморфического воспроизведения структур, сложившееся достаточно отчетливо в гносеологии только к середине XX в. В этом смысле в письме К. Шмидту от 27 октября 1890 г. Ф. Энгельс говорил о том, что «в борьбе между правительством и оппозицией отражается борьба уже до этого существующих и борющихся классов...» [3], хотя это затем превратно отражается в сознании в виде борьбы не классов, но политических принципов в чистом будто бы их виде. Подобное же воспроизводящее отражение Энгельс отмечал в соотно-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 639, 640.
[2] Там же, стр. 371.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 417.

шениях между трудом, мышлением и языком, носящим весьма общий характер [1].

Познавательный изоморфизм (или же гомоморфизм) является в этом плане лишь частным случаем отражения как общего процесса, который в конечном счете проистекает из единства господствующих в мире закономерностей. «...Наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и ... поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собой» [2].

Энгельс выдвинул программу исследования различных видов познавательного отражения. Эти виды отличаются друг от друга по объекту отражения, по уровню отражательных процессов и по характеру получаемых в них результатов. Вещи и процессы познавательно отражаются в чувственных восприятиях, представлениях и понятиях. Более содержательным, полным и адекватным оказывается отражение в форме суждений, умозаключений, а тем более в виде научных законов и развитых теоретических систем, выработка и принятие которых подготавливаются гипотезами. Энгельс определял науки как мыслительные способы отражения различных форм движения материи [3]. Наиболее глубокое отражение достигается в тех научных теориях, которые способны обеспечить широкое прогнозирование, подтверждаемое многообразием общественной практики. Такова теория научного социализма, характеризуемая в работе «Анти-Дюринг» как отражение конфликта между производительными силами и производственными отношениями капиталистического общества [4]. Такова материалистическая диалектика, которую Ф. Энгельс характеризует весьма подробно, создавая основы классификации ее форм.

Энгельс постоянно обращал внимание на то, что сама теория отражения в марксизме должна быть диалектической. «...Точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть получено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникнове-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 490.
[2] Там же, стр. 581.
[3] См. там же, стр. 564—565.
[4] См. там же, стр. 279.

нием и исчезновением...»[1] Энгельсово понимание отражения как активного процесса взаимодействия коренным образом отличается от трактовки познания в старом, метафизическом материализме. Этого всячески не желают видеть буржуазные марксологи и некоторые их последователи в рабочем движении и даже в марксистских партиях, изображающие Энгельса неким «вульгаризатором» марксизма, который будто бы не принял «активистской» концепции практики Маркса и, внеся в его теорию «сциентизм», «онтологизм» и «схематизм», истолковал отражение якобы в духе идей французских материалистов XVIII в. Отождествление принципа отражения с пассивно-созерцательными концепциями познания у многих современных ревизионистов стало общим местом в их построениях.

Утверждая, что Энгельс противопоставил понятие пассивного отражения учению Маркса об активной практике, буржуазные «марксологи» связывают это мнимое противопоставление с еще более фальшивой антитезой двух линий — сциентистской, якобы заложенной в марксизме Энгельсом, и гуманистической, основанной ранним Марксом. Они связывают его, кроме того, и с еще более ложной концепцией «двух философий». Согласно этой концепции, выраженной, в частности, Г. Веттером, существуют две совершенно различные философии — учение о человеке Маркса и учение о материи Энгельса. Этой схеме соответствует, согласно взглядам Веттера, противоположность, существующая будто бы между диалектикой субъективного отчуждения у Маркса и диалектикой природы и объективного ее отражения у Энгельса. «О самоотчуждении как предпосылке для возвращения к себе больше вообще нет речи. Основная мысль гегелевской диалектики состоит для Энгельса в том, чтобы рассматривать мир как комплекс процессов...»[2]

Данное противопоставление, однако, не более, чем выдумка патера Веттера. Впрочем, противопоставление это не оригинально. Мы найдем его, например, у Г. Маркузе[3], И. Фетчера, Ж.-П. Сартра, а в книге З. Йорда-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 22.

[2] *G. A. Wetter.* Die Umkehrung Hegels. Grundzüge und Ursprünge der Sowjetphilosophie. Köln, 1963, S. 31.

[3] *H. Marcuse.* Reason and Revolution. Hegel and the Rise of Social Theory. New York, 1941, p. 314—315.

на [1] оно объявляется чем-то само собой разумеющимся и абсолютно доказанным. Восходит же это противопоставление к ранней работе Г. Лукача «Geschichte und Klassenbewußtsein» (1923 г.), в которой ошибочно утверждалось, будто Энгельсова концепция объективной диалектики и ее отражения в познании — это упрощение взглядов Маркса в духе схематического дарвинизма и механистического материализма. От этих взглядов сам Лукач отказался еще в 1934 г., выступая в Коммунистической академии в Москве.

Какова же подлинная, историческая правда?

Еще в докторской диссертации Маркс поставил проблему связи природной диалектики с социальной, а позднее вел с Энгельсом переписку по вопросам диалектики природы. Но между Марксом и Энгельсом установилось, как известно, определенное разделение труда, и значительное внимание Энгельса к объективной диалектике и ее познавательному отражению проистекало именно из этого обстоятельства, а не из якобы «непринятия» им диалектики практики, отчуждения и социальной борьбы. Энгельс обратил специальное внимание, например, на социальную диалектику в трудах Ж.-Ж. Руссо и оставил много соображений о диалектических функциях практики, в частности в связи с проблемами антропогенеза.

В то же время понимание диалектики Энгельсом было, как и у Маркса, противоположно гегелевскому, основанному на тождестве сознания и реального бытия. У Энгельса обрисовалось учение о трех видах материалистической диалектики, опирающееся на принцип отражения. Содержание этого учения обнаруживает ложность развиваемой И. Бохенским и Г. Веттером концепции, согласно которой Энгельс, как только он переходил от онтологической стороны основного вопроса философии к гносеологической стороне, т. е. к проблематике отражения, сразу же покидал позиции материализма и занимал менее определенные позиции «реализма» [2].

«Так называемая *объективная* диалектика, — писал Энгельс, — царит во всей природе, а так называемая

---

[1] *Z. Jordan.* The Evolution of Dialectical Materialism. London, 1967.

[2] *G. A. Wetter.* Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion. Wien, 1958, S. 331.

субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей. . .»[1] Это принципиальный тезис: не случайно отрицающие теорию отражения некоторые авторы, сотрудничающие ныне в загребском журнале «Праксис», опираются на то соображение, что субъективной диалектике «нечего отражать», поскольку объективной диалектики не существует.

Движение диалектических форм в сознании человека, по утверждению Энгельса, — это отраженный по отношению к материальному ряд движения.

Итак, «диалектика головы — только отражение форм движения реального мира, как природы, так и истории»[2]. Но эта «диалектика головы», т. е. субъективная диалектика, в свою очередь расчленяется на (1) содержательное отражение объективных диалектических процессов в разных специальных науках, (2) диалектику логических форм, в которых происходит указанное содержательное отражение. В этом последнем смысле Энгельс в подготовительных материалах к «Анти-Дюрингу» писал о втором, внутреннем роде опыта, в который входят «законы мышления и формы мышления»[3]. Этот род опыта составляет, по-видимому, содержание диалектической логики марксизма в узком ее значении. В широком же значении эта логика объемлет все три вида диалектики, а тем самым почти все содержание философии диалектического материализма. Недаром определения диалектики и философии как наук о наиболее общих законах развития природы, общества и познания у Энгельса столь близки друг другу.

Именно о субъективной диалектике в первом значении этого термина шла речь выше как о первом уровне отражения, а ее статус, соответствующий второму значению термина, был намечен третьим уровнем отражения. Что касается второго уровня отражения, то он соответствует тем логикам «с маленькой буквы», под которыми В. И. Ленин понимал логическую структуру отдельных наук, т. е. «прикладные логики». Он соответствует также логике научного исследования как частной дисциплине,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 526.

[2] Там же, стр. 519; см. также: письмо Ф. Энгельса К. Шмидту от 1 ноября 1891 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, стр. 177).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 629.

обобщающей «прикладные логики» смежных групп наук и методологический опыт их развития.

Упомянутый выше материальный ряд движения, т. е. объективная диалектика вещей и процессов вне нас, отражается, по мысли Энгельса, не только в различных специальных науках, но и в учении об объективной диалектике, которая может развиваться только во взаимодействии с логикой научного исследования и со специальными науками: последние все более и более воспринимают диалектику, а диалектика, осмысливая новые научные открытия и достижения, достигает в своем развитии временами таких рубежей, что на основе коренных переломов в науке сама приобретает качественно новый вид. Положение Энгельса о коренных изменениях материализма под воздействием революций в науке было развито Лениным до тезиса о глубоких изменениях диалектики, происходящих в самом диалектическом материализме в силу аналогичных причин. В определенном смысле можно сказать, что наука об объективной диалектике как ее осознание и теория есть третье значение термина «субъективная диалектика» и разновидность последней.

Вопрос о предмете отражения в диалектической логике как науке тесно связан с ее отношением к формальной логике. Предрассудок, будто Энгельс был противником формальной логики, поскольку в принципе отождествлял ее вслед за Гегелем с метафизическим методом мышления, нашел широкое распространение. Но на деле Энгельс в отличие от Гегеля упрекал в метафизичности только ту фактически существовавшую, в особенности в Германии в середине XIX в., формальную логику, которая методологически была основана на кантианстве или на аналогичных метафизических традициях. Факты говорят о том, что здоровое ядро формальной логики как науки Энгельс не считал пораженным метафизической болезнью. В самом деле, ведь он рассматривал изучаемые ею формы мышления как отражение некоторых, наиболее общих связей действительности. Это вытекает из того утверждения Энгельса, что из всей прежней философии сохраняет положительное значение кроме диалектики также и формальная логика [1], что, добавим, не означает ни того, что марксистская философия включает в

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 25, 525.

себя только эти две дисциплины, ни того, что формальная логика должна войти непосредственно в ее состав [1].

Вопрос о составе философии марксизма решался Энгельсом в тесной связи с вопросом о ее предмете. Из положений Энгельса о философии как одновременно и наиболее общей и специфической (в силу специфичности ее основного вопроса) науки вытекает, что диалектический материализм есть наука о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого познания, основной проблемой которой является проблема наиболее широкого из всех отношений — отношения между сознанием и объективной реальностью, отношения генетического, познавательного и социально-практического.

Энгельс толковал математические аксиомы как производные от формальной логики и в то же время характеризовал законы и выводы математического мышления как «абстрагированные из реального мира» [2]. Поэтому вполне естественно заключение Энгельса, что «формальная логика представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному...» [3] и должна сохранить свое существование как наука не только в настоящем, но и в будущем.

При рассмотрении отношений между диалектикой и формальной логикой Энгельс все время имел в виду вопрос, что же все-таки отражается в формальных связях. Для выяснения этих отношений он использовал аналогию отношений между низшей и высшей математикой, из которых последняя прорывает «узкий горизонт» арифметики, но отнюдь не отменяет таковой и даже пользуется ее помощью чуть ли не на каждом шагу. Он сопоставлял тем самым логические и математические структуры внутри области действия диалектики, а именно диалектики отражения [4]. Это обнаруживается и тогда, когда Эн-

---

[1] См. *В. С. Бачманов.* Методологические вопросы формальной логики. Л., 1969, гл. 1, § 3—4, где убедительно показано, что Энгельс не сводил философию к учению о мышлении и его законах.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 38.

[3] Там же, стр. 138.

[4] Из этой аналогии видно, что формальнологические связи и закономерности продолжают действовать и на высшем, т. е. диалектическом, уровне мышления, будучи необходимыми, но недостаточными для достижения истин. Впрочем, среди марксистов есть сторонники и иных точек зрения на данную аналогию.

гельс в самих формальных актах сложения и вычитания видит пример диалектической противоположности и в то же время, разумеется, и шаги, ведущие к познавательным результатам. Это происходит и тогда, когда он считает возможным повторить формулу Гегеля, что формальная логика широко применима «в условиях домашнего обихода» [1], и в то же время возвышает ее до ранга познавательного метода. Ведь на уровне простейших макроотношений высокой степени устойчивости, а тем более относительного покоя, рассматриваемых, например, в тех специальных науках, которые абстрагируются от развития, даже метафизически интерпретированная формальная логика более или менее успешно справляется со своими задачами, не принося заметного вреда [2].

Но из данной формулы Энгельса совсем не вытекало ни того, что в условиях «домашнего обихода» не действует диалектика, ни того, что стремления применить формальную логику за пределами «домашнего обихода» непременно приведут к фиаско. Мало того, ведь уже Гегель высказывал верную мысль, что формальнологическая структурность мышления необходима на всех этапах познавательной деятельности [3].

Отвечая на вопрос, что является объектом отражения в формальных связях, Энгельс рассматривает ситуацию в двух планах — (1) выявления приблизительных прообразов математических и логических форм в объективной реальности и (2) указания на точные их прообразы, т. е. на абсолютные эквиваленты их значения. В свете этого обстоятельства обнаруживается, что направления гносеологических исследований Маркса, Энгельса и Ленина, как правило, не только развивали, но и дополняли друг друга. Энгельс выяснил вопрос о частных прообразах понятия «материя», тогда как В. И. Ленин сформулировал общее определение этого понятия. К. Маркс в «Математических рукописях» изучал соответственно вопрос об абсолютных прообразах (или о точном значении) символов дифференциального уравнения, а Ф. Энгельс в «Диалектике природы» — о приблизительных их

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 520; см. также: *Гегель.* Соч., т. I. М.—Л., 1929, стр. 209, 337.

[2] См. *И. С. Нарский.* Развитие марксистской философии в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса. М., 1958, стр. 13—15.

[3] См. *Гегель.* Соч., т. I, стр. 132.

прообразах. Полученные при этом результаты должны были быть именно в силу диалектики их внутреннего родства свободны от абсолютного совпадения, и говорит это не о каких-то мнимых «разноречиях» между классиками марксизма, а, наоборот, о единстве и последовательности линии развития ими философской теории. Попытки противопоставить, например, Ленина Энгельсу на том основании, что Энгельс будто бы третировал «вечные истины», а Ленин их защищал, в настоящее время отвергнуты окончательно. Такой же финал ожидает и рассуждения о мнимых «разноречиях» в вопросе об объектах и продуктах абстрактного отражения.

2. О двух направлениях в анализе прообразов абстракций и об уровнях отражения

Рассмотрим, как Энгельс решал вопрос, что отражает отвлеченное общее понятие «материя».

Термины «движение» и «материя» он характеризовал как «*сокращения*, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей» [1]. Это не было определением материи; это означало лишь выяснение гносеологических процессов, приведших к образованию того рабочего понятия материи, которым оперировали материалистически настроенные естествоиспытатели XIX в. Рабочее понятие нуждалось в приблизительных прообразах, и в качестве таковых Энгельс указывал на гипотетические внутризвездные состояния вещества [2]. Данный пример он считал приблизительным также и в том смысле, что вопрос об абсолютно однородной в качественном смысле «первоматерии» оставался в его время далеким от каких-либо конкретных подходов к его разрешению, а возможность положительного его решения в будущем представлялась Энгельсу весьма сомнительной [3]. Он вообще не связывал себя непременным отождествлением материи с веществом (это видно уже из его замечаний по поводу физи-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 550.
[2] См. там же, стр. 558.
[3] См. там же, стр. 568, 570.

1 286

ческого «эфира»). В области же исторического материализма он исходил, как и Маркс, из понимания «материального» как объективно, т. е. вне, до и независимо от сознания существующего, но еще не сформулировал точного общефилософского определения материи, ибо естествознание 70—80-х годов XIX в. не давало для этого достаточных побуждений. Считая употребление термина «материя вообще» вполне правомерным, несмотря на то что отсутствовал его точный конкретный прообраз, который отличался бы от различных эмпирическо-частных видов материи, Ф. Энгельс принимал этот термин в гносеологически оперативном смысле, поскольку он позволял учитывать в познании общность и единство бесконечного мирового многообразия.

Глубокая взаимосвязь и взаимодополняемость исследований Маркса и Энгельса по проблематике отражения могут быть показаны на материале изучения ими значения символов дифференциального и интегрального исчислений. Поставив перед собой вопрос, какой точный познавательный смысл скрывается за выражениями «дифференциал», «производная» и другие, Маркс подошел к проблеме с точки зрения абсолютной истины. Выясняя характер возможных приблизительных объективных прообразов этих понятий, Энгельс рассматривает ту же проблему через призму относительной истины.

В определенном смысле направления этих исследований были даже взаимопротивоположны. Энгельс для решения поставленной им задачи как бы предполагает, что ранее был уже пройден индуктивный путь обобщения от реальных объектов до математических абстракций и теперь следует проделать его в обратном направлении. Но этот обратный путь существенно отличается от первого: результаты обобщения лишь приблизительно соответствовали содержанию эмпирического уровня, и если за «точку отсчета» на нисходящем пути взять уже символы как только единообразно и взаимно-однозначно обозначающие некоторые понятия, то приблизительными, напротив, окажутся результаты нисхождения, т. е. искомые объективные прообразы. Решение же задачи, поставленной перед собой Марксом, требовало иного подхода: этап индуктивного восхождения здесь уже не имел силы, а обратный путь в результате Марксова «оборачивания» самого метода превратился не только в исход-

ный, но и в качественно отличный от того, с которым имел дело Ф. Энгельс, ибо это был уже путь не нисхождения от символов к объектам, а движения от символов к результатам их применения.

Что это далеко не одно и то же, обнаружилось по различию получаемых результатов движения: дифференциалы представляют собой, по Марксу, оперативные символы, указывающие на действия, которые должны быть выполнены для нахождения производных; в итоге последующих операций дифференциальные символы выпадают и получаются определенные конечные результаты [1].

Энгельс поставил перед собой, как мы отметили, другую задачу. Он разрешил ее, указав в качестве физических прообразов дифференциалов на процессы сублимации паров, возгонки твердых тел и испарения жидкостей [2]. В фрагменте «О прообразах математического бесконечного в действительном мире» он приводит в виде примеров не только слой молекул толщиной в одну молекулу в отношении его к некоторому макрообъему, но и рассеянное тепловое движение отдельных молекул в отношении к совокупному механическому движению массы, составленной из этих молекул, допуская также существование в природе приблизительных аналогов для $d^n x$, где $n \geqslant 2$. В целом вопрос о физических прообразах дифференциалов был для Энгельса только частью более широкого вопроса о соответствии абстракций отражаемой в них действительности, и положительное его разрешение проясняло познавательное содержание широкого класса мыслительных продуктов.

В принципе Ф. Энгельс считал, что у всякой абстракции, в том числе и у воображаемой, есть в конечном счете некоторые объективные прообразы, но, с другой стороны, не всякую абстракцию можно считать адекватным отражением этих прообразов. «Для всех... воображаемых величин природа дает нам прообразы» [3], но было бы ошибкой искать прообразы «сокращенным» путем через непосредственное соотношение всех абстракций с чувственно наблюдаемым: «...желают познавать эти аб-

---

[1] См. *К. Маркс.* Математические рукописи. М., 1968, стр. 109 и др.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 583—584.

[3] Там же, стр. 582.

стракции чувственно, желают видеть время и обонять пространство. Эмпирик до того втягивается в привычное ему эмпирическое познание, что воображает себя все еще находящимся в области чувственного познания даже тогда, когда он оперирует абстракциями»[1]. На основе этих и подобных соображений Энгельс наметил различные уровни отражения в математическом знании.

Чувственно-вещественные прообразы единицы и вообще элементов натурального ряда чисел искать недолго. Отрицательные числа получают через их соотношения с положительными величинами, а мнимые и комплексные — через геометрические интерпретации. В случае, когда мы стоим перед задачей отыскать прообразы математического нуля, а тем более прообразы дифференциалов, возникает и усиливается отдаление от предметного (вещественно-материального) уровня, так что переход к исходному уровню отражения подчиняется принципу своеобразной гносеологической дополнительности: достигается либо точность при опосредованности, либо непосредственность при приблизительности.

Так, только за приблизительный прообраз нуля в арифметике можно принимать предметную «пустоту», т. е. отсутствие счисляемых предметов (если эту «пустоту» считать за абсолютно точный прообраз нуля, было бы необъяснимо появление отрицательных величин), физические прообразы нуля получаются через интерпретацию, и они также приблизительны: такова нулевая точка на термометре, и даже абсолютный нуль «представляет отнюдь не чистое абстрактное отрицание, а очень определенное состояние материи...»[2]. Точными же прообразами математического нуля являются математические же понятия, как-то: граница, положенная между положительными и отрицательными величинами на числовой оси в алгебре, начальная точка отсчета в аналитической геометрии и т. д.

На уровне дальнейшего подъема над предметным множеством решается затронутый выше вопрос: что именно отражают дифференциалы? Они возникают, словно они есть нули, но нули именно в момент перехода величин от бытия к небытию, в «фиксированный момент»

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 550.
[2] Там же, стр. 577.

исчезновения величин, т. е. их отрицания, но отрицания, происходящего «соответственно обстоятельствам дела» [1]. Происходит диалектический переход в противоположность: отношения исчезнувших величин оказываются вполне определенными величинами. Но диалектика дифференциального уравнения, неоднократно подчеркнутая Энгельсом [2], состоит также в том, что будет очень неточно характеризовать каждую из «исчезнувших» величин именно как исчезнувшую и как величину. Представление Гегеля, что они есть «некое определенное ничто», только ставило диалектическую проблему, но не решало ее. Оно не могло удовлетворить Маркса и Энгельса, и отсюда возникли две ветви проделанного ими исследования, которое имеет принципиальное значение для развития теории отражения.

Важно подчеркнуть, что Энгельс хорошо видел необходимость обеих этих ветвей, причем каждая из них составляет с другой целостность и нужна именно для достижения последней. Отмечая, что «математические абстракции имеют безусловную значимость только в пределах чистой математики» [3], так что именно в самой математике следует искать точные прообразы дифференциалов, он очерчивает ту проблему внутриматематического отражения, которую и решил Маркс в своих «Математических рукописях». При рассмотрении в «Диалектике природы» понятия «единица» Энгельс обращает внимание на следы различных путей его собственно математического происхождения. И единица оказывается по содержанию бесконечно многообразной, «коль скоро мы начнем изучать ее в связи с соответствующей множественностью, с точки зрения различных способов происхождения ее из этой множественности» [4]. Именно через способы своего возникновения (а значит, и через способы математического функционирования) получает полное оправдание мнимое число как продукт адекватного внутриматематического отражения [5]. Тем более это касается дифференциала, который в «фиксированном мо-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 642.
[2] См. там же, стр. 138, 141, 573, 580.
[3] Там же, стр. 584.
[4] Там же, стр. 574.
[5] См. там же, стр. 578.

менте» сохраняет историю своего возникновения в смысле этапов его порождения в ходе математических действий [1].

Теперь мы можем возвратиться к вопросу о прообразах содержания формальнологических связей. Этот вопрос расщепляется на два, поскольку особой и, как ныне обнаружилось, чрезвычайно актуальной проблемой является проблема прообразов формальных аксиоматик.

Названная проблематика разрабатывалась Энгельсом на базе методологических установок марксизма, как мы уже отметили, в двух планах. Так, приблизительно-индуктивно формальным связям через интерпретации соответствуют структурные связи в самой действительности, на что впоследствии обратил внимание В. И. Ленин, подчеркивая, что «логические формы и законы не пустая оболочка, а *отражение* объективного мира» [2]. Дедуктивно через систему логико-синтаксических значений они с формальной точностью выражают различные стороны и свойства тех абстрактных структур, в организации которых участвуют. Так, логической связке «материальная импликация» косвенно соответствуют каузальные связи в объективной реальности и некоторые шаги в естественном познающем мышлении, но точное ее значение выясняется только через матричные построения и через дефиниции, упорядоченные в аксиоматике той логической системы, в которой эта импликация действует.

Ф. Энгельс подверг уничтожающему разгрому спекулятивную «аксиоматику» Е. Дюринга, а на ее примере осудил всякий идеалистический априоризм. Результаты этой критики он подтвердил в письме К. Каутскому от 20 сентября 1884 г., а также в связи с разбором им в другом письме построений экономиста Родбертуса. Но на основании, например, факта эмпирически индуктивных предпосылок геометрии в прошлом он никоим образом не ставил под сомнение необходимость аксиоматического построения математических дисциплин в новое

[1] Не менее важно заметить, что и Маркс исходил из необходимости обеих ветвей исследования. Он указывал, что реальные, а именно обобщенно-конкретные, прообразы абстракций бывают в самой материальной действительности. Большой интерес в этой связи представляют его замечания об объективности понятия «абстрактный труд» в условиях капитализма (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 41).

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 162.

время. Но в таком случае возникает вопрос, что именно отражают аксиоматические конструкции, и в связи с этим различение между приблизительными и абсолютными прообразами приобретает характер различения между эмпирически-индуктивными и гипотетико-дедуктивными построениями знаковых систем. Не трудно видеть, насколько современными и созвучными новейшим научным исканиям являются эти мотивы в теоретическом мышлении Ф. Энгельса.

Противники теории отражения обычно отрицают отражательные возможности логики, и в особенности отражательные свойства логических аксиоматик, столь явно порожденных творческой активностью теоретиков и отличающихся, бесспорно, значительной самостоятельностью [1]. Но здесь нет никакого фатального камня преткновения для марксистско-ленинской гносеологии: аксиоматические построения в области формального знания представляют собой своего рода «заготовки» знакового каркаса для различных содержательных научных теорий, и пока они не подвергались той или иной интерпретации в какой-либо специальной науке, их можно считать как бы «конвенциональными» построениями, не претендующими на истинность и отражательное (познавательное) содержание. Все же они и в этом, т. е. пока еще не интерпретированном, состоянии отражают некоторые общие структурные отношения действительности, поскольку подчиняются принципу формальнологического непротиворечия, на котором основано понятие собственно логической истинности и который не является собственно конвенциональным (в позитивистском смысле конвенциональности).

Интерпретация формальных («пустых») систем оказывается одновременно и причиной возникновения познавательного (отражательного) их отношения к действительности, и способом проверки наличия этого отношения. Одним из видов интерпретации, а иногда ее посредствующим звеном являются модели различного рода. В случае знаковых моделей возникает интерпретация одних формальных систем через другие, и отражение объективной реальности происходит тогда только

[1] На дискуссии в Бледе (1960 г.) это был один из главных аргументов «абстрактных гуманистов» против теории отражения.

через одну, две, а то и более посредствующих ступеней. Именно это имеет место при установлении отражательного эквивалента неэвклидовых геометрий, различных систем неклассической логики и т. д., так что моделирование и отражение — однопорядковые понятия, имеющие одну и ту же гносеологическую природу и тяготеющие к совпадению при наиболее широком понимании термина «модель».

Этот эквивалент не может считаться абсолютно точным в гносеологическом смысле, поскольку интерпретация, «спускающаяся» от логических построений к действительности, пренебрегает в той или иной мере отличиями материальной структурности от логической. Такие отличия отрицались рационалистами XVII в., но настаивать на их отсутствии в наши дни могут только неисправимые идеалисты и метафизики, ибо отрицать эти отличия — значит в определенной мере отрицать процесс бесконечного движения познания от относительных истин к истине абсолютной. На абсолютную точность претендует с основанием лишь «внутреннее» отражение одних формальных систем «на» другие или же одних фрагментов некоторой системы «через» другие ее же фрагменты. В этом смысле выяснение оперативного значения символов и их сочетаний есть нахождение точного их отражательного внутрисистемного эквивалента [1].

3. Об относительной и абсолютной истине

Научную трактовку процесса и результатов отражения в их взаимодействии Ф. Энгельс видел в раскрытии и учете их диалектического характера. В. И. Ленин писал, что «в теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, ка-

[1] Размеры данной главы не позволяют специально рассмотреть взгляды Ф. Энгельса на проблемы отражения в искусстве, хотя его борьба за реализм в художественном творчестве составила важную часть его взглядов на познание, внеся в них, например, существенные дополнения о диалектике объективности и искренности, правдивости и тенденциозности.

ким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»[1]. Категории относительной и абсолютной истины — это главные категории учения о познавательном отражении, а диалектика их взаимодействия составляет основной его нерв.

Энгельс решительно отстаивал диалектический тезис о познаваемости мира и его актуальном познании как бесконечном процессе и систематически критиковал юмистскую и кантианскую версии агностицизма, в том числе воззрения некоторых естествоиспытателей (Г. Гельмгольц, К. Негели и др.), как ведущие к серьезным уступкам идеализму и метафизике. С помощью диалектического применения критерия практики он устранил ряд предрассудков: о невозможности будто бы познавать бесконечное; о фатальной ограниченности познания, вызываемой якобы пределами действия и разрешающей способности человеческих органов чувств; о мнимой неустранимости антропоцентризма в позиции любого ученого и о непреодолимой склонности к предельной антропоморфизации полученных им результатов[2]. Критическая составляющая Энгельсова анализа сохранила свое значение и в наши дни. Лейтмотивом ревизионистских выступлений Л. Колаковского, например, против теории отражения в 50-х годах было утверждение, что, в какой бы глубокий познавательный «колодец» ни заглядывал человек, он увидит на его дне лишь свое собственное лицо[3], а М. Маркович вслед за А. Айером и Ж.-П. Сартром заявил, что всякое знание о природе есть в конечном счете лишь проецированное вовне субъективное знание о человеке[4]. Неопозитивистский же вариант агностицизма в умах буржуазной интеллигенции в наши дни приобрел прочность и распространенность почти предрассудка.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 102.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 403, 551, 554.

[3] *L. Kołakowski.* Karol Marks i klasyczna definicja prawdy. — «Studia filozoficzne», 1959, N 2(11), str. 67. Он же в статье «Aktualne i nieaktualne pojęcie marksizmu» («Nowa Kultura», 1957, N 4) утверждает, что вообще «не существует никакой свойственной марксизму методологии, которая оказывала бы влияние на развитие естествознания» (см. *Д. Павлов.* Ревизионизмът на Лешек Колаковски. — «Философска мисъл», 1969, № 6, стр. 23—24).

[4] Об этом М. Маркович заявил в докладе на Международном симпозиуме по проблемам философии естествознания в Москве (сентябрь 1965 г.).

Энгельс убедительно доказывал, что человечество способно достигать объективной истины, уже многого в этом отношении добилось и на этом пути для него не существует никаких принципиальных преград. В каждый конкретный период люди обретают только относительные истины, но их относительность не означает полной их субъективности. Относительность всегда присуща знаниям людей, и состоит она в субъективно-человеческой форме получения истин, их переживания, осознания и выражения, а также в их неполноте и приблизительности, но по мере прогресса познания все более уменьшается и ослабевает, не исчезая, однако, никогда полностью. Энгельс был строго последователен в своих воззрениях и собственные взгляды на диалектику природы считал лишь относительной истиной, учитывая, что они сложились на основе науки XIX в., и допуская даже, что будущее развитие естествознания сделает его труд «излишним» [1]. Но труд его не оказался излишним, хотя наука XX в. и вносит ныне, что вполне естественно, ряд коррективов в естественнонаучные представления Энгельса. Как абсолютную истину подтвердил себя сам принцип магистрального движения от относительных истин к истине абсолютной, движения в русле философских идей диалектического материализма. И с полным основанием В. И. Ленин писал: «...идя *по пути* марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же *по всякому другому пути*, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи» [2].

Но Энгельс боролся не только против агностиков и крайних релятивистов, но и против «абсолютистов»-догматиков, искавших непременно абсолютную истину в полном объеме, и только ее (Е. Дюринг). Эта борьба «на два фронта» определила то, что в трудах Энгельса наметилось учение о трех видах (значениях) абсолютной истины.

Первый вид абсолютной истины предполагает полное знание обо всем, что было, есть и будет во Вселенной. Такое знание недостижимо, а к тому же дойти до «точки, где бесконечность интеллектуального мира ока-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 13.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 146.

залась бы реально и потенциально исчерпанной и тем самым совершилось бы пресловутое чудо сосчитанной бесчисленности»[1], значило бы прийти к концу всякого познания и развития человечества вообще. Гносеологическая «смерть» повлекла бы за собой «смерть» социальную и онтологическую[2]. Таким образом, недоступность абсолютной истины в указанном ее полном виде — это прогрессивно действующий фактор. Когда же тот или иной мыслитель претендовал на достижение им абсолютной истины (такие претензии бывали у некоторых буржуазных просветителей, многих гегельянцев, а отчасти и у социалистов-доктринеров), то это неуклонно вело к краху всех его построений, ибо каждое мысленное отображение действительности всегда бывает ограничено объективно-историческими классами и научно-техническими условиями, а также субъективными особенностями теоретика[3]. Итак, «всеобъемлющая, раз навсегда законченная система познания природы и истории противоречит основным законам диалектического мышления...»[4].

Но невозможность достижения абсолютной истины в первом ее значении не означает фатальной ограниченности познания. «...Человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познавания столь же неограниченна, как ограниченна. Суверенно и неограниченно по своей природе, призванию, возможности, исторической конечной цели; несуверенно и ограниченно по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности»[5].

Во втором значении абсолютная истина — это тот непреходящий и неустранимый последующим развитием познания составляющий момент в относительных знаниях людей, границы которого в каждый исторический период могут быть установлены лишь приблизительно, относительно, но наличие которого несомненно, абсолютно. Представление о том, где именно проходит граница между относительным и абсолютным знанием, не только приблизительно и неточно, но иногда даже оказывается

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 88.
[2] См. там же, стр. 124.
[3] См. там же, стр. 19, 36.
[4] Там же, стр. 24.
[5] Там же, стр. 88.

глубоко ошибочным и подлежит существенным коррективам, так что только в общих чертах можно сказать, что относительная истина, как об этом писал Энгельс в письме Конраду Шмидту от 12 марта 1895 г., асимптотически приближается к истине абсолютной [1]. В действительности, указывал Энгельс, «все человеческое познание развивается по очень запутанной кривой...» [2]. Это, кстати говоря, подтвердилось современными изысканиями в науковедении, которые привели к выводу, что развитие знаний происходит сначала по экспоненциальной, а затем по логистической кривой.

Различие же между первым и вторым видами абсолютной истины соответствует исходя из вышесказанного различию между актуальной и потенциальной бесконечностями на пути интеграции знания, что открывает путь к дальнейшему анализу. Но как бы то ни было, наше познание, опираясь на практику, развивается по восходящей линии. Сочинения Энгельса проникнуты вполне обоснованным глубоким оптимизмом. Мы «нигде не встречаемся с теоретически непреодолимыми препятствиями» [3], и неуклонное в целом поступательное движение познания есть непреложный факт, который Энгельс и подтвердил рядом примеров, в частности из истории познания теплоты.

Однако при этом возникает сложная ситуация с третьим видом абсолютной истины — с так называемыми вечными истинами. При поверхностном чтении «Анти-Дюринга» складывается впечатление, будто Энгельс полностью развенчивает «вечные истины», третирует и отрицает их существование. Но это не так. Энгельс разбирает данный вопрос в связи с критикой взглядов Е. Дюринга. Эта критика, составившая существенный этап в развитии Энгельсом концепции отражения, была направлена против метафизической абсолютизации абсолютной истины и нацелена на более глубокое раскрытие диалектики ее соотношения с относительными истинами. Абсолютизации здесь ошибочно подвергается абсолютная истина во втором значении этого термина. Иными словами, абсолютизируют относительную самостоятель-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 354—357.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 555.
[3] Там же, стр. 64.

ность суждений и понятий, полученных в процессе отражения, так что «превращают отражение предмета, его понятие в мерку для самого предмета»[1]. Против этих, мнимых в большинстве случаев, истин в последней инстанции выступал и К. Маркс, иронически называя их жареными рябчиками абсолютного знания.

Познавательный процесс обычно определялся К. Марксом как процесс восхождения от конкретного к абстрактному и далее к воссозданию конкретного в познании. В полной мере поддерживая концепцию Маркса об абстрактном и конкретном, Ф. Энгельс характеризовал этот же процесс как движение от относительных истин к абсолютной. Тем самым он акцентировал иную сторону вопроса, а именно обратил внимание не только на увеличение содержательности знания по мере его развития, но и на усиление его надежности, т. е. степени неопровержимости. Очевидно, что эти характеристики не выступают в конфликт, а, наоборот, дополняют друг друга. Забывать же об относительности наших знаний — значит, как считал Ф. Энгельс, сводить все разнообразие и полноту исторического развития к односторонней и тощей формуле[2], т. е. скатываться к метафизике и не видеть диалектики ложных и относительно истинных положений.

Но, отвергая преувеличение роли «вечных истин» в познании, Энгельс не отрицал их существования. Люди, которые стали бы отрицать это, замечает он, оказались бы в положении зоолога, заявляющего, что «собака имеет, *по-видимому*, четыре ноги, но мы не знаем, не имеет ли она в действительности четырех миллионов ног или вовсе не имеет ног»[3]. К числу «вечных истин» Энгельс относил, во-первых, констатации единичных, отдельных и общих фактов, которые не раскрывают всего содержания последних, а лишь указывают на него, как-то: «у птиц есть клюв», «нельзя питаться мыслями» (пример, приведенный В. И. Лениным) и др. Во-вторых, к их числу относятся утверждения о некоторых, наиболее общих связях и закономерностях действительности, как, например, о вторичности сознания в отношении материи, о существовании относительных истин и т. п. Характер

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 97.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 134.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 556.

этих утверждений своеобразен: они абстрактны, поскольку, как и констатации фактов, сообщают истину в самом общем ее виде, но они же конкретны, поскольку образуют сердцевину содержательных теорий, а не только единичные или частные элементы их эмпирического базиса.

«Вечные истины» в ходе познания нередко подлежат коррекции, так как уточнение содержания фактов может привести к изменению характера самих констатаций (ныне поколебалась, например, даже такая общеизвестная истина, как утверждение о смерти Наполеона 5 мая 1821 г.), а углубление ранее фиксированных истин заставляет переосмыслить начальное их содержание (так, диалектический материализм иначе, чем прежний, метафизический, материализм, понимает «вторичность», производность сознания). Следовательно, «вечные истины» в большинстве случаев оказываются разновидностью истин относительных, содержащих моменты абсолютной истины, но не сводящихся к ней, т. е. абсолютные истины в третьем значении этого термина — это только частный случай абсолютной истины во втором ее значении. «...Мы, по всей вероятности, находимся еще почти в самом начале человеческой истории, и поколения, которым придется поправлять *нас*, будут, надо полагать, гораздо многочисленнее тех поколений, познания которых мы имеем возможность поправлять теперь...» [1]

Таким образом, теории познавательного отражения присущ здоровый критицизм. Этот критический параметр гносеологии диалектического материализма чувствуется во всех высказываниях Энгельса по конкретным и специальным проблемам познания. С большой прозорливостью он отверг представления об окончательной установленности содержания формальной логики, о непререкаемости математических истин (вспомним судьбы незыблемого, казалось бы, положения «целое больше своей части» в современной теории множеств) и о неизменности фундаментальных законов естествознания. «*Вечные законы природы*, — писал он, — также превращаются все более и более в исторические законы... абсолютно всеобщим значением обладает одно лишь *движение*» [2].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 87.
[2] Там же, стр. 553, 554.

Критика Энгельсом метафизического окостенения формальной логики содержит в себе некоторые важные особенности, нередко упускаемые комментаторами из виду. Если понимать и применять формальную логику как догматически застывшую схему и противопоставлять ее методическую функцию как якобы верховную и независимую от действия диалектического метода, то она неизбежно принимает метафизический вид. Но подобное может случиться и с применением диалектической логики, если ее принципы и приемы, как, например, ориентацию на анализ объективно происходящих скачков в противоположные состояния и разрешение диалектических противоречий через переход к диалектическому синтезу, использовать шаблонно, не учитывая своеобразия каждого нового случая, а значит, игнорируя диалектический принцип конкретности истины. В XIII главе Первого отдела «Анти-Дюринга» мы находим важное предупреждение: диалектическое отрицание должно производиться таким образом, чтобы стало возможным содержательное отрицание отрицания; в противном случае закон отрицания отрицания превращается в пустую словесную схему, бесполезную для познания. «Но как этого достигнуть? Это зависит от особой природы каждого отдельного случая... Этому приходится учиться, как и всему прочему» [1].

Соответственно Энгельс предупреждал против шаблонного применения принципа всеобщей связи явлений; ошибочность такого применения то и дело обнаруживается в развитии наук. Так, несмотря на бесспорную ложность астрологических концепций, Луна, видимо, оказывает влияние на погоду Земли, а, значит, косвенно и на психическое состояние и поведение людей; есть связь между тектоническими явлениями в лунных кратерах и земными землетрясениями. В то же время радиосвязи между космическими цивилизациями, которые, казалось бы, должны непременно иметь место вследствие ускоренного характера их развития и распространения во Вселенной, в действительности скорее всего отсутствуют по причине значительной редкости условий для появления сознательной жизни, а значит, вследствие

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 145—146.

огромных расстояний между существующими очагами цивилизации.

Отрицание отрицания, естественно, интерпретируется как переход от диалектического противоречия к разрешающему синтезу. Поэтому вышеприведенные соображения Энгельса о законе отрицания отрицания непосредственно относятся и к общей проблеме движения познания через гносеологические противоречия. Но результат отрицания отрицания должен обладать бóльшим числом определенных свойств, чем результат одного диалектического отрицания, т. е. перехода в свою противоположность. Не удивительно поэтому, что соответствие продукта двойного отрицания закону отрицания отрицания, указывающему, что этот продукт отражает в себе содержание объекта первого отрицания в большей мере, чем содержание объекта второго отрицания, достигается далеко не во всех случаях. Ф. Энгельс предупреждал против догматически косного, а значит, и метафизического применения этого закона.

Эти мотивы в полной мере соответствуют подходу К. Маркса к проблеме применения законов диалектики в процессе познания и той критике, которую В. И. Ленин и Г. В. Плеханов направили против попыток антимарксистов изобразить диалектику в виде некоей метафизической схемы, состоящей из неизменных и всегда абсолютно одинаково применяемых штампов. Именно в русле этих мотивов были сформулированы В. И. Лениным его замечательные соображения о «неопределенности» и определенности диалектики движения от относительных истин к абсолютной и применения критерия практики[1]. Взгляды Ф. Энгельса, К. Маркса и В. И. Ленина на функции диалектики в процессе отражения обладают полным внутренним единством.

Может показаться, что есть «теоретическое расхождение» между взглядами Маркса и Энгельса. Ф. Энгельс в рецензии на работу Маркса «К критике политической экономии» и в письмах утверждал единство логического (в том числе в смысле логического метода исследования) и исторического и отражение первого во втором, тогда как К. Маркс в введении к этой же работе подчеркивал

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 138—139 и 145—146.

отклонения логического от исторического, а иногда и попятное движение первого в отношении второго. Действительно, Энгельс подчеркивал, что логический метод для Маркса является «тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей» [1], тогда как Маркс использовал «анатомию» зрелого капитализма как ключ к «анатомии» начальных этапов его становления и развития. Он рассматривал первоначальное накопление в I томе «Капитала» после и на основе выясненной им до этого в главных чертах анатомии зрелого капитализма, а процессы обращения капитала во II томе своего главного труда — на базе ранее осуществленного анализа функции промышленного капитала в образовании прибавочной стоимости, т. е. логически «позднее» рассмотрения последнего, несмотря на то что торговый капитал исторически образовался в довольно крупных концентрациях раньше промышленного. Кроме того, анализ «Теорий прибавочной стоимости» приводит к выводу, что развитие домарксовской политической экономии по пути от эмпирической конкретности к нахождению исходных (для построения подлинной науки) абстракций рассматривалось Марксом как логико-гносеологическое движение, отражающее развитие социальной практики XVII—XIX вв., но далеко не тождественное по своим этапам историческому развитию самого объекта экономической науки, т. е. движению категорий от товара к деньгам, капиталу и т. д.

Но между позициями Маркса и Энгельса и в данном случае нет ни малейшего противоречия. Историческое (по крайней мере в трех его значениях — как история объекта, история познания этого объекта и исторический метод исследования) диалектически отражается в логическом, т. е. в логической координации и субординации (иерархической структуре) научной теории развитого объекта и в методе построения этой теории. Это значит, что теоретическое отражение включает в себя такие отклонения от эмпирической хронологии событий, которые вызваны именно необходимостью достигнуть более глубокого отражения объекта в его сущностном и зрелом виде. Иными словами, прослеживание истории объекта

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 497.

в теоретической ее форме требует переходов в противоположное, т. е. обратного движения познающей мысли на отдельных этапах отражения, что и позволяет освободиться от случайностей, нарушающих познание исторического, и глубже проникнуть в необходимое в соответствии с требованием Энгельса [1]. Этот методологический прием несовместим с метафизическими воззрениями на познание, но вполне совместим с применением формально-логических средств и реализуется с их помощью.

Неотомист Г. Веттер пытается ныне доказать, будто принятая Энгельсом концепция соотношения логического и исторического противоречит взглядам В. И. Ленина на отражение. «Как бы то ни было,— пишет он, — во всяком случае недопустимо оправдывать необходимое соответствие субъективной и объективной диалектики через привлечение теории отражения. Ведь это должно было бы именно с необходимостью предполагать, что диалектический познавательный процесс во времени проходит совершенно параллельно диалектическому процессу развития объективной реальности; «отражение» предполагает одновременность» [2]. Но это метафизическое возражение. В рамках каждого ограниченного во времени отрезка процесса познания имеют место сложные познавательные структуры, одни элементы которых уже более или менее адекватно отражают действительность, а другие еще далеко не достигли достаточной с точки зрения критерия практики степени этой адекватности и смогут достигнуть ее только в будущем. Налицо диалектическая неравномерность процесса отражения не только в «продольном», т. е. экстенсивно по лучу времени, но и в «поперечном», т. е. интенсивно в каждый данный момент времени, его измерениях.

Одна из сторон соотношения логического и исторического в процессе отражения заключается в связях и расхождениях истории познания с логикой движения от относительной к абсолютной истине. На этом пути происходят специфические отклонения и попятные движения особого рода, а именно неизбежно возникающие за-

---

[1] См. подробнее: *И. С. Нарский.* Вопросы диалектики познания в «Капитале» К. Маркса. М., 1959, стр. 10—20.

[2] *G. A. Wetter.* Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion, S. 596.

блуждения и иллюзии. Эти явления, обозначенные в свое время Гегелем как отчуждение истины в ложь, К. Маркс исследовал как идеологию в смысле извращенного общественного сознания, искаженным образом отражающего социальную действительность и представляющего собой необходимое порождение противоречий этой же самой действительности.

В главе о Фейербахе, написанной для «Немецкой идеологии», Маркс высказал основные принципиальные соображения о возникновении идеологии как деформированного сознания, а многие существенные моменты проблемы уточнил в «Капитале» и «Экономических рукописях 1857—1858 гг.» в связи с вопросами об обыденном буржуазном сознании, товарном фетишизме и вульгарной политической экономии [1]. В письме Энгельсу Маркс высказал ключевое соображение: в сознании мещанина и вульгарного экономиста «всегда отражается лишь непосредственная *форма проявления* отношений, а не их *внутренняя связь*. Если бы, впрочем, имело место последнее, то зачем вообще нужна была бы тогда *наука*?» [2]. Подмена сущности явлениями составляет гносеологическую возможность иллюзорного отражения экономических отношений в буржуазном сознании. Переход ее в действительность происходит под воздействием классовых позиций, которые приводят, например, к тому, что вульгарный экономист, по выражению Маркса, «кичится тем, что твердо придерживается видимости...» [3]. Но у этого отождествления видимости с сущностью долгая предыстория.

Теоретические заблуждения ученых отражали иллюзии обыденного буржуазного сознания. Вещная видимость общественных определений труда господствовала в теориях физиократов, а в виде товарного фетишизма утверждалась и в учениях классиков английской буржуазной политической экономии. Пышным цветом товарный фетишизм расцвел в сочинениях эпигонов — Сэя, Сениора, Бастиа и других, занявшихся плоской апологетикой капитализма [4]. На эту апологетику была нацелена

---

[1] См. *И. С. Нарский.* Карл Маркс и теория отражения. — «Философские науки», 1968, № 3.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 266.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 461.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 24, стр. 227—228, 254.

пресловутая «триединая формула», согласно которой капитал якобы порождает процент, земля — ренту, а труд — заработную плату. Все более возвращаясь к уровню обыденного сознания, вульгарная политическая экономия замыкала тем самым круг своей эволюции: «...чем в более отчужденном виде она воспринимает формы капиталистического производства, тем ближе она к стихии обыденных представлений...» [1]

Этот плоский эмпиризм, принимающий обманчивый облик гаранта научной объективности, неоднократно разоблачался Ф. Энгельсом. Рассматривая объективную подоплеку социальных механизмов искажений познания, он пришел к выводу, что последние возникают еще на доидеологическом уровне. «...На денежном рынке отражается в общем и целом... — писал он К. Шмидту 27 октября 1890 г., — движение промышленного рынка, и, конечно, отражается *превратно*...», а относительная самостоятельность структуры и развития надстроечных форм нарушает «точность отражения экономических отношений...» [2] все более и более. Но главная причина нарушения таится в идеологии и охватывает все области последней, т. е. не только политическую экономию, но и право, мораль, искусство, философию, причем идеологические аберрации выражаются не только в подмене сущности явлениями, но и в иных ложных интерпретациях последних.

Одна из таких ложных интерпретаций — религиозная. Энгельс уделял много внимания генезису религиозных иллюзий, рассматривая его в статьях «Бруно Бауэр и первоначальное христианство», «К истории первоначального христианства», в работе «Крестьянская война в Германии» и в других сочинениях. В религии объектом вторичного (научного) отражения оказывается наиболее фантастическая и извращенная форма идеологического отражения, но принципиальная постановка проблемы от этого не меняется: задача в подобных случаях состоит в том, чтобы добиться научного отражения механизма идеологического отчуждения. Если в религиозных образах «первоначально отражались только таинственные

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 529; см. также: т. 25, ч. II, стр. 383—384.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 417, 418.

силы природы», а затем социальные отношения классово антагонистических обществ, приобретая вид «непреодолимой чуждой силы» [1], то для освобождения человека от них необходимо их научное метаотражение. На основе этого отражения (познания) происходят действия самого прогрессивного класса современности — пролетариата, ведущие в конечном счете к господству людей над природой и отношениями их между собой, что ликвидирует в конце концов все формы социального отчуждения.

Следующая в ряду искажающих интерпретаций — философская, а именно идеалистическая. Обращает на себя внимание, что при анализе философского идеализма Энгельс нередко употреблял термин «идеология» в значении, тождественном идеалистическому априоризму (например, у Гегеля). Именно в философии идеологическая деформация истины приобретает одновременно наиболее отвлеченные, абстрактные формы и приводит к наиболее широким и по-своему целостным ложным концепциям. Научная критика философского идеализма совпадает с развитием философского материализма на диалектической основе и требует историко-материалистического анализа социальных корней извращенной идеологии во всех ее видах и во всех частных модификациях и порождениях. Создание марксизма как научной идеологии было решающим шагом на пути движения от относительной истины к истине абсолютной в отношении раскрытия «тайны» идеологий.

* * *

Высказанные Ф. Энгельсом идеи значительно обогатили теорию познания диалектического материализма, указав перспективы ее дальнейшего развития. Следующим ее этапом явилась ленинская теория отражения.

В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин полностью солидаризировался с тезисами Энгельса по вопросам теории познания, опроверг их фальсификации, которые были предприняты русскими махистами, и разъяснил фрагменты из работ Энгельса по гносеологии, подвергшихся наибольшим искажениям в писаниях В. Чер-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 329, 330.

нова, В. Базарова, А. Богданова и других противников принципа отражения. Ленин отстоял теоретическое наследие Энгельса в гносеологии от ревизионистских наскоков и воспрепятствовал попыткам социал-демократических лидеров замолчать вообще вклад Энгельса в теорию познания марксизма.

Именно на фундаменте теоретико-познавательных идей Ф. Энгельса В. И. Ленин приступил к разработке теории отражения. Он распространил понятие отражения не только на всю область познания, но и на полную совокупность каузальных и репродуцирующих процессов в объективной реальности. Ленинское решение вопроса позволило ныне интерпретировать в качестве отражения не только зачатки психических процессов у малоразвитых животных организмов, структуры передачи наследственности или тропизмы и некоторые другие явления у растений, но также и прообразы информационных механизмов в неживой природе. Последнее дает основание оперировать также и понятием потенциального отражения уже без тени какой-либо мистики. Это новое истолкование отражения открыло перспективы нескольким различным направлениям в изучении проблемы отражения, которое ведется творческими коллективами философов-марксистов у нас и за рубежом.

В. И. Ленин не только расширил и углубил само понятие отражения, но создал именно его теорию, характеризующуюся следующими главнейшими моментами: (1) в учение об отражении непосредственно вводится онтологический аспект, показывающий глубокое единство его с материалистическим пониманием объектов познания в противоположность идеализму; (2) получает развитие концепция активности субъекта в процессе познания, его творческой роли, обнаруживающейся, в частности, в построении материалистических конструкций, логических схем, крайне абстрактных гипотез и т. д.; (3) вскрывается диалектика роли практики в процессе отражения и движения от относительных истин к абсолютной.

В. И. Ленин обращал особое внимание на слова Энгельса, что материализм изменяет свою форму с каждым существенным открытием в науках. Это же должно быть сказано, как мы уже отметили, и об истории марксистской диалектики. Ленин писал труд «Материа-

лизм и эмпириокритицизм» в годы, когда закладывались основы современной научно-технической революции. Это были и годы, когда назревали всемирно-исторические революционные изменения социальной действительности, преобразовавшие лицо мира. Ленинские работы внесли на этой основе качественно новое в диалектику вообще, в диалектику теории отражения в особенности. Развитие Лениным различных сторон теории отражения открыло дорогу и наметило ориентиры для тех широких исследований ее проблем, которые успешно осуществляются философами-марксистами многих стран в наши дни.

Глава седьмая

Критика Энгельсом агностицизма

В наше время, когда ни на минуту не утихает идейная битва между наукой и неверием в человеческий разум, которое проповедуют современные буржуазные философы, представляется весьма полезным вновь обратиться к основополагающим мыслям Ф. Энгельса об агностицизме и его реакционной роли в борьбе основных философских направлений. Выдающиеся достижения современной науки внесли немалое замешательство в ряды представителей различных школ идеализма, но лишь упорная и последовательная идейная борьба против идеалистической философии может привести к ее окончательному поражению. В этой борьбе за утверждение и дальнейшее развитие марксистской теории познания критика агностицизма, предпринятая Энгельсом в конце прошлого века, в рамках общей критики современной ему буржуазной философии полностью сохраняет свое актуальное значение.

* * *

Современный научный и технический прогресс непрерывно расширяет границы обозримой Вселенной, раскры-

вает бесконечность материального мира и вширь и вглубь, выявляет внутренне присущую материи энергию, которая оказывается эквивалентной массе, т. е. той физической характеристике материи, которая всегда трактовалась идеалистами как свидетельство ее «субстанциальной» инертности. Успехи в астрофизике, с одной стороны, ядерной физике — с другой, равно как и другие великие естественнонаучные открытия, буквально ad oculos выявили принципиальную несостоятельность субъективного идеализма, занимавшего господствующее положение в буржуазной философии начала текущего столетия и питавшего «физический» идеализм — главное выражение методологического кризиса в физике на рубеже XX в.

Не приходится поэтому удивляться, что на смену субъективно-идеалистическому отрицанию независимой от познающего субъекта действительности приходят всякого рода «реалистические» учения, которые, провозглашая существование объективной реальности, независимой от сознания субъекта, истолковывают ее то как нечто «нейтральное» по отношению к психическому и физическому, то как проявление, «отчуждение» сверхиндивидуальной, сверхчеловеческой, сверхприродной духовной сущности. Однако современный научно-технический прогресс опровергает не только тяготеющий к солипсизму субъективный идеализм, но и идеализм объективный с его антинаучными представлениями о пассивной материи, материи как материале для творческой деятельности сверхприродного духа.

По-видимому, излишне доказывать, что удары, наносимые современной наукой по идеализму, еще не приводят к исчезновению этой специфической формы буржуазной идеологии, поскольку остается питающая ее социально-экономическая почва. И в условиях современного капиталистического общества идеалистическая философия сохраняет свое, правда уменьшающееся, влияние. Было бы наивно ожидать, что субъективный идеализм (так же как идеализм объективный), дискредитированный развитием научного знания, признает свое поражение и сойдет навсегда с исторической арены. Диалектика развития гораздо сложнее и противоречивее: философский идеализм эволюционирует, полемизирует со своими устаревшими формами, модифицирует свою аргумента-

цию, формы существования, способы теоретического обоснования. Борьба с материалистическим миропониманием не прекращается, она принимает более острые и утонченные формы.

В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» глубоко вскрыл трансформацию идеализма конца XIX—начала XX в. в учении, которое объявляет себя врагом идеализма и претендует на третью линию в философии, т. е. на особую нематериалистическую, но вместе с тем и неидеалистическую позицию. Этот мнимый отказ от идеализма, характерный для неопозитивизма, прагматизма и даже для таких религиозно-идеалистических учений, как неотомизм [1], — убедительное свидетельство глубоких кризисных явлений в современной буржуазной философии.

Каким же путем осуществляется мнимое отрицание идеализма в современной идеалистической философии.

Во-первых, путем «новой» интерпретации самого понятия «идеализм», т. е. попытки свести его к одному лишь субъективному идеализму. Во-вторых, и это, пожалуй, самое главное, посредством широкого использования аргументов агностицизма, который ныне модернизируется с помощью релятивизма, пропагандируемого адептами «физического» идеализма. Можно поэтому согласиться с мнением английского марксиста М. Корнфорта, который наряду с традиционными формами идеалистической философии (субъективный и объективный идеализм) указывает на такую ее форму, как релятивизм, являющийся по преимуществу гносеологическим, агностическим обоснованием идеализма. Отметим, однако, что аргументация философского релятивизма берется на вооружение также представителями субъективного и объективного идеализма, истолковывающими относительность научных знаний как их субъективность, конвенциональность и т. д. Таким образом, агностицизм релятивистского толка —

---

[1] Сошлемся на известного неотомиста И. Бохенского, который объявляет неотомизм подлинным реализмом и следующим образом критикует традиционный идеализм: «Для всех идеалистов характерно, что им не удается оценить материальный мир и в конечном счете они низводят его к простой видимости» (*I. M. Bochenski.* Contemporary European Philosophy. Berkeley and Los Angeles, 1956, p. 93). Как это ни парадоксально, Бохенский считает себя и своих единомышленников противниками идеализма.

один из основных путей утонченного обоснования новейшего идеализма, которому волей-неволей приходится отвечать на философские вопросы, встающие в связи с открытиями современного естествознания.

Агностицизм, как известно, представляет собой попытку обойти альтернативу, заключающуюся в основном вопросе философии. Этот вопрос объявляется неразрешимым или просто мнимой, в действительности не существующей проблемой. Такого рода межеумочная позиция позволяет, как указывал В. И. Ленин, соглашаясь с отдельными положениями материализма, проповедовать идеализм, отказываться от прямого ответа на вопрос об отношении духовного к материальному, сознания к бытию.

Агностическое обоснование идеализма существовало и в прошлом: вспомним Д. Юма и И. Канта. Однако именно теперь, когда идеалистическая интерпретация природы в основном подорвана наукой, далеко вышедшей за границы повседневного опыта и открывшей путь в безбрежный космос, агностицизм приобрел совершенно несравнимое с прошлыми историческими эпохами значение для идеализма. Агностицизм, выражаясь фигурально, стал последним убежищем для современного идеализма.

В настоящее время агностицизм несравненно более распространен в буржуазной философии, чем в прошлом, когда значительная часть философов-идеалистов решительно выступала против философского скептицизма. Ныне он стал в сущности неотъемлемым ингредиентом почти всех идеалистических учений. Сошлемся для примера на экзистенциализм, провозглашающий исходным положением философии субъективность человеческого существования и неспособность человеческого индивида преодолеть свою субъективность, т. е. выйти за рамки своих восприятий, переживаний. Такого рода субъективистский исходный пункт предопределяет агностическую философскую ориентацию. И испанский экзистенциалист Ортега-и-Гассет совершенно недвусмысленно обнажает антинаучную тенденцию агностицизма, когда пишет: «Существует ли физический мир (мир физики), мы не знаем; мы не знаем также, существует ли объективный мир, т. е. мир, который бы не был миром отдельных людей,

а общим для всех людей миром»[1]. Гносеологический смысл тезиса этого философа ясен: отрицание объективной истины, существующей независимо от сознания человека и человечества, и как следствие этого — агностическое неверие в существование *познаваемой* объективной реальности.

Современный неопозитивизм — второе влиятельнейшее течение буржуазной идеалистической философии наших дней — в отличие от позитивизма XIX в. формально отвергает агностицизм. Неопозитивист обычно утверждает, что высказывания типа «мир познаваем» и «мир непознаваем» одинаково несостоятельны, так как они не имеют научного смысла, вследствие того что их будто бы нельзя ни верифицировать, ни доказать средствами логики. На первый взгляд может показаться, что неопозитивизм отвергает и агностицизм, и антиагностицизм. На деле же здесь перед нами типичный пример философского скептицизма, который начиная со времен античности требовал воздержания от суждения относительно истинности (или ложности) того или иного общеутвердительного (или общеотрицательного) положения. Точно так же поступает и современный позитивист, например, Р. Карнап, заявляя, что новый позитивизм, начало которому положил Венский кружок, «отверг и тезис о реальности внешнего мира, и тезис о его нереальности, как псевдоутверждения...»[2]. Но разве не ясно, что такая позиция является завуалированной формой агностического обоснования гносеологического субъективизма?

Таковы сугубо предварительные замечания. Их смысл состоит в том, чтобы помочь читателю в полной мере оценить все значение выступлений Ф. Энгельса против агностицизма, в особенности тех его разновидностей, представители которых постоянно ссылаются на опыт и естественнонаучные данные. Спекулятивные ссылки на опыт и естествознание имеют свое назначение. Ведь таким путем стараются изобразить агностицизм как позицию «интеллектуальной честности» в науке, радикально противоположную теоретическому догматизму, отличающемуся будто бы явной нескромностью, так как он-де совершенно

---

[1] *I. Ortega-y-Gasset.* Der Mensch und die Leute. München, 1961, S. 64.

[2] *Р. Карнап.* Значение и необходимость. М., 1959, стр. 312.

безосновательно переоценивает и достигнутые знания, и возможности познания вообще.

Ныне основательно подорвавший свою репутацию откровенный идеализм сплошь и рядом выступает благодаря своему агностическому облачению как *стыдливый идеализм*, который якобы полностью и окончательно освобождается от идеалистических иллюзий [1]. Критика Энгельсом основных разновидностей агностицизма приобретает тем большее значение, что она относится не только ко всякого рода промежуточным философским теориям, эклектически сочетающим идеализм с материализмом, но и к основным идеалистическим течениям, для которых агностицизм не более чем средство гальванизации их явно антиматериалистического содержания.

Известно, что материалистическая философия была мировоззрением прогрессивной буржуазии в эпоху революционного штурма феодализма. Но, утвердившись у власти, буржуазия в лице своих ставших консервативными идеологов отреклась от прогрессивных традиций исторического прошлого. Со временем в буржуазном обществе постепенно начинают укореняться, в особенности под влиянием клерикализма, филистерские предрассудки относительно содержания материалистической философии и даже самого слова «материализм», которое начинает связываться с представлениями, оправдывающими все то, что подлежит осуждению среди порядочных людей. «Под материализмом, — указывал Ф. Энгельс, — филистер понимает обжорство, пьянство, похоть, плотские наслаждения и тщеславие, корыстолюбие, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне» [2].

Извращение сути материализма, как заметил Ф. Энгельс, оказало некоторое влияние даже на такого выдаю-

---

[1] Весьма симптоматичны с этой точки зрения утверждения Э. Кастелли, итальянского «теологического экзистенциалиста», который заявляет, что экзистенциализм «представляет собой констатацию смерти идеализма...» (*E. Castelli.* Existentialisme théologique. Paris, 1964, p. 16). Тот же Кастелли уверяет, что отказ от солипсизма равносилен отрицанию идеализма. Несостоятельность такого вывода очевидна, поскольку все субъективные идеалисты открещивались от солипсизма. Д. Беркли также пытался доказать, что его субъективно-идеалистическая философия свободна от нелепостей солипсизма.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 290.

щегося материалиста, как Л. Фейербах, который обычно отказывался называть свою философию материалистической, в частности, потому, что не смог «преодолеть обычного философского предрассудка, предрассудка не против самого существа дела, а против слова «материализм»»[1]. Таким образом, филистерское третирование материализма в буржуазном обществе, как отмечал Ф. Энгельс, свойственно не одним лишь невежественным в философии людям или церковникам, ненавидящим материализм буквально как дьявольское наваждение. Приходится признать, что извращенное понимание даже самого термина «материализм» становится философским предрассудком и в развитом буржуазном обществе.

Такой была социально-политическая почва и идеологическая атмосфера, когда понятие «материалист» превратилось в ругательное, оскорбительное слово. Здесь и следует искать социально-психологические корни той формы агностицизма, которая получила наибольшее распространение среди естествоиспытателей середины XIX в. и которую Ф. Энгельс метко назвал стыдливым материализмом.

С точки зрения марксизма естествознание немыслимо без материалистических предпосылок, т. е. без признания существования независимой от исследователя материальной действительности и ее более или менее правильного отражения путем наблюдения, экспериментирования, короче говоря, исследования. Естествоиспытатель в условиях буржуазного общества, вся идейно-политическая атмосфера которого так или иначе воздействует на его образ мышления и образ действия, нередко философски не осознает своих исходных материалистических позиций и, более того, считает их отнюдь не материалистическими. Что же касается собственно мировоззренческих выводов, которые делают многие естествоиспытатели, обобщая те или иные научные открытия, то сплошь и рядом на этих выводах лежит печать господствующих в буржуазном обществе идеалистических идей. Так было во времена Т. Гексли, который переименовал естественнонаучный материализм в агностицизм.

Но в еще большей мере это верно применительно к современному буржуазному обществу, поскольку в наше

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 286.

время противоположности между материализмом и идеализмом уже не существует (как это было прежде) в рамках буржуазной идеологии; ее покрывает (за исключением отдельных случаев) непримиримая противоположность социальных систем [1].

В современных условиях основные идеологические причины, вызывающие отступления от материализма к агностицизму, действуют с еще большей силой, чем во времена Ф. Энгельса, что, несомненно, обусловлено глубоким кризисом капиталистического общества, империалистической реакцией по всей линии, которую В. И. Ленин считал одной из наиболее характерных особенностей политики и идеологии монополистической буржуазии.

В произведениях «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» Энгельс со всей присущей ему глубиной раскрыл *теоретические корни* агностицизма: метафизический способ мышления и связанный с ним плоский эмпиризм, для которого характерно отрицательное отношение к научным абстракциям или крайне ограниченное, в частности номиналистическое, их понимание. Агностицизм есть допущение некоторой запредельной по отношению ко всякому возможному знанию объективной реальности или же субъективистское истолкование содержания знания. Разумеется, обе формы агностицизма не исключают (нередко даже дополняют) друг друга, и все же их необходимо разграничивать, так как в первом случае признается некая непознаваемая «вещь в себе», т. е. объективная реальность, а во втором — утверждается, что существование чего-либо вне сознания недоказуемо: мы познаем лишь наши ощущения.

Ф. Энгельс критикует обе разновидности агностицизма, т. е. кантианство и юмизм, а также их отражение в мировоззрении метафизически мыслящих естествоиспытателей-эмпириков. Эта особенно важная сторона энгель-

[1] Не удивительно поэтому, что и сейчас буржуазные философы нередко наделяют материализм «страшными» эпитетами, что свидетельствует лишь о полном отсутствии стремления к научному рассмотрению вопроса. Так, американский идеалист Э. Бернс безапелляционно заявляет, что материализм «есть циническое презрение к человеческой природе, отрицание того, что смертные в своих действиях могут руководствоваться благородными мотивами» (*E. M. Burns.* Ideas in Conflict. New York, 1960, p. 74—75). Как видим, указанный Ф. Энгельсом философский предрассудок процветает и в современной буржуазной философии.

совского анализа агностицизма сравнительно редко освещалась в нашей литературе, поэтому мы остановимся на ней более подробно.

При анализе процесса познания природы Энгельс выделяет категорию взаимодействия, которая, будучи диалектически понятой, выражает универсальное превращение форм движения материи друг в друга, т. е. самодвижение материи, принцип, который провозгласили, но не смогли доказать даже наиболее выдающиеся представители домарксовского материализма. Ф. Энгельс писал: «*Взаимодействие* — вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания. Мы наблюдаем ряд форм движения: механическое движение, теплоту, свет, электричество, магнетизм, химическое соединение и разложение, переходы агрегатных состояний, органическую жизнь, которые все — если исключить *пока* органическую жизнь — переходят друг в друга, обусловливают взаимно друг друга, являются здесь причиной, там действием, причем общая сумма движения, при всех изменениях формы, остается одной и той же». Здесь же Энгельс замечает, что «спинозовское: *субстанция есть causa sui* — прекрасно выражает взаимодействие...» И далее: «...взаимодействие является истинной causa finalis вещей» [1].

Познающий субъект, исследователь расчленяет процесс взаимодействия с целью изучения его отдельных элементов, отношения которых друг к другу непосредственно выступают как причины и следствия. Однако анализ причинно-следственных отношений в их совокупности неизбежно вновь приводит к взаимодействию, но уже к более конкретному, синтетическому пониманию взаимодействия, обогащенному предшествующей аналитической стадией исследования. Взаимодействие материальных явлений есть первое, с чего начинается познание определенной группы объектов, но оно же есть и завершающая стадия познания любой совокупности явлений, стадия, которой достигает теоретическое исследование в своем движении от абстрактного к конкретному. «Мы не можем, — писал Энгельс, — пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади его нечего больше позна-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 546.

вать»[1]. Глубокий смысл этого положения Энгельса заключается в том, что оно диалектико-материалистически определяет бытие как непрерывно совершающийся материальный процесс, движение, взаимодействие.

Метафизически мыслящий философ или естествоиспытатель не может согласиться с таким выводом ввиду того, что он понимает взаимодействие (и взаимосвязь, взаимообусловленность явлений вообще) как *внешнее* отношение между готовыми вещами, существующими будто бы независимо от взаимодействия и вступающими в него лишь при некоторых отнюдь не обязательных, не всегда необходимых условиях. Метафизик не сознает того, что эти представляющиеся ему *готовыми* вещи, вступающие во взаимодействие, сами являются продуктом предшествующего взаимодействия, т. е. материального процесса, что кажущаяся независимость вещей от взаимодействия есть следствие того, что взаимодействие трансформируется из одной формы в другую. Поэтому та форма взаимодействия, которая еще не возникла или является пройденной ступенью процесса движения, изменения, естественно, представляется чем-то отдельно существующим, т. е. тем, с чем вещи как бы не связаны.

Метафизик противопоставляет друг другу вещи и процессы, рассматривая их как различные реальности, в силу чего познание процессов представляется ему недостаточным для познания вещей. Между тем в действительности вещи, поскольку они рассматриваются не изолированно друг от друга и от движения, представляют собой материальные процессы и ничего больше. Нет материи без движения, как и движения без материи. Диалектический материализм, как подчеркивает Ф. Энгельс, и означает прежде всего понимание явлений как процессов.

Конечно, познание необходимо предполагает выделение, вычленение, изоляцию явлений, изучение, описание каждого из них в отдельности, в чистом виде, т. е. вне процесса, в рамках которого они реально существуют. «Чтобы понять отдельные явления, — пишет Энгельс, — мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно...»[2] Но этот необходимый момент процесса познания абсолютизируется метафизиком, который не замечает, как последующее исследование снимает

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 546.
[2] Там же, стр. 546—547.

это упрощение, ограничение, с тем чтобы подняться до более конкретного, адекватного познания вещей как процессов. И лишь на этой ступени научного отражения действительности становится очевидным, что развитие познания есть переход от исследования одних материальных процессов к другим, более глубоким. Разумеется, этот переход не имеет пределов ни во времени, ни в пространстве. Но это не дает никаких реальных оснований для агностических утверждений о существовании запредельной, т. е. трансцендентной, реальности. Любая исторически определенная граница процесса познания преодолевается его последующим развитием. Этот факт опровергает всякий агностицизм.

Итак, агностик утверждает, что то, что находится за пределами взаимодействия, позади него, по ту сторону процессов, принципиально непознаваемо.

Таковы гносеологические корни кантовской «вещи в себе»: в этом понятии метафизическое противопоставление сущности явлению доводится до логического конца. Метафизик представляет сущность в виде некоего абстракта, квинтэссенции, т. е. особого непостижимого остатка, который находится по ту сторону наблюдаемых, измеряемых, познаваемых вещей. Но, как разъясняет Энгельс, сущность — не вещь, а отношение вещей, их взаимообусловленность, взаимодействие, единство. Поэтому кантовская «вещь в себе», поскольку она обозначает не просто объективную действительность, существующую вне и независимо от сознания, а трансцендентную, сверхчувственную, абсолютно непознаваемую реальность, есть бессодержательная абстракция. И Гегель, как замечает Ф. Энгельс, был прав в своей критике кантовской «вещи в себе» в том смысле, что здесь действительно нельзя ничего познать, ибо ничего этого попросту нет.

Конечно, учение Канта о непознаваемости «вещи в себе» нельзя сводить к одному лишь в сущности априорному утверждению о существовании запредельной действительности, которая никак не проявляет себя эмпирически, поскольку, согласно кантовской философии, существует вне времени и пространства и, следовательно, не может быть чувственно воспринимаемой. Энгельс, как и Маркс, никогда не ограничивался простым отрицанием философских и иных заблуждений: он постоянно вскрывал их гносеологические, теоретические, материальные

корни, с тем чтобы выявить действительную проблему, мистифицируемую идеализмом, проблему, которую необходимо решить. Он не считал вопросы, которые ставит идеализм, псевдопроблемами (как это, например, делают современные агностики-позитивисты), а рассматривал их как неправильно сформулированные, мистифицируемые, но реальные проблемы. Заблуждения, считал Ф. Энгельс, всегда представляют собой заблуждения относительно действительных фактов, и критика заблуждений, естественно, призвана выявить и рационально объяснить эти факты.

Выше уже шла речь о том, что в кантовском понятии «вещь в себе» получила свое теоретическое выражение метафизическая интерпретация вещей и процессов, сущности и явления, взаимодействия и определенности, присущей каждой отдельной вещи. Заметим кстати, что критика кантианства может считаться научной лишь постольку, поскольку она не просто отбрасывает его, но вскрывает реальные особенности исторического процесса познания, которые получили агностическое истолкование в теории Канта.

Едва ли нужно доказывать, что агностицизм Канта не оказал бы серьезного влияния на философов и естествоиспытателей, если бы не опирался на некоторые факты, особенности, присущие действительному процессу познания. Ф. Энгельс специально анализирует эти исторические особенности познания, вскрывая тем самым реальный гносеологический фундамент кантовского агностицизма.

С исторической точки зрения, указывает Ф. Энгельс, учение о «вещи в себе» имеет тот смысл, что «мы можем познавать только при данных нашей эпохой условиях и лишь настолько, *насколько эти условия позволяют*»[1]. Иначе говоря, Кант не выдумал ограниченность познания, но ошибочно принял эту историческую ограниченность за его сущность. Подчеркивая относительность, историчность процесса познания, Ф. Энгельс указывал, что «ступень познания, на которой мы находимся теперь, столь же мало окончательна, как и все предшествующие». Но, отвергая скептическое истолкование этой констатации фактического положения вещей, Ф. Энгельс

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 556.

тут же замечал, что достигнутая ступень познания «охватывает уже огромный познавательный материал и требует очень значительной специализации от каждого, кто хочет по-настоящему освоиться с какой-либо областью знаний» [1].

А это значит, что научные знания, неизбежно ограниченные достигнутым уровнем развития науки, закономерно преодолевают эту ограниченность. В этом и выражается прогресс познания, для которого не существует никаких барьеров. Разумеется, Кант не мог не видеть этого прогресса (в котором, кстати сказать, и сам принимал активнейшее участие). Однако он считал, что прогресс познания имеет место лишь в сфере явлений, т. е. ни в малейшей мере не приближает нас к познанию объективной, трансцендентной сущности, или «вещи в себе». Поэтому преодоление любой исторической границы познания рассматривалось Кантом как замена одной субъективной границы знания другой его субъективной границей. Кант задолго до современных агностиков пытался обосновать тезис, согласно которому познающий субъект принципиально не способен преодолеть собственную субъективность, поскольку явления (и их совокупность — природа) не существуют, как он утверждал, безотносительно к познающему субъекту. Это последнее субъективистское допущение Канта и является одним из главных аргументов агностицизма: связь познания с объектами познания истолковывается как коррелятивное отношение.

Таким образом, Кант, как показал Ф. Энгельс, вырывал пропасть между явлением и «вещью в себе», между природой, трактуемой как неограниченная совокупность явлений, и якобы трансцендентной реальностью, которой в конечном счете оказывалась пресловутая «вещь в себе». При такой интерпретации прогресса науки получается, что любое продвижение познания вперед, поскольку оно совершается в границах посюсторонней действительности, не дает никакого знания о трансцендентной реальности, которая-де находится по ту сторону всякого возможного знания. Кант, следовательно, допускает безграничность познания в сфере субъективистски истолковываемых явлений, но абсолютно замыкает познание этой сферой.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 92.

Что же составляет источник глубочайшего заблуждения, которое привело Канта к тому, что «вещь в себе», вначале бывшая материалистическим элементом его учения, затем стала рассматриваться как в принципе непостижимая тайна, предел познания и т. п.?

Ф. Энгельс дает ответ и на этот вопрос, раскрывая противоречивость исторического развития познания, которую метафизическая философия истолковывала как его фатальную ограниченность: «Количество и смена вытесняющих друг друга гипотез, при отсутствии у естествоиспытателей логической и диалектической подготовки, легко вызывают у них представление о том, будто мы не способны познать *сущность* вещей... Это свойственно не одному только естествознанию, так как все человеческое познание развивается по очень запутанной кривой, и теории вытесняют друг друга также и в исторических дисциплинах, включая философию...» [1] Ошибка Канта имеет отношение не только к истории философии, но и к истории познания вообще, т. е. призрак непознаваемой «вещи в себе» неизбежно возникает повсюду, где противоречия познавательного процесса не находят рационального разрешения, что, конечно, неизбежно при метафизическом понимании процесса познания, его специфических трудностей, противоречий, исторической ограниченности. Таким образом, агностицизм Канта — это метафизическое понимание реального исторического процесса развития познания, в котором идеал абсолютного знания принципиально неосуществим, а путь к объективной (в том числе и абсолютной) истине проходит через дебри заблуждений.

При этом, как неоднократно подчеркивал Энгельс, противоположность между истиной и заблуждением также диалектична. Не случайно самую глубокую критику кантовской «вещи в себе» в домарксистской философии дал диалектик Гегель; на это также указал Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Но столь же не случайно и то, что Гегель не смог до конца преодолеть основного заблуждения Канта, которое вело к агностическому пониманию содержания знания. Гегель, так же как и Кант, исходил из представления, что философия призвана создать систему абсолютного знания. Более того, Гегель пытался дока-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 555.

зать, что абсолютное знание уже достигнуто в его философской системе. А для этого Гегелю, как известно, пришлось построить свою философскую систему, исходя из теологического постулата: «абсолютный дух» познает собственное содержание и творчество, что получает свое необходимое, а значит, и абсолютное выражение в философии — его самосознании.

Идеализм Гегеля был теоретической основой его метафизической концепции абсолютного, т. е. вполне завершенного, знания, которое трактовалось как система окончательных, не подлежащих дальнейшему развитию истин в последней инстанции. Вспомним, что вульгарным вариантом такого рода понимания истинности системы знания стала впоследствии философия Е. Дюринга. Так подтвердились и в историко-философской сфере знаменитые слова К. Маркса: история повторяется дважды — сначала как трагедия, затем как фарс.

Кант называл догматизмом признание познаваемости объективного мира, «вещи в себе». Гегель разоблачил философский скептицизм Канта как специфическую разновидность догматизма. Однако создатель «абсолютного идеализма» и сам впал в догматизм, так как он в конечном счете недиалектически интерпретировал суверенность познания.

Ф. Энгельсу принадлежит заслуга исправления заблуждений Канта и Гегеля путем диалектико-материалистического решения проблемы относительного и абсолютного в познании: «...человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познавания столь же неограниченна, как ограниченна. Суверенно и неограниченно по своей природе, призванию, возможности, исторической конечной цели; несуверенно и ограниченно по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности» [1].

Итак, Энгельс вскрыл эмпирический подтекст спекулятивно-агностической концепции Канта и тем самым показал несовместимость учения о трансцендентной и непознаваемой «вещи в себе» с теоретическим естествознанием, которое занимается исследованием наблюдаемых предметов или во всяком случае таких явлений, действия которых принципиально доступны хотя бы косвенному

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 88.

наблюдению. Именно поэтому «вещь в себе», взятая как эмпирическое понятие, как обозначение факта, наличие которого может быть так или иначе установлено, совершенно лишена научного смысла. Ведь не может же, например, зоолог утверждать что у собаки, *по-видимому*, четыре ноги, а возможно, и больше или меньше. Конечно, с точки зрения Канта, собака вовсе не «вещь в себе», а всего лишь явление, комплекс известным образом организованных ощущений, вызванных «аффицирующей» человеческую чувственность, но никак не выявляющей себя в ощущениях потусторонней «вещью в себе». Но это как раз и свидетельствует о том, что кантовское понятие «вещь в себе» не имеет реального отношения к предмету научного исследования. И именно поэтому, говорит Ф. Энгельс, «естествоиспытатели остерегаются применять в естествознании фразу о вещи в себе, позволяя себе это только тогда, когда они выходят в область философии» [1].

Однако, не принимая спекулятивного понятия непознаваемой «вещи в себе» со всеми вытекающими априористическими выводами, которые сводят на нет объективное содержание научного знания, естествоиспытатель-эмпирик, поскольку он остается метафизиком и непоследовательным материалистом, постоянно впадает в агностицизм и тем самым вольно или невольно поддерживает то самое кантианство (или юмизм), которое он отвергает как систему философских воззрений.

Этот чрезвычайно важный вывод, актуальность которого для нашего времени несомненна, Энгельс обосновывает скрупулезным теоретическим анализом воззрений К. В. Негели и некоторых других естествоиспытателей. Известный немецкий ботаник-антидарвинист Негели утверждал, что наука познает лишь конечное, единичное, преходящее, в силу чего бесконечное, всеобщее, непреходящее остаются за пределами всякого возможного знания. В сущности это был аргумент в духе кантовского агностицизма с той лишь разницей, что Кант рассуждал логичнее, чем Негели, и поэтому не наделял непознаваемое никакими определенными атрибутами, ибо это как раз и нарушало постулат непознаваемости. Кант утверждал, что о непознаваемом («вещь в себе») ничего нельзя сказать, кроме того, что оно существует, в то вре-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 556.

мя как Негели определял непознаваемое как всеобщее, бесконечное, непреходящее. Вскрывая неразрешимое противоречие, в котором запутался метафизик Негели, Энгельс разъясняет, что «всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем» [1].

Иными словами, познание конечного и бесконечного, единичного и всеобщего, преходящего и непреходящего в сущности не взаимоисключающие, а единые процессы. Это единство, разумеется, не исключает различия, которое, однако, относительно и постоянно снимается прогрессом познания, хотя никогда не устраняется полностью. С этой точки зрения нельзя познавать единичное, не познавая всеобщего. То же относится и к познанию конечного и бесконечного, преходящего и вечного, т. е. этих в сущности коррелятивных вопреки воззрению Негели противоположностей, которые диалектически превращаются друг в друга. Диалектика объективной действительности образует, таким образом, реальный фундамент познавательного процесса. В выводе, к которому приходит Энгельс, подчеркивается беспредельная потенциальная мощь человеческого познания: «Всякое истинное познание природы есть познание вечного, бесконечного, и поэтому оно по существу абсолютно» [2].

Тот же Негели, ссылаясь на то обстоятельство, что в природе имеются такие формы движения материи, которые мы не воспринимаем с помощью органов чувств, утверждал, что между познаваемым и непознаваемым существует абсолютная граница. Но как похоже это на

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 548.

[2] Там же, стр. 549. В. И. Ленин, как известно, не был знаком с «Диалектикой природы» Ф. Энгельса, которая была опубликована только после смерти Ленина. Поэтому в высшей степени важно отметить полное совпадение ленинской мысли с приведенным выше высказыванием Ф. Энгельса. В «Философских тетрадях» В. И. Ленин, характеризуя развитие познания, говорит о живом дереве «живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322). Разумеется, это подчеркивание всесильного, абсолютного познания ни в малейшей степени не противоречит признанию исторического, т. е. преходящего, характера тех или иных ступеней и результатов познания.

рассуждения Канта о «вещи в себе», которая также принципиально невоспринимаема органами чувств. Между тем существование вещей, невоспринимаемых непосредственно, как показывает Энгельс, ни в малейшей мере не свидетельствует в пользу агностицизма. Для того чтобы нечто было непознаваемым, оно должно быть абсолютно изолированным, т. е. не иметь никакого отношения к воспринимаемой нами действительности, не оказывать на нее никакого воздействия, не вызывать в ней каких-либо изменений и т. д. Поэтому Кант и превращает «вещь в себе» в трансцендентную, постулируя ее существование вне времени и пространства, т. е. абсолютно изолируя ее от чувственно воспринимаемых существующих в пространственно-временном континууме явлений. Негели, как эмпирик, естественно, не хочет идти по такому спекулятивному пути, и его вывод о существовании непознаваемых (вследствие их чувственной невоспринимаемости) явлений оказывается еще менее обоснованным, чем соответствующее положение Канта. «Ведь эти невоспринимаемые формы движения, — замечает Энгельс, — могут *превращаться в доступное нашему восприятию движение!*» [1]

Этот очевидный факт, подтверждаемый всем экспериментальным естествознанием, полностью опровергает эмпирическое обоснование агностицизма, выдвинутое Негели.

Когда английский биолог и этнолог Д. Леббок установил, что муравьи способны зрительно воспринимать невидимые для человеческого глаза ультрафиолетовые лучи, некоторые естествоиспытатели и философы поспешили из этого и некоторых других аналогичных фактов сделать вывод, что физиологическая структура органов чувств человека ставит естественные и непреодолимые преграды для познания внешнего мира. Эти теоретики не утверждали, правда, что мир непознаваем: они заняли промежуточную позицию между сторонниками принципиальной познаваемости мира и их противниками-агностиками, пытаясь доказать, что мир частично познаваем, частично непознаваем. Такая позиция импонировала многим естествоиспытателям-эмпирикам, так как представлялась им свободной от «крайностей» философского скептицизма и догматизма.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 551.

Подвергая критике метафизическую концепцию ограниченной познаваемости объективного мира, Энгельс доказывает, что физиологическая ограниченность органов чувств человека не только не является непреодолимым препятствием для познания мира, но, напротив, представляет собой необходимое условие успешной познавательной деятельности. Глаз, который воспринимал бы все световые колебания, не видел бы ничего. Ухо, которое не имело бы порога восприятия звуковых волн, не могло бы их воспринимать вообще.

«Разумеется, — писал Энгельс, — мы никогда не узнáем того, *в каком виде* воспринимаются муравьями химические лучи» [1]. Однако человек познает невидимые для него лучи, научается их применять для определенных практических целей, в то время как муравьи, которые видят эти лучи, не обладают знанием их свойств, природы и т. д. При этом Энгельс заключает, что наше знание о невидимых для нас световых волнах мы получили с помощью нашего зрения, хотя, конечно, не непосредственно. Это значит, что органы чувств играют определенную познавательную роль и в тех случаях, когда они непосредственно и не воспринимают известных явлений, наличие которых обнаруживается каким-либо косвенным образом. Другими словами, «уже тот факт, что мы можем доказать, что муравьи *видят* вещи, которые для нас невидимы, и что доказательство этого основывается на одних только восприятиях *нашего* глаза, показывает, что специальное устройство человеческого глаза не является абсолютной границей для человеческого познания» [2].

Известно, что некоторые домарксовские материалисты (в особенности французский философ Гельвеций) ставили способность человеческого познания в прямую зависимость от остроты чувственных восприятий. Против этих ошибочных воззрений, упрощенно понимающих соотношение между рациональным и чувственным отражением внешнего мира, выступил Д. Дидро. С присущей ему проницательностью он указал на то, что некоторые животные обладают несравненно более острым зрением, слухом, обонянием, чем человек, но человек тем не менее

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 555.
[2] Там же, стр. 554.

знает несравненно больше запахов цветов и объектов зрительного восприятия вообще, чем эти животные.

В рассматриваемом случае Энгельс, непосредственно опираясь на Дидро, развивает высказанную последним в полемике с Гельвецием мысль, отвечая вместе с тем на поставленный, но не решенный Дидро вопрос о причинах отмеченного им факта. Энгельс писал: «Орел видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются определенными признаками различных вещей» [1].

Чем объясняется этот на первый взгляд совершенно парадоксальный факт?

Д. Дидро пытается объяснить его способностью человеческого разума идти значительно дальше чувственных восприятий. Однако, поскольку Гельвеций говорил о многообразии чувственно воспринимаемых фактов, которые не могут быть выявлены мышлением, это теоретическое соображение оказывалось таким же неудовлетворительным, как и допущение рационалистов относительно независимости разума от чувственного опыта. В отличие от Дидро Ф. Энгельс указывает на практику, посредством которой человек, изменяя предметный мир и создавая вещи и вещества, не существующие в природе, открывает, а частично и создает новые качества и их сочетания. Практика, разъясняет Энгельс, исторически сформировала специфически человеческие органы восприятия. Последние, не отличаясь такой узкой специализацией, которая характерна для соответствующих органов животных, позволяет полнее, шире охватить чувственно воспринимаемое многообразие действительности.

В процессе становления человека труд — важнейшая форма практической деятельности — сыграл решающую роль не только в возникновении языка, но и в развитии специфически человеческих органов слуха, осязания, зрения и т. д. Эта мысль, впервые высказанная Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», получила систематическое развитие и обоснование в извест-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 490.

нои статье Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

Мысль Энгельса о том, что физиологическая ограниченность органов чувств не является абсолютной границей для познавательной деятельности, которая благодаря своей органической связи с практикой преодолевает эту физиологическую ограниченность, имеет принципиальное значение для борьбы против современного агностицизма, представители которого постоянно рассуждают о непреодолимой ограниченности или субъективности чувственных данных.

Между тем исследование процесса познания в его связи с практикой, анализ диалектического отношения между теоретическим и эмпирическим знанием показывают, что любая неполнота чувственных данных, так же как и иллюзии, которые нередко имеют место в чувственном отражении внешнего мира, закономерно преодолевается с помощью практической проверки данных наблюдений, теоретического анализа, экспериментов, технических орудий познания, практического воспроизведения или использования в производстве процессов природы. Если одни технические средства познания (такие, например, как телескоп или микроскоп) усиливают в тысячи раз нашу способность видеть, то другие научно-технические познавательные средства позволяют нам воспринимать и то, что вообще не воспринимается нашими органами чувств, например радиоволны, рентгеновские лучи, инфракрасное и ультрафиолетовое излучение.

Материалист Л. Фейербах, несомненно, был прав, когда утверждал, что имеющихся у человека органов чувств в принципе вполне достаточно для познания любых объектов. Однако он не мог обосновать этот тезис, так как недооценивал того факта, что человеческие органы чувств — продукт мировой истории, в ходе которой вырабатывалась присущая им способность разностороннего познавательного отражения действительности. И кроме того, Фейербах явно недооценивал роль общественной, в особенности производственной и научно-исследовательской практики в расширении и углублении сферы чувственного отражения, в развитии опосредованных возможностей чувственного отражения внешнего мира и технических средств наблюдения предметов, явно недоступных чувственному восприятию. Конечно, следует

иметь в виду, что во времена Фейербаха научно-технические средства познания явлений, которые по самой природе своей не могут быть объектом зрительного, тактильного и иного непосредственно свойственного человеку восприятия, в сущности лишь зарождались.

Положение существенно изменилось в наше время, в век бурного развития естествознания. Современная физика имеет в качестве одного из вполне сложившихся своих разделов теорию ультразвука, хотя человеческий слух (в отличие от слухового органа летучей мыши и некоторых других животных) не воспринимает такого рода звуков. Современная техника располагает ультразвуковой аппаратурой, с помощью которой осуществляются обработка металлов и другие зачастую весьма сложные операции.

Единство науки и практики не только опровергает агностицизм, познавая запретные с его точки зрения явления, но и доказывает, что «вещи в себе», если, конечно, их понимать как действительные вещи, а не как неуловимые призраки, постоянно превращаются в «вещи для нас», т. е. познаются и практически осваиваются. Современный научно-технический прогресс полностью подтверждает и обогащает множеством новых фактических данных, требующих философского осмысления, положения Энгельса о том, что самое решительное опровержение агностицизма, «как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой «вещи в себе» приходит конец. Химические вещества, образующиеся в телах животных и растений, оставались такими «вещами в себе», пока органическая химия не стала приготовлять их одно за другим...» [1]

К такому выводу Ф. Энгельс пришел более 80 лет назад. Воистину вещие слова, ибо с тех пор и для органической химии, и для химической промышленности превращение «вещи в себе» в познанную, практически освоенную «вещь для нас» стало повседневным, обыденным де-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 284.

лом. То же самое мы наблюдаем не только в химии, но и в ядерной физике, физике твердого тела, молекулярной биологии и в других областях естествознания. В. И. Ленин, развивая это положение Энгельса, указывал, что необходимость «в себе» также превращается в необходимость «для нас», т. е. в свободу. Усиление господства человека над природой представляет собой, таким образом, самое внушительное опровержение агностического философствования.

Благодаря марксизму-ленинизму законы развития общества, остававшиеся непознанными в течение многих столетий существования науки, превратились из «вещи в себе» в познаваемую, практически осваиваемую «вещь для нас». Это, как известно, составляет одну из основ планомерного и сознательного социального творчества строителей коммунизма. Теоретическое познание и практическое овладение объективной социально-экономической необходимостью «в себе», превращение ее в необходимость «для нас», достигаемое благодаря социалистическому переустройству общественной жизни, наносит агностицизму особенно чувствительное поражение в той области действительности, которая, больше чем какая-либо другая, издавна считалась несокрушимым бастионом идеализма.

В. И. Ленин, подчеркивая громадное философское и общенаучное значение мысли Энгельса о превращении «вещи в себе» в «вещь для нас», раскрывает принципиальное тождество «рассуждений Энгельса о познаваемости объективной природы вещей и о превращении «вещи в себе» в «вещь для нас», с одной стороны, и его рассуждений о слепой, непознанной необходимости — с другой. Развитие сознания у каждого отдельного человеческого индивида и развитие коллективных знаний всего человечества на каждом шагу показывает нам превращение непознанной «вещи в себе» в познанную «вещь для нас», превращение слепой, непознанной необходимости, «необходимости в себе», в познанную «необходимость для нас». Гносеологически нет решительно никакой разницы между тем и другим превращением...» [1].

Приведенное рассуждение Ленина выявляет еще один весьма важный идеологический аспект борьбы марксизма

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 197.

против агностицизма. Агностик, как показывает Ленин, не просто отрицает познаваемость некоей туманной, сверхчувственной, трансцендентной «вещи в себе», он подвергает отрицанию возможность превращения «необходимости в себе» в «необходимость для нас», т. е. возможность свободы, основанной на познании и практическом освоении объективных закономерностей природы и общества. Не трудно понять, что этот социальный аспект агностицизма является наиболее реакционным и именно он больше всего культивируется идеологами современной империалистической буржуазии.

Современная буржуазная идеология, поскольку она отстаивает исторически изжившие себя социальные отношения, не может не проповедовать агностицизм, несмотря на величайшие свидетельства принципиальной познаваемости мира, которые каждодневно умножаются наукой и практикой. То обстоятельство, что агностицизм противоречит логике научного исследования, не столь уж смущает идеологов реакционной буржуазии, поскольку агностицизм соответствует логике борьбы против социального прогресса.

Теоретики империалистической реакции не жалеют сил для доказательства того, что познание есть перманентное обнаружение непознаваемости, что власть человека над природными процессами не находится в соответствии с познанием объективной истины. Но особенно старательно стремятся «доказать» они, что социальная действительность может быть лишь предметом эмпирического анализа и описания. Закономерности социальной жизни с этой точки зрения непознаваемы, и, больше того, непознаваем даже факт их существования. Будущее человечества, утверждают многие идеологи капитализма, непроницаемо, и всякая попытка определить хотя бы в общих чертах контуры того, что ожидает человечество, является, согласно такой концепции, не более чем «пропагандой», рассчитанной на то, чтобы «завербовать» массы для осуществления политических целей узкой группы людей.

Агностики времен Канта и Юма, утверждая, что мир непознаваем, тем не менее рассматривали познание, науку, истину как высшее интеллектуальное благо. Современные агностики, осуществляя провозглашенную Ф. Ницше программу «переоценки ценностей», уверяют,

что познание чревато трагическими последствиями, а истины омрачают и без того хмурый небосклон человеческой жизни.

Ссылаясь на факты применения науки в разрушительных целях, но игнорируя их классовую, исторически преходящую основу, известный экзистенциалист К. Ясперс приходит к пессимистической оценке перспектив познания. «Благодаря познанию, — говорит он, — происходит разрушение»[1]. Творческая мощь познания отодвигается при этом на второй план, на первый план выдвигается несовместимость науки с религией, что, с точки зрения религиозного мыслителя, в значительной мере обесценивает науку. Эта утеря Ясперсом пафоса познания, воодушевлявшего домарксовских философов, ярко характеризует качественное отличие современной буржуазной философии от ее философских предшественников.

* * *

Современный агностицизм является одним из наиболее утонченных идейных орудий империалистической идеологии, одним из характернейших выражений ее идейного кризиса. И борьба Энгельса против агностицизма, его неотразимые аргументы против агностического неверия в объективность научного знания вооружают марксистско-ленинские теоретические кадры в борьбе против интеллектуальной анархии и безыдейного скептицизма, которые культивируются современными противниками демократии и социализма.

Глава восьмая

Вопросы диалектической логики

Вопросы диалектической логики всегда находились в центре научных интересов Ф. Энгельса. Он глубоко изучал теоретическое наследство Аристотеля и Гегеля, при-

[1] *K. Jaspers.* Von der Wahrheit. München, 1967, S. 346.

зывая ученых разрабатывать научный, диалектический способ мышления посредством серьезного изучения их произведений, давая образцы подобной разработки. Как и Маркс, Энгельс развивал диалектический способ мышления в процессе живого научного познания общественных явлений, неослабно следя в то же время за достижениями в области естествознания. Углубленное изучение достижений естествознания на предмет не только подтверждения, но и развития диалектической логики на материале науки составляет одну из характерных черт мировоззренческой методологической позиции Ф. Энгельса.

Ф. Энгельс был первым марксистом, четко сформулировавшим задачу систематического изучения и овладения диалектическим способом мышления представителями специальных наук, в том числе и естествоиспытателями. Внимательно наблюдая за развитием естествознания, он отмечал, что эмпирический характер последнего в XVIII в. все больше обнаруживал свою недостаточность и что накопленный к началу XIX в. научный материал требовал уже не узкоэмпирических, а теоретических методов. Если философия Локка и французских материалистов служила философско-теоретической основой эмпирической стадии развития естествознания, то в переломный момент, когда обнаружилось бессилие эмпиризма проникнуть «за» область явлений, появляется скептицизм Юма и Канта. В начале процесса перехода естествознания на уровень теоретического развития стоит Гегель, который видел эту тенденцию, но считал ее осуществление задачей только философии, как таковой. Истинная наука о природе, по Гегелю, возможна лишь как философия природы, наука об истории — как философия истории, о праве — как философия права и т. д.

Конечно, философия всегда являлась общетеоретическим выражением состояния, уровня развития специальных наук, на что указывал Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», хотя ее функции, в том числе гносеологическая, не сводятся к этому, а независимость ее от специальных наук является мифом. Философия Маркса и Энгельса сформировалась и развилась в условиях, когда диалектический способ мышления стал «абсолютной необходимостью» как для естествознания, так и особенно для

наук об обществе. Отмечая, что теоретическое мышление каждой эпохи — это исторический продукт, принимающий в различные времена различные формы и вместе с тем различное содержание, что имеет весьма важное значение с точки зрения «практического применения мышления к эмпирическим областям» [1], Ф. Энгельс подчеркивал, что диалектический метод мышления в своем рациональном виде «становится единственно правильной формой развития мысли» [2].

Принципиальное отличие точки зрения Энгельса (и Маркса) от гегелевской по данному вопросу состоит в том, что Энгельс не только не противопоставлял «метод философии» методам частных, «конечных» наук, как считал Гегель, а, наоборот, исходил из необходимости выработки метода той или иной специальной науки на базе научно разработанного общего диалектического метода исследования, или «логического метода», предпосылкой и даже «исходной точкой» которого исторически явился все же гегелевский метод [3].

Особенно остро этот вопрос встал перед Марксом и Энгельсом уже в 50-х годах XIX в. Касаясь содержания переписки между Марксом и Энгельсом в 1844—1883 гг., В. И. Ленин отмечал: «Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, — тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» [4].

Не разработка диалектики как самоцель, как демон-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 367.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 497.

[3] О противоположности и тождестве гегелевского и марксистского методов написано много работ, и мы не будем здесь останавливаться на этом вопросе. Заметим лишь, что критическое использование и дальнейшая материалистическая переработка теоретического наследства Гегеля сохраняет свое положительное значение, несмотря на тенденцию некоторых философов отрицать это обстоятельство.

[4] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 264.

страция сокровенной истины всякого познания, а создание логического метода развития специального познания, методологическое применение диалектики — такова основная задача, которая всегда стояла в центре внимания как Маркса, так и Энгельса. Эта «рабочая», служебная роль научной диалектики, особенно ярко выраженная в революционных трудах и практической деятельности классиков марксизма-ленинизма, больше всего не нравится критикам последнего, заявляющим, будто «диалектический метод работает, как захотят глаза и руки того, кто им пользуется» [1]. Особенно сильные возражения с их стороны вызывает содержательный аспект диалектической логики, без которого невозможно было бы научное предвидение коммунистического общества.

В специальном познании она обеспечивает его известную независимость по отношению к эмпирическим данным. Она не дает познанию остановиться на полпути и топтаться на месте до тех пор, пока не будут «заполнены» все «белые пятна» в накопленном материале. Ф. Энгельс подчеркивал, что для теоретического естествознания логический метод обработки эмпирического материала совершенно необходим по следующим существенным соображениям. Во-первых, уже потому, что систематическое упорядочение последнего сообразно его внутренней связи совершенно невозможно при наличии только эмпирических методов. Во-вторых, рано или поздно «становится неустранимой задача приведения в правильную связь между собой отдельных областей знания» [2]. В-третьих, в теоретическом естествознании очень часто приходится «оперировать с не вполне известными величинами, и последовательность мысли во все времена должна была помогать недостаточным еще знаниям двигаться дальше» [3]. Так, например, положение о неуничтожимости движения должно было со времен Декарта служить одной из теоретических основ развития физики, пока в 1842 г. не был открыт механический эквивалент теплоты и не был сформулирован фундаментальный закон сохранения и превращения энергии. Однако именно с этого времени диалектика

[1] *R. Heiss.* Die groβen Dialektiker des 19. Jahrhunderts. Hegel, Kierkegaard, Marx. Köln — Berlin, 1963. S. 196.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 366.

[3] Там же, стр. 360.

становится для естествознания «наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой» [1].

Подчеркивая то обстоятельство, что «диалектический характер процессов природы стал непреодолимо навязываться мысли», что «только диалектика могла помочь естествознанию выбраться из теоретических трудностей» [2], Ф. Энгельс вместе с тем указывал, что наиболее доступным способом изучения диалектики мышления является изучение истории философии, особенно диалектики Аристотеля и главным образом Гегеля. Как известно, Аристотель был родоначальником формальной логики в ее традиционном виде, одним из виднейших представителей античной диалектики, а Гегель — создатель диалектической логики в идеалистической, мистифицированной форме. Сегодня наука оперирует и другими, более совершенными формами диалектики и новыми приемами логики научного исследования, хотя философия Аристотеля и Гегеля продолжает оставаться объектом непреходящего научного интереса. В. И. Ленин указал на плодотворный путь развития диалектического способа мышления, познания, заключающийся «в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники» [3]. Произведения Ф. Энгельса (такие, как «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Развитие социализма от утопии к науке», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и др.) являются ярким примером замечательной научной деятельности в этом направлении.

1. Предмет диалектической логики

Что же понимал Ф. Энгельс под диалектической логикой? Под диалектической логикой он имел в виду науку, имеющую своим предметом так называемую субъектив-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 367. Игнорирование теоретической, диалектической формы мышления, как показал Энгельс, привело довольно видных естествоиспытателей к путанице, противоречиям и даже спиритизму.

[2] Там же, стр. 368.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 131.

ную диалектику, иначе, диалектическое мышление, т. е. диалектику как метод мышления. Но, как нам представляется, понятие метода мышления является более общим понятием, чем понятие диалектической логики. Если в понятие диалектического метода входит совокупность, а точнее, система законов диалектики вообще, то в понятие диалектической логики входит весьма определенное соотношение между законами диалектики и формами мышления, а также определенное диалектическое соотношение самих форм мышления. В этом смысле можно говорить о том, что в древнегреческой философии, где зародилась первая классическая форма диалектики, диалектическая логика еще не была разработана. Диалектическая логика как наука возникает только тогда, когда встает вопрос о разработке «субординации» форм мышления, т. е. когда эти формы выводятся одна из другой, более высоко стоящие формы развиваются из «нижестоящих» [1]. В этом отношении весьма плодотворное начинание принадлежит, как отмечал Ф. Энгельс, Гегелю.

Таким образом, с точки зрения Ф. Энгельса, диалектическая логика есть та же диалектика, но взятая в единстве с формами мышления, созданными еще в русле развития традиционной формальной логики, хотя последняя отнюдь не является более древней, чем сама диалектика. Это обстоятельство представляется нам очень важным, так как в результате указанного соединения существенным образом изменяется соотношение форм мышления, обнаруживается их внутренняя взаимосвязь и относительность их различий. Никаких особых диалектических форм мышления, которые были бы антиподами соответствующих форм формальной логики, не существует, а существуют старые «добрые» формы мысли, но на теоретическом уровне мышления уже не имеющие каждая в отдельности самостоятельного значения. «Индукция и дедукция связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ» [2]. Точно таким же образом обстоит дело и со многими другими, ранее известными формами мышления.

Говоря о том, что от старой философии остались лишь формальная логика и диалектика, Энгельс не имел

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 538.
[2] Там же, стр. 542.

в виду сохранение их (логики и диалектики) в современной философии в прежнем, разобщенном виде, в их изолированности и противопоставлении друг другу. Новейшая наука о мышлении — диалектическая логика — соединяет в высшем единстве новейшие достижения познания с результатами исследования мышления, добытыми в рамках старой философии. Только ей удается обнаружить тот способ построения, структуру логики, в которой формальное совпадает с содержательным. Это — «субординация» форм мысли, открытых формальной логикой, организация их в определенную систему в результате применения диалектических принципов к самому мышлению. Весьма важным выводом из вышеизложенного являлось бы, по нашему мнению, осознание необходимости исследования конкретных и даже детальных черт, моментов единства и связи формальной логики и диалектики в теоретическом мышлении наряду с учетом общих соображений о преимуществах диалектической логики перед формальной.

Формы мышления, организуясь в определенную систему, обусловленную диалектическим содержанием процесса мышления, определяют в свою очередь специфику «субъективной диалектики» по отношению к диалектике объективной. Ф. Энгельс считает, что «исследование *форм* мышления, логических категорий, очень благодарная и необходимая задача...»[1] науки. А это значит, что специфическая сущность диалектической логики связана именно с формой движения логического, с системой движения форм мышления. Но отсюда следует, что нельзя вслед за Гегелем отождествлять способы движения теоретического мышления с объективной действительностью, хотя и то и другое подчиняется одним и тем же законам. Совпадение здесь может иметь место лишь в результатах. «Над всем нашим теоретическим мышлением, — пишет Ф. Энгельс, — господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собой»[2]. Здесь же он отмечает, что старый материализм исследо-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 555.
[2] Там же, стр. 581.

вал это обстоятельство лишь со стороны содержания, но не формы. Только диалектико-материалистическая философия исследовала эти процессы «также и со стороны *формы*», показав диалектику движения (процесса) отражения законов объективной действительности и противоречивое совпадение ее с последними. И в этом смысле, как указывал В. И. Ленин, «логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовных вещей", т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [1].

2. *Практическая основа и содержание диалектической логики*

Почему же законы движения теоретического мышления в конечном итоге тождественны законам диалектики объективной? Чем обусловлено это диалектическое тождество? Ф. Энгельс отвечает на этот вопрос следующим образом: «...диалектика рассматривается как наука о наиболее общих законах *всякого* движения. Это означает, что ее законы должны иметь силу как для движения в природе и человеческой истории, так и для движения мышления» [2]. Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно сказать, что диалектическая логика в узком смысле слова есть наука о наиболее общих законах движения и развития научного, теоретического мышления. Это определение, однако, предполагает диалектическое совпадение законов мышления с основными законами внешнего мира — природы и общества.

В другом месте Ф. Энгельс раскрывает конкретную связь человеческого мышления с природой, объективной действительностью. Основу указанного совпадения законов мышления с законами природы он видит в активной практической деятельности субъекта мышления — исторически определенного человека. Здесь лежит тот пункт, с которого начинается подлинное понимание природы научного познания, теоретической деятельности человека, а стало быть, и сущности диалектической логики. «Как ес-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 84.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 582.

ствознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу. Поэтому натуралистическое понимание истории... страдает односторонностью и забывает, что и человек воздействует обратно на природу, изменяет ее...»[1]

Здесь мы видим, что и позже, в «Диалектике природы», Ф. Энгельс развивает ту общую для него и Маркса позицию, высказанную еще в «Немецкой идеологии», согласно которой живое единство природы и духа человека получает свое реальное воплощение в практической деятельности последнего, в промышленности. Однако некоторые «критики» марксизма отрицают духовное родство Энгельса с Марксом и в этом вопросе[2]. Известный буржуазный противник марксистской философии Г. А. Веттер в своих многочисленных работах стремится доказать, что только Маркс исходил из единства природы и человека, и в этом заключался его материализм; диалектика для Маркса при этом означала «самоосуществление путем самоотрешения субъекта»[3]. Поэтому Маркс является, по его мнению, лишь косвенным создателем диалектического материализма в его современном виде. Истинным же отцом последнего является Ф. Энгельс, который ввел в обиход диалектику природы, объявив диалектику

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 545—546.

[2] О том, что для Энгельса диалектическое единство человека и природы, духа и материи было само собой разумеющейся предпосылкой его воззрений, свидетельствуют следующие его рассуждения. Правильное отражение людьми законов объективной природы в процессе «активного вмешательства в ее естественный ход» приведет в конце концов к тому, что «люди снова будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой и тем невозможней станет то бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом, которое распространилось в Европе со времени упадка классической древности и получило наивысшее развитие в христианстве» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 496).

[3] *G. A. Wetter*. Die Umkehrung Hegels, S. 26.

понятий только ее отражением. Раздел упомянутой работы г-на Веттера называется «Энгельс — подлинный основоположник диамата». Другой «марксолог» Л. Ландгребе в статье «Проблема диалектики», помещенной в сборнике «Очерки по марксизму», говорит, напротив, о «дегенерации диалектики у Энгельса» [1].

Словом, критики диалектического материализма хотят доказать, что Энгельс или отошел от диалектики Маркса, или с самого начала придерживался иных взглядов на диалектику. Подобные утверждения довольно часто раздаются из лагеря противников диалектического материализма, и перечисление их в общем одинаковых высказываний ничего нового не даст. Здесь достаточно сослаться на самого Маркса, писавшего в «Капитале» о диалектике природы, с которой приходится иметь дело естествознанию. «Здесь, как и в *естествознании*, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия» [2]. По поводу объективного существования в природе диалектических противоречий Маркс в другом месте пишет следующее: «...например, в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипсис (имеется в виду траектория движения небесных тел. — *З. О.*) есть одна из форм движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется и разрешается» [3]. Таким образом, Маркс, бесспорно, исходил из признания диалектики природы.

Ф. Энгельс разрабатывал не только диалектику природы и диалектику общественного развития, но также и специфически логическую форму осуществления диалектики, т. е. диалектику понятий, диалектическую логику. Он исходил из диалектики взаимоотношения индукции и дедукции, анализа и синтеза, которые переходят друг в друга, совпадают друг с другом в процессе теоретического мышления.

Содержанием диалектической логики является отражение диалектики природы и общества мышлением в

[1] «Marxismusstudien». Dritte Folge. Tübingen, 1960, S. 56.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 318 (курсив мой. — *З. О.*).

[3] Там же, стр. 114.

формах индукции и дедукции, анализа и синтеза и т. д. посредством метода восхождения от абстрактного к конкретному, в котором диалектически соединяются все основные логические формы мышления человека. «Единственным содержанием мышления являются мир и законы мышления»[1]. И конечно же, ядром всего содержания теоретического мышления является диалектическое противоречие, противоречивая взаимосвязь понятий, отражающая противоречивые отношения вещей. Ту же мысль высказывает В. И. Ленин. «Отношения (=переходы=противоречия) понятий=главное содержание логики, **причем** эти понятия (и их отношения, переходы, противоречия) показаны как отражения объективного мира»[2].

Но известно, что существует логика, запрещающая противоречия в мышлении, запрещающая тождество не только противоположностей, но даже различий. Это — формальная логика в ее традиционной и современной форме. Говоря о законе тождества $a=a$ (или в отрицательной форме: a не может в одном и том же смысле быть тождественно a и не быть тождественно a), выдвинутом традиционной формальной логикой, Энгельс подчеркивал недостаточность использования этого принципа, как и любого отдельно взятого принципа какой-либо частной науки, для теоретического мышления, которое на каждом шагу имеет дело с противоречиями. Критикуя старую, абстрактно формальную точку зрения тождества, Ф. Энгельс подчеркивал, что абсолютизация этой точки зрения есть метафизика. Критика Ф. Энгельсом попыток применения законов формальной логики за пределами ее предмета (а именно за пределами непосредственных связей и отношений между понятиями) привела к возникновению и не стихающей до сих пор борьбе противоположных точек зрения по вопросу о допустимости и недопустимости противоречий в теоретическом мышлении.

Крайние позиции в этом споре таковы. Одни утверждают, что формальная логика запрещает всякие противоречия в мышлении, и на этом основании рассматривают наличие диалектических противоречий в мышлении,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 630.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 178.

на которое указывали Гегель, Маркс, Энгельс и Ленин, как опровержение применимости законов формальной логики в научном, теоретическом мышлении. Другие, наоборот, полагают, что в теоретическом мышлении не должно быть никаких противоречий, ибо понятие противоречия молчаливо отождествляется ими только с формальнологическим противоречием.

Между тем предварительным условием разрешения сложившейся антиномии указанных точек зрения является выяснение принципиального различия между диалектическим и формальнологическим противоречием. Это проливает свет на точку зрения Ф. Энгельса по данному вопросу, а также по вопросу о соотношении диалектической и формальной логики.

Исторически первым систематическую критику формальной логики дал Гегель. Гениально открыв существование, роль и движение диалектических противоречий в научном познании, он противопоставил их законам формальной логики, объявив о неизбежном нарушении последних в истинном теоретическом мышлении [1]. Вместе с тем у Гегеля встречается и более последовательная мысль о том, что «спекулятивная логика содержит в себе предшествующую логику и метафизику, *сохраняет те же самые формы мысли, законы и предметы,* но вместе с тем развивает их дальше и преобразовывает их с помощью новых категорий» [2]. Таким образом, даже гегелевское противопоставление диалектической («спекулятивной») логики формальной не было абсолютным. Тем более оно не является таковым у Энгельса, который писал: «...формальная логика представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному; и *то же самое*, только в гораздо более высоком смысле, представляет собой диалектика, которая к тому же, прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения» [3].

В чем же заключается различие между ними? Поче-

---

[1] Об этом обстоятельстве пишет, например, Г. Штилер (*G. Stiehler.* Hegel und der Marxismus über den Widerspruch. Berlin, 1960, S. 16, 45, 46).

[2] *Гегель.* Соч., т. I, стр. 26—27 (курсив мой. — *З. О.*).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 138 (курсив мой. — *З. О.*).

му формальная логика является недостаточной для познания глубинных, сущностных процессов действительности? На наш взгляд, потому, что формальная логика имеет своим предметом отношения и связи непосредственные, в то время как диалектика, диалектическая логика — отношения и связи опосредованные (и в этом смысле — более сложные). Именно в этом смысле «результаты, добытые в диалектической области...», нельзя получить лишь «посредством формальной логики» [1]. Эти две логические науки имеют разные предметы изучения. Энгельс не говорил о нарушении или неистинности законов формальной логики в той или иной области, на том или ином уровне мышления, познания. Он говорил о недостаточности положений формальной логики, в том числе и закона тождества. Применимость формальной логики обнаруживает свою относительную интенсивную (а *не* экстенсивную, различающуюся по сферам применения) ограниченность в теоретических областях знания, в теоретическом мышлении. В эмпирической области [2] применение формальной логики безгранично и имеет самостоятельное значение, поскольку на эмпирическом уровне познания мы имеем дело лишь с непосредственными связями и отношениями вещей.

В теоретическом мышлении, выходящем за область непосредственного, применение формальной логики также имеет место, но, как указывалось, играет подчиненную роль. Формальная логика дает правила, обеспечивающие возможность избежать, например, непосредственных отождествлений противоположностей, т. е., как верно заметил Г. Клаус, «закон непротиворечия указывает только отрицательный принцип отбора» [3]. Но формальная логика призвана оберегать мышление только от формальнологических противоречий; она отнюдь не запрещает противоречия вообще. Именно диалектические противоречия ею не запрещаются, она их просто-напросто не рассматривает, специально отвлекаясь от них как от предмета другой науки. Диалектическое про-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 138.

[2] Под эмпирической областью в данном случае имеется в виду мышление, оперирующее чувственными данными — восприятиями, представлениями и т. д.

[3] *Г. Клаус*. Введение в формальную логику. М., 1960, стр. 221.

тиворечие не входит в предмет формальной логики, что, конечно, не означает неприменимости формальнологических средств при анализе диалектических противоречий.

О том, что под противоречием формальная логика понимает непосредственное тождество противоположностей, свидетельствуют слова ее родоначальника, писавшего, что «в промежутке между членами противоречия нет ничего...» [1]. С точки же зрения диалектики, противоречия реальной действительности и их отражение суть не что иное, как опосредованное движение противоположностей, противоположных определений, понятий, чего метафизика, абсолютизирующая законы формальной логики и неправомерно распространяющая их на связи и отношения опосредованные, понять не может. «Для такой стадии развития естествознания, где все различия сливаются в промежуточных ступенях, все противоположности переходят друг в друга *через посредство промежуточных членов*, уже недостаточно старого метафизического метода мышления. Диалектика, которая... признает в надлежащих случаях наряду с «или — или» также «как то, так и другое» и *опосредствует противоположности*, — является единственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания» [2].

Такой же подход к пониманию диалектических противоречий свойствен К. Марксу, который, критикуя Дж. Милля, писал следующее: «Противоречие между общим законом и более развитыми конкретными отношениями здесь хотят разрешить не путем нахождения *посредствующих звеньев*, а путем прямого подведения конкретного под абстрактное и путем *непосредственного* приспособления конкретного к абстрактному» [3]. Основной метод Дж. Милля, по определению Маркса, таков: «Где экономическое отношение, — а значит и категории, его выражающие, — заключает в себе противоположности, является противоречием и именно единством противоре-

---

[1] *Аристотель.* Метафизика. М.—Л., 1934, стр. 175—176.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 527—528 (курсив мой. — *З. О.*).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 85 (курсив мой. — *З. О.*).

чий, он подчеркивает момент *единства* противоположностей и отрицает *противоположности*. Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей» [1].

С точки зрения Ф. Энгельса, как и Маркса, чтобы разрешить теоретическое противоречие, нужно воспроизвести промежуточные звенья, опосредствующие реально существующее противоречие. Тогда «неразрешимые» противоречия предстанут как теоретически решенные, что отнюдь не означает, будто в теории мы избавились от противоречий вообще. Мы избавились лишь от возможности впасть в формальнологическое противоречие, заключающееся в непосредственном отождествлении противоположных понятий. Отсюда, однако, ни в коей мере не следует, что диалектическое противоречие есть тождество противоположных понятий, взятых в разных отношениях и непременно в разное время. У метафизика различное находится лишь во внешней связи с тождественным, т. е. то, что взято им в другом отношении, не стоит во внутренне необходимой связи с тем, что тождественно. Не тождество и различие, а единство тождества и различия — такова диалектическая формула.

Таким образом, не может быть непосредственного единства (тождества) двух противоположных в одном и том же отношении, в одном и том же смысле и в одно и то же время явлений и соответственно понятий, но может быть и всегда имеет место между ними опосредованное (определенной формой движения) единство (тождество). В этом суть диалектического противоречия. Непосредственное же единство (тождество) может иметь место лишь между понятиями, тождественными в некотором отношении, но различными и даже противоположными в иных отношениях и смыслах. Но отсюда, как мы полагаем, следует, что существуют два рода отождествления одновременно различных или противоположных в одном и том же смысле и отношении понятий — непосредственное (рассматриваемое и отвергаемое формальной логикой) и опосредованное в разобранном выше смысле (диалектическое).

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 86.

Поэтому, когда мы говорим, что цветок и дом — материальные образования, то между понятиями цветка и дома еще нет никакого — ни диалектического и ни формальнологического — противоречия. Но когда мы хотим вскрыть истинностное содержание утверждения: движение тела в пространстве означает, что тело находится в данном месте и в то же время в другом месте, то нам придется опосредствовать (в соответствии с процессом, совершающимся вне нашей головы) противоположности — «находиться» и в то же самое время «не находиться» в данном месте — понятием отрезка пространства, по которому движущееся тело как бы «размазано». Это обстоятельство сразу же всплывает в дифференциальном исчислении при анализе движения, где появляются понятия «переход», «предел» и др.

Наше эмпирическое наблюдение, базирующееся на отражении непосредственных связей и отношений, не совпадает с таким пониманием сущности движения, ибо в непосредственном плане различие между покоем и движением для нас заключается лишь в том, что в первом случае тело находится в одном и том же месте в любой момент времени, между тем как во втором случае в каждый последующий момент времени тело находится уже в другом месте. Это представление автоматически переносится в область «микродвижения», где простое наблюдение непосредственных связей невозможно. Здесь резко возрастает роль теоретического мышления, опосредствующего противоположные понятия промежуточными.

Однако обнаружение посредствующих звеньев, выраженных в теоретических понятиях, осуществляется не только в сфере чистой теории. Их анализ всегда носит конкретный характер и связан с рассмотрением специфического материала предмета познания. А это значит, что без эмпирических методов обнаружение посредствующих звеньев невозможно. Так, например, постулат о постоянстве скорости света мог возникнуть только на базе эксперимента, и только благодаря ему стало возможным теоретическое разрешение противоречия между выводами, вытекавшими из Галилеевых и Лоренцевых преобразований. Подобных примеров можно привести сколько угодно. Они свидетельствуют о тесной связи эмпирических и теоретических методов в процессе раз-

решения диалектических противоречий, возникающих в ходе научного познания.

Мы поэтому не можем отрицать значение принципа верификации в научном познании, особенно в тех случаях, когда речь идет об «эмпирически-гипотетических предложениях»[1]. Вместе с тем нельзя не отметить ограниченного значения этого принципа, поскольку он явно не носит теоретического характера. Разрешение диалектических противоречий в конечном счете осуществляется теоретическими средствами, так как оно устанавливает определенное соотношение между противоположными утверждениями, понятиями. Это определенное соотношение представляет собой нечто «третье», отличное от обеих сторон противоречия, но в то же время тождественное им, — их высшее диалектическое единство. Что же касается принципа верификации, то он устанавливает определенное соотношение между высказываниями и фактами действительности. Это соотношение носит именно непосредственный характер, хотя и выражается иногда совокупностью высказываний, в то время как между положениями, возникшими в результате теоретического разрешения противоречий, и фактами действительности нет отношения непосредственного соответствия. Эмпирические методы как раз и опосредствуют в определенном аспекте, отношении это соответствие между теоретическим выводом и фактами действительности.

Но значение принципа верификации не исчерпывается только этим. Уточняя смысл высказываний, он помогает познанию избавляться от формальнологических противоречий между различными высказываниями. В этом смысле он (его применение) является предпосылкой формулирования диалектических противоречий, подлежащих теоретическому анализу и разрешению. Но после того как такое противоречие (антиномия) сформулировано, он отступает на второй план, обнаруживая свое бессилие на последующих этапах познавательного процесса. Единственным методом разрешения теоретических противоречий становится метод анализа промежуточных звеньев, опосредствующих противоположно-

---

[1] Об этом см. в работе: *B. Juhos.* Die Erkenntnis und ihre Leistung. Die naturwissenschaftliche Methode. Wien, 1950, S. 84—86, 89.

сти, непосредственно исключающие друг друга, но опосредованно единые, т. е. «конкретно тождественные» друг другу. Стало быть, требуется проследить в каждом специальном случае целую цепь промежуточных моментов, звеньев, чтобы обнаружить конкретную форму тождества (или единства) противоположностей.

Здесь могут сослаться на слова Ф. Энгельса о том, что «абстрактное тождество годится лишь для *домашнего* употребления, где мы имеем дело с небольшими масштабами или с короткими промежутками времени...»[1]. Но это замечание Энгельса означает, по нашему мнению, следующее. Большие масштабы и промежутки времени лишь обнаруживают результаты «микроизменений», заключающихся в том, что каждое тело одновременно тождественно и не тождественно самому себе. Не будь этого скрытого противоречия в вещах, от которого мы отвлекаемся при малых масштабах изменений и отрезках времени, мы никогда не могли бы рационально понять чувственно фиксируемых результатов изменения вещей. В «домашних условиях» мы не успеваем фиксировать превращение противоположностей друг в друга вследствие наличия слишком коротких промежутков времени и небольших масштабов изменений, и в то же время мы не в состоянии непосредственно фиксировать противоречия «микродвижения». Поэтому формальнологический метод здесь имеет доминирующее значение.

Из вышеизложенного следует, что формальная логика действует не только в эмпирическом, но и в теоретическом мышлении, имея свой аспект применения: она регулирует правильность непосредственных связей и выводов понятий, и нет таких двух непосредственно связанных понятий в диалектическом мышлении, которые не подчинялись бы законам и правилам формальной логики. В этом смысле применение формальной логики в теоретическом мышлении составляет непрерывный «фон» или сторону реализации диалектической логики в процессе познания, тем более, что всякая опосредованная связь понятий в конечном счете разлагается на цепочку непосредственных связей.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 530.

3. Ф. Энгельс и логика «Капитала»

Существует еще один очень важный аспект развития Ф. Энгельсом диалектической логики, связанный с его отношением к «Капиталу» К. Маркса. «Капитал» является, бесспорно, детищем К. Маркса. Но в известном смысле Ф. Энгельс является соавтором этого гениальнейшего научного произведения. Ф. Энгельс не только готовил к изданию рукописи II и III томов «Капитала», не только консультировал К. Маркса по ряду конкретных экономических вопросов (об изнашивании машин, о доле прибыли, идущей в личное потребление, и т. д.), но и активно обсуждал (в том числе и в переписке) с автором «Капитала» методологические проблемы, лежавшие в основе Марксова теоретического исследования. Не случайно еще в рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии» Ф. Энгельс отвел вопросам научного метода мышления весьма значительное место.

Ф. Энгельс видел значение логического метода, выработанного в результате критического переосмысления гегелевской логики, в том, что отныне, наконец, открыта и получила свое практическое применение единственно правильная форма развития мысли в специальной области познания, соответствующая уровню теоретического развития науки. Такой формой, по Энгельсу, является «диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек...»[1]. «Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, — писал он, — мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению»[2].

В переписке Маркса и Энгельса, касающейся «Капитала», вопросы метода обсуждались весьма обстоятельно. По мере получения корректуры Марксом из типографии он пересылал ее Энгельсу по частям, ожидая его окончательного суждения[3]. Все замечания Энгельса не-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 497.

[2] Там же.

[3] «До сих пор ты был доволен — и это для меня важнее всего того, что может сказать весь свет по этому поводу» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 259).

1236

временно учитывались Марксом, а ведь многие из них касались именно логического метода «Капитала». Особенно подробные замечания о методе Энгельс дает в письме от 16 июня 1867 г., отмечая «очень значительный шаг вперед в смысле отчетливости диалектического развития...» [1] мыслей. Работа рассчитана на тех, «кто способен мыслить диалектически», писал Энгельс, имея в виду изложение Марксом форм стоимости. 23 августа 1867 г., через два месяца, Энгельс писал Марксу следующее: «Я пока внимательно просмотрел около 36 листов и поздравляю тебя с тем совершенством, с каким самые запутанные экономические проблемы ты делаешь простыми и осязательно ясными благодаря только тому, что они ставятся на надлежащее место и в правильную взаимосвязь...» [2].

Этим достойным удивления «простым методом достижения результатов...» [3] является диалектический метод, выступающий в процессе исследования и изложения в форме движения мышления от абстрактных понятий к конкретным. Сущность метода восхождения мышления от абстрактного к конкретному Энгельс описывал следующим образом: «При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть *отношение*, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 257.
[2] Там же, стр. 275—276.
[3] Там же, стр. 262.

две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т. д.»[1]

Хотя Ф. Энгельс здесь ни разу не упомянул слов «конкретное» и «абстрактное», очевидно, что под логическим методом Маркса он понимал метод восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении, поскольку простейшее отношение в действительном мире всегда получает свое логическое выражение в абстрактных понятиях, в то время как более сложные отношения — в конкретных понятиях. Движение же теоретического исследования осуществляется от первых к последним, причем общим содержанием этого движения мыслей является возникновение и разрешение теоретических противоречий, совпадающих с противоречиями самой объективной реальности[2].

И поскольку Ф. Энгельс, как и К. Маркс, рассматривает движение теоретических противоречий в качестве отражения объективно возникающих и развивающихся противоречий, то и процесс выведения этих понятий из других он не считает некоей «имманентной дедукцией», свойственной гегелевской логике и приписываемой некоторыми философами методу «Капитала». Это особенно обнаруживается в той постановке вопроса о соотношении исторического и логического способов рассмотрения развивающегося предмета, которая имеется у Ф. Энгельса.

Уже из приведенной выдержки видно, что познание, по Ф. Энгельсу, исходит не из некоего общего понятия, а из «первого и наиболее простого отношения, которое *исторически, фактически* находится перед нами...»[3]. Особенность нового метода Энгельс видит в том, что «при этом методе логическое развитие вовсе не обязано держаться только в чисто абстрактной области. Наоборот, оно *нуждается* в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью»[4].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 497—498.

[2] «Заметим только, — писал в указанной связи Ф. Энгельс, — что эти противоречия имеют не только абстрактный, теоретический интерес, но одновременно отражают и те трудности, которые проистекают из природы непосредственного менового отношения, из простой меновой торговли...» (Там же, стр. 499).

[3] Там же, стр. 497 (курсив мой. — *З. О.*).

[4] Там же, стр. 499 (курсив мой. — *З. О.*).

Так называемая имманентная дедукция тесно связана с краеционизмом, на что в свое время, критикуя метод Гегеля, обратил внимание Фейербах[1]. Именно в смысле «имманентной дедукции» истолковывает метод «Капитала» вместе со многими другими буржуазными философами теолог Ф. Делекат[2].

В этой связи хотелось бы обратить внимание читателя на критику Энгельсом попытки итальянского буржуазного экономиста А. Лориа объявить абсолютную несовместимость теории прибавочной стоимости Маркса с фактом общей равной нормы прибыли, имеющей место фактически, на практике, в то время как, согласно теории прибавочной стоимости, изложенной в I томе «Капитала», норма прибавочной стоимости зависит от величины переменного капитала.

В критике А. Лориа Энгельс ссылается на III том «Капитала», где Маркс блестяще разрешает кажущееся противоречие между общей теорией и конкретными фактами действительности посредством применения метода анализа промежуточных звеньев, опосредствующих противоречивый процесс превращения нормы прибавочной стоимости в среднюю норму прибыли (переливы капиталов из одной отрасли производства в другую, конкуренция, образование цен, отклоняющихся от стоимости, — таковы промежуточные звенья). Логика анализа дедуктивно движется здесь от общего понятия прибавочной стоимости к особенному понятию прибыли, помогая объяснить уровень средней нормы прибыли в каждом отдельном случае. Но это дедуктивное движение было бы невозможно без одновременно индуктивного обнаружения промежуточных звеньев, включаемых в ход дедуктивного движения.

Такое движение мысли существенно отличается от непосредственного подведения (минуя анализ промежу-

---

[1] См. *Л. Фейербах.* Избранные философские произведения, т. I. М., 1955, стр. 128, 137, 181 и др.

[2] *F. Delekat.* Vom Wesen des Geldes. Theologische Analyse eines Grundbegriffes in Karl Marx: «Das Kapital». — «Marxismusstudien». Tübingen, 1954, S. 56. Вопрос об использовании дедукции в «Капитале» К. Маркса и о связи ее с другими формами мышления в теоретическом познании мы попытались более подробно изложить в книге «К. Маркс и диалектическая логика». Баку, 1964. Этой теме посвящены исследования советского философа М. М. Розенталя и чешского ученого И. Зелены.

точных звеньев) единичных фактов и особенных понятий под (наиболее) общее, хотя подобная дедукция здесь сохраняется при непосредственном переходе от одного понятия к другому. Это и имел в виду Ф. Энгельс, когда высказал известную мысль, служащую до сих пор предметом споров: «Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления (имеются в виду законы формальной логики. — *З. О.*), то результат должен соответствовать действительности, точно так же как вычисление в аналитической геометрии должно соответствовать геометрическому построению, хотя то и другое представляют собой совершенно различные методы. Но, к сожалению, это почти никогда не имеет места или имеет место лишь в совершенно простых операциях» [1].

Некоторые представители диалектической логики усмотрели в этих словах чуть ли не допущение возможности получения высоких истин ценой нарушения законов традиционной логики и даже провозглашения каких-то особых, диалектических форм мышления, т. е. умозаключений, чем вызвали законную отрицательную реакцию представителей формальной логики. Между тем, как мы видели, Энгельс усматривает отличие диалектической логики от формальной не в присущих первой якобы каких-то особых формах мысли, выступающих в качестве «конкурентов» аналогичным формам формальной логики, а в особом способе применения этих же форм мышления, в их особой взаимосвязи, которую он характеризует как субординацию и вследствие которой меняется роль каждой из них в отдельности.

На эмпирической стадии познания формы мысли можно применять изолированно друг от друга, и здесь формальная логика, как таковая, вполне достаточна для получения весьма эффективных результатов. В теоретической же сфере, где применение законов диалектики обусловливает сложную взаимосвязь их друг с другом, понятия настолько «далеки» от эмпирически данных фактов действительности, что последние невозможно непосредственно подвести под эти понятия. Требуется целая «цепочка» актов применения законов формальной логики, чтобы обнаружилась внутренняя связь между

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 629.

общим понятием и противоречащим ему эмпирическим фактом. Непосредственное же их сопоставление, как уже указывалось, приводит к формальнологическим противоречиям, ошибкам. Необходим как бы диалектический ориентир для применения формальнологических законов, и роль этого ориентира тем больше, чем длиннее указанная «цепочка». В объективной действительности нет формальнологического противоречия, нет непосредственно противоречивой связи между, скажем, нормой прибавочной стоимости и средней нормой прибыли, но есть диалектическое противоречие между сущностью (прибавочная стоимость) и явлением (прибыль), опосредуемое рядом упомянутых звеньев, моментов. Подобные сложные отношения понятий и имел в виду Ф. Энгельс, когда писал вышеприведенные слова.

4. Диалектическая логика как система категорий

Много внимания уделял Ф. Энгельс проблеме систематического построения диалектической логики и выявлению ее места в системе марксистско-ленинской философии. Отмечая, что после Гегеля «систематика», как таковая (т. е. всеобъемлющая философская система мира), невозможна, хотя «мир представляет собой единую систему, т. е. связное целое...»[1], Энгельс вместе с тем подчеркивал необходимость систематического познания мира, развития науки «в ее собственной, присущей ей внутренней связи». В наибольшей степени это требование действительно для такой науки, как диалектическая логика или — еще шире — диалектика, которая является наукой именно о всеобщих связях и отношениях вещей и явлений мира, включая и мышление.

Нельзя не обратить внимание на необоснованность утверждения, будто Ф. Энгельс на примере гегелевской философской системы показал несостоятельность претензий всякой философии на существование в качестве целостной системы. Такое мнение выдвигалось как со стороны ревизионистов марксизма (Р. Хавеман и др.), так и со стороны отдельных заблуждавшихся марксистов.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 630.

Одни полагали, что в качестве целостной системы философия не имеет никакой эвристической ценности (Р. Хавеман), другие считали, что подобная философия как система не способна к развитию, так как не включает в себя фактор времени.

Мы, однако, полагаем, что дело обстоит совсем иначе. Диалектическая логика только в своей целостности может быть методом развития науки, в противном случае она превращается лишь в средство иллюстраций истинности отдельных своих положений на примере отдельных фактов, частных положений и т. д. Диалектическая логика как целостный метод применяется и в каждом отдельном звене любого специального теоретического исследования, а не только в ходе всего исследования в целом. Для этого достаточно проследить логический ход исследования Маркса хотя бы в одной главе его «Капитала», посвященной анализу денег, анализу возникновения прибавочной стоимости и т. д.

Энгельс критиковал претензии старой философской системы на окончательную, абсолютную истину. Из этой критики видно также, что каждую философскую систему Ф. Энгельс рассматривает в качестве исторически преходящей, и в тем большей степени, чем больше она не «открыта», но «замкнута», т. е. чем больше ее притязания на абсолютную истинность и завершенность. Очевидно, что какое-то различие между «открытой» (в данном смысле слова) системой и отсутствием системы, как таковой, должно существовать, и вряд ли оно заключается в понимании развития системы в качестве функции времени. В допущении исторически преходящего характера любой системы философии скрыто содержится та предпосылка, которая заключается в рассмотрении времени как аргумента. Но подобного допущения не была лишена, как известно, и гегелевская философия. Только теоретически последовательное применение диалектики к самой себе — единственная гарантия от превращения логической науки в «замкнутую» для дальнейшего развития систему, претендующую на абсолютность, а по сути дела оказывающуюся безнадежно догматической.

Стало быть, вопрос в том, какие принципы являются определяющими, господствующими в данной логической системе категорий. Для материалистической диалектики

таким господствующим принципом является противоречивое «совпадение» диалектики, логики и диалектико-материалистической теории познания. Поэтому, если мы говорим о материалистической диалектике, то имеем в виду и диалектику как логику (диалектическую логику), и теорию познания марксизма, тем самым надобность в трех словах отпадает или сохраняется лишь для того, чтобы раскрыть специфическую особенность структуры, а следовательно, и системы материалистической диалектики.

К. Маркс и Ф. Энгельс не формулировали прямо и непосредственно основного принципа построения системы категорий материалистической диалектики — принципа единства диалектики, логики и теории познания материализма. Формулировку указанного принципа мы находим в работе В. И. Ленина «Философские тетради» как обобщение, итог теоретического осмысления развития марксистской философии. В произведениях К. Маркса (В. И. Ленин, как уже говорилось, специально указывал на это обстоятельство, имея в виду «Капитал»), а также в трудах Ф. Энгельса этот принцип получил свое практическое осуществление, а в ряде случаев Ф. Энгельс специально рассматривал вопросы об отношении «субъективной диалектики» к объективной, о диалектическом единстве мышления (логики) и бытия (объективной диалектики), об отношении содержания и форм мышления друг к другу и к объективному миру и др.

Из высказываний Ф. Энгельса видно, что диалектическая логика по содержанию совпадает с диалектикой вообще, являясь ее отражением и подчиняясь ей в своем движении, но в то же время выступает как определенная, особенная форма выражения, проявления диалектики, поскольку обладает известной спецификой по сравнению с объективной диалектикой. Диалектическая логика по своему содержанию в конечном счете тождественна объективной диалектике (диалектике вещей), но по форме она не может не отличаться от нее. Эта специфика логического заключается не только в самих формах мысли — понятиях, суждениях и умозаключениях, но и во взаимосвязи их между собой в определенную систему субординации и познавательного движения, о чем

выше уже говорилось. Наконец, диалектика взаимоотношения бытия и мышления (логики) относится к сфере более сложной, где диалектика выступает в форме соотношения содержания понятия и объективного предмета (проблема истины), объекта и общественного субъекта и т. д. В этой сфере противоположность материального и идеального, объективной диалектики и диалектической логики разрешается в понятии «практика». В итоге, как нам представляется, должна получиться при первом приближении следующая структура: диалектика — диалектическая логика — отношение их друг к другу, т. е. теория познания марксизма.

Дальнейшая разработка живой, научной системы категорий материалистической диалектики — важная задача современных философов-марксистов. Дело, начатое Ф. Энгельсом, и задача, поставленная В. И. Лениным перед марксистами, в настоящее время получили дальнейшее развитие и осуществление в странах социализма. В капиталистических странах также появились серьезные марксистско-ленинские исследования, посвященные проблемам диалектической логики и систематического ее развития (в Англии, Франции, Мексике и т. д.).

Вместе с тем прогресс естествознания и все более широкое использование диалектики как метода мышления подтверждают справедливость приведенных выше слов Ф. Энгельса о том, что диалектика как метод мышления становится в такой же мере абсолютной необходимостью для развития естествознания, в какой она необходима и для развития общественных наук.

Глава девятая

Энгельс и современные проблемы логики научного познания

Классики марксизма-ленинизма всегда уделяли самое пристальное внимание проблемам логики и методологии научного исследования. Краеугольным камнем марксист-

ско-ленинской методологии является учение о материалистической диалектике как логике и теории познания. Разрабатывая и отстаивая в борьбе с идейными врагами марксизма основные философские принципы теории познания диалектического материализма в вопросе об отношении материи и сознания, объективности истины, роли практики и другие, Маркс, Энгельс и Ленин на основе этих принципов изучали и анализировали также более конкретную логико-методологическую проблематику, непосредственно связанную с «техникой» научного исследования. Они всегда выступали против какого-либо противопоставления философско-гносеологического или логико-методологического анализа познания тем исследованиям, которые непосредственно связаны с идейно-политической борьбой и социальной практикой. И в корне противоречат традициям марксизма попытки представить углубленное исследование гносеологической и логико-методологической тематики в рамках марксизма как проявление некоего абстрактного гносеологизма и логицизма. Внимание к гносеологии и логике науки обусловливалось у Маркса, Энгельса, Ленина не просто академическим интересом, а именно потребностями идейной борьбы, необходимостью развивать марксистское мировоззрение на строго научной основе, слить воедино его партийность и идейный пафос с объективной истинностью, добиваться его действенности.

В анализе и разработке ряда важных конкретных проблем логики и методологии научного познания на основе материалистической диалектики видное место в истории марксистской философии принадлежит Ф. Энгельсу. Как уже отмечалось, в силу исторически сложившегося между основоположниками марксизма разделения труда Энгельс в большей мере занимался философскими вопросами естествознания, разработкой вопросов теории научного мышления с позиций диалектического материализма. Исходные положения марксизма в отношении проблематики так называемой философии науки были впервые сформулированы именно в работах Энгельса. Наряду с исследованием общих вопросов материалистической диалектики как логики и теории познания, результаты которого, как известно, явились выдающимся вкладом в становление и развитие диалектического материализма, наряду с исследованием основных законов и ка-

тегорий материалистической диалектики, наряду, наконец, с диалектико-материалистическим анализом и обобщением данных современного Энгельсу естествознания в его трудах весьма детально и конкретно на материале важных теоретических проблем науки того времени с позиций материалистической диалектики был проанализирован ряд специальных логико-методологических проблем научного исследования. Среди них вопрос об отношении теоретического и эмпирического в научном познании, соотношении различных форм умозаключений и приемов научного исследования, в том числе о роли индукции в научном исследовании, проблема идеализации, роль гипотезы в науке, проявление диалектики объективной, относительной и абсолютной истины в реальных процессах научного познания и др.

Эта проблематика охватывает круг вопросов, составляющих область исследования дисциплины, ныне именуемой логикой научного познания или иногда просто логикой науки. Логика научного познания занимается анализом различных вопросов, связанных со структурой научного знания и природой познавательных процессов в науке. Она изучает строение научных теорий, виды научного знания, отношение теоретического и эмпирического уровней научного знания, роль законов науки, научных определений, природу эмпирической интерпретации и проверки научного знания, природу и строение логического вывода и доказательств, формирование теории и выдвижение гипотез, природу идеализации и моделирования, критерии подтверждения и опровержения гипотез, роль объяснения и предвидения в науке, роль формализации и математизации знания, процессы перехода от эмпирического уровня научного знания к теоретическому и от одной теории к другой и т. д. Все эти вопросы носят весьма специальный характер, требуют для своего анализа определенного аппарата понятий, предполагают тщательное, детальное изучение реальных форм знания и приемов исследования как на материале современного научного мышления, так и на материале истории науки.

Необходимость выделения логики научного познания как особой методологической дисциплины и обусловлена многообразием и специфичностью методологической проблематики науки, которая становится исключительно

актуальной в век интенсивного развития научного знания [1]. Но теоретический анализ форм знания и приемов исследования, изучаемых логикой научного познания, в конечном счете с необходимостью приводит к выдвижению философско-гносеологической проблематики — к постановке вопросов: каковы критерии истинности научного знания, каково отношение различных видов научного знания к объекту и пр. Это означает, что логика научного познания должна развиваться на последовательно-научной философско-гносеологической основе.

Таким образом, являясь относительно самостоятельной методологической дисциплиной со своей особой проблематикой, вытекающей из специфики научного знания, из необходимости детального изучения его форм и приемов в конкретности их многообразия и тем самым, не будучи тождественной с общефилософским учением о познании, логика научного познания никоим образом не представляет собой философски нейтральную науку. Теоретический анализ ее проблем и исходных понятий с логической неизбежностью имманентно приводит к постановке и решению философских проблем. Позиции, с которых решаются эти проблемы, обусловливают в конечном счете и перспективность, и эффективность более конкретных исследований строения и форм научного знания в логике научного познания. Обращение к материалистической диалектике как философской основе логики научного познания является поэтому для философов-марксистов, занимающихся конкретными проблемами логики научного познания, и залогом успешного позитивного решения этих проблем, и необходимым условием эффективной критики претензий различных идеалистических и позити-

[1] Исследования по логике научного познания представлены в советской философской литературе такими работами, как «Философские вопросы современной формальной логики». М., 1962; «Формальная логика и методология науки». М., 1964; «Проблемы логики научного познания». М., 1964; «Методологические проблемы современной науки». М., 1964; «Логика научного исследования». М., 1965; «Логическая структура научного знания». М., 1965; *Д. П. Горский.* Проблемы общей методологии науки и диалектической логики. М., 1966; *М. В. Попович.* О философском анализе языка науки. Киев, 1966; *В. А. Штофф.* Моделирование и философия. М.—Л., 1966; *П. В. Копнин.* Логические основы науки. Киев, 1968. Обзор проблематики и литературы по логике научного познания см.: *В. Швырев.* Основные направления логико-методологического анализа науки. — «Политическое самообразование», 1969, № 6.

вистских направлений на развитие современной логики научного познания.

В свете вышесказанного изучение той стороны идейного наследства Ф. Энгельса, которая связана с исследованием им проблематики конкретного логико-методологического анализа науки, представляет отнюдь не только исторический интерес. Анализируя соответствующие положения, содержащиеся в работах Энгельса, и показывая их реальную связь с ключевыми проблемами современной логики научного познания, мы прежде всего отстаиваем историческую справедливость и подчеркиваем приоритет Энгельса в разработке логико-методологической проблематики, которая стала объектом усиленного внимания со стороны логики научного познания значительно позже, и это само по себе имеет большое значение. Кроме того, анализ воззрений Энгельса с точки зрения их актуальности для современной логики научного познания играет важную роль в раскрытии методологического значения материалистической диалектики при разработке конкретных проблем логики науки. Этот анализ показывает, что марксистская философия с начала своей истории не ограничивалась утверждением и отстаиванием общетеоретических принципов, что эти принципы были для марксистской философии действительно не догмой, а руководством к действию, явились орудием, средством успешного решения конкретных проблем. Это относится и к анализу коренных проблем общественной жизни, развития общества, его революционного преобразования; это относится и к диалектико-материалистическому осмыслению тех проблем, которые встают перед человеком в процессе познания природы в рамках естествознания; это относится и к более частным и специальным, но тем не менее необходимым для успешного утверждения и развития научного миросозерцания вопросам методологии и логики научного познания.

* * *

Одной из центральных проблем логики научного познания является исследование познавательного процесса, ведущего к возникновению теоретического знания. Вопросы, связанные с движением знания от изучения опытных данных и фактов к законам науки, гипотезам и теориям, всегда так или иначе были в центре внимания

исследователей познавательных процессов. В логике и методологии науки исследование этой проблематики конкретизируется в виде анализа тех методологических приемов и форм умозаключения, которые обеспечивают этот переход от знания данных опыта к научным обобщениям, законам и закономерностям, теоретическим положениям. При этом, конечно, изучение этих приемов и форм умозаключений всегда тесно связано с определенной их гносеологической интерпретацией, явно или неявно исходит из некоторой теоретико-познавательной концепции познавательного процесса в целом.

Весьма распространенной логико-методологической концепцией движения знания от изучения опытных данных к научным положениям явилась индуктивистская концепция. Эта концепция возникла в новое время, приобрела значительное влияние в XIX в., а критический анализ ее оснований актуален и для современной логики научного познания. С этой точки зрения большой интерес, отнюдь не только исторического характера, представляет критика Энгельсом «всеиндуктивизма» в «Диалектике природы». В процессе этой критики Энгельс формулирует ряд принципиальных положений о природе научного познания, о структуре и взаимоотношении его методов, о соотношении теоретического и эмпирического в научном исследовании и др. Эти мысли Энгельса, так же как и общая направленность его критики индуктивизма, имеют самое непосредственное значение для анализа основополагающих проблем современной логики науки.

Основоположником индуктивистской концепции явился Ф. Бэкон, который подверг резкой критике силлогистику и противопоставил ей метод индукции как основной и решающий метод научного исследования. Логико-методологическая доктрина Бэкона в целом имела положительное значение для развития методологии научного знания. Она была связана с решительной критикой схоластики, подчеркивала роль активного наблюдения и эксперимента в научном исследовании. В то же время ей была присуща определенная ограниченность, которая была следствием философского эмпиризма Бэкона, — недооценка активности теоретического мышления, проявившаяся, в частности, в абсолютизации индукции. Под индукцией Бэкон практически понимал всякое движение познания от отдельного к общему, всякий процесс выра-

ботки мысленных обобщений, резюмируемый в понятиях и суждениях, противопоставляемый силлогизму как процессу использования «готовых», уже выработанных и зафиксированных в языке (словах и предложениях) абстракций[1]. Квалификация движения познания от изучения отдельных явлений к научному обобщению в целом как индуктивного процесса и составляет характерную черту индуктивистской концепции, которую разделяет и весь последующий индуктивизм.

Согласно этой концепции, индуктивным в своей основе объявляется всякий познавательный процесс, ведущий к выходу за пределы эмпирически данного, к вычленению нового мысленного содержания, иными словами, всякий синтетический акт мысли в отличие от аналитических актов формальнологической перекомпановки вычлененного и зафиксированного в языке мысленного содержания. Соответственно процесс познающего мышления в науке объявляется предметом индуктивной логики, которая трактуется как логика открытия в противопоставление силлогистике и вообще традиционной формальной логике как логике доказательства.

Реально, однако, в рамках своей общей концепции индуктивисты исследуют вполне определенные логические формы, которые являются, несомненно, частным видом процессов научного мышления, имеющим весьма ограниченное значение. Этот тип приемов научного исследования никоим образом не может претендовать на какой-то универсализм. Фактически методологические возможности индуктивистской концепции не выходят за рамки логико-методологических схем и приемов, которые известны в истории логики под названием методов научной индукции Бэкона — Милля. В основе этих методов лежит идея схем сопоставления совместного присутствия, отсутствия и сопутствующего изменения явлений. Такое сопоставление дает возможности для установления эмпирических связей и зависимостей между сопоставляемыми явлениями.

Таким образом, так называемые методы научной индукции являются по существу методами активного эмпирического исследования и не выходят за рамки мысленных действий на эмпирическом уровне научного знания.

[1] См. *Ф. Бэкон.* Новый органон. М., 1938, стр. 35.

Процессы перехода от эмпирического уровня науки к теоретическому, предполагающие идеализацию, моделирование, построение специальных теоретических объектов и конструкций типа, например, молекулярно-кинетических представлений о строении газа, структурных формул органической химии, моделей строения атома, структурно-функциональных представлений в биологии и социологии и других, никоим образом не могут уложиться в прокрустово ложе индуктивных методов исследования.

Разумеется, нельзя априори утверждать, что эти методы обязательно должны быть представлены в той канонической форме, которую им придал Милль и другие логики-индуктивисты, что невозможно исследование каких-то более сложных случаев, уточнение формулировок, исходных понятий, использование, наконец, для большей логической обоснованности выводов, осуществляемых в соответствии со схемами индуктивных методов, вероятностно-статистических приемов и т. д. Однако существуют известные принципиальные границы методологического значения индуктивных методов, которые устанавливаются в результате теоретического анализа самого понятия об этих методах. Правда, подобный теоретический анализ возможен только в том случае, если существует какое-то определенное понятие индукции, индуктивных методов исследования. Если же этого понятия нет, а существует весьма нечеткое, аморфное представление об индукции, то ясно, что невозможны и какие-либо определенные суждения о сфере применимости индуктивных методов.

На наш взгляд, анализ понятия индуктивного исследования, индуктивных методов должен основываться на реальном содержании этого понятия, как оно сложилось и применялось в истории логики. А история логики не знает иных индуктивных методов, кроме индукции через перечисление, индукции через исключение и индуктивных приемов Бэкона — Милля в их различных сочетаниях, интерпретациях и формулировках [1]. А все эти методы в основе своей восходят к сопоставлению знаний об эмпирических

[1] *S. F. Barker.* Induction and Hypothesis. New York, 1957. Особо стоит вопрос об индуктивистской трактовке гипотетико-дедуктивного метода, о чем будет сказано ниже. Мы не касаемся также оценки математической индукции, которая представляет собой отдельную проблему.

данных и экстраполяции полученных таким способом обобщений на ранее не наблюдавшиеся случаи.

Индуктивистская концепция, основания которой были сформулированы еще Бэконом, получила свое развернутое выражение в работах английских логиков-индуктивистов XIX в. Этот английский «всеиндуктивизм» XIX в. и стал объектом непосредственной критики Энгельса.

При этом надо иметь в виду известное различие точек зрения двух главных представителей индуктивизма — Милля и Уэвелла. Если Милль стоит на позициях феноменализма и эмпиризма позитивистского толка и индуктивный процесс сводится у него к эмпирическим сопоставлениям и ассоциациям, то Уэвелл назначение индукции видит в том, чтобы описывать процесс истинного связывания фактов посредством точного и подходящего понятия. Он подчеркивает, что в процессе получения теоретических положений, «единичные факты не просто берутся вместе, но имеется Новый Элемент, доставляемый к комбинации самим актом мысли, которым они соединяются. Имеется некоторое мысленное понятие, вводимое в общее высказывание, которое не существует в каком-либо из наблюдаемых фактов» [1]. Уэвелл критикует взгляды на индукцию Аристотеля, Бэкона и Милля за то, что они не обратили должного внимания на этот существеннейший момент. Таким образом, Уэвелл видит эмпиристскую ограниченность индуктивистской трактовки научного познания. Им была по существу впервые четко сформулирована гипотетико-дедуктивистская трактовка научного познания, получившая широкое распространение в современной логике науки. Однако, разделяя позиции индуктивизма, он саму эту гипотетико-дедуктивистскую модель интерпретирует в индуктивистском духе, когда заявляет, что «все наше познание достигается путем индукции» [2], а всякая наука, основывающаяся на опыте, носит индуктивный характер.

Ф. Энгельс в «Диалектике природы» критикует «всеиндуктивизм» в целом, и его критика относится в равной мере к любым разновидностям индуктивизма. Он критикует индуктивизм по нескольким линиям. Энгельс выступает против абсолютизации индукции, против индукти-

[1] *W. Whewell.* Novum Organon Renotum. London, 1858, p. 72.
[2] Там же.

вистской трактовки всех процессов восхождения от единичности к всеобщности, от знания о данных опыта к научным обобщениям, подчеркивая, что «восхождение от единичного к особенному и от особенного к всеобщему совершается не одним, а многими способами...» [1]. Энгельс критикует, далее, логически вытекающую из такой расширительной трактовки индукции, при которой она становится тождественной всякому восхождению от единичности к всеобщности, поляризацию индуктивистами всех видов умозаключения на индукцию и дедукцию: «Эти люди так увязли в противоположности между индукцией и дедукцией, что сводят все логические формы умозаключения к этим двум, совершенно не замечая при этом, что они 1) бессознательно применяют под этим названием совершенно другие формы умозаключения, 2) лишают себя всего богатства форм умозаключения, поскольку их нельзя втиснуть в рамки этих двух форм, и 3) превращают вследствие этого сами эти формы — индукцию и дедукцию — в чистейшую бессмыслицу» [2]. Энгельс подчеркивает, таким образом, недопустимость сведения всех форм умозаключения к индукции и дедукции.

Возражая против поляризации индукции и дедукции, Энгельс отмечал, что «индукция и дедукция связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ», и что «надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг друга» [3]. Это высказывание Энгельса, однако, не следует понимать в том смысле, что он сводит процесс познания к попеременному применению индукции и дедукции, к механическому их чередованию. Кроме индукции и дедукции существует «богатство форм умозаключения», опосредующих индуктивные и дедуктивные приемы мышления. Без учета этих опосредующих звеньев — различных приемов анализа, идеализации, гипотетических предположений, моделирования, аналогий и прочих — невозможно понимание реального единства познавательного процесса, предполагающего также сочетание индукции и дедукции.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 540.
[2] Там же, стр. 541.
[3] Там же, стр. 542, 543.

Энгельс показал всю несостоятельность утверждений индуктивистов о непогрешимости индукции: «По мнению индуктивистов, индукция является непогрешимым методом. Это настолько неверно, что ее, казалось бы, надежнейшие результаты ежедневно опрокидываются новыми открытиями» [1]. Новые факты и новые открытия — Энгельс приводит ряд примеров из современной ему зоологии — опровергают сложившуюся на основе индукции классификацию. «Какое прекрасное подтверждение гегелевского положения о том, что индуктивное умозаключение по существу является проблематическим!» [2] Индуктивное умозаключение проблематично, поскольку оно всегда является обобщением эмпирического наблюдения, а «эмпирическое наблюдение само по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимость» [3]. В поле зрения эмпирического наблюдения всегда могут попасть и — как показывает Энгельс на материале истории зоологии — довольно часто попадают факты, опрокидывающие сложившуюся индуктивную классификацию и, более того, так сказать, противоестественные, с ее точки зрения [4].

Энгельс указывает, что все явления, непонятные с точки зрения индуктивного обобщения и классификации, — рыбы, обладающие легкими, позвоночные животные без позвонков, яйцекладущие млекопитающие и т. д., — могут быть объяснены только при помощи теории развития, которая, по его словам, целиком антииндуктивна. Но теория развития не может быть создана на основе простого наблюдения. Необходим теоретический

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 543.

[2] Там же, стр. 542.

[3] Там же, стр. 544.

[4] См. понятие «монстр» в книге И. Лакатоса «Доказательства и опровержения». М., 1967. И. Лакатос рассматривает на конкретном примере из математики, как процесс доказательства исходного предположения, полученного на основе анализа достаточно простых явлений данного типа, приводит по мере включения в сферу исследования все более сложных случаев к пересмотру и уточнению исходного предположения. «Монстр» — это такое встречающееся в процессе исследования явление, которое резко не соответствует сложившемуся «естественному» представлению о явлениях данного типа. В отличие от простого «контрпримера», т. е. случая, противоречащего принятому предположению, но не противоречащего принятому представлению о явлениях данного типа, «монстр» вызывает сомнение в отношении того, можно ли вообще рассматривать его как разновидность изучаемого явления.

анализ с точки зрения категории развития, чтобы показать, что будто бы противоречащий данному понятию случай становится объяснимым, если не ограничиваться простым индуктивным обобщением и классификацией, а привлечь к рассмотрению генетические связи. Антииндуктивизм концепции развития связан, таким образом, с ее теоретичностью.

Энгельс отмечает, далее, что индуктивистская концепция совершенно несостоятельна при анализе процесса познания, в частности самого процесса индукции. «Никакая индукция на свете никогда не помогла бы нам уяснить себе *процесс* индукции. Это мог сделать только *анализ* этого процесса» [1]. Данная мысль Энгельса приобретает особое значение в свете современной логики научного познания, в которой видное место занимают металогические исследования — анализ оснований логических операций и процессов.

В современной теории формальной логики существуют попытки логического обоснования индуктивных умозаключений на базе логической семантики и вероятностной логики, в частности в связи с анализом понятия степени подтверждения (Карнап, Рейхенбах, Гемпель и др.). Индуктивная логика, интерпретируемая при этом, как правило, в качестве вероятностной логики, включается в единую систему логики наряду с дедуктивной. Весьма существенная часть традиционной индуктивной проблематики, в частности методов Милля, оказывается с этой точки зрения не собственно логической, а методологической, связанной не с анализом логических отношений между высказываниями, лежащих в основе умозаключений, а с применением логических схем в исследовательской практике.

Критика Энгельсом индуктивизма органически связана с основной линией его гносеологических и методологических исследований — с обоснованием и развитием материалистической диалектики как логики и теории познания, с критикой метафизики и эмпиризма, широко распространенных среди представителей естествознания того времени. Индуктивизм для Энгельса был конкретной логико-методологической формой направления английского эмпиризма, которое, по словам Энгельса, «чванясь

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 542.

тем, что оно пользуется только опытом, относится к мышлению с глубочайшим презрением и, действительно, дальше всего ушло по части оскудения мысли»[1]. Энгельс настойчиво подчеркивает значение теоретического мышления, указывая на иллюзорность представлений эмпириков об их мнимой независимости от теоретического мышления: «Исключительная эмпирия, позволяющая себе мышление в лучшем случае разве лишь в форме математических вычислений, воображает, будто она оперирует только бесспорными фактами. В действительности же она оперирует преимущественно традиционными представлениями, по большей части устаревшими продуктами мышления своих предшественников...»[2] Можно привести и ряд других широко известных высказываний Энгельса о реальной роли теоретического мышления в науке.

Критика Энгельсом эмпиризма и его борьба за культуру теоретического мышления в науке велась им с позиций необходимости внедрения в науку передового философского мировоззрения. Овладение этим мировоззрением дает возможность рассматривать внутренние проблемы науки в более широком контексте задач развития культуры, общих проблем социально-исторической практики и идеологической борьбы, а в конечном счете относиться к науке не как к самоцели, а как к важному средству прогресса человечества. Взглядам Энгельса, как и вообще марксизму в целом, был глубоко чужд узкий «сциентизм», превращающий науку в некий фетиш и отрывающий ее от реальных проблем социальной жизни. Борьба Энгельса с эмпиризмом объясняется не только потребностью в разработке правильной логико-методологической концепции, но и тем, что этот метафизический узколобый эмпиризм являлся в то время наиболее распространенной формой «сциентизма», противопоставлявшей науку философии под флагом критики натурфилософских спекуляций и лишавшей тем самым науку широкой идеологической и мировоззренческой перспективы, носителем которой всегда выступала философия.

Противники марксизма из числа эмпириков позитивистского и полупозитивистского толка и при жизни Мар-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 373.
[2] Там же, стр. 455—456.

кса и Энгельса, и позже, в том числе и в наше время, утверждали и утверждают, что борьба Маркса и Энгельса против эмпиризма, за культуру теоретического мышления сводилась к возрождению гегельянства. В этом им невольно помогают те философы-марксисты, которые склонны ограничивать задачи разработки материалистической диалектики как логики и теории познания кругом только той логико-методологической проблематики, которая затрагивалась Гегелем.

Бесспорно, классики марксизма-ленинизма стремились использовать все то рациональное, что можно было извлечь из диалектики Гегеля. Однако значение их философской деятельности отнюдь не ограничивалось решением этой задачи. И так же как Маркс в логике «Капитала» ставит и решает проблемы, которые не имеют непосредственного аналога в проблематике «Логики» Гегеля, а обусловлены вставшими перед ним задачами исследования капиталистических производственных отношений, так и Энгельс в «Диалектике природы» противопоставляет эмпиризму индуктивистов рассмотрение логических форм, которое не является реминисценцией идей гегелевской логики, а представляет собой результат исследования реальной методологической проблематики современного ему научного познания. И не случайно именно эти идеи Энгельса сохраняют свою актуальность для современной логики научного познания.

Мы остановимся на двух идеях Энгельса, принципиальное значение которых можно оценить должным образом только в свете современной логико-методологической проблематики. Это, во-первых, идея исследования идеализированного объекта на примере идеальной паровой машины Сади Карно. Последний, по словам Энгельса, «изучил паровую машину, проанализировал ее, нашел, что в ней основной процесс не выступает *в чистом виде,* а заслонен всякого рода побочными процессами, устранил эти безразличные для главного процесса побочные обстоятельства и сконструировал идеальную паровую машину (или газовую машину), которую, правда, так же нельзя осуществить, как нельзя, например, осуществить геометрическую линию или геометрическую плоскость, но которая оказывает, по-своему, такие же услуги, как эти математические абстракции: она представляет рассматриваемый процесс в чистом, независимом, неискажен-

ном виде»[1]. Энгельс подчеркивает, что это «убедительный пример того, насколько мало обоснована претензия индукции быть единственной или хотя бы преобладающей формой научных открытий», и того, что «из теплоты можно получить механическое движение. 100 000 паровых машин доказывали это не более убедительно, чем одна машина...»[2].

Энгельс, таким образом, характеризует не что иное, как тот способ теоретического исследования, который получил в настоящее время название идеализации и привлекает к себе самое серьезное внимание современной логики научного познания[3]. Идеализация является исключительно широко применяемой в научном исследовании процедурой. Она направлена на построение так называемых идеализированных объектов типа «математической точки», «абсолютно черного тела», «несжимаемой жидкости», «точечного электрического заряда» и пр. При построении подобных идеализированных объектов заведомо отвлекаются от свойств, которые не могут не иметь их реальные эмпирически данные прообразы. Так, например, в природе не может быть тела, которое поглощало бы абсолютно все лучи, не существует электрически заряженных тел, которые не имели бы никаких размеров, и т. д. Идеализация дает возможность исследовать и устанавливать соответствующие закономерности в чистом, независимом, неискаженном виде, знание которых при определенной конкретизации может быть использовано уже для изучения свойств реальных объектов.

Нередко идеализация переплетается с моделированием и конструированием особых, гипотетических ненаблюдаемых объектов. В этом случае, как правило, применение этих и некоторых других методологических приемов сливается в единый процесс построения теоретических идеализированных объектов, где идеализация в вышеуказанном узком смысле является одним из моментов, который можно обособить только в абстракции. Напри-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 543—544.

[2] Там же, стр. 543.

[3] См. *Д. П. Горский*. О процессе идеализации и его значении в научном познании. — «Вопросы философии», 1963, № 2; *А. Л. Субботин*. Идеализация как средство научного познания. — «Проблемы логики научного познания»; «Идеализация». — Философская энциклопедия, т. 2. М., 1962.

мер, построение молекулярно-кинетической теории газов и введение понятия идеального газа предполагает моделирование — использование механической модели соударяющихся биллиардных шаров, идеализацию, поскольку не может быть газа, при изучении которого не приходилось бы учитывать собственные размеры молекул и их взаимодействие, и, наконец, само молекулярно-кинетическое представление о газах основано на допущении гипотетических ненаблюдаемых объектов. При этом мы сталкиваемся здесь не просто с последовательностью операций, а с их взаимодействием, единством, когда одна операция предполагает другие и имеет смысл только в связи с ними. Так, гипотеза о молекулярном строении газа предполагает моделирование, основана на нем, но само моделирование имеет смысл только при подобной гипотезе; применение модели соударяющихся шаров для формирования молекулярно-кинетического представления предполагает отвлечение от размеров и массы шаров, но оно возможно только в случае принятия представления об идеальном газе, т. е. отвлечения от размеров молекул и их взаимодействий.

Энгельс разбирал вопрос о характере построения теоретических идеализированных объектов на основе идеальной паровой машины Карно, являющейся примером идеализации в узком смысле. Но сама направленность его мысли в анализе этого вопроса вполне согласуется с более широким его истолкованием, не сводящим построение теоретического идеализированного объекта только к идеализации, но учитывающим всю совокупность и взаимодействие различных способов решения этой познавательной задачи, играющей такую большую роль в современном научном исследовании.

Исключительно важное методологическое значение имеет положение Энгельса о том, что «формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является *гипотеза*» [1]. На наш взгляд, это утверждение означает не только признание того довольно очевидного обстоятельства, что в процессе научного исследования приходится прибегать к еще недоказанным предположениям. Оно имеет более общее и принципиальное значение, характеризуя саму суть познавательного процесса в науке. Формули-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 555.

руя это положение, Энгельс опять выступает против узости и односторонности эмпиризма. Развитие научного знания отнюдь не сводится к накоплению фактов с их последующей обработкой эмпирическими методами исследования, хотя, конечно, исследование и накопление фактов является необходимым условием процесса познания. Однако сам по себе количественный прирост эмпирического знания еще не означает развития науки. Последнее предполагает появление новых теоретических понятий, идеализаций, гипотетических конструкций и т. д. — изменение и усовершенствование теоретической картины объекта. А все эти изменения и усовершенствования по необходимости носят гипотетический характер, ибо сущность не дана непосредственно в явлении, элементы теоретического представления объекта нельзя непосредственно усмотреть в эмпирическом знании, верифицировать через эмпирические данные. Уместно в связи с этим вспомнить известные слова В. И. Ленина о роли фантазии в научном познании. «Эта способность, — указывал В. И. Ленин, — чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчислений невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности. . .» [1]

Конечно, процесс изменения и усовершенствования научного знания не заканчивается гипотетическим введением различных теоретических конструкций и схем. Теоретический аппарат призван в конечном счете обеспечить единство и внутреннюю согласованность всей системы научного знания, включая и знание эмпирического уровня, должен служить средством объяснения и предвидения эмпирических данных. В осуществлении этих функций и раскрывается степень соответствия теоретического знания объективной действительности, гипотетические элементы теоретической картины объекта получают свое обоснование и проверку. Но тем не менее движение научного познания от эмпирии к теории, от факта к закону, от явления к сущности неизбежно включает в себя этап гипотетических предположений и допущений. Тезис Энгельса о гипотезе как форме развития естествознания

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 125.

получает конкретизацию в современных представлениях о роли и значении гипотетико-дедуктивного метода [1]. Понятие гипотетико-дедуктивного метода предполагает, что новые идеи, новые теоретические положения выдвигаются как предположения, всегда выходящие за пределы данного и обосновываются в дальнейшем путем вывода из них следствий, допускающих эмпирическую проверку.

Подчеркивая моменты идеализации и гипотетичности в научном познании, Энгельс в то же время уделяет специальное внимание в связи с рассмотрением этих моментов вопросу об объективной истинности научного знания. Перед Энгельсом не вставала еще в полной мере задача, которая впоследствии с такой остротой встала перед Лениным, — задача защиты основ материалистической гносеологии от идеализма и релятивизма, ибо в целом естествоиспытатели того времени еще стояли на позициях стихийного материализма. Однако этот не знавший диалектики, философски беспомощный стихийный материализм уже начинал сдавать кое-где свои позиции под давлением сложных гносеологических и методологических проблем, означая начало процесса, который привел впоследствии к широкому распространению в среде буржуазных ученых махизма, эмпириокритицизма, неокантианства, «физического» идеализма и т. д. Энгельс указал на гносеологические корни этого явления, отметив, что «количество и смена вытесняющих друг друга гипотез, при отсутствии у естествоиспытателей логической и диалектической подготовки, легко вызывают у них представление о том, будто мы не способны познать *сущность* вещей... Это, — продолжал Энгельс, — свойственно не одному только естествознанию, так как все человеческое познание развивается по очень запутанной кривой, и теории вытесняют друг друга также и в исторических дисциплинах, включая философию...» [2].

К вопросу об объективной истинности научного знания Энгельс возвращается также в известном письме к К. Шмидту от 12 марта 1895 г., заявляя, что «по той причине, что понятие имеет свою сущностную природу, что

---

[1] См., например, *Г. И. Рузавин.* Роль гипотетико-дедуктивного метода в построении физической теории. — «Вопросы философии», 1968, № 7.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 555.

оно, следовательно, не совпадает прямо и prime facie с действительностью, из которой только оно и может быть выведено, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция...»[1]. Говоря об экономических законах, Энгельс утверждал, что «все они не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в *непосредственной* действительности. Это происходит отчасти потому, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов, отчасти же и вследствие их природы как понятий»[2].

Иными словами, всякая идеализация, выделяющая в чистом виде связь, закономерность, отношение, во-первых, являясь понятием, абстракцией, огрублением действительности, не может схватить эти идеализированные связи, закономерности, отношения в их полноте — дальнейшее развитие познания может показать относительность правомерности выделения этой связи, закономерности, отношения именно в таком виде; во-вторых, — это уже характерно именно для идеализации в узком смысле — выделение некоторых связей, закономерностей, отношений в чистом виде предполагает их изоляцию от других связей, отношений и закономерностей, с которыми они взаимодействуют в реальном объекте.

Нет необходимости специально обосновывать актуальность этих положений Энгельса для современной логики научного познания. Активный характер теоретической познавательной деятельности, которая отнюдь не сводится к восприятию наличной данности, а предполагает мысленный эксперимент, введение различных допущений и т. д., интерпретируется многими представителями современной буржуазной философии науки в позитивистско-конвенционалистском духе. Теоретические понятия и схемы представляются при этом как принимаемые по соглашению между учеными фикции, которые полезны в логическом отношении. Подобная позиция в современной неопозитивистской и близкой к неопозитивизму литературе получает иногда несколько различное выражение и именуется по-разному: «синтаксический позитивизм» (Фейгль), «формализм» (Баркер), «инструментализм» (Поппер) и другие, но суть всего этого одна: здесь на-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 354.
[2] Там же, стр. 355.

лицо отрицание у теоретического уровня науки статуса знания о действительности, сведение его к чисто предикативным логико-языковым средствам, которым ничто не соответствует в действительности, хотя они почему-то «удобны».

Высказывания Энгельса о роли идеализаций и гипотез в науке, несмотря на их лаконичность и, казалось бы, на первый взгляд, частный характер, выявляют исключительно важные моменты научного познания, все значение которых проявилось в современной методологической проблематике науки. Было бы, конечно, неверно считать, что реальная практика научного мышления когда-либо соответствовала канонам эмпиризма. Уже в творчестве основоположников естествознания нового времени — Галилея, Гюйгенса, Декарта, братьев Бернулли и других — можно найти немало ярких примеров применения таких приемов активного теоретического исследования, как мысленный эксперимент, моделирование, идеализация, введение гипотетических мысленных конструкций и т. д. В то же время эта реальная практика исследования не была еще осознана в ее всеобщей методологической значимости. Однако до поры до времени противоречие между господствовавшим в целом в среде естествоиспытателей эмпирическим стилем мышления и реальной практикой теоретического мышления не приобрело еще должной остроты. Большая заслуга Энгельса перед логической наукой — и в этом ярко проявилась эвристическая сила диалектического подхода к методологической проблематике — заключается в том, что в эпоху господства метафизики и эмпиризма он сумел увидеть в реальной практике научного познания такие формы, последовательное теоретическое осознание и разработка которых стали уделом позднейшей логики и методологии науки.

Антииндуктивизм Энгельса, его идеи о роли идеализации и гипотезы в науке находят свое подтверждение в раскрытии современной логикой науки методологического значения, в особенности таких приемов, как идеализация, моделирование, введение гипотетических конструкций. Все эти приемы являются средствами формирования теоретического знания. В отличие от индуктивистской концепции, которая представляла научное познание как однонаправленный линейный процесс суммирования, обобщения и сопоставления эмпирических данных и экстра-

поляции этих сопоставлений и обобщений на не исследованные еще эмпирические явления данного типа, современный логико-методологический анализ науки исходит из сложного, нелинейного, опосредствованного и многоступенчатого характера научного познания. Формы, в которых существует теоретическое знание — идеализированные объекты, теоретические модели, гипотетические конструкции типа молекулярно-кинетических представлений и т. п., — представляют собой как бы надстройку над эмпирическим знанием и не могут быть получены в результате простого сопоставления данных опыта. В этих формах выражено особое теоретическое содержание, характеризующее сущность изучаемых наукой явлений.

Подчеркивая специфику теоретического знания по сравнению с эмпирическим и соответственно выделяя специфику познавательных операций, направленных на вычленение теоретического содержания, было бы неверно в то же время отрывать теоретическое знание от эмпирического или даже противопоставлять одно другому. Такой отрыв неизбежно приводит к ошибкам конвенционализма, формализма или априоризма. Критикуя подобные неверные идеалистические концепции, необходимо при учете специфики иметь в виду также единство теоретического и эмпирического знания как в функциональном, так и в генетическом аспектах. В функциональном плане при рассмотрении «готового» научного знания как системы взаимосвязанных элементов теоретические понятия и положения должны иметь эмпирическую интерпретацию, т. е. быть связаны с понятиями и положениями на эмпирическом уровне научного знания, и в сочетании с эмпирическим знанием обеспечивать объяснение и предвидение эмпирических фактов. В генетическом плане те познавательные средства, при помощи которых формируются теоретические знания, в конечном счете восходят к действиям, совершаемым над реальными эмпирически данными объектами.

В анализе логико-методологической проблематики Энгельс, естественно, исходил из того ее состояния, которое определялось уровнем развития науки в его время. Нелепо предполагать, что Энгельс во второй половине XIX в. мог сформулировать все проблемы, разрабатываемые в современной логике научного познания. Многие

проблемы современного логико-методологического анализа, особенно связанные со специфическими вопросами логической формализации, имеют лишь косвенное отношение к той тематике, которой занимался Энгельс. Он, естественно, не мог располагать результатами того бурного развития математической логики, дедуктивного метода и вообще всего того направления в логико-методологическом анализе, которое оказалось связанным с интенсивным исследованием формального аспекта мышления уже после смерти Энгельса.

Довольно невысокая оценка им возможностей формальной логики вполне адекватно отражала современный ему уровень развития этой дисциплины. Математическая логика тогда еще только возникала в трудах Буля и других ее пионеров, и революционизирующее воздействие ее исходных понятий и методов на разработку формально-логических проблем было делом будущего. Следует подчеркнуть, однако, что даже по отношению к современной ему формальной логике Энгельс не проявлял какого-либо негативизма. Он прямо заявлял, что формальная логика отнюдь не бессмыслица, и, как явствует из известного высказывания Энгельса о том, что «из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика»[1], недвусмысленно рассматривал формальную логику как подлинную науку о мышлении. Энгельс также считал, что формальная логика представляет «прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному...»[2] и понимание ее как инструмента простого доказывания является ограниченным.

В то же время общая оценка Энгельсом отношения между формальной логикой и диалектикой остается верной и для современного нам этапа развития формальной логики. В самом деле, формальная логика, в том числе и в виде математической логики, как правило, связана с анализом форм рассуждений, основанных на таких отношениях в системе знания, которые предполагают выде-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 25.

[2] Там же, стр. 138; см. также: *О. Ф. Серебрянников*. Эвристические возможности методов формальной логики. — «Некоторые вопросы методологии научного исследования», вып. I. Л., 1965.

ленным, фиксированным его мысленное содержание. Возможность получения нового знания, которая позволяет говорить об эвристических функциях формальной логики, основывается на установлении каких-то новых комбинаций между элементами уже вычлененного содержания. Вообще ограниченность методов логической формализации сказывается в том, что они касаются главным образом анализа структуры «ставшего» знания и не затрагивают или мало затрагивают процессы построения и генезиса знания [1].

Математическая логика охватила формальнологическим анализом гораздо больший круг логических связей, чем это делала традиционная формальная логика, и существенно повысила точность и строгость этого анализа. Однако этот анализ схватывает опять-таки только формальный аспект мышления. В этом смысле, по нашему мнению, и сохраняет силу высказывание Энгельса об «узком горизонте» формальной логики. Это не означает какого-либо умаления эффективности ее методов в пределах ее возможностей, а предполагает лишь осознание этих пределов с более широкой философско-гносеологической позиции, рассматривающей мышление в целом. Именно такую философско-гносеологическую позицию выдвигает материалистическая диалектика в ее функции логики и теории познания. Являясь марксистским философским методом анализа познания и выступая, по выражению В. И. Ленина, как «итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [2], материалистическая диалектика призвана рассматривать мышление и вообще познание во всей полноте форм его существования и развития, «изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от *не*знания к познанию» [3], и указывать на преходящий, относительный, ограниченный, «конечный», как сказал бы Гегель, характер любой попытки представить познавательную деятельность при всем богатстве и многообразии ее средств и механизмов в виде некоей абсолютно «закрытой» логической системы.

---

[1] Резкую абсолютизацию формального подхода к логике науки на примере методологических проблем математики см. в кн.: *И. Лакатос.* Доказательства и опровержения.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 84.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 55.

Анализ Энгельсом логико-методологической проблематики науки является важной составной частью его богатого вклада в создание и развитие марксистской философии. Философское наследие Маркса и Энгельса было развито и обогащено далее Лениным, воззрения которого по методологическим вопросам составляют новый этап в теории познания.

Глава десятая

Исторические корни взглядов Энгельса на язык и их современное значение

Классики марксизма-ленинизма уделяли в своих произведениях особое внимание общественной функции языка. Хотя все значительные немарксистские философы прошлого и современности и признавали определенную связь между языком и мышлением, однако лишь с появлением марксистской философии стало возможным создать основы всестороннего научного решения вопроса об отношении между языком и мышлением. Проблема «язык и мышление» является центральной в марксистской теории познания в том смысле, как это сформулировано у Ф. Энгельса в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», когда он говорит о второй стороне основного вопроса философии: «...как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности?» [1] Исследование этой проблемы было продолжено в «Философских тетрадях» В. И. Лениным, который подчеркивал, что всесторонняя разработка марксистской теории познания и диалектики должна основываться на всех наших знаниях, следовательно, и на истории языка.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 283.

Отсюда следует, что теория познания должна рассматривать предмет своего исследования как с исторической, так и с логической и методологической точек зрения. Ее задача — вскрыть общие закономерности процесса познания и перехода от данной ступени познания к последующей, более высокой, с тем чтобы таким путем снабдить дальнейший прогресс науки необходимым мировоззрением и логико-методологическим оружием. Переход от одной ступени познания к другой находит свое непосредственное выражение в языке, ибо язык является непосредственной действительностью мысли [1].

Исторический материализм, изучающий закономерности общественного бытия, является одной из важнейших основ марксистской теории познания, а тем самым и марксистской теории языка. Без учета того факта, что общественное сознание является функцией конкретно-исторического общественного бытия, не может быть подлинно всеобъемлющей научной теории о конкретном характере мышления и познания. Лишь на основе исторического материализма стало возможным как конкретно-историческое обоснование определенных познавательных достижений, так и сознательное применение теории к исследованию языковых феноменов, которые всегда связаны с определенными социальными, политическими, экономическими, историческими и другими аспектами общественного характера. Это особенно относится к таким областям знания, как история лингвистических учений и стилистика.

Ф. Энгельс смог в своих трудах по вопросам истории и теории языка намного превзойти достигнутые его современниками результаты, потому что он обобщил обширный лингвистический материал на указанной выше мировоззренческой и методологической основе. Это значит, что он рассматривал язык как некую систему и применял диалектический метод при анализе процесса перехода от абстрактного к конкретному, при выявлении единства исторического и логического, а также единства и борьбы противоположностей. Об этом свидетельствует работа Ф. Энгельса «Франкский диалект» и его гениальный набросок по вопросу о возникновении языка в сочинении «Роль труда в процессе превращения обезьяны в

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 29.

человека», в котором он разработал диалектико-материалистические основы понимания связи между трудом, языком и мышлением и в первую очередь показал роль труда как основной формы общественной практики людей для выработки и развития их чувственной и умственной деятельности и языка. Ни предшественники, ни современники Энгельса не смогли прийти к выводу о том, что благодаря согласованным действиям руки, органов речи и мозга не только каждый отдельный человек, но и все люди сообща оказались в состоянии совершать все более сложные действия, ставить перед собой и достигать все более высоких целей. «Труд — источник всякого богатства, утверждают политикоэкономы. Он действительно является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но он еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он — первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» [1].

В области теории языка Энгельс продолжил лучшие традиции представителей прогрессивной буржуазии и преодолел их половинчатость и слабости. Эти представители уже признавали, что мышления как чистого акта сознания не существует. Оно всегда оформляется и формулируется с помощью языка. Язык является условием нашего познания. К подобным выводам пришли прежде всего И. Г. Гердер и И. Н. Тетенс. Их идеи определялись в основном тремя направлениями в области рассмотрения языка, господствовавшими в XVII в. в Европе: чисто эмпирическое — в Англии, от Фрэнсиса Бэкона до Локка, рационалистическое — во Франции (школа Пор-Рояль), влияние которого особенно возросло в XVIII в., и учение Лейбница, в котором предпринималась попытка примирить оба этих направления. Центральная идея философии языка в немецкой классической философии, особенно ясно выступившая у Канта, Гердера и Гегеля, а именно идея о связи языка и мышления, ведет свое происхождение от попыток Локка и Лейбница проверить с помощью языкового анализа возможность получения объективных научных выводов. Общей для обоих является продолженная Гердером тенденция к критике с

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 486.

лингвистических позиций догматических философских систем, т. е. систем, которые считают возможным априорное познание «вещей в себе» и трансцендентального. О Гердере можно сказать, что он, как представитель немецкой классики, рассматривал проблему происхождения языка уже с материалистических позиций и тем самым подошел в этом вопросе близко к Энгельсу.

В сборнике «О новейшей немецкой литературе» (1767 г.) Гердер рассматривает язык как инструмент, содержание и форму человеческих мыслей. Прежде чем мы начинаем рассуждать, мы обладаем уже «мышлением и языком». Говоря о развитии философии к «грамматике», Гердер неоднократно ссылается на Локка и Лейбница. При этом он понимает под грамматикой изучение обозначений наших понятий, производных слов и сложных связей. Метафизика для него является философией человеческого языка. Лишь она одна является подлинной критикой чистого разума и преследует цель развивать и разъяснять понятия из данных слов. Очевидно, здесь уже обнаруживаются зачатки современного языкового анализа. Языковый анализ означает для Гердера критику языка, т. е. он преследует цель выявить смысл механически заученных слов, «лишить их туманного покрова», «разрушить воздушные замки [неопределенности]» [1].

Разработанные Локком и Лейбницем проблемы семиотики мы также находим у Гердера, в частности в написанных им в 1766—1768 гг. «Фрагментах». Задачей семиотики он называет «расшифровку человеческой души, исходя из ее языка» [2]. И в своем удостоенном премии «Трактате о происхождении языка» (1772 г.) Гердер называет в качестве центральной задачи рассмотрение языка как «выражения и органа разума», как инструмента разума. Гердер с самого начала устанавливает самую тесную связь языка с мышлением. Ни у одного из ученых XVIII в., занимавшихся философией языка, мы не находим столь ясного изложения проблемы связи языка и мышления, как в трудах Гердера. Так, в «Трактате о происхождении языка» обосновывается тезис о том, что при

---

[1] *J. G. Herder.* Eine Metakritik zur Kritik der reinen Vernunft (1799). In: *J. G. Herder.* Sprachphilosophische Schriften. Hamburg, 1960, S. 222.

[2] Там же, стр. 95.

посредстве языка осуществляется переход от чувственных впечатлений к мышлению.

Чем более древним является язык, тем меньше в нем абстракций и тем больше чувств. Это, однако, не означает, что существовало какое-то особое языковое состояние человека. Первый язык был своего рода поэзией. Однако вместе с процессом возникновения самой речи появляется разум, мышление. «И как бы смело ни звучало, но это действительно так: человек воспринимает с помощью разума и в то же самое время говорит, когда он мыслит. И поскольку он всегда продолжает мыслить только так, и, как мы уже видели, он всякую мысль про себя ставит в связь с прошедшим и будущим, то для того, чтобы развивать каждое такое состояние дальше, необходимо его лучше осмыслить, а следовательно, и лучше выразить» [1]. Неоднократно высказанная Гердером мысль о зависимости языка от развития общества также свидетельствует о его прозорливости как ученого-языковеда.

К важным выводам по вопросу об отношении языка и мышления пришел также И. Н. Тетенс, который изложил свои взгляды на философию языка в труде «О происхождении языков и письма» (1772 г.). На примере этой работы видно, что борьба между материализмом и идеализмом в вопросе о связи языка и мышления являлась в XVIII в. центральной мировоззренческой проблемой. Тетенс подобно Гердеру исходил из того, что только в обществе, рядом с подобными себе человек может стать человеком, т. е. язык возможен лишь в обществе. Как диалектические могут быть охарактеризованы взгляды Тетенса на процесс абстракции, происходящий на базе языка. «Эта *чувственная абстракция* предшествует *логической абстракции* разума и поддерживает последнюю. Трудности в определении происхождения общих понятий были связаны с тем, что упускалось из виду влияние указанных выше факторов чувственной абстракции. Умственная абстракция предполагает, как это представляют себе многие, что отдельные реальные вещи возможно вполне четко отличать друг от друга. Подобные идеи отдельных вещей должны затем в нашем мышлении противопоставляться, сравниваться, общее в них должно быть собрано,

[1] *J. G. Herder.* Abhandlung über den Ursprung der Sprache. In: *J. G. Herder.* Sprachphilosophische Schriften, S. 61.

выделено и обобщено, и вот, чтобы предмет сохранился в тех же связях, его делают более приметным с помощью звуков или вообще с помощью какого-либо чувственного знака»[1]. Тетенс также подчеркивает положение о единстве языка и мышления и их взаимодействии, указывая на то, что разум был языком «разбужен, поддержан и укреплен... для увеличения и разъяснения *понятий*; а укрепленный разум расширил и сделал более тонким язык. И тот, и другой росли вместе как душа с телом»[2].

Рассматривавшаяся Марксом, Энгельсом и Лениным проблема знака, действительности и значения также была уже в XVIII в. предметом серьезных размышлений. Эту проблематику разрабатывали тогда прежде всего Гаман, Гердер и Тетенс. В значительной степени их работы основывались на идеях Лейбница. Номинализм Локка в вопросе о языковом знаке Лейбниц решительно отвергал. Идеям (понятиям) он приписывал вполне объективный характер, хотя у Лейбница это проявлялось еще в квазиплатоновском духе. Слова же, напротив, являются произвольными («arbitraire» — как позже определил Соссюр), так как между определенными идеями не существует естественной связи. В противном случае люди разговаривали бы лишь на одном языке. Путем произвольного установления определенное слово стало знаком определенной идеи. Однако момент произвольности обнаруживается лишь в словах, а ни в коем случае не в идеях. Согласно Гаману, мы с помощью знаков, т. е. слов, выражаем понятия. Знаки без смысла, т. е. пустые слова, возникают в том случае, когда внешние знаки и звучание слова связываются с совершенно противоположными понятиями. Для Гердера язык является выражением и изображением мыслей, чувств, волеизъявлений с помощью осмысленных знаков, находящих свое выражение в звуках и словах. С помощью языка осуществляются высказывания, относящиеся к определенному содержанию. Слово у Гердера является «звучащим признаком внутренних отпечатков души», «типизированным выражением» полученных впечатлений, метасхематизмом звуча-

[1] *J. N. Tetens.* Über den Ursprung der Sprachen und der Schrift.— «Philosophische Studientexte». Berlin, 1966, S. 28.

[2] Там же, стр. 33.

щих мыслительных картин, причем «артикуляции языка» следует рассматривать как отражение внутренних типов, опосредованных органами чувств [1]. С помощью слова становится возможным на основе понятия получить представление о предмете. Гердер различает понятие и слово, что полностью соответствует современным взглядам.

Предпослав своему «Трактату о происхождении языка» эпиграф из Цицерона: «Слова суть обозначение вещей» (Vocabula sunt notae rerum), Гердер недвусмысленно объявил себя сторонником той точки зрения, что слова как знаки обладают функцией выражения содержания. И у Тетенса мы встречаем именно эту точку зрения: «Мысль была полностью рождена в то мгновенье, когда ее нужно было выразить знаком... Как только звуки оказались связанными с мыслями и последние, так сказать, воплотились в первые, то это означало новый стимул для того, чтобы еще более четко различать вещи. А это в свою очередь привело к появлению новых мыслей» [2]. Философско-языковедческие взгляды, развитые Лейбницем, Гаманом, Гердером и Тетенсом, в решающей степени способствовали развитию идей в области языкознания и философии языка в XIX в.

Как явствует из трудов Ф. Энгельса о языке, он обладал исключительно солидными знаниями основных тенденций его развития. Это развитие в области философии языка в XIX в. преимущественно определялось основополагающими работами В. Гумбольдта — «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» (1820 г.), «О возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие идей» (1822 г.) и «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» (1830—1835 гг.) и Якоба Гримма — «Немецкая грамматика» (1819—1837 гг.). Без этих работ невозможно было появление трудов Ф. Боппа, создателя «Сравнительной грамматики» (1833—1852 гг.) индоевропейских языков. Ф. Энгельс в полемике с Е. Дюрингом обратил внимание прежде всего на значение берущего здесь свое начало сравнительно-исторического метода в языкознании как

[1] *J. G. Herder.* Eine Metakritik zur Kritik der reinen Vernunft. In: *J. G. Herder.* Sprachphilosophische Schriften, S. 206.

[2] *J. N. Tetens.* Über den Ursprung der Sprachen und der Schrift. — «Philosophische Studientexte», S. 32.

выражения диалектического мышления в языкознании. При этом Энгельс сделал глубокий вывод о том, что сравнение языков должно было начаться с исследования древних языков, т. е. языков с возможно более древними формами. Таким языком был санскрит.

Используя рациональное зерно теории языка Гамана и Гердера, а также теорию познания Канта, Гумбольдт стремился доказать, что под формой языка отнюдь не следует понимать лишь так называемую грамматическую форму. Форма у него включает в себя не только морфологию, но и словоупотребление и словообразование. Согласно Гумбольдту, языки нельзя также рассматривать как механическое сочетание слов, потому что каждый язык является системой, в рамках которой дух связывает звук с мыслью. Со времен Гумбольдта основополагающим раз и навсегда стало положение о том, что не просто слово, а лишь предложение является собственно исходным элементом всякого языкового образования.

Однако восходящая к Гумбольдту и упорно отстаивавшаяся в современных ему идеалистических философских и языковедческих теориях концепция нерасторжимой связи типа языка с «особенностями духа наций» оказалась в результате новых исследований несостоятельной. Гумбольдт ограничивался анализом поверхностной структуры языка и не мог еще сделать вывод, что национальные особенности не играют никакой роли в глубинной структуре. Исторической заслугой Гумбольдта является то, что он подчеркивает связь между языком и мышлением. Так, в труде «О различии строения человеческих языков» он рассматривал язык как вечно повторяющуюся работу духа, которая заключается в том, чтобы сделать артикулируемый звук способным выражать мысли. Язык он определял не как «произведение» (ἔργον), а как «деятельность» (ἐνέργεια). Язык со времени его возникновения является, по Гумбольдту, «созидающим органом мысли».

Если Я. Гримм, являющийся по сути дела создателем сравнительно-исторической грамматики и основателем германистики, внес значительный вклад в развитие взглядов Гердера по вопросу о связи между языком и народом, то он все же в отличие от Боппа, Шлегеля и Гумбольдта оставался в вопросах языка целиком и полно-

стью на идеалистически-романтических позициях. В его антиисторическом изображении первобытного состояния человека, а также в отказе от логического обоснования грамматики проявляются тенденции к иррационализму, противоречащие основным задачам сравнительно-исторической грамматики, ибо историческое и логическое образуют в методологическом плане неразрывное единство. Лишь на базе диалектико-материалистического мировоззрения и его методологии стало возможным по-настоящему выполнить эту стоявшую перед Гриммом задачу: исследовать язык в его общественно-исторической обусловленности.

Кроме уже указанных выше работ Ф. Энгельса, в которых затрагиваются и решаются проблемы языкознания, исключительно интересными являются те серьезные языковедческие исследования, которыми Энгельс занимался еще с юных лет [1], а также его переписка с Марксом.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 351—352, 363—364; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. II. М.—Л., 1931, стр. 52—54; *Karl Marx, Friedrich Engels.* Werke. Ergänzungsband. Zweiter Teil. Berlin, 1967, S. 137—138.

Первым, кто в Германии кратко дал оценку этой работы, был известный германист профессор Т. Фрингс, являвшийся до последних дней жизни заведующим кафедрой Лейпцигского университета имени К. Маркса и президентом Саксонской академии наук. Свою статью «Фридрих Энгельс как филолог» в газете «Теглихе рундшау» (1946 г.) Фрингс заключает следующими словами: «То, что нам на Рейне удалось установить в результате напряженного кропотливого труда, уже за сорок лет до этого было ясно Энгельсу. В своей работе Энгельс еще в период безраздельного господства младограмматиков отходит от рассмотрения языка с чисто физиологических, естественноисторических позиций. Энгельс видит в языке не нечто постоянное и неподвижное, не нечто единичное, а движущееся и живущее в истории. Энгельс совершает здесь, специально не объявляя об этом, поворот к рассмотрению языка в социально-историческом плане. Работы Брауне и Энгельса — это два [разных] мира» («Täglіche Rundschau», 18.VIII.1946). Будучи буржуазным ученым, Фрингс, правда, не был в состоянии до конца понять, что общественно-исторические процессы так же безусловно подчиняются законам, как и события в природе. Буржуазные исследователи (в том случае, если они знакомились со взглядами Энгельса на язык) не в состоянии признать, несмотря на высокую оценку ими систематических занятий Энгельсом лингвистикой, что при этом он исходил не только из научных интересов, но и из потребностей практической революционной работы в международном масштабе (см. *П. Лафарг.* О Карле Марксе и Фридрихе Энгельсе. М., 1936, стр. 44—45; *Е. А. Степанова.* Фридрих Энгельс. М., 1956, стр. 125—126). О том, каким образом Энгельс использовал в своей деятельности в Интер-

Из этих источников мы узнаем, что Энгельс постоянно интересовался актуальными вопросами истории и теории языкознания. Он глубоко знал новейшие конкретно-языковедческие исследования своего времени, непрерывно совершенствовал свои знания в области лингвистики, особенно в области готского, древнескандинавского, англосаксонского и славянского языков. Письма Энгельса Марксу от 4 ноября 1859 и от 19 марта 1868 г., а также уже упоминавшаяся философская работа «Франкский диалект» позволяют глубоко понять, как Энгельс конкретно применял диалектический метод и положения исторического материализма для решения сложных проблем, связанных с франкским диалектом [1].

Из этих работ становится ясным, что проблемы теории языка могут быть решены лишь тогда, когда в основу научного исследования положено единство исторического и логического исследования как один из основных принципов марксистского диалектического метода. С сожалением приходится отмечать, что и поныне этот метод недостаточно используется в многочисленных марксистских исследованиях по вопросам теории и истории языка. То, что именно этот метод составляет основу при рассмотрении вопросов, связанных с формой слова, мы видим на примере исследований Энгельса, для которого уже было вполне очевидно, как это доказывают его переписка и языковедческие работы, что единство исторического и логического в слове следует искать на морфологическом (префиксы, суффиксы и т. д.), синтаксическом и семантическом уровнях, а также в единстве (диалектическом единстве, понимаемом как взаимодействие противоположностей!) всех трех уровней.

Этими основополагающими исследованиями Ф. Энгельса были созданы предпосылки для дальнейшего развития на основе марксизма языкознания как науки, которая возможна лишь на разработанной лингвистической основе и надежной мировоззренческой и методоло-

---

национале, при переводах различных документов, а также при ведении обширной переписки выдающиеся знания многочисленных иностранных языков, рассказывал Поль Лафарг (см. *П. Лафарг.* О Карле Марксе и Фридрихе Энгельсе, стр. 44—45).

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 518—546; см. также: т. 32, стр. 41.

гической базе. Если теория языка и зависит от фактов, получаемых с помощью лингвистического исследования, то она сама в свою очередь способствует тому, что анализ языковедческой терминологии и весь процесс обобщения материала ведутся в требуемом направлении. С помощью обобщения исторически обусловленных структур различных естественных языков нам удается получить данные по основным лингвистическим проблемам, таким, как сущность и происхождение языка, связь между языком и мышлением, активная роль языка в общественном и индивидуальном процессе познания.

В настоящее время ученые-языковеды, стоящие на позициях марксизма-ленинизма, видят свою задачу в том, чтобы в борьбе с современными идеалистическими и механистическими концепциями в области лингвистики внести на основе учения Ф. Энгельса о языке вклад в дальнейшее обоснование марксистско-ленинской теории и практики языка. Непрерывное ускорение научного прогресса, все увеличивающаяся дифференциация и интеграция знаний выдвигают во все возрастающей степени проблемы, при разрешении которых центральное значение приобретает марксистско-ленинская теория языка.

Вопросы языка играют большую роль в медицине (воздействие слова как лечащего фактора), в науке об управлении (проблемы регулирования, коммуникации и т. д.), в военном деле (также проблемы регулирования и коммуникации), в педагогике (роль языка при изучении иностранных языков и обучении им), в борьбе за культуру родной речи в целях всестороннего развития личности, в народном хозяйстве (документация и перевод) и во все расширяющихся внешних связях как выражении растущей мощи и постоянно увеличивающегося международного влияния мировой социалистической системы. Исключительно важное значение имеют вопросы марксистско-ленинской теории языка также в связи с борьбой против идеалистических концепций в области теории языка в Западной Германии и других странах развитого капитализма, в борьбе против теории «промежуточного мира» Вайсгербера, концепций теологического характера, влияния крайнего структурализма, философии «обычного языка», бихевиоризма, а также против

империалистических расистских теорий, которые пытаются распространить с помощью западногерманских «гётевских» институтов, созданных ФРГ во многих несоциалистических странах и играющих в политической области чрезвычайно реакционную роль, особенно в молодых национальных государствах. Во всех капиталистических странах язык также используется с помощью средств массовой информации, таких, как пресса, телевидение, радио и кино, во вред трудящимся, в целях их дезинформации в политической, культурной и духовной областях.

В связи с осуществлением в социалистическом обществе научно-технической революции возникают языковые проблемы, значение которых необходимо исследовать и вовремя осознать. Дальнейшее совершенствование социалистического общества ведет к возрастающему разделению труда и специализации. Этот процесс связан и с определенными последствиями в сфере языка: возникают профессиональные языки, которые более не являются общепонятными. Однако коммуникации в интересах функционирования всей системы должны быть не только обеспечены, но и максимально эффективны. Вопросы подобного рода входят в круг задач марксистско-ленинской науки об управлении, которая в дальнейшем будет опираться также и на языкознание.

Решение этих кратко упомянутых нами актуальных проблем марксистско-ленинской теории языка требует самого глубокого освоения всего богатства, содержащегося в работах Ф. Энгельса по вопросам истории и теории языка. Без целеустремленного применения марксистского мировоззрения и методологии невозможно обеспечить дальнейшее развитие кардинальных проблем теории научного языка. Во многих работах, в которых исследуется образование научного языка, идеи Энгельса не получили пока должной оценки. Так, необходимо было бы исследовать философские произведения Энгельса с точки зрения образования научной терминологии. Энгельс критически относился к попыткам сводить понятия к этимологии. На примере понятия «религия» он доказывал, что этимологические фокусы представляют собой последнюю лазейку идеалистической философии. «Словам приписывается не то значение, какое они получили путем исторического развития их действительного употребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу сво-

его происхождения»[1]. Интересным с точки зрения научного языка является также указание Энгельса, что можно было бы избежать иностранных слов, в большинстве случаев представляющих общепринятые научно-технические выражения, если бы они поддавались переводу на родной язык. Но перевод «искажает смысл; вместо того, чтобы разъяснять, он вносит путаницу»[2].

Философская терминология в «Анти-Дюринге» и в «Диалектике природы» свидетельствует о том, что Энгельс рассматривал образование научного языка как общественно необходимый процесс. Именно в этих работах Энгельса исследуются такие закономерности, лежащие в основе процесса познания, как общественно-исторический процесс становления человеческого мышления, единство исторического и логического, восхождение от абстрактного к конкретному, а также единство и борьба противоположностей.

Без последовательного применения этих положений материалистической диалектики, которая включает в себя теорию познания, нельзя ответить на сложные вопросы конструкции научных языков, особенно связанных с процессом математизации наук. Для любого научного языка важнейшей заповедью является достижение максимальной ясности смысла, и, чтобы достигнуть этого, заменяют неопределенные выражения разговорного языка более определенными или более четкими терминами. Каждая мысль требует для себя языковой формы, а последняя состоит из знаков, которым придают значение. Если хотят сознательно оформить этот процесс выражения или сообщения мыслей, то нужно знать, по крайней мере в важнейших чертах, соотношение языка и логики, а это предполагает подробное исследование слов с точки зрения функции их знаков и значений. Путем исследования именно этих отношений выявляется далее также отношение естественных и искусственных, т. е. изначально формализованных, языков; при этом выясняется, что они ни в коей мере не являются чем-то совершенно противоположным друг другу. Наоборот, речь идет, как заметил Алонцо Чёрч, только о степени совершенства, которое достигается в изложении точно определенных синтакси-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 293.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 322.

ческих и семантических правил, и об объеме, в котором неопределенности и туманности должны быть удалены из естественного языка.

С точки зрения лингвистики в формальных языках речь идет о редуцированной и точно ориентированной на достижение одной цели (например, формализуемости) селекции символик, которые, возможно, являются значительно более ограниченными, чем естественные языки. Соответствие между естественными и научными языками заключается в том, что они нуждаются, для того чтобы сформулировать высказывания о материальных объектах или свойствах свойств, в языковых знаках.

Вопрос об отношении языковых знаков к действительности имеет принципиальное теоретико-познавательное значение. В функции отражения языкового знака заключается его теоретико-познавательное значение.

Постановка этого вопроса, который был выдвинут уже Энгельсом и который рассматривался затем Лениным, имеет исключительно актуальное значение для развития науки. Ленин указывал, что теория произвольных символов, или иероглифов, в теоретико-познавательном отношении означает агностицизм [1]. Эта теория ведет к сомнению в существовании предметов вне нас, поскольку производные символы, или иероглифы, возможны также в отношении чего-то, чего нет в действительности. Теория символов трактует восприятия не как отражения материальных предметов, а только как их иероглифическое обозначение. От теории символов, конечно, нужно принципиально отличать сознательно проводимую для определенных целей символизацию, а также естественную сигнализацию. На это обращал внимание уже Гегель в своей «Философской пропедевтике», когда он писал: «Для обозначения абстрактных отношений и определений выступает преимущественно *символизирование*, и дальнейшее развитие речи принадлежит уже силе всеобщности, т. е. рассудку» [2].

Процесс движения познания от явления к сущности начинается с недифференцированных восприятий. Благодаря разделению и дифференциации их мы приходим

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 244—251.

[2] *Гегель.* Введение в философию (Философская пропедевтика). М., 1927, стр. 180, § 160.

к восприятию комплексных предметов, от чувственных отображений переходим к «наглядной» силе суждения [1]. Эти чувственные отображения неотделимы от слова, от языка, и они являются выражением актов сознания. Нет мышления как акта чистого сознания. Оно всегда протекает и воспринимается в языке. Язык вообще является условием нашего познания. Чувственные отображения могут быть определены только как инварианты первого порядка. М. Борн говорит об идее инварианта как о ключе к разумному понятию реальности, и именно не только в физике, но и в любом аспекте мира. «...Инварианты суть понятия, о которых естествознание говорит так же, как на обыкновенном языке говорят о «вещах», и которым оно присваивает названия так же, как если бы это были обычные вещи» [2].

Инварианты второго, третьего и последующих порядков образуют собой восприятия явлений, соотношений, причинных связей и, наконец, интеграцию всех закономерных и структурных соотношений, которая сообщает нам картину Вселенной. Каждая наука выступает по отношению к нам как оформленное в языковом отношении знание, и ни один ученый не может избежать этого условия, входящего в определение понятия науки. Е. Шейбе в работе «К проблеме языковой зависимости в физике» (1967 г.) пишет, что для познания общих, а тем самым научных связей требуется знание именно в том объеме, в котором оно может быть выражено в языке. Он отмечает, что с теорией языка связаны вопросы о том, чем является физическая теория и в какой связи она находится с эмпирической действительностью. В то время как у последовательных эмпириков из числа ранних неопозитивистов имеется тенденция придавать теоретическим моделям в лучшем случае эвристическую, но ни в коей мере не содержательно-обязательную ценность, и они пытаются исключить полностью теоретический язык путем полной редукции его к языку наблюдения, в противовес этой тенденции, согласно реалистически ориентированным

---

[1] См. *И. Кант.* Критика способности суждения (1790). — *И. Кант.* Соч., т. 5. М., 1966; *И. В. Гёте.* Созерцающая способность суждения (1817). — *И. В. Гёте.* Избранные философские произведения. М., 1964, стр. 210—211.

[2] *М. Борн.* Физика в жизни моего поколения. М., 1963, стр. 283.

взглядам, теоретические модели считаются в принципе неизбежными и нередуцируемыми. Семантическая схема для концепции физических теорий является, без сомнения, научным инструментом непревзойденной до сих пор, хотя и весьма односторонней точности. В итоге Шейбе делает правильный вывод: опыт естествознания находит себе поддержку в философском факте признания значительного объективного содержания наших знаний о природе вообще.

Н. Бор также указывал на тот факт, что вопросы семантики играют значительную роль в образовании современных естественнонаучных понятий. Особенно показательной в этом отношении является его работа «Квантовая физика и философия. Причинность и дополнительность», поскольку здесь намечается заметное приближение к диалектико-материалистическому взгляду в области квантовой физики, что связано со стихийно-материалистическим анализом вопросов теории познания. В логических и семантических вопросах Бор в этой работе продолжает развивать мысли, содержавшиеся в работе «Атомная физика и человеческое познание», относительно вопросов ясного применения понятий и проблемы неточности и многозначности слов нашего обычного языка, который служит также и ученым как средство понимания. Этим самым Н. Бор затрагивает проблему естественного языка и научного языка собственно в области физики и показывает путь совершенствования терминологии.

В заключение мы можем констатировать, что такие абстрактные научные языки, как языки философии, математики, физики, описывают отношения объективной реальности или ее свойства. Этим выражается то обстоятельство, что даже весьма высокая ступень языковой абстракции включает в себя семантическую интерпретацию языка как существенный момент, даже если для некоторых исследований необходимо изучить формальную систему сначала независимо от какой-либо интерпретации. В историческом плане можно показать, что движение по пути познания соотношений и закономерностей в природе, обществе и мышлении привело при использовании материала естественных языков постепенно к образованию особых и все более развивающихся научных языков.

Глава одиннадцатая

Труды Энгельса о диалектике природы и современность

Исследование проблем диалектики природы занимает очень важное место в философском творчестве Ф. Энгельса. Без этого исследования не могло быть создано всеобъемлющее и последовательное диалектико-материалистическое мировоззрение. Если общий материалистический взгляд на природу был выработан еще в рамках прежнего материализма, в особенности материализма XVIII в., а принципы диалектического подхода к исследованию явлений сформулированы в идеалистической философии Лейбница, Канта и особенно Гегеля, то соединение материализма и диалектики с качественной переработкой предшествующего наследия было впервые фундаментально осуществлено в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса. Ф. Энгельс в большей степени, чем К. Маркс, занимался философским исследованием природы и действующих в ней диалектических закономерностей, стремясь на основе их познания выработать всеобщую диалектическую методологию развития естественных и общественных наук.

Ф. Энгельс ясно понимал, что содержание теории диалектического материализма в огромной степени зависит от успехов в философском обобщении достижений естествознания. Он писал, что «с каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму» [1]. Возникновение диалектического материализма как учения было подготовлено также предшествующим развитием естествознания, в частности наблюдательной астрономии, физики, химии, эволюционной теории Дарвина в биологии, прогрессом в области дифференциального и интегрального исчисления и теоретического анализа важнейших понятий математики. В 1885 г. Ф. Энгельс вспоминал: «Маркс и я были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории. Но для

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 286.

диалектического и вместе с тем материалистического понимания природы необходимо знакомство с математикой и естествознанием. Маркс был основательным знатоком математики, но естественными науками мы могли заниматься только нерегулярно, урывками, спорадически. Поэтому, когда я, покинув коммерческое дело и переселившись в Лондон, приобрел необходимый для этого досуг, то, насколько это для меня было возможно, подверг себя в области математики и естествознания процессу полного «линяния»... и в течение восьми лет затратил на это бóльшую часть своего времени» [1].

Но Энгельс не просто изучал естествознание, а по-новому переосмысливал важнейшие естественнонаучные достижения середины и второй половины XIX в. с точки зрения принципов диалектического материализма. Он ясно видел ограниченность господствовавшей в науках о неживой природе механической картины мира и метафизического метода мышления большинства естествоиспытателей.

Замысел «Диалектики природы» включал в себя две важнейшие задачи: 1) исследование на основе достижений естествознания объективно действующих в мире всеобщих диалектических закономерностей бытия, материи, ее важнейших свойств и форм существования; 2) разработку на основе познанных диалектических законов универсального метода исследования любых явлений, в свете принципов которого должна быть переосмыслена создаваемая естествознанием научная картина мира.

Первая задача была связана с познанием объективно существующей в мире диалектики, вторая — с созданием субъективной диалектики в смысле логико-методологического аппарата научного исследования как освобожденной от спекуляций идеализма диалектической логики. При этом объективная диалектика — первична, а «диалектика головы — только отражение форм движения реального мира, как природы, так и истории» [2]. «...Для меня дело могло идти не о том, чтобы внести диалектические законы в природу извне, а о том, чтобы отыскать их в ней и вывести их из нее» [3]. По содержанию диалек-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 10—11.
[2] Там же, стр. 519.
[3] Там же, стр. 12.

тическая логика основывается в конечном счете на тех же самых всеобщих законах бытия, которые господствуют во внешнем мире, субъективная диалектика является отражением объективной.

Подлинно научная философия не может не опираться на самые новейшие достижения естествознания и социальных наук, с тем чтобы действительно, а не на словах служить единым мировоззрением и эффективным методом исследования для представителей всех наук. Поэтому нередко имеющие место обвинения философии марксизма в «сциентизме» не имеют никакого смысла, они выражают лишь некоторое психологическое умонастроение или нежелание (а может быть, и неспособность) философски осмыслить достижения современной науки на основе их добросовестного изучения. Философия, изолированная от общего прогресса научного знания, обречена на схоластическое и неоромантическое вырождение. По отношению же к Энгельсу упреки в «сциентизме» вообще абсурдны, ибо сама теория диалектического материализма могла быть детально разработана лишь на основе учета достижений науки. Только на основе диалектического переосмысления научных открытий она могла стать всеобщей методологией исследования, обнаруживающей свои неизмеримые преимущества над широко распространенным и поныне метафизическим методом, и могла привести к созданию научного гуманизма.

Энгельс подчеркивал, что природа есть пробный камень диалектики и что «материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений...»[1]. Точно так же и в плане методологии научного исследования «освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания...»[2].

Почему при разработке теории диалектического материализма Энгельс уделил столь много внимания именно естествознанию, а не только общественным наукам, коль скоро и в области социальных явлений тоже действуют диалектические законы? Этому есть несколько причин. Прежде всего, естественные науки ко второй половине

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 513.
[2] Там же, стр. 520.

XIX в. были значительно более развиты, чем общественные, в которых еще господствовал эмпирически-описательный и идеалистический подход. На основе технического использования достижений науки качественно изменился способ производства, в промышленности и на транспорте были введены паровые двигатели. Благодаря успехам астрономии, термодинамики, оптики, химической атомистики, биологии и других наук значительно расширились представления о Вселенной, структуре вещества, законах развития природы. Все эти достижения представляли благодатный материал для философского анализа.

С другой стороны, всеобщие свойства и законы бытия материи, изучаемые диалектическим материализмом, легче было установить, исследуя окружающий мир от простого к сложному, от неживой природы к живой и затем к обществу. То универсальное и всеобщее, что присуще материи в природе, сохраняется и на высших ступенях ее развития. Обратный метод исследования от общества к природе таил в себе опасность антропоморфизма в понимании природы. Особенности и законы развития общества как совокупности сознательных, социально организованных систем столь специфичны, что их нельзя распространять на природу, в особенности на неорганические тела. Ошибки гилозоизма и антропологизма прошлого достаточно красноречиво говорили об этом.

Конечно, при исследовании от простого к сложному существует опасность механицизма, сведе́ния законов высших форм движения к законам низших форм. Но она могла быть предупреждена и преодолена на основе принципов диалектического метода, содержание которого могло быть углублено в результате учета достижений естествознания, поскольку, как говорил Энгельс, именно диалектика «является единственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания» [1].

Но Энгельс не просто осваивал достижения естествознания, а давал качественно новое философское толкование его важнейших результатов, стремясь к созданию диалектико-материалистической картины природы как движущейся материи. Он ярко и глубоко раскрыл зако-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 528.

номерности развития научного познания в период античности, эпохи Возрождения и нового времени. Его экскурсы в историю науки, блестящие по форме и поражающие богатством мысли и энциклопедичностью кругозора, убедительно доказывают необходимость утверждения с прогрессом знания диалектико-материалистического способа мышления, а также преодоления механистических и метафизических представлений о природе.

Механическая картина мира исторически была большим завоеванием научной мысли. Она основывалась на сформулированных Галилеем и Ньютоном законах механики, которые использовались для объяснения всех известных явлений природы. Философам-материалистам (Гоббсу, Ломоносову, Толанду, Ламетри, Гольбаху, Гельвецию, Дидро) она служила острым оружием в борьбе против религиозно-идеалистических взглядов на природу. На ее основе предпринимались попытки построить единую, целостную систему взглядов на мир. В «Системе природы» Гольбаха наиболее содержательно и глубоко был реализован этот замысел в рамках материализма XVIII в. В этом произведении развивался последовательный взгляд на внешний мир как на движущуюся материю, бесконечную в пространстве и времени и порождающую на определенном этапе своего развития жизнь и мыслящие существа. Материю Гольбах определял как все то, что существует вне нас и воздействует каким-либо образом на наши чувства. Движение им понималось как важнейший атрибут материи, неотделимый от нее, охватывающий все изменения в мире, начиная от простого перемещения и кончая мышлением. Важнейшим свойством материального мира является также всеобщая детерминированность и закономерная связь всех явлений, исключающая существование чего-либо сверхъестественного, не являющегося результатом закономерного движения материи. Хотя в понимании закономерностей и движущих сил развития общества Гольбах оставался на идеалистических позициях, однако многие его общефилософские идеи сохранили свое значение и в рамках диалектического материализма.

Вместе с тем в «Системе природы», как и вообще в материализме и естествознании XVIII—XIX вв., было выдвинуто немало метафизических постулатов и допущений, игравших весьма существенную роль в созданной

тогда научно-философской картине мира. Прежде всего, исходным в ней был постулат об однородности природы и единообразии законов ее движения. Для большинства ученых казалась самоочевидной мысль о том, что природа по своей сущности проста и не роскошествует излишними средствами. Поэтому и при объяснении ее не нужно вводить излишних законов, а следует ограничиваться минимальным их числом. В соответствии с этой идеей механические законы распространялись на все мыслимые пространственно-временные масштабы существования материи. Химические, биологические и социальные формы движения в принципе не отвергались, ибо это противоречило бы очевидным эмпирическим данным, но вместе с тем считалось, что в структуре этих процессов лежит в конечном счете механическое движение первичных и неизменных атомов, составляющих все тела. И если бы удалось мысленно разложить любое тело на атомы, определить их положения, скорости и другие параметры, составить для них множество уравнений движения, решить их и затем суммировать результаты решений, то можно было бы раскрыть сущность любых явлений вплоть до социальных процессов и особенностей нашего сознания.

В рамках механической картины мира признавалась бесконечность пространства и времени. Но представление о бесконечности складывалось на основе познания тех частных свойств и законов материи, которые наблюдались в известных тогда конечных областях мира. Эти свойства и законы подвергались абсолютизации, их распространяли на все мыслимые масштабы. Бесконечное рассматривалось через призму известного конкретного конечного, и такой подход был в какой-то мере неизбежен в силу вакуума информации о свойствах всего мира. Он основывался на том же постулате единообразия и простоты природы.

Идея однородности структуры материи дополнялась в рамках механического материализма представлением об однозначной детерминированности развития мира. С точки зрения этого представления прошлое заключает в себе в виде возможности все последующее будущее. Будущее как бы предсуществует в прошлом потенциально, и если бы удалось узнать все причинные связи, относящиеся к прошлому и настоящему, то можно было бы

предсказать все, что может возникнуть в будущем, даже весьма отдаленном. Эта мысль, четко выраженная Гольбахом и Лапласом, была краеугольным камнем механической картины мира.

Нельзя недооценивать притягательной силы данных идей. Они позволяли верить в могущество человеческого разума в познании природы, в возможность построения единой, непротиворечивой и внутренне замкнутой картины мира, или системы природы. Последовательный детерминизм не отрицал начисто «свободы» решений и поступков человека, но считал, что любые проявления этой свободы в конечном счете обусловлены закономерной связью вещей и стечением обстоятельств, которые неизвестны нам; в силу этого возникает иллюзия полной свободы и немотивированности поведения. Но в действительности каждое явление в мире представляет собой совершенно необходимое звено во всемирной связи событий, и нельзя вырвать из этой цепи ни одного звена, не разрушая всю последовательность причин и следствий. Это касается и всех актов человеческого поведения.

Логическое развитие подобных представлений приводило к концепции фатализма, и Гольбах соглашался с этим. Вместе с тем он не мог преодолеть отождествления всякой причинной связи с необходимой связью, поскольку считал последними первичными законами любых явлений и событий в мире динамические законы однозначной детерминации. Аналогичные воззрения доминировали в рамках механической картины мира XIX в.

Метафизичность подобной системы природы была впервые глубоко подмечена Гегелем. Он ясно понимал неправомерность абсолютизации частных свойств и законов материи, сведения бесконечного к безмерно увеличенному конкретному конечному, взятому из сферы обыденного опыта. Подобное представление о бесконечном он назвал дурной бесконечностью, противоречащей всеобщему закону перехода количественных изменений в качественные. Каждое конкретное качество существует в определенных границах меры, в силу чего его нельзя абсолютизировать. Исходя из этих представлений, Гегель отвергал идею однородности материи, допускал бесконечную сложность ее структуры, а также неоднозначную связь между предшествующими и последующими ступенями в развитии мира, исключающую жесткую детерми-

нацию всех событий. Но, следуя логике идеалистической философии, Гегель, по словам Энгельса, «вынужден был строить систему, а философская система, по установившемуся порядку, должна была завершиться абсолютной истиной того или иного рода» [1]. Составляющая сущность мира абсолютная идея — «абсолютная лишь постольку, поскольку он абсолютно ничего не способен сказать о ней. . .» [2] — завершала процесс самопознания в гегелевской философии. «Но это значило провозгласить абсолютной истиной все догматическое содержание системы Гегеля и тем стать в противоречие с его диалектическим методом, разрушающим все догматическое» [3].

В системе Гегеля диалектические законы саморазвития абсолютного духа составляют сущность любых явлений в мире и им подчинены все специфические законы, раскрываемые частными науками. Общее господствует над частным, первично по отношению к нему. Поэтому «Философия природы» Гегеля наряду с некоторыми гениальными диалектическими идеями содержит массу натяжек, произвольных предположений и идеалистических спекуляций. В своей натурфилософии Гегель развивает диалектическое понимание бесконечности, всеобщей связи явлений в мире, неразрывности пространства, времени и движения, подвергает критике концепцию абсолютного пространства, якобы существующего независимо от материи, говорит об историческом, преходящем характере всех явлений, возникающих и исчезающих в процессе неугасающего саморазвития мира.

Вместе с тем, следуя логике своей системы, он высказывает и множество метафизических положений. Материя, по его концепции, сама по себе косна, инертна и приобретает способность к самодвижению лишь в результате того, что ее сущностью является саморазвивающаяся абсолютная идея, которая и придает материи активность. «У Гегеля природа, как простое «отчуждение» идеи, не способна к развитию во времени; она может лишь развертывать свое многообразие в пространстве, и, таким образом, осужденная на вечное повторение одних и тех же процессов, она выставляет одновременно и одну ря-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 276.
[2] Там же, стр. 277.
[3] Там же.

дом с другой все заключающиеся в ней ступени развития. И эту бессмыслицу развития в пространстве, но вне времени, — которое является основным условием всякого развития, — Гегель навязывал природе как раз в то время, когда уже достаточно были разработаны и геология, и эмбриология, и физиология растений и животных, и органическая химия, и когда на основе этих новых наук уже повсюду зарождались гениальные догадки, предвосхищавшие позднейшую теорию развития (например Гёте и Ламарк). Но так повелевала система, и в угоду системе метод должен был изменить самому себе»[1].

Гегель правильно подметил метафизическую ограниченность материализма XVIII в., абсолютизацию им механических законов, идеи однородности природы, однозначной детерминированности ее развития и т. д. Но, будучи идеалистом, он отверг в целом материалистическое миропонимание, в том числе и все его правильные положения. Более того, он искаженно и утрированно представил содержание этого философского направления. Может быть, вследствие этого искажения в современной философской литературе, в частности в книгах по диалектическому материализму, часто встречаются утверждения, будто весь материализм XVII—XVIII вв. (в том числе и французский материализм) в лице своих представителей не признавал всеобщей связи явлений в мире, рассматривая все предметы как изолированные, будто он отрицал неразрывность материи и движения и рассматривал движение как результат внешнего в отношении материи толчка, отрицал саморазвитие природы и естественное закономерное возникновение жизни и человеческого общества и т. п.

Подобные утверждения выдвигаются иногда и для того, чтобы подчеркнуть качественное отличие диалектического материализма от предшествующих форм материализма. Но они несостоятельны по существу, искажают историческую истину.

Диалектический материализм вовсе не нуждается в том, чтобы выявление его исторических заслуг достигалось за счет принижения и утрирования предшествующих материалистических учений. В этом заинтересованы лишь идеалисты, стремящиеся всегда отождествить мате-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 287.

риализм с отсталыми и примитивными воззрениями. Качественное отличие диалектического материализма от предшествующих материалистических учений заключается не в признании всеобщей связи явлений, неразрывности материи и движения, всеобщности развития, бесконечности мира и т. д., а совсем в другом — в понимании характера этой связи, содержания движения и развития, их внутренних законов, в ином подходе к анализу единства мира и его бесконечности (с точки зрения требований закона перехода количественных изменений в качественные, исторического характера всех частных законов и т. д.). При этом по многим принципиальным вопросам диалектический материализм сохраняет преемственную связь с предшествующими формами материализма.

В натурфилософии Гегеля повторились многие ошибки и неправильные методологические установки предшествующей натурфилософии XVII — XVIII вв. Общим для всех попыток построить единую систему природы было убеждение в том, что в мире существуют всеобщие универсальные законы, которые определяют сущность всех вещей и являются первичными по отношению ко всем частным законам и процессам. Познание этих универсальных законов и выражение их в математической форме позволит раскрыть содержание любых явлений в мире, достичь абсолютной истины в конечной инстанции. Наряду с этим все натурфилософские системы исходили из убеждения в том, что предшествующие состояния мира заключают в себе все его последующие состояния. Гегель говорил в связи с этим, что «первые проявления духа виртуально содержат в себе всю историю» [1]. Поэтому полное знание прошлого составляет необходимое и достаточное условие для предвидения возможного будущего. В своем стремлении создать общую систему природы натурфилософия, по словам Энгельса, «заменяла неизвестные еще ей действительные связи явлений идеальными, фантастическими связями и замещала недостающие факты вымыслами, пополняя действительные пробелы лишь в воображении. При этом ею были высказаны многие гениальные мысли и предугаданы многие позднейшие открытия, но не мало также было наговорено и

[1] *Гегель.* Соч., т. VIII. М.—Л., 1935, стр. 18.

вздора»[1]. Создать завершенную и внутренне замкнутую систему знаний о мире оказалось невозможным.

Попытки натурфилософии втиснуть все богатство фактов действительности в ложе умозрительных постулатов и принципов, вывести из последних все множество частных законов и фактов природы не могли не потерпеть неудачу. Особенно глубокий кризис и противоречие с действительностью переживала идеалистическая натурфилософия Шеллинга и Гегеля, выводы которой оказались несовместимыми с конкретными данными и тенденциями развития естествознания. Это способствовало ее дискредитации и возникновению позитивизма Конта, отрицавшего конструктивную роль философской теории в разработке научной картины мира и считавшего единственно ценным позитивное знание, даваемое частными естественными науками.

Энгельс ясно понимал, что с прогрессом естественных наук «натурфилософии пришел конец» и что «всякая попытка воскресить ее не только была бы излишней, а *была бы шагом назад*»[2]. Вместе с тем он предостерегал против нигилистического отношения к натурфилософии, умаления ее исторической роли и общего замысла постигнуть всемирную связь вещей. В предисловии к «Анти-Дюрингу» он писал: «Гораздо легче вместе со скудоумной посредственностью, на манер Карла Фогта, обрушиваться на старую натурфилософию, чем оценить ее историческое значение. Она содержит много нелепостей и фантастики, но не больше, чем современные ей нефилософские теории естествоиспытателей-эмпириков, а что она содержит также и много осмысленного и разумного, это начинают понимать с тех пор, как стала распространяться теория развития»[3].

И Энгельс в период 70-х годов XIX в. ставит задачу разработать такую теорию диалектики природы, которая преодолевала бы ограниченности как материалистической, так и в особенности идеалистической натурфилософии. При поверхностном подходе «Диалектика природы» представляет собой своеобразную философию природы (Philosophie der Natur), и этимологическое сходство по-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 304—305.
[2] Там же, стр. 305.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 11 (примечание).

нятий давало в некоторых случаях повод к тому, чтобы считать «Диалектику природы» натурфилософским произведением [1]. Однако если акцентировать внимание не на внешнем сходстве понятий, а на существе метода Энгельса и действительном содержании его произведения, то «Диалектика природы» ни в коем случае не может быть названа натурфилософским произведением.

Как уже отмечалось, в основе натурфилософии лежит убеждение в однородности природы, однозначной детерминированности ее развития и в возможности вывести все частные факты и законы природы из некоторых всеобщих принципов бытия, либо принимаемых априорно в качестве постулатов, либо угадываемых в общем виде на основе анализа эмпирического материала. Общие законы предопределяют содержание и формы проявления конкретных законов.

В противоположность этому диалектический материализм считает, что всеобщие законы строения, изменения и развития различных типов материальных систем вовсе не предопределяют содержания и форм проявления специфических законов. Эти законы определяются характером свойств, связей и взаимодействий материальных объектов, поскольку всякий закон выражает определенный порядок или тип связей между свойствами тел или самими телами. Познание содержания частных законов осуществляется не путем философской дедукции, а на основе конкретных эмпирических данных и их последующего теоретического обобщения. Это обусловлено прежде всего тем, что материя неоднородна по своей структуре, в мире существует бесчисленное множество качественно различных ее состояний, типов систем и структурных уровней, на каждом из которых действуют свои, специфические законы. Раскрыть эти законы только чисто логическими средствами невозможно, поскольку логическая дедукция включает в себя экстраполяцию известного содержания на область неизвестных явлений, и, таким образом, мы не выходим существенно за пределы ранее

---

[1] См., например: *С. Князева.* Диалектика природы и натурфилософия. — «Общие проблемы диалектики и логики современного естествознания. Материалы к симпозиуму «Диалектика и современное естествознание» (Москва, 26—29 октября 1966 г.)», вып. I, М., 1966.

известного. Для этого необходимо прежде всего проведение новых наблюдений и экспериментов, дающих качественно новую информацию. Отсюда вытекает диалектический принцип конкретности истины, являющийся отражением того принципиального факта, что каждый конкретный, специфический закон движения существует и проявляется лишь в определенных границах меры, в конечных пространственно-временных интервалах и количественных значениях свойств. С переходом этих границ одни законы сменяются другими, которые также действуют локально.

Несмотря на качественную неоднородность материи и многообразие ее структурных уровней, ей все же присуще и определенное внутреннее единство. Оно проявляется во всеобщей связи и взаимодействии различных объектов и систем, в возможности взаимных превращений одних форм движущейся материи в другие, в наличии у различных состояний материи определенных общих атрибутов и подчинении их единым диалектическим закономерностям. В локальных масштабах единство проявляется в аналогичности физико-химического строения различных материальных систем, в историческом возникновении более сложных форм материи и движения на основе относительно менее сложных, в аналогичности количественной формы законов движения тел, в изоморфизме структурных отношений материальных систем, во взаимных превращениях одних форм движения в другие и т. д.

Всеобщие свойства и законы движения материи не существуют отдельно и независимо от частных, специфических свойств и законов, а проявляются только через последние. В каждом из частных законов содержится нечто такое, что объединяет его с другими законами, характеризующими определенные формы существования и развития материи. Так, в мире существует множество законов, отражающих взаимодействие противоположных сил, свойств и тенденций изменения материи: закон взаимодействия положительных и отрицательных зарядов, частиц и античастиц, притяжения и отталкивания, внутривидовой и межвидовой борьбы в живой природе и др. Всем им присуще определенное единство в структуре функциональных отношений, которое и находит свое выражение во всеобщем диалектическом законе единства

и борьбы противоположностей. Точно так же в законе перехода количественных изменений в качественные отражается то единое и повторяющееся, что содержится в структуре множества частных законов, характеризующих качественные изменения тел под влиянием изменения их различных количественных параметров. В законе причинности отражается то общее, что заключено в структуре множества частных законов, выражающих формы генетической связи между предшествующими и последующими состояниями в развитии. Словом, всеобщие диалектические законы можно определить как единые инварианты структурных отношений, присущие множеству частных законов определенного типа. В диалектических законах отражается внутренняя связь между частными законами.

Познание всеобщих свойств и законов бытия материи имеет первостепенное значение для создания целостного философского мировоззрения. Объективная диалектика природы проявляется как раз во внешнем существовании и взаимной связи всех универсальных атрибутов и законов изменения материи, характеризующих в совокупности атрибутивное единство окружающего нас мира. Не случайно поэтому проблема материального единства мира, единства всех форм существования и законов движения материи оказывается центральной во всей концепции диалектики природы, разрабатывавшейся Энгельсом.

Критикуя метафизику Дюринга, Энгельс показывает, что единство мира заключается не в его бытии, хотя это бытие составляет необходимую предпосылку единства, а прежде всего в его материальности, в том, что все многообразные предметы и явления в мире представляют различные формы и состояния движущейся материи. В мире не существует ничего, что не являлось бы определенным видом, состоянием, свойством или продуктом развития движущейся материи.

Энгельс формулирует весьма общее философское понимание материи. Он отвергает существование материи как некоторой первичной, неизменной субстанции, «подпорки» для различных свойств, какой она представлялась в метафизических концепциях. Материя проявляется через множество конкретных движущихся тел, исследование которых дает нам философскую абстракцию мате-

рии. «Вещество, материя есть не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие; движение как таковое есть не что иное, как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; такие слова, как «материя» и «движение», суть не более, как *сокращения*, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей. Поэтому материю и движение *можно* познать лишь путем изучения отдельных веществ и отдельных форм движения; и поскольку мы познаём последние, постольку мы познаём также и материю и движение *как таковые*» [1].

Это определение иногда истолковывают в том смысле, будто Энгельс склонялся к традиционному вещественному пониманию материи, в то время как вещество, с точки зрения современных данных, — это лишь один из видов материи; в силу этого данное определение будто бы надо перечеркнуть. Однако такое толкование неправомерно. Энгельс раскрывает прежде всего происхождение абстракции материи и подчеркивает, что это понятие охватывает все множество реально существующих тел. Внимательный анализ «Диалектики природы» показывает, что Энгельс помимо вещества признавал также существование электричества и магнетизма, объединение которых осуществилось затем в теории электромагнитного поля. Энгельс не исключал и возможности существования эфира, который в то время считался субстратом электрических и магнитных явлений. Но он оставлял вопрос о реальности эфира открытым, полагая, что здесь дело за конкретными данными естествознания. «Материален ли эфир? Если он вообще *есть*, то он должен быть материальным, должен подходить под понятие материи» [2]. После опытов Майкельсона и возникновения теории относительности физика отвергла существование неподвижного эфира как абсолютной системы отсчета; на место представления об эфире было выдвинуто представление об электромагнитном поле как особом виде материи.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 550.

[2] Там же, стр. 559. Более подробную критику неправильного понимания указанного положения Ф. Энгельса см.: *И. С. Нарский*. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969, гл. 1.

Энгельс исходил из признания бесконечности материи, считая, что материя бесконечна не только в пространстве и времени, но и в структуре, что было существенно новым по сравнению с концепцией классического атомизма. Почти за 30 лет до экспериментального открытия сложности атомов Энгельс писал: «Но атомы отнюдь не являются чем-то простым, не являются вообще мельчайшими известными нам частицами вещества» [1]. Он развивал представление об иерархической структуре материи, считая, что каждая материальная система обладает структурой и входит в качестве элемента в систему или совокупность тел больших размеров. При этом материя неоднородна по своей структуре и «дискретные части различных ступеней (атомы эфира, химические атомы, массы, небесные тела) являются различными *узловыми точками*, которые обусловливают различные *качественные* формы существования всеобщей материи...» [2]. Идея качественной неоднородности материальных систем противостояла механической картине мира, которая представляла бесконечность материи как однородную по содержанию во всех мыслимых пространственно-временных масштабах, как «дурную» бесконечность, по терминологии Гегеля. «Это бесконечное многообразие природы и истории заключает в себе бесконечность пространства и времени — дурную бесконечность — только как снятый, хотя и существенный, но не преобладающий момент» [3].

«Дурная» бесконечность — это одностороннее понимание бесконечности, понимание только с точки зрения ее количественного аспекта, когда понятие бесконечности прилагается к конкретным свойствам и качественным состояниям, которые безмерно увеличиваются без учета возможности перехода их в принципиально иные свойства и состояния. Диалектико-материалистическое понимание бесконечности включает в себя признание ее количественного аспекта — бесконечного множества материальных объектов и систем природы, общих и частных свойств материи, бесконечной длительности ее существования во времени и т. д. Но наряду с этим оно требует обязательного признания также и качественного аспекта

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 585.
[2] Там же, стр. 608—609.
[3] Там же, стр. 551—552.

бесконечности: бесконечного многообразия качественно различных структурных уровней, ступеней развития материи, ее состояний и форм изменения. Качественная бесконечность означает также неоднородность структуры различных форм существования материи на разных этапах или ступенях их количественных изменений.

Применительно к бытию материи во времени это выражается в непрекращающейся смене ее качественных состояний в процессе бесконечного саморазвития. Применительно к бытию в пространстве качественная бесконечность означает существование в природе бесчисленного множества пространственных структур, соответствующих различным типам материальных систем и связей, обусловливающих конкретные свойства пространства. Хотя все эти представления о бесконечности оказалось возможным сформулировать в конкретном виде лишь на основе современных достижений философии, физики и космологии, однако исходные пункты данных идей были высказаны Энгельсом. Они вытекают из развитых им и Марксом общих принципов диалектического материализма.

Энгельс считал, что процесс познания бесконечного противоречив, что «бесконечное столь же познаваемо, сколь и непознаваемо...» и что раскрытие его сущности «может, по самой своей природе, совершаться только в виде некоторого бесконечного асимптотического прогресса» [1]. Познание бесконечного эквивалентно изучению свойств всего материального мира, рассматриваемого в вечном изменении и переходе в новые состояния. Первый путь к такому познанию — это исследование конкретных конечных явлений, доступных чувственному восприятию. Но выявление специфических свойств и различий конкретных явлений мало что дает для познания бесконечного, поскольку таких конкретных конечных явлений в природе может быть бесчисленное множество, и все они разные, так что, сколько бы далеко мы ни продвигались в их познании, бесконечное все равно остается неуловимым. Ведь оно непосредственно не выступает ни в каком эксперименте и измерении; здесь всегда воспринимаются лишь конечные явления.

Наиболее эффективный путь к познанию бесконеч-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 549.

ного — через раскрытие всеобщего, абсолютного в мире в смысле тех универсальных свойств и законов материи, которые могут быть присущи ей на всех масштабах ее существования и ступенях развития. «И в самом деле, — пишет Энгельс, — всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем. Но форма всеобщности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное» [1].

Разумеется, познание всеобщего не может происходить в отрыве и помимо познания конкретных конечных явлений, поскольку общее проявляется через отдельное. В выявлении всеобщих свойств и законов необходимо соблюдать предельную осторожность и осмотрительность, чтобы не повторять ошибки прежней натурфилософии, которая абсолютизировала частные состояния и законы движения материи и часто уходила в область беспочвенных спекуляций.

Познание всеобщего осуществляется через выявление единого, инвариантного содержания в различных подмножествах частных свойств и законов, охватывающих все большие пространственно-временные масштабы материального бытия. Выделенное инвариантное содержание может рассматриваться в качестве всеобщей характеристики материи до тех пор, пока не будут обнаружены конкретные факты, противоречащие этому. Тогда соответствующие философские выводы корректируются с учетом новых фактов. Имея в виду это обстоятельство, а также возможность новых интегральных атрибутов материи и диалектических законов ее бытия во все больших пространственно-временных масштабах ее существования, можно сделать вывод, что процесс познания всеобщих свойств и законов материи бесконечен, как и сам материальный мир. Поэтому на каждом данном этапе развития науки можно говорить не о полном познании мира в целом, а лишь о раскрытии некоторых аспектов его единства и бесконечности, причем таких аспектов у него

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 548—549.

может быть бесчисленное множество. Но иного пути познания бесконечного пока не существует.

Энгельс считал познание фундаментально существенных и вместе с тем всеобщих свойств и законов бытия материи (ее атрибутов) столь важной задачей, что вводил его в общее определение предмета диалектики как науки: «...диалектика рассматривается как наука о наиболее общих законах *всякого* движения» [1]. Поскольку «природа является пробным камнем для диалектики...» [2], то анализ объективно существующих в ней диалектических закономерностей представляет для Энгельса важнейший путь разработки теории диалектического материализма в целом.

Из всеобщих атрибутов материи он выделяет прежде всего ее несотворимость и неуничтожимость, которые обусловливают бесконечность существования мира во времени. Энгельс говорит о всеобщности такого атрибута, как связь и взаимодействие, подчеркивая, что взаимодействие является истинной конечной причиной вещей. Взаимодействие тождественно движению материи, которое также выступает в качестве ее важнейшего универсального свойства. Познание материи по существу тождественно с исследованием различных форм ее взаимодействия и движения.

Это взаимодействие выступает в природе как единство процессов притяжения и отталкивания, которые обусловливают целостность и внутреннее изменение всех реально существующих систем. Энгельс разрабатывает теорию взаимодействия и причинной связи явлений, показывая, что причинность не сводится к необходимости, а включает в себя и множество случайных событий, исключающих однозначную детерминированность развития.

В качестве важнейших атрибутов и форм бытия материи Энгельс рассматривает также пространство и время, подчеркивая, что бытие вне времени принципиально невозможно, как и бытие вне пространства. С помощью анализа и классификации основных форм движения он преследует цель выявить определенные аспекты единства окружающего мира, проявляющиеся в возможности вза-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 582.
[2] Там же, стр. 22.

имных превращений и в связи форм движения, а также в историческом возникновении высших форм движения на основе относительно низших. Принцип единства мира здесь неразрывно связывается с принципом развития.

Развитие в теории диалектики природы рассматривается в качестве одного из важнейших атрибутов материи. Природа движется не в вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге, а переживает действительную историю. Энгельс указывает, что «неуничтожимость движения надо понимать не только в количественном, но и в качественном смысле» [1], т. е. в смысле постоянного сохранения в природе многообразия качественно различных форм движения и энергии, которые принципиально не могут превратиться в одну какую-либо форму движения, например в тепловую. В связи с этим он подвергает глубокой критике теорию тепловой смерти Вселенной, выдвинутую Клаузиусом на основе абсолютизации следствий из второго закона термодинамики относительно возрастания энтропии в замкнутых системах. Излученная звездами материя и энергия должна когда-нибудь вновь сконцентрироваться, чтобы дать начало новым циклам развития. Ни один из атрибутов материи никогда не может быть ею утрачен, и «поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время» [2].

Способность к порождению сознания относится к числу атрибутивных свойств материи. Энгельс отмечает, что «материя приходит к развитию мыслящих существ в силу самой своей природы, а потому это с необходимостью и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 360.

[2] Там же, стр. 363. Заметим, что угасание Солнца или какой-либо другой звезды, вокруг которой будут вращаться планеты с высокоразвитыми цивилизациями, само по себе может еще не вести неизбежно к прекращению жизни, поскольку в принципе возможно создание искусственных автономных источников энергии для поддержания жизни на этих планетах. Но если в масштабах Метагалактики или еще большей космической системы начнется процесс повсеместной концентрации вещества под действием гравитационных сил и этот процесс завершится гравитационным коллапсом соответствующей системы, то все формы вещества внутри ее могут превратиться в плазму из элементарных частиц, что положило бы конец всем формам жизни в данных областях.

происходит во всех тех случаях, когда имеются налицо соответствующие условия (не обязательно везде и всегда одни и те же)»[1].

Принцип развития Энгельс распространяет не только на конкретные качественные состояния и формы движения материи, но также и на сами законы природы, которые почти во всех натурфилософских системах считались неизменными. *«Вечные законы природы* также превращаются все более и более в исторические законы»[2], поскольку с изменением конкретных материальных условий одни законы уступают место другим или же меняется форма проявления данного закона.

Энгельс рассматривает в качестве атрибутов материи ее структурность и системную организованность, существование в виде множества иерархически соподчиненных систем, ее количественную и качественную бесконечность, частным проявлением которой служит бесконечность пространства и времени. Атрибутивный характер имеют также всеобщие диалектические законы: единства и борьбы противоположностей[3], перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания, выражающий спиральный характер развития, закон причинности. В набросках плана «Диалектики природы» он намеревался рассмотреть важнейшие достижения математики, механики неба, физики, химии, биологии с точки зрения всеобщих свойств и законов материи, принципов диалектического метода.

Сказанным не исчерпывается множество всеобщих свойств материи. Атрибутивный характер имеет также единство прерывности и непрерывности в структуре материи, сущности и явления, возможности и действительности, случайности и необходимости, причин и следствий, которое имеет место в структуре любых предметов и явлений. Диалектика природы в ее гносеологическом аспекте выступает прежде всего как теория атрибутивных свойств и законов материальной действительности. Далеко не все из них еще раскрыты в настоящее время. Это обусловлено многообразием типов основных свойств

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 524.

[2] Там же, стр. 553.

[3] Энгельс дает и другую формулировку данного закона: «...взаимное проникновение полярных противоположностей и превращение их друг в друга...» (Там же, стр. 343).

и законов материи. Следует учесть и то, что атрибуты в их познании нами — это уже определенные абстракции реально существующих всеобщих свойств материи. Некоторые из атрибутов проявляются в сфере чувственного опыта, сравнительно малых пространственно-временных масштабов. Их можно определить как действующие или проявляющиеся дифференциально в пространстве и времени. К числу таких свойств относятся, например, сохранение материи и движения, само движение, связь, взаимодействие, причинность, структурность и др. Из законов, проявляющихся дифференциально, можно назвать прежде всего закон сохранения материи и движения, закон причинности, единства и борьбы противоположностей, которые действуют в любых масштабах, хотя конкретные формы их проявления различны. Дифференциальные свойства и законы можно раскрыть в достаточно полной форме на основе тех областей материального мира, которые доступны непосредственному практическому воздействию.

Но помимо этого есть еще всеобщие свойства и законы, которые реализуются интегрально в пространстве и времени в достаточно больших масштабах при целостных и неоднократных изменениях систем. Некоторые из них уже познаны в настоящее время, поскольку границы исследованного мира неуклонно расширяются. Так, интегрально проявляется такой всеобщий атрибут материи, как развитие. Оно выступает как целостное, структурное, качественное изменение материальных систем, осуществляющееся на основе присущих им цикличных процессов и действующих в системах внутренних законов. Развитие характеризуется гораздо большим количеством признаков, чем просто движение, и все эти признаки реализуются в совокупности лишь в течение определенных интервалов времени, целостных структурных изменений систем под действием внутренних сил и законов. Поэтому развитие выступает в качестве интегрально реализующегося атрибута материальных систем.

Из законов интегральным действием обладает закон взаимного перехода количественных и качественных изменений, поскольку такой переход происходит не в каждый данный момент времени, а только после накопления достаточного числа количественных изменений, при целостных преобразованиях в структуре систем. Инте-

грально действует также закон отрицания отрицания, спирального развития, выражающий взаимоотношение цикличности, необратимости и поступательности в развитии.

В природе каждая материальная система входит в систему или в совокупность тел большего порядка, любой цикл развития является фрагментом еще большего по масштабам процесса. В системах и процессах со значительно бóльшими пространственно-временными параметрами могут проявляться такие атрибуты и интегральные законы бытия, которые не удается обнаружить в меньших масштабах или в сфере нашего обыденного опыта. Поскольку множество таких систем и процессов незамкнуто и потенциально бесконечно, то бесконечным будет и множество интегральных атрибутов и общих законов бытия материи. Следовательно, и всякая отражающая их теория необходимо будет незамкнутой и способной к дальнейшему неограниченному развитию. Но трудности в познании будут асимптотически возрастать по мере перехода ко все большим или все меньшим пространственно-временным масштабам, поскольку проникновение на новые структурные уровни потребует каждый раз неизмеримо более мощных научно-технических средств.

В современную эпоху все углубляющейся дифференциации наук разработка проблем диалектики природы способствует интеграции научного знания. Отражая различные аспекты материального единства мира, теория диалектики природы помогает установлению внутренней связи между объектами исследования, содержанием и методами различных наук. Особенно велика роль философского мировоззрения в разработке современной естественнонаучной картины мира. Содержание гипотетических «моделей Вселенной», выдвигаемых в космологии, общие теории строения, функционирования и развития различных материальных систем в огромной степени зависят от того, какие философские идеи кладутся в основу разрабатываемых теоретических концепций. Ложные постулаты, метафизические или идеалистические установки могут привести к возникновению тупиковых направлений типа пресловутой теории «тепловой смерти Вселенной», концепции индетерминизма, креационистских «моделей Вселенной» и т. д. Напротив,

постановка и анализ проблемы с учетом всех требований диалектического метода эффективно помогают ее решению конкретными средствами науки.

В философской литературе учение об объективной диалектике природы иногда называют онтологией диалектического материализма, которая в некотором отношении противопоставляется гносеологии (теории познания мира) или обособляется от нее. Такое обособление нам кажется неверным. Энгельс подчеркивал, что субъективная диалектика или теория познания является отражением объективной диалектики мира. Познанные всеобщие диалектические законы в дальнейшем становятся методологическими принципами исследования. На основе их содержания осуществляется переход от известного к неизвестному, формируется определенное представление о свойствах тех областей мира, которые по техническим причинам пока недоступны непосредственному изучению. Энгельс высказывает глубокое замечание, что «мышление может познать то содержание, которое уже заранее является содержанием мысли» [1]. Это можно истолковать в том смысле, что познание всяких новых объектов осуществляется через установление их сходства с уже освоенными предметами, включенными в содержание нашего мышления. Когда такое сходство обнаруживается, то исследуемые объекты также включаются в сферу познанного и вместе с тем лучше осознаются их специфические особенности. Предметы, не имеющие ничего общего с тем, что нам известно, нельзя было бы и познать. Но этого обычно никогда не бывает. Любым объектам обязательно присущи некоторые общие свойства и законы изменения, знание которых помогает перекинуть мост от известного к неизвестному.

Таким образом, не только теория познания, но и все учение диалектического материализма об объективной диалектике природы и общественных явлений может выступать в качестве метода исследования при познании новых явлений. В диалектическом материализме нет ни особой самостоятельной онтологии, ни независимой от нее гносеологии. Будучи единым философским мировоззрением, он одновременно выполняет методологиче-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 283.

скую, гносеологическую функцию по отношению ко всем частным наукам при переходе от известного к неизвестному в любых сферах действительности.

Различие между теорией и методом вообще относительно. Теория, оперирующая законами большей степени общности, может выступать в качестве метода исследования по отношению к более частным теориям, а также в конкретных областях практической деятельности. По отношению к прикладным наукам методологическую функцию выполняют фундаментальные науки, по отношению к ним — обобщающие метатеории, а по отношению ко всему комплексу научных направлений — диалектический материализм. Разработка обобщающих теорий способствует процессу интеграции научного знания, который во все большей степени становится одной из ведущих тенденций современной науки. Однако относительное различие между теорией и методом все же есть, и членение марксистской философии на особые разделы в ходе ее изучения и преподавания, конечно, неизбежно.

В некоторых философских работах, вышедших за последние годы, недооценивается значение исследований в области диалектики природы и предмет диалектического материализма сводится в основном только к исследованию мышления, к логике и теории познания. При этом часто ссылаются на известное высказывание В. И. Ленина о единстве логики, диалектики и теории познания, а также на следующие слова Энгельса, взятые из произведений «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы»: «Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории»[1]. И еще: «Довольствуясь отбросами старой метафизики, естествоиспытатели все еще продолжают оставлять философии некоторую видимость жизни. Лишь когда естествознание и историческая наука впитают в себя диалек-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 25.

тику, лишь тогда весь философский скарб — за исключением чистого учения о мышлении — станет излишним, исчезнет в положительной науке»[1].

Эти слова иногда истолковываются в том смысле, будто диалектический материализм не должен заниматься исследованием всеобщих свойств и законов материи, не должен быть учением об общих законах внешнего мира, а должен лишь изучать мышление и законы познания мира.

Безусловно, исследование этих последних проблем входит в предмет диалектического материализма, однако ограничение данного предмета только этими вопросами, да еще со ссылками на Энгельса неправильно по существу. Здесь обходится основное содержание и игнорируется дух «Диалектики природы». В разработке диалектики природы Энгельс видел важнейшее средство развития марксистской философии. К тому же приведенные высказывания истолковываются, на наш взгляд, неверно. В них Энгельс говорил о «прежней философии», из которой сохранили значение логика и диалектика, но эти высказывания не характеризуют содержание и будущность диалектического материализма. О последнем Энгельс говорил совсем иное, и некоторые из его мыслей на этот счет были приведены выше.

Проблемы диалектики природы составляют важную часть мировоззренческого содержания марксистской философии, и без их творческой разработки не может успешно развиваться теория познания диалектического материализма. Если ориентироваться в теории познания не на старую проблематику, а на новую, порожденную прогрессом научного знания, то ее успешная разработка требует одновременно исследования диалектики объективного мира. Так, для гносеологии имеет важное значение проблема соотношения между старыми и новыми теориями, интеграции научного знания, проблема количественного функционального обобщения законов, теорий, роли аналогий и моделей в познании, возможностей аксиоматического, дедуктивного построения научных теорий и т. д. Но все эти проблемы не могут быть успешно решены без предварительного и одновременного иссле-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 525.

дования форм проявления единства в материальном мире, изоморфизма структуры и законов изменения материальных систем, взаимоотношения между общими и специфическими свойствами материи на разных структурных уровнях.

Точно так же решение всех других гносеологических проблем требует в качестве фундамента исследования объективных диалектических законов бытия материи. Оценивая теоретическое значение исследования таких законов в связи с открытием закона перехода количественных изменений в качественные, Энгельс писал: «Но то, что некоторый всеобщий закон развития природы, общества и мышления впервые был высказан в его общезначимой форме, — это всегда остается подвигом всемирно-исторического значения» [1]. На основе открытия таких законов возникают новые перспективы в разработке теории познания.

Блестящий пример в этом отношении представляют собой труды самого Энгельса. На основе диалектико-материалистического учения о всеобщих свойствах и законах материи он дает тонкий анализ гносеологических проблем и трудностей развития естественных наук. В «Диалектике природы» он исследует философские вопросы учения об электричестве, теплоте, движении небесных тел, проблемы химической атомистики, биологии и математики. Им раскрывается ограниченность механической картины мира и метафизического метода мышления многих естествоиспытателей, которые, игнорируя диалектику, оказываются в плену наихудших философских систем.

Не все разделы «Диалектики природы» одинаково равноценны с точки зрения современной науки. Некоторые из них, как, например, сравнительно большие разделы об электричестве, теплоте, приливном трении, работе, содержат довольно много физического материала, который во второй половине XIX в. был весьма актуальным, а ныне в преобразованном виде вошел в наследие классической физики. Но другие разделы данного произведения живут и в настоящее время, и в них содержится глубочайшее изложение теории диалектического материализма и философских проблем естество-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 390.

знания, которые не потеряли значения и по сей день. Теоретические воззрения Энгельса в этом отношении абсолютно не нуждаются в модернизации; высказанные им идеи стоят на уровне современных достижений науки и в целом правильно характеризуют тенденции ее развития.

Энгельс ясно понимал, что метафизический метод мышления, свойственный многим естествоиспытателям, как и господство механической картины мира в физике, таит в себе опасность возникновения кризисных ситуаций в науке. Чтобы избежать этой опасности, естествоиспытатели должны освободиться от метафизического подхода. «К диалектическому пониманию природы можно прийти, будучи вынужденным к этому накопляющимися фактами естествознания; но его можно легче достигнуть, если к диалектическому характеру этих фактов подойти с пониманием законов диалектического мышления. Во всяком случае естествознание подвинулось настолько, что оно не может уже избежать диалектического обобщения» [1]. Эта мысль Энгельса перекликается со словами В. И. Ленина о том, что современная физика рождает диалектический материализм, со словами, высказанными как раз в период кризиса механической картины мира после серии новых открытий в физике. Если бы разработанная Марксом и Энгельсом теория диалектического материализма получила широкое распространение и была усвоена естествоиспытателями, то кризиса естествознания в конце XIX — начале XX в. можно было бы избежать. Но к сожалению, этого не произошло в силу неразвитости средств быстрого распространения научной информации в то время, гонения буржуазных государств на коммунистическую идеологию, мещанских предрассудков определенной части интеллигенции в отношении всей философии материализма и ряда других социальных причин.

«Диалектика природы» вместе с другими рукописями после смерти Энгельса попала в руки оппортунистических лидеров германской социал-демократии, которые в течение десятилетий не предприняли издание этой ценнейшей работы. Впервые она была напечатана в СССР

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 14.

в 1925 г. по фотокопиям рукописи. В. И. Ленин не знал этого произведения, однако в работах «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «О значении воинствующего материализма» он высказал много идей, перекликающихся с мыслями Энгельса. И это не случайно, так как данные идеи вытекают из общего содержания теории диалектического материализма. В работах В. И. Ленина эта теория поднята на новую ступень с учетом последующих достижений науки в конце XIX—начале XX в., а также практики мирового революционного движения.

После смерти В. И. Ленина проблемы диалектики природы интенсивно разрабатывались философами СССР и других социалистических стран, что нашло отражение в обширной философской литературе по вопросам диалектического материализма и философии естествознания. Иногда проблемы диалектики природы отождествляют с философскими проблемами естествознания в целом. Но это не вполне точно. Философские проблемы естествознания включают в себя: 1) проблемы, связанные с исследованиями общих свойств, законов структурной организации, изменения и развития различных типов материальных систем, но степень общности свойств и законов здесь несколько меньше по сравнению с теми, которые исследуются в рамках диалектического материализма; 2) проблемы, связанные с изучением закономерностей развития науки и тенденций научного познания на материалах соответствующих отраслей; 3) проблемы, связанные с исследованием психологии творчества и научных открытий, разработкой новых методов научного поиска и доказательств; 4) проблемы, связанные с изучением социальных аспектов применения достижений науки, их воздействия на общественное сознание и общественный прогресс в целом. Последние проблемы связаны с предметом социологии науки. От успехов в разработке философских проблем естествознания в большой степени зависит развитие как естественных наук, так прежде всего теории диалектического материализма. По своему объему все множество этих проблем шире тех, которые относятся к содержанию диалектики природы.

В некоторых работах предлагалось выделить диалектику природы из структуры диалектического материа-

лизма в качестве самостоятельной науки [1]. Однако большинство участников дискуссии не поддержало данное предложение, и, на наш взгляд, справедливо. Если диалектику природы в том ее виде, как она разрабатывалась Энгельсом и как была в общих чертах охарактеризована выше, выделить из диалектического материализма в качестве самостоятельной науки, то теория диалектического материализма утратит значительную часть своего мировоззренческого содержания: учение о всеобщих свойствах, законах структурной организации, изменения и развития различных типов материальных систем природы, а также диалектику познания природы. В таком случае цельность диалектического материализма была бы нарушена.

Дифференциация направлений исследования вполне возможна и необходима в диалектическом материализме, как и во всякой другой науке. Но она, полагаем, пойдет в будущем все же не по таким громадным и не имеющим четких границ разделам, как диалектика природы и диалектика познания, а по более узким комплексам проблем. Например, возможно успешное развитие внутри диалектического материализма философского учения о материи, о пространстве и времени, о развитии и его законах, о причинности, о структурных отношениях в материальных системах, о бесконечности, о закономерностях развития научных теорий, психологии научного поиска и т. д. При этом данные проблемы должны, как нам представляется, разрабатываться не на материалах одной только природы — живой и неживой, но также в большей, чем до сих пор, мере на материалах общественных явлений и процесса познания. Соответственно формулируемые при их исследовании законы должны охватывать возможно большую сферу действительности. Но все они будут объединяться общей теорией диалектического материализма, в которой разработка проблем диалектики природы останется одним из источников ее дальнейшего творческого развития, важнейшим средством преодоления всех потенциально

---

[1] Подробнее о дискуссии по этому вопросу см.: «Вопросы философии», 1963, № 3; 1964, № 6, 9; «Философские науки», 1964, № 5, 6; 1965, № 1; 1967, № 2; 1971, № 1.

возможных идеалистических и метафизических концепций в естествознании. И труды Энгельса навсегда сохранят при этом свое непреходящее значение.

Глава двенадцатая

Вопрос об основных формах существования материи

Характерной особенностью творческой деятельности Ф. Энгельса является стремление дать целостную, всесторонне разработанную систему диалектико-материалистической философии. Обратим внимание в этой связи на общую характеристику марксистского мировоззрения, данную в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», на замысел фундаментальной «Диалектики природы», сам по себе уже достаточно характеризующий направление мысли ее автора, на книгу «Анти-Дюринг», которая представляет собой поистине энциклопедию марксистской мысли. Следует подчеркнуть, что последняя работа, по исходному своему характеру полемическая, была, однако, выполнена Энгельсом в виде последовательного изложения собственных воззрений в их внутренней связи и целостности. Говоря о причинах, вынудивших его к обстоятельному изложению своих взглядов, Энгельс писал в предисловии к отдельному изданию «Анти-Дюринга»: «...как бы мало это сочинение ни преследовало цель противопоставить «системе» г-на Дюринга другую систему, все же, надо надеяться, от читателя не ускользнет внутренняя связь в выдвинутых мной воззрениях. У меня уже теперь имеется достаточно доказательств, что в этом отношении мой труд оказался не совсем бесплодным» [1].

Энгельс постоянно обращал внимание на то, что философия имеет дело с мышлением, что она есть форма теоретического мышления, однако в круг вопросов, которыми должно заниматься философское мышление, он

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 6.

включает и наиболее общие законы развития самой природы, общие принципы научной картины мира. Подчеркнув наличие объективной диалектики и субъективной диалектики, Энгельс показал, что философ должен размышлять и о том, как осуществляются человеческое познание и человеческая деятельность, и о том, каковы всеобщие закономерности бытия [1].

Подход Энгельса к разработке философского взгляда на мир принципиально отличается от умозрительно-натурфилософского метода. Известна его критическая оценка немецких натурфилософов начала XIX в., борьба против априоризма Дюринга. Критикуя последнего, Энгельс писал: «...логические схемы могут относиться только к *формам мышления*, здесь же речь идет только о формах *бытия*, о формах внешнего мира, а эти формы мышление никогда не может черпать и выводить из самого себя, а только из внешнего мира» [2].

Категория «форма», занимающая важное место в аппарате философии со времен Аристотеля, выступает в различных значениях. Не останавливаясь на разборе этих последних, так как это увело бы нас в сторону от основного изложения, отметим, что наиболее общим из них является то понимание этой категории, с которым она входит в понятие «форма существования», что, собственно, нас и интересует. В этом смысле форма может, как мы полагаем, пониматься как определенный способ существования того или иного содержания. Такое понимание категории «форма» встречается у Энгельса. Имея в виду открытие закона сохранения и превращения энергии, Энгельс писал: «Теперь было доказано, что все бесчисленные действующие в природе причины, которые до сих пор вели какое-то таинственное, не поддававшееся объяснению существование в виде так называемых сил... являются особыми формами, способами существования одной и той же энергии, т. е. движения» [3].

---

[1] В связи с этим особенно четко выявляется ревизионистский характер взглядов тех философов, которые пытаются ограничить предмет марксистской философии, с тем чтобы исключить изучение ею объективной диалектики, отказаться от законов и категорий, которые последнюю выражают. Достаточно показателен в этом отношении «антропологический гуманизм» философов, группирующихся вокруг загребского журнала «Праксис».

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 34.

[3] Там же, стр. 511.

При таком понимании формы существования каждый материальный объект является «формой» существования (бытия) материи и все естествознание представляет собой исследование материи, конкретных форм ее бытия. Однако среди многообразных форм, способов бытия Энгельс выделяет движение, время и пространство, являющиеся наиболее общими способами бытия, основными формами существования материи. В работах Энгельса понятия «движение», «время» и «пространство» подверглись широкому рассмотрению. Последующее развитие марксистской философской мысли, шедшее в союзе с прогрессом естественнонаучного знания, еще более расширило круг вопросов, связанных с проблемой основных форм существования материи. Однако и сейчас, как и во времена Энгельса, центральными остаются вопросы, относящиеся к пониманию самой сущности движения, времени и пространства, их связи с материей, их статуса как фундаментальных философских категорий. Остановимся на некоторых сторонах этих вопросов, диалектико-материалистическое решение которых неразрывно связано с именем Ф. Энгельса.

1. Движение — фундаментальная категория философии

Само понятие основных форм бытия предполагает всеобщий характер этих форм, а также то, что они выступают как некоторые атрибуты последней. Так, говоря о движении, Энгельс одновременно определяет его «как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут...» [1], что дает, по-видимому, основание именовать основные формы существования материи атрибутивными.

Всеобщий характер движения, времени и пространства и их атрибутивность, т. е. то обстоятельство, что они выражают определенные основные, коренные свойства материи, связаны друг с другом. При этом проблема сводится прежде всего к раскрытию сущности этих форм бытия материи и соответственно к выяснению смысла выражающих их философских категорий, к определению последних. Задача подобного определения

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 391.

осложняется тем, что эти философские категории выражаются теми же терминами, что и понятия частных (специальных) наук. Этот факт имеет далеко не лингвистическое значение. Подобная терминологическая общность представляет собой нередкое явление. В одних случаях она — следствие возникновения философских категорий как результата обобщения явлений, рассматривавшихся вначале как специфические; такое обобщение сопровождается переводом понятий из единичных и особенных в ранг всеобщих. В других случаях общность терминов между философией и частными науками есть продукт возникновения последних в процессе «отпочкования» от философии. Так или иначе общность терминов составляет один из показателей родства философии и частных наук, однако совершенно очевидно, что не только употребление, но и само существование философских категорий требует выявления их специфики по сравнению с понятиями частных наук, установления не только связей и взаимодействия, но и ясной границы с ними.

Энгельс уделял много внимания тому, чтобы выявить философское содержание категории «движение», раскрыть движение как всеобщую атрибутивную форму бытия. Он выступил против понимания движения как лишь «перемены места» — чисто пространственного, механического перемещения, обозначив водораздел между диалектико-материалистическим и механистическим пониманием движения. Этим самым было указано и различие между движением как философской категорией, с одной стороны, и движением как понятием частной науки — с другой.

Важную роль при этом играет концепция многообразия форм движения материи, выдвинутая Энгельсом. Обосновывая мысль о том, что движение есть способ существования материи, Энгельс обращал внимание на всеобщность движения, на то, что нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения. При этом он возражал против стремления Дюринга рассматривать механическое движение как единственную основную форму движения и указывал на целый ряд таких форм. «Движение в мировом пространстве, механическое движение менее значительных масс на отдельных небесных телах, колебание молекул в качестве теплоты или

в качестве электрического или магнитного тока, химическое разложение и соединение, органическая жизнь — вот те формы движения, в которых — в одной или в нескольких сразу — находится каждый отдельный атом вещества в мире в каждый данный момент» [1]. Учение Энгельса о формах движения материи оказалось весьма плодотворным и находится в центре внимания в связи с философским обобщением результатов научного познания, проблем классификации наук и разработки методологии научного исследования [2].

В работах Энгельса термин «форма движения материи» употребляется в широком смысле. Наряду с выделением физической формы движения материи теплота, свет, электричество, магнетизм характеризуются также как ряд форм движения [3]; говорится не только о социальной форме движения, но и об экономической форме движения [4] и т. д. Специфические законы природы Энгельс рассматривал в качестве форм «проявления одного и того же универсального движения...» [5]. При этом, однако, он выдвигал представление об *основных* формах движения материи.

Речь идет об основных формах движения материи в рамках общей классификации этих форм. Энгельсом выделены такие формы движения, как механическая, физическая, химическая, биологическая и социальная, которые в свою очередь включают в себя ряд более частных форм движения материи. Мы уже отмечали, что, скажем, физическая форма движения материи охватывает собой, по мысли Энгельса, теплоту, свет, электричество и другие формы движения. Именно в этом значении употребляется выражение «физические формы движения...» [6].

Таким образом, понятие основной формы движения

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 59.

[2] См. *Б. М. Кедров*. О соотношении форм движения материи в природе. — «Философские проблемы современного естествознания». М., 1959; *Е. Ф. Солопов*. Соотношение форм движения и видов материи в природе. — «Вопросы философии», 1963, № 8; *П. В. Попов, В. Г. Виноградов*. Основные формы движения материи и их взаимосвязь. М., 1967, и др.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 546.

[4] См. там же, стр. 153.

[5] Там же, стр. 553—554.

[6] Там же, стр. 77.

материи выступает как обозначение наиболее общих из них, по отношению к которым другие многочисленные формы движения материи выступают в качестве частных. В принципиальной классификации форм движения основные формы существуют не наряду с неосновными, не рядоположны им, а соотносятся с ними как часть и целое, как общее и частное.

В связи с проблемой классификации форм движения материи в последнее время обсуждению подвергается довольно широкий круг вопросов. Среди них, в частности, вопрос о статусе механической формы движения. Высказывается мнение, что механическая форма движения не существует в качестве основной формы и даже в качестве самостоятельной, а представляет собой побочную, сопутствующую форму движения материи. С этим трудно согласиться, поскольку имеют место такие процессы, в которых решающим оказывается перемещение макротел в пространстве, изучением чего и занимается механика. То обстоятельство, что разные планеты имеют различный химический состав либо отличаются некоторыми особенностями, свидетельствующими о возможности существования на них биосферы, оказывается побочным явлением с точки зрения изучения их движения в пространстве Солнечной системы. Связь механических процессов с немеханическими не меняет существа дела, ибо и другие основные формы движения материи не реализуются в чистом виде.

В рассмотрении форм движения материи Энгельс исходил из той основной идеи, что классификация форм движения изоморфна классификации наук. «*Классификация наук,* из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является вместе с тем классификацией, расположением, согласно внутренне присущей им последовательности, самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение»[1]. Подобный подход к рассмотрению форм движения материи является весьма плодотворным, поскольку он, в частности, имеет прямой практический «выход» в разработку классификации наук, может быть непосредственно использован для обоснования специ-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 564—565.

фичности наук и вместе с тем для выяснения возможностей использования методов одних наук в других науках, что опирается на взаимосвязь различных форм движения материи. Однако наряду с подобным подходом к классификации форм движения возможен и в последнее время активно разрабатывается другой подход, связанный с взаимосвязью определенных форм движения материи со структурными уровнями материи (субатомным, атомным, молекулярным и т. д.) и позволяющий выделять формы движения материи на другом основании. Строят и иные классификации.

Наряду с понятием основной формы движения материи, употребляющимся в связи с общей классификацией форм движения, выделяется понятие главной формы движения. Это обусловлено тем, что формы движения материи в рамках тех или иных вещей и процессов, тех или иных материальных систем выступают во взаимосвязанности. В живом организме происходят не только процессы, образующие биологическую форму движения материи (обмен веществ, мутации и т. д.), но и явления химизма, физические процессы; организм обладает определенными механическими свойствами. Встает вопрос: следует ли проявления химических, физических процессов в живом организме рассматривать в качестве составных частей биологической формы движения материи, считая, таким образом, что все происходящее с живым организмом есть уже тем самым явление биологического порядка, или можно считать, что в живом организме наряду с биологической формой движения материи имеются и другие формы движения?

Думается, что мысль Энгельса о наличии главной и побочных форм движения материи [1] в тех или иных определенных вещах и процессах дает возможность утвердительно ответить на второй из сформулированных выше вопросов. В этом смысле понятие главной формы движения материи характеризует форму движения, определяющую сущность данной системы по сравнению с побочными формами движения материи, включенными в данную материальную систему. При этом в общую систему, образуемую на уровне высшей формы движения материи, могут входить в качестве элементов подсистемы,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 563.

образуемые процессами низшей формы движения материи. Это, в частности, характеризует живой организм, носитель биологической формы движения материи, существование которого предполагает наличие в нем подсистем, выражающих более низкие формы движения [1].

Таким образом, было бы неправомерно считать, будто низшие формы движения материи, реализуясь в рамках системы высшего порядка, теряют свое качество. Вместе с тем участие в материальных системах, в которых главной формой движения является та или иная высшая форма, небезразлично для низших форм движения. Последние в данном случае нередко оказываются более сложными, чем их разновидности, находящиеся вне высшей системы [2]. Так, химические процессы, происходящие в живом организме, более сложны, чем химические процессы в неживой природе.

Теория форм движения материи, разработка которой связана в марксистской философии прежде всего с именем Энгельса, раскрывает взаимосвязь форм движения, их структурные и генетические связи, показывает специфичность законов каждой из форм движения, выясняет всеобщий характер движения. Естественно, что указание на подобную всеобщность движения через выявление многообразия его форм имеет философское, как мировоззренческое, так и методологическое, значение и способствует пониманию движения как философской категории.

Вместе с тем обращает на себя внимание то существенное обстоятельство, что указанием на многообразие видов движения в природе и в обществе еще далеко не исчерпывается проблема обоснования всеобщности движения, не выявляется его атрибутивность и не раскрывается смысл движения как одной из фундаментальных категорий философии. Из трудов Энгельса следует, что он отнюдь не полагал, будто теоретик, отказываясь от сведéния движения лишь к механическому перемещению, автоматически получает философское понятие

---

[1] См. *М. Я. Берри.* О формах движения в организме. — «Вопросы философии», 1965, № 3.

[2] См. *В. В. Орлов.* О логике соотношения высших и низших ступеней развития материи. — «Философия пограничных проблем науки». Пермь, 1967, стр. 25.

движения, когда он раскрывает содержание движения на примерах, почерпнутых из разных наук, говорит о движении не только в механике, но и в тепловых, электрических и других физических процессах, в химии и биологии и т. д. В центре внимания Энгельса находится задача раскрытия сущности движения в связи с диалектическим пониманием самого характера существования материи.

Само существование материи рассматривается в диалектике как процесс, как постоянный переход между бытием и небытием, как своего рода «круговорот», в котором каждая конечная вещь преходяща и где реализуется вечная череда возникновения и уничтожения. Диалектический путь познания развивающейся Вселенной в процессе отражения может быть осуществлен лишь «при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и исчезновением...» [1]. Неоднократно подчеркивая эту центральную идею диалектической концепции, Энгельс обращает внимание на то, что именно в этом и проявляется движение, внутренне присущее материи. Диалектика, по его словам, «берет вещи и их умственные отражения в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении...» [2].

Движение в философском смысле слова выступает прежде всего как переход от небытия к бытию и обратно, превращение возможности в действительность, как возникновение, становление вещей и их уничтожение, превращение в иное состояние и в другой объект, т. е. именно в плане существования. Говоря о том, что «движение, в применении к материи, — это *изменение вообще*» [3], Энгельс вместе с тем характеризует изменение как возникновение и уничтожение. В этом выражается противоречивая природа движения. Предметы, как и понятия, «находятся в беспрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются...» [4], «все движется, изменяется, возникает и исчезает... все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчез-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 22.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 563.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 302.

новения... этот взгляд верно схватывает общий характер всей картины явлений...» [1].

Таким образом, движение в философском смысле выступает прежде всего как изменение статуса существования объекта. Именно это движение присуще всем и каждой из вещей, именно оно составляет общее содержание тех многообразных форм движения материи, которые выделил Энгельс, анализируя естествознание, его историческое развитие и современное ему состояние, и знание которых, несомненно, умножается с углублением науки в тайны материи. Именно здесь — главный подход к обоснованию как атрибутивности движения, так и его всеобщности, к обоснованию того, что «движение как таковое, как существенное проявление, как форма существования материи, неуничтожимо, как и сама материя...» [2].

Общее понимание движения как возникновения и уничтожения, как перехода от несуществования к существованию и обратно образует тот, если можно так выразиться, фон, или основу, на которой выступает понимание движения как совокупности изменений в многообразных областях действительности — в различных сферах неживой и живой природы, общественной жизни. Подобное «двухслойное» строение категории «движение» наиболее полно раскрывает ее содержание.

Выявление Энгельсом смысла движения в качестве философской категории в отличие от движения как понятия механики имело важное значение для обоснования взгляда на движение как на всеобщую атрибутивную форму бытия материи, выражающую имманентную активность последней и деятельный характер ее существования, который проявляется в изменчивости вещей, в их взаимодействии друг с другом. Разумеется, и механическое движение входит в движение как изменение вообще, что имеет значение, в частности, для анализа противоречий механического движения [3]. Последующее развитие науки, в частности физики, поставило проблему соотношения движения и материи с особой остротой, по-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 20.

[2] Там же, стр. 561.

[3] См. *И. С. Нарский.* Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969, стр. 85.

скольку она оказалась в числе тех центральных проблем, вокруг которых велась полемика в связи с философской интерпретацией открытий в области микропроцессов.

В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» внес существенный вклад в обоснование единства движения и материи и подверг аргументированной критике попытки идеалистического представления движения. Обобщая данные современного ему естествознания, В. И. Ленин углубил понимание движения как всеобщей формы бытия материи, показал объективность движения и подчеркнул принципиальную разницу в понимании движения не только между материализмом и идеализмом, но и между диалектическим материализмом и материализмом метафизическим. «Диалектический материалист не только считает движение неразрывным свойством материи, но и отвергает упрощенный взгляд на движение...» [1]

Обосновав необходимость при рассмотрении движения обязательно ставить «вопрос о том, *что* движется...» [2], В. И. Ленин тем самым сформулировал принципиальное положение о связи форм движения материи с соответствующими видами (уровнями) материи. Этим самым было обращено внимание на плодотворный методологический принцип, позволяющий развивать учение о формах движения материи, основы которого были заложены Энгельсом, в новых условиях, создаваемых прогрессом научного знания.

2. Время и пространство — формы всякого бытия

Энгельс глубоко обосновал всеобщность и атрибутивность времени и пространства, подчеркнув, что они есть «основные формы всякого бытия» и что «бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства» [3]. Всю важность этих идей для борьбы с современными формами идеализма и их роль как методологической основы современного естествознания

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 285.
[2] Там же, стр. 282.
[3] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 51.

подчеркнул В. И. Ленин в труде «Материализм и эмпириокритицизм», где было углублено обоснование всеобщего характера времени и пространства, показана недопустимость смешивать «изменяемость человеческих понятий о времени и пространстве, их исключительно относительный характер, с неизменностью того факта, что человек и природа существуют только во времени и пространстве...» [1]. Ленин обратил внимание на то, что Энгельс исходит из признания объективно-реальной природы времени и пространства. «Энгельс показал Дюрингу, что отрицание объективной реальности времени и пространства теоретически есть философская путаница, практически есть капитуляция или беспомощность перед фидеизмом» [2].

Остановимся на некоторых аспектах разработки Энгельсом философского учения о времени и пространстве как основных формах существования материи. Всеобщность и атрибутивность времени и пространства Энгельс обосновывал через раскрытие их неразрывной связи с движущейся материей, выявляя, как и в случае с движением, философское содержание этих категорий.

Говоря о времени и пространстве, Энгельс подчеркивал, что «обе эти формы существования материи без материи суть ничто, пустые представления, абстракции, существующие только в нашей голове» [3]. Эта мысль имеет важнейшее значение для диалектико-материалистического понимания сущности времени и пространства в отличие от метафизического и идеалистического их понимания. Для последнего характерно понимание времени и пространства как особых самостоятельных субстанций, независимых от материи, рядоположных ей. Именно таким был ньютонианский взгляд на время и пространство, и, если учесть, что теория относительности, положившая конец господству в физике ньютонианских представлений, возникает через четверть века после того, как были написаны Энгельсом приведенные выше слова, можно оценить всю глубину идей Энгельса о характере времени и пространства. Мысли Энгельса имеют важное значение для выявления несостоятельности субстан-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 192—193.
[2] Там же, стр. 184.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 550.

циалистских воззрений на природу времени, которые встречаются и поныне [1].

Естествознание в своем развитии показало истинность идеи о несубстанциальной, атрибутивной природе времени и пространства, об обусловленности их движущейся материей. Эта идея лежит в основании теории относительности, определившей во многом лицо физики XX в. Она составляет философскую предпосылку учения о геологическом времени, концепции «биологических часов», разработки различных видов геометрических систем и исследования процессов восприятия пространственно-временных отношений.

Выявив органическую связь времени и пространства с движущейся материей, теория относительности установила и глубокую взаимную связь времени и пространства. В рамках этой теории события характеризуются вместе взятыми четырьмя координатами, время при этом выступает как четвертая координата, неразрывно связанная с тремя пространственными; тем самым вводится понятие единого пространства-времени. Возникает вопрос: означает ли это ликвидацию представления о времени и пространстве как двух специфических формах бытия материи, представления, которое в его диалектико-материалистическом смысле восходит к трудам Ф. Энгельса? Для такого вывода, который пытались сделать некоторые авторы, начиная с Г. Минковского (в известном докладе «Пространство и время», 1908 г.), нет оснований.

Концепция четырехмерного мира не означает четырехмерного пространства в обычном, физическом смысле этого понятия. Единственно реально существующим физическим пространством является трехмерное пространство, а «четырехмерный мир» теории относительности представляет собой лишь такое описание событий в трехмерном пространстве, которое берет это последнее в неразрывном единстве с его временно́й характеристикой. В этой связи следует заметить, что понятие многомерного (так называемого векторного) пространства представляет собой математическое, в сущ-

---

[1] См. подробнее: *Я. Ф. Аскин.* Проблема времени. Ее философское истолкование. М., 1966, стр. 53—69.

ности алгебраическое, понятие, а его не следует отождествлять с физическим пространством.

Объединением пространственных и временны́х характеристик в общей формуле наука подчеркивает их единство и взаимосвязь, но это есть единство и взаимосвязь специфически особых форм существования материи. Время и в четырехмерном многообразии теории относительности не превращается в четвертое измерение пространства, на что специально обращал внимание основоположник этой физической теории А. Эйнштейн. «Неразделимость четырехмерного континуума событий, — писал он, — вовсе не означает эквивалентности пространственных координат временно́й координате» [1].

Связь времени и пространства, выявленная в теории относительности и выраженная, в частности, в формуле единого пространства-времени, имеет, несомненно, важное значение, в том числе и философское. Однако нет оснований понимать эту связь так, будто теперь вместо двух форм бытия материи — времени и пространства, о которых говорил Энгельс, можно и нужно говорить только об одной форме: пространство-время (или четырехмерное пространство). Следует при этом обратить внимание на то, что толкование пространства и времени как одной формы бытия дает повод для ложного толкования характера их соотношений с материей. Ведь в неразрывности времени и пространства проявляется не что иное, как их общая обусловленность материей.

Именно потому, что никакая материальная вещь, никакое проявление движения материи (событие) не могут быть во времени, находясь вне пространства, так же́ как и не могут быть в пространстве, находясь вне времени, время и пространство неразрывны. Когда же время и пространство сводятся в одну-единственную форму, их связь становится чем-то имманентным последней. В этом случае нужда в чем-либо, находящемся вне этой формы, посредством чего время и пространство могли бы связываться между собой, отпадает. Появляется возможность исключить материю как то общее, что их связывает, и возникает повод полагать, что время и пространство для того, чтобы быть взаимосвязанными, не нуждаются в материи. Используя именно абсолютизацию един-

[1] *А. Эйнштейн.* Собр. научных трудов, т. II. М., 1966, стр. 26.

ства пространства и времени, английский философ-неореалист С. Александер создал концепцию, в которой мир оказался сведенным к «пространству-времени», существующему как некая изначальная и самодовлеющая субстанция, которая подменяет собой материю. Современная идеалистическая философия дает примеры и других неадекватных интерпретаций теории относительности, когда истолкование времени как четвертого измерения пространства приводит к отрицанию времени вообще. Такова, в частности, идея вневременности мира «критического реалиста» А. Венцля [1].

Как мы уже отмечали, для подобных интерпретаций нет никаких оснований. Диалектико-материалистическое понимание сущности времени и пространства указывает на подлинную специфику этих форм существования материи. И здесь существенное значение играет выявление связи времени с процессом развития, или, что то же самое, процесса развития с временем. Именно на эту связь обратил внимание Энгельс. Говоря о проникновении идеи развития в науку о природе, Энгельс придавал особое значение космогонической теории Канта. Он подчеркивал, что вместе с этой теорией начала входить в естествознание идея развития и вместе с нею — представление об истории во времени, о становлении во времени. «Вопрос о первом толчке был устранен; Земля и вся солнечная система предстали как нечто *ставшее* во времени... В открытии Канта заключалась отправная точка всего дальнейшего движения вперед. Если Земля была чем-то ставшим, то чем-то ставшим должны были быть также ее теперешнее геологическое, географическое, климатическое состояние, ее растения и животные, и она должна была иметь историю не только в пространстве — в форме расположения одного подле другого, но и во времени — в форме последовательности одного после другого» [2].

Таким образом, представляется очевидным, что Энгельс рассматривал как внутренне единый процесс, с одной стороны, зарождение понимания «того, что природа не просто *существует*, а находится в процессе ста-

---

[1] *A. Wenzl.* Wissenschaft und Weltanschauung. Leipzig, 1949, S. 136.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 351.

новления и *исчезновения...*»[1], а с другой — появление в науках о природе представления о времени как о факторе, с которым ученым следует считаться. Говоря о точке зрения современного, т. е. диалектического, материализма, Энгельс отмечал, что последний «обобщает новейшие успехи естествознания, согласно которым природа тоже имеет свою историю во времени, небесные тела возникают и исчезают, как и все те виды организмов, которые при благоприятных условиях населяют эти тела...»[2], чем подчеркивается связь времени с процессом возникновения и исчезновения, с процессом движения, изменения, развития.

Здесь коренится основа диалектического понимания сущности времени, выявления специфики времени по отношению к пространству и установления различия этих взаимосвязанных форм существования материи. Если пространство характеризует структуру наличного бытия, то время — структуру самого процесса постоянного «прибавления» бытия, его обновления и переходов между бытием и небытием. Мир находится во времени не потому, что в нем происходят какие-то перемещения того, что существует относительно друг друга, а в силу того, что в нем происходит процесс рождения нового и гибели старого. При этом указанный процесс «закрепляется» в определенных пространственных изменениях. Пространство также выражает движение, изменение материи. Но пространственные изменения, изолированные (разумеется, только в абстракции) от времени, — это изменения в том, что уже существует, имеется в наличном бытии. Временны́е изменения, взятые в абстракции, изолированно от пространственных, — это возникновение одного и исчезновение другого, ибо время связано именно с сущностным изменением, со становлением. Именно потому, что процесс возникновения и исчезновения происходит не в какой-то пустоте, а в наличной действительности, время неразрывно связано с пространством. Пространство и время характеризуют процесс существования материального мира с взаимодополняющих друг друга сторон.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 351.
[2] Там же, стр. 24.

* * *

Вопрос о всеобщности времени и пространства приобретает особую актуальность в связи с необходимостью оценки концепций, выдвинутых рядом физиков (Циммерман, Чу и некоторые другие [1]), предложивших такие программы разработки теории элементарных частиц, при которых удалось бы, как они полагают, избавиться от употребления пространственно-временных представлений. Время и пространство рассматриваются при этом как сугубо макроскопические понятия типа, скажем, температуры.

С философской точки зрения вопрос заключается в том, имеем ли мы дело с созданием одной из дополнительных (комплементарных) теорий, которые дают лишь ограниченный «слепок» с каких-то одних сторон, черт, свойств микропроцессов, абстрагируясь от других, в данном случае от пространственно-временных черт этих процессов (что, вообще говоря, философски вполне объяснимо), или же мы должны сделать вывод, будто в микромире время и пространство действительно отсутствуют. Иначе говоря, следует ли рассматривать описание микроявлений вне времени и пространства как определенный познавательный, методический прием [2], или же подобное представление о микроявлениях нужно приписать самому объективному миру?

Вопрос этот имеет большое значение и для самой философии. Распространяется ли действие понятий времени и пространства на весь мир, или же оно ограничено лишь одной сферой — макроявлениями — это по существу вопрос о том, существуют ли пространство и время в качестве философских категорий вообще, ибо статус последних органически связан с признаком всеобщности. В этой связи важно выяснение сущности кате-

---

[1] *E. J. Zimmerman.* The Macroscopic Nature of Space-Time. — «American Journal of Physics», 1962, vol. 30, N 2; *G. F. Chew.* The Dubious Role of the Space-Time Continuum in Microscopic Physics. — «Science Progress», 1963, vol. 51, N 204; см. также: «О теоретических аспектах физики элементарных частиц». — «Успехи физических наук», 1965, т. 85, вып. 4.

[2] Такую методическую роль играет понятие движения элементарной частицы вспять во времени, выдвинутое советским физиком Г. А. Зисманом и американским ученым Р. Фейнманом.

горий времени и пространства, что, как и в случае категории движения, связано с необходимостью их обобщенного определения на уровне философии. Всеобщность времени и пространства не может быть поколеблена и подорвана открытием каких-либо особенностей отдельных объектов и отдельных областей действительности потому, что наличие времени и пространства обусловлено самыми общими чертами бытия, а не какими-либо специальными, частными чертами тех или иных объектов. Последние определяют специфику свойств времени и пространства на том или ином структурном уровне материи (такова, например, дискретность времени и пространства на микроуровне, специфика пространственно-временных отношений в живой природе и т. д.).

Само же наличие времени и пространства связано с самыми общими способами бытия вещей, с двумя самыми общими типами отношений в процессе существования, на которые обратил внимание Энгельс. Выше уже отмечалось, что Энгельс определяет время как форму «последовательности одного после другого», а пространство — как форму «расположения одного подле другого...»[1]. «...Вечно повторяющаяся последовательная смена миров в бесконечном времени, — пишет Энгельс, — является только логическим дополнением к одновременному сосуществованию бесчисленных миров в бесконечном пространстве...»[2]. Таким образом, наиболее обобщенное философское определение пространства и времени состоит в том, что первое из них есть форма бытия материи, выражающая отношения между сосуществующими вещами, второе есть форма бытия материи, выражающая последовательность существования вещей в развивающемся мире.

Для того чтобы «получить» пространственно-временной мир, не нужно знать о вещах что-либо, характеризующее их особенности. Достаточно знать лишь то, что они объективно существуют, и существуют таким образом, что между ними устанавливаются отношения сосуществования и отношения последовательности существования. Первые из этих отношений обусловлены тем, что вещи существуют не поодиночке и при этом взаимодей-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 351.
[2] Там же, стр. 362.

ствуют друг с другом в процессе существования, вторые же отношения обусловлены тем, что вещи (и различные состояния одной и той же вещи) сменяют друг друга, возникают и уничтожаются, развиваются. Смена состояний одной и той же вещи образует ее длительность — временну́ю категорию, которая раскрывает время как меру существования.

Данная Энгельсом характеристика пространства и времени как атрибутивных форм бытия материи, выражающих общие способы ее существования, может служить основанием для решения вопроса о всеобщности пространственно-временных отношений. Выявление сущности времени и пространства и обобщенное их определение как философских категорий дает основания утверждать, что и в микромире имеются время и пространство, ибо отмеченные выше два типа отношений имеют место в сфере элементарных частиц так же, как и в области макрообъектов: элементарные частицы сосуществуют, элементарные частицы рождаются и исчезают.

Учение Энгельса о движении, времени и пространстве как об основных формах всякого бытия, занимающее важное место в системе диалектического материализма, выступает как философский фундамент современного научного познания.

Глава тринадцатая

Энгельс и проблема диалектики необходимости и случайности

Основной вклад в разработку диалектических отношений необходимости и случайности был сделан Фридрихом Энгельсом в его «Диалектике природы». В этом труде он подверг критическому анализу метафизическое представление об объективной природе случайности, существовавшее в домарксовском материализме, и доказал, что философские выводы из этой концепции неизбежно приводят к фатализму. Идеи Энгельса являются

основой для философского анализа новых данных к кретных наук, которые уточняют наше понимание соо ношения необходимости и случайности. Прежде всего здесь следует упомянуть исследования по квантовой механике и кибернетике, в которых ставится вопрос о преодолении механико-детерминистского отождествления закона, каузальности и необходимости. Диалектический детерминизм, развивая теорию объективной связи, рассматривает причинность как фундаментальную, прямую и конкретную передачу связи, а закон — как общенеобходимую, иными словами, повторяющуюся и существенную, т. е. определяющую характер явления, связь. Одной из форм связи, выражающей отношение между законом и причинностью, является проявление необходимости через случайность. При этом следует учитывать, что существуют различные виды необходимости и что современное развитие науки требует дифференциации случайностей.

Связь закона, необходимости, случайности и возможности в недавнем прошлом была рассмотрена в работах Н. Винера. О вкладе квантовой механики в проблематику случайности, который выходит за рамки классической статистики, он говорил следующее: «Большим вкладом Гейзенберга в физику была замена этого все еще квазиньютонова мира Гиббса миром, в котором временные ряды совершенно не могут быть сведены к набору детерминированных нитей развития во времени. В квантовой механике все прошлое индивидуальной системы не создает никакого абсолютного определения будущего этой системы, но дает лишь распределение возможных будущих состояний»[1]. Здесь критикуется классическое понимание превращения случайностей в необходимость. Так как под выражением «детерминированный» у Винера разумеется классический (метафизический) детерминизм, то мы вправе приравнять его к необходимости.

Диалектический детерминизм в философской интерпретации квантовой теории различает динамические и статистические законы. Динамические законы содержат возможность, которая обязательно должна осуществить-

[1] *Н. Винер.* Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М., 1968, стр. 155.

ся. Статистические законы раскрывают для системы такую возможность, осуществление которой необходимо. Однако статистические законы предполагают целый ряд возможностей поведения элементов системы, каждый из которых может развиваться в форме случайности. Именно этот смысл имеет уравнение Шредингера как качественно определенный статистический закон, раскрывающий вероятные случаи осуществления таких возможностей [1]. В свете этих данных диалектика необходимости и случайности предстает перед нами как проявление объективных законов.

В связи с раскрытием этой проблемы в первую очередь должна быть охарактеризована позиция Энгельса по вопросу о соотношении необходимости и случайности. Следует точно определить понятие необходимости, рассмотреть отношение между законом и случайностью и предложить возможную дифференциацию случайностей.

1. Энгельс о соотношении необходимости и случайности

В истории науки и в повседневной жизни мы часто встречаемся с событиями, которые мы и в обычной речи называем случайными. Представим себе хотя бы незапланированную встречу с каким-нибудь знакомым, которого мы давно не видели; такую встречу мы называем случайной. В квантовой механике важную роль играет поведение элементарных частиц в определенных условиях и возникающие при этом максимальные и минимальные отклонения. Для одной частицы существуют различные возможности возникновения на экране осциллографа во время наблюдения ее движения. Осуществление одной из этих возможностей происходит «случайно». Общее

---

[1] Различие между количественно и качественно определяемыми статистическими законами и новыми потенциальными статистическими законами, которое здесь подробно не исследуется, рассмотрено в кн.: *H. Hörz.* Ergebnisse und Aufgaben einer marxistischen Theorie des objektiven Gesetzes. Berlin, 1968. В то время как для количественно и качественно определенного статистического закона даются вероятности количественного и качественного характера, при вероятностно статистическом законе существуют только определенные группы возможностей в определенных условиях.

поведение движения частиц определено законом, а по дение каждой отдельной частицы выступает в виде с чайности. Тем не менее мы не имеем права отрывать за кон от случайности. На это уже обратил внимание Энгельс, когда он указал на диалектическое единство необходимости и случайности. Так, необходимая победа социализма проявляется в поступках отдельных людей, однако их случайное поведение ведет к необходимым детерминантам процесса в целом. Таким образом, через поступки одного человека проявляется необходимое общественное развитие. Это не проходит без противоречий. Некоторые люди мешают успехам производства, например, своим аморальным поведением, плохой работой и т. п., и, так как они тем самым объективно действуют против интересов общества, а также против своих собственных истинных интересов, их деятельность в конце концов потерпит неудачу.

Исследование осуществления определенных возможностей на основе объективных законов требует разбора явлений необходимости в случайном. Тем самым мы получаем важное средство для познания общей взаимосвязи. Через многие случайности следует познавать необходимость.

Что мы понимаем под случайностью? Энгельс пишет о связи экономики с политикой, правом, философией: «Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что ее не существует)»[1]. Энгельс говорит здесь в первую очередь об объективной случайности. Случайностями являются предметы и явления, внутренняя связь которых выступает как весьма отдаленная. Такие отдаленные связи представляют особую трудность для познания, потому что их трудно выявить и доказать. Энгельс выделяет здесь важнейший аспект изучения этих связей, указывая на объективный характер случайности.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 395.

Об этой проблематике было уже много споров. Очень часто пытаются отрицать объективность случайности, заявляя, что все поддается точному определению. При этом, как правило, аргументируют в сущности механическим детерминизмом и превращают случайность в точку пересечения причинностей. Наиболее частым здесь является пример с человеком, которого случайно убила черепица, упавшая с крыши. Однако это является редуцированием объективной общей связи в простую непосредственную необходимость. Тот, кто аргументирует таким образом, должен в конце концов прийти к выводу о предопределенности всех процессов и явлений, как это имеет место в механическом детерминизме. Такой вывод неправилен в своей теоретической основе. Смерть человека, вызванная падением черепицы, является «случайной». В данном случае не существует прямой внутренней взаимосвязи между смертью человека и упавшей с крыши черепицей. Внутренняя прямая взаимосвязь существует между явлениями окружающего мира и живым человеческим организмом. Закономерно то, что человек должен умереть, но причина его смерти «случайна».

С другой стороны, по причине условий окружающего мира и т. п. черепица должна была упасть с крыши. Но падающая с крыши черепица не обязательно должна убивать людей. Рассматривая эту проблему чисто предварительно, мы видим здесь уже, что следует распознавать различные виды необходимости. В данном случае черепица была необходимой причиной смерти. Однако из этого нельзя сделать вывод, что речь идет о всеобщем необходимом, т. е. повторяющемся, процессе, который обычно содержится в объективном законе.

Вне всякого сомнения, что в случайности проявляются различные причинные зависимости, но не это является основным для случайности. Основой для нее является то, что речь здесь идет об отдаленных внешних связях. Для открытия законов важно установление внутренних прямых, т. е. всеобщих, взаимосвязей. В случайной смерти человека от черепицы проявляется общая необходимость — каждый человек должен умереть. Но тем не менее эта причина смерти остается случайной. При рассмотрении случайности мы должны учитывать, что случайность отражает отдаленные внешние связи и что необходимость проявляется в случайности. Таким

образом, случайность является формой выражения необходимости.

Энгельс критиковал метафизическое воззрение на взаимоотношения необходимости и случайности, представители которого рассматривали обе категории как взаимно исключающие друг друга. «...Что́ можно подвести под всеобщие законы, то считается необходимым, а чего нельзя подвести, то считается случайным. Легко видеть, что это такого сорта наука, которая выдает за естественное то, что́ она может объяснить, и приписывает сверхъестественным причинам то, что для нее необъяснимо. При этом для существа самого дела совершенно безразлично, назову ли я причину необъяснимых явлений случаем или богом. Оба эти названия являются лишь выражением моего незнания и поэтому не относятся к ве́дению науки. Наука прекращается там, где теряет силу необходимая связь»[1]. Энгельс подчеркивает здесь тесную связь, существующую между необходимостью и случайностью. Случайность нельзя определить как нечто неизвестное, необъяснимое. Правда, наука не в состоянии исследовать все случайности, однако это не означает, что она не в состоянии раскрыть случайность. Она познает случайность, раскрывая заложенную в ее основе необходимость. Поэтому Энгельс указывает, что наука прекращается там, где отсутствует необходимая взаимосвязь.

Энгельс раскрыл также метафизическую сущность представлений механического материализма и подверг критике отрицание им объективной природы случайности. Он рассматривает такие случайности, как число горошин в стручке, длина хвоста у собаки и т. п., и разъясняет, что эти случайности механический детерминизм объясняет лишь с помощью простой непосредственной необходимости, так как это все предусмотрено заранее; далее Энгельс говорит: «С необходимостью этого рода мы тоже еще не выходим за пределы теологического взгляда на природу. Для науки почти безразлично, назовем ли мы это, вместе с Августином и Кальвином, извечным решением божьим, или, вместе с турками, кисметом, или же необходимостью. Ни в одном из этих случаев нет и речи о прослеживании причинной цепи. Поэтому как в том, так и в другом случае мы ничуть не

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 533.

становимся умнее. Так называемая необходимость остается пустой фразой, а вместе с этим и случай остается тем, чем он был»[1].

Таким образом, механико-детерминистское воззрение не объясняет случайности. Вместе с тем оно неправильно трактует объективную всеобщую связь. Его ошибка состоит в том, что оно рассматривает необходимость какого-либо действия лишь с точки зрения каузальных отношений и не учитывает формы связи как осуществления возможности и проявления необходимости в случайности. Критику этих взглядов Энгельс связывает с гегелевской трактовкой необходимости и случайности, которую он рассматривает как отражение объективной диалектики. «В противовес обеим этим концепциям выступает Гегель с совершенно неслыханными до того времени положениями, что случайное имеет некоторое основание, ибо оно случайно, но точно так же и не имеет основания, ибо оно случайно; что случайное необходимо, что необходимость сама определяет себя как случайность и что, с другой стороны, эта случайность есть скорее абсолютная необходимость... Естествознание предпочло просто игнорировать эти положения как парадоксальную игру слов, как противоречащую себе самой бессмыслицу, закоснев теоретически, с одной стороны, в скудоумии вольфовской метафизики, согласно которой нечто является *либо* случайным, *либо* необходимым, но не тем и другим одновременно, а с другой стороны — в едва ли менее скудоумном механическом детерминизме, который на словах отрицает случайность в общем, чтобы на деле признавать ее в каждом отдельном случае»[2].

Тем самым Энгельс показывает различные стороны связи между необходимостью и случайностью.

1 Случайность имеет объективную основу именно вследствие того, что она является случайностью. Это происходит потому, что единство мира состоит в материальности. Все имеет свое основание в материальном мире и не требует сверхъестественного объяснения для своего существования. Это основа детерминистского толкования науки. История науки закрепила и подтвердила это положение. Случайность имеет основание, так как

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 534.
[2] Там же, стр. 535.

она объективно существует. Случайное количество горошин в стручке, случайные увлечения отдельного человека, случайная смерть человека от упавшей черепицы — все имеет свое основание во взаимозависимости, в которой происходит это событие. Случайность обладает общим признаком с другими объективными связями: она имеет основание. Однако случайность также и отличается от других связей.

2 Это отличие нашло свое отражение в тезисе: случайное не имеет основания, так как оно является случайным. Случайное представляет собой отдаленную взаимосвязь различных предметов и явлений. То, что случайное не имеет основания, означает здесь, что мы не можем объяснить случайно встретившиеся явления, рассматривая их в отдельности. Так, основание смерти человека не в черепицах, падающих с крыши, и черепицы падают с крыши не для того, чтобы убивать людей. Факт существования гороха не является основанием для количества горошин в стручке, а факт существования собаки не является основанием, определяющим длину ее хвоста. Таким образом, если случайность существует объективно, она имеет основание, если же она представляет собой отдаленную взаимосвязь предметов, она не имеет основания. Случайно столкнувшиеся события не обосновывают друг друга. Как раз в этом и заложена специфика случайного, связанная с неисчерпаемостью отдаленных взаимосвязей. Эту специфику недостаточно выделяют, когда определяют случайность лишь как точку пересечения двух необходимостей.

3 Случайность необходима. Если случайно встретившиеся события и не обосновывают друг друга, они все-таки являются следствиями определенных причин, осуществлением вполне определенных возможностей. Они проявляются необходимо, т. е. определяются совокупностью условий. Так, появление частицы на экране после прохождения через щель прибора определяется совокупностью условий, которые складываются во взаимозависимости от окружающей среды. Она необходимо появится в определенной точке экрана. Однако ее появление является в то же время одним из случаев, в которых проявляется необходимое разделение луча частиц после отклонения. Случайное проявление определенных человеческих качеств в соединении с определенной

политической позицией человека также необходимо, потому что качества необходимо складываются из врожденных способностей, воспитания, окружающей среды и материальных возможностей. Но необходимо сложившиеся человеческие качества связаны с определенной политической позицией в форме случайности. Случайное необходимо, так как оно является объективной связью. Случайно связанные явления находят свое необходимое обоснование в других тесных прямых связях. При этом случайное в процессе исторического развития может превратиться в необходимое. Случайный обмен товарами в докапиталистических общественных формациях становится необходимым в капиталистическом обществе в условиях товарного производства.

4 Необходимость сама определяет себя как случайность. Гегель в данном случае исходит из определения понятия. Но и в действительности необходимость проявляется через случайность. Это, однако, означает, что случайность надо воспринимать как форму проявления необходимости. Так, необходимость борьбы за мир в капиталистических странах проявляется также в случайном выступлении за мир совершенно определенных лиц. Повышение производительности труда проявляется во многих случайных действиях отдельных людей. Необходимость распределения элементарных частиц на экране может проявиться лишь через случайное возникновение отдельных частиц на экране. Таким образом, необходимость тесно связана со случайностью и проявляется через случайности. Этот тезис, однако, нуждается в разъяснении, которое приведено в пятом тезисе.

5 Случайность является абсолютной необходимостью. Абсолютная необходимость является совокупностью всех связей Вселенной. Совокупность случайных связей бесконечной Вселенной является также совокупностью всех необходимых связей. Если мы станем рассматривать совокупность взаимоотношений, то увидим, что не существует связи, которая была бы случайна во всех взаимоотношениях. Это была бы абсолютная случайность. Абсолютно случайное явление не было бы необходимым ни в каком отношении, не имело бы основания. Однако это было бы нарушением детерминизма, нарушением материального единства мира. Признать существование абсолютной случайности — значит признать

чудо, так как чудо как раз в том и состоит, что оно не имеет естественной причины. Признание абсолютной случайности приводит к раскритикованной Энгельсом ошибке абсолютного разграничения необходимости и случайности.

Эти различные стороны диалектики взаимоотношений необходимости и случайности нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. Абсолютизировать одну сторону означает принять одностороннюю концепцию, раскритикованную Энгельсом. Тот, кто видит только необходимость случайных явлений, кто доказывает, что только они имеют основание, стоит на позиции механического детерминизма. Он сводит случайность к необходимости и тем самым превращает все в случайность. Если он не видит специфики случайности и признает только простую непосредственную необходимость, он не в состоянии научно определить проявление необходимости через случайность. Поэтому представитель механического детерминизма совершает исторически обусловленную ошибку, сводя общую взаимосвязь к механически-каузальным связям. Но заставлять науку исследовать все причинные связи означало бы, как подчеркивает Энгельс, превращать ее в простую игру. С другой стороны, выделение необоснованности случайности, признание абсолютной случайности равнозначно переходу к индетерминизму.

Абсолютно противопоставлять необходимость и случайность — значит отделять случайность от необходимости и тем самым сделать невозможным существование науки. Случайное явление, не имеющее основания, представляет собой чудо. Для своего объяснения оно требует сверхъестественных причин. Так, познание действительной диалектики необходимости и случайности помогает нам лучше понять задачи науки, состоящие в раскрытии законов как всеобщих необходимых связей.

2. Три вида необходимости

Описывая отношение необходимости и случайности, Энгельс высказывает мысли, согласно которым необходимость отождествляется с законом как необходимым осуществлением возможности (динамический закон); при этом он сам указывает на простую непосредственную

необходимость, которую он отличает от закона. Уже упоминавшаяся разработка проблем, связанных со статистическим законом, помогает нам на основе развитых Энгельсом положений об отношении необходимости и случайности точнее определить, что́ мы понимаем под необходимостью. При этом мы различаем три вида необходимости, вытекающие из трех приведенных примеров.

Во-первых, необходимость какого-либо явления можно понять в том случае, если это явление рассматривать как определяемое совокупностью условий. Таким образом, «необходимость» определяется совокупностью условий (включая основную причину). Во-вторых, в объективном законе мы выделяем «всеобщую (закономерную) необходимость», т. е. репродуцирование явлений. В-третьих, Энгельс указал на простую и непосредственную («узкую») необходимость, к которой нельзя сводить случайность. Для исследования положения дел и для разработки диалектических отношений между необходимостью и случайностью при употреблении понятия «необходимость» всегда надо подчеркивать, о каком виде необходимости идет речь.

Возьмем первый вид, относящийся к совокупности условий. В этом случае мы можем все уже происшедшие явления обозначить как необходимые. Так как для будущих явлений условия меняются, то и при обычном разговоре можно заметить, что различие между прошедшими и будущими явлениями строится в зависимости от упомянутых аспектов необходимости. Случайность, которая воспринимается как совокупность неизвестных условий для определенных будущих явлений, на основе этого толкования не относится к уже наступившему явлению. Выдвигается требование вскрыть все стороны последующего явления, чтобы доказать его необходимость. Энгельс критикует это воззрение, так как не все стороны могут быть рассмотрены. Термин «совокупность условий» для научного анализа должен подразделяться на существенные условия, которые мы выделяем из совокупности, так как они являются определяющими для характера процесса, остальные же связи мы не рассматриваем, так как считаем их несущественными [1].

---

[1] Как указано в другом разделе, термин «существенное отношение» можно определить более точно, если принять во внимание дан-

Таким образом, для познания мы должны дифференцировать совокупность условий, так как неисчерпаемая в своих связях Вселенная может быть познана лишь при условии раскрытия каждого из явлений. Только механико-детерминистское мировоззрение, сводящее все объективные системы к элементарной реакции неделимых далее частиц, в состоянии предположить, по меньшей мере в принципе, познаваемость совокупности всех условий для одного явления.

Но против этого мировоззрения выдвигаются вполне оправданные аргументы. Достаточно назвать только неисчерпаемость отношений, подтверждаемую физикой, чтобы опровергнуть концепцию последних неделимых частиц и неподвижной элементарной реакции. Однако следует также указать на относительную самостоятельность систем высших форм движения по сравнению с низшими. Эта концепция необходимости, которая определяет все явления как совокупность условий, принесла пользу в мировоззренческих спорах с идеализмом и индетерминизмом, как подчеркивал еще Энгельс. На ее основе отрицалась детерминация случайности сверхъестественными причинами. Однако при этом должно быть ясное представление о комплексе тех или иных условий.

В результате научного анализа можно лишь в том случае вскрыть этот комплекс, если дифференцировать совокупность условий на существенные и несущественные, необходимые и случайные и т. д. Суть диалектического детерминизма как раз состоит в том, что он, с одной стороны, не признает никаких сверхъестественных причин, а с другой стороны, подчеркивает существование объективной случайности.

Утверждение необходимости какого-либо явления, определяемого совокупностью условий, в диалектико-материалистическом понимании приводит к анализу этой совокупности. Поэтому если мы обозначим появление элементарной частицы на экране после ее прохождения через щель прибора как необходимое, то это может про-

---

ные кибернетической теории систем и понимать «существенные отношения» как такие связи между элементами, частями системы и системами, которые представляют случайное осуществление только содержащихся в законе системы возможностей для поведения элементов, частей системы и целостных систем.

изойти лишь с точки зрения совокупности условий, которые не подлежат физическому анализу. С точки зрения физических законов это явление случайно, т. е. в законе воспринимается не в качестве отдельного явления со всеми его сторонами. Однако закон вскрывает в поведении элементарных частиц общую необходимость, которая характеризуется тем, что определенные отношения при условиях действия закона повторяются в каждом отдельном явлении. Так, максимальные и минимальные отклонения, вычисляемые по уравнению Шредингера, представляют собой составную часть каждого явления, если мы под этим будем понимать не поведение какой-либо отдельной частицы, а поведение проходящего через щель луча при его попадании на экран. Отдельное явление случайно осуществляет одну из возможностей, содержащихся в законе, согласно определенной вероятности.

Существенным во втором виде необходимости является воспроизводимость определенных отношений в явлениях, которая была вскрыта в результате научного анализа и содержится в законе. Поэтому этот закон также выявляет тот факт, что в данном случае речь идет о всеобщей необходимой связи. Мы находим общую необходимость, когда познаем объективные законы. Это позволяет нам делать научные прогнозы о будущих явлениях, позволяет определять их повторяющиеся стороны. Тем самым случайность совсем не исключается, так как ни одна система законов не может охватить отдельное явление со всех его сторон. Однако мы еще вернемся к отношению закона и случайности.

О простой и непосредственной («узкой») необходимости мы говорим в тех случаях, когда какое-либо явление порождается непосредственным действием определенной причины. Очевидно, это только часть всей совокупности каузальных отношений [1].

Существуют явления, такие, как распад атома урана, для объяснения которых найдены законы (в данном случае период полураспада), однако отдельный процесс порождается не одной простой причиной, а сопровождается наличием большого количества отношений. И наоборот, другие явления могут восприниматься как след-

[1] *H. Hörz.* Zum Verhältnis von Kausalität und Determinismus. — «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1963, Heft 2; см. также: «Философские науки», 1970, № 1, стр. 48.

ствия одной определенной причины, причем необходимые следствия этой причины. В случае с человеком, убитым черепицей, можно прямо указать на причину смерти. Этой причиной является воздействие черепицы. Борн поясняет различия между такими явлениями следующим примером:

«Вероятность и статистика уже до этого играли определенную роль в физике — в области явлений, включающих большое число элементов, например в кинетической теории газов. Обычно эти методы рассматривались как временные вспомогательные средства в тех случаях, когда нам не хватало подробного знания частностей. Принималось, что если нам известны в какой-то момент времени положение и скорость всех частиц замкнутой системы, то все будущее развитие данной системы будет полностью определено и мы будем в состоянии предсказать его на основе простых математических расчетов. В известном смысле это соответствовало нашему опыту в области больших тел. Вспомним рассказ о Вильгельме Телле. Перед выстрелом в яблоко Телль обратился с краткой мольбой к небу, в которой он, конечно, просил о том, чтобы его рука была твердой, а глаз точным, веря, что тогда стрела сама найдет свой путь к яблоку. Точно так же рассуждал наш физик, который считал, что электрон или частица α-лучей наверняка поразят любой атом, который он наметил, при условии, если ему удастся достаточно точно направить их в цель; причем он не сомневался в том, что последнее является вопросом практики и будет решаться все лучше и лучше по мере того, как техника эксперимента будет продвигаться вперед. Теперь же, напротив, утверждалось, что само нацеливание можно произвести лишь с ограниченной точностью. Если бы Гесслер приказал Теллю сбить α-частицей с головы своего сына атом водорода и дал бы в его распоряжение вместо лука лучшие лабораторные приборы в мире, то все искусство стрельбы Телля оказалось бы бесполезным: попадание или промах — все зависело бы от случая» [1].

Простая и непосредственная необходимость видна лишь при таких явлениях, в которых действие было неизбежным результатом определенной причины.

---

[1] *М. Борн.* Физика в жизни моего поколения, стр. 53—54.

Попробуем еще раз показать связь трех видов необходимости. Несомненно, в случае смерти человека всегда можно указать на то, что она была необходима, так как определялась совокупностью условий. Тем самым мы выступаем против таких воззрений, которые признают кару божью, нечто имматериальное, демоническое и т. д. Это воззрение, таким образом, служит в качестве аргументации в спорах о правильности мировоззрения; для научного анализа, однако, его необходимо уточнить. Так, при расследовании преступления следует найти простую и непосредственную причину, которая вызвала смерть человека. Будь то яд, пуля или что-либо другое — все это дает указание на обстоятельства дела и смерти. Одновременно существует всеобщая необходимость, согласно которой все люди должны умирать. Однако для анализируемого примера этого мало. Это характерно для медицины, где из всех имеющихся случаев выделяют общенеобходимый, чтобы таким путем подойти к профилактике и лечению болезни. Например, исследование яда грибов приводит к мнению, что употребление в пищу определенных грибов приводит к смерти. В отдельном случае этот закон может привести к раскрытию простой и непосредственной необходимости, если при вскрытии найдут яд грибов. Но смерть человека вообще может быть вызвана большим количеством причин, из которых бывает трудно выделить одну. Здесь подходят все законы, но простую и непосредственную необходимость найти таким путем невозможно.

Ошибка механистического детерминизма состояла, между прочим, в том, что он пытался видеть все явления порожденными простой и непосредственной необходимостью и сводил к ней случайность. Именно это вызвало критику со стороны Энгельса, которая и в наше время отнюдь не утратила своей ценности и актуальности.

3. Закон и случайность

Диалектика необходимости и случайности помогает нам понять связи, существующие в природе и обществе. С одной стороны, она направлена против отрицания объективной случайности, с другой — против признания абсолютной случайности. Оба воззрения не совпадают с на-

шей концепцией и дали бы неправильную ориентацию для научного развития. Отрицание объективной случайности сводит все связи к простой необходимости, не учитывая при этом специфику случайного. Для объяснения какого-либо процесса необходимо было бы исследовать все связанные с ним явления, а это превращало бы науку в игру и уводило бы ее от выполнения действительных задач, которые состоят в поисках законов.

Признание абсолютной случайности равноценно предположению, что существуют явления, которые в принципе не могут быть исследованы наукой. То, что это идеалистическое утверждение неправильно, неоднократно подтверждалось развитием нашего понимания закона. Благодаря этому пониманию стала возможной дифференциация случайности и были найдены связующие звенья между случайным явлением и законом. Отношения закона и случайности можно уточнить с помощью новых научных знаний.

Классики марксизма-ленинизма рассматривали случайность как форму проявления необходимости и разработали вопрос о диалектике необходимости и случайности. Существование различных типов законов ставит перед нами задачу определить их отношение к случайности. Так как Маркс, Энгельс и Ленин не делали различия между динамическими и статистическими законами и, кроме того, рассматривали понятия «необходимость», «сущность» и «закон» как понятия одного порядка, то их слова о соотношении необходимости и случайности можно перенести и на отношения между законом и случайностью. Исходя из этого в философской литературе в прошлом случайность рассматривалась как несущественная связь. При этом в определении не устанавливалась связь с необходимостью. Энгельс в определении случайности как формы проявления необходимости указывает именно на это. Случайность часто рассматривают как внешнюю или второстепенную связь. Однако сегодня этой характеристики недостаточно, поскольку бывают случайности существенные. Возьмем снова в качестве примера поведение элементарных частиц при прохождении через щель. Статистический закон, уравнение Шредингера дают отношение между распределением интенсивности частиц на экране после прохождения щели и движущимися частицами. Содержащаяся в этом воз-

можность для распределения интенсивности необходимо должна осуществиться. Для поведения отдельных частиц существуют, однако, различные возможности, из которых каждая осуществляется случайно. Это случайное осуществление одной из возможностей, содержащихся в законе, приводит нас к до сих пор не исследованному виду случайности. Здесь случайность не является только формой проявления необходимости. В качестве таковой она выступает также при случайном осуществлении какой-либо возможности. Так, элементарная частица может появиться на определенном месте экрана, тем самым случайно осуществится одна из возможностей, содержащихся в законе. Остаются колебания внутри определенного интервала, так как мы не можем определить точкообразное место в качестве итога случайного поведения при случайном осуществлении возможности.

Это случайное поведение можно воспринимать как промежуточную форму проявления закона. Мы не можем больше только противопоставлять друг другу закон или необходимость и случайность, но в случайном осуществлении возможности, содержащейся в законе, мы нашли связующее звено между конкретным процессом и законом, и это поможет нам познать случайность в законе и овладеть ею.

Это воззрение ни в коей мере не отрицает объективности случайности, мы просто лишний раз подчеркиваем диалектику необходимости и случайности. Исследования Энгельса следует сравнить с отношением динамических законов к случайности. Возьмем уже упоминавшийся закон падения в качестве динамического закона, так как в нем содержится возможность для падения какого-либо объекта, которое необходимо должно осуществиться. Колебания относительно тенденции, выраженной в законе, являются случайными. Эта случайность выступает как форма проявления закона, так как объект, несмотря на все колебания, действует по закону. Как только наступают существенные отклонения, условия для действия данного закона прекращаются и вступают в силу другие законы. В этом отношении с учетом конкретного процесса, поведение которого определено динамическим законом, случайность можно рассматривать как несущественную связь.

Но рассмотрим не только такие простые процессы,

как свободное падение тела в условиях, приближенных к вакууму; тогда связующие звенья между законом и процессом будут более интересными и отношения между законом и случайностью нельзя будет ограничить соотношением необходимых и несущественных связей. Так, при капиталистических отношениях научно-техническая революция вызывает безработицу. Здесь необходимо, конечно, принимать во внимание, какие возможности существуют при государственно-монополистическом капитализме, чтобы сократить безработицу за счет оснащения и развития новой промышленности. Если мы теперь рассмотрим случайность как форму проявления закона, то увольнение рабочего «А» было бы случайностью, в которой, однако, проявляется всеобщий закон, а именно необходимая безработица при капитализме. Если остановиться на этом определении случайности, то анализ этого обстоятельства в плане выявления роли случайности был бы закончен.

Общественные отношения, однако, настолько сложны, что обязательно следует найти определенные промежуточные звенья, которые соединяют закон и отдельный случай. Чтобы сделать это возможным, мы рассматриваем закон о безработице не как динамический, а как потенциально статистический закон. Теперь мы должны показать определенные возможности, которые существуют для поведения отдельных людей или групп и которые вытекают из закона. Еще Маркс указывал на различие между отдельными группами резервной армии промышленности: «Относительное перенаселение существует во всевозможных оттенках. К нему принадлежит всякий рабочий, когда он занят наполовину или вовсе не имеет работы. Если оставить в стороне те крупные периодически повторяющиеся формы, которые придает перенаселению смена фаз промышленного цикла, так что оно является то острым — во время кризисов, — то хроническим — во время вялого хода дел, — если оставить в стороне эти формы, то перенаселение всегда имеет три формы: текучую, скрытую и застойную»[1].

Таким образом, Маркс не только устанавливает существование безработицы при капитализме, но и анализирует ее различные формы и условия, при которых она

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 655.

возникает. По поводу первой формы он дает следующее объяснение: «В центрах современной промышленности — фабриках, мануфактурах, металлургических заводах, рудниках и т. д. — рабочие то отталкиваются, то притягиваются в более значительном количестве, так что в общем и целом число занятых увеличивается, хотя в постоянно убывающей пропорции по сравнению с масштабом производства. Перенаселение существует здесь в текучей форме» [1].

Анализируя эту «форму» перенаселения, Маркс указывает на существующую в условиях капитализма практику увольнения старых и приема молодых рабочих. Современная промышленность требует «свободного» рабочего, который после небольшого обучения был бы в состоянии занять другое рабочее место. Капиталистическая промышленность реагирует на это ограничением «свободы» для рабочих в пожилом возрасте, т. е. увольнением их, причем пожилой рабочий, будучи уволен с одного места, вряд ли снова сможет найти работу.

В качестве примера скрытого перенаселения Маркс называет освобождение рабочей силы в результате индустриализации сельского хозяйства, что создает предпосылки для перехода рабочей силы в промышленность городов. Застойная перенаселенность усиливается за счет уволенных рабочих из промышленности и сельского хозяйства и характеризуется максимумом рабочего времени и минимумом заработной платы, что имеет место, например, при кустарной работе на дому.

Мы не станем прослеживать до конца анализ, данный К. Марксом. Из приведенного и так достаточно ясно, что безработица, с необходимостью связанная с капитализмом, выражается в различных формах. Это позволяет также обосновать и наше утверждение. Каждый отдельный безработный принадлежит к определенной группе, которая при капиталистических отношениях представляет собой одну из возможных форм безработицы. При этом шкала возможностей для отдельного рабочего простирается от получения рабочего места через увольнение и новый прием на работу на другом предприятии с той же или более низкой заработной платой до окончательного увольнения. Тем самым необхо-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 655.

димая безработица при капитализме проявляет себя потенциально как статистический закон, который может быть случайным с качественной точки зрения. Для этого надо проанализировать новые условия в государственном монополистическом капитализме, чтобы найти группы, для которых существует очень большая вероятность быть безработными. Подобные исследования имеют серьезное значение также и для борьбы профсоюзов. Так, отдельные профсоюзные организации в некоторых империалистических странах борются не только за сохранение рабочего места, но в своих требованиях учитывают также и научно-техническую революцию, добиваясь от монополий выделения средств на переквалификацию, переезды и т. п. для рабочего, который потерял свое рабочее место, но должен получить новое. Кроме того, профсоюзами выдвигается требование о праве для себя решающего голоса при структурных изменениях в производстве, которые могут привести к увольнениям.

Этот пример показывает, что рассмотрение случайных общественных процессов только как форм проявления необходимости упрощает проблематику. В случайном увольнении отдельного рабочего следует видеть нечто значительно большее, чем только проявление закона о необходимой безработице при капитализме. При определенных условиях определенные группы рабочих увольняются с большей вероятностью, чем другие. Видеть это очень важно для осуществления успешной борьбы рабочего класса за свои права. Увольнение отдельного рабочего воспринимается как случайное осуществление одной из возможностей, содержащихся в законе. Кстати, наше исследование отношения закона и случайности также не дает основания для научного предвидения, когда и какой рабочий будет уволен; требовать этого означало бы подобно механистическому детерминизму отрицать объективную случайность. Но познание качественно определенных вероятностей для случайного осуществления возможностей дает в рассмотренном положении ориентацию для борьбы рабочего класса и его организации.

В то время как случайное осуществление возможностей выявляется в действии самих объективных законов, а диалектика необходимости и случайности опосредствованно проявляется в них, существует также случайность

как форма непосредственного проявления закона. Если уволенный рабочий «А» принадлежит к группе престарелых рабочих, для которых вероятность увольнения наибольшая, то с его увольнением случайно осуществилась одна из возможностей, имевших наибольшую вероятность. Однако может быть уволен также рабочий «В», который принадлежит к группе, обладающей наименьшей вероятностью, но в силу каких-то причин не пользуется симпатией у руководства предприятием. Здесь также случайно осуществлена одна из возможностей, но речь при этом идет не о законе, а об отдельном случае. В нем, конечно, закон находит свое прямое проявление, поскольку отдельный случай является формой проявления закона, однако этот поступок случаен не только в отношении закона, но и в отношении вероятности распределения закона. Здесь можно было бы говорить о случайности второй степени.

Исходя из статистического закона как закона системы, мы получаем для подсистем различных порядков иерархию случайностей, которые мы обозначали случайностями различной степени. Каждая макроструктура какой-либо системы может быть реализована через различные микроструктуры. Так, безработица, необходимая для капиталистической системы, может встретиться в различных формах. Эти отдельные формы образуют уже подсистемы с собственной внутренней структурой. Их элементами являются люди, которые принадлежат к этой форме перенаселения.

Структура, например, при текучей форме перенаселения характеризуется увольнением и новым набором. К случаям первой степени с точки зрения закона о необходимой безработице мы причисляем принадлежность рабочего к определенной форме перенаселения. Случаи второй степени были бы тогда в структуре этих форм обоснованными. Так, ввиду индустриализации сельского хозяйства определенные приемы и процессы человеческого труда больше не употребляются, так как этот труд заменяют машинами. Вытекающее отсюда увольнение рабочего является, с точки зрения закона, уже случаем второй степени. Допустим, что существуют два рабочих с одинаковыми способностями, но увольняется лишь один. Тогда мы имеем дело уже со случаем третьей степени. Подобные исследования можно вести и дальше.

Спрашивается, чего мы достигли этой дифференциацией? Прежде всего, она помогла нам разобраться в противоречиях тех воззрений, которые не хотели делать случайное отношение предметом научных исследований. Она предотвратила также односторонность при изучении объективных связей и заставила искать связующие звенья между законом и действительными процессами. Тем самым она дала правильную ориентацию для научного исследования. При исследовании случайного явления во многих (если не во всех) ситуациях речь идет не о раскрытии динамических законов, которые определяют поведение явления. Это означало бы новым способом сводить случайность к необходимости. При исследовании элементарных частиц, проходящих через щель, нужно было бы описать случайное осуществление одной из возможностей, содержащихся в законе, использовав динамический закон. Тем самым были бы установлены уже не отношения между объектами, а сам объект в его единстве, как отдельный предмет исследования.

Современное развитие науки происходит, однако, не как сведение случайности к необходимости в результате открытия динамических законов для поведения отдельных объектов, а за счет анализа подсистем и учета диалектики закона и случайности. Существование случайностей различной степени указывает на то, что ни одно явление полностью со всех сторон нельзя объяснить исходя из законов. Кто пытается это делать, тот недооценивает роль случайности на любом этапе нашей исследовательской работы. Без сомнения, теория элементарных частиц имеет намерения лучше изучить поведение элементарных частиц. Может быть, это осуществится через познание структуры элементарных частиц, осуществленное на принципиально «более глубоком» уровне, или благодаря открытию основных частиц, или же за счет какого-либо другого экспериментального и теоретического развития. Пока ясно одно: познание новых законов приводит нас к тому же соотношению закона и случайности, которое установлено Марксом и Энгельсом. Конечно, благодаря развитию науки мы получаем также новый материал, который побуждает нас уточнить наше понимание случайности.

В настоящее время случайное осуществление возможностей, содержащееся в законе, для которого может быть

дана качественная или количественная вероятность, проявляется как важнейшая форма случайности для познания.

Случайность как форма проявления необходимости или закона является также исходной точкой для познания закона. Пока закон определяет возможное поведение объектов, которое необходимо осуществляется, а все остальное рассматривается как случайное, мы считаем, что достигли в познании этих объектов лишь сущности первого порядка.

Уже знание того, что вопрос заключается в познании не динамических, а вероятностностатистических законов, характеризует переход к сущности второго порядка. Это знание можно считать подтвержденным в том случае, если определенные группы поведения будут даны как возможные осуществления. Тогда следует произвести определение вероятности, которое подходило бы для одной или другой группы. Характеристика случайной связи как несущественной является уже результатом проведенного анализа. Несомненно, увольнение рабочего «В», который несимпатичен руководству, можно рассматривать как несущественное по сравнению с общественным законом, который определяется через случайное осуществление других возможностей с большой долей вероятности, допустим через увольнение рабочего «А», принадлежащего к группе престарелых рабочих, которые должны быть уволены в первую очередь. Оба увольнения являются случайностями различной степени. Одна является существенной, так как определяет характер всего явления. Другая — несущественной, так как характеризует общественную систему с второстепенной стороны. Это не означает, что она не имеет никакого отношения к общественному строю. Общественные отношения порождают также определенные, типичные для капиталистических отношений свойства характера, как, например, эгоизм и индивидуализм. Но случайности второй степени более удалены от закона, чем случайности первой степени, которые сами содержатся в законе. Таким образом, отдельные явления капитализма могут быть формами проявления законов. Однако они бывают существенными или несущественными, подобно случайностям первой или более высоких степеней.

4. О дифференциации случайностей

Проведенные нами наблюдения привели к выводу о существовании различных видов случайности. Конечно, очень трудно дать одно более общее определение случайности, которое охватывало бы все эти виды.

В конечном счете это определение вытекает из того, что в вопросе о случайности речь идет о явлениях, структура которых не определена законом. При этом случайные явления не существуют вне объективных законов, напротив, они представляют собой комплекс причинных отношений, на основе которых существует система законов. Причем в явлении взаимно переплетаются законы различных степеней и различных областей. Возьмем для примера происшествие на транспорте. Оно является случайным. Его исследование покажет его комплексность. В нем проявляются физические, химические, медицинские, психологические, юридические, общественные и другие законы, которые определяют протекание случайного явления как взаимосвязанной системы, поскольку случайность не существует независимо от закона. Однако она поэтому и является случайностью, что в совокупности своих сторон и моментов не определена законом. Даже в таких примерах, где процесс определяется законом, как, например, свободное падение тела, случайность проявляется в колебаниях по отношению к тенденции, выраженной в законе. Проявление необходимости, закона или системы законов в случайности является формой объективной связи. В этом смысле можно сказать: случайности — это явления или стороны явлений, которые определяются не через существенные, внутренние условия и выступают не как общенеобходимые.

Короче говоря, это означает, что объективные случайности не являются объективными законами. Отсюда следует, что дальнейшие воззрения могут быть получены лишь тогда, когда мы, как это было сделано до сих пор, исследуем отношение закона и случайности, чтобы познать его внутреннюю диалектику. На этой основе возникают различные формы случайности, которые мы частично уже проанализировали и теперь перечисляем их в целях уточнения классификации.

Во-первых, мы различаем внешние и внутренние случайности, которые для поведения системы могут быть

как существенными, так и несущественными. Существенными мы будем называть такие случайности, которые существенно изменяют систему или даже уничтожают ее. Несущественными являются случайности, которые могут быть объединены в процессе действия системы, однако не влияют на ее макроструктуры и ее функцию. Рассмотрим сначала внешние по отношению к системе случайности. К ним относится любой внешний мешающий фактор, который в значительной или незначительной мере влияет на систему.

Здесь следует сказать об относительности нашей дифференциации, так как всегда существует возможность перехода к более полным системам, причем внешние отношения системы становятся внутренними. Для поведения человека, который правильно действует как водитель автомобиля, несоблюдение правил преимущественного проезда другим водителем и происшедшая в результате этого авария являются существенной внешней для системы случайностью, если первый водитель при аварии тяжело пострадал или даже погиб. Для дорожной полиции, которая расследует аварию как комплексную систему, положение водителя становится внутренним для системы отношением, а вся авария в целом имеет характер случайного явления. Одновременно эта авария занимает свое место в статистике несчастных случаев, вследствие чего она становится случайным осуществлением одной из имеющихся возможностей, а частота повторения этой возможности определяет, какие меры следует предпринять. Если бы, однако, неправильное поведение водителя не привело к аварии, то тогда не было бы возможным такое специфическое рассмотрение системы. Водитель был бы просто оштрафован полицией, причем на размер штрафа влияли бы психологические качества полицейского, полученный им опыт и т. п. Для водителя в этом случае дело представлялось бы как несущественная, внешняя для системы случайность. Таким образом, внешние для системы случайности являются незакономерными, мешающими факторами, которые могут существенно или несущественно влиять на поведение системы.

Во-вторых, мы можем дифференцировать внутренние для системы случайности по конкретным формам проявления законов или по случайно осуществившимся воз-

можностям. Причем второй вид определяется тем, что закон указывает вероятность для осуществления случайности. Мы уже наблюдали, что случайность как форма проявления закона в течение дальнейшего познания может оказаться случайным осуществлением какой-либо возможности. Подробно мы это разбирали на примере безработицы при капитализме. При этом случайности по их отношению к закону получили определенную градуировку. Случайности первой степени определяются законом в их вероятности. Для научного исследования важно установить, могут ли быть охвачены законом случайные явления. Поэтому для познания закона важна гипотеза, что при определенных динамически сформулированных законах может идти речь о потенциально статистических законах. Если найдены определенные ошибки возможностей, тогда следует оценить их вероятность. Для решения, связанного с этими законами, это особенно важно. Правильные оценки позволяют нам управлять случайностью, если она существенна. При этом следует учитывать не только наиболее вероятные возможности. Разберем для примера систему материального стимулирования в новой экономической системе в ГДР. Вероятным результатом после ее введения является повышение производительности труда. Однако в отдельных случаях она может быть использована для личного обогащения. Этот маловероятный результат также должен учитываться чтобы связать материальный стимул с моральными движущими силами, которые в принципе ограничивают возможность этого побочного явления.

В-третьих, случайность как форму проявления закона следует либо включить в статистический закон, исследуя ее как группу возможности, либо рассматривать ее как несущественную и поэтому при дальнейших исследованиях не учитывать. Различие того, идет ли речь о неизвестной существенной или о несущественной случайности, не всегда легко установить в исследовании. Очень часто неизвестные случайности толковались как несущественные, и важные открытия ввиду этого были сделаны значительно позже. Вспомним о споре Ленарда и Рентгена. Хотя Ленард работал с той же аппаратурой, что и Рентген, ему не удалось открыть Х-лучи, вследствие чего он напрасно оспаривал приоритет Рентгена. Открытие естественной радиоактивности также было воз-

можным лишь потому, что потемнение фотопластинок в кассетах не было отнесено к несущественной случайности.

Неизвестные случайности, которые продолжают исследоваться, часто приводят к совершенно новому восприятию структуры материи и объективных законов. Исследование же лишь несущественных случайностей, напротив, превратило бы науку в игру. При этом здесь также следует учитывать относительность. Для общественных законов, характеризующих развитие всего общества, как, например, закон о соответствии производительных сил и производственных отношений, поведение одного рабочего на предприятии, выполняющего только свою работу, является случайным в очень высокой степени. Для обстановки на предприятии и для возможного повышения производительности труда это случайное поведение является уже существенным. Ввиду этого экономисты, психологи и т. п. занимаются также проблемой рабочего места. Таким образом, в подсистемах случайное поведение может быть существенным, хотя для общей системы оно представляется как несущественное.

В-четвертых, неизвестную случайность можно снова дифференцировать на существенную или несущественную, которая определяется в законе через вероятность. Это может быть доказано лишь при дальнейшем исследовании. Выше мы уже говорили о том, что неизвестную случайность следует отличать от несущественной. Теперь обратим внимание на то, что только исследование неизвестной случайности показывает, является она несущественной или же существенной. Определение существенной случайности предполагает знание законов системы и вытекающей отсюда градации случайностей. Там, где законов системы не знают (что в исследовании случается очень часто), случайность должна рассматриваться как неизвестная. При этом остается открытым вопрос о том, не идет ли здесь речь о несущественной случайности. Так, случайные проявления загрязненности в эксперименте могут быть несущественными, и тогда их следует просто устранить, иначе они приведут к неправильным выводам. Но они могут также послужить поводом для проведения совершенно новых исследований, как это показывает пример с открытием рентгеновских лучей.

Эта дифференциация случайностей, которую следует

углубить в дальнейших философских исследованиях, показывает, насколько важно и многообразно их научное исследование. Диалектика необходимости и случайности, блестяще раскрытая Энгельсом, распространяется не только на познание отношения закона к конкретным явлениям, но и на сам закон. В статистическом законе возможность поведения системы, которая необходимо осуществляется, противостоит возможностям поведения элементов, которое случайно осуществляется. Однако они не являются независимыми, будучи связаны вероятностными отношениями поведения элементов, вытекающими из закона.

Глава четырнадцатая

Диалектическое превращение необходимости в свободу

Диалектико-материалистическое решение проблемы свободы и необходимости — центральный пункт марксистского философского обоснования исторической необходимости коммунистического преобразования общественных отношений.

Но существует ли философское обоснование коммунизма? Ведь Маркс и Энгельс критиковали модный в Германии в 40-х годах XIX в. «философский коммунизм», адептами которого были, с одной стороны, мелкобуржуазные «истинные социалисты», а с другой — Л. Фейербах. Основоположники марксизма критиковали этих мыслителей за сентиментально-идеалистические декларации о нравственной необходимости коммунизма как «истины сердца», за попытки дедуцировать необходимость коммунизма из природы человека, за отождествление коммунизма с абстрактным гуманизмом, который противополагался борьбе классов, а значит, и освободительному движению пролетариата, т. е. той реальной общественной силе, которая не только объективно, но и субъективно олицетворяет историческую необходимость коммунистического переустройства общества.

Коммунизм, говорил Энгельс, превратился из утопии в науку благодаря двум великим открытиям: учению о происхождении прибавочной стоимости и материалистическому пониманию истории. Объективную необходимость перехода от капиталистического обобщения средств производства (концентрация и централизация капитала) к социалистической собственности и соответствующей ей государственности марксизм, как подчеркивает В. И. Ленин, доказал экономически.

Но понятие объективной исторической необходимости — понятие не экономическое, а философское. Поэтому и обоснование неизбежности социалистического строя предполагает философское учение о закономерной связи социальных явлений, о роли сознательной деятельности людей в процессе исторической детерминации этих явлений. Чем отличается необходимая связь социальных явлений от необходимости в природе? Существует ли историческая необходимость вообще? Не исключает ли объективная детерминация социальных событий возможности исторической самодеятельности, инициативы, выбора? Если сознание индивидов, групп, классов обусловлено общественным бытием, которое независимо от их сознания, то как возможна целесообразная деятельность людей? Ведь последняя предполагает сознательное целеполагание, которое, очевидно, не может совершаться независимо от сознания.

Было бы наивно полагать, что все эти вопросы представляют лишь исторический интерес. Они сохраняют свою актуальность и в наши дни, несмотря на то что обсуждались уже в домарксистской, особенно в немецкой классической, философии. Не удивительно поэтому, что все эти вопросы встали перед Марксом и Энгельсом уже в период формирования их взглядов. Возникновение исторического материализма как учения, согласно которому люди сами создают объективные условия, детерминирующие их образ жизни, и было ответом на эти великие философские вопросы. И если создание исторического материализма — непреходящая заслуга К. Маркса, то разработка марксистского учения о свободе и необходимости в значительной мере является делом его гениального друга и соратника — Ф. Энгельса.

1. Проблема свободы и формирование научно-философского мировоззрения Ф. Энгельса

Уже в первые годы своего идейного становления юноша Энгельс считает проблему свободы коренным мировоззренческим вопросом. В письмах к школьным товарищам братьям Греберам Энгельс вначале выступает как религиозный человек, критикующий пиэтизм с позиций рационализма. Однако последовательно рационалистическое истолкование религии разрушает юношеские иллюзии относительно возможности разумной религии, религии в границах чистого разума. Переходя на позиции атеизма, но еще не порывая с идеализмом, Энгельс начинает осознавать, что религия несовместима не только с разумной интерпретацией мира, но и со свободой. Ведь разум есть свободное от всякого внешнего давления мышление, а свобода тем-то и отличается от произвола, что она разумна. Иное дело религия: она есть отречение от разума и свободы, а значит, и порабощение.

В «Письмах из Вупперталя» (1839 г.) Энгельс, обличая беспощадную эксплуатацию пролетариев благочестивыми фабрикантами, обнаруживает определенное соответствие между смиренной религиозностью эксплуатируемых и материальными условиями их существования, между духовной и, так сказать, физической сивухой: чем тяжелее непосильный, подневольный, калечащий человека труд, чем плотнее пелена угольного чада и пыли, тем больше религиозного рвения и ...пьянства. Несколько позже в шуточной поэме «Библии чудесное избавление...» мы читаем:

> Вот там сапожничек стоит;
> Ему быть набожным грудь впалая велит [1].

В 1840—1842 гг. революционный демократ Энгельс, идеалистически интерпретирующий самосознание человека как единство разума, доброй воли и творческой свободы, вскрывает трагическое противоречие между свободой — этой, по его убеждению, духовной природой человека, и его фактическим порабощением. «Человек родился свободным, он свободен!» [2] — восклицает Энгельс в одном

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 486.
[2] Там же, стр. 304.

из писем к Греберам. Но откуда же в таком случае это противоречие между сущностью и существованием? Разумеется, для ответа на этот вопрос необходимо было отказаться от абстрактного понимания природы человека, как чего-то изначально данного, отчуждаемого, деформируемого историей, от гегелевского эссенциализма и панлогизма, согласно которому разум, свобода и воля субстанциальны и в сущности тождественны. А для этого нужно было — пусть не покажется это парадоксом — все же пройти школу гегелевской философии, освоить диалектику Гегеля, его учение о единстве свободы и необходимости, его историзм. Это было необходимо потому, что в гегелевской философии наряду с идеалистической спекуляцией, панлогизмом и эссенциализмом содержались и предпосылки для их научного преодоления. И Энгельс, как известно, вступил на этот путь, по которому уже шел в эти годы К. Маркс.

Итак, Энгельс начинает свое самостоятельное идейное развитие с убеждения, которое до него уже было высказано Ж.-Ж. Руссо: «Человек рожден свободным, а между тем повсюду он в оковах»[1]. Это значит, что проблема свободы встает перед молодым Энгельсом прежде всего как проблема социально-политическая, гуманистическая и это вполне объясняется революционной ситуацией, складывавшейся в Германии в эти годы. Всякая свобода есть свобода от чего-то, и люди, которые писали и говорили о свободе накануне немецкой буржуазно-демократической революции, хорошо это осознавали. Всякая свобода есть свобода ради чего-то, для той или иной цели, достижение которой представляется желательным или необходимым. И этот аспект свободы имел первостепенное значение в условиях общедемократической борьбы с феодально-монархическим произволом.

Значит ли это, что Энгельса не интересовали в это время, так сказать, чисто философские аспекты проблемы свободы? Как относится воля к воздействиям, которые она испытывает? Может ли воля быть независимой от мотивов, т. е. сама определять свои акты? Свободен ли человек, поступающий согласно своим желаниям, или, говоря иными словами, свободны ли желания, существует ли выбор в этой области? Эти и другие философские во-

[1] *Ж.-Ж. Руссо.* Об общественном договоре. М., 1906, стр. 14.

просы, как мы увидим дальше, стали для Энгельса предметом специального рассмотрения, ибо нельзя быть свободным от чего-либо или для чего-либо, не обладая способностью участвовать в детерминации своей собственной деятельности. Однако существенно подчеркнуть, что исходным для Энгельса в период непосредственно предшествующий буржуазно-демократическим революциям 1848—1849 гг. был политический пафос свободы, пафос борьбы против исторически определенного (феодально-крепостнического) социального гнета. Вопрос о том, свободен или не свободен человек по своей природе, естественно, не мог быть главным, ибо ясно было одно: не природа (в том числе и природа самого человека) порабощает человеческую личность; цепи, которые она влачит на себе, — социальные цепи.

Ж.-Ж. Руссо видел причины порабощения человека человеком в достижениях культуры и цивилизации, на антагонистические противоречия которой он указал одним из первых. Руссо не остановился перед осуждением социального прогресса, который, несмотря на все блага культуры, лишает человеческую личность изначальной свободы. Руссо был диалектиком, но диалектики исторического развития свободы он не постиг. В отличие от великого пропагандиста «натюризма» Энгельс, усвоивший диалектику Гегеля, пришел к выводу, что антагонистический характер социального прогресса не устраняет свободы, а является специфической формой ее поступательного развития. Гегелевская философия истории, писал юноша Энгельс, «как бы вычитана из моей души» [1].

Центральное положение философско-исторического учения Гегеля составляет тезис: история есть развитие понятия свободы. При этом понятие характеризуется как основное определение «абсолютного духа», т. е. его абсолютная творческая мощь [2]. Ссылаясь на это положение,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 330.

[2] Абсолютный дух, который, согласно учению Гегеля, есть «абсолютная идея», преодолевшая свое отчуждение (природу) и воплотившаяся в человечестве, в его истории, представляет собой, таким образом, также человечество в полном объеме его возможного развития. Поэтому молодой Энгельс, подчеркивая, что гегелевская идея бога стала уже и его идеей, тут же разъясняет, что, согласно Гегелю, «человечество и божество по существу тождественны» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 333—335). Ра-

Энгельс подчеркивает его революционный смысл: «Свались, например, на шею какого-нибудь бременского пастора со всей своей силой мысль, что всемирная история есть развитие понятия свободы, — как бы он взвыл»[1].

Феодальное правосознание толковало свободу, вернее, свободы (или права) как привилегии, которые сюзерен «дарует» своим подданным. В этом смысле говорилось о свободе от пошлин, о вольных городах, крестьянах, свободных от личной зависимости, правах ремесленных цехов, корпораций и т. д. Именно об этом писал Гегель: «Когда речь идет о свободе, всегда следует выяснить, не говорят ли собственно о частных интересах»[2]. В противоположность феодальной концепции свободы как особенного права, предоставляемого властью определенным лицам и группам, Гегель трактует свободу как сущность духа и тем самым сущность человека. И если индивидуум не свободен, то это, согласно Гегелю, имеет место потому, что его субстанциальная сущность не стала еще субъективностью, его сознанием, волей[3].

Молодой Энгельс усваивает, а в дальнейшем критически перерабатывает положение Гегеля о субстанциальности свободы, которая, правда, подвергается отчуждению, но лишь постольку, поскольку человек не осознает, не осуществляет своей сущности. С этой точки зрения всемирная история выступает как непреодолимое развитие

зумеется, это не совпадает буквально с точкой зрения Гегеля, а является ее младогегельянской интерпретацией, для которой сам Гегель дал достаточно оснований.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 335.

[2] *Гегель*. Соч., т. VIII, стр. 399.

[3] Так, объясняя происхождение рабства, Гегель доказывает: «Самосознание, *которое предпочитает жизнь свободе*, вступает в отношение *рабства*» (*Гегель*. Введение в философию, стр. 92). Не трудно заметить, что это объяснение воспроизводит античную концепцию, которую обосновывал, например, Аристотель. Однако не следует отождествлять психологическое объяснение рабства, даваемое Аристотелем, объяснение, которое исходит из допущения природной противоположности между рабом и господином, с гегелевским учением, согласно которому человечество лишь постепенно осознает и актуализирует свою сущность (духовность, или свободу), в силу чего неизбежно рушатся не только цепи рабства, но и крепостнические оковы. Поэтому, с точки зрения Гегеля, рабское сознание — исторически преходящий этап в развитии человечества. Гегель доказывает это в «Феноменологии духа» посредством анализа отношения «раб — господин», в котором противоположные стороны постоянно меняются местами.

свободы, прогрессирующее освобождение человеческой личности, которого не могут предотвратить никакие реакционные социальные силы, как бы они ни были могущественны. Субстанция становится субъектом, человеческой субъективностью, актуализирующейся свободой. В этом революционный смысл основной идеи гегелевской философии истории, идеи, которая воодушевляла юного Энгельса. И не столь уж существенно то, что Гегель считал формой актуализации субстанциальной свободы конституционную монархию, которую он истолковал в буржуазно-демократическом духе. Главная гегелевская идея заключала в себе возможность и иных, более революционных выводов, которые и были сделаны Энгельсом.

Гегель не ограничивался доказательством того, что свобода не исключает необходимости, а представляет собой ее познание, осознание. Такая постановка вопроса, зародившаяся в стоицизме, систематически развивалась уже Спинозой. Высоко оценивая ее историческое значение, Гегель, однако, шел дальше: понятие, познание у него — творчески преобразующий наличное бытие процесс, вследствие чего превращение слепой необходимости в осознанную есть, по Гегелю, снятие и тем самым изменение формы необходимости. Суть дела, значит, не сводится к стоицистскому выводу о разумности подчинения познанной необходимости, который при всей своей правильности не раскрывает действительного содержания свободы, и прежде всего свободы выбора. Главное заключается в понимании развития свободы, а это и составляет важнейшее в гегелевской философии истории.

Гегель, как показывает Энгельс в полемике с Шеллингом, раскрывает необходимость свободы, которая поэтому выступает не просто как познание объективного отношения детерминации, но как необходимая и в известной мере определяющая события человеческая деятельность. «Только *та* свобода, — писал Энгельс, — является истинной, которая содержит в себе необходимость; мало того, — которая является истиной, разумностью необходимости» [1]. Слова эти принадлежат мыслителю, стоящему еще на идеалистически-гегельянских позициях, однако воспринимающему самое ценное в гегелевской философии. Поэтому, несмотря на спекулятивно-идеалистический

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 441.

способ изложения, совершенно очевидно, что речь идет о диалектическом «снятии» необходимости, т. е. об овладении ею. А этот процесс имеет своей предпосылкой не просто познание, но вооруженную знанием практику, которая раскрывает многообразие заключающихся в необходимости возможностей, составляющее материальную основу свободного, но детерминированного выбора.

Познание и практика выявляют относительный характер необходимости, т. е. ее зависимость от условий, которые не остаются неизменными и при определенных предпосылках преобразуются самими людьми. Именно это имеет в виду Энгельс, характеризуя свободу как истину необходимости. С этой точки зрения проблема свободы есть в известном смысле проблема необходимости, так как объективная возможность свободы заложена в диалектическом характере необходимости, в том, что она не есть мифическая судьба, абсолютная предетерминация, существующая безотносительно к условиям. Это диалектическое понимание необходимости сочетается в философии Гегеля с признанием божественного провидения, которое заранее все предопределяет. Энгельс освобождает гегелевскую концепцию свободы от теологических ингредиентов. Благодаря этому полностью выявляется отличие гегелевского понимания свободы как познанной необходимости от стоицистского и спинозистского. Энгельс подчеркивает, таким образом, необходимость исторического рассмотрения проблемы свободы, ссылаясь в этой связи на «Философию истории» Гегеля. Очевидно, поэтому, не упоминая стоиков, Спинозу и других предшественников Гегеля, Энгельс говорит: «Гегель первый правильно представил соотношение свободы и необходимости» [1]. Гегель, который в критике предшествующей философии обычно занимал более реалистическую позицию, чем в обосновании собственных воззрений, правильно отмечал, что античный стоицизм истолковывал свободу как приспособление к неумолимой необходимости и тем сводил ее лишь к свободе самосознания, мышления, духа. Однако и самому Гегелю было присуще такое понимание свободы, неразрывно связанное с идеализмом.

Маркс и Энгельс отвергли эту мистификацию мыш-

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 116. См. о концепции Гегеля «Философские науки», 1970, № 1, стр. 46—47.

ления и познания вообще. Но они высоко оценили то, что Гегель включил в процесс познания практику, несмотря на то что последняя оказывается в гегелевском учении лишь интеллектуальной активностью мышления, полагающего себя как воля. Столь же высоко оценили основоположники марксизма гегелевский историзм, значение которого особенно очевидно в исследовании отношения свобода — необходимость. Понимание исторического характера необходимости, господствующей в обществе, так же как рассмотрение исторического процесса становления и развития свободы, имплицитно уже содержалось в гегелевском историзме, несмотря на неизбежное для учения Гегеля сведение исторического к логическому, которое, впрочем, также таило в себе гениальную (и тоже мистифицированную) интуицию истины.

Исторический подход к проблеме свободы и необходимости указывал единственно возможный выход из тупика, в который зашла веками длившаяся дискуссия о свободе воли. Сторонники учения о свободе воли, обычно склонявшиеся к индетерминизму (поскольку они допускали, что воля независима от мотивов), и противники этой концепции метафизически противополагали друг другу человеческие действия и мотивы, не замечая диалектического взаимодействия между теми и другими, отделяли волю от человека как некую автономную человеческую способность, рассуждали о том, на что способна воля, отвлекаясь от многообразной человеческой деятельности, от практики, благодаря которой человек, собственно, и является человеком. Типичным примером такой несостоятельной постановки проблемы может быть характерный для большинства домарксовских философов способ обсуждения вопроса о том, можем ли мы по своему желанию (которое обычно отождествлялось с произволом) поднять, скажем, правую или левую руку. При этом обычно допускалось, что произвольные действия независимы от мотивов, т. е. индетерминированы, что, конечно, далеко не так, поскольку и желание является мотивом, не говоря уже о том, что желаемые действия истолковывались так, будто бы их причиной является сама воля, т. е. то, что в известном смысле также является желанием, стремлением.

Абстракция свободы воли оказывалась столь же несостоятельной, как и абстракция несвободной воли, так

как и в том и в другом случае упускался из виду действующий, производящий человек, и притом не Робинзон, а общественное существо, поступки которого связаны с поведением других индивидов в обществе, представляющем собой продукт взаимодействия индивидов.

Следует отметить, что даже Гегель, который благодаря диалектике стоял на голову выше своих предшественников, не сумел вполне отрешиться от этой недостаточно содержательной постановки вопроса о свободе. «Свобода воли, — писал он, — есть свобода вообще, а все остальные *свободы* являются только видами ее»[1]. Такими видами свободы воли Гегель считал свободу слова, свободу печати, свободу совести и т. д. Не приходится доказывать, что такая постановка вопроса носила прогрессивный характер в условиях феодальной Германии; буржуазно-демократические свободы провозглашались естественными, субстанциальными определениями «субъективного духа», т. е. человеческой личности. Но Гегель не мог объяснить противоречие, которое он сам констатировал. Если свобода воли образует атрибутивное определение человеческой сущности, то почему свобода слова, свобода печати, свобода совести не носят атрибутивного характера? Гегелевский историзм носил слишком абстрактный характер, и это, конечно, мешало пониманию развития свободы как действительного исторического процесса, основу которого составляет не духовное, а материальное производство.

Гегель характеризует свободу воли как субстанциальную предпосылку индивидуальной человеческой деятельности. Он не отрицает детерминированности волевых актов, подчеркивая, что произвол отличается от свободы воли лишь тем, что в нем воля определяется случайными, несущественными, чисто субъективными мотивами. В чем же в таком случае заключается пресловутая свобода воли, если воля детерминируется мотивами? В том, разъясняет Гегель, что воля подчиняется закону, который она, воля, сама себе дает. Но никакая индивидуальная воля не устанавливает законов. Последние представляют собой социальные установления, и Гегель хорошо знал истину, провозглашенную Руссо: всеобщая воля (la volonté générale) не является волей всех (la

[1] *Гегель.* Введение в философию, стр. 34.

volonté de tous). Проблема оказывается, таким образом, в силу идеалистического исходного пункта, не только не решенной, но и неправильно поставленной.

Если подытожить эти рассуждения Гегеля, то смысл их заключается в рационалистическом убеждении, что человек есть разумное и тем самым свободное существо. Онтологизация мышления с неизбежностью влечет за собой превращение свободы в изначальную, онтологическую характеристику человеческой природы и сущности духовного вообще. Мы увидим дальше, что и эта идеалистическая постановка вопроса содержит в себе рациональное зерно. Однако изначальная онтологическая свобода не указывает пути к объяснению реальной несвободы человека в качестве раба или крепостного или даже формально свободного члена «гражданского» (bürgerliche) общества.

Если свобода, как и разумное вообще, образует субстанцию человеческого, то как возможно отчуждение свободы? Гегелевская спекулятивно-идеалистическая концепция всемирно-исторического развития свободы не дает ответа на этот вопрос. Ей не хватает анализа социального содержания процесса развития общественного производства, вследствие чего она оказывается искусственной, непригодной для объяснения эмпирической истории человечества, в особенности истории классового общества, эксплуатации, угнетения.

Создание марксизма было единственно возможным научным ответом на великие вопросы, поставленные философией Гегеля. Диалектико-материалистическая концепция общественной практики как совокупной и в то же время индивидуальной человеческой деятельности раскрывает материально, исторически обусловленное единство свободы и необходимости и тем самым выявляет несостоятельность и идеалистической и метафизической концепции свободы. Марксистский анализ объективной необходимости в природе, обществе и индивидуальном человеческом существовании позволил вскрыть действительное содержание свободы — индивидуальной и социальной — и показать, как оно развивается в ходе истории.

Маркс и Энгельс отвергли вместе с идеализмом и гегелевскую субстанциализацию свободы. Перерабатывая диалектику Гегеля и антропологический материализм

Л. Фейербаха, они уже в 1844 г. формулируют отправные положения своего философского учения, которое в известном смысле может быть названо философией необходимости и свободы. Материалистическое понимание истории позволяет им преодолеть не только гегелевскую концепцию отчужденной природы, противостоящей человеческой духовности, но и руссоистский постулат Фейербаха относительно изначального естественного единства человека и природы: согласно этому натуралистическому допущению, отчуждение природы от человека существует лишь в религиозно-идеалистическом воображении. С точки зрения Маркса и Энгельса, нет, конечно, извечно отчужденной от духа природы, но отчуждение природы (так же как отчуждение человеческой деятельности и ее продуктов) существует как неизбежное выражение антагонистических производственных отношений внутри единства человека и природы. Такая постановка вопроса была недоступна не только Фейербаху, но и Гегелю.

Марксизм доказал, что единство человека и природы состоит не просто в единстве заключающейся в них субстанции, не в гармонии человеческой сущности с природными условиями ее существования, а в материальном производстве. Антагонистическая форма развития производства порождает не только отчуждение продукта труда от производителя (так же как и отчуждение самой трудовой деятельности), но и отчуждение природы, которое представляет собой, таким образом, не религиозную или идеалистическую иллюзию, а действительное исторически преходящее общественное отношение, мистифицируемое религией и идеализмом. Источник отчуждения природы — отчуждение труда, неразвитость «сущностных сил» человечества, его производительных сил и, как следствие этого, частнособственнические производственные отношения, порабощающие формы общественного разделения труда. С этой точки зрения человеческая несвобода, так же как и человеческая свобода, имеет историческое происхождение и содержание, ибо внутри противоречивого единства человека и природы, т. е. в рамках исторически развивающегося общественного производства происходит развитие и свободы, и несвободы. Исследовать это отношение в свете объективных закономерностей развития общественного производства,

освободительной борьбы трудящихся, объективной необходимости коммунистического преобразования общественных отношений — возвышенная и благородная задача, решению которой постоянно посвящал свои творческие усилия Ф. Энгельс.

2. Диалектическое понимание необходимости и основные аспекты свободы

Итак, научное понимание свободы имеет в качестве своей теоретической основы диалектико-материалистическую концепцию необходимости, согласно которой необходимость так же многообразна, как и сама действительность. Недаром Гегель, отличая действительность от простого существования, доказывал, что действительность в своем развитии являет себя как необходимость. С этой точки зрения свобода, поскольку это действительная свобода, есть также необходимость. Материалистическая диалектика отвергает однозначное определение и свободы, и необходимости. Диалектика свободы несовместима с метафизикой необходимости. Свобода возможна и как признание, и как отрицание необходимости, но, конечно, определенной необходимости, а не необходимости вообще.

В домарксистской философии (и в известной мере также в естествознании) господствовала метафизическая концепция необходимости, которую не вполне преодолел и Гегель. Эта концепция исторически сложилась на почве наблюдения, как казалось, неизменно повторяющихся явлений: смены времен года, дня и ночи, видимого движения планет, рождения и смерти живых существ и т. д. Убеждение относительно тождества событий настоящего и прошлого получило фантастическое выражение в религиозных представлениях о судьбе, которые в своей секуляризированной форме бессознательно воспринимались не только метафизическими материалистами, но и механистическим естествознанием. Античные мыслители обнаруживали замечательную философскую интуицию, когда они ставили вопрос не о свободе воли, а о том, существует ли предопределение (судьба), ибо, если абсолютная предетерминация является фактом, никакая свобода невозможна.

Средневековые философы, пытавшиеся сочетать христианский догмат о предопределении с догматом свободы воли, неизбежно впадали в неразрешимые противоречия. Абсолютная, т. е. недетерминируемая условиями, необходимость и абсолютная, т. е. независимая от мотивов, воля оказались не только несовместимыми, но и опровергающими друг друга ненаучными представлениями. Материалисты XVII—XVIII вв. остроумно вскрыли это противоречие, но разрешить его не смогли. Их аргументы против индетерминистической концепции свободы воли не утеряли своего научного смысла и в наши дни, однако их понимание необходимости отличалось от схоластического лишь своей натуралистической аргументацией. Не следует, конечно, недооценивать исторического значения этой натуралистической метафизически-материалистической интерпретации детерминизма, однако очевидно, что она исключала возможность научной разработки философского понимания свободы и обрекала тогдашнюю материалистическую философию на фаталистические выводы [1].

В трудах Энгельса мы находим глубокий и обстоятельный анализ многообразных форм необходимой связи явлений. Определяя диалектику как науку о связи явлений, Энгельс вычленяет различные типы взаимосвязи, взаимозависимости, одной из которых является причинность. Метафизическое отождествление необходимости с причинностью оказывается, таким образом, несостоятельным, так как случайное и возможное также имеют причины, хотя и не носят необходимого характера. Однако необходимость связана со случайным, возможным, так же как и с закономерностью, с условиями, движением, изменением. Многообразие законов проявляется, в частности, в том, что действие одного закона может быть сведено на нет действием другого закона, вследствие чего противоположные тенденции, несовместимые процессы, изменения, совершающиеся в разных направлениях, одинаково закономерны, т. е. являются следствиями определенных законов и необходимых связей, которые вследствие изменяющихся условий теряют свою необходимость. Возможное становится действительным, случайное — необходимым и наоборот.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 534.

Многообразие форм детерминации проявляется как в пространстве, так и во времени: имеются необходимые отношения между одновременно существующими явлениями, между явлениями прошлого и настоящего, настоящего и будущего. Метафизически мыслящие философы упрощали эти отношения, так как они представляли дело таким образом, будто прошлое состояние определяет настоящее, а настоящее — будущее. Такая интерпретация причинности оказывалась неточной и в сущности ненаучной, так как прошлое во всей совокупности составляющих его моментов не есть причина, а настоящее не может, конечно, рассматриваться только как следствие прошлого, т. е. безотносительно к образующим его и действующим в нем условиям и силам.

Многообразие типов объективной детерминации, качественное отличие необходимой связи социальных явлений от природной необходимости, специфика процесса детерминации человеческих действий, в которой кроме обычного для всякого взаимодействия множества факторов участвует прежде всего такая существенная сила, как субъект этих действий, независимо от того, сознает ли он факт своего участия, — все это выявляет множество тенденций, возможностей, направленностей, которые образуют одну из основ сознательной избирательной деятельности человека.

Диалектико-материалистическое понимание противоречивого многообразия процессов детерминации, разработанное Энгельсом, позволяет научно объяснить и такое, особенно существенное отношение, как зависимость человека от природы. Оказывается, эта зависимость, которая на первый взгляд представляется внеисторической, в действительности связана с зависимостью человека от человека, с зависимостью общества от условий, которые частью созданы предшествующими поколениями, частью — ныне живущими людьми. «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, — писал Энгельс, — а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека, — два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое боль-

шее в нашем представлении, отнюдь не в действительности»[1].

Воображаемая независимость человека от законов природы — идеалистическая иллюзия, порождаемая отчуждением природы. В действительности, как показывает Энгельс, основой господства человека над природой является его зависимость от нее, которая благодаря познанию и практической деятельности трансформируется в пространственно-ограниченное, но постоянно расширяющееся отношение взаимозависимости, в границах которого и имеет место господство человека над природой.

Энгельс в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» материалистически разрабатывает положение, которое провозгласил, но вместе с тем идеалистически мистифицировал и абсолютизировал Гегель. Свобода как исторически развивающаяся способность овладевать стихийными силами природы (в том числе и своей собственной природы) действительно составляет коренное отличие человека от животного, которое лишь приспосабливается к природе. У Гегеля идея свободы как сущности человека является секуляризированной формой христианского представления о боге, наделившем созданного им человека свободной волей. Энгельс же вопреки христианскому воззрению и его идеалистической интерпретации подчеркивает, что свобода — продукт общественного развития. «Первые выделявшиеся из животного царства люди были во всем существенном так же несвободны, как и сами животные; но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе»[2]. Такая историко-материалистическая постановка проблемы демистифицирует понятие свободы и обосновывает атеистическое мировоззрение, согласно которому человечество благодаря своей собственной деятельности становится властелином природы. Вместе с тем Энгельс подчеркивает, что становление свободы неразрывно связано со становлением человека: ведь уже добывание огня трением «впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства»[3].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 116.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 117.

Мы видим, как на место спекулятивно-идеалистической концепции субстанциальности свободы Энгельс ставит материалистическое понимание свободы как целесообразного преобразования природы, причем эта свобода может быть измерена, т. е. определена, не только качественно, но и количественно.

Разумеется, идеалистическое понимание свободы как изначального, онтологического статуса человеческой личности, как «инициативы бытия» исключает возможность конкретного уяснения меры необходимости, степени свободы. Только философия марксизма, конкретно определяющая основные аспекты, направления, измерения свободы, позволяет путем специального исследования выявлять степень свободы, соответствующую данной ситуации. Человеческий индивид, который вместе с другими индивидами благодаря определенным общественным отношениям уже в первобытнообщинном строе овладевает отдельными силами природы, начинает тем самым господствовать и над самим собой. Загадка так называемой свободы воли есть прежде всего социологическая загадка, которая решается путем исследования той деятельности, благодаря которой происходит антропологическое становление и развитие человека. Это не значит, что мы недооцениваем значение исследований физиологического и психологического механизма волевых актов: исследования И. М. Сеченова, а в последнее время П. К. Анохина исключают такого рода недооценку.

Однако суть дела заключается в том, что физиологические и психологические исследования имеют своим предметом исторически сложившегося человеческого индивида, а не его историю и предысторию. Между тем именно доисторическая эпоха, несмотря на всю ограниченность сведений, которыми мы о ней располагаем, позволяет представить становление способности свободы. Вообразите себе нашего первобытного предка, который пользуясь чрезвычайно примитивными орудиями труда, в течение многих и многих часов обтесывает, заостряет, шлифует камень, сверлит в нем отверстие с целью изготовить каменный топор. Сколько же нужно упорства, терпения, настойчивости, целеустремленности, сосредоточенности, чтобы сделать каменный топор! Едва ли современный человек смог бы совершить такую работу. Впрочем, мы не хотим этим сказать, что у современного

человека менее развита способность господствовать над самим собой; к этому примеру мы вернемся ниже.

Характеризуя процесс труда, Маркс указывает, что цель, которую ставит перед собой человек, «как закон определяет способ и характер его действий», и именно своей цели человек подчиняет свою волю. «И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил» [1].

Эта характеристика сознательной и целесообразной практической деятельности как необходимого отношения между целью, средствами и действиями помогает глубже понять свободу как динамическое «телеологическое» отношение, представляющее собой единство детерминации и самодетерминации. Власть над природой есть управление природными процессами, подчинение их определенным целям. Там, где нет цели, нет и свободы, и уже классики немецкой философии доказали, что свобода есть отрицания произвола, хотя она не есть отрицание возможности выбора [2]. Это в особенности очевидно, если речь идет о свободе как господстве над самим собой, в котором отрицание произвола является определенным выбором, обоснованным решением.

Подчинение природных процессов и самой человеческой деятельности решению осмысленных, обоснованных задач предполагает изменение предметов или отно-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 189.

[2] Прав был поэтому Гегель, отвергая субъективистскую концепцию свободы как произвола: «Когда мы слышим, что свобода состоит вообще *в возможности делать все, чего хотят,* то мы можем признать такое представление полным отсутствием культуры мысли; в этом представлении еще нет ни малейшего даже намека понимания того, что такое есть в себе и для себя свободная воля, право, нравственность и т. п.» (*Гегель,* т. VII. М.—Л., 1934, стр. 44). Произвол, по Гегелю, есть детерминация действий случайными мотивами, которые не осознаются как необходимые, из чего проистекает иллюзия неограниченной свободы. В действительности же это лишь видимость свободы, которая не имеет ничего общего с осознанным выбором, способствующим достижению поставленной цели.

шений между ними, так же как и направленной на них деятельности: свобода не может быть реализована без вмешательства в «естественный» ход событий с целью его изменения, ускорения, замедления, предотвращения и т. п. Однако это вмешательство, чтобы быть результативным, должно опираться на закономерности, вызывающие действия, в которых заинтересован человек, осуществляющий свою цель.

Аристотелевская классификация причин, в которой наряду с материальной и формальной причинами имеются также причина действующая и причина целевая, заключает в себе, как нам представляется, глубокую догадку относительно характера человеческой деятельности как единства идеального и материального, субъективного и объективного, свободы и необходимости. Ошибка Аристотеля заключалась в том, что он приписал природе, универсуму отношения, свойственные человеческой деятельности. Но было бы заблуждением отрицать на этом основании действительность телеологического отношения как отношения между человеком и предметами, которые он применяет как средства для осуществления своей цели. Столь же ошибочно было бы отрицать тот факт, что в этой деятельности идеальное превращается в материальное, поскольку осуществление намеченных изменений, достижение поставленной цели есть объективация человеческой деятельности. Таким образом, не только causa materialis, но и causa finalis включаются в ту специфическую форму необходимости, которая получает свое выражение в сознательной и целесообразной человеческой деятельности.

Кант и Гегель утверждали, что воля свободна, поскольку она сама себе дает закон и действует в согласии со своим законом. Это была абстрактная постановка вопроса, поскольку из рассмотрения исключалась та самая деятельность, в которой цель подобно закону определяет волю. В марксовом понимании процесса труда, напротив, выявляется реальное содержание свободного действия, которое лишь смутно угадывается в спекулятивно-идеалистической постановке вопроса у Канта и Гегеля.

В домарксовской философии рассматривался главным образом один, а именно личностный аспект свободы, т. е. власть индивида над самим собой, которая интерпретировалась как способность разумно контролировать, по-

давлять или облагораживать аффекты, подчинять их разуму, разумным целям. Но откуда черпает индивид силы для господства над самим собой, над своей природой, которая существует независимо от его сознания и воли и в сущности превосходит его способность подчинять себя самому себе? Многие мыслители даже не осознавали этой объективности человеческой природы и наивно представляли дело так, будто воля автономна и как бы держит весы, принимая решение в соответствии с тем, какая чаша весов (сумма мотивов) перетянет. Кант первый указал на субъективистский характер такой постановки вопроса, на несостоятельность истолкования психологической детерминации как свободы. Добровольный поступок, разъяснял Кант, не является еще в силу этого своего качества свободным поступком. Отрицание необходимой (принудительной) связи психических актов — это, писал Кант, всего лишь «жалкая уловка», к которой, заметим, прибегал и «докритический» Кант.

Ставя вопрос, откуда черпает человеческая личность способность «держать» весы, взвешивать мотивы, быть, так сказать, независимой от самой себя, быть сильнее самой себя — своих стремлений, страстей, потребностей, — Кант обосновывает необходимость категорического императива, т. е. независимого от аффектов сверхличного начала в нравственном сознании личности. Кант заявлял, что у воли, без сомнения, должны быть мотивы, но этими мотивами может быть только сам ничем не обусловленный моральный закон.

Кант совершенно прав, когда он указывает на не индивидуальный, а социальный источник власти индивида над самим собой. Но поскольку не существует социального a priori, кантовский категорический императив является в лучшем случае лишь смутным предвосхищением закономерности, которую впоследствии открыл исторический материализм. Эту закономерность классически сформулировал Энгельс, показавший, что господство человека над самим собой и господство человечества над внешней природой в сущности лишь две стороны единого, правда, весьма противоречивого процесса, в котором изменение внешней природы оказывается вместе с тем изменением и человеческой природы.

Таким образом, действительная власть человека над самим собой, его способность к самоопределению (и в том

числе к самопреобразованию, саморазвитию) неразрывно связана с тем, что силы природы, которыми овладевают люди, становятся человеческими силами, конечно, не непосредственно, а опосредованно благодаря развитию производительных сил, а значит, и самого человека, который и есть главная производительная сила. Таким образом, единство человека и природы, индивида и общества персонифицируется, т. е. проявляется как способность индивида управлять самим собой в границах, обусловленных уровнем развития общества. Поэтому с точки зрения всемирной истории человечество создает не только «вторую природу», т. е. внешние материальные условия своего существования, но и «вторую природу» человека. В этом смысле человеческая природа — дело рук человеческих, но, конечно, не просто осуществление проекта человеческого индивида, как это представляется экзистенциалисту, утверждающему, что экзистенция выбирает и тем самым творит свою сущность.

Человеческий индивид лишь как общественное существо и лишь в той мере, в какой он ассимилировал достижения социального прогресса, способен так или иначе направлять свои действия, осуществлять более или менее значительные цели, независимо от того, достаточны ли для этого его индивидуальные усилия или же необходимы объединенные действия многих индивидов. При этом, разумеется, и сфера господства человека над самим собой не остается неизменной: она постоянно расширяется благодаря возникновению новых потребностей, новых предметов, отношений. И если выше мы говорили о том, что современный человек едва ли смог бы повторить трудовой подвиг своего первобытного предка, т. е. сделать каменный топор теми же первобытными средствами, то теперь следует подчеркнуть, что благодаря развитию многообразных потребностей и столь же многообразных способов их удовлетворения — потребностей материальных, духовных, экономических, эстетических и т. д. — современный человек в несравненно большей мере, чем его предки, обладает способностью господствовать над самим собой.

Реализация этой способности есть процесс объективации субъективного и ассимиляции объективного — единство знания и практики, субъективного и объективного, свободы и необходимости. «Свобода воли, — указывает

Энгельс, — означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, чем *свободнее* суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей *необходимостью* будет определяться содержание этого суждения; тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз и должна была бы подчинить себе» [1].

Разумеется, это положение вовсе не означает, что Энгельс придерживается пресловутой концепции свободы воли. Напротив, он разоблачает иллюзию, призрачное сознание независимости воли от мотивов, в особенности когда эти мотивы незначительны или равноценны. Принимать решение со знанием дела — значит руководствоваться осознаваемой необходимостью, учитывать мотивы, отделяя существенные от несущественных, сознавая возможные или неизбежные последствия своих еще несовершенных поступков или непредпринятых действий. Энгельс говорит в этой связи о *свободе суждения*, поскольку осмысление мотивов, целей, средств, действий и т. д. составляет важнейшие предпосылки сознательных и целесообразных действий. Однако свободно судить, поступать со знанием дела человеческий индивид, как говорилось уже выше, может именно потому, что его индивидуальная способность к свободе социальна и благодаря этому есть нечто большее, чем просто индивидуальное, единичное, только мое. Этого не могли понять ни сторонники индетерминизма, ни их противники вследствие метафизического истолкования необходимости. Между тем социальность индивидуального, т. е. то, что может быть также названо «второй природой» человека, и есть основа той относительной независимости воли от мотивов, которую абсолютизирует индетерминист, забывая о том, что моя воля есть также социальный факт, поскольку сущность человека — совокупность общественных отношений, например рабовладельческих или феодальных, буржуазных или социалистических. Было бы наивно полагать, что это одна и та же сущность. Сущность изменяется, но ан-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 116.

тропологическая природа человека, в общем одинаковая на всех этапах его истории, затушевывает изменение социальной сущности человека.

3. Противоречия процесса превращения необходимости в свободу

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс подвергают критике идеалистическую концепцию свободы как самоопределения духа, избавление его от внешней действительности. В противовес убеждению, согласно которому степень свободы, достигаемой людьми, определяется их представлениями, идеалами, понятиями, основоположники марксизма указывают: «В действительности же дело происходило, конечно, таким образом, что люди завоевывали себе свободу всякий раз постольку, поскольку это диктовалось им и допускалось не их идеалом человека, а существующими производительными силами. В основе всех происходивших до сих пор завоеваний свободы лежали, однако, ограниченные производительные силы; обусловленное этими производительными силами, недостаточное для всего общества производство делало возможным развитие лишь в том виде, что одни лица удовлетворяли свои потребности за счет других...»[1]

Это положение, с одной стороны, указывает на материальную основу развития свободы, основу, которая создается самими людьми, но не по произволу, а благодаря развитию унаследованных производительных сил. Мы видим, таким образом, что эта материальная основа свободы сама представляет собой единство свободы и необходимости. С другой стороны, Маркс и Энгельс вскрывают антагонистический характер процесса развития, свободы в классовом обществе, где освобождение человека от господства стихийных сил природы неотделимо от его порабощения стихийными силами социального развития. «Так как основой цивилизации, — говорит Энгельс, — служит эксплуатация одного класса другим, то все ее развитие совершается в постоянном противоречии. Всякий шаг вперед в производстве означает одновременно

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 433.

шаг назад в положении угнетенного класса, то есть огромного большинства. Всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса — новым угнетением для другого»[1].

Анализ антагонистической формы исторического превращения необходимости в свободу открывает новое, важнейшее ее измерение, о существовании которого по существу не догадывались представители домарксовской философии: господство над общественными отношениями. Характеризуя капиталистическое общество, Энгельс указывает, что ему органически присуще противоречие между планомерной организацией производства на каждом отдельном предприятии и анархией производства в масштабе всей страны. Межличностные отношения внутри капиталистического предприятия — также социальные отношения, правда, непосредственно связанные с технико-технологическим процессом. Эта связь, вытекающая из природы крупного общественного производства, и делает возможной сознательную организацию общественных отношений в рамках отдельного капиталистического предприятия или объединения ряда предприятий в трестах, концернах и т. д. Но это нисколько не ослабляет указанного Энгельсом противоречия: капиталистические отношения в масштабах страны складываются стихийно, они господствуют над людьми, порабощают трудящиеся массы, являются стихийными социальными силами. Это значит, что при капитализме не существует такого существеннейшего аспекта социальной свободы, как господство людей над общественными отношениями. Этот аспект свободы в условиях буржуазного общества выявляет себя лишь как историческая перспектива, которая становится очевидной с позиций научно-революционного отрицания капитализма.

Но там, где нет господства над общественными отношениями, господство человека над самим собой, так же как и его власть над природой, неизбежно деформируется и тем самым постоянно превращается в новые, модифицированные формы принуждения. Труд, в процессе которого человек управляет самим собой, формирует себя как личность, есть вместе с тем деятельность, ограничивающая его способности, подавляющая многообразие его

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 177.

жизнедеятельности, калечащая его. Цель, осуществляемая человеком в процессе отчужденного труда, становится отчужденной целью труда, а его воля, которая как закон определяет его деятельность, оказывается отчужденной волей. Не удивительно поэтому, что труд, посредством которого человек утверждает себя как личность, как творческое и в этом смысле свободное существо, поскольку он оказывается отчуждением многообразных «непроизводительных» способностей и потребностей, становится деятельностью, от которой обычно стремятся избавиться, переложить ее на других и т. д. Сфера господства человека над собой оказывается областью, где над ним господствуют другие люди или нечто нечеловеческое, хотя и созданное людьми.

Аналогичным образом деформируется, приобретая характер антагонистического отношения, и господство человека над природой. Говоря о хищнической капиталистической эксплуатации природы, Энгельс подчеркивает: «При теперешнем способе производства как в отношении естественных, так и в отношении общественных последствий человеческих действий принимается в расчет главным образом только первый, наиболее очевидный результат. И при этом еще удивляются тому, что более отдаленные последствия тех действий, которые направлены на достижение этого результата, оказываются совершенно иными, по большей части совершенно противоположными ему...» [1]

Процесс антагонистического развития общества, усиливая господство общественных отношений над людьми, закономерно превращает тем самым и достигнутую свободу в новое средство порабощения личности. Таков, например, переход от рабства к крепостничеству, а от последнего — к «свободному», т. е. наемному, капиталистическому труду. Уничтожение личной зависимости оказывается, следовательно, новым порабощением, которое было невозможно в докапиталистических формациях. Это-то и имеют в виду Маркс и Энгельс, когда они пишут: «Именно *рабство гражданского общества* по своей *видимости* есть величайшая *свобода*, потому что оно кажется завершенной формой *независимости* индивидуума, который принимает необузданное, не связанное больше

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 499.

ни общими узами, ни человеком, движение своих отчужденных жизненных элементов, как, например, собственности, промышленности, религии и т. д., за свою *собственную* свободу, между тем как оно, наоборот, представляет собой его завершенное рабство и полную противоположность человечности» [1].

Итак, капитализм в ходе своего развития все более усиливает взаимоисключающие тенденции, характеризующие отношение свобода — необходимость в условиях антагонистического общества. Но тот же капитализм своим развитием создает материальные предпосылки для ликвидации антагонистической формы социального прогресса, которая осуществляется благодаря коммунистическому переустройству общества. Уничтожение капиталистических производственных отношений и строительство коммунизма коренным образом изменяют соотношение между свободой и необходимостью. Овладение стихийными силами природы, господство человека над своей собственной природой получают всестороннее развитие благодаря впервые завоеванному господству людей над общественными отношениями. С этого времени, указывает Энгельс, «люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» [2].

Разумеется, выражение «царство свободы» — это скорее метафора, чем научное понятие, и его не следует понимать как преодоление объективной необходимости посредством свободы. Необходимость, становясь свободой, не перестает быть необходимостью: исчезает власть отчужденных общественных отношений, т. е. антагонистическая форма социальной необходимости. Преодолеваются, но, конечно, не сразу, а в течение целой исторической эпохи косвенные последствия процесса овладения стихийными силами природы, обусловленные капиталистическим применением техники, критерием целесообразности которого является лишь получение прибыли. При этом следует, конечно, иметь в виду, что стихийные последствия

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 129—130.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 295.

сознательной и целесообразной деятельности людей имеют место не только вследствие существования антагонистических общественных отношений, но и потому, что люди недостаточно познают, принимают в расчет отдаленные объективные последствия своей производственной деятельности. Капиталистическое хозяйствование не создает материальной заинтересованности в изучении и предотвращении отдаленных негативных последствий производства. Социалистическая организация общества, важнейшую задачу которой составляет развитие и удовлетворение многообразных потребностей человеческой личности, напротив, стимулирует познание и предотвращение этих побочных негативных результатов производства.

Сторонники иррационалистической интерпретации истории обычно утверждают, будто бы объективные последствия сознательной деятельности людей принципиально непознаваемы и неконтролируемы. Отсюда следует вывод, что сознательная, планомерная свободная человеческая деятельность лишь по видимости является таковой, так как в действительности она оборачивается нарастанием стихийности, что влечет за собой хаос и в последнем счете тотальную катастрофу. Свобода с этой точки зрения оказывается произволом, дерзким вторжением в непостижимые глубины бытия, бессознательным стремлением к гибели. Нетрудно заметить, что глашатаи социального пессимизма видят в угрозе термоядерной войны и прочих последствиях капиталистической формы научно-технического прогресса роковые плоды познавательной активности человечества. Энгельс как бы предвидел эти иррационалистические иеремиады, когда, критикуя капиталистическое хозяйствование, указывал, что успехи естествознания позволяют «учитывать также и более отдаленные естественные последствия по крайней мере наиболее обычных из наших действий в области производства и тем самым господствовать над ними»[1].

Было бы не только лицемерием, но и безответственностью полагать, что отравление рек или воздуха отходами производства происходит вследствие того, что люди не изучили ближайших или отдаленных последствий своей производственной деятельности. Существуют, конечно, и

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 496.

такого рода технологические процессы, которые вызывают непредвиденные последствия. Но нет никаких оснований утверждать, что эти последствия принципиально непредвидимы. Разумная организация производства закономерно ведет к тому, что обязательным условием введения новых технологических процессов и модернизации старых становится изучение их возможных отдаленных негативных результатов и создание эффективных средств их предотвращения. Эта тенденция имеет место и в условиях современного капитализма, но она становится объективной закономерностью благодаря развитию единого социалистического производства.

Энгельс, разумеется, не ограничивает возможности людей лишь предотвращением нежелательных последствий обычных производственных процессов. Познание беспредельно; не существует, по-видимому, и абсолютных границ практической мощи человечества. Нет поэтому и границ историческому процессу целесообразного изменения природы (имея в виду и человеческую природу), так же как и овладению объективными последствиями человеческой свободы. Совпадение достигнутых результатов с заранее поставленными целями является основной чертой планомерной деятельности людей, сфера которой постоянно расширяется. Разумеется, всегда остается непознанное, не вовлеченное в область, контролируемую человеком, однако тысячелетия исторического опыта человечества доказывают несостоятельность иррационалистической абсолютизации этого обстоятельства. Таким образом, свобода есть не только деятельность, подчиняющаяся необходимости и овладевающая ею. Свобода есть также результат этой деятельности, и в этом смысле можно сказать, что свобода порождает свободу. Поэтому существенно важно не только познание необходимости, но и познание, предвидение объективных последствий свободы, которые могут быть как расширением, так и ограничением ее сферы. Это познание собственного содержания и его возможных результатов — существенный элемент свободы.

Свободные человеческие действия исходят из познанного, но учитывают также существование непознанного, подобно тому как действия, согласные с необходимостью, имеют в виду необозримое многообразие случайностей. Люди, овладевшие гигантскими, фигурально выражаясь,

демоническими природными силами, не могут не сознавать, что эти силы отнюдь не непосредственно, а лишь опосредованно являются силами человека, точнее, общества. Иными словами, человек познает не только необходимость, благодаря которой он становится свободным, но и свою зависимость от необходимости, свою ответственность за свободу.

Свобода не есть независимость от необходимости; царство свободы имеет в качестве своей основы царство необходимости. «Если человек, — писал Энгельс, — наукой и творческим гением подчинил себе силы природы, то они ему мстят, подчиняя его самого, поскольку он пользуется ими, настоящему деспотизму, независимо от какой-либо социальной организации»[1]. Это многозначительное, призывающее людей к сознанию своей всемерной ответственности указание было высказано Энгельсом в полемике с анархистами, которые изображали коммунистическое будущее человечества как прекращение той объективной детерминации, вследствие которой труд, даже превратившись в основную потребность здорового человеческого организма, остается объективной необходимостью и в силу этого обязанностью каждого трудоспособного члена общества.

Таким образом, отношение свобода — необходимость даже в условиях бесклассового общества, покончившего со всеми последствиями прошлого, остается внутренне противоречивым: необходимость, становясь свободой, сохраняет свойственную ей степень необходимости. Атомный реактор не только предоставляет в распоряжение человека могущественную силу природы; он же и ограничивает строжайшим образом способ ее использования. Господство человека над природой не следует поэтому понимать как внешнее отношение. Мы говорим: человек и природа, понимая при этом связку «и» как то, что соединяет, по-видимому, различные вещи. Но в действительности эта связка указывает на различие внутри целого, т. е. внутри мира, к которому принадлежат и природное, и социальное. Человек существует внутри этого мира, и различие между социальным и природным, конечно, не абсолютно. С этой точки зрения и власть человека над природой есть не только социальный, но и природный

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 303—304.

процесс; возможно, его и следует поэтому называть социально-природным процессом.

Как подчеркивает Энгельс, «на каждом шагу факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, — что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять» [1]. С этой точки зрения вмешательство человека в естественный ход природных событий может носить как позитивный, так и негативный характер. Оно может быть «неестественным», т. е. противоречащим определенным тенденциям, благодаря которым сохраняются и воспроизводятся те или иные природные процессы, в существовании которых человек жизненно заинтересован.

Следствием такого отнюдь не всегда некомпетентного, но односторонне расчетливого подхода является разрушение природного процесса в его сохранявшейся до этого форме. Позитивное вмешательство человека в естественный ход природных процессов можно рассматривать как качественно новую форму внутренне присущего природе самодвижения, изменения. Всесторонний учет специфики природных процессов предотвращает такие стихийные изменения природы, которые, будучи вызваны целесообразной деятельностью людей, вступают в противоречие с предвидимым будущим человечества. Человек, который благодаря коммунистическому переустройству общества становится, как указывает Энгельс, сознательным властелином природы, способен достигнуть новой, более высокой ступени овладения законами природы благодаря познанию специфических законов единства человечества и природы — законов развития материального производства. В этом смысле можно сказать, что господство над природой может быть обеспечено познанием оптимальных параметров эффективного с точки зрения длительной исторической перспективы общественного производства.

Энгельс проводит различие между естественными

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 496.

(природными) последствиями сознательной человеческой деятельности и ее социальными последствиями. Первые — изменения в природе, являющиеся следствием вмешательства человека; вторые — социальные результаты человеческой деятельности, результаты, которые частью были запланированы, частью возникли независимо от планомерной деятельности людей. Соответственно этому перед обществом, с одной стороны, стоит задача преодоления нежелательных изменений природы, вызванных человеческой деятельностью, а с другой — предотвращения такого рода социальных изменений, которые являются непреднамеренным результатом сознательных и целесообразных социальных изменений. Эти изменения, как в природе, так и в обществе, носят частью необратимый, частью обратимый характер, причем соотношение между теми и другими изменениями не остается одинаковым при всех исторических условиях. Иными словами, не только в познании, но и в практической деятельности существует необходимость преодоления в известной мере неизбежных заблуждений. В ходе совершенствования социалистических производственных отношений постоянно решается и эта задача, поскольку заблуждения — не аномалия, а процесс, в определенных границах закономерный. Энгельс подчеркивает: «...если уже потребовались тысячелетия для того, чтобы мы научились в известной мере учитывать заранее более отдаленные *естественные* последствия наших, направленных на производство, действий, то еще гораздо труднее давалась эта наука в отношении более отдаленных *общественных* последствий этих действий» [1].

Капитализм, как указывал Маркс, уже предполагает господство над природой, несмотря на анархию производства, конкуренцию и не поддающуюся систематическому регулированию стихию рынка. Не удивительно поэтому, что задача преодоления нежелательных социальных последствий человеческой деятельности впервые встает, во всяком случае в масштабах всего общества, при социализме. Характеризуя перспективы овладения отдельными косвенными последствиями социальной деятельности людей, Энгельс указывает, что «и в этой области мы, путем долгого, часто жестокого опыта и путем сопоставления и

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 496—497.

анализа исторического материала, постепенно научаемся уяснять себе косвенные, более отдаленные общественные последствия нашей производственной деятельности, а тем самым мы получаем возможность подчинить нашему господству и регулированию также и эти последствия» [1].

Энгельс подчеркивает возможность контроля над социальными последствиями производственной деятельности людей. Само собой разумеется, что это не исключает возможности и необходимости господства над косвенными социальными последствиями иных, непроизводственных форм совместной деятельности людей. В противоположность утопическим социалистам, которые рисовали коммунистическое царство свободы как рай на земле, не сознавая, что библейский идеал райской жизни является продуктом антагонистического развития общества и, в частности, прогрессирующего отчуждения труда, Энгельс характеризует коммунистический общественный строй как специфическую, бесклассовую общественно-экономическую формацию, развивающуюся согласно присущим ей объективным закономерностям, которые являются закономерностями необходимо свободной деятельности людей.

Строгая научность, непримиримость к мелкобуржуазным иллюзиям, гениальная диалектическая проницательность, исторический оптимизм характеризуют марксистское решение проблемы свободы и необходимости, данное Энгельсом. Именно поэтому оно сохраняет свою актуальность и в наше время, в эпоху коммунистического переустройства общественных отношений и научно-технической революции, создающих фундамент для утверждения бесклассового общества на нашей планете.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 497.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Проблемы исторического материализма

Глава пятнадцатая

Ф. Энгельс и материалистическое понимание истории

Великая заслуга Энгельса заключается в том, что он уже в молодые годы «совершенно самостоятельно дошел до преддверия исторического материализма»[1]. Уже в «Набросках к критике политической экономии» (1844 г.), оказавших немалое влияние на развитие взглядов Маркса[2], Энгельс не только стремился преодолеть противоречия буржуазной политической экономии, многие проблемы которой впервые рассматриваются им с точки зрения формирующегося научного социализма, но и ставил отдельные важные проблемы диалектико-материалистического мировоззрения.

Так, видя противоречивость буржуазного экономического порядка в противоречиях частной собственности, а главный смысл социального развития и классовой борьбы — в преодолении этих противоречий, Энгельс вплотную подходит к пониманию диалектики исторического развития как борьбы противоположностей. В статьях о положении Англии, возражая Бентаму, пытавшемуся примирить частный и общий интерес на почве частной собственности, Энгельс писал: «Бентам совершает здесь в своей эмпирии ту же ошибку, какую Гегель совершил в теории; он недостаточно серьезно относится к преодолению противоположностей, подчиняет субъект предикату, целое — части и этим ставит все на голову»[3]. Вместе с тем в этой работе Энгельс, как и Фейербах, мерилом общества еще считает человека. «Человек должен лишь познать себя самого, сделать себя самого мери-

[1] *М. В. Серебряков.* Фридрих Энгельс в молодости. Л., 1958, стр. 294; см. также: *О. Корню.* Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность, т. I—III. М., 1959—1968; *H. Ullrich.* Der junge Engels. Berlin, Teil I, 1961, Teil II, 1966, и др.

[2] В этот период, по свидетельству Ф. Меринга, Энгельс в области экономической науки «был тем, кто давал, а Маркс тем, кто воспринимал» (*Ф. Меринг.* Карл Маркс. История его жизни. М., 1957, стр. 123).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 616.

лом всех жизненных отношений, дать им оценку сообразно своей сущности, устроить мир истинно по-человечески, согласно требованиям своей природы, — и тогда загадка нашего времени будет им разрешена» [1].

Хотя терминология Энгельса, а также отдельные положения, имеющиеся в статьях об Англии, свидетельствуют о влиянии на него в то время антропологизма материалистической философии Фейербаха, он уже тогда шел по пути преодоления этой ограниченности.

Освобождение человечества, под которым он понимает прежде всего уничтожение социально-экономических противоречий, раздиравших буржуазное общество, Энгельс связывает с освобождением в первую очередь класса, поставленного в нечеловеческие условия существования. Главное в положении Англии, писал Энгельс в 1844 г., положение рабочего класса [2].

В последующих статьях о положении Англии Энгельс, рассматривая вопрос об освобождении человечества, о борьбе «человека против человечества», отмечает недостаточность для решения этой задачи политической демократии («демократическое равенство есть химера», «простая демократия неспособна исцелить социальные недуги») [3] и доказывает неизбежность социализма.

Эти важные положения носят пока локальный характер; все, о чем говорит Энгельс, относится только к Англии. Но постепенно, начиная с работы «Положение рабочего класса в Англии», Энгельс из своих наблюдений делает и общие методологические выводы. В. И. Ленин отмечал, что не кто иной, как «Энгельс *первый* сказал, что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат *сам поможет себе.* Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью *политической* борьбы рабочего *класса*» [4].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 593.
[2] См. там же, стр. 597.
[3] Там же, стр. 642.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 9.

Но такой последовательно революционный вывод Энгельс сделал уже после исторической встречи летом 1844 г. с Марксом, который к тому времени не только пришел к тем же взглядам, что и Энгельс, но и «завершил в главных чертах развитие своей материалистической теории истории...»[1]. С этого момента начинается их совместная детальная разработка новых воззрений, в которой Маркс и Энгельс играют различную по направлению исследований, но одинаково важную роль в развитии теоретической мысли и самосознания рабочего класса.

В силу установившегося разделения труда между основоположниками марксизма на долю Энгельса нередко выпадала чрезвычайно важная задача — представлять их общие взгляды в периодической печати, защищать теорию научного коммунизма от атак противников. При этом, естественно, Энгельс отнюдь не ограничивался повторением мыслей Маркса, а творчески разрабатывал важнейшие положения марксистской теории, давая научное освещение широкому кругу явлений экономической, политической и духовной жизни общества.

1. Создание исторического материализма и его методологическая роль

Известно, что Маркс не дал специального названия своему учению об истории человеческого общества. Это сделал позднее Энгельс, определив его в ходе полемики с Дюрингом как «материалистическое понимание истории»[2] и как «исторический материализм» во введении к английскому изданию работы «Развитие социализма от утопии к науке»[3]. Термин «исторический материализм» Энгельс применяет для «обозначения того взгляда на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, в вытекающем отсюда разделении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собой»[4].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 220.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 278.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 299, 306.
[4] Там же, стр. 306.

Энгельс не только дал название учению Маркса об обществе, но и впервые систематически изложил исторический материализм как философско-социологическую науку. Тревожась за слабую теоретическую подготовку лидеров германской и международной социал-демократии, Энгельс предвидел переход некоторых из них на позиции ревизионизма. Энгельс уточнил предмет исторического материализма, раскрыл его философскую специфику в неразрывном, внутреннем единстве с диалектическим материализмом.

Центральной задачей исследований Маркса и Энгельса явилось создание диалектико-материалистической теории познания как самого последовательного, всестороннего и глубокого учения об отражении. Научное решение основного вопроса философии и раскрытие наиболее общих законов развития природы, общества и мышления было невозможным без понимания подлинной диалектики бытия и мышления.

Марксизм впервые обосновал материалистический социальный подход к анализу мышления, сознания — этого традиционного объекта философии. Анализ психических феноменов неизбежно приводит к постановке вопроса о месте в мире человека и осознанию невозможности выявить природу мышления вне раскрытия его связи с человеком, с его деятельностью. Осознанные цели познания, степень развития познавательных возможностей человека зависят от социального развития исторически конкретной системы социальных отношений.

«Гегель, — писал позднее Энгельс, — освободил от метафизики понимание истории, он сделал его диалектическим, но его понимание истории было по своей сущности идеалистическим. Теперь идеализм был изгнан из своего последнего убежища, из понимания истории, было дано материалистическое понимание истории, и был найден путь для объяснения сознания людей из их бытия вместо прежнего объяснения их бытия из их сознания» [1].

Эту фундаментальную и сложную задачу — выведение мышления и всей духовной жизни в конечном счете из основных экономических отношений общества, взятых в их противоречиях и развитии, Маркс смог решить толь-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 208.

ко благодаря разработке материалистической диалектики. В свою очередь новое понятие сознания и его активной отражательной деятельности могло возникнуть у Маркса и Энгельса в 40-х годах XIX в. только в результате анализа социальных форм отражения.

Еще при жизни Энгельса предпринимались попытки отрицать философские основы марксизма. Научное значение марксизма его «критики» стремились ограничить рамками лишь общественно-экономической теории, взятой в отрыве от марксистской философии и научного коммунизма. Подобная проповедь независимости социально-исторических воззрений от диалектико-материалистической гносеологии вела к замене материалистической философии неокантианством, позитивизмом или каким-либо иным течением идеалистической философии.

Об этом откровенно заявляли ревизионисты и центристы после смерти Энгельса. Так, К. Каутский, рассматривавший марксизм не «как философское учение, а как эмпирическую науку, как особое понимание общества» [1], писал в 1898 г. Г. Плеханову по поводу его страстной критики бернштейнианства: «Я никогда не был силен в философии, и хотя я и стою целиком на точке зрения диалектического материализма, все-таки я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством... Если бы Б[ернштейн] полинял только в этом направлении, меня бы это ни малейшим образом не беспокоило» [2].

Попытка Каутского и К° совместить философию Канта с материалистическим пониманием истории вела к опошлению и извращению научной идеологии пролетариата. Без диалектического материализма исторический материализм перестает быть самим собой, без материалистической диалектики нет марксистской теории общества.

В противоположность неокантианской ревизии философии марксизма В. И. Ленин отстоял и обосновал марксистский принцип единства и взаимосвязи диалектического и исторического материализма. Подчеркивая прежде всего важность открытия материалистического по-

[1] «Der Kampf». Wien, 1909, N 7, S. 452.

[2] *Г. В. Плеханов.* Литературное наследие. М., 1938, сб. V, стр. 264.

нимания истории для разработки научной диалектики, Ленин писал: «Маркс и Энгельс, вырастая из Фейербаха и мужая в борьбе с кропателями, естественно обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории. От этого Маркс и Энгельс в своих сочинениях больше подчеркивали *диалектический* материализм, чем диалектический *материализм*, больше настаивали на *историческом* материализме, чем на историческом *материализме*» [1].

Материалистическое понимание истории находится в фокусе революционного переворота, совершенного Марксом и Энгельсом в философии, потому что оно оказалось необходимым не только для того, чтобы, распространив материализм на общественную жизнь, изгнать идеализм из его последнего убежища, но и для создания и научного обоснования материалистической диалектики. Именно отсутствие материалистического понимания истории было главной причиной, не позволявшей предшествующему материализму стать диалектическим.

Видное место в работах Энгельса занимает анализ специфики исторического материализма как философско-социологической науки.

Материалистическое понимание истории — органическая часть марксистской философии и вместе с тем специальная наука, отличающаяся от других общественных наук предметом своего исследования. Маркс и Энгельс неоднократно предупреждали против шаблонного применения принципа материалистического понимания истории. Они учили пользоваться им не как догмой, а как руководящей нитью при историческом исследовании. В противном случае диалектика может превратиться в априорную конструкцию, извне навязываемую фактам. Так, в письме к К. Шмидту от 5 августа 1890 г. Энгельс писал: «...наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо изучать заново» [2].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 350.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 371.

Однако в конце XIX в., когда марксизм получил широкое распространение, для многих молодых писателей, считавших себя друзьями марксизма, понятие «материалистический», по свидетельству Энгельса, являлось просто термином, который они приклеивали к разным вещам, явлениям, не давая себе труда заняться их глубоким, всесторонним исследованием.

В этих условиях Энгельс вновь и вновь подчеркивал и раскрывал методологическую значимость исторического материализма. В письме к П. Эрнсту от 5 июня 1890 г. Энгельс указывал, что исторический материализм, вооружая ученого подлинно научным методом исследования общественной жизни и давая ему знание наиболее общих законов общественного развития, требует вместе с тем конкретного изучения исторических фактов, выявления их своеобразия, а отнюдь не игнорирования их специфики с целью подведения под некую общую историческую схему.

Здесь Энгельс фактически ставит вопрос о методологической роли материалистического понимания истории как общей теории и метода познания общественных явлений.

Еще в рецензии на работу Маркса «К критике политической экономии» Энгельс подчеркивал, что развитие материалистического понимания истории хотя бы на одном-единственном историческом примере представляло собой научную работу огромного масштаба, разрешимую только на основе большого, критически проверенного, в совершенстве усвоенного исторического материала [1].

Необходимость по-новому изучать историю выдвигает прежде всего вопрос о методе. В письме к Ф. Мерингу Энгельс отмечает актуальность применения сравнительно-исторического метода при изучении национальной истории. Развивая положение Маркса о том, что передовые страны указывают путь отсталым народам, Энгельс на примере изучения истории Германии отмечал, что использование сравнительно-исторического метода, при котором анализ внутренних закономерностей определенной исторической эпохи данного периода дополняется сравнением, сопоставлением с параллельными

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 492.

процессами в передовых странах, приводит к более полному и всестороннему познанию действительности.

Открыв материалистическое понимание истории, Маркс и Энгельс внесли неоценимый вклад в научное познание общества, создали образцы диалектического объяснения конкретных явлений и событий социальной жизни. Так, в отмеченном письме к П. Эрнсту, вскрывая порочность методологии «молодых», заключающуюся в их неисторическом отвлеченно-шаблонном подходе к исследованиям классовой детерминированности творчества таких скандинавских писателей, как Г. Ибсен и А. Стриндберг, Энгельс одновременно дал замечательный образец применения метода исторического материализма к конкретному литературно-критическому исследованию. Он указывал, что без знания конкретной истории Норвегии, ее специфических особенностей нельзя понять причин и сущности идеологии норвежского мещанства, а следовательно, нельзя правильно оценить и творчество того или иного писателя. Специфика норвежского мещанства в период создания драм Ибсена была обусловлена, по мнению Энгельса, двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что в 60—80-х годах XIX в. Норвегия сумела завоевать себе самую демократическую из всех существовавших тогда в Европе конституций. Во-вторых, в области литературы был достигнут подъем, каким не могла похвалиться в этот период ни одна страна, кроме России.

Опираясь на материалистическое понимание истории, Энгельс в своих конкретно-исторических исследованиях выявлял социальные, политические, психологические аспекты рассматриваемых проблем, делал теоретические выводы, разрабатывал принципы, обосновывающие тактику рабочего класса на различных этапах его борьбы.

2. Концепция экономических отношений и их роль в развитии общества

Уже в «Немецкой идеологии» провозглашен и проведен принцип историзма, однако первоочередными проблемами марксистской философии вплоть до «Капитала» остаются вопросы материалистического понимания исто-

рии. Борьба за новый материализм после Гегеля должна была вестись прежде всего в этой области. Поэтому в полемике с противниками Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали прежде всего главный принцип материалистической теории — определяющую роль материального производства в историческом процессе, первичность общественного бытия и вторичность сознания.

Этот вопрос приобрел особо важное значение в 70—80-е годы, в период борьбы Энгельса против натуралистических и вульгарно-экономических концепций общественного развития и теории насилия.

На долю Энгельса выпала задача разработать ряд существенных элементов теории научного коммунизма и подвергнуть конкретному анализу прежде всего те проблемы, которые в «Капитале» были освещены лишь в общих чертах. Под этим углом зрения должна быть воспринята обстоятельная критика им Дюринга, которая, по словам самого Энгельса, крайне непропорциональна научному содержанию произведений этого «системосозидающего» эпигона.

Критику Дюринга, идеи и взгляды которого нашли отзвук среди так называемых молодых, недавно примкнувших к социализму, Энгельс использовал как повод для того, чтобы в положительной форме дать систематическое изложение диалектического метода и коммунистического мировоззрения, представляемых им и Марксом [1], способствуя тем самым созданию энциклопедического очерка марксистского понимания «философских, естественнонаучных и исторических проблем. . .» [2].

Анализ истории создания работы «Анти-Дюринг» вскрывает несостоятельность вымыслов современных идейных противников марксизма, противопоставляющих Маркса Энгельсу и говорящих о неких двух разных течениях в марксистской философии. В истории беспримерной дружбы и совместного творчества основоположников марксизма нередко бывало так, что то, что не успевал ввиду крайней занятости выполнить Маркс, блестяще осуществлял Энгельс [3]. Известно, что в период заверше-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 8—9.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 119.

[3] См. *Е. П. Кандель*. Против фальсификации роли Энгельса в формировании и разработке марксизма. — «Вопросы истории КПСС», 1960, № 6, стр. 105.

ния работы над «Капиталом» Маркс не раз высказывал своему другу желание изложить в специальной брошюре на двух-трех печатных листах свои взгляды на материалистическую диалектику. Решением этой задачи явилось опубликование Энгельсом книги «Анти-Дюринг», которая, по признанию самого автора, была написана с ведома и при участии Маркса и выражает их общие взгляды [1]. О полной солидарности Маркса со взглядами Энгельса свидетельствует и тот факт, что Маркс написал специальное предисловие к брошюре Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», представляющее собой извлечение из «Анти-Дюринга». Указанную брошюру Маркс охарактеризовал как «введение в научный социализм».

Защищая и разрабатывая теорию марксизма, Энгельс всегда выделял те проблемы научного социализма, которые имели актуальное значение для рабочего движения в конкретной исторической ситуации. В 70—90-е годы буржуазные идеологи и ревизионисты под флагом борьбы с «односторонностью» марксизма, который они отождествляли с «экономическим материализмом», направили огонь своей критики прежде всего против марксистского учения о материальной основе общественного развития [2].

В этих условиях Энгельс счел своим долгом еще раз обстоятельно разъяснить объективное содержание экономического основания общества. «Материалистическое понимание истории, — констатирует Энгельс в полемике с Дюрингом, — исходит из того положения, что производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя...» [3]

Заслуга Энгельса в том, что он четко и последовательно преодолел натуралистическое отождествление исто-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 9.

[2] Так П. Барт, один из первых буржуазных критиков, провозгласивший исторический материализм «технико-экономическим пониманием истории», стремился в первую очередь извратить учение Маркса об экономической основе общества, о сущности производственных отношений, отождествляя их с производительными силами, с различными «формами производства», сводя экономику к технике, геосреде, расовым особенностям и пр. (см. *П. Барт*. Философия истории как социология. СПб., 1900, стр. 334, 337, 338 и др.).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 278.

рии и природы и впервые вместе с Марксом верно понял и раскрыл существующие различия между историей и природой, указав, что специфика исторических процессов заключается прежде всего в сознательной, целеполагающей деятельности людей. В этой связи оказываются несостоятельными попытки взаимопротивопоставлять взгляды основоположников марксизма, представлять дело так, будто Маркс всегда истолковывал бытие как результат социально-исторической деятельности людей, а Энгельс занимался лишь изучением природы, как таковой, вне практической деятельности человека.

В трудах, посвященных проблемам антропосоциогенеза, Энгельс прежде всего стремится раскрыть марксистскую концепцию практики. Представляя историю социальной жизни как непрерывный поток изменений, субъектом и объектом которых является сам человек, Энгельс показывает, что высшие формы предметно-чувственной деятельности являются выражением теоретического знания, ориентируются на гуманистические ценности и идеалы, одновременно формируя их.

Рассматривая производство не просто как необходимое условие человеческой жизни, а как определяющую основу всех форм общественных отношений и их развития, Маркс и Энгельс большое внимание уделяли анализу вопроса о единстве и различии категорий «способ производства» и «базис». Это не тождественные понятия. Экономическая структура, базис общества — это лишь одна сторона способа производства. Вместе с тем базис нельзя рассматривать как простой механический результат вычитания из способа производства другой его стороны — производительных сил. В противном случае может создаться впечатление, что производительные силы никакой роли в определении духовной жизни общества не играют.

Производительные силы как конечная основа общественного развития оказывают влияние на изменение духовной жизни общества, но это влияние опосредовано, оно преломляется через базис, через производственные отношения, которые рано или поздно изменяются вслед за изменившимися производительными силами. Существо марксистского понимания базиса, его взаимодействия с надстройкой Энгельс в работе «Анти-Дюринг» определил следующим образом: «. . .экономическая структура обще-

ства каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которой и объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как и из религиозных, философских и иных воззрений каждого данного исторического периода» [1].

В ходе решения задач, связанных с освободительной борьбой пролетариата, созданием действительной науки об обществе и в борьбе с разного рода фальсификаторами марксизма, Энгельс вносил определенные уточнения в марксистское учение об экономической обусловленности общественной жизни, развивал само понятие «экономические отношения». Так, в 90-х годах XIX в., конкретизируя учение Маркса о способе производства и базисе, Энгельс писал: «Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющим базисом истории общества, мы понимаем тот способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит *вся техника* производства и транспорта. Эта техника, согласно нашим взглядам, определяет также и способ обмена, затем способ распределения продуктов и тем самым после разложения родового строя также и разделение на классы, отношения господства и подчинения, государство, политику, право и т. д. В понятие экономических отношений включается далее и *географическая основа*, на которой эти отношения развиваются, и фактически перешедшие от прошлого остатки прежних ступеней экономического развития, которые продолжают сохраняться зачастую только по традиции или благодаря vis inertiae, а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму» [2].

Действительная история экономических отношений несводима к какому-нибудь одному фактору, она предполагает в качестве необходимого условия взаимодействие различных сторон живого исторического общественного процесса. В обществе целесообразная трудовая деятельность людей выступает во всем многообразии отраслей: промышленности, транспорте, сельском хозяйстве, науке, технике. Соответственно этому разнообразию

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 26.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 174.

деятельности людей возникают и разнообразные отношения в процессе производства. И поскольку в действительной жизни производственные отношения неразрывно связаны с производительными силами, процессом производства, Энгельс, определяя понятие «экономические отношения», включает в него и способ производства, одну сторону которого составляют производственные отношения.

Прослеживая дальше реальное многообразие сторон общественной жизни и их взаимодействие, Энгельс рассматривает экономические отношения в непосредственной связи с географической средой и плотностью народонаселения. Способ производства каждой эпохи включает в себя свойственную этой эпохе зависимость труда от природных условий, свои законы народонаселения, но за этими пределами природа не влияет на историю человеческого общества.

В письме к В. Боргиусу от 25 января 1894 г. Энгельс предупреждал, что было бы неверным отождествлять собственно явления общественного процесса с той социальной ролью, которую они играют в обществе, взаимодействуя друг с другом. То обстоятельство, что производственные отношения не мыслятся в отрыве от производительных сил, не означает, что производительные силы сами по себе включаются в понятие экономической структуры, базиса общества. Сказанное тем более относится к таким явлениям, как географическая среда и другие природные силы. Влияние географической среды сказывается постольку, поскольку сам процесс производства возможен только в определенных природных условиях.

В труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.) и в приведенном письме к Боргиусу Энгельс не расширяет марксистское понятие производства, как это ему пытаются приписать «критики» [1], а лишь подчеркивает отличие условий существования какого-либо явления от самого явления. Если возможно существование условий до возникновения явления, то явление, ничем не обусловленное, невозможно. Здесь

[1] См. *П. Барт.* Философия истории как социология, стр. 351; *Э. Бернштейн.* Социальные проблемы. М., 1901, стр. 19; *M. Adler.* Engels als Denker. Berlin, 1925, S. 95.

Энгельс различает общественное значение производства и его естественные предпосылки — природу, географическую среду. Это — во-первых.

Во-вторых, критикуя «экономический материализм», механически сводящий все явления общественной жизни к вульгарно понимаемой экономике, Энгельс разъясняет, что задача исторического материализма, признающего сложность, многообразие явлений социальной истории, заключается в том, чтобы объяснить их существование и взаимодействие лишь в конечном счете экономическим развитием.

Последняя формулировка понимается в том смысле, что не все явления общества прямо, непосредственно определяются производством. Огромную роль играют борьба классов и другие общественные отношения, среди которых, и особенно на ранних стадиях развития общества, далеко не последнюю роль играют и семейные отношения. К этому выводу Энгельс пришел на основе научного анализа закономерностей первобытного общества, данного им в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Раскрывая существо и роль экономических отношений в общественном развитии, Маркс и Энгельс всегда обращали особое внимание на положение классов в производстве. Ибо именно это положение и определяет действия, взгляды, идеи людей. Поэтому, начиная с «Анти-Дюринга», в своих философских произведениях, в которых дано систематическое изложение и всестороннее обоснование исторического материализма, Энгельс развивает марксистское учение о классах, причинах их возникновения и формах классовой борьбы.

Заслуга Энгельса состояла в конкретной разработке данной проблемы. Подчеркивая роль базиса, в первую очередь общественного разделения труда в образовании и развитии общественных классов, Энгельс раскрывает исторический механизм перехода от бесклассового общества к классовому, прослеживает исторические пути образования классов, показывает экономическую обусловленность классовой структуры рабовладельческой, феодальной и капиталистической формации, определяет общие материальные основы уничтожения классов в будущем коммунистическом обществе.

3. Проблемы общественного сознания и надстройки

В борьбе против вульгаризаторства и упрощенчества марксистской теории Энгельс отстаивал и развивал материализм прежде всего в вопросах происхождения и сущности экономических отношений. Он решительно отверг приписываемое этой теории положение об исключительном влиянии экономики на историю [1], об автоматическом движении истории и отрицании активной роли надстройки общества. Энгельс неоднократно указывал, что не кто иной, как К. Маркс, открывший материалистическое понимание истории, решительно устранил все «сверхчеловеческое» и «внеисторическое» из ее толкования, отчетливо и определенно сформулировал тезис о том, что именно сами люди творят историю. Подчеркивая взаимодействие материальных и духовных явлений, теории и практики, необходимость соединения революционного движения пролетариата с научной теорией, К. Маркс уже в письме к А. Руге в сентябре 1843 г. писал: «Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов. Мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба — пустяки», мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что́ собственно он борется, а сознание — такая вещь, которую мир *должен* приобрести себе, хочет он этого или нет» [2].

Маркс и Энгельс всегда уделяли большое внимание активной роли общественного сознания, надстройки в целом, но специально эта проблема разрабатывается Энгельсом в 90-х годах. В труде «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и особенно в письмах об историческом материализме центральной проблемой являются диалектика общественного бытия и общественного сознания, всестороннее обоснование активной роли надстройки.

---

[1] Так, небезызвестный П. Барт уже после смерти Энгельса не уставал повторять: «У Маркса и Энгельса совершенно отсутствует указание на обратное влияние идеологий на народное хозяйство...» (*П. Барт.* Философия истории как социология, стр. 350). Эти мысли Барта, которые позднее почти дословно повторил отец оппортунизма Э. Бернштейн, с настойчивостью, достойной лучшего применения, продолжают повторять и современные марксологи.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 381.

Такой постановке проблемы в значительной степени способствовал возросший в 90-х годах XIX в. интерес к историческому материализму. Энгельс получал множество писем, в которых нередко совершенно незнакомые Энгельсу корреспонденты просили разъяснить суть материалистического понимания истории. В этом отношении весьма интересно письмо редактора журнала «Sozialistisches Monatshefte» Й. Блоха. «С точки зрения материалистического понимания истории, — писал он, — определяющим моментом в истории является производство и воспроизводство реальной жизни. Как должно быть понято это положение? Можно ли понять его так, что решающим моментом являются одни экономические отношения или они только до некоторой степени образуют постоянную основу других отношений, которые сами в таком случае могли бы так же оказывать влияние? . .

Я хотел бы вас при этом спросить, действуют ли с точки зрения материалистического понимания истории одни только экономические отношения повсюду, непосредственно и совершенно независимо от личности как естественный закон природы, или также (действуют) другие отношения, в конечном счете, зависящие от экономических условий и вместе с тем со своей стороны могущие ускорять или задерживать ход исторического развития» [1].

Ответы на эти и другие вопросы Энгельс дал в письмах об историческом материализме [2]. Посвященные анализу проблемы взаимодействия базиса и надстройки, и прежде всего роли надстройки в общественном развитии, они должны рассматриваться как сжатый конспект тех исследований, которых Энгельс в силу чрезмерной занятости не успел выполнить. Буржуазные идеологи, а вслед за ними ревизионисты не преминули объявить о том, что письма Энгельса свидетельствуют об известном «отступлении» от характерного якобы для марксиз-

[1] Письмо Й. Блоха Ф. Энгельсу 3 сентября 1890 г. Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 1, опись № 5062/4649.

[2] Видный пропагандист марксизма в Италии А. Лабриола писал по этому поводу: «Интерес к историческому материализму все более возрастал, а литература по нему отсутствовала, немудрено поэтому, если Энгельса в последние годы его жизни забрасывали вопросами как профессора, не имеющего своей кафедры. Отсюда — громадная переписка» (*А. Лабриола.* Исторический материализм и философия. М., 1922, стр. 22).

ма экономического детерминизма. Неокантианец Риккерт утверждал, что Энгельс своими разъяснениями в письмах будто бы «опровергает» исторический материализм. Э. Бернштейн идеалистически истолковывал письма Энгельса, стремясь приписать ему признание полной самостоятельности идей в общественной жизни [1].

Развитие Ф. Энгельсом преимущественно проблемы относительной самостоятельности общественного сознания не означало ни изменения материалистическому принципу понимания истории, ни отступления от него. Этот принцип оставался по-прежнему главным и определяющим, а вопрос об относительной самостоятельности идеологии, надстройки в целом был лишь дополнением к нему. Материализм в истории, которого так пугаются «критики», отмечал Энгельс, не отрицает реальности идеологии, обратного воздействия надстройки на ее экономическое основание.

Буржуазных и ревизионистских «марксологов» больше всего не устраивает объективный подход к исследованию общественных явлений, органически присущий марксизму. Сначала они на свой манер в духе вульгарного экономического материализма излагают материалистическую теорию исторического развития человеческого общества, а затем утверждают, что со взглядами Маркса и Энгельса она не совпадает. В этой связи Энгельс любил приводить слова Маркса, который обычно в подобной ситуации восклицал: «О, если бы эти люди хотя бы *читать* умели!» [2]

Отвечая на вопросы, поставленные многочисленными корреспондентами, Энгельс прежде всего объяснил, почему «молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует» [3]. Дело в том, что в период формирования марксизма, когда идеализм еще господствовал в общественных теориях, основное место в которых занимала связь, измышленная философами,

---

[1] См. *Э. Бернштейн.* Исторический материализм. СПб., 1901, стр. 19. В наши дни ложная версия о письмах Энгельса 90-х годов и о противоположности их содержания материалистическому пониманию истории всячески поддерживается буржуазными идеологами (Таймер, Веттер и др.). Критика подобных ложных концепций содержится в целом ряде книг и статей философов-марксистов.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, стр. 109.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 396.

главный упор приходилось делать на «*выведении* политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе» [1]. Считая, что только так они должны были делать, Энгельс добавляет: «При этом из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т. п.» [2].

Но это было вынужденное «пренебрежение». Для Маркса и Энгельса и в тот период было совершенно очевидно, что производство и воспроизводство действительной жизни является определяющим моментом в общественном развитии лишь в конечном счете. Именно это имея в виду, Энгельс в письме к Й. Блоху отмечал: «Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали» [3]. Но поскольку здесь говорится об определяющей роли экономических условий жизни, общественного бытия, само собой предполагается и существование других сторон общественной жизни, имеющих не главное, не решающее значение, но весьма существенное в общем взаимодействии.

Энгельс развил и конкретизировал марксистскую теорию базиса и надстройки. Идеи Маркса о сущности и специфике каждого элемента надстройки [4] нашли яркое выражение в учении Энгельса о двух видах, группах надстройки и их своеобразной связи с базисом и между собой. Речь идет, с одной стороны, о государстве и других материальных элементах надстройки, т. е. об учреждениях, которые, будучи производными от экономического базиса общества, не могут быть отнесены к идеологическим отношениям. Последние образуют вторую группу надстроечных явлений, которые производны по отношению к экономическому базису как сознание — к материальной жизни общества. Их Энгельс называет «идеальной надстройкой» [5].

Известно, что наиболее широкое распространение у Энгельса, как и у Маркса, получил термин «идеология» для обозначения иллюзорного, фантастического, иска-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 82.
[2] Там же.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 394.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 7.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 90.

жающего действительность сознания, которое характерно для господствующих классов в эксплуататорском обществе. Развивая мысли, высказанные еще в «Немецкой идеологии», Энгельс в письме к Ф. Мерингу от 14 июля 1893 г. писал: «Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом» [1].

Но, рассматривая идеологию в этом специфическом смысле, Энгельс противопоставлял ее научно познанной действительности. Именно он дал историко-материалистический анализ происхождения и развития идеологических форм — права, религии, нравственности, философии, раскрыв взаимодействие их как с материальной основой общественной жизни, так и между собой.

Анализ содержания и характера отражения, в первую очередь «идеальной надстройки», Энгельс связал с углубленным изучением и теоретическим обоснованием такой важнейшей общесоциологической закономерности, как относительная самостоятельность общественного сознания [2]. «Государственное и гражданское право, — писал Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», — рассматриваются как самостоятельные области, которые имеют свое *независимое* историческое развитие, которые сами по себе поддаются систематическому изложению и требуют такой систематизации путем последовательного искоренения всех внутренних противоречий» [3].

Энгельс указывал, что относительная самостоятельность общественного сознания — это его способность развиваться по своим внутренним специфическим законам, действующим в пределах зависимости идеологии от эко-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 83.

[2] Этот термин впервые был употреблен Энгельсом в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» при анализе идеологических форм. А позднее в письмах 90-х годов он применил его и к ряду других общественных явлений, хотя и зависимых от общественного производства, но способных играть активную роль в общественном развитии (например, к торговле и т. п.).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 312 (курсив мой. — *Л. Г.*).

номического развития общества. Каждая область общественного развития располагает определенным мыслительным материалом, образованным в процессе мышления прежних поколений и прошедшим «самостоятельный, свой собственный путь развития в мозгу этих следовавших одно за другим поколений» [1]. Суть проявления относительной самостоятельности идеологических форм состоит в том, что они развиваются не только по законам бытия, но и по законам логики, не только по законам материи, но и по законам сознания.

Отрицание этой закономерности, впервые научно установленной и разработанной марксизмом, приводило к упрощенному пониманию всего исторического процесса, своеобразия и сложности классовой природы искусства, философии, религии, развивающихся по своим внутренним, относительно самостоятельным законам.

Содержание и характер идеологии обусловливаются главной причиной — экономическими отношениями. Но, подчеркивает Энгельс, поскольку главная причина находится за пределами самих идей, предпосылкой развития идеологии, ее активности является сама природа идеологического процесса, сложность его развития и зависимость от материального бытия, которая опосредована развитием самой идеологии, взаимосвязью различных форм общественного сознания и проявляется в первую очередь в преемственной связи идей. Механизм этого взаимодействия Энгельс прослеживает прежде всего на примере такой «идеологии более высокого порядка», как философия. Экономика, отмечал Энгельс, воздействует на имеющийся философский материал, доставленный предшественниками. Но ее воздействие опосредовано: «Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения» [2].

Раскрывая связь последующих и предшествующих ступеней развития общественного сознания, Энгельс под-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 83.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 420.

черкивал, что каждый стиль в искусстве, каждая школа в науке, каждое направление в философии имеют свои особенности, специфическое содержание, а следовательно, и свои особые закономерности преемственности духовных традиций. Одно дело такая преемственность в историческом развитии философии, где происходит специфическая для нее, как закон, борьба материализма и идеализма, которая, конечно, накладывает свою печать на характер преемственности. Совсем иной характер носит преемственность в развитии естествознания, где, конечно, тоже борются материализм и идеализм, но имеют место и другие закономерности.

Анализируя сложность идеологического процесса как процесса отражения действительности в сознании людей, Энгельс раскрывает механизм этого отражения. В этом отношении большое методологическое значение имеет письмо Энгельса Ф. Мерингу от 14 июля 1893 г. При анализе различных форм идеологии оно должно быть рассмотрено как образец учета всех сторон идеологического процесса. Именно в этом письме Энгельс, теоретически обосновывая положение об относительной самостоятельности идеологии, наряду с борьбой против вульгарного экономического материализма, отрицавшего внутренние закономерности развития идеологических форм, решительно выступил против попыток изобразить этот идеологический процесс в духе идеализма и свойственных ему иллюзий о независимости сознания от бытия. Энгельс дал всесторонний анализ корней идеализма в исторических теориях, вскрыл причины, породившие видимость независимости идеологии, которая и поныне используется буржуазными апологетами для проповеди иллюзии о первичности сознания.

Причину этого Энгельс видел в непонимании буржуазными идеологами общественного разделения труда как материальной основы относительной самостоятельности идеологии, в непонимании того, что отделением в классовом обществе умственного труда от физического духовное производство, развитие идей лишь до некоторой степени обособляется от материальной жизни общества. «Там, где существует разделение труда в общественном масштабе, — писал Энгельс К. Шмидту, — отдельные процессы труда становятся самостоятельными по отношению друг к другу. Производство является в последнем счете

решающим. Но как только торговля продуктами обособляется от производства в собственном смысле слова, она следует своему собственному движению, над которым в общем и целом главенствует движение производства, но которое в отдельных частностях и внутри этой общей зависимости следует опять-таки своим собственным законам...»[1]. Сказанное в полной мере применимо и к духовному производству, к развитию идеологии.

Из того обстоятельства, отмечает Энгельс, что в классовом обществе, в сфере идеологии действуют люди, принадлежащие к особым областям разделения труда (законодатели, юристы, философы, ученые и т. д.), как творцы идей и теорий господствующих классов, оторванные от материального производства и по внешней видимости не связанные с борьбой определенных классов, многие буржуазные идеологи делают вывод, будто мыслительный процесс есть самостоятельный мир, который совершенно независим от материального производства и чужд ему. Из того факта, что идеологический процесс совершается при посредстве мышления, идеалисты делают вывод, что всякое человеческое «действие кажется *основанным* в последнем счете на мышлении...»[2], что люди все время продолжают оставаться в сфере чистой мысли.

В результате в идеологических буржуазных воззрениях отражение экономических отношений дано как в камере-обскуре, вверх ногами, и это отражение совершается так, что процесс не доходит до сознания действующего субъекта. Так, «...юрист, — пишет Энгельс, — воображает, что оперирует априорными положениями, а это всего лишь отражения экономических отношений»[3].

Вскрывая сложность процесса и механизма отражения общественным сознанием общественного бытия на примере философии, Энгельс показал, что если сама история есть весьма запутанный процесс, то еще более запутанным является отражение этого исторического процесса в сознании людей вообще, а тем паче в сознании философском.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 415.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 83.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 418.

В отличие от Гегеля, которого личность философа интересует прежде всего как субъект мысли, как проявление «свободной деятельности духа», Энгельс выделяет социальный, классовый подход к философам как историческим деятелям и политикам, придавая большое значение личному характеру идеолога, тому, с какой настойчивостью, страстью защищает и проводит он идеи своего класса. Вне анализа классового смысла философских систем, социально-исторической обусловленности философских концепций нельзя, доказывает Энгельс, понять всей сущности философского знания, постановки и развития новых проблем в философии.

Подобный классовый, политический подход характерен для Энгельса не только в оценке самой личности идеолога, но и в оценке тех философских систем и теорий, которые он создает. Энгельс показал, что если в сознании философа может неправильно отражаться действительность, то здесь не исключена возможность, что сами авторы философских систем неправильно осознают истинный смысл своих собственных творений.

Поэтому, согласно марксистскому пониманию принципа историзма и идейной преемственности, Энгельс вместе с Марксом считает необходимым оценивать философские системы прошлого не по тому, как они представлялись самим творцам, а по тому, как в этих системах отражена связь с исторической эпохой. При этом, конечно, сама эта историческая связь преломляется как развитие и преемственность в истории собственно философских идей.

Исходя из преемственности философских идей как одного из проявлений их относительной самостоятельности, Энгельс резко осуждал негативный подход ко всему прошлому наследству. В полемике с П. Бартом, объявившим историю философии лишь «грудой развалин» не оправдавших себя систем, Энгельс, используя выражение Гегеля, писал, что это верный путь «приходить от ничего через ничто к ничему». Давая советы К. Шмидту, как читать Гегеля, Энгельс предостерегал его: «Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи верное и гениальное» [1].

Преемственность, указывал Энгельс, есть не простое

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, стр. 177.

перенесение прошлых идей в новую эпоху, не пассивное заимствование всего содержания используемых идей, теорий, систем. Преемственность, по Энгельсу, это органическое единство двух моментов: наследования и критической переработки предыдущего мыслительного материала.

Относительная самостоятельность общественного сознания находит яркое выражение и в той активной роли, какую играют его различные формы в историческом развитии. При этом, по-видимому, нельзя отождествлять понятия активности идеологии и ее относительной самостоятельности. Активность — это обратное воздействие идеального на свою материальную основу. Но сама эта активность отчасти определяется относительной самостоятельностью идеологии в ее развитии, проявляющейся в опережении или отставании общественного сознания от общественного бытия.

Развивая мысль Маркса о том, что теория становится материальной силой, как только она овладевает массами, Энгельс показал, в чем и как проявляется активная роль идеологии, поставил вопрос об условиях, при которых общественные идеи становятся великой силой в историческом процессе. Будучи отражением материальных, экономических потребностей развития общества, идеи и теории воздействуют на людей, заставляя их поступать согласно своим требованиям и нормам. И это действие, писал Энгельс, тем сильнее, чем правильнее и глубже отражены потребности общественного развития. Активность идей наиболее ярко выступает в деятельности передовых классов.

В силу исторического оптимизма, присущего мировоззрению передовых классов в результате соответствия его новым общественным потребностям, активная роль их идей состоит в том, что они указывают пути, раскрывают перспективы, предвосхищают итоги и результаты революционной деятельности. Там, где люди действуют сознательно, они хотят знать, за что они борются, там идеи проникают в массы и, овладев ими, становятся материальной, организующей, преобразующей силой. Борьба любого передового класса не могла бы быть результативной, если бы его не воодушевляли созданные его идеологами идеалы грядущего, к которому они стремились. «Мы знаем теперь, — писал Энгельс об идеях фран-

цузской революции, — что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность...

Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»[1]. Как бы ни были иллюзорны идеи, провозглашенные буржуазными просветителями, без их вдохновляющего влияния буржуазия и все третье сословие не могли бы начать борьбу с феодализмом и осуществить основные задачи буржуазной революции.

Рассматривая вопрос об активности идеологии, Энгельс не ограничивает его анализом роли передовых идей в жизни общества. Активна и роль идеологии уходящего класса. Идеи этого класса оказывают воздействие на общество даже тогда, когда они уже не отражают условия жизни людей, не соответствуют этим условиям. Существование их, писал Энгельс, определяется присущей идеям консервативностью, способностью передаваться по наследству в силу привычки, в силу традиций.

Эти теоретические положения Энгельс применил в ряде конкретных исторических исследований, в частности в работе «Развитие социализма от утопии к науке» и в английском предисловии к этому труду. На примере первых представителей материализма нового времени — Бэкона, Гоббса и Локка, отразивших в своих философских системах компромисс новой аристократии и буржуазии, Энгельс раскрыл активную роль идей в английской буржуазной революции.

Активное влияние надстройки на базис Энгельс прослеживает прежде всего на взаимоотношениях экономики и политики, на обратном воздействии государственной власти на экономическое развитие. Решающее влияние политической надстройки на экономику объясняется тем, что политика, по определению Энгельса, становится мощной экономической силой.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 190.

Государство влияет на экономическую и другие стороны общественной жизни лишь постольку, поскольку оно выражает потребности класса, господствующего в производстве. В не меньшей степени активная служебная роль государственной власти и политических идей объясняется самой природой идеологического процесса. «В лице государства, — писал Энгельс, — перед нами выступает первая идеологическая сила над человеком. Общество создает себе орган для защиты своих общих интересов от внутренних и внешних нападений. Этот орган есть государственная власть» [1].

В качестве идеологической силы государство, возникнув в результате общественного развития, приобретает по отношению к обществу самостоятельный характер, т. е. способность воздействовать на исторический процесс. Ф. Энгельс отмечал троякое действие государственной власти на экономическое развитие: «Она может действовать в том же направлении — тогда развитие идет быстрее; она может действовать против экономического развития — тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится в конце концов к одному из предыдущих» [2].

Вопрос об активном воздействии надстройки на общество Энгельс связал, наконец, с вопросом о роли личности в истории. Деятельность последней он рассматривает в плане взаимоотношения свободы и необходимости как частного случая взаимоотношения категорий случайности и необходимости. Теоретические положения, изложенные им в работах «Анти-Дюринг», «Диалектика природы» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», Энгельс еще раз иллюстрирует в 90-х годах на исторических примерах.

Энгельс указывает, что активная сознательная деятельность не исключает действия необходимости. И эта необходимость в конечном счете экономическая. Великая личность оказывает на ход истории тем большее влия-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 311.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 417.

ние, чем глубже она познает законы социального развития. «Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится — более или менее удачная, но с течением времени находится... Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что дело шло к этому, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело и это открытие *должно* было быть сделано»[1].

Вопросы, поставленные Энгельсом в 90-е годы, имеют непреходящее значение. В последующей истории марксизма борьба против вульгаризации, упрощения материалистического понимания истории занимает важное место. В новых исторических условиях В. И. Ленин развил идею Энгельса об активной роли надстройки в стройную теорию взаимоотношения субъективного и объективного факторов в историческом процессе и результаты этого теоретического исследования применил в практической борьбе за пролетарскую революцию и социализм. В. И. Ленин поднял на новую ступень учение Энгельса о формах классовой борьбы, о причинах, сущности государства, условиях его отмирания и другие его идеи. Дальнейшее развитие познания и общественно-исторической практики привело к дальнейшему обогащению марксистско-ленинской теории.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 39, стр. 175—176. Имея в виду открытие Марксом и Энгельсом материалистического понимания истории, М. В. Серебряков пишет: «Чтобы достигнуть такого понимания, нужно было обладать не только полным бескорыстием, но и глубокой искренностью, большим мужеством, независимостью, твердостью и цельностью характера». (*М. В. Серебряков.* Фридрих Энгельс в молодости, стр. 6).

Разработка Энгельсом вопроса о субъективном факторе в истории

Одной из распространенных буржуазных и ревизионистских легенд о марксизме является утверждение о механистическом характере решения им проблемы общественного сознания. Этот предрассудок упорно держался в буржуазной литературе еще со времен 80—90-х годов прошлого столетия и ко времени выступления Э. Бернштейна стал господствующим среди ревизионистов.

Открытые противники и «друзья» марксизма в борьбе против революционной теории Маркса и Энгельса превращали ее в концепцию механистического детерминизма и истолковывали как теорию вульгарного «экономического материализма». Они упрекали марксистов в проповеди фатализма, игнорировании деятельности людей и активной роли политики и идеологии, пытались превратить исторический материализм в мертвую схему и подменяли его идеализмом. Так, например, ревизионист Л. Вольтман писал: «Если Маркс приписывает классовой борьбе роль в разрушении капитализма и в осуществлении социализма, то эта роль совсем второстепенна. Сознание и воля участвующих в классовой борьбе людей являются сознанием и волей марионеток, которые приводятся в движение экономическим, естественным законом, действующим позади сцены капиталистического мирового театра. Что, следовательно, здесь нужно констатировать, так это известный социальный фатализм, который имеет место в учении Маркса» [1].

Как известно, подобная фальсификация марксизма в наше время нашла очень широкое распространение среди противников марксизма. Современные буржуазные идеологи также стремятся представить марксизм в качестве сугубо фаталистической концепции, исключающей активную роль людей. Взглядам же В. И. Ленина по во-

---

[1] «Sozialistische Monatshefte», 1901, N V (VII), S. 363.

просу о субъективном факторе они, напротив, пытаются приписать волюнтаризм [1].

Между тем из сущности самого марксизма вытекает признание активной роли субъективного фактора. Конечно, в борьбе с противниками материалистического понимания истории основоположники марксизма сосредоточили свое внимание на выяснении главной стороны своей концепции. «Маркс и я, — писал Энгельс, — отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии» [2].

Но, несмотря на указанное обстоятельство, Маркс и Энгельс не упускали из виду этих моментов при конкретном исследовании социальных процессов. Они глубоко анализировали вопрос о соотношении объективных условий и субъективного фактора, выяснив основные закономерности этого соотношения. Еще в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали относительно своей теоретической позиции: «Эта концепция показывает, таким образом, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [3]. Энгельс вместе с Марксом и после смерти Маркса внес весьма существенный вклад в разработку этой проблемы, дав решение ряда принципиальных вопросов.

Исходным теоретическим положением при рассмотрении проблемы субъективного фактора для Энгельса является тезис, согласно которому жизнь общества — это деятельность людей в различных формах. «История, — писали основоположники марксизма, — *не что иное*, как

---

[1] Так, например, Джордж Лихтгейм в статье «On the Interpretation of Marx's Thought» пишет, что Ленин ввел в свою теорию некоторый род волюнтаризма, который имеет больше общего с взглядами Бергсона и Ницше, чем с детерминистическим рассмотрением исторических проблем Энгельсом («Marx and the Western World». Indiana, USA, 1967). Эта же точка зрения со всей определенностью проводилась в выступлениях буржуазных философов и социологов на последних международных конгрессах.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 396.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 37.

деятельность преследующего свои цели человека»[1]. Называя законы развития общества законами собственной деятельности людей, Энгельс отмечал, что эти законы будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству при коммунизме[2]. История развития общества, указывал Энгельс, существенно отличается от истории развития природы тем, что в обществе «действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели»[3].

История представляет собой результат действия множества стремлений людей, которые определяются страстью или размышлением. «Но те рычаги, которыми, в свою очередь, непосредственно определяются страсть или размышление, бывают самого разнообразного характера. Отчасти это могут быть внешние предметы, отчасти — идеальные побуждения: честолюбие, «служение истине и праву», личная ненависть или даже чисто индивидуальные прихоти всякого рода»[4]. Энгельсу было чуждо противопоставление законов общества деятельности людей. Социальные законы складываются в процессе отношений и деятельности людей. Они не стоят по ту сторону «добра и зла». Деятельность людей входит как необходимый и обязательный компонент в условия, влияющие на действие общественных законов относительно устойчивых тенденций общественного развития.

В борьбе против идеалистического понимания истории Энгельс, подчеркивая объективный характер законов, вместе с тем указывает на внутреннюю связь субъективного и объективного в механизме закона. Социальные законы возникают в процессе деятельности людей. Люди так или иначе используют эти законы в своей практике. Именно отсюда проистекает активная роль субъективного фактора. Энгельс возражает против взаимопротивопоставления социальных законов и активной человеческой деятельности. Источником явлений и отражающихся в них закономерностей в обществе является дея-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 102.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 294—295.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 306.
[4] Там же.

тельность людей, взятая во всех ее формах. Энгельс выступал против как субъективистского, так и фаталистического подхода к анализу природы социального закона.

Энгельс подчеркивает единство субъективного и объективного в обществе, анализирует диалектику их взаимодействия. Он видит не два параллельных ряда, а две стороны общественных явлений, из которых одна сторона, а именно объективная, в первую очередь экономика, является определяющей, обусловливая существование, состояние и развитие субъективной стороны. Этот главный принцип Энгельс выделяет в своих работах, так как противники материалистической концепции общественного развития прежде всего выступали против этого принципа, противопоставляя ему идеалистическое понимание истории. Он неоднократно подвергал критике волюнтаристские концепции в политической области.

В рецензии на клеветнические памфлеты А. Шеню и Л. Делаода, опубликованные в 1850 г., основоположники марксизма нарисовали образ заговорщиков периода сороковых и пятидесятых годов, которые игнорируют объективные условия и обстоятельства жизни, руководствуясь чисто субъективными представлениями. «Само собой разумеется, — писали они, — что эти заговорщики не довольствуются тем, чтобы вообще организовать революционный пролетариат. Их дело заключается как раз в том, чтобы опережать процесс революционного развития, искусственно гнать его к кризису, делать революцию экспромтом, без наличия необходимых для нее условий. Единственным условием революции является для них надлежащая организация их заговора. Они — алхимики революции и целиком разделяют превратность представлений, ограниченность навязчивых идей прежних алхимиков. Они увлекаются изобретениями, которые должны сотворить революционные чудеса: зажигательными бомбами, разрушительными машинами магического действия, мятежами, которые должны подействовать тем чудотворнее и поразительнее, чем меньше имеется для них разумных оснований» [1].

Как указывалось выше, Энгельс подверг критике субъективистские и волюнтаристские взгляды Ткачева. Касаясь его волюнтаристских представлений о революю-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 287—288.

ции, Энгельс в статье «Эмигрантская литература» писал: «Более легкой и приятной революции нельзя себе и представить. Стоит только в трех-четырех местах одновременно начать восстание, а там «революционер по инстинкту», «практическая необходимость», «инстинкт самосохранения» сделают все остальное «уже сами собой»» [1].

Полемика Ф. Энгельса с Ткачевым и другими сторонниками бланкизма имела не только важное политическое, но и существенное теоретическое значение для решения проблемы субъективного фактора в жизни общества. В ходе полемики четко выступила теоретическая и практическая позиция Энгельса по вопросу о соотношении субъективного фактора и объективных обстоятельств в жизни. Субъективный фактор в конечном счете зависит от объективных условий жизни. В своем содержании и функциях он определяется последними и вместе с тем играет активную роль в преобразовании действительности.

Энгельс подверг критике политическую и теоретическую позиции бланкизма. В глубоком анализе взглядов Бланки и его приверженцев он подчеркивал близость их к программе бакунизма. Бланкизм исходит из утверждения, что революции вообще не сами происходят, а производятся небольшой группой лиц по заранее разработанному плану. «Бланки, — писал Энгельс, — преимущественно политический революционер; социалист он только по чувству, из участия к страданиям народа, но у него нет ни социалистической теории, ни определенных практических предложений социального переустройства. В своей политической деятельности он был по преимуществу «человеком дела», верившим, что небольшое, хорошо организованное меньшинство, выступив в надлежащий момент с попыткой революционного переворота, может несколькими первыми успехами увлечь за собой народную массу и совершить таким образом победоносную революцию» [2].

В борьбе против бланкизма Энгельс неоднократно подчеркивал, что противники марксизма в определении своих теоретических и политических позиций не считают

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 546—547.
[2] Там же, стр. 511.

необходимым учитывать объективные обстоятельства жизни, закономерности общественного развития. Они выдвигают искаженное представление о возможной и действительной роли субъекта в истории, описывают и толкуют активность сознания и воли субъекта в изоляции от объективных условий. Энгельс указывал, что решения Бланки по вопросу о восстании и революции являются результатом одностороннего, волюнтаристского истолкования проблемы. Однако произвольное вмешательство не может ускорить наступления желаемых событий. Последователи же Бланки воображают, что могут перескочить «через промежуточные станции», коль скоро они пожелали это сделать.

Рассматривая сущность субъективного фактора, основоположники марксизма ставили вопрос не просто об идеях, как таковых, оказывающих влияние на общество, а о практических действиях людей под влиянием тех или иных идей. Критикуя идеалистические взгляды младогегельянцев, они писали: «*Идеи* никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка. Идеи вообще *ничего* не могут *осуществить*. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу» [1].

Исследуя закономерности революции 1848 г., Энгельс подчеркнул, что субъективный фактор играет очень большую роль как в развязывании, так и в дальнейшем развитии революционных событий. Рабочий класс своей беззаветной деятельностью и мужеством убыстрял ход исторического развития. Энгельс писал, что пролетариат «по мере сил ускорял ход революции, которая стала теперь исторической необходимостью для старых обществ цивилизованной Европы...» [2]. В письме к В. Боргиусу от 25 января 1894 г. Энгельс вновь подчеркивал, что «дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *причиной*, что *только* оно является *активным*, а все остальное — лишь пассивное следствие» [3]. Существуют и другие факторы, как объективные, так и различные субъективные — политические, моральные,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 132.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 8, стр. 104.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 175.

психологические. «Даже смертельная усталость и бессилие немецкого мещанина, обусловленные жалким экономическим положением Германии в период с 1648 по 1830 г. и выразившиеся сначала в пиетизме, затем в сентиментальности и в рабском пресмыкательстве перед князьями и дворянством, не остались без влияния на экономику»[1].

В работах, посвященных анализу закономерности социальной революции, Энгельс отмечал такие важные моменты субъективного фактора в революции, как активность, мужество и отвагу класса, вступившего на путь революции. «Но в революции, как и на войне, — пишет он, — всегда необходимо смело встречать врага лицом к лицу и нападающий всегда оказывается в более выгодном положении; в революции, как и на войне, в высшей степени необходимо в решающий момент все поставить на карту, каковы бы ни были шансы. История не знает ни одной успешной революции, которая не подтверждала бы правильности этих аксиом»[2]. Касаясь компонентов субъективного фактора в процессе вооруженного восстания и характеризуя восстание как искусство, Энгельс раскрыл такие общественно-психологические моменты, как готовность идти до конца в восстании, решительность действий, их наступательность, смелость, а также моральные качества участников восстания. При этом Энгельс подчеркивал, что субъективный фактор не может созреть сам собой, совершенно спонтанно и самопроизвольно. К революции необходимо готовить массы, политически и идейно их просвещать. В формировании политической и идеологической зрелости масс Энгельс особенно выделял необходимость правильного руководства массами.

В исторических работах Энгельс также раскрывал структуру идеологии и социальной психологии, анализируя отдельные субъективные их компоненты и их значение в конкретном историческом процессе. В содержании субъективного фактора Энгельс при этом отводил определенное место и эмоционально-психологической стороне. Рассматривая причины поражения класса мелкой буржуазии в немецкой революции 1848 г., Энгельс пока-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 39, стр. 175.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 80.

зал, что далеко не последнюю роль в этом сыграли такие социально-психологические факторы, как боязнь, неизменно проявляющаяся в возглавляемом ею движении, близорукость, малодушие и нерешительность этого класса в политике [1].

При анализе конкретного исторического процесса революции 1848 г. Энгельс придавал весьма большое значение и психологии различных классов общества (рабочего класса, крестьянства), требуя при объяснении исторических событий внимательного учета настроений масс. Он, как и Маркс, подчеркивал, что идеологические и психологические процессы сопутствуют друг другу, взаимодействуют и формируют силы, влияющие на объективные условия. Энгельс теснейшим образом связывает эмоциональное возмущение рабочего класса с его движением против капитализма. «Не будь этого чувства страстного, революционного негодования, — писал он, — не было бы надежды на освобождение пролетариата» [2].

Политическая зрелость и политическая организованность рабочего класса, трудящихся масс являются важнейшими компонентами субъективного фактора революции. Для того чтобы массы поняли свою историческую миссию, указывал Энгельс, нужна длительная, настойчивая работа в этом направлении. Начиная со времени организации Союза коммунистов основоположники марксизма со всей настойчивостью ставили вопрос о необходимости внесения в среду рабочего класса социалистического сознания. Эта сторона вопроса была связана с необходимостью целенаправленной «подготовки» субъективного фактора к революции, что в свою очередь было теснейшим образом связано с разработкой и пропагандой революционной теории. Энгельс указывал на преимущество в то время немецких рабочих перед остальными рабочими Европы, заключавшееся в их теоретическом сознании. «А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед, несмотря на великолеп-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 114.
[2] Там же, стр. 238.

ную организацию отдельных ремесел, — а с другой стороны, это показывают та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме — у испанцев и итальянцев» [1].

Энгельс неоднократно указывал на необходимость идеологической и теоретической подготовки рабочего класса в преддверии социальной революции. «Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, — писал Энгельс, — массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью» [2]. Касаясь причин поражения революции 1848 г., он останавливается не только на выяснении объективных причин, но и на рассмотрении степени зрелости субъективного фактора.

Энгельс указывает на отсутствие в событиях 1848—1849 гг. твердого и целеустремленного политического руководства как на такой важнейший компонент субъективного фактора, неразвитость которого повлекла за собой стихийный характер событий. Касаясь, например, событий в Эльберфельде, Энгельс подчеркивал спонтанную их стихийность, сумятицу в рядах восставших, нерадивость и трусость созданного повстанцами Комитета безопасности.

Особое внимание проблеме субъективного фактора в истории Энгельс вместе с Марксом уделял в связи с Парижской Коммуной 1871 г. Анализируя исторический опыт парижских коммунаров, Маркс и Энгельс подчеркивали такие важные стороны субъективного фактора народных масс, как революционная активность, мужество, отвага, историческая инициатива, политическое и социальное творчество. Основоположники марксизма конкретно и подробно анализировали и такой компонент субъективного фактора, как политика различных классов. Останавливаясь на внутренней и внешней политике Парижской Коммуны, они отмечали ее изъяны, недостатки и промахи, которые стали одной из причин поражения революции. Анализируя политическую деятельность Коммуны по отношению к реакции, Маркс и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 498.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 544.

Энгельс подчеркивали, что руководители ее не использовали в необходимой мере силы и средства политического насилия. Касаясь экономической политики Коммуны, Энгельс указывал, что она упустила многое из того, что ей необходимо было сделать. «Труднее всего, разумеется, понять то благоговение, с каким Коммуна почтительно остановилась перед дверьми Французского банка. Это было также крупной политической ошибкой» [1].

Из всех мелкобуржуазных сектантских групп в рабочем движении бакунизм был одним из наиболее опасных течений, выступавших против революционной партии пролетариата и марксистского учения о диктатуре пролетариата. Бакунисты стремились извратить исторический характер Парижской Коммуны, представить ее как образец отмены государства и полного его устранения из общественной жизни. Для их взглядов на роль субъективного фактора был характерен волюнтаризм, в силу чего они выступили именно против политической борьбы рабочего класса.

Исключительно большое значение в критике бакунистов и их «политического индифферентизма» имели решения Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих 17—23 сентября 1871 г. В авторской записи речи на заседании конференции 21 сентября 1871 г. Энгельс подчеркивал: «Мы хотим уничтожения классов. Каково средство, чтобы добиться этой цели? — Политическое господство пролетариата. И вот, когда это стало яснее ясного, от нас требуют невмешательства в политику! Все проповедники воздержания от политики именуют себя революционерами, и даже революционерами по преимуществу. Но революция есть высший акт политики; тот, кто стремится к ней, должен признавать и средства, политические действия, которые подготовляют революцию, которые воспитывают рабочих для революции и без которых рабочие на другой день после битвы всегда будут одурачены Фаврами и Пиа. Политика же, которую следует проводить, это — рабочая политика; рабочая партия не должна плестись в хвосте той или иной буржуазной партии, а должна конституироваться как партия независимая, у которой своя собствен-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 197.

ная цель, своя собственная политика»[1]. Здесь Энгельс с исключительной силой подчеркнул значение политической стороны субъективного фактора.

Не менее решительной критике подверг он бакунистскую концепцию «автономии личности» и «непризнания авторитета» в различных областях общественной жизни. В специальной статье «Об авторитете» (1874 г.) Энгельс, опровергая анархистский принцип личностной автономии, обосновал марксистское решение этого вопроса. «Предположим, — писал он, — что социальная революция свергла капиталистов, авторитету которых подчиняются в настоящее время производство и обращение богатств. Предположим, становясь вполне на точку зрения антиавторитаристов, что земля и орудия труда стали коллективной собственностью тех рабочих, которые их используют. Исчезнет ли авторитет или же он только изменит свою форму?»[2]

Энгельс показывает, что из характера современной крупной промышленности с неизбежностью вытекает необходимость авторитета в руководстве производственными операциями: необходим, например, инженер для бесперебойного функционирования машин и т. д. «Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности — уничтожения паровой прядильной машины, чтобы вернуться к прялке»[3]. Материальные условия, в которых происходит производство и обращение продуктов, объективно обусловливают необходимость авторитета руководителей производственного процесса.

Столь же необходим авторитет и в области политических отношений. Выступая против анархистов, Энгельс подчеркивал, что стихийное движение народных масс требует руководства ими и оно неизбежно в ходе развития революции выдвигает авторитеты, кадры руководителей. Сами народные массы авторитетно с помощью политической власти навязывают свою революционную волю побежденной реакции. «Они требуют, — писал Энгельс об анархистах, — чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета. Видали ли они ко-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 421—422.
[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 303.
[3] Там же, стр. 304.

гда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна... Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве она продержалась бы дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?» [1]

В работах о войне и военном искусстве, а также в анализе конкретных военных операций Энгельс глубоко и всесторонне анализировал роль субъективного фактора, в особенности значение морального духа войск. Например, во вступительных замечаниях к инструкции маршала Бюжо он подчеркивал огромное значение психологических и моральных факторов для действий войск. Касаясь содержания этой инструкции, Энгельс писал: «Этим принципам французы неизменно следуют даже сейчас; они до сих пор приносили им победу над армиями, которые по установившимся за долгое время привычкам мирного времени, по-видимому, больше полагались на искусную тактику, чем на подъем морального духа солдат» [2].

Энгельс специально и наиболее детально останавливается на теоретическом анализе проблемы субъективного фактора в 90-е годы XIX в. На то были свои причины. К этому времени относится ряд выступлений буржуазных идеологов, содержащих резкую критику материалистического понимания истории; они обвиняли марксизм в фаталистическом объяснении исторического процесса. Энгельсу в 1890 г. пришлось выступить с критикой ложного понимания взглядов марксизма так называемыми молодыми в социал-демократической партии Германии. В ходе критики он указывал на их переход на позиции анархизма, в теории — на позиции вульгарного материализма. Так, например, один из вождей «молодых», Пауль Эрнст, в статье «Gefahren des Marxismus» («Volkstribüne», 1890, N 32) выступил, следуя за буржуазными идеологами, против материалистического понимания истории, сводя его к фаталистической доктрине [3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 305.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 15, стр. 255.

[3] Г. В. Плеханов, выступая в защиту исторического материализма, направил в «Vorwärts» критическую статью «Товарищ Пауль Эрнст и материалистическое понимание истории». Статья не увидела света.

В статье «Ответ господину Паулю Эрнсту» в газете «Berliner Volksblatt» Энгельс писал, что Эрнст «без обиняков повторяет усвоенное им абсурдное утверждение метафизика Дюринга, будто у Маркса история делается совершенно автоматически, без всякого участия (делающих ее, однако) людей и будто экономические отношения (которые, однако, сами создаются людьми!) играют этими людьми словно простыми шахматными фигурами»[1]. Энгельс требовал решительной борьбы с «недоучившимися студентами» и «докторами». Он подчеркивал, что Эрнст в своих писаниях пользовался материалистическим методом не как руководящей нитью исторического исследования, а как готовым и застывшим шаблоном.

Выход в свет книги П. Барта «Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмана включительно» (1890 г.), в которой материалистическое понимание истории было искажено в духе фатализма, послужил поводом для специальных выступлений Энгельса против фальсификации марксизма в данном направлении. Письма Энгельса к К. Шмидту, Й. Блоху и другим представляют собой исключительный теоретический и политический интерес. В них конкретно ставится проблема диалектики базиса и объективных условий, в особенности условий экономических. В письме к Й. Блоху Энгельс писал: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу»[2].

В письмах Энгельса 90-х годов XIX в. обращают на себя внимание следующие теоретические положения: 1) определяющую роль экономики в обществе следует рассматривать как определяющую лишь в конечном счете; 2) политический, правовой и идеологический факторы оказывают обратное, активное воздействие на развитие

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 89.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 394.

экономики; 3) они обладают относительной самостоятельностью и внутренней логикой своего развития, причем в различных исторических событиях движущим стимулом по отношению к ряду общественных явлений могут выступить политика и идеологические процессы в рамках их общей, подчас довольно отдаленной и неполной зависимости от экономических условий; 4) воля отдельного человека не равна нулю, она вносит свою долю в общий исторический результат и не есть лишь внешне активное выражение субъектом его же зависимости (пассивной обусловленности) от экономики; 5) идеологическая и политическая борьба играет активную и подчас решающую роль в историческом процессе; 6) в истории вообще нет фатального автоматизма действий людей. «Следовательно, если Барт, — писал Энгельс, — полагает, что мы отрицали всякое обратное влияние политических и т. д. отражений экономического движения на само это движение, то он просто сражается с ветряными мельницами. Ему следует заглянуть лишь в *«18 брюмера»* Маркса, где речь и идет почти только о той *особой* роли, которую играют политическая борьба и события, конечно, в рамках их *общей* зависимости от экономических условий; или посмотреть «Капитал», например отдел о рабочем дне, где показано, какое решительное действие оказывает законодательство, которое ведь является политическим актом, или отдел, посвященный истории буржуазии (24-я глава). К чему же мы тогда боремся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна?»

О том же писал Энгельс и в письме к Й. Блоху, ссылаясь также на свои сочинения «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». В произведении «Анти-Дюринг» Энгельс, анализируя различные силы (факторы), действующие в обществе, отмечал, что как политическая, так и духовная сила становится фактором, играющим весьма важную роль в историческом процессе. Под употребляемым здесь понятием «общественные силы» Энгельс в сущности понимал различные стороны субъективного фактора — действия людей, классов, направленные на изменение объективной среды, в которой протекает это дей-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 420.

ствие. Такие действия имеют свое конкретное содержание и свойственные им формы — политическую, идеологическую, психологическую. Энгельс указывал, что силы эти могут приобрести относительную самостоятельность и вследствие этого оказать существенное влияние на объективный исторический процесс. Они могут ускорять или тормозить экономическое развитие, играя в одних случаях прогрессивную, а в других — реакционную роль. Люди используют свои собственные духовные и политические силы для изменения и преобразования общественной жизни.

Критикуя Дюринга, Энгельс, с одной стороны, подчеркивает зависимость политической силы от экономической, а с другой — ее относительную самостоятельность, дающую ей возможность ломать окаменевшие, омертвевшие политические формы и прокладывать дорогу прогрессу. Но политический фактор может действовать и в противоположном направлении. Подобное же положение Энгельс выдвинул и в отношении идеологических факторов, в частности философии. Идеологическое воззрение «оказывает обратное действие на экономический базис и может его в известных пределах модифицировать, — это мне кажется само собой разумеющимся» [1].

Действие различных сил (факторов) Энгельс рассматривал в свете многообразия и относительной самостоятельности разных сторон практической деятельности людей. Он анализировал современное стихийное классово антагонистическое общество и роль, которую в нем играют воли различных людей, занятых разными видами практики. Исторические события, как и сам социальный закон, возникают в результате интеграции действий людей. Энгельс писал, что «история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных воль, причем каждая из этих воль становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие» [2]. В этом действии сил

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 418.
[2] Там же, стр. 395.

(факторов) главное принадлежит, если рассматривать процесс в целом, все же экономической силе.

Касаясь рассуждений критиков марксизма, в частности П. Барта, Энгельс писал: «Эти господа часто почти намеренно забывают о том, что историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины»[1]. Сами люди являются носителями социальных сил, и через их действия, а не как-то иначе совершаются исторические события. При этом не все — даже и в конечном счете — сводится к экономическим причинам. Но из того обстоятельства, указывал Энгельс, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влекут физическая конституция и внешние обстоятельства (его собственные, личные или общесоциальные), достигают не того, чего они хотят, не сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, — не следует все же заключать, что эти воли равны нулю. «Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее»[2]. Итак, рассматриваемые силы (факторы), по Энгельсу, не есть нечто внешнее по отношению к деятельности человека. Через деятельность людей возникают силы, объективная логика которых в свою очередь обусловливает поведение человека и социальных групп. Через экономическую, социальную, политическую и идеологическую силы человека происходит преобразование действительности.

В письмах к Ф. Мерингу, рассматривая содержание его «Легенды о Лессинге», Энгельс обращает внимание автора работы на то, что он недостаточно оценил значение самостоятельной роли субъективного фактора. Он деликатно замечает: «Поэтому я не только далек от того, чтобы в связи с этим как-то упрекать Вас, — на это у меня, как виновного в том же еще раньше Вас, нет и никакого права, напротив, — но я все же хотел бы обратить Ваше внимание на этот пункт для будущего»[3]. Ме-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 39, стр. 84.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 396.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 39, стр. 84.

ринг в письме от 6 октября 1892 г. указывает, что это замечание заставило его пересмотреть соответствующие главы «Легенды о Лессинге».

Сама по себе активность идеологии и политики иногда истолковывается неверно, в духе фаталистического понимания самой этой активности, но Энгельс имеет в виду, что эта активность представляет собой относительно самостоятельный результат влияния тех объективных общественных отношений, которые породили идеологию.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что Энгельс особенно в 90-е годы прошлого века глубоко проанализировал наиболее важные проблемы, связанные с вопросом о значении субъективного фактора в историческом процессе. Дальнейший анализ проблемы, творческая и всесторонняя разработка ее в новых исторических условиях принадлежит В. И. Ленину [1].

Глава семнадцатая

Идеи Энгельса о развитии производительных сил в связи с прогрессом науки и современность

Оценивая вклад Фридриха Энгельса в создание и развитие марксизма, следует особое внимание обратить на его положения о связи материальных производительных сил с развитием науки. Особенно важны они в свете указания Энгельса, что для возможно полной реализации такой связи, которая чрезвычайно стимулировала бы процесс производства, в качестве необходимого условия требуется переход к социалистическому обществу. С другой стороны, без значительного развития производства и ускорения темпов его роста невозможно успешное построение и развитие социализма как общественного строя. Эти идеи Энгельса были впоследствии развиты Лениным, и они оказывают все возрастающее влияние

[1] См. *Б. А. Чагин.* Ленин о роли субъективного фактора в истории. Л., 1967.

на теорию и практику рабочего класса. В «Великом почине» В. И. Ленин писал: «Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда» [1].

Уже в период возникновения марксизма Энгельс указывал на большое значение строго научно разрабатываемой политической экономии. В своих ранних критических заметках по вопросам этой науки он делал упор на проведение в ней последовательной классовой точки зрения пролетариата. Критика буржуазной политической экономии Энгельсом явилась развернутым наступлением на капитализм. В «Набросках к критике политической экономии», где Энгельс поставил огромное количество проблем, не исчерпанных до настоящего времени, он сопоставляет капитал и труд и показывает закономерный характер борьбы за отмену капиталистической частной собственности. Эту отмену следует понимать как результат целого комплекса процессов. Опровергая буржуазные теории о «гармоничности» капиталистического строя, Энгельс указывал на те диалектические противоречия, которые неизбежно ведут буржуазное общество к гибели. В основной линии своих рассуждений он подчеркивал, что процесс возникновения общества, свободного от эксплуатации, следует раскрыть как развитие качественно новой и целостной общественно-экономической формации. Для предпосылок этого процесса характерно то, что капиталистическая конкуренция вызвала централизацию производства и создание монополий, углубив тем самым противоречие между капиталом и трудом. Одновременно обостряется глубокая деградация [2] человека, к которой неизбежно ведет частная собственность. В то же время развитие производительных сил уже в это время дает представление о том, какие возможности открываются перед обществом, освобожденным через отмену частной собственности на средства производства от эксплуатации.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 21.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 559—560, 569, 570.

Отмена капиталистической частной собственности — это не плавно-постепенный, но революционный процесс, в котором и на основе которого вся совокупность человеческих отношений и сам человек подвергаются коренным, все более углубляющимся изменениям. Введение науки и машинной техники в новое, социалистическое производство порождает огромный комплекс новых черт общественных отношений. Наука при этом идет по пути превращения не только в производительную силу, но и в движущую силу общественного развития. Она превращается в силу, изменяющую межчеловеческие отношения, изменяющую самих людей.

Результатом полного преобразования социальных отношений и ликвидации эксплуататорских классов, как показал Энгельс, будет действительное уничтожение противоположности между городом и деревней, резкое повышение продуктивности сельскохозяйственных угодий, широчайшая индустриализация сельского хозяйства и уничтожение противоположности между физическим и умственным трудом.

Если капиталистическое общество характеризуется периодическими экономическими кризисами, то для социалистического общества, писал Энгельс уже в «Набросках к критике политической экономии», характерным является плановое ведение хозяйства. Вот как он излагает эту мысль в «Принципах коммунизма»: «. . .следовательно, необходимо либо отказаться от крупной промышленности, — а это абсолютно невозможно, — либо признать, что она делает безусловно необходимым создание совершенно новой организации общества, при которой руководство промышленным производством осуществляется не отдельными конкурирующими между собой фабрикантами, а всем обществом по твердому плану и соответственно потребностям всех членов общества» [1].

В этом плане, составленном в соответствии с потребностями общества, на науку возлагаются важные функции. Именно наука доказала, что земля в состоянии прокормить многократно возрастающее ее население, и это исключает концепцию, предложенную Мальтусом. Ведь «наука с каждым днем все больше и больше подчиняет

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 329.

людям силы природы»[1], распространяя свое, все более возрастающее воздействие на сельское хозяйство и промышленность.

В условиях капитализма наука не была в состоянии выполнить всех своих функций, хотя она в определенной мере уже способствовала развитию производительных сил, особенно во второй половине XIX в. Ей мешала анархия капиталистического производства с его кризисами и стихийными катаклизмами. Энгельс показал, что кризисы перепроизводства периодически повторяются в буржуазном обществе, начиная с 60-х годов XVIII в. Они происходят с регулярностью, которая до этого была свойственна лишь большим эпидемиям. Они порождают нищету, разрушают культуру и науку и в то же время приводят к централизации собственности в промышленности и сельском хозяйстве, происходящей за счет средних слоев населения и захватывающей также мелких капиталистов[2].

Наука, обслуживающая частную собственность, используется при капитализме не в интересах трудящихся, а в интересах владельцев капитала и земли. Конечно, использование науки делает продукцию более дешевой, однако в условиях капитализма рабочие не получают от этого никакой пользы. В принципе наибольшая возможность использования науки в промышленности возникает при капитализме лишь тогда, когда капитал хочет уменьшить число занятых в производстве рабочих[3].

Таким образом, наука, по Энгельсу, в условиях классово антагонистического общества имеет двойную функцию. С одной стороны, она способствует покорению людьми сил природы и тем самым знаменует прогресс, в условиях которого впоследствии она сможет быть использована целесообразно в интересах всего общества. Но потенциальная необъятность производительных сил, порожденных капитализмом, обнаруживает подлинно гуманистический смысл лишь в том случае, если она реально приносит пользу трудящимся, а не служит лишь интересам наживы владельцев частной собственности. Между тем частная собственность использует науку, как пра-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 563.
[2] См. там же, стр. 561.
[3] См. там же, стр. 570—571.

вило, именно в таких целях, результаты которых противоречат интересам рабочего класса и всех трудящихся масс (не говоря здесь уже специально об использовании науки для милитаризации экономики, для развертывания буржуазной пропагандистской машины и т. д.). Наука в условиях капитализма используется против труда. Констатируя это, Энгельс ввел в марксистскую теорию общества понятие о классовом характере использования науки.

Наука при капитализме используется, таким образом, в качестве особого инструмента борьбы буржуазии против рабочего класса. Уже в «Набросках к критике политической экономии» Энгельс указывает на эту специальную функцию науки в рамках того процесса, который Маркс впоследствии назвал расширенным воспроизводством. Применение науки в машинном производстве, сопровождавшееся удешевлением продукции и сокращением вкладываемых средств, привело к возникновению острых противоречий. Если наука по отношению к производству обладает одинаковым воздействием на органическое строение капитала в разных случаях, то ее эффективность для различных классов в одном и том же случае качественно различна. Владельцы капитала используют науку в производстве для поддержания и укрепления господства своего класса, для наступления на пролетариат. Научно-технические изобретения обеспечили переход от извлечения абсолютной прибавочной стоимости к извлечению относительной, а затем и к дальнейшей интенсификации эксплуатации рабочих при уменьшении их числа в том или ином конкретном производстве. Рабочие же, участвуя в процессе производства и воспроизводства, экономически поставлены в такое положение, в котором им весьма нелегко вести борьбу с буржуазией, поскольку средства науки находятся в руках последней и направлены против пролетариата. Тем самым наука становится инструментом классовой борьбы, и в эту борьбу ученые, изобретатели втягиваются неизбежным образом, хотя бы и помимо их воли.

Нет ничего более ошибочного, чем упрекать Энгельса, как и марксизм вообще, в том, что в его теории общественного развития существует будто бы некая фатальная вера в непротиворечивый научно-технический прогресс. Тем более глубоко ошибочны буржуазные тео-

рии «нейтрального» (т. е. внеклассового) анализа индустриального развития. Такие теории являются попытками представителей буржуазной идеологии и различных видов ревизионизма затушевать классово антагонистический характер общественного развития и истолковать развитие науки и техники при капитализме как некий совершенно самостоятельный, имманентный процесс.

Разоблачая непримиримые противоречия капиталистического общества, Энгельс указывал на развитие производительных сил как на базисный элемент общественного прогресса. Это развитие выступает на деле как определяющий элемент классовой борьбы. Для рабочих на фабриках и в сельском хозяйстве вовлечение науки в производство явилось совершенно новым фактом, открывающим в конечном счете невиданные прежде перспективы. Увеличение населения и лучшее удовлетворение его потребностей не будут больше противоречащими друг другу явлениями, как это утверждалось многими теоретиками капиталистического общества вслед за Мальтусом [1]. Обе эти стороны общественного прогресса перестанут быть антагонистами в том случае, если капиталистическая частная собственность перестанет быть определяющим фактором. Однако Энгельс проводит здесь различие между промышленностью и сельским хозяйством. Наука, воздействуя на оба сектора производства, в первую очередь, однако, влияет на развитие промышленности, централизация которой позволяет в широких масштабах применять машины. Индустриализация сельского хозяйства и внедрение в него науки являются, по Энгельсу, лишь следствием развития промышленности. Вместе с промышленностью наука создает условия для совершенствования сельскохозяйственных машин и улучшения плодородия почв, что поднимает затем продуктивность земледелия. Для теоретических проблем и исследований нашего времени особенно важно соображение Энгельса о том, что указанная зависимость составляет одну из важных сторон механизма такого повышения производительности труда за счет использования науки, которое сможет опережать рост населения.

В условиях отсутствия частной собственности на средства производства указанный момент используется со-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 564—568.

знательно и конфликт между высвобождением рабочей силы в результате применения машин и все большим удовлетворением потребностей населения снимается. Сознательное управление на основе общественного планирования выступает при этом как настоятельная необходимость, ибо без него невозможно координировать неограниченный и убыстряющийся прогресс науки и техники с ростом человеческих потребностей.

В условиях капитализма, подчеркивал Энгельс, существует глубокий разлад между теоретическими и практическими исследованиями, хотя и здесь интересы практики диктуют в конечном счете общее направление изысканий. Это обстоятельство Энгельс отмечал на материале экономических исследований в буржуазной политической экономии своего времени. В «Немецко-французском ежегоднике», вышедшем в 1844 г., он писал: «Какое дело экономисту (буржуазному. — *Ред.*) до духа изобретательности? Разве все изобретения не достались ему без его участия? Разве хоть одно из них стоило ему чего-нибудь? К чему же в таком случае ему беспокоиться о них при исчислении своих издержек производства? Для него условиями богатства являются земля, капитал и труд, и больше ему ничего не надо. Ему нет дела до науки. Хотя наука и преподнесла ему подарки через Бертолле, Дэви, Либиха, Уатта, Картрайта и т. д., подарки, поднявшие его самого и его производство на невиданную высоту, — что ему до этого? Таких вещей он не может учитывать, успехи науки выходят за пределы его подсчетов. Но при разумном строе, стоящем выше дробления интересов, как оно имеет место у экономистов, духовный элемент, конечно, будет принадлежать к числу элементов производства и найдет свое место среди издержек производства и в политической экономии. И тут, конечно, мы с чувством удовлетворения узнаем, что работа в области науки окупается также и материально, узнаем, что только один такой плод науки, как паровая машина Джемса Уатта, принес миру за первые пятьдесят лет своего существования больше, чем мир с самого начала затратил на развитие науки» [1].

Энгельс указывал на то, что наряду с физическим элементом простого труда в производственной деятель-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 554—555.

ности участвует также и духовный элемент. Мысль о науке как производительной силе и как особой форме труда была впервые высказана именно Энгельсом. Она была развита им в знаменитых письмах об историческом материализме в первой половине 90-х годов XIX в., в которых он указывал не только на зависимость развития науки от нужд производственной практики, но и на активную роль науки во взаимодействии ее как с производством, так и с другими сторонами деятельности людей.

В коренном переходе от капиталистического общества к социалистическому, освобожденному от частной собственности на средства производства и землю, Энгельс, как отмечалось, видит существеннейшее условие дальнейшего развития средств производства во взаимодействии их с наукой. Если обратиться к результатам успехов науки в первые пятьдесят лет существования паровой машины, отмечал он, то станет ясно, насколько наука повысит свою эффективность, если она будет использоваться систематически и в нарастающих темпах и при ее применении будут исключены сдерживающие социальные факторы.

Исходя из этой оценки, Энгельс обращается к анализу открытий в области химии, физики и машиностроения. В единстве науки и изобретательства диалектически соединены, как показывают факты, две различные стороны единого процесса, которые с точки зрения теории познания далеко не всегда совпадают или перекрывают друг друга. С одной стороны, речь идет о частичном, хотя и все возрастающем познании природы, а с другой — о применении на практике, т. е. в производстве, не полных еще знаний, а значит, не полных еще решений познаваемых проблем. Исследовательская мысль ищет среди известных и неизвестных условий решения задач комбинацию наиболее подходящих в данный момент элементов естественного и технического характера. Это характерно как для технологии, так и для других областей человеческой организации труда, на которые указывал Энгельс.

Тот факт, что науку следует использовать в производстве максимально и что с этим связан огромный реальный эффект, был установлен еще Бэконом и Декартом. Энгельс считает, что их прогнозы, базирующиеся

на материалистической философской позиции, подтвердились. Они выдержали испытание практикой жизни. Однако многие важные вопросы остались еще открытыми. К таким вопросам можно отнести следующие: влияние науки и технических изобретений на производительность труда; зависимость социальной и технической роли прикладных наук, экспериментальных и технических исследований от общественного строя и классовой функции пролетариата; влияние ликвидации частной собственности на развитие общественной роли науки и изобретений; уточнение всех сторон роли науки в структуре общественных отношений; разработка условий распространения планирования, осуществляемого победившим рабочим классом, на всю систему общества с учетом его ускоренного развития; роль науки, изобретений и промышленности в разных аспектах процесса развития сельского хозяйства и повышения жизненного уровня возрастающего населения.

Эти вопросы, поставленные в разной связи Энгельсом, выступают для нас как набросок программы решения теоретических и практических проблем, возникающих в социалистическом обществе в связи с развитием производительных сил в плане анализа социальной роли науки и путей ее использования, включая современную научно-техническую революцию, развернувшуюся с середины XX в. Однако философские проблемы научно-технической революции XX в. требуют специального рассмотрения, выходящего за рамки нашей темы.

Анализ Энгельсом проблем связи производства, науки и потребления раскрывает ряд особенностей пролетарского гуманизма, который в наше время является предметом острой дискуссии марксистов с буржуазными пессимистами и ревизионистами. Для современных марксистов здесь особенно важно то, что вопрос о руководящей роли рабочего класса при социализме Энгельс рассматривал в теснейшей связи с решением задач создания обилия средств существования для всего населения.

То обстоятельство, что не машина «овладевает» человеком и господствует над ним, а, наоборот, общественный человек овладевает машиной, Энгельс рассматривал по сути дела как важнейшую черту пролетарского социалистического гуманизма. Энгельс показал, что капиталистический способ производства с необходимостью

несет с собой духовную деформацию человека. Она происходит по тем же причинам, что и извращение природы человека всей обстановкой буржуазного общества, в целом основанного на эксплуатации и угнетении.

Капиталистическая частная собственность ведет к подавлению индивидуума и ограничению его жизненных проявлений. Непосредственные и косвенные результаты влияния капиталистического отчуждения труда на рабочего ярко показали Маркс в «Экономическо-философских рукописях» и в «Капитале» и Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» и других произведениях. Они подчеркивали, что капитализм принижает и проституирует умственный труд. И до тех пор пока в общественном самосознании трудящихся не проявилась в принципе такая его функция, как сознательное обратное воздействие на экономический базис жизни общества, умственный труд еще не свободен полностью от воздействия буржуазной идеологии. Это освобождение — сложный и нелегкий процесс.

Процесс умственного труда, согласно Энгельсу, ведет в конечном счете к расширению научного познания. Целью его при социализме является оптимальное определение человеческих возможностей, важных для самопознания и самопреобразования человека и ведущих через свою реализацию к счастью людей. В условиях развитой общественной системы социализма и построения коммунистического общества положения, высказанные в этой связи Энгельсом, воспринимаются нами как раскрытие путей осуществления и применения результатов научно-технического прогресса в интересах светлого будущего человечества.

Критерий гуманности прогресса заключается, по Энгельсу, в выявлении специфического характера общественного строя. Рост производительности труда и увеличение использования современной техники ставит вопрос, *кому* все это идет на пользу, в *чьих* интересах оно применяется? Соображения, высказанные по этому поводу Энгельсом, развиваются в русле последовательного социалистического гуманизма. Количественный и качественный анализ успехов науки показывает тенденцию к неуклонному возрастанию процесса овладения вещами и отношениями людей при условии, если они освободят себя от капиталистической частной собственности. Овла-

дение вещами становится в этих условиях одним из возможных видов расширения свободной и несущей счастье жизненной деятельности. Социалистическое и коммунистическое общество осуществляют подлинное единение своих членов и тем самым беспредельно расширяют возможности их деятельности в интересах их полной, разносторонней, яркой и счастливой жизни.

По вопросам трактовки Ф. Энгельсом роли науки в общественной жизни и связей ее с производством, технической деятельностью и т. д. имел место ряд дискуссий.

Так, в начале 20-х годов Г. Лукач в работе «История и классовое сознание» заявил, что он считает серьезной ошибкой идею Энгельса о тесном взаимодействии промышленности и эксперимента. Эксперимент, по Лукачу, представляет собой «чистейший созерцательный образ действия». Созданная экспериментатором искусственная среда исключает «все тормозящие иррациональные элементы как со стороны субъекта, так и со стороны объекта», причем это исключение осуществляется при помощи математики и делает экспериментирование совершенно независимым процессом. Эти утверждения Лукача расходятся с действительным процессом развития науки. Сам Лукач впоследствии признал ошибочность установок своей ранней работы [1]. Однако о ней следует сказать, ибо «книги имеют свою судьбу» и оказывают влияние на читателей и тогда, когда этого уже не хочет сам автор.

Энгельс убедительно показал, что промышленное производство, экспериментальная деятельность и наука представляют собой сложную, состоящую из взаимоопосредствующих друг друга звеньев, систему практической деятельности, в которой соединяются физический и умственный труд. Независимость экспериментальной деятельности от производства — это идеалистическая иллюзия [2].

---

[1] *R. Garaudy, G. Cogniot* et *autres.* Mésaventures de l'anti-marxisme. Les malheurs de M. Merleau-Ponti. Paris, 1956 (к книге приложено письмо Лукача с оценкой его работы «История и классовое сознание»).

[2] Стоит отметить, что и во второй половине XX в., при общей опережающей функции науки, ясно видна зависимость экспериментальной деятельности от возможностей производства, его запросов, нужд и тенденций развития.

В критике Лукачом Энгельса обнаруживаются влияния на эту раннюю работу Лукача идеалистических концепций мировоззренческого и методологического характера. Материальный мир явлений квалифицировался им тогда как «иррациональный по содержанию». Вследствие этого с точки зрения сознания, по Лукачу, возникает как бы разрыв внутри объективной реальности. «Рациональное» становится категорией, которая объявляется характерной единственно для понятийного подхода к предметам, явлениям и процессам; в то же время оно в содержании имеет свою противоположность, в которой является иррациональное, остающееся принципиально вне научного познания. Далее Лукач делал весьма странный вывод, что наука утрачивает конкретную предметность жизни, с которой связана будто бы органически иррациональность как «царство свободы», тогда как знание, наука лишают человека свободы, ввергают его в состояние зависимости.

Данные ошибочные положения, выдвинутые в свое время Лукачом, впоследствии были использованы различными буржуазными и ревизионистскими идеологами, выступающими против марксистско-ленинской философии. Их теории искажают научное познание, пытаются по сути дела воспрепятствовать применению новейших данных специальных наук в социалистическом обществе. Методологически эти теории базируются на отрицании роли практики в познании и на ложном понимании развития социалистического общества вообще, его производительных сил в особенности. Объективная реальность представляется в этих «концепциях» как некое вредное ограничение действий субъекта, а объективные закономерности — в лучшем случае как некий досадный и обременительный факт, только сдерживающий активность субъекта и мешающий ей. Часто в этих теориях ведутся рассуждения о том, что то, что в них обозначено как «субъективно иррациональное», является «антропоморфным» [1]. И если наука требует исключить все «антропоморфное» из наших знаний о реальности, то тем самым она совершает преступление, ибо ориентирует на противоестественное отделение человека от предмета его по-

[1] *G. Lukacs.* Geschichte und Klassenbewußtsein. Berlin — Halensee, 1923, S. 141.

знания и действия. В результате развития науки человеку не остается ничего другого, как «подать в отставку». Для него, согласно этим взглядам, остается лишь созерцательная позиция, и его уделом будет самоисключение из исторического процесса. Так, Энгельсу, поскольку он настаивал на существовании объективных закономерностей, познаваемых все более объективно наукой, приписывается ложное учение о некоем антагонизме между наукой и человеческой практикой, а значит, и между наукой и социальной революцией.

Между тем одним из существенных результатов совместной теоретической деятельности Маркса и Энгельса явилось установление ими внутренней диалектической связи практики общественной жизни, философской теории, политической экономии и специальных наук. С целью дальнейшего развития социалистического общества рабочий класс практически применяет идеи исторического материализма как подлинной науки. Особенно важно применение этих идей в экономике — сфере, где сконцентрирована совокупность материальных сил нового строя. Признание существования объективных законов истории и использование их на практике не только не исключает политической активности рабочего класса как субъекта социального действия, но, напротив, дает для ее развития необходимую основу в его борьбе за социализм.

Марксистско-ленинская теория отражения, примененная к познанию общественной действительности, отнюдь не примиряет рабочий класс с существующим положением вещей. Напротив, она дает возможность ему предвидеть ростки будущего развития, которые содержатся в сегодняшней реальности. Основанные на познании современного положения дел, социальные прогнозы требуют для своего осуществления политического и научного руководства практикой рабочего класса, а уроки реализации научных прогнозов в свою очередь обогащают и развивают теоретическую мысль. Это настоятельно подчеркивал Энгельс. Научное познание, теория и классовая практика в развитии социалистического общества являются воплощением на практике идей материалистической диалектики. Напомним в этой связи следующие слова Энгельса, в которых речь шла о взаимодействии познания, мышления и деятельности людей,

обращенной на внешнюю природу, и которые имеют гораздо более широкое значение: «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался *соответственно тому, как человек научался изменять природу*»[1]. Влияние деятельности людей на их теоретическое мышление определяет весь процесс познавательного отражения и стимулирует общественную активность трудящихся, их творческий подход к действительности.

Итак, Энгельс рассматривает науку как составную часть общественного развития, как его продукт и активную движущую силу. В теории научного коммунизма Энгельс раскрыл реальное единство науки и практики.

Творческий и в то же время в своей основной тенденции строго детерминированный характер общественного развития совершенно исключает какой-либо «автоматизм» при переходе от классово антагонистического общества к неантагонистическому.

В некоторых выступлениях сторонников современного структурализма иногда повторяются старые метафизические возражения против теории революционного развития. Эти авторы на основе математического анализа экономических систем и входящих в них структур делают ложные выводы относительно всего общественного процесса развития в целом. Здесь идет речь о так называемом псевдоестественном методе. Если науку максимально внедрить в жизнь общества, то согласно взглядам этих авторов, в результате в конечном счете произойдет полное исключение воли и стремлений человека из общественных процессов. Человек при этом никогда не сможет уже осуществлять свои собственно человеческие цели, и развитие, таким образом, прекратится. Если Лукач в вероятностных расчетах будущего видел

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 545 (курсив мой. — *Г. Л.*).

рациональную структуру, которая не оставляет человеку никакой свободы действия, и поэтому предупреждал против таковых, то философствующий структурализм идет по этому пути далее и использует понятие вероятности, чтобы подкрепить исключение творческого момента из истории. Теоретиками, придерживающимися псевдоестественнонаучной трактовки общества, являются прежде всего Клод Леви-Стросс, Мишель Фуко, Люсьен Себаг и другие западно-европейские ученые. Но результатом их неверного общеметодологического подхода явилась полная элиминация из исторического процесса категорий человека и гуманизма [1].

Уже в ранних работах Энгельса высказывались глубокие идеи, согласно которым ориентация ученого на рабочий класс дает ключ к подлинной «гуманизации» всего исторического процесса, к кардинальному решению проблем человеческого будущего, свободы и счастья. В резко односторонней и потому ошибочной теории структуралистов человек как «предмет» выпадает из поля зрения, без чего применение категорий науки теряет существенную часть своего смысла, а люди — их классовую ориентацию. Абстрактный гуманизм, против которого выступают структуралисты, несомненно, ошибочен и враждебен марксизму. Однако структуралисты вместо одного заблуждения выдвигают в качестве истины другое заблуждение. Они не понимают диалектики свободы и необходимости в историческом процессе.

Известно, что Энгельс понимал труд как основное свойство человека, как подлинную основу его развития. Не случайно, что именно рабочий класс, самым непосредственным образом связанный с трудовой деятельностью, становится носителем дальнейшего революционного раз-

---

[1] Альтюссер писал: «Понятия, в которых Маркс характеризует действительность, на которую указывает реальный гуманизм, ни разу не воспроизводят понятий «человек» и «гуманизм» как теоретических понятий, а дают понятия другие и совершенно новые: «способ производства», «производительные силы», «производственные отношения», «надстройка», «идеология» и т. п.» (*L. Althusser.* Für Marx. Frankfurt am Main, 1968, S. 197). Фактически Альтюссер вновь выдвигает неверное представление о том, будто прогресс науки ликвидирует исходный комплекс таких важных понятий, как «человек» и «гуманизм».

вития общества и подъема его на стадию, на которой становится возможным научное руководство жизнью.

Для Энгельса рабочий класс в то же время являлся той потенциальной силой, которая сделает научное мышление своим самым действенным инструментом, используемым для преобразования материальной действительности. Материалистическое понимание истории сделало социализм наукой, а науку превращает в ценнейшее орудие труда. И если процесс этого превращения происходит на основе социалистической собственности на средства производства успешно, то развивается более широкий и всеобъемлющий процесс, который Энгельс охарактеризовал следующими известными словами: «Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю... Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» [1].

Это «царство свободы» превращает объединение людей в их подлинно собственное и кровное свободное дело [2]. Необходимость и свобода получают тем самым другой, чем прежде, смысл, который значительно увеличивает поле будущей деятельности человеческого общества как субъекта истории. Развитие социально-научного, научно-технического и естественнонаучного сознания реализует в конечном счете господство трудящихся над теми совокупными силами, которые подпадают под контроль человека.

Развитие производительных сил в наше время, имеющее огромное значение для построения социализма и коммунизма, превратилось в один из главных предметов теоретических исследований идеологов социалистического рабочего класса, и это находит, в частности, свое выражение в возрастающей роли политической экономии как инструмента научного руководства общественным развитием в условиях социализма.

Фридрих Энгельс раскрыл перспективы последующего исследования этой философской проблемы огромной

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 295.
[2] См. там же.

важности. В эпоху торжества социалистических отношений и построения коммунистического общества политика рабочего класса, его социальная практика и наука сливаются в нераздельное целое.

Глава восемнадцатая

Проблема человека в трудах Энгельса

Проблема человека как и проблема гуманизма в теоретическом наследии Энгельса не стала еще предметом специального всестороннего исследования. Конечно, многие мысли Энгельса по рассматриваемому вопросу в той или иной степени были проанализированы в различных марксистских работах. Но это обстоятельство не исключает специального изучения наследия Энгельса по этим проблемам, приобретшим столь большое значение в современной идеологической борьбе. Быть может, именно недостаточная изученность вклада Энгельса в разработку марксистской концепции человека и гуманизма в какой-то степени используется буржуазными «марксологами», реформистами и ревизионистами для противопоставления выдуманного ими «сциентистского» направления в развитии марксизма, связанного будто бы с именем Энгельса, «натуралистическому» гуманизму Маркса. Так, известный антикоммунист И. Фетчер пытается доказать, что в отличие от Маркса, сторонника якобы абстрактного, внеклассового гуманизма, Энгельс, особенно в работе «Анти-Дюринг», превращает философию в «пролетарское мировоззрение», претендующее на научный характер и игнорирующее проблему человека.

Фетчер пишет, что для Маркса все концентрировалось в человеке, сводилось к нему, а существующий внешний мир не имел якобы никакого значения. Вслед за этим утверждением Фетчер стремится противопоставить Марксу Энгельса и Ленина. Ленин, заявляет Фетчер, продолжил дело Энгельса и якобы придал еще бо-

лее догматический вид диалектическому материализму и всему пролетарскому мировоззрению в целом [1].

В унисон с Фетчером выступают другие буржуазные «марксологи» и современные ревизионисты. Как и Фетчер, противопоставляет марксовому гуманизму «сциентизм» Энгельса Э. Фишер, который почти в тех же выражениях пишет, что Энгельс создал «новый» вариант марксизма, игнорирующий якобы проблему человека, гуманизма и основанный лишь на познании законов внешнего мира. Противопоставляя проблему человека науке, Фишер рассматривает марксизм лишь как «философию человека», основанную на категории отчуждения. Для Маркса проблема отчуждения была центральной, заявляет Фишер. Подобные идеи повторяют в различной форме и некоторые югославские философы.

Утверждения о мнимом отказе Ф. Энгельса, а в дальнейшем якобы и В. И. Ленина от проблемы человека, от гуманизма при всей их надуманности имеют свою методологическую основу. Они исходят из традиционного разрыва проблемы человека и науки, из толкования проблемы человека в абстрактно-этическом, психологическом, абстрактно-гуманистическом плане. Не случайно поэтому высказывания о так называемом сциентистском направлении в марксизме, как правило, связаны с предварительным извращением марксовой концепции гуманизма, ее толкованием как натуралистического гуманизма.

Но в том-то и дело, что Маркс и Энгельс преодолели теоретическую и историческую ограниченность предшествовавших и современных им религиозно-идеалистических и антропологических концепций человека. Критикуя абстрактно-гуманистические теории младогегельянцев, Фейербаха, Прудона, различные мелкобуржуазные индивидуалистическо-анархистские концепции, они не отказались от проблемы человека, гуманизма, а, наоборот, создали концепцию научного, революционно-действенного гуманизма. На основе материалистического понимания истории они дали последовательную научную трактовку совокупности философско-этических, социально-экономических и других вопросов проблемы человека

[1] *I. Fetscher.* Karl Marx und der Marxismus. Von der Proletariats zur proletarischen Weltanschauung. München, 1967, S. 140.

и впервые в истории гуманистических учений превратили гуманизм в подлинно научную теорию.

Известно, что переход Энгельса от идеализма к материализму, от революционного демократизма к коммунизму произошел до начала сотрудничества с Марксом. В процессе этого перехода он раскрыл роль экономических отношений как основы жестокой эксплуатации и духовного калечения народных масс и личности. Энгельс писал: «Живя в Манчестере, я, что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу; что они образуют основу, на которой возникают современные классовые противоположности; что эти классовые противоположности во всех странах, где они благодаря крупной промышленности достигли полного развития, следовательно, особенно в Англии, в свою очередь составляют основу для формирования политических партий, для партийной борьбы и тем самым для всей политической истории» [1]. Как видно, Энгельс пришел к проблеме гуманизма не через спекулятивные и абстрактные рассуждения о человеке и его ценности, а на основе всестороннего исследования экономического и социального положения английского пролетариата, социального движения на континенте, а также социалистических идей во Франции, Германии и Швейцарии. Большое теоретическое значение в развитии гуманистических идей имеют такие ранние работы Энгельса, как «Письма из Вупператаля», «Положение рабочего класса в Англии», «Письма из Лондона», в особенности «Наброски к критике политической экономии», статьи «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», «Положение Англии» и др.

Энгельс связал эмансипацию человека с классовой борьбой пролетариата как передовой общественной силы, раскрыл гуманистический характер целей его борьбы, единство классовых интересов пролетариата с интересами трудящегося человечества. Большое теоретическое значение имеют высказанные Энгельсом идеи, связанные с марксистской философской концепцией челове-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 220.

ка. Особо следует отметить его понимание проблемы сущности человека, диалектики сущности и существования, сущности отчуждения, роли практической деятельности субъекта, философской концепции свободы, его критику абстрактного антропологизма и связанного с ним абстрактного гуманизма. Проблема человека широко исследовалась Энгельсом как в социально-экономическом, политическом, так и в философско-этическом аспектах.

Встреча и творческое содружество с К. Марксом способствовали более углубленной теоретической постановке и всестороннему научному анализу целого ряда вопросов рассматриваемой проблемы. Это нашло свое отражение как в работах, написанных вместе с Марксом, — «Святое семейство», «Немецкая идеология», «Манифест Коммунистической партии», — так и в произведениях Энгельса — «К жилищному вопросу», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», а также в целом ряде писем и статей.

Всесторонний анализ этих вопросов возможен лишь в рамках специальной монографии; здесь мы остановимся лишь на некоторых аспектах рассматриваемой проблемы.

1. Социально-экономический анализ проблемы человека

Энгельс рассматривал проблему человека в плане существующих социальных отношений капитализма, социальных последствий, порождаемых экономическими законами его развития. Характеризуя «Наброски к критике политической экономии», В. И. Ленин писал, что в них Энгельс «...с точки зрения социализма рассмотрел основные явления современного экономического порядка, как необходимые последствия господства частной собственности» [1]. В этом аспекте Энгельс анализировал социальные последствия общественного разделения труда в классово антагонистических обществах, в особенно-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 10.

сти в капиталистическом, — вообще, проблему труда, его значение и характер в условиях капитализма. Он высказал ценные мысли об отчуждении человеческой сущности в сфере производства, в труде; позднее, в процессе творческого сотрудничества с Марксом он дал глубокий анализ этой проблемы в связи с исследованием происхождения семьи, частной собственности и государства.

На богатейшем фактическом материале Энгельс раскрыл жестокую эксплуатацию труда, в особенности женского и детского, в условиях капитализма. В полном единодушии с Марксом Энгельс писал о превращении человека в товар в капиталистическом обществе. С этим важным выводом связан и другой вывод — о том, что в условиях частной собственности и конкуренции труд постепенно превращается из созидательного фактора в силу, опустошающую работника. Если добровольная производительная деятельность является для человека высшим из наслаждений, то подневольный труд — самое тяжкое, самое унизительное для человека занятие.

Дальнейшие экономические и исторические исследования Энгельса привели его к более глубоким философским обобщениям, чему безусловно способствовало теоретическое сотрудничество с Марксом. Известно, что в работах «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринг» и других Энгельс раскрывает калечащее человека влияние общественного разделения труда в современном ему буржуазном обществе. Говоря о том, что отделение города от деревни обрекло сельское население на тысячелетия отупения, уничтожило основу духовного развития сельского населения и физического развития горожан, Энгельс подчеркивал: «Вместе с разделением труда разделяется и сам человек. Развитию одной-единственной деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности. Это калечение человека возрастает в той же мере, в какой растет разделение труда, достигающее своего высшего развития в мануфактуре... Машины, применяемые в крупной промышленности, низводят рабочего от положения машины до роли простого придатка к ней» [1]. Несмотря на коренные изменения, которые про-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 303.

изошли в организации капиталистического производства за прошедшие десятилетия, эти мысли до сих пор сохраняют свое значение. Они приобретают новый смысл в связи с современным научно-техническим прогрессом и его грозными социальными последствиями в условиях капиталистического общества.

В полном согласии с Марксом Энгельс считал, что прогресс в классово антагонистических обществах, в особенности в буржуазном, осуществляется в противоречивой форме. «Так как основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим, — писал Энгельс, — то все ее развитие совершается в постоянном противоречии. Всякий шаг вперед в производстве означает одновременно шаг назад в положении угнетенного класса, то есть огромного большинства. Всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса — новым угнетением для другого. Наиболее ярким примером этого является введение машин, последствия которого теперь общеизвестны» [1].

Противоречивость прогресса в частнособственническом обществе особенно подтверждается в условиях современной научно-технической революции. Достаточно сослаться хотя бы на одно такое явление, как образование в результате технического прогресса «технологической» безработицы. В свое время Энгельс одним из первых среди экономистов обосновал идею об образовании постоянного «избыточного населения». Он утверждал в противовес апологетическим концепциям буржуазных экономистов, что в развитии капиталистического производства должна наступить такая стадия, на которой окажется чрезвычайно много избыточной производительной силы [2].

Слова Энгельса полностью оправдались ныне. По признанию самих буржуазных экономистов, научно-технический прогресс в условиях современного капитализма не только не в состоянии решить проблему безработицы, но, напротив, порождает систематическую «технологическую» безработицу.

Пособия, выдаваемые по безработице, могут поддер-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 177.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 567.

живать материальное положение людей, их физическое существование, но не их «человеческое существование», подчеркивал Энгельс. Унижающая человеческое достоинство жизнь на подачки власть имущих, безработица лишают человека самого основного, самого элементарного условия для проявления и развития человеческой сущности — трудовой деятельности.

Несмотря на гигантские по сравнению со временем Энгельса темпы научно-технического прогресса, многие другие его мысли сохраняют теоретическое значение и в современную эпоху, в условиях современного капитализма. В наиболее общем плане это относится к противоположности между необычайными возможностями общественного развития, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества, к противоположности, обусловленной природой частной собственности, антагонизмом между интересами монополистической буржуазии и трудящихся классов.

Вместе с относительно высоким уровнем жизни части населения, достигнутым в ряде развитых капиталистических стран, возросла и степень интенсификации и эксплуатации труда. Если иметь в виду капиталистическую систему в целом, то полностью сохраняет значение положение Энгельса о массовом «социальном убийстве», безнаказанно совершаемом буржуазией в мирное время, так как значительная часть людей обречена условиями труда и жизни на преждевременную смерть в результате постепенного подтачивания здоровья, недоедания, плохих жилищных условий, отсутствия необходимой медицинской помощи. Нужда как постоянное или временное явление, болезни, вызванные условиями жизни или характером самого труда, деморализация, «...везде мы видим, — писал Энгельс, — медленное, но неуклонное разрушение физических и духовных сил человека» [1]. Эти слова и сегодня полностью отражают положение трудящихся в большинстве капиталистических стран, а особенно в тех странах, которые еще находятся в плену колониализма или неоколониализма.

В 1844 г. Энгельс взволнованно писал о жестокой

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 436.

эксплуатации английской буржуазией дешевого женского труда. Разве не парадоксально, что и сейчас, спустя почти сто тридцать лет, в условиях высокого развития производительных сил работающие на производстве английские женщины не могут добиться равной с мужчинами оплаты за свой труд? Такую оплату получает лишь одна из каждых десяти работающих женщин. Средненедельная заработная плата английских женщин, занятых в промышленности, составляет половину заработной платы мужчин.

Не ставя перед собой задачи анализа современного значения всех мыслей Энгельса, связанных с проблемой гуманизма, обратим внимание на особую актуальность проблемы противоположности интересов народных масс, всего человечества и монополистической буржуазии, стремящейся использовать научно-техническую революцию в своих узкоэгоистических целях, ввергнуть народы в пучину кровавых войн. Сегодня, как никогда раньше, актуальны слова Энгельса о беспредельной производительной способности людей, о том, что наука с каждым днем все больше и больше подчиняет людям силы природы, что, будучи использована сознательно и в интересах всех, безграничная производительная способность человечества сократила бы до минимума выпадающий на его долю труд. Следовательно, критерием богатства общества стало бы свободное время, используемое для всестороннего развития всех и каждого.

Материалистическое понимание истории позволило классикам марксизма научно обосновать положение о реакционной роли буржуазии, о том, что существование господствующего эксплуататорского класса с каждым днем становится все бо́льшим препятствием на пути к развитию и использованию в интересах всего общества производительных сил, науки, искусства. Предвидя исключительную роль промышленной революции в развитии общества, Энгельс писал в работе «К жилищному вопросу»: «. . .именно благодаря этой промышленной революции производительная сила человеческого труда достигла такого высокого уровня, что создала возможность — впервые за время существования человечества — при разумном разделении труда между всеми не только производить в размерах, достаточных для обильного потребления всеми членами общества и для богатого ре-

зервного фонда, но и предоставить каждому достаточно досуга для восприятия всего того, что действительно ценно в исторически унаследованной культуре — науке, искусстве, формах общения и т. д., — и не только для восприятия, но и для превращения всего этого из монополии господствующего класса в общее достояние всего общества и для дальнейшего развития этого достояния» [1].

В полном согласии с Марксом Энгельс писал об отчуждении человеческой сущности в капиталистическом обществе, о порабощении человека продуктами его собственной деятельности, ставшими чуждыми по отношению к нему социальными силами. В этом плане теоретически ценным является анализ Энгельсом государства как машины в руках эксплуататорского класса для подавления эксплуатируемого класса, исследование им социально-политических форм отчуждений человека.

Вопреки утверждениям идейных противников марксизма Маркс и Энгельс не считали отчуждение вечным биологическим свойством человека. Они и в этом вопросе были верны диалектико-материалистическим принципам, рассматривая отчуждение как продукт исторического развития общества. Основоположники марксизма исходили из того, что ликвидация частной и установление общественной собственности на средства производства, уничтожение эксплуатации человека человеком явится объективной основой для ликвидации отчуждения человека в социалистическом обществе.

Имея в виду концепцию Мальтуса, Энгельс писал: «При посредстве этой теории мы стали понимать глубочайшее унижение человечества, его зависимость от условий конкуренции; она показала нам, как в конце концов *частная собственность превратила человека в товар*, производство и уничтожение которого тоже зависит лишь от спроса; как вследствие этого система конкуренции убивала и ежедневно убивает миллионы людей; все это мы увидели, и все это побуждает нас покончить с этим унижением человечества путем уничтожения частной собственности, конкуренции и противоположности интересов» [2]. Эти яркие гуманистические мысли могли быть вы-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 215.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 567 (курсив мой. — *М. П.*).

сказаны ученым, для которого эмансипация человечества и человека была не только предметом теоретических исследований, но и целью жизни.

В противоположность Мальтусу Энгельс писал, что производительная сила, находящаяся в распоряжении человечества, беспредельна. С глубокой верой в безграничность человеческих возможностей Энгельс утверждал, что капитал увеличивается с каждым днем, рабочая сила растет вместе с ростом населения, а наука с каждым днем все больше и больше подчиняет людям силы природы.

В этой связи напомним, что Энгельс называл великой аксиомой социальной философии, впервые установленной Фурье, его мысль о том, что совокупность индивидуальных склонностей должна в целом образовать такую силу, которая способна удовлетворить потребности всего общества.

На основе социально-экономического анализа проблемы гуманизма Энгельс высказал ценные мысли о социальных последствиях господства частной собственности в сфере духовной жизни, в частности в связи с ростом преступности, глубокой моральной деградации современного ему общества и т. д. Большой теоретический интерес представляют идеи Энгельса о критерии ценности человека в буржуазном обществе. Этим единственным и всеобщим критерием становятся здесь деньги. «Все жизненные отношения, — писал Энгельс, — оцениваются по их доходности, и все, что не приносит денег, — чепуха, непрактичность, идеализм» [1]. Соглашаясь с Карлейлем в том, что буржуа не признает никакой связи между людьми, кроме чистогана, Энгельс писал, что даже отношение к жене в 99 случаях из ста находит выражение в том же чистогане. «Позорное рабство, в котором деньги держат буржуазию, наложило вследствие господства буржуа свой отпечаток даже на язык. Деньги определяют ценность человека... У кого есть деньги, тот «респектабелен», принадлежит к «лучшему сорту людей», «пользуется влиянием» и во всем задает тон в своем кругу. Дух торгашества пропитал весь язык, все отношения выражаются в торговых терминах, в экономических понятиях» [2].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 497.
[2] Там же.

Известно, что многие представители прогрессивной западной интеллигенции с тревогой пишут о нравственном кризисе современного буржуазного общества. Многие из них, экстраполируя этот кризис на все общество и все человечество, игнорируя противоречивость нравственного прогресса в классово антагонистическом обществе, противопоставляют научно-технический прогресс нравственному кризису человечества. Не разбирая сейчас этого вопроса специально, заметим лишь, что о нравственном кризисе капитализма сегодня с тревогой пишут и самые правоверные его апологеты. Одним из выражений этого кризиса является открытая пропаганда неомальтузианства, социал-дарвинизма, неофашизма и прочих человеконенавистнических концепций, пропаганда атомной войны, необходимости использования средств массового истребления людей, в том числе химического и бактериологического оружия. И не только пропаганда, но и практическое их использование американской реакцией в преступной войне против вьетнамского народа, героически борющегося за свое освобождение, политика и практика геноцида, попытки истребления целого народа во имя все тех же сверхприбылей.

2. Диалектико-материалистическая концепция человека

Ф. Энгельс исходил из диалектико-материалистической концепции человека, трактовал сущность человека как совокупность всех общественных отношений. Вместе с Марксом он в «Святом семействе» подверг критике идеалистические концепции человека, развиваемые младогегельянцами, считал, что опаснейшим врагом реального гуманизма в Германии является спиритуализм или спекулятивный идеализм [1]. Общеизвестно, что позднее в произведении «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельс подверг глубокой научной критике абстрактно-антропологическую концепцию Фейербаха. Вскрыв несостоятельность игнорирования социальной природы человека и абсолютизации его биологической природы, Энгельс писал, что человек Фейер-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 7.

баха не рожден женщиной, он, как бабочка из куколки, вылетает из бога монотеистических религий.

Приписывая Энгельсу «метафизический онтологизм», критики марксистского гуманизма на этой основе пытаются представить Энгельса как философа, отрицающего деятельную природу человека и сводящего сущность человека лишь к механической совокупности объективно существующих общественных отношений. В действительности Энгельс полностью учитывал значение общественных отношений в формировании и развитии человека. Мы уже видели, как глубоко и всесторонне он раскрыл ту отрицательную роль, которую играет вся система частнособственнических капиталистических общественных отношений в положении и развитии трудящейся личности. Энгельс ярко охарактеризовал роль и значение социалистических общественных отношений в становлении свободной, всесторонне развитой личности. Энгельс, как и К. Маркс, а позже В. И. Ленин, рассматривал общественные отношения в их диалектическом единстве и взаимодействии с социальной деятельностью человека, исходил из единства объективного и субъективного. Речь у Энгельса шла о живом и многостороннем процессе человеческой деятельности, о процессе социального общения людей, в котором формируется человек. Энгельс вместе с Марксом постоянно подчеркивал в этом процессе формирования значение общественных отношений, объективных закономерностей исторического развития. Но при этом он никогда не становился на позиции «метафизического онтологизма», «экономического детерминизма».

Критикуя антинаучные концепции младогегельянцев, Энгельс писал: «*История* не делает *ничего*, она «не обладает *никаким* необъятным богатством», она «не сражается *ни в каких* битвах»! Не «история», а именно *человек*, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека» [1].

В свете сказанного нетрудно заметить полную необо-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 102.

снованность попыток некоторых философов приписать марксизму пассивное, созерцательное отношение к действительности, отождествить марксистское понимание соотношения субъекта и объекта с пониманием этой проблемы Фейербахом и другими материалистами-метафизиками. В книге Р. Гароди «Марксизм XX века» явно прозвучал призыв вернуться к Фихте, чтобы перенять у него принцип деятельности, принцип активности. Гароди заявляет, что Фихте показывает марксистам образец того, как нужно связать «два конца цепи — мораль и общество». Уму непостижимо, как эту задачу научно мог решить Фихте с позиций субъективного идеализма и волюнтаризма. Отметим мимоходом, что «обогащение» марксизма фихтеанством понадобилось Гароди для того, чтобы «синтезировать» марксизм с современными идеалистическими концепциями, которые абсолютизируют «я» и его свободу. Гароди задается вопросом, не можем ли мы, марксисты, «вдохновляясь усилиями Фихте по соединению двух концов цепи, подключить и впитать требование Сартра, превратив его в момент нашей собственной мысли» [1]. Марксизм не нуждается ни в Фихте, ни в Сартре, чтобы «обогатиться» принципом научно понятой субъективности, активности. Марксистская философия сформировалась с самого начала как философия революционного преобразования действительности человеком и для человека.

Принцип деятельности субъекта, его созидательной роли органически связан с трактовкой Энгельсом роли труда. Он впервые научно обосновал решающую роль труда в становлении и развитии самого человека. В этом отношении работы «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» являются философско-историческим раскрытием роли человеческого труда в развитии общества. В отличие от буржуазных экономистов, рассматривающих труд лишь как источник богатства, Энгельс, не отрицая этого его значения, рассматривал труд в качестве характерного признака самого человека и человеческого общества как практическую деятельность, в которой проявляется сущность человека.

С активной деятельностью человека, субъекта исто-

[1] *R. Garaudy.* Marxisme de XX siécle. Paris, 1966, p. 62.

рического процесса Энгельс связывал такую важную проблему гуманизма, как свобода. Известно, что трактовка им этой проблемы особенно широко используется «марксологами» для обоснования все того же «метафизического онтологизма» Энгельса. Так, один из таких критиков марксизма, Г. Фальк, приведя известное высказывание Энгельса о свободе и необходимости, утверждает, что «свобода отождествляется здесь со «знанием дела», т. е. приписывается разуму» [1]. Согласно мнению других «специалистов», свобода сводится Энгельсом лишь к пассивному познанию объективных законов природы и общества, которое является теоретической основой конформизма.

В действительности у Энгельса речь идет о том, что познание необходимости является лишь условием господства человека над внешней природой. Отвергая субъективно-идеалистические концепции свободы воли, Энгельс писал в «Анти-Дюринге»: «Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы [Naturnotwendigkeiten] господстве над нами самими и над внешней природой; она поэтому является необходимым продуктом исторического развития» [2]. Совершенно ясно, что определяющим у Энгельса является не само познание необходимости в развитии природы и общества, а основанное на этом познании «господство над нами самими и над внешней природой». Излишне доказывать, что Энгельс мыслил это господство как результат активной деятельности человека, классов, партий, отдельных личностей. «Одного только познания, даже если оно идет дальше и глубже познания буржуазной политической экономии, недостаточно для того, чтобы подчинить общественные силы господству общества. Для этого необходимо прежде всего общественное *действие*» [3], — писал Энгельс. В аспекте этого «общественного действия», активной жизнедеятельности человека Энгельс анализирует проблему человека в условиях капитализма и будущего, коммунистического общества.

Большое теоретическое значение в философской кон-

---

[1] *H. Falk.* Die ideologischen Grundlagen des Kommunismus. München, 1965, S. 55.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 116.

[3] Там же, стр. 329—330.

цепции человека имеет анализ Энгельсом диалектики сущности и существования, сущности и жизнедеятельности человека — этой методологической основы проблемы гуманизма. Именно в этом пункте стык философского и социологического аспектов проблемы человека, единство философского и социологического аспектов гуманизма. Написанная Энгельсом в конце 1843 — январе 1844 г. первая экономическая работа («Наброски к критике политической экономии») в плане проблемы человека, в частности диалектики сущности и существования, непосредственно перекликается с почти одновременно написанными Марксом «Экономическо-философскими рукописями» (апрель — август 1844 г.), в которых эта проблема специально анализируется. Проблема сущности и существования предстала в «Набросках к критике политической экономии» не в абстрактно-философском или абстрактно-этическом, а в конкретно-историческом, главным образом в социально-экономическом плане. В первую очередь это относится к вопросу о сущности и характере человеческой деятельности в условиях капитализма, к проблеме отчуждения. Энгельс писал, что человеческая деятельность распалась на труд и капитал, которые враждебно выступают друг против друга, что труд расщепляется вторично тем, что продукт труда противостоит труду, рабочему достается лишь самое необходимое, одни только средства существования [1]. Как мы уже отмечали, Энгельс считал, что частная собственность превратила человека в товар. Эта лаконично сформулированная, глубокая идея выражает экономическую основу проблемы отчуждения человека в буржуазном обществе.

Эксплуатация человека, превращение его в товар, отношение к человеку как к товару — в этом заключена основа различных форм отчуждения человеческой сущности в буржуазном обществе. Энгельс блестяще раскрыл в работе «Положение рабочего класса в Англии» всю фальшь апологетических концепций о свободе и равенстве договорных отношений: «...пролетарий является юридически и фактически рабом буржуазии; она имеет власть над его жизнью и смертью. Она предлагает ему средства к жизни, но за «эквивалент» — за его труд; она

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 558, 559.

даже оставляет ему иллюзию, будто он действует по доброй воле, будто он свободно, без всякого принуждения, как человек самостоятельный, заключает с ней договор. Хороша свобода, — иронизировал Энгельс, — которая не оставляет пролетарию иного выбора, как только подписать условия, предлагаемые ему буржуазией, или же умереть от голода и холода, голым и босым искать приюта у лесных зверей! Хорош «эквивалент», размеры которого целиком зависят от доброй воли буржуазии!» [1]

Открытие Марксом прибавочной стоимости, анализ товара, данный в «Капитале» и других работах, привели к всестороннему, последовательно-научному исследованию экономических основ сущности и существования, проблемы отчуждения человека. Но это не может заслонить огромного значения самостоятельной постановки и решения проблемы Энгельсом. В книге «Положение рабочего класса в Англии» формула о человеке как товаре в капиталистическом обществе была глубоко раскрыта на основе тщательного анализа экономических и социальных условий жизни английского пролетариата. Теоретически обобщая свои исследования, Энгельс писал: «Отношение фабриканта к рабочему — не человеческое, а чисто экономическое. Фабрикант есть «капитал», а рабочий — «труд». И когда рабочий не дает втиснуть себя в эту абстракцию, когда он утверждает, что он не «труд», а человек, который, правда, обладает в числе прочих черт также способностью трудиться, когда рабочий позволяет себе думать, что его вовсе нельзя покупать и продавать на рынке как «труд», как товар, буржуа становится в тупик... он видит в них не людей, а только *«руки»*...» [2]

Таким образом, трактовка сущности человека как творческой деятельности в рамках диалектики сущности и жизнедеятельности человека как личности и индивида становится философской основой решения проблемы гуманизма и, следовательно, преодоления отчуждения человека. Она дана в произведениях Энгельса в органическом единстве с социально-экономическим анализом проблемы человека в условиях капитализма.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 312.
[2] Там же, стр. 497.

С философско-этической концепцией человека связан анализ Энгельсом роли и природы интереса, соотношения личных и общественных интересов. Вопреки утверждениям идейных противников марксизма и некоторых философов, называющих себя марксистами, Маркс и Энгельс придавали большое значение проблеме интереса, органически увязывали его с личными и общественными потребностями. Энгельс рассматривал соотношение личного и общественного интересов как выражение взаимоотношения личности и общества. Он неоднократно отмечал противоположность и антагонизм интересов, порождаемые господством частной собственности. Он сравнивал бушующий в буржуазном обществе мир противоположных интересов и страстей с миром атомов, монад, из которых каждая имеет свой особый жизненный принцип, свою особую цель отнюдь не в смысле проявления богатства индивидуального мира, полноты и многообразия интересов, в том числе духовных. Нет. Как показал Энгельс, лейтмотивом этих интересов является безумная жажда наживы, накопления, прибыли, пусть ценой здоровья и жизни людей.

Рассматривая взаимоотношение интересов как важный фактор в развитии общества и личности, Энгельс писал о необходимости уничтожения вместе с частной собственностью и противоположности интересов.

3. Критика Энгельсом абстрактного гуманизма

Энгельс глубоко обосновал идею исторической личности и гуманизма: нет личности вообще, как и нет абстрактного гуманизма. Они претерпевают коренные изменения от эпохи к эпохе, детерминируются социальными отношениями, которые сами находятся в процессе восходящего развития и изменения.

Энгельс проанализировал возникновение нового типа личности и гуманизма в связи с формированием и укреплением буржуазных отношений. Бесчисленные феодальные узы сковывали человека, уродовали его облик, подавляли его творческие потенции и свободное развитие. Развитие капитализма расшатывало феодальную систему, феодальные формы порабощения человека и, бес-

спорно, в определенных границах расширяло свободу личности, свободу буржуа, создавало исторически более благоприятные условия обнаружения созидательных возможностей человеческих рук и человеческого интеллекта.

В качестве примера новой фазы развития человеческой личности Энгельс называл эпоху Возрождения, которой он давал очень высокую оценку: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными»[1]. Энгельс говорил о полноте и силе характера идеологов, рожденных эпохой Возрождения.

Глубокие многогранные характеристики и оценки эпохи Возрождения, как и эпохи Просвещения, данные Энгельсом, позволяют составить ясное представление о прогрессе человеческой личности в те эпохи. Утверждение буржуазных социально-экономических и политических отношений означало по сравнению с феодализмом значительный шаг вперед в самоутверждении человеческой личности, в избавлении ее от многих форм материального и духовного порабощения. Бесспорно, установление этих отношений породило новую, более правильную оценку сущности человека, его призвания, его прав. Возникла новая гуманистическая концепция, светская, антитеологическая, враждебная попыткам представить человека рабом «потусторонних сил». Новый гуманизм был заострен против сословного неравенства, деспотических форм правления, против феодальных способов порабощения человека человеком. Он знаменовал прогресс и в нравственном сознании, отстаивал ценности большой социальной значимости.

Высокая оценка исторически прогрессивного буржуазного гуманизма, данная Энгельсом, и ныне сохраняет свое значение в борьбе против упрощенных, вульгарно-нигилистических его характеристик со стороны «левацко»-сектантских элементов, неспособных исторически по-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 346.

дойти к таким социальным явлениям, как буржуазный гуманизм.

Исторический подход Энгельса к трактовке проблемы личности в буржуазно-гуманистических концепциях позволил вскрыть ее противоречивость, непоследовательность, классовую ограниченность. Отметив роль буржуазных отношений в освобождении человека от феодальных уз, Энгельс уделил много места и внимания раскрытию той истины, что сами эти отношения оказались новой формой порабощения человеческой личности. Буржуазный гуманизм не мог порвать и не порвал с попытками совместить подлинный гуманизм с буржуазным социальным порядком.

Знамя подлинного гуманизма мог поднять лишь общественный класс, призванный историей покончить со всеми формами угнетения человека человеком. Гуманизм мог обрести подлинную реальность, слившись с рабочим движением, с научным социализмом. Эту идею Энгельс блестяще выразил в своем знаменитом обращении «К рабочему классу Великобритании». Подчеркивая историческую миссию пролетариата, его освободительную роль в истории человечества, Энгельс писал: «Я убедился в том, что вы больше чем просто *английские* люди, члены одной обособленной нации, вы — *люди*, члены одной великой общей семьи, сознающие, что ваши интересы совпадают с интересами всего человечества» [1].

Марксистская концепция человека развивалась в процессе критики абстрактного гуманизма, религиозно-идеалистических, спекулятивно-этических и разных антропологических теорий. Важными вехами в этом отношении была критика Энгельсом идеалистических положений младогегельянцев, прудонистов и Фейербаха. В книге «Святое семейство» Маркс и Энгельс, анализируя субъективно-идеалистические концепции младогегельянцев, еще противопоставляли им Фейербаха. «Кто поставил на место старой рухляди, в том числе и на место «бесконечного самосознания» — не *«значение человека»* (как будто человек имеет еще какое-то другое значение, чем то, что он человек!), а самого *«человека?»*» [2] В заслугу Фейербаху Энгельс ставил уничтожение абстрактно-идеали-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 236—237.
[2] Там же, стр. 102.

стически толкуемых младогегельянцами понятий «действительное богатство человеческих отношений», «необъятное содержание истории», «значение человека» и т. д. Но, отдавая дань Фейербаху, Энгельс высказывал идеи, которые никак не укладывались в фейербахианскую концепцию человека. Мы имеем в виду приведенные нами при анализе сущности человека мысли Энгельса о значении деятельности субъекта, противопоставленные младогегельянскому спиритуализму, об истории как реализации деятельности преследующего свои цели человека.

С критикой антропологической концепции человека связано и понимание Энгельсом движущих сил исторического развития, роли народных масс в обществе и в истории, и в особенности роли пролетариата. Энгельс критиковал концепцию «истинной аристократии», теорию «героев и толпы» Т. Карлейля, увековечение им деления общества на правящих и управляемых, аристократов и чернь. Энгельс отвергал субъективно-идеалистическое игнорирование младогегельянцами роли массы, противопоставление Б. Бауэром и другими критической личности массе, провозглашение массы «конечной, грубой, неотесанной, мертвой и неорганической. . .» [1].

В «Святом семействе» Маркс и Энгельс выдвинули известное положение о роли пролетариата в эмансипации человека, о народных массах как действительных творцах истории, о взаимосвязи между глубиной социальных переворотов и объемом масс, которые совершают эти перевороты. Эти идеи высказаны в главах, написанных Марксом, но несомненны глубокая идейная связь между всеми главами книги и в определенном отношении коллективное творчество их авторов. С этой точки зрения теоретически важное значение имеет критика абстрактного гуманизма в «Немецкой идеологии», а также в статье Энгельса «Истинные социалисты».

Маркс и Энгельс критикуют абстрактный гуманизм, основанный на мещанско-сентиментальной проповеди всеобщей любви к людям, широко пропагандируемой младогегельянцами. Раскрывая теоретическую несостоятельность попыток М. Штирнера вывести коммунизм из государства любви, им же самим сфабрикованного, Маркс и Энгельс писали: «Святой Санчо знает только

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 104.

одно из двух — либо эгоизм, либо притязание на любовь, жалость и милостивые подаяния людей. Вне этой дилеммы — и выше ее — для него ничего не существует»[1].

С особым сарказмом Маркс и Энгельс высмеивают попытки «истинных социалистов» растворить социализм и коммунизм в абстрактно толкуемом гуманизме. Они приводят выдержку из статьи Г. Земмига «Коммунизм, социализм, гуманизм»: «В *гуманизме* разрешаются все споры о названиях. К чему коммунисты, к чему социалисты? Мы — *люди*». Эти слова они снабжают известными строками из стихотворения Г. Гейне «Мир навыворот»:

О братья, для чего мы плыть
Против теченья станем?
Пойдем — и с Темпловской горы
«Виват король!» затянем.

И далее иронически заключают: «К чему люди, к чему звери, к чему растения, к чему камни? Мы — тела!»[2]

Домарксистская общественная мысль оперировала в своих теоретических построениях лишь понятием абстрактного человека, человека вообще, оторванного от социально-политических, экономических, правовых и других отношений и связей, а тем самым и от практической человеческой деятельности. В такой изолированности от конкретно-исторических связей человек мог фигурировать лишь как биологическая особь, как неизменная и всегда себе равная величина. Из неизменной природы абстрактного человека, из его душевного склада домарксистская общественная мысль стремилась дедуцировать политико-правовые установления, этические и эстетические нормы, структуру социальной действительности. Преодоление этой идеалистической, антиисторической концепции было решающим условием для создания научной концепции о человеке, о гуманизме.

Теоретической основой широко распространившихся абстрактно-гуманистических мелкобуржуазных концепций был фейербаховский антропологизм. Поэтому глубокая критика Энгельсом понятия абстрактного человека,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 198.
[2] Там же, стр. 469—470.

которое занимает столь важное место во всей системе домарксистской социологии и эстетики, и в особенности в философии Фейербаха, явилась методологической основой для дальнейшей критики абстрактного гуманизма. Энгельсу принадлежит огромная заслуга глубокой и всесторонней критики всей совокупности идей, образующих концепцию абстрактного человека и абстрактного гуманизма. Очень ярко эта критика была дана в связи с анализом фейербаховских представлений об этике и философии религии.

Фейербах показал, что христианский бог есть лишь фантастическое отражение человека. Но в свою очередь и человек Фейербаха был не более как абстракция, писал Энгельс. Человек в системе Фейербаха представляет собой не действительного человека, а квинтэссенцию множества действительных людей; «это — абстрактный человек, то есть опять-таки только мысленный образ». «По форме он реалистичен, за точку отправления он берет человека; но о мире, в котором живет этот человек, у него нет и речи, и потому его человек остается постоянно тем же абстрактным человеком, который фигурирует в философии религии. Этот человек... живет не в действительном, исторически развившемся и исторически определенном мире. Хотя он находится в общении с другими людьми, но каждый из них столь же абстрактен, как и он сам» [1].

Само собой разумеется, что мораль этого абстрактного человека не могла не носить столь же абстрактного характера. И действительно, Фейербах оперировал понятиями отвлеченного добра и зла. Он пытался сформулировать такие нравственные нормы, которые были бы пригодны всегда и всюду, независимо от исторических эпох и общественных классов. Он ратовал за добро вообще и столь же энергично осуждал абстрактное зло.

В обществе, разделенном на враждебные классы, Фейербах желал практически утвердить равное право всех людей на счастье. Он догадывался, что это было бы невозможно сделать в условиях существования рабов и рабовладельцев, феодалов и крепостных крестьян, но полагал, что в условиях буржуазного равноправия это — достижимый идеал для всех и каждого.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 295.

Энгельс разрушил эти иллюзии. Он показал формальный характер буржуазного равноправия. Буржуазия упразднила сословные привилегии и ввела юридическое равноправие в области частного, а затем и государственного права. «Но, — замечал Энгельс, — стремлению к счастью в наименьшей степени нужны идеальные права. Оно нуждается больше всего в материальных средствах; капиталистическое же производство заботится о том, чтобы огромное большинство равноправных лиц имело лишь самое необходимое для самой скудной жизни. Таким образом, капитализм вряд ли оказывает больше уважения равному праву большинства на счастье, чем оказывало рабство или крепостничество» [1].

Энгельс показал также всю несостоятельность фейербахианского принципа всеобщей любви, стремление философа отстоять этот принцип в обществе, которое по антагонистической своей природе не может не рождать и не обострять чувство ненависти между людьми, принадлежащими к классам с диаметрально противоположными интересами и устремлениями.

В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельс открыто отстаивает классовый характер гуманизма и нравственности. Отказ от классового анализа и оценки равноправия, свободы, добра и зла, справедливого и несправедливого неизбежно приводит к обману и самообману, к безжизненным, созерцательным констатациям. «...С фейербаховской теорией морали, — заключает Энгельс, — случилось то же, что со всеми ее предшественницами. Она скроена для всех времен, для всех народов, для всех обстоятельств и именно потому не применима нигде и никогда. По отношению к действительному миру она так же бессильна, как категорический императив Канта» [2].

Критика Энгельсом абстрактного гуманизма Фейербаха логически связана с его критикой прудонизма. В работе «К жилищному вопросу» Энгельс выступил против прудоновской идеи абстрактной справедливости и считал, что вера в абстрактную справедливость есть вера в социальный флогистон. Раскрывая научную несостоятельность прудоновской концепции, Энгельс писал:

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 297—298.
[2] Там же, стр. 298.

«...эта справедливость всегда представляет собой лишь идеологизированное, вознесенное на небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны» [1].

Высказывания Энгельса об абстрактной справедливости, равно как и абстрактной идее добра и гуманности как идеологизированном выражении существующих общественных отношений, имеют глубокий смысл и безусловно направлены против абстрактного гуманизма «истинных социалистов», Прудона, Штирнера и антропологической ограниченности гуманизма Фейербаха. Гуманистические идеи Энгельса и критика им абстрактного гуманизма его времени сохраняют свое теоретическое значение и актуальность и ныне. Они способствуют глубокому раскрытию и разоблачению социальной сущности антинаучных методологических принципов новейшего «абстрактного гуманизма», пропагандируемого рядом ревизионистов. Эта мысль подчеркивалась во многих выступлениях участников международной конференции, посвященной Фридриху Энгельсу [2].

Критика основоположниками марксизма абстрактного гуманизма воспринята некоторыми философами, в том числе и рядом марксистов, как отказ от гуманизма вообще. Рассматривая гуманизм лишь как идеологический феномен, они считают, что марксизм порывает с гуманизмом. Противопоставление философии как науки гуманизму связано с игнорированием принципиального различия между абстрактным и научным гуманизмом, а также с отрицанием современными структуралистами возможности научной постановки и решения проблемы человека.

Парадокс истории заключается в том, что эту критику абстрактного гуманизма современные критики марксизма используют как доказательство антигуманистической направленности воззрений Энгельса в целом.

Идея о несовместимости марксизма с гуманизмом получила широкое распространение и выступает в современной идеологической борьбе в различных формах. Ее поддерживают те, кто провозглашает Маркса натуралистом-гуманистом и утверждает, что с Энгельса начинается новая, так называемая сциентистская линия

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 273.

[2] См. «Проблемы мира и социализма», 1970, № 9.

в марксизме, исключающая гуманизм, проблему человека. С совершенно иных позиций идею о противоположности марксизма гуманизму отстаивают различные представители «левого» оппортунизма. Они противопоставляют классовую борьбу гуманизму, классовые интересы пролетариата общечеловеческим и игнорируют гуманизм как якобы либерально-буржуазное понятие, несовместимое с идеологией пролетариата, с философией марксизма.

В действительности, как уже говорилось, Маркс и Энгельс, преодолевая теоретическую и историческую ограниченность предшествовавших и современных им концепций абстрактного гуманизма, отвергая квазигуманистические теории, не отказались от проблемы гуманизма, а, наоборот, создали свою концепцию научного, революционно-действенного гуманизма. На основе материалистического понимания истории они дали последовательное, научное освещение совокупности философско-этических, социально-экономических и других аспектов проблемы человека.

Впервые в трудах Маркса и Энгельса проблема человека освободилась от сковывающего ее абстрактного антропологизма и была проанализирована в плане диалектики общего, единичного и частного, — человека, личности и индивида — в их органической связи с существующими социальными отношениями, и в первую очередь с классовой борьбой пролетариата, с практической деятельностью личности, классов, народных масс, с национально-освободительным движением, с интересами и перспективами развития человечества и человеческой цивилизации, с коммунистическим будущим.

Энгельс, как и Маркс, связывал достижение идеалов коммунистического гуманизма с классовой борьбой пролетариата, с необходимостью ликвидации капиталистического и победы коммунистического общества. Это определялось принципиально новой в истории общественной мысли постановкой проблемы человека, ее невиданной широтой и объемностью. Речь шла о реальном достижении полного благосостояния и свободного всестороннего развития *всех* членов общества и, следовательно, *каждого* индивида.

В противовес абстрактной всеобщей любви, пропагандируемой буржуазным и мелкобуржуазным социализ-

мом, Энгельс обращал внимание на необходимость развития у рабочих чувства классовой ненависти к буржуазии. Еще в работе «Положение рабочего класса в Англии» он писал: «По принципу своему коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом; он признает лишь ее историческое значение для настоящего, но отрицает ее необходимость в будущем; он именно ставит себе целью устранить эту вражду. Пока эта вражда существует, коммунизм рассматривает ожесточение пролетариата против своих поработителей как необходимость, как наиболее важный рычаг *начинающегося* рабочего движения; но коммунизм идет дальше этого ожесточения, ибо он является делом не одних только рабочих, а всего человечества» [1]. С ненавистью к эксплуатации и эксплуататорам Энгельс связывал развитие чувства человеческого достоинства у рабочих, их способность к революционной борьбе. Рассматривая классовую борьбу пролетариата как условие его эмансипации, Энгельс вместе с тем постоянно подчеркивал единство классовых интересов пролетариата с общечеловеческими интересами. Эта идея, высказанная в приведенной выше цитате, воплотилась в характеристике исторической миссии пролетариата и в определении Энгельсом цели коммунистического общества.

Рассматривая социализм как необходимый результат исторического развития общества, Энгельс высказал ряд глубоких мыслей, связанных с проблемой человека в условиях будущего, коммунистического общества. Анализируя эти вопросы в «Анти-Дюринге», Энгельс опирался на исследования Маркса, особенно на «Капитал». Некоторые из этих идей получили с дальнейшим развитием марксизма новую трактовку и решение. Энгельс неоднократно сам писал, что было бы утопией пытаться определить и решить подробно все вопросы будущего общества. Однако целый ряд высказанных им положений полностью оправдались в практике созидания коммунистических форм человеческого общества.

Подводя итог сказанному, мы с полным основанием можем констатировать исключительную роль Энгельса, как молодого, так и зрелого, в поисках новой, научной концепции человека, теории коммунистического гуманиз-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 516.

ма, в обосновании вместе с Марксом фундаментальных положений этой теории. Попытки противопоставить взгляды Маркса взглядам Энгельса, представить «сциентиста» Энгельса безразличным к проблеме человека, выводящим ее за пределы научного знания, несостоятельны и не выдерживают никакой критики.

С открытием материалистического понимания истории все социальные проблемы, в том числе и проблема гуманизма, стали предметом строго научного анализа и оценки. Энгельс вместе с Марксом был создателем исторического материализма. С этих позиций он вначале самостоятельно, а затем совместно со своим великим другом и единомышленником неустанно работал над научным обоснованием пути и средств достижения реального благополучия и счастья человека, его свободы, его полного самоутверждения и всестороннего развития.

Глава девятнадцатая

Философский анализ в трудах Энгельса перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу

Выработанное К. Марксом и Ф. Энгельсом материалистическое понимание истории явилось эффективным средством оценки не только современных им исторических процессов развития капитализма и предвидения на этой основе грядущих социальных перемен, но и создало гносеологические предпосылки для объяснения общественной жизни далекого прошлого.

Основной работой Ф. Энгельса, в которой наиболее систематически рассмотрены теоретические проблемы смены первобытнообщинного строя классово антагонистическим обществом, является «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Она написана в связи с анализом книги Л. Моргана «Древнее общество...». Последнее обстоятельство заставляет в какой-то мере коснуться соотношения взглядов Энгельса и Моргана по вопросу о развитии родового общества в классо-

вое, тем более что не только в буржуазной, но и в марксистской литературе существует тенденция к их сближению и даже отождествлению.

Ф. Энгельс занимался проблемой генезиса классового общества и материалистическим обоснованием последнего до появления книги Моргана. Об этом свидетельствует его работа «Анти-Дюринг», а также написанная совместно с К. Марксом «Немецкая идеология». Далее, Морган и Энгельс при анализе древнего общества шли разными путями, исследовали данную проблему с разных сторон. Морган подошел к ней как этнограф, проделавший кропотливый сравнительно-исторический анализ богатого эмпирического материала по общественному строю американских индейцев. Энгельс исходил из диалектико-материалистического мировоззрения, сознательно ставя задачу его применения к анализу проблем древней истории. Поэтому Энгельс не только добавил к морган овским выводам результаты других исследований, в том числе собственных (по истории древних германцев), но и смог перебросить логические мосты через многие «пустоты» историографии того времени, на фрагментарность и ненадежность которой он неоднократно сетовал.

Морган был стихийным материалистом лишь в результатах, но не в исходных методологических посылках своего исследования. Даже названия разделов книги «Древнее общество...», не говоря уже о неоднократных ссылках на замысел Великого Разума «создать из дикаря варьбара, а из варвара — цивилизованного человека»[1] и божье провидение, свидетельствуют об идеалистическом характере взглядов автора: развитие интеллекта вследствие изобретений и открытий, развитие идеи управления, развитие идеи семьи и развитие идеи собственности. Провозглашая прогресс атрибутом человеческой истории, Морган вместе с тем склонен относить его главным образом к сфере изобретений и открытий, представляя развитие общественных учреждений и форм как плоско-эволюционистское «развертывание». «Если мы, восходя вдоль различных линий прогресса к начальным векам существования человечества, — пишет он на первых страницах

[1] *Л. Г. Морган.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934, стр. 330.

«Древнего общества...», —разграничим одно от другого в том порядке, в каком они появлялись, изобретения и открытия, с одной стороны, и учреждения — с другой, то мы найдем, что первые стоят друг к другу в отношениях прогресса, последние — в отношениях развертывания. Тогда как явления первой группы имеют друг с другом более или менее прямую связь, явления последней развились из немногих первоначальных зародышей мысли» [1]. «...Медленно, но неуклонно, — возвращается Морган к этой мысли,— развиваются человеческие учреждения из низших в высшие формы вследствие логической деятельности человеческого ума, идущей по единообразным, но предустановленным путям» [2].

Выделенные формы социальной жизни в сфере хозяйства, управления, семьи и собственности Морган рассматривал скорее как сопутствующие, друг друга сопровождающие, нежели взаимосвязанные и обусловливающие одна другую. «Четыре вышеуказанные группы явлений, лежащие параллельными линиями вдоль пути человеческого прогресса от дикости к цивилизации, составляют основной предмет исследования этой книги» [3], — писал он в предисловии.

Поэтому следует с полным основанием утверждать, что Ф. Энгельс не просто материалистически «перечитал» и дополнил гипотезу Моргана. Он создал на основе последней, а также своих собственных исследований по данной проблематике подлинно диалектико-материалистическую теорию перехода от первобытнообщинного строя к классово антагонистическому обществу. Некоторые моменты этой теории будут рассмотрены ниже в свете современных научных представлений.

1. Объективный характер смены первобытнообщинного строя классово антагонистическим обществом

Процесс смены первобытного строя классовым обществом Энгельс анализирует, исходя из материалистической оценки данных ступеней социального развития и объек-

[1] *Л. Г. Морган.* Древнее общество... стр. 5—6.
[2] Там же, стр. 153.
[3] Там же, стр. 4.

тивной обусловленности этого перехода. Там, где у Моргана в качестве движущей силы исторического развития выступало накопление идей и производственного опыта, Энгельс вскрыл глубокие, экономические корни социальных сдвигов. Там, где Моргану помогала интуиция исследователя, Энгельс применял выработанный вместе с Марксом метод диалектико-материалистического анализа общественной жизни.

Это касается прежде всего экономической обусловленности процесса смены первобытнообщинного строя классово антагонистическим обществом. В сфере производственных отношений почвой для этого перехода выступает разделение труда, являющееся продуктом предшествующего хозяйственного развития и предполагающее в свою очередь производство излишка средств жизни и сосуществование различных отраслей хозяйства — объективной основы обмена. «...В основе деления на классы, — писал Энгельс, — лежит закон разделения труда... Но если разделение на классы имеет, таким образом, известное историческое оправдание, то оно имеет его лишь для известного периода и при известных общественных условиях. Оно обусловливалось недостаточностью производства и будет уничтожено полным развитием современных производительных сил» [1].

Наряду с этим Энгельс дает материалистическую оценку первобытнообщинной формации как такой социальной ступени, которая является объективно обусловленной формой социальных отношений и подготовки материальных, а также духовных предпосылок для последующего перехода к более развитым их формам. Однако сам первобытный строй не несет в себе перспектив дальнейшего перехода к более высоким общественным порядкам. Последние складываются на его развалинах, развиваются из продуктов его разложения. Этот момент важно подчеркнуть, ибо нередки иллюзии о вызревании классовых антагонизмов непосредственно в недрах первобытнообщинной формации. Энгельс совершенно определенно говорит, что «нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождал из самого себя ничего иного, кроме собственного разложе-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 293.

ния»[1], что «общая собственность становится в ходе развития земледелия оковами для производства. Она уничтожается, подвергается отрицанию и, после более или менее долгих промежуточных стадий, превращается в частную собственность»[2]. Современные исторические исследования подтверждают данную мысль выводом о том, что классовые отношения не могли возникать в недрах первобытнообщинного строя, а складывались уже после его разложения[3].

Анализируя древнюю историю, Энгельс вскрывает глубочайшую связь отношения людей к природе с их отношениями друг к другу, исследует положение индивида в общине и особенности психики первобытного человека. И здесь он идет значительно дальше Моргана. Автор «Древнего общества...» видит непосредственную связь хозяйственных форм с психологическими институтами и лишь через их посредство с социальными отношениями. Энгельс как бы переставляет последние компоненты местами, помещая между экономическими и психологическими явлениями собственно социальное звено — общественные отношения, а также подчеркивает первичность материальных предпосылок развития древнего общества над идеальными, духовными.

Локальная ограниченность первобытного производства порождала «разорванность» общественных отношений на границах родо-племенных групп и слитность, слабую расчлененность внутри их. Это противоречие фиксирует, как показал Энгельс, и общественное сознание того периода. Здесь материалистическая психология нашла ключ к объяснению фрагментарности и чрезвычайной консервативности психики первобытного человека. Во многих случаях, по мнению крупных советских психологов Л. С. Выготского и А. Р. Лурии, «механизм памяти заменяет первобытному человеку логический механизм...»[4], а традиция является исчерпывающей формой

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 444.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 142.

[3] См. *М. Н. Мейман, С. Д. Сказкин.* К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства. — «Вопросы истории», 1960, № 1, стр. 85—86.

[4] Цит. по: *П. П. Блонский.* Избранные психологические произведения. М., 1964, стр. 435.

регламентации общественных отношений. Соответственно основой их преобразования выступают не изменения в области психики; наоборот, сдвиги в социальных отношениях, обусловленные в конечном счете развитием экономики, порождают перемены в области общественного сознания, ибо «вместе с изменением строения деятельности человека меняется и внутреннее строение его сознания» [1]. Словом, сами по себе чувства братства и взаимопомощи, равно как жажда накопления и социальная ненависть, не определяются непосредственно производством и не определяют его. Связующим звеном между ними выступают социальные отношения.

В результате такого подхода первобытный строй выступает у Энгельса не как идиллический рай, «золотой век» у Руссо и не как кромешный ад, «война всех против всех» у Гоббса. Суть общественных отношений этого периода он видит в чрезвычайно жесткой зависимости человека от природы. Это касается и сплоченности внутри общин (эту сторону абсолютизировал Руссо), и соперничества последних друг с другом.

Не ограничиваясь анализом первобытного строя, К. Маркс и Ф. Энгельс совершенно четко и определенно показали, что ему на смену объективно приходит общество классовых антагонизмов, эксплуатации и угнетения, которое складывается в форме рабовладения и феодализма. В домарксистской науке господствовали идеалистические оценки рабства как «позора человечества», «ошибки истории», а феодализма как «тысячелетней летаргии Европы», «перерыва истории», «исторической пустоты». Энгельс отверг такие представления и показал на конкретном историческом материале объективную необходимость этих форм общественного развития.

Что касается первой из них, то Энгельс в ее оценке предельно лаконичен: «Только рабство сделало возможным в более крупном (чем община. — *И. А.*) масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры... При исторических предпосылках древнего, в частности греческого, мира переход к основанному на классовых проти-

[1] *А. Н. Леонтьев.* Проблемы развития психики. М., 1965, стр. 285.

воположностях обществу мог совершиться только в форме рабства»[1].

В недрах рабовладельческого способа производства цивилизация охватывала главным образом ремесло и пункты его дислокации — города; феодальный способ производства способствовал ее глубокому проникновению в сельское хозяйство, в жизнь деревень, сложившихся на месте прежних общин. Словом, если ранние стадии феодализма и были периодом застоя, известной деградации городов и городских ремесел, то по крайней мере достижения последних коснулись самой отдаленной деревенской периферии. Начало феодализма в этом смысле было не перерывом истории, а одним из перерывов постепенности ее развития в рамках прежнего способа производства. Он втягивал в орбиту всемирной истории обширную деревенскую периферию античных полисов, способствовал внедрению достижений ремесла и некоторых социальных институтов полиса в области сельскохозяйственной экономики и общественных отношений, расширяя арену цивилизации, увеличивая тем самым демографический потенциал будущих социальных сдвигов.

Только в неразрывном противоречивом единстве рабство и феодализм могут быть рассмотрены как объективно необходимые общественные формы подготовки промышленной революции и капиталистического социального строя, в рамках которого зреют предпосылки вступления человечества в свою подлинную историю.

В научных публикациях и дискуссиях встречаются предложения отказаться от понятия рабовладельческого способа производства и рассматривать его как частный случай истории Средиземноморья и вообще как аномалию исторического развития, поскольку «рабовладельческий способ производства означает нарушение нормальной стадиальной последовательности общественного развития...»[2]. Иногда, объявляя классическое римское общество феодальным, предлагают вообще снять вопрос о рабовладельческом способе производства, считая, что «его никогда и нигде не существовало... феодализм и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 185—186.

[2] *М. Ю. Брайчевский*. Производственные отношения у восточных славян в период перехода от первобытнообщинного строя к феодализму. — «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР». М., 1969, стр. 48.

капитализм являются единственными известными в истории классовыми формациями. . .» [1]. Однако эти высказывания, по нашему мнению, не представляются обоснованными ни методологически, ни имеющимся в распоряжении исторической науки фактическим материалом.

Энгельс вполне определенно говорит (и исторический материал этого не отвергает), что именно «с появлением рабства, достигшего при цивилизации своего наивысшего развития, произошло первое крупное разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы», что «рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру. . .» [2], хотя вместе с тем он признает и возможность завершения классообразования непосредственно в форме феодализма, например в очерках по истории древних германцев.

Рабовладельческий способ производства, несмотря на то что его классические формы знало лишь Средиземноморье, был отнюдь не специфически местным, а всемирно-историческим феноменом. Его значение и влияние на ход общественного развития человечества носило глобальный характер, и Энгельс с полным правом заявлял, что «без античного рабства не было бы и современного социализма» [3]. Словом, отрицать неизбежность рабства в истории человечества как особого, объективно необходимого способа производства на том основании, что его классические формы сравнительно жестко локализованы, является ничуть не меньшей ошибкой, чем пытаться найти развитое рабство в истории каждого из народов, вступивших в классовое общество.

Таким образом, материалистическая интерпретация морганов ской схемы, даваемая Ф. Энгельсом, вытекает из самой сущности марксистской теории общественно-экономических формаций и их закономерной смены. Энгельс увидел в ней контуры первобытнообщинного строя (эпоха дикости), классово антагонистического общества (цивилизация, основанная на угнетении) и переходной ступени превращения первого во второе, охватываемой

---

[1] *Ю. М. Кобищанов.* Феодализм, рабство и азиатский способ производства. — «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М., 1966, стр. 45—46.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 175.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 186.

термином «варварство». Причем период варварства в свою очередь расчленяется на ряд стадий.

Низшая ступень варварства характеризуется началом социальной дифференциации общин и племен на стадии неолита в зависимости от природных условий развития их производства и представляет собой этап разложения первобытнообщинного строя.

Средняя ступень варварства — главным образом эпоха бронзы — является фундаментом тех обществ древнейшего Востока и Нового Света, где в силу специфических природных и социальных условий историческое развитие резко затормозилось как раз на «стыке» процессов разложения первобытного и складывания классового общества или на ранних, зачаточных ступенях последнего, когда противоположные тенденции формирования классовых антагонизмов — эксплуатации «своих», рядовых общинников, и «чужих», плененных рабов, еще не расчленены. Впоследствии эти общественные структуры либо распадаются, и развитие идет вперед (предшествующие античной крито-микенская и этрусская цивилизации), либо удерживаются, создавая ситуацию застоя, стагнации, исторического «кружения» на месте (Древний Восток). Используя выражение К. Маркса, можно сказать, что этот период концентрирует в себе «муки родов» элементов и общественных отношений новой формации на развалинах предшествующей.

Высшая ступень варварства имела своим экономическим фундаментом эпоху железного века и охватывала процессы интенсивного классообразования, что подтверждается также приводимыми Морганом и Энгельсом примерами (греки героической эпохи, италийские племена незадолго до основания Рима, германцы Тацита, норманны времен викингов).

Подобная детализация переходной ступени развития первобытного строя в классовое общество представляет собой применение (но уже в меньшем историческом масштабе) того же методологического принципа расчленения процесса смены одного качества другим, который присутствует в трехчленной градации всей предыстории человечества на дикость, варварство и цивилизацию. Такой путь открывает перспективу для анализа не только того, почему совершился переход от родового общества к классам и от ранней ступени варварства (разложения

первобытного строя) к поздней (интенсивному классообразованию), но и того, как он протекал; дает возможность вскрыть логику его внутреннего движения и взаимодействия с другими историческими процессами.

Сам принцип выделения в генетическом анализе средней ступени, выступающей в методологическом смысле как своеобразное промежуточное качество, а также связанная с ним идея вычленения и раздельного рассмотрения двух «полускачков» в развитии объекта к новому качеству получают в современной науке широкое признание[1], ибо позволяют углубить, представить многослойным, объемным процесс перехода, выделить как специальный объект исследования сам стык между генетически смыкающимися системами. Данный принцип, органически вытекающий из выработанного классиками марксизма диалектико-материалистического объяснения объективной реальности, является методологическим фокусом современных дискуссий о диалектике и стадиях классообразования, помогает материалистически, в духе объективных исторических закономерностей соотнести цивилизации Древнего Востока, античного Средиземноморья и других регионов ойкумены. В этом смысле обращение к работам Ф. Энгельса по древней истории позволяет распознавать ошибки, неизбежные, когда исторические феномены, принадлежащие к различным стадиям этого перехода, рассматриваются как однопорядковые лишь на основе одновременности их существования.

2. Материалистическая оценка процесса перехода от первобытного общества к классовому и выделение его стадий

Грань между дикостью и варварством Энгельс определял как переход от периода «преимущественно присвоения готовых продуктов природы» к периоду «овладения мето-

[1] См. *Я. Я. Рогинский.* К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции. — «Антропологический журнал», 1936, № 3; *А. Г. Спиркин.* Происхождение сознания. М., 1960; *Ю. И. Семенов.* Как возникло человечество. М., 1966; *Б. Ф. Поршнев.* Социальная психология и история. М., 1966; *В. В. Орлов.* Психофизиологическая проблема. Пермь, 1966; *А. С. Ковальчук.* Становление нового качества в развитии общества. М., 1968, и др.

дами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности»[1], или, обращаясь к современной терминологии, как смену экономики присваивающей производящей экономикой.

Поскольку этот переход археологически совпадает с эпохой неолита и является подлинным перерывом постепенности в характере отношения человека к природе, постольку представляется оправданным утверждающееся в науке последних лет именование его «неолитической революцией». Главное содержание этой эпохи — «революция, в результате которой человек вышел из рамок чисто паразитического существования и с переходом к земледелию и скотоводству стал созидателем, независимым от прихотей окружающей его природы...»[2].

Трехчленное деление варварства имеет значение не только для общей периодизации объективного процесса смены первобытного строя классовым обществом, но и в плане анализа закономерностей развития в этом направлении тех или иных сторон общественной жизни, трансформации в новое качество прежних социальных институтов. Так, по признаку определяющей формы хозяйственной деятельности, различным стадиям варварства соответствуют периоды архаической экономики, сложившегося земледелия и скотоводства и период ремесел[3].

Архаическая экономика предполагает постепенное вызревание в рамках нерасчлененного комплексного хозяйства того уклона производства, который наиболее надежно обеспечивал в конкретных природных и демографических условиях выживание данного социального коллектива. В период архаической экономики появляется излишек продукта и потребность координации хозяйственной деятельности — объективная основа выделения специфического труда по регулированию и организации, отделяющегося от непосредственного производительного труда, связанного с преобразованием вещества природы, поскольку объектом первого выступает сознание людей,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 33.

[2] *Г. Чайлд*. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 24.

[3] См. *В. М. Массон*. Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке. — «Вопросы истории», 1967, № 5, стр. 87—88.

а задачей — манипулирование им. Здесь берет начало разделение физического и умственного труда, значение которого для процесса разложения первобытного строя и складывания классового общества К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркнули в работе «Немецкая идеология». Именно с этой поры вычленяется специфическое «производство идей», до материалистического понимания которого Морган так и не смог подняться.

Первое крупное общественное разделение труда — выделение земледельческих и скотоводческих племен из общей массы варваров — обусловило последующую дивергенцию этих хозяйственных форм. Основная идея Энгельса заключается в том, что на средней ступени варварства одновременно существует «некоторый излишек над собственной потребностью» и две рядом стоящие, различные формы производства, вместе составляющие «условия для регулярного обмена»[1]. Архаическая экономика представляла собой нерасчлененное единство, сплав специализированного собирательства, своеобразного «протоземледелия» и первых попыток доместикации животных, «протоскотоводства»[2] с охотой, рыболовством и пр. Первое крупное общественное разделение труда[3], создающее объективные предпосылки регулярного обмена возрастающей массы излишка, предполагает выделение скотоводства и земледелия как относительно самостоятельных видов хозяйственной деятельности, позволяющих в большей, чем прежде, степени учитывать экологические особенности различных географических ареалов. Оно произошло, как и полагал Энгельс, на стыке низшей и средней ступеней варварства, когда уже был регулярный излишек. Оно означало, что ряд племен поднялся не толь-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 165.

[2] *J.-J. Goblot*. Pour une approche théorique des «faits de civilisation». — «Le Pensée». Paris, 1967, N 134, p. 14.

[3] Выделение варварских племен из среды этнических групп эпохи дикости, происшедшее в результате неолитической революции, вряд ли следует называть первым крупным общественным разделением труда (см. *И. Н Хлопин*. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе. — «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970, стр. 112), ибо контакты между ними не были объективной предпосылкой дальнейшего развития производства передовых народов той эпохи, тем более что племена эпохи дикости не имели постоянного излишка производимых продуктов.

ко над этническими группами, пребывающими еще в эпохе дикости, но и над племенами, совершившими неолитическую революцию и освоившими производящую экономику на ее раннеархаической ступени.

Конечно, замечания Энгельса о соотношении скотоводства и земледелия, многие из которых высказаны в виде предположения[1], опирались на господствующие в науке того времени представления о том, что классические цивилизации Передней Азии и Средиземноморья были результатом оседания и перехода к земледелию пастушеских племен семитов и ариев. Те факты, что эти кочевники обосновались на месте разрушенных и частично воспринятых ими древних земледельческих культур (переживавших, правда, кризис из-за резкого повышения аридности климата) и что их собственные далекие предки до перехода к кочевому скотоводству были знакомы с зачатками земледелия мотыжного типа, были тогда неизвестны. Поэтому Энгельс делает акцент на роли скотоводческих племен в первом крупном общественном разделении труда, оставляя несколько в тени значение земледелия в эпоху среднего варварства.

Однако оснований для вывода о том, будто Энгельс считал, что скотоводство возникло раньше земледелия, это не дает. Из всей истории земледелия и скотоводства он подробно рассматривает лишь эпоху перехода от кочевого скотоводства к плужному земледелию средней лесостепной полосы, который в целом совпадает со сменой средней ступени варварства высшей. В этом плане его тезис не вызывает возражений. Действительно, этап кочевого скотоводства был объективно необходимой предпосылкой последующего возникновения и развития интенсивного пашенного земледелия с использованием тягловой силы скота, полеводства, как его называет Энгельс. Другое дело, что само пастушество исторически предполагает наличие определенной стадии развития примитивного мотыжного земледелия. Не удивительно, что в регионах, где в значительной изоляции друг от друга существовали либо мотыжное земледелие (Юкатан, Мексиканское нагорье, побережье Гвинейского залива и другие районы Тропической Африки), либо кочевое скотоводство (Аравия, Центральная Азия), народы не продвину-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 31 и др.

лись в своем развитии дальше средней ступени варварства. Причем данная ступень земледелия может складываться независимо от скотоводства и в специфических формах вести к разложению первобытного строя и началу процесса формирования классов и государства.

Иногда встречается мнение, что Энгельс недооценивал роль земледелия в процессах классообразования. Текст работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» свидетельствует об обратном. Именно с плужным земледелием Энгельс связывал производственную основу высшей ступени варварства и потенциальный источник значительного прибавочного продукта, открывающий путь классообразованию. «Прежде всего, — писал он, — мы впервые встречаем здесь плуг с железным лемехом, с домашним скотом в качестве тягловой силы; благодаря ему стало возможно земледелие в крупном размере, *полеводство*, а вместе с тем и практически неограниченное для тогдашних условий увеличение жизненных припасов...»[1] Что касается кочевого скотоводства, то, справедливо относя его расцвет к более раннему времени, Энгельс дает ему иную характеристику: «На средней ступени варварства у пастушеских народов мы находим уже имущество в виде скота, которое при известной величине стада регулярно доставляет некоторый излишек над собственной потребностью...»[2] Разве нет качественной разницы между «практически неограниченным для тогдашних условий увеличением жизненных припасов» и «некоторым излишком над собственной потребностью»?

Вполне допустимо, что в ряде регионов средней ступени варварства «пастушеские племена производили... больше, чем остальные варвары», и, бесспорно, что «производимые ими средства к жизни были другие»[3]. Но Энгельс очень отчетливо пишет об одновременном с пастушеством развитии огородничества (в современной терминологии — мотыжного земледелия), рассматривая последнее в качестве предшественника полеводства[4]. Иначе с кем пастушеские племена варваров средней ступени

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 32.
[2] Там же, стр. 165.
[3] Там же, стр. 160.
[4] См. там же.

могли обменивать излишек своего специфического продукта труда? Ведь в рамках архаической экономики его низшей ступени излишек только появляется, а потому невелик. Недаром мотыжное земледелие становится хозяйственным фундаментом древнейших цивилизаций мира.

Палеоэкономические исследования, развернувшиеся в последние годы и опирающиеся в своих расчетах на «биологические потребности в растительной и мясной пище, переведенные на потенциал урожайности полей» в экстенсивном хозяйстве древности [1], подтверждают языком цифр, что мотыжное земледелие средней ступени варварства давало в потенции гигантский (и главное — устойчивый) излишек зерна, основного предмета обмена с пастушескими племенами. По подсчетам В. М. Массона, уже на ранних ступенях земледелия в субтропической зоне (Джейтун) для самообеспечения зерном на год земледелец должен был затратить максимум 60 дней, а в ирригационном земледелии вдвое меньше [2].

Другое дело, что скот как предмет обмена, легко отчуждаемый и подвижный в отличие от продуктов земледелия, сыграл более заметную роль в становлении торговли и формировании института собственности. Вместе с тем трудно переоценить значение кочевого скотоводства для производительного освоения человечеством громадных просторов степей и плоскогорий, не говоря уже о нем как стабильном источнике мясной пищи и одной из важнейших предпосылок пашенного земледелия. Однако с возникновением последнего исторические перспективы данных видов производственной деятельности коренным образом изменяются. Полеводство оказывается способным к дальнейшему развитию, воспринимая и используя результаты развития ремесла. Кочевое скотоводство теряет свою прогрессивность, а кочевники оказываются оттесненными на «обочину» истории.

Один из аспектов диалектики взаимодействия обще-

---

[1] См. *С. Н. Бибиков.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (опыт изучения первобытной экономики). — «Советская археология», 1965, № 1, стр. 56.

[2] См. *В. М. Массон.* Проблемы становления человеческого общества и археологические открытия последних десяти лет. — «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма», стр. 53.

ства с природой состоит в том, что дифференциация различных видов производственной деятельности в зависимости от специфических свойств данного географического ареала (и его исторического окружения) есть в то же время объективная основа комплексного освоения человечеством природного потенциала Земли. В этом смысле соотношение земледелия и скотоводства в эпоху варварства можно представить как «практически сложившуюся экономическую гармонию двух жизненно необходимых отраслей хозяйства»[1]. На средней ступени варварства они выступают как параллельные, сосуществующие направления производства, что служило объективной основой складывания и развития регулярного обмена. При переходе на высшую ступень варварства в большинстве регионов происходило их взаимопроникновение и известный синтез в рамках отныне единой сельскохозяйственной экономики, противопоставленной ремеслу, сосредоточенному в городах. В этом же направлении происходит переориентация обменных связей и складывается новое, второе, крупное общественное разделение труда.

Период ремесел, в рамках которого оно происходит, представляет собой выделение специфической деятельности по производству орудий труда и оружия, искусственных средств транспорта — судов и телег, а также широкого круга предметов потребления и роскоши. Расцвет ремесла объективно способствовал трансформации обмена в торговлю и ориентации производства на рынок. В свою очередь превращение производства в товарное генетически содержит в себе тенденцию отчуждения продукта от производителя, реализуемую в процессе складывания частной собственности на средства производства и специальных средств принуждения.

Развитие производства эпохи варварства в общих чертах совпадает с последовательным переходом человечества от простейшего по механизму способа обеспечения устойчивости хозяйственной системы — создания запасов средств жизни, сырья и природных предпосылок производства (страховой фонд продуктов, земель, погранич-

---

[1] *С. Н. Бибиков.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. — «Советская археология», 1965, № 1, стр. 57; см. также: *Г. Ф. Коробкова.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л., 1969, стр. 181.

ные леса и т. п.) [1] — к регулированию связей системы с окружающей средой (путем ирригации, агрономии, обмена, войн и т. п.), а затем к целенаправленному изменению среды, что связано с социальным регулированием экономических процессов [2]. При таком подходе рельефнее выступает связь генезиса излишка — потенциального прибавочного продукта — с ранней ступенью варварства; связь интенсификации обмена с его средним этапом; насильственного отчуждения прибавочного продукта — с высшей ступенью варварства, порогом классового общества.

С формами регулирования отношения общества к природе связаны размещение производства, типы расселения и социальных связей, а также методы регулирования общественных отношений.

Каждая из вновь осваиваемых форм производства как бы вырывала из «монотонного однообразия» палеолитической ойкумены [3] ареалы новых природных комплексов. Складывание земледелия и скотоводства значительно расширило территорию интенсивных хозяйственных сдвигов по сравнению с архаической экономикой; они охватили всю зону субтропиков. Выделение ремесла и создание железных орудий обеспечило не только переворот в технике земледелия, но и открыло для производящей экономики гораздо более богатую средствами труда зону лесов и степей средней полосы — Западную и Восточную Европу, а также леса и саванны Африки южнее Сахары. Энгельс показал, что значение железа, с появлением которого, по словам Моргана, «девять десятых борьбы за цивилизацию было выиграно» [4], не исчерпывается самим фактом производства его плавки. Гораздо важнее переворот, привносимый в производство изготов-

---

[1] Первоначальная общинная собственность на землю предполагала, по Энгельсу, «наличие известного излишка свободных земель, который предоставлял известный простор для ослабления возможных дурных результатов этого примитивного хозяйства. Когда этот излишек свободных земель был исчерпан, пришла в упадок и общая собственность» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 498; см. также: т. 19, стр. 450; т. 21, стр. 92, и др.).

[2] См. *О. Ланге*. Введение в экономическую кибернетику. М., 1968, стр. 21, 25 и др.

[3] См. *С. Н. Замятнин*. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. М., 1951, стр. 120.

[4] *Л. Г. Морган*. Древнее общество. . , стр. 28.

лением и использованием железных орудий. «Железо, — писал Энгельс, — сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов» [1].

Тем самым историческое развитие вызывало определенные сдвиги во взаимоотношениях различных племен и народов. Ступень дикости характеризовалась неразличимостью не только отдельных индивидов внутри общины, но и самих общин и племен между собой. Энгельс говорил, что в рамках каменного века повторение в истории является правилом. Лишь в эпоху варварства вследствие «различия в природных условиях население каждого полушария развивается с этих пор своим особым путем, и межевые знаки на границах отдельных ступеней развития становятся разными для каждого из обоих полушарий» [2].

Отсюда берет начало неравномерность экономического и социального развития различных отрядов человечества, которая в какой-то мере смягчается обменом товарами, идеями, производственными навыками, социальными институтами, но тем не менее остается вплоть до вступления человечества в свою подлинную историю.

Народы эпохи дикости и варварства отныне существуют в непосредственном соприкосновении. Металлургия открывает путь к отрыву оружия от орудий труда и обеспечивает военное превосходство народам, ею владеющим, над окружающими племенами. Уже «варвары каменного века, — пишет Г. Чайлд, — были, по-видимому, столь же беспомощны перед цивилизованными войсками с их медным оружием, как ацтеки перед испанцами» [3]. Вместе с тем медное оружие еще не дает средств эффективной охраны значительных масс пленных — вчерашних вражеских воинов, а потому в энеолитических цивилизациях древнейшего Востока, успешно воевавших с окружающими племенами каменного века, плененных мужчин убивали и использовали лишь труд рабынь.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 163.

[2] Там же, стр. 30.

[3] *Г. Чайлд.* Древнейший Восток в свете новых раскопок, стр. 366.

Вступление первых отрядов человечества в бронзовый век обострило как региональные войны, так и внутренние социальные процессы. Недаром в литературе эпоху бронзового века нередко (и, вероятно, справедливо) связывают с частыми войнами и складыванием восточного деспотизма. Железный век не только стирал вокруг себя регионы дикости, но потеснил и цивилизации средней ступени варварства с их бронзовым оружием [1].

Со сменой стадий варварства связано также развитие форм локальной концентрации производства и населения. Генезис производящей экономики вызывает тенденцию оседлости и увеличения населения. Возникают постоянные поселения, в которых община в ходе развития обмена и связанной с ним социальной дифференциации «идет навстречу своему разложению, превращаясь в деревню мелких собственников-крестьян» [2]. Эти поселения на средней ступени варварства окружаются оборонительными стенами, а затем некоторые из них, оказавшиеся на удобных торговых путях, становятся центрами ремесел и местом размещения администрации и развиваются в города. «Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубчатыми парапетами каменные или кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племен», что является, по Энгельсу, признаком «увеличившейся опасности и потребности в защите» [3], особенно характерным для позднего варварства.

Возникновение городов способствовало объединению в одном месте ремесленников различных специальностей (предпосылка будущей мануфактуры) и вело к увеличе-

[1] Первый вариант наиболее типичен для тех районов, где металлургия железа выросла на фоне автохтонного неолита (Африка южнее Сахары, Восточная Европа). В этих условиях «железо дало людям новую власть над землей и лесом, а также, по меткому замечанию аз-Зухри, над соседями, которые применяли камень, кость и дерево» (*Б. Дэвидсон.* Новое открытие древней Африки. М., 1962, стр. 84). Второй вариант больше характеризует переход к железу в регионах бронзового века. Соперничество железа и бронзы — подоплека военных столкновений на стыке средней и высшей ступеней варварства. Оно объясняет и сокрушительное поражение Египта от Ассирии, и смену микенского слоя греческой истории дорийским, в недрах которого вызревал собственно рабовладельческий способ производства.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 166.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 163.

нию объективной основы и ассортимента обмена, к интенсификации социальных связей. В городе же размещаются общественные органы, должностные лица, развивающаяся в господствующий класс верхушка. Сельскохозяйственная округа превращается в поставщика продуктов и сырья для городских жителей, постепенно оставляющих земледелие и скотоводство. Происходит разделение города и деревни. Г. Чайлд назвал этот процесс «городской революцией» [1], видя в нем не только колоссальный демографический сдвиг и изменение дислокации населения, но и предпосылку к скачку в развитии социальных связей, который завершается формированием рабовладельческих отношений в греческих полисах и гораздо раньше проявляется в виде аналогичной тенденции в городах Древнего Востока.

Кровнородственные узы населения ослабевают как с возрастанием масштабов социальных объединений и процессов, так и с оформлением профессиональных связей, более интенсивных в городах. «От поколения к поколению, — отмечает Ф. Энгельс, — все больше перемешивались между собой члены различных родов и фратрий по всей территории Аттики и особенно в самом городе Афинах... Население разделялось теперь по своим занятиям на довольно устойчивые группы; каждая из них имела ряд новых общих интересов, для которых не было места внутри рода или фратрии и для обслуживания которых появилась, следовательно, потребность в новых должностях» [2]. В свою очередь складывающиеся профессиональные связи приобретают все более выраженный территориальный, а с развитием обмена — экономический характер.

С изменением социальных связей в общих чертах совпадает развитие форм и методов регулирования общественных отношений и производственных процессов. Распадается «естественно выросшая структура» раннего варварства, основанная на кровнородственных связях, в рамках которой нет места социальным конфликтам, ибо, во-первых, индивиды того периода почти «неотличимы друг от друга», а во-вторых, «все вопросы решают сами заин-

---

[1] *G. Child.* The Urban Revolution. — «Town Planning Review», 1950, vol. 21, N 1.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 113—114.

тересованные лица, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал»[1]. Объективные потребности экономического развития обусловливают тенденцию все более широкой интеграции производителей, тем более что повышение эффективности производства достигается на этой ступени главным образом в результате увеличения его масштабов, а не развития орудий труда. Она выходит далеко за пределы родственных уз и разрушает родо-племенную организацию. «Дальше племени, — констатирует Энгельс, — она не пошла; образование союза племен означает уже начало ее разрушения...»[2].

Объединение общин увеличивало потребность в регулировании деятельности ее членов, рождало, по выражению К. Маркса, функцию выполнения «общих дел, вытекающих из природы всякого общества...»[3]. Формируется (главным образом вне родовых структур, на почве слияния верхушки различных общин) особый слой людей, выключившихся из непосредственного участия в производстве и лишь «сверху» регулирующих его. Знатные и богатые семьи «начали складываться вне своих родов в особый привилегированный класс...»[4], выполнявший пока общественные дела, но уже объективно имеющий и свои специфические, отличные от общественных, экономические интересы. «...Всякая политическая власть, — писал Энгельс, — основывается первоначально на какой-нибудь экономической, общественной функции...»[5]. В Древнем Востоке она вырастала на почве необходимости регулирования хозяйственной деятельности разрозненных общин в гигантских масштабах целых регионов. Поэтому «древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма...»[6].

Публичная власть уже отрывается от массы народа, но еще не противопоставлена ему достаточно четко. Во всяком случае Энгельс находит возможным говорить об общественной функции крупных землевладельцев в разные

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 98.
[2] Там же, стр. 99.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 422.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 111.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 188.
[6] Там же, стр. 186.

эпохи [1] и о вырастающей на этой основе аристократии. «...Образование первобытной аристократии на почве общей собственности на землю — как это было у кельтов, германцев и в индийском Пенджабе — опирается вначале вовсе не на насилие, а на добровольное подчинение и привычку» [2].

Имея в виду данный скачок, перерыв постепенности в эволюции родственных связей, происходящий на базе интеграции общинной верхушки в масштабах региональных цивилизаций и генезиса публичной власти, выделившейся из массы народа, можно указать на два момента: характеристику этого явления как аристократической революции [3] и явное преобладание средств духовного — социально-психологического и мифологического — регулирования с ритуалами превентивного устрашения тех, кто оказывается вне данной социальной организации и тех или иных ее привилегий. «Главным в обществе долины Инда было не насилие, а религия, иными словами, идеологическое воздействие» [4], — поясняет Д. Косамби.

Лишь с вступлением человечества в железный век и высшую ступень варварства — по мере углубления социальной дифференциации — публичная власть (в рамках военной демократии) развивается в собственно государство, такую форму организации классового общества, в рамках которой экономические интересы господствующего класса поддерживаются специальными политическими институтами. Соответственно на первый план выдвигаются средства и методы вооруженного насилия.

3. Взаимосвязь тенденций классообразования

Анализируя эпоху интенсивного классообразования, Энгельс отмечает диалектическую двойственность последнего, наличие в нем противоречивых и взаимосвязанных

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 183.

[2] Там же, стр. 166.

[3] *Ch. A. Diop*. L'Afrique Noir pré-colonial. Paris, 1960, p. 24—25.

[4] *Д. Косамби*. Культура и цивилизация древней Индии. М., 1968, стр. 78. Аналогичные выводы об империи инков содержатся в работе: *Х. К. Мариотеги*. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963, стр. 198—199.

тенденций. Суть этого дуализма заключается в том, что «различие между богатыми и бедными выступает наряду с различием между свободными и рабами...» [1]. Иначе говоря, возможность отчуждения прибавочного продукта может быть реализована по отношению как к своим общинникам (в процессе узурпации верхушкой общинного фонда и коллективных работ), так и к «чужим», инкорпорированным из других общин иноплеменникам. Налицо также тенденция сближения социального статута этих групп: принятие «чужих» в свою общину и, наоборот, обращение соплеменников за долги в рабство и продажа в этом качестве на чужбину (Греция накануне реформы Солона) и т. п. «Они возникли двояким путем» [2], — писал Энгельс об отношениях господства и порабощения. Одна из ветвей этого процесса реализуется в том, что «все возрастающая самостоятельность общественных функций по отношению к обществу могла со временем вырасти в господство над обществом...» [3]. Эта тенденция нередко фигурирует в современной литературе под названием протофеодальной, ибо генетически продуцирует контуры общественных отношений феодализма, основанного на эксплуатации и угнетении «своих», и наиболее полно реализуется в них, но не в чистом виде, а обогащенная рецепцией античных общественных институтов и форм. В первоначальном, протофеодальном варианте этот тип классообразования обычно фиксируют в древневосточных цивилизациях, фундаментом которых было «поголовное рабство» сгруппированных в монолитные общины непосредственных производителей.

«Но наряду с этим процессом образования классов, — продолжал Энгельс, — совершался еще и другой» [4] — включение в производственный процесс лиц, вырванных насильственным путем из собственных хозяйственных коллективов. Его объективной основой было то обстоятельство, что «человеческая рабочая сила могла произвести теперь больше, чем требовалось для простого поддержания ее...» [5].

Вначале, на ранней ступени варварства, принятый в

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 163.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 183.
[3] Там же, стр. 184.
[4] Там же, стр. 185.
[5] Там же.

общину иноплеменник, плененный или попавший в нее каким-либо иным путем, приносил в общий котел свою рабочую силу; выгоду давало простое увеличение числа участников локально и организационно единого производственного процесса, без дискриминации и угнетения. Дело сводится *«к насильственному принятию пленников в общественную организацию победителей на равных правах с ними. Тут нет пользования прибавочным трудом* пленника, а есть только общая выгода, проистекающая *от сотрудничества с ним»* [1].

Затем, примерно на средней ступени варварства, пленный превращается в простого подручного [2], занятого на второстепенных хозяйственных работах, — ступень, называемая Энгельсом домашним, патриархальным рабством, и широко отмеченная, помимо классических древневосточных форм, в микенской Греции, этрусской Италии, в славянском мире, в Африке южнее Сахары [3] и других регионах. И лишь на поздней ступени варварства, с наступлением железного века рабство «скоро сделалось господствующей формой производства у всех народов, которые в своем развитии пошли дальше древней общины...» [4].

Взаимосвязь и взаимообусловленность выделенных тенденций классообразования подтверждаются современным историческим материалом.

Во-первых, ни одна из них нигде не зафиксирована полностью свободной, очищенной от своей противоположности. В античном мире даже в период расцвета рабовладельческого способа производства была велика экономическая роль труда полузависимых категорий, сво-

---

[1] *Г. В. Плеханов.* Основные вопросы марксизма. — «Избранные философские произведения», т. III. М., 1957, стр. 154 (примечание).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 163.

[3] См. *Я. А. Ленцман.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, стр. 271—273; *Т. В. Блаватская.* Ахейская Греция. М., 1966, стр. 70—71; *Л. А. Ельницкий.* Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. М., 1964, стр. 104—116; *А. И. Немировский.* История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962, стр. 77; *Б. Д. Греков.* Киевская Русь. М., 1953, стр. 190; *А. И. Неусыхин.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе в VI—VIII вв. М., 1966, стр. 14, 19, 33, 55, 387—389; *О. Бернар.* Северная и Западная Африка. М., 1949, стр. 428; *Ж. Сюре-Каналь.* Африка Западная и Центральная. М., 1961, стр. 110—113.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 185.

бодного населения. В средневековой феодальной Европе никогда не исчезали близкие рабству формы эксплуатации социальных групп, полностью лишенных средств производства.

Во-вторых, преобладание одной из этих тенденций на той или иной стадии развития определенного общества неизбежно вызывало рецидив противоположной тенденции. В античном мире это — колонат и клиентелла в период его кризиса, а также вольноотпущенники. В средневековой Европе своеобразный рецидив рабовладельческих форм эксплуатации можно увидеть во «втором издании» крепостничества в Германии или в резком возрастании роли барщины и усилении крепостничества в период выхода России на международный хлебный рынок.

В-третьих, обе эти тенденции имеют и генетически общего «предка» — общественные формы переходного периода, опирающиеся на их одновременное, нерасчлененное в связи с неразвитостью единство.

Это дает основание подвергнуть сомнению ту оценку древневосточных и античных цивилизаций, которая покоится на мнении, что это «*два сосуществующих типа* экономического развития. *Античное общество* сменило собою *родовую общественную организацию*, и та же организация предшествовала возникновению восточного *общественного строя*». Аргументация данного тезиса обычно варьирует вокруг того, что «логика экономического развития, например, *Китая* или *древнего Египта* вовсе не вела к появлению *античного* способа производства» [1].

Верно, что общество Древнего Египта и подобные ему социальные организмы не пришли к античному способу производства, тем более в его классическом греко-римском виде. Они представляли собой наиболее полное в условиях Древнего Востока развитие средней ступени варварства, и в его высшую фазу вступили как «социальные окаменелости», тупики исторического движения, социальные динозавры. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов, что уже в додинастическом Египте четко прослеживается тенденция к формам эксплуатации рабовладельческого типа (впервые появившееся рабство женщин, древнее изображение людей, тянущих на себе плуг,

[1] *Г. В. Плеханов.* Основные вопросы марксизма. — «Избранные философские произведения», т. III, стр. 165.

дословная расшифровка иероглифа, которым обозначали раба, — «живой убитый» и т. п.), которая вследствие специфических природных и исторических условий этой страны не раскрыла своих потенциальных возможностей.

Ирригация требовала усилий кровно заинтересованного в результатах труда знатока, веками накапливавшего опыт, и тем самым не оставляла сколько-нибудь значительного места в основных, жизненно важных звеньях хозяйственной системы «одушевленным орудиям» — рабам античного типа. Вместе с тем разрыв в уровне вооружения и орудий труда не был настолько велик, чтобы можно было регулярно захватывать и жестоко эксплуатировать сравнимые со свободным населением массы пленных и т. п.

Что же касается представления Г. В. Плеханова о непосредственном «выходе» античного общества из недр родового, то оно характеризовало уровень исторической науки того времени. Тогда не было известно, что в фундаменте «греческого чуда» лежали многовековые пласты местных переходных исторических форм (Энгельс интуитивно догадывался о них, нередко ссылаясь на то, что известные ему античные общественные институты есть результат не только современных им общественных условий, но и «неизвестной нам предшествующей истории»), в целом ряде черт и тенденций поразительно схожих с классическими древневосточными цивилизациями.

Логика исторического процесса не тождественна ни одной из этих его ветвей ни в пространственном, ни во временном отношениях. В этом смысле всемирная история дискретна, делает «скачки» от эпохи к эпохе, «снимая» и «сжимая внутри себя» содержание различных своих линий[1]. В силу этого закономерная магистраль исторического развития человечества ни у одного народа не может быть прослежена в своей «полной» последовательности,

---

[1] См. *Гегель.* Наука логики, т. II. Соч., т. VI. М., 1939, стр. 315. «...Поступательное движение не должно быть понимаемо как *течение* от некоторого *другого* к некоторому *другому*... На каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения, не только ничего не оставляет позади себя, но уносит с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя».

без «выпадения» отдельных звеньев и этапов. Такого рода «разорванность» различных регионов и эпох способствовала тому, что на протяжении всей предыстории человечество шло вперед, оставляя «рядом» аналоги (естественно, конвергирующие в направлении более развитых форм) почти всех пройденных ступеней и стадий своего развития, что, в частности, дало Гегелю известное основание для интерпретации всемирной истории как «опрокинутого» на общество процесса развития абсолютной идеи.

Однако вне этой «разорванности» невозможен плодотворный диалектический анализ целостности всемирно-исторического процесса, логической связи его нередко в значительной мере оторванных друг от друга во времени и пространстве звеньев, тенденций, этапов. Античный мир не вырастал непосредственно на развалинах первобытно-общинного строя. Он опирался в своем генезисе также на достижения культуры и тенденции социального строя Древнего Востока. В частности, он вывел из исторического тупика и развил до классических форм рабства тенденцию поголовного политического бесправия населения древневосточных цивилизаций, давая «зазор» между деспотом и бесправными массами рабов, заполняемый на целую историческую эпоху свободным населением рабовладельческих государств, выступающим одновременно в качестве коллективного деспота по отношению к рабам и полусвободным и в качестве объекта экономической эксплуатации и политического манипулирования по отношению к правящей от его имени верхушке. Как справедливо отмечает японский исследователь Кимио Шиодзава, в этом смысле «рабство рождено разложением, деградацией азиатского способа производства» [1].

В свою очередь феодальный мир не был прямым наследником античного строя. Он также вырастал из недр переходной от первобытного к классовому обществу ступени развития — из заложенной в ней тенденции к использованию экономических механизмов принуждения, к становлению относительно мягких по сравнению с античными форм эксплуатации главным образом своих общинников. Причем вырастал не сразу, не вдруг, а через не-

[1] *Kimio Shiozawa.* Les historiens japonais et le «mode de production asiatique». — «La Pensée», 1965, N 122, p. 78.

сколько «кругов» — повторений, все более приближавшихся к классическим формам феодальной эксплуатации. «Общественные классы IX века, — отмечал в этой связи Ф. Энгельс, — сформировались не в обстановке разложения гибнущей цивилизации... Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин» [1].

4. Становление классово антагонистического общества как революционный процесс

Анализируя становление классово антагонистического общества, мы вступаем в область, где, несмотря на большое сходство используемых Морганом и Энгельсом материалов по древнегреческой и древнеримской истории и однородную во многих деталях его трактовку, различие между эволюционистом Морганом и революционером Энгельсом обнаруживается с необычайной силой.

Морган, начав с классификации систем родства, выделял главным образом генетическую связь социальных институтов человечества, всячески подчеркивая и невольно преувеличивая их преемственность и постепенность развития в ходе исторического движения, трактуемого в духе однолинейного прогресса [2]. Морган не смог (и даже не ставил своей задачей) связать генетический аспект исследования древней истории с актуальными социальными задачами современного ему общества. В отличие от великого соратника К. Маркса Морган не вышел за рамки чисто академических исследований, хотя результаты этих исследований объективно и в конечном счете опровергали как раз те взгляды, которые служили теоретическим фундаментом буржуазной социологии и в немалой степени исходными методологическими позициями самого Моргана. Он по существу остановился на фиксации генетиче-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 154.

[2] Может быть, этому способствовало увлечение Моргана изучением животного мира (он — автор монографии «Американский бобр и его труд», лично встречался и поддерживал отношения с Ч. Дарвином), благодаря чему он воспринял эволюционные концепции биологии того времени (см. *М. Косвен.* Льюис Г. Морган. Его жизнь и учение. Л., 1933).

ского родства и преемственности социальных институтов различных исторических эпох, постепенности и длительности процесса их смены, который в свою очередь излишне жестко (как уже отмечалось выше) связывал с развитием интеллекта и идей. Лишь изредка и весьма глухо Морган упоминает о «социальном движении» и об «элементе социального недовольства» в античном мире [1] как предвестнике общественных перемен.

Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» глубоко вскрывает именно эту, оставленную Морганом в тени, сторону исторического развития, с классовых позиций выявляет перспективы и субъект общественных изменений, в качестве которого выступает не близкий абсолютной идее Гегеля великий разум, а сами народные массы, трудящееся население древнего мира. Благодаря этому Энгельсу удается материалистически связать историю древности и современности в единый с методологической точки зрения процесс, объективная целостность которого отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает глубокое качественное различие его закономерных стадий [2].

Вместе с тем — и это главное — Энгельс показал, что всемирной истории наряду с целостностью объективно присущи «перерывы постепенности», скачки — социальные революции, а также подчеркнул роль насилия как «повивальной бабки истории», как средства слома и отбрасывания устаревших общественных отношений и институтов. «...Насилие, — писал он, — является тем орудием, посредством которого общественное движение прокладывает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы...» [3]. Причем, говоря о социальном насилии, Энгельс отнюдь не отождествляет последнее с одним из его видов — вооруженным подавлением, а подходит к этой проблеме как диалектик. Поэтому его теория генезиса классов и государства оказывается несравненно глубже и руссоистских идей «общественного

---

[1] См. *Л. Г. Морган.* Древнее общество.., стр. 148 и 154.

[2] Морган видел грань между варварством и цивилизацией главным образом в формах хозяйства, семьи, управления и собственности, не фиксируя специально эксплуатации и угнетения и вообще глубокой специфики классово антагонистического этапа всемирной истории.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 189.

договора», и дюрингианской абсолютизации вооруженного насилия.

Словом, если Морган дает эволюционно-генетический анализ древней истории, акцентируя преемственность и универсальность различных фаз социального развития, то Энгельс обогащает идущую в конечном счете от Лукреция и систематизированную Морганом схему периодизации древней истории включением в нее классовой борьбы и ее апогея — социальной революции. Таким образом, Энгельс не просто материалистически интерпретирует гипотезу Моргана; он раскрывает важнейшую закономерность исторического развития, которая в ней не содержалась и без понимания которой невозможно адекватное отражение в познании социальных процессов предыстории человечества.

Проблема социальной революции как рубежа, с которого начинается «готовое» классовое общество, до сих пор недостаточно разработана в марксистской литературе. Во многих научных трудах и учебных пособиях переход от первобытного строя к классово антагонистическому не рассматривается как социальная революция [1].

Объектом социальной борьбы, зародившейся в древности, являются традиции и социальные структуры первобытнообщинного строя, служившие в течение всего периода классообразования, и даже в недрах «готового» классового общества, средством локального сплочения и отпора со стороны трудящихся масс свободных общинников всякому усилению эксплуатации. Эта борьба полна жестокости и драматизма, в ней выковывались будущие

---

[1] Между тем проблема революционного перехода от первобытного общества к классовому имеет свою традицию в советской исторической науке. Еще в 30-х годах С. П. Толстов предложил для характеристики этого скачка в общественном развитии человечества термин «генетическая революция» (см. *С. П. Толстов.* Военная демократия и проблема «генетической революции». — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8, стр. 178), в содержание которого он включал классовую борьбу периода становления рабовладельческого общества. Иногда этот переход к рабовладельческому строю получает название антиаристократической революции (см. «Разложение родового строя и формирование классового общества». М., 1968, стр. 4). Более широко проблема специфики социальных революций древности и античности ставится в работе С. Л. Утченко «Кризис и падение Римской империи». М., 1965, стр. 22—32.

классы-антагонисты. Она была затяжной, ибо при тогдашних темпах экономического и вообще социального развития история продвигалась вперед, по теперешним представлениям, чрезвычайно медленно. В этой борьбе социальных слоев и групп, осложненной этноплеменными, природно-демографическими и иными факторами, экономическая эксплуатация и политическое угнетение человека человеком впервые выкристаллизовывались как открыто классовые институты, сбрасывающие традиции первобытнообщинного строя, в оболочке которых они до поры до времени вызревали.

Ф. Энгельс, специально изучавший становление классового общества и государства в древнем мире, не оставляет никаких сомнений относительно оценки этого процесса именно как социальной революции. Последняя совершается в несколько этапов, в ходе которых коренным образом изменяются, переходят в свою противоположность и отношения собственности, и формы организации общественной жизни. Солон, пишет Ф. Энгельс, «открыл ряд так называемых политических революций, причем сделал это вторжением в отношения собственности. Все происходившие до сих пор революции были революциями для защиты одного вида собственности против другого вида собственности. Они не могли защищать один вид собственности, не посягая на другой. Во время великой французской революции была принесена в жертву феодальная собственность, чтобы спасти буржуазную; в революции, произведенной Солоном, должна была пострадать собственность кредиторов в интересах собственности должников. Долги были попросту объявлены недействительными» [1].

Отсюда следует, что для политической революции на рубеже первобытнообщинного и классово антагонистического обществ необходимо наличие двух в принципе взаимоисключающих, но до поры до времени сосуществующих видов собственности: общественной, генетически связанной с первобытнообщинной, и частной, освобожденной от кровнородственных связей, а потому легко отчуждаемой. На каждой из них зиждется и за каждую из них держится в силу дифференциации экономических интересов общества та или иная совокупность социальных групп.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 115.

В среде общественной верхушки это противоречие отражается в виде соперничества и борьбы за власть родовой знати (закабаляющей соплеменников и соотечественников и тем самым объективно подрывающей собственное могущество) с более умеренными сторонниками рабовладельческой демократии. Последние стремились перенести фокус социальных противоречий за пределы круга соплеменников и соотечественников, сделать его средоточием отношения между народом в целом и инкорпорированными (большей частью насильственно) в его среду инородцами (часто пленными) или оказавшимися объектом его экономической экспансии другими народами. В Древней Греции более ярко выражен первый из аспектов этой социальной драмы, в Древнем Риме — второй.

Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что Энгельс в двух следующих друг за другом строчках называет деятельность Солона реформой и революцией. Термин «реформа Солона» принят в буржуазной историографии, которая избегает понятия «революция», видя в последней «вывих», аномалию общественного развития. По форме, насколько известно, это была реформа: объявление нового закона, несомненно принятое на фоне интенсивного брожения масс и в ходе сложной напряженной борьбы в среде самих привилегированных слоев. Но по содержанию, по значению в определении направления дальнейшего развития греческого общества, по радикальности вторжения в отношения собственности, по резкости противопоставления одной части населения другой это была, конечно, революция. Естественно, Ф. Энгельс, называя событие, говорит о реформе (в духе принятой тогда терминологии), но, оценивая его, употребляет термин «революция».

Эта революция была по своему содержанию рабовладельческой. Она «переключала» развитие общества, находящегося на пороге классовых антагонизмов, с довольно далеко зашедшего закабаления «своих» на противопоставление «единого» греческого народа окружающим варварским племенам и союзам. «Вместо того чтобы по-старому жестоко эксплуатировать собственных сограждан, — резюмировал Ф. Энгельс экономическую подоплеку деятельности Солона и поддерживающих его социальных сил, — теперь стали эксплуатировать преимущественно рабов и покупателей афинских товаров вне

Афин»[1]. Это произвело соответствующий переворот и в социальных отношениях. «Классовый антагонизм, на котором покоились теперь общественные и политические учреждения, был уже не антагонизмом между знатью и простым народом, а антагонизмом между рабами и свободными, между находившимися под покровительством и полноправными гражданами»[2].

Говоря об остроте этого переворота в отношениях собственности, который не мог не затронуть и всех остальных социальных связей, можно предположить энтузиазм внутригреческого единства, вызванный удалением с полей закладных камней и возвращением проданных в рабство или бежавших от долгов на чужбину греков. Но нельзя забывать и того, что в течение 85 лет после Солонова закона борьба вокруг этих преобразований не утихала. «...Знать, — говорил Энгельс, — пыталась вернуть свои прежние привилегии и на короткое время одержала верх, пока революция Клисфена (509 г. до нашего летосчисления) не низвергла ее окончательно, а с ней вместе и последние остатки родового строя»[3].

Что касается становления классового общества и государства в Древнем Риме, и в частности мероприятий Сервия Туллия, во многом аналогичных законам Солона, то, отказываясь из-за качества имевшихся у него источников комментировать обстоятельства и подробности этого процесса, Энгельс вместе с тем очень определенно оценивает его как революцию, «которая положила конец древнему родовому строю», добавляя в качестве факта, не вызывающего у него сомнений, что «причина ее коренилась в борьбе между плебсом и populus»[4].

И наконец, выход из того исторического «тупика, в который попал римский мир» в связи с растущей экономической девальвацией рабского труда и глубочайшим, веками взращенным отвращением к физическому труду в среде свободных, также лежал на путях коренной революции[5]. Что касается последней, то ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс никогда не исключали антирабовладельче-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 116.
[2] Там же, стр. 119.
[3] Там же, стр. 117.
[4] Там же, стр. 128.
[5] См. там же, стр. 149.

скую революцию из контекста общественной истории как всемирного феномена, т. е. не связывали его сколько-нибудь жестко с выступлениями рабов за свое освобождение (хотя эти проблемы ими рассматривались) и нигде не отождествляли с «революцией рабов».

Подчеркивая неразрешимость кризиса поздней Римской империи внутренними силами и своеобразный «задний ход» рабовладельческого способа производства (в виде колоната и клиентелы) к историческим тенденциям, пресеченным рабовладельческой революцией и объективно направленным к смещению акцента социальной дифференциации внутрь общества, Ф. Энгельс связывал свержение рабовладельческого строя с региональными контактами, в которые втянуты народы — носители иного, в известном смысле противоположного рабству способа производства или по крайней мере его зачатков. В этом случае антирабовладельческая революция прокладывает дорогу в истории «путем насильственного порабощения гибнущего общества другим, более сильным (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор пока эти последние, в свою очередь, имеют своей основой рабский труд, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на более высокой ступени, пока наконец (Рим) не происходит завоевание таким народом, который вместо рабства вводит новый способ производства» [1].

Некоторые выводы относительно глубины и степени завершенности социальной революции, ведущей к установлению классово антагонистических общественных отношений, и следующего за ней исторического развития можно сделать, сопоставляя историю цивилизаций Древнего Востока и Средиземноморья. Там, где эта социальная революция решительно и энергично взламывала хаотические нагромождения «социальных окаменелостей», по выражению Гегеля, «застывших» первобытнообщинных традиций, институтов и представлений, историческое движение довольно быстро шло вперед к экономическим и политическим системам, основанным на «законных» угнетении и эксплуатации. Примером может служить регион древнего Средиземноморья, хотя и там эта закономерность проявляется дискретно, как бы квантами — от

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 643.

Крита до Рима. Там же, где она задержалась на своих ранних, исходных стадиях, она носила половинчатый, незавершенный характер, сохраняя рядом со складывающимися новыми формами традиционные социальные институты и общинные структуры; историческое движение резко замедлялось и постепенно отклонялось в сторону, наступала стагнация, а то и медленное гниение разложившихся первобытнообщинных отношений того или иного народа, конкретной исторической общности.

* * *

Конечно, Энгельс не решил и не брался решать наперед всех проблем и гипотез, которые появились и впредь будут появляться в ходе развития исторических исследований, но он дал методологическую основу для их плодотворной диалектико-материалистической разработки марксистской наукой будущего.

Современная историческая наука развивается в русле идей Ф. Энгельса, опираясь на его творческое наследие в области древней истории и обращаясь к нему особенно интенсивно в переломные моменты своего развития, связанные с появлением новых методов исследования, уточнением понятийного аппарата и т. п.

Имеющийся в распоряжении исторической науки материал подтверждает основные положения марксистской теории объективного развития первобытнообщинного строя в классово антагонистическое общество, позволяет их детализировать и уточнить по отношению к конкретным эпохам, культурам, народам.

В этом плане актуальность обращения к теоретическому наследию Ф. Энгельса огромна. Его наследие — образец подлинно диалектического анализа кардинальных вопросов истории; оно помогает вскрыть особенности социальных процессов в освобождающихся странах, значительная часть населения которых еще не завершила либо только завершает в специфических исторических условиях современности процесс складывания классов, и, наконец, дает дополнительные аргументы для критики буржуазных и реформистских теорий «безреволюционного» перехода к новому социальному строю.

Глава двадцатая

Ф. Энгельс и проблемы религии

Основоположники научного коммунизма Карл Маркс и Фридрих Энгельс положили начало пролетарскому атеизму, дали всестороннюю и до конца последовательную критику религии. Это была величайшая революция в истории идейной борьбы науки против религии. Марксизм впервые раскрыл тайны происхождения, развития и исчезновения религии, объяснил ее социальные корни, сущность и пути преодоления.

Ревизионисты всех мастей пытаются обосновать утверждение католического теолога М. Рединга, что определение религии как опиума народа [1], названное Лениным краеугольным камнем всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии [2], ныне устарело. На пленуме ЦК Французской коммунистической партии в 1966 г. заявления ревизиониста Р. Гароди о том, будто положение Маркса «религия есть опиум народа» не выражает теперь точки зрения марксизма на религию, были подвергнуты острой и убедительной критике [3].

Ревизионисты обвиняют марксистский атеизм в неадекватности социальному опыту XX в. В действительности глубокая научность идей Маркса и Энгельса о религии подтверждена всем опытом и практикой XX в., они выдержали проверку временем и сохранили научную и политическую актуальность.

Марксизм позволяет предвидеть будущее развитие духовной жизни человека, в частности таких сложных процессов, как упадок религии и усиление влияния атеизма. В капиталистических странах долгосрочная социальная прогностика, или «футурология», широко распространившаяся там в последние годы, не в состоянии определить истинные тенденции будущего изменения статуса религии. Вопреки неопровержимым фактам, сви-

---

[1] См., например, речь М. Рединга «Christliche und marxistische Zukunft». — «Mensch und Religion». München, 1968, Bd. 1, S. 45—55.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 416.

[3] «Les Cahiers du communisme», 1966, N 5—6, p. 95.

дательствующим о том, что вместе с неизбежным крушением империализма происходит закат религии, «теофутурологи» (есть и такие!) пророчествуют о «вечности религии», о грядущем расцвете иррационализма и мистицизма, пытаются завуалировать современный процесс освобождения народных масс от религии туманными рассуждениями о так называемой дехристианизации общества, о «потере чувства священного» и об «обезбоженности» человека XX в., причем эти обстоятельства в дальнейшем будто бы потеряют свою силу.

Маркс и Энгельс обосновали историческую неизбежность преодоления религии. Они предвидели, что при переходе человечества от капиталистического рабства к социалистическому обществу постепенное освобождение от религиозных суеверий является непреодолимой прогрессивной тенденцией.

Идея классиков марксизма о том, что с рождением социализма отмирает религия, подтвердилась практическим опытом современной истории. Под великим знаменем ленинизма в СССР было построено социалистическое общество, в котором религия — пережиток прошлого, исчезающий из сознания и быта трудящихся. Открыв новую эпоху в духовной жизни человечества, Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние во всем мире на освобождение народных масс от духовного гнета. На основе обобщения громадного конкретного материала, собранного буржуазными социологами и религоведами о состоянии ее за последние 100 лет, можно сделать вывод, что начавшийся еще в середине XIX в. процесс массового религиозного индифферентизма и секуляризации, роста антиклерикализма и атеизма в Западной Европе, который наблюдали Маркс и Энгельс, завершился в наш век кризисом христианства.

Несмотря на оптимистические прогнозы «теофутурологов» о будущем религии, наиболее объективные буржуазные историки духовной жизни человечества отмечают, что на протяжении последних десятилетий значительная часть городского населения, особенно рабочие, утратила религиозную веру. Эти историки пишут, что угасание веры в бога не раз наблюдалось и в прошлом, но если до сих пор народ переходил из храмов, которые разрушал, в храмы, которые воздвигал, т. е. покидал одну религию, чтобы в конце концов приобщиться к дру-

гой, то теперь люди покидают церкви, чтобы не вступать ни в какие храмы.

Еще в книге «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс указывал, что возможности религии исчерпаны и после протестантизма, этой буржуазной формы христианства, невозможно появление никакой качественно новой и массовой религии. Энгельс уже тогда предвидел, что христианство будет пытаться приспособиться к новым условиям, так что возможна «модернизация религии», но не зарождение принципиально новой ее формы. «Даже самый последовательный христианин не может вполне эмансипироваться от условий нашего времени, — писал Энгельс, — время принуждает его вносить изменения в христианство...» [1] Но христианство вступило в свою последнюю стадию, и оно не в состоянии больше поставлять религиозную одежду для стремлений какого-нибудь прогрессивного класса, как бы оно ни приспосабливалось к современным условиям развития общества. Религия является ныне консервативной силой.

Сегодня, когда мир вступил в последнюю треть XX в., особенно отчетливо видно значение атеистического наследия Энгельса в условиях ожесточенной борьбы двух идеологий, отражающей в духовной жизни народов исторический процесс перехода от капитализма к социализму.

Энгельс критиковал религию на основе глубокого ее знания. Еще в детстве и юности он познал религиозное ханжество и лицемерие, когда воспитывался в крайностях ортодоксии и пиетизма, в атмосфере слепой веры в авторитет Библии. В «Письмах из Вупперталя» девятнадцатилетний Энгельс ярко описал нравы реформатской общины в Эльберфельде, которая отличалась кальвинистским духом религиозной нетерпимости. В 1839 г. в письмах к своим друзьям детства братьям Греберам Энгельс подверг рационалистической критике Библию, а в 1841 г. полностью освободился от религиозных взглядов. В 1842 г. он опубликовал брошюры «Шеллинг и откровение» и «Шеллинг — философ во Христе», в которых разоблачал попытки примирения религиозной веры и научного знания.

Воззрения Энгельса на религию формировались

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 488.

в борьбе с младогегельянцами[1], отрывавшими критику религии от политических задач разрушения «монархического христианского государства», а также в процессе критики антропологического атеизма Л. Фейербаха. Энгельс писал Марксу, что об историческом развитии религий мы у Фейербаха ничего не узнаем, что для познания действительного развития этих религиозных форм надо глубоко их изучить, что Фейербахом не было проделано до конца.

Многие современные ревизионисты пытаются противопоставить воззрения Маркса на религию взглядам Энгельса на это сложное социальное явление. Однако Маркс и Энгельс уже к началу их общей деятельности пришли к одинаковому мнению о религии. В совместных трудах Маркса и Энгельса — в «Святом семействе» и «Немецкой идеологии» — отражены взгляды основоположников научного коммунизма и на религию. В «Святом семействе» они на примере иудаизма показывают, как следует анализировать сущность религии: «...живучесть еврейской религии была объяснена практическими основами гражданского общества, находящими себе *фантастическое* отражение в еврейской религии»[2].

Ревизионисты пытаются рассматривать атеизм вне связи с диалектическим и историческим материализмом, вопреки тому что весь анализ Энгельсом религии основан на его философии, вытекает из нее. Философской основой его атеизма был диалектический и исторический материализм. Уже в материалистическом решении основного вопроса философии — об отношении мышления к бытию — содержалась предпосылка атеизма. Еще в средние века этот вопрос, по словам Энгельса, назло церкви принял острую форму: создан мир богом или он существует от века? Энгельс доказал, что хотя любая форма материализма по существу атеистична, однако метафизический материализм оставляет лазейки для религии. Только диалектический и исторический материализм полностью изгоняет бога из природы и общества.

В настоящее время возникли попытки отрицать атеистическую сущность диалектического и исторического

---

[1] «Die Jünghegelianer (David Fridrich Strauss, Bruno Bauer, Arnold Ruge)». Berlin, 1963.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 121.

материализма. Так, в ГДР профессор теологии Эмиль Фукс опубликовал книгу «Марксизм и христианство» (она выдержала несколько изданий), в которой он разоблачает реакционное духовенство капиталистических стран, находящееся на службе империалистов. Фукс признает великую силу диалектического материализма, но стремится соединить его с «подлинным раннехристианским учением». Сторонники таких воззрений выражают настроения верующих трудящихся, которые стремятся к социализму, но из-под влияния религии еще не вышли. Этим объясняется их попытка соединить марксизм с христианством. Однако практически такое соединение невозможно, ибо речь идет о противоположных мировоззрениях. Очевидно, понимая это, генеральный секретарь христианско-демократического союза в ГДР Г. Геттинг пишет в книге «Христианин говорит «да» социализму», изданной в 1960 г. в Берлине, что между философским материализмом и мировоззрением христианства нет моста, философский материализм нельзя соединять с христианством как мировоззрением, хотя верующие христиане могут и должны в политических вопросах стать на сторону социализма.

Энгельс в «Диалектике природы» философски обобщил достижения естествознания, критикуя при этом малейшую уступку фидеизму. Он показал, что фидеисты никогда не упускают возможности использовать ту или иную неясность в естественнонаучной теории в целях укрепления религии. Так, 21 марта 1869 г. он писал, что попы ухватятся за теорию «тепловой смерти» Вселенной, чтобы обосновать конец мира. Непримиримость ко всякому проявлению идеализма, теологии и мистики всегда была характерна для Энгельса. Еще в 1842 г. в статье «Фридрих-Вильгельм IV, король прусский» Энгельс писал, что сущностью теологии, особенно в наше время, является примирение и затушевывание абсолютных противоположностей. Он подробно описывал в «Диалектике природы» борьбу христианского духовенства против науки в XV—XVII вв., когда революционное естествознание дало своих мучеников для темниц и костров инквизиции. Доказывая, что всякая религия противоположна науке, он отмечал, что под ее натиском будут один за другим капитулировать оплоты теологии, пока, наконец, вся бесконечная область природы не окажется завое-

ванной знанием; тогда в ней не останется места для «творца».

Энгельс великолепно знал атеистическое наследие мыслителей прошлых веков, силу и слабость их критики религии и подчеркивал, что марксисты значительно глубже, острее и последовательнее, чем буржуазные атеисты, разоблачают религию.

Мысль П. Гольбаха о том, что просвещенный человек перестает быть суеверным, далеко не всегда подтверждается фактами. Хотя наука, как отмечалось, и ведет в конечном счете к материализму, занятия ею еще не дают полного иммунитета против мистики. Рационалисты полагали, что принимать дикий бред мистиков за «науку» могут только люди, не имеющие ровно никакого понятия ни о предмете самой науки, ни о приемах научного исследования явлений природы. К сожалению, это оказалось совсем не так. В черновой рукописи работы «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельс писал о многочисленных естествоиспытателях, которые в пределах своей специальной науки являются беспощадными материалистами, а вне ее — благочестивыми ханжами. Буржуазные ученые оказываются столь непоследовательными, что сочиняют книги о «явлениях душ умерших». Во второй половине XIX в. известные ученые А. Уоллес, У. Крукс, И. Цёльнер и другие стали жертвами спиритических суеверий.

В статье «Естествознание в мире духов» Энгельс объяснил, почему эти ученые оказались проповедниками «самого дикого из всех суеверий». Пренебрежение к теоретическому мышлению и увлечение плоским, «ползучим эмпиризмом» — вот верный путь от естествознания к мистицизму. Примером этого служит английское направление «ползучего эмпиризма», которому присущи крайние степени фантазерства, легковерия и суеверия. Это направление, по словам Энгельса, «чванясь тем, что оно пользуется только опытом, относится к мышлению с глубочайшим презрением». «Голая» эмпирия оказывается бессильной в борьбе с медиумическими опытами: «Во-первых, «высшие» явления всегда показываются лишь тогда, когда соответствующий «исследователь» уже достаточно обработан, чтобы видеть только то, что он должен или хочет видеть... Во-вторых, спириты нисколько не смущаются тем, что сотни мнимых фактов оказываются

явным надувательством, а десятки мнимых медиумов разоблачаются как заурядные фокусники. Пока путем разоблачения не покончили с *каждым* отдельным мнимым чудом, у спиритов еще достаточно почвы под ногами...» [1]

Прагматист У. Джемс не случайно стал спиритом: под реальностью он понимал все то, что человек признает за таковую в данный момент; «чистый опыт», лишенный какого-либо контроля со стороны рассудка, открывает двери всякого рода бредням. Другой прагматист, Д. Дьюи, заявлял, что «опыт» включает в себя сновидения, заблуждения, магию и суеверия, а не только науку. Философ-идеалист Н. Лосский даже создал теорию мистического эмпиризма, утверждая, что сверхчувственное не есть сверхопытное, что в опыт входят также и нечувственные элементы.

Статья Энгельса «Естествознание в мире духов» имеет сейчас особенно актуальное значение, так как в капиталистическом мире ныне широко распространяются спиритические суеверия. Еженедельная газета «Сайкик ньюс» («Спиритические новости»), выходящая в Лондоне тиражом в 25 тыс. экземпляров, рекомендует грампластинки, «наговоренные духами». Бюллетень «Teta», издаваемый в США фондом психических исследований, посвящен проблемам сообщений с духами ради установления контактов с умершими людьми.

В основе воззрений Энгельса на религию лежит материалистическое понимание истории, которое дало возможность научно решить сложные проблемы религии. Большое значение в этой связи имело определение религии, данное Энгельсом, указавшим, что «всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных» [2]. Религиозное отражение действительности непременно выступает в форме «сверхъестественного», которое и является признаком всякой религии. Энгельс отметил, что религия может существовать как выражение эмоционального отношения людей к господствующим над ними природным и общественным силам.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 382—383.
[2] Там же, стр. 328.

Энгельс осветил все главные вопросы прошлого и будущего религии, начиная с проблемы ее происхождения и кончая вопросом о ее преодолении. Его работы «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», письма Конраду Шмидту и другие имеют большое значение для дальнейшего марксистского исследования проблемы происхождения религии. Взгляды Энгельса на возникновение религии, ее «доисторическое содержание» подтверждаются новейшими археологическими, этнографическими, лингвистическими и фольклорными данными.

Некоторые советские археологи и этнографы стали преувеличивать длительность безрелигиозного периода, полагая, что религия возникла лишь на пороге классового или даже в самом классовом обществе.

Однако нет никаких основательных научных данных, чтобы пересмотреть точку зрения Энгельса, согласно которой «религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе» [1]. В оригинале у Энгельса «waldursprüngliche», что можно перевести не «самые первобытные», а, точнее, «дремучедревние» времена.

Энгельс дал схему развития религиозных верований, которая вполне подтверждается новейшими данными. Он указал, что сравнительная мифология, подробно исследовавшая развитие религиозных представлений у индоевропейских народов, односторонне объясняла характер богов как отражение сил природы, умалчивая об отражении в мифах социальных явлений. «Этнографы в сутанах» давно проповедуют, что первобытный человек якобы обладал неким мистическим видением мира, которое они изображают как различные формы пратеизма: прамонотеизм, прапантеизм и прадеизм, т. е. почитание единого божества («всеобщего отца»), отождествление его с природой или признание его только первопричиной мира.

Такие миссионерские вымыслы в конечном счете восходят к пресловутой теории изначального единобожия, будто бы открытого патером В. Шмидтом у наименее

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 313.

культурных племен. Он опубликовал двенадцатитомное сочинение «Происхождение идеи бога», уверяя, что религия начинается с единобожия. В действительности только с созданием государства появлялся монотеизм. Энгельс указывал, что представление о едином боге, контролирующем многочисленные явления природы и объединяющем противоположные ее силы, возникло в сознании людей как своего рода копия единого восточного деспота. Даже буржуазные ученые вынуждены признать несостоятельность прамонотеизма. Видный итальянский историк религии Р. Петтацони назвал теорию прамонотеизма научным мифом XX в.

Основные проблемы возникновения и развития христианской религии были решены Ф. Энгельсом, совершившим полный переворот и в области исследования раннего христианства. Начиная с 40-х и кончая 90-ми годами XIX в., Энгельс неоднократно обращался к первоначальному христианству: он показал, как оно в IV в. стало «оружием господствующих классов», «уздой для низших классов». В статьях «Бруно Бауэр и первоначальное христианство» (1882 г.), «Книга откровения» (1883 г.) и «К истории первоначального христианства» (1894 г.) Энгельс ярко осветил вопросы о предпосылках и сущности первоначального христианства, об изменении его классового характера и превращении из религии угнетенных в религию угнетателей. Он объяснил причины победы христианства, его социальную сущность в эпохи феодализма и капитализма и неизбежное отмирание при коммунизме.

В 1845—1846 гг. в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс указывали, что у «левых» гегельянцев Б. Бауэра и М. Штирнера критика первоначального христианства имела резко враждебный демократии характер и извращала вопрос о социальном составе раннехристианских общин. Разоблачая Штирнера, утверждавшего, что первые христиане были собственниками, Маркс и Энгельс обратили внимание на тот факт, что первохристиане были рабами и даже могли быть проданы. Энгельс писал, что христианство, как и всякое крупное революционное движение, было порождено массами: оно возникло как движение угнетенных, выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенных, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов.

В книге «Жизнь Иисуса. Священная история» Э. Барниколь уверяет, будто взгляды Энгельса и Б. Бауэра на первоначальное христианство тождественны. Это неверно. Еще в 1882 г. в статье «Бруно Бауэр и первоначальное христианство» Энгельс указывал, что его понимание этого явления основано не только на работах Бауэра, но и на собственных исследованиях. Понимание движущих сил истории у Бауэра было идеалистическим, хотя более поздние работы его о древнем христианстве, как указывал Энгельс, написаны под некоторым влиянием идей Маркса. В 1894 г. в статье «К истории первоначального христианства» Энгельс, критикуя Бауэра, отмечал, что последний допускал большие вольности в изложении фактов истории. Например, у Бауэра, по словам Энгельса, исчезает всякая историческая почва для новозаветных сказаний об Иисусе и его учениках, и эти сказания превращаются в легенды, в которых фазы развития первых христианских общин и духовная борьба внутри их переносятся на более или менее вымышленные личности.

Энгельс писал, что первоначальное христианство — это совершенно новая фаза развития религии, которой предстояло стать одним из революционных элементов в истории человеческого духа. Он объяснил, почему в условиях рабовладельческой Римской империи демократически-революционные настроения масс должны были неизбежно вылиться в форму религии. Отчаявшись в попытках обрести реальное освобождение, рабы и бедняки страстно искали взамен освобождения духовного, жаждали какого-нибудь утешения. Такое обманчивое утешение могла дать только религия, сеявшая иллюзии о светлом рае, в который она приведет всех страждущих и обремененных из земной юдоли. Несмотря на столь реакционное значение христианской религии именно как «опиума народа», Энгельс диалектически рассматривал первоначальное христианство, не опасаясь увидеть в нем крупное революционное движение[1]. В «Анти-Дюринге» Энгельс указывал, что требование уничтожения классов было выражено в религиозной форме уже в первоначальном христианстве, а в истории его ранних общин обнаруживаются следы общности имущества.

В начале XX в. воззрения Энгельса на христианскую

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 8.

религию были искажены К. Каутским в книге «Происхождение христианства». Еще в 1892 г. Каутский опубликовал работу «Предшественники новейшего социализма», введение к которой посвятил характеристике «коммунизма раннего христианства». Он утверждал, что первоначальное христианство было массовым революционным движением люмпен-пролетариата, мечтавшего создать коммунистическое общество — «царство божие» не на небе, а на земле.

Большое значение для критики этого ошибочного взгляда на сущность раннего христианства имеет статья Энгельса «К истории первоначального христианства», написанная им после того, как он прочитал работу Каутского [1]. В первом же абзаце статьи Энгельс писал, что христианство ищет избавления от рабства и нищеты в потусторонней жизни, после смерти, на небе, социализм же — в этом мире, в переустройстве общества.

Основной порок книги Каутского «Происхождение христианства» заключается в модернизации истории. Он отождествлял классовую борьбу при капитализме с классовой борьбой в рабовладельческую эпоху, считая, что в древней Римской империи «революционным классом» был люмпен-пролетариат. Он не был согласен с Энгельсом в определении первоначального христианства как религии рабов и вольноотпущенников. «Едва ли христианство можно назвать религией рабов» [2], — писал Каутский. Он объявлял носителями христианства «свободных городских пролетариев» [3] и ставил знак равенства между мечтаниями первых христиан и идеологией современного рабочего класса, обвиняя Энгельса в пренебрежении диалектикой и в нежелании видеть сходство христианства с рабочим движением [4].

Энгельс видел коренное отличие христианства от социализма в том, что христианство переносит освобождение от рабства и нищеты в загробный мир, в царство божье на небесах («царство мое не от мира сего»), а социализм добивается избавления от рабства и нищеты

[1] Сам Каутский указывал, что толчком к написанию Энгельсом этой статьи было «то обстоятельство, что именно тогда он читал мою книгу «Предшественники новейшего социализма»» (*К. Каутский.* Происхождение христианства. М., 1927, стр. 398).

[2] *К. Каутский.* Происхождение христианства, стр. 399.

[3] Там же, стр. 400.

[4] См. там же, стр. 399.

в реальном, здешнем мире, призывает к реальному переустройству общества и сплачивает трудящихся для борьбы за лучшую жизнь на земле. Каутский возражал Энгельсу, считая, что освобождение от нищеты, которое было возвещено христианством, вначале мыслилось его последователями в очень реальном смысле как освобождение в этом, а не в потустороннем мире. Но он забывал, что сущность христианской религии — в вере в награду в загробном мире, а эта вера отвлекала в конечном счете массы людей от борьбы за подлинное, действительное счастье.

Концепция Энгельса о происхождении христианства и его социальной сущности успешно разрабатывалась многими советскими историками[1]. С тех пор как Энгельс написал статьи о раннем христианстве, не найдено никаких новых материалов, которые заставили бы пересмотреть его воззрение на первохристианство. Новейшие данные только подтвердили его взгляды на генезис христианской религии.

Кумранские свитки, найденные на побережье Мертвого моря, в пещерах Иордании, показали, насколько был прав Энгельс, когда в 1883 г. в статье «Книга откровения» писал, что христианство возникло стихийно в Палестине во времена появления новых сект, новых религий, сотен новых пророков и сформировалось оно как нечто среднее из взаимного воздействия наиболее развитых из этих сект, а впоследствии было оформлено как учение в результате добавления в него положений александрийского еврея Филона и затем — идей стоиков. Энгельс указывал, что «среди тысяч пророков и проповедников в пустыне, которые в то время создавали бесчисленное количество своих религиозных новшеств, успех имели только основатели христианства»[2].

Начиная с 1947 г. в Кумранских пещерах Иордании находили свитки, относящиеся к I в. до н. э., которые давали основание считать, что задолго до возникновения христианства в Палестине распространилось сказание о пришествии «помазанника божьего», «праведного учителя» или «учителя справедливости». Как «избранник

[1] См. *Я. А. Ленцман.* Изучение советскими учеными раннего христианства. — «Вопросы научного атеизма», вып. 4. М., 1967, стр. 267—286.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 314.

бога», посланный свыше, он будто бы получил из уст бога откровение о том, как спасти всех уверовавших в него. Многие наставления «учителя справедливости» очень похожи на проповедь Иисуса Христа. Как и Христос, он звал к смирению и любви, говоря: «Нет власти аще не от бога», был осужден «нечестивым жрецом», которого отождествляют с первосвященником иерусалимского храма, и казнен, но будто бы должен вернуться на землю «в конце дней», чтобы «судить Израиль и все народы». Его учение называлось Новым заветом. В кумранских свитках сказано, что последователей этого проповедника «бог спасет от дома правосудия» за их страдания и веру в «учителя справедливости». Загадочная фигура этого «праведного учителя» не может быть отождествлена с евангельским Иисусом, так как свитки, в которых он упоминается, составлены не позже середины I в. до н. э., а смерть Иисуса относят к 30-м годам I в. н. э.

Можно предположить, что евангельский миф об Иисусе Христе впитал в себя и эти фантазии каких-то иудейских сектантов, вероятно, ессенов («праведников»), появившихся во II в. до н. э. Историк Иосиф Флавий сообщает, что ессены жили в замкнутых общинах, занимались земледелием и ремеслом, имели общее имущество, устраивали совместные трапезы и совершали частые омовения, надеясь соблюдением подобного ритуала обеспечить себе «спасение» в загробной жизни. Почитатели «праведного учителя» также сообща владели имуществом и все были обязаны трудиться. Их обряды похожи на христианские. Кумранские сектанты совершали общие моления и совместные трапезы, управлялись 12 членами совета, число которых совпадает с числом учеников Иисуса Христа. Между текстом свитков и евангелиями установлено несколько сот терминологических и фразеологических совпадений. Например, в свитках найдены выражения «нищие духом», «не противься злому» и т. д.

Идея Энгельса о большом значении трудов Филона для объяснения возникновения христианства также получила еще одно подтверждение в свете кумранской проблемы. Караимский писатель Абу Юсуф Якуб аль-Киркасани, живший в X в. н. э. и, очевидно, знавший кумранские рукописи, в «Книге светил», написанной в 937 г., указывал, что в I в. до н. э. существовала секта пещерников (по-арабски — «магарийцев»), названная так пото-

му, что они скрывали свои книги в пещерах. Киркасани привел одну цитату из сочинения писателя этой секты по имени аль-Искандерани. Впоследствии эту цитату нашли в сочинении Филона, которого Энгельс назвал «отцом христианства», поскольку тот учил о существовании ангела — посредника между богом и материальным миром. Киркасани писал, что пещерники верят в это учение о «посреднике».

Из сочинения Киркасани видно, что еще в средние века сказание об Иисусе Христе связывали с сектой пещерников. Киркасани сообщал, что среди пещерников был некий Иошуа бен Пандера, который, по словам раввинов, и есть Иисус, сын Марии. Ученый Гаркави в конце XIX в. отождествил пещерников с ессенами на основании того, что Киркасани, перечисляя все иудейские секты, не упомянул об ессенах, очевидно, считая их пещерниками.

Таким образом, подтвердилось предположение Энгельса о том, что новые находки в Риме, на Востоке, и прежде всего в Египте, помогут пролить свет на вопросы возникновения христианства, так как оно в том виде, в каком стало мировой религией, было продуктом греко-римского мира. Бывшие последователи разных религий Римской империи принесли с собой много своих верований и обрядов, которые вошли в христианскую мифологию и культ.

Утверждение Энгельса о том, что именно древнеегипетские находки будут особенно важны для решения этих вопросов, было также весьма прозорливым. После смерти Энгельса были найдены древнеегипетские папирусы, содержание которых похоже на ряд библейских псалмов и изречений из пророческих книг, на притчи царя Соломона и евангельскую притчу о богатом и бедном. В песках Египта были обнаружены сочинения ранних христиан [1]. Так, например, были найдены фрагменты евангелия Петра. В 1946 г. были обнаружены полные тексты евангелий Фомы, Филиппа и Евангелия Истины [2]. Эти находки на месте древнего поселения Хенобоскион очень важны. Евангелие Фомы, возможно, написано раньше тех евангелий, которые были включены в Новый завет.

[1] «Fragments of an Unknown and Other o Christian Papyri». London, 1935.

[2] См. *И. С. Свенцицкая.* Запрещенные евангелия. М., 1965.

В этом евангелии имеются очень яркие обличения богатых и власть имущих.

Предположение Энгельса о том, что древнеегипетская религия имела большое значение в подготовке христианского культа, давно подтверждено историками религий. Энгельс указывал, что на представление о деве Марии большое влияние оказала вера в богиню Исиду. Деву Марию рисовали на иконах в той же позе, что и богиню Исиду. В Италии даже сохранились черные статуи Мадонны — это типичные статуи Исиды, считавшейся когда-то символом тьмы.

10 марта 1882 г. Энгельс писал Э. Бернштейну о необходимости проведения специального исследования, чтобы доказать на исторических фактах, что духовенство, преследуя определенные цели, воспроизвело в лице святых для политеистов-крестьян их богов-покровителей. Советские историки религии В. С. Рожицын, Н. В. Румянцев, А. Б. Ранович и другие считают вывод Энгельса о том, что христианство могло вытеснить у народных масс культ старых богов только посредством опять-таки культа святых, подтвержденным многочисленными фактами. Так, Зевс, прозванный Никифором-победоносным, превратился в святого Никифора, вестник богов Гермес и его римский двойник — бог торговли Меркурий стали святыми Гермесом и Меркурием, римский бог Сильван превратился в святого Сильвана, Аполлон — в святого Аполлона, бог вина Дионис — в святого Диониса, бог Никон — в святого Никонора, бог плодородия Приап — в святого Тихона, Кастора и Поллукса заменили Козьма и Демьян, Нептуна вытеснил Николай. Афина-Паллада стала святой Феклой, а великая мать Деметра — святым Дмитрием, римская богиня Церера, по прозванию Флавия, — святой Флавией, богиня Флора превратилась в святого Флора и т. д. [1]

Энгельс дал замечательные образцы анализа христианской мифологии, показав, как в ней отражаются классовые воззрения. Например, в Гелианде — поэтическом жизнеописании Иисуса Христа, составленном в первой половине IX в. и называемом «древнесаксонской гармонией Евангелия», Христос — благодетельный правитель,

---

[1] См. *Л. И. Емелях.* Происхождение христианского культа. М., 1961, стр. 26.

а апостолы занимают положение вассалов по отношению к нему.

Воззрениям Энгельса на религию свойствен глубокий историзм. Он отстаивал учение Маркса о том, что борьба в области религии являлась выражением борьбы общественных классов. В древние и средние века угнетенные трудящиеся, живущие в темноте и невежестве, смотрели на действительность часто сквозь туман идеалистических фантазий и выражали свои социальные чаяния на языке религии. Интересы угнетенных, их мечты о свободе, равенстве и братстве, о единении всего человечества и достижении справедливости нередко облекались в религиозную оболочку. Но своим происхождением эти идеи обязаны не религии; их порождала социальная жизнь народа.

Энгельс считал, что мировые религии — буддизм, христианство и ислам — были следствием великих исторических поворотов, произошедших в Индии, Римской империи и Аравии. В 1846 г. в «Циркуляре против Криге» Маркс и Энгельс отмечали, что различные социальные стремления носили христианскую окраску. В труде «Крестьянская война в Германии» Энгельс на конкретном историческом материале доказывал, что классовая борьба в этой стране в XV в. носила религиозный оттенок, так что интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозным покровом. Все массовые движения средних веков неизбежно выступали под религиозной оболочкой, в форме борьбы за «восстановление» первоначального христианства; все революционные, социальные и политические учения представляли собой в средние века одновременно и богословские ереси, в то время как католическая церковь в средние века окружила феодальный строй священным ореолом божественной благодати. Энгельс учил за религиозной экзальтацией масс видеть весьма осязательные мирские интересы.

Энгельс неоднократно обращался к изучению различных разновидностей христианства. Исключительный интерес представляет анализ Энгельсом реформации, учения Кальвина о предопределении и вообще кальвинизма как подлинной религиозной маскировки интересов тогдашней буржуазии[1]. В сочинениях Энгельса содер-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 315.

жатся меткие характеристики классовой роли церкви и политической деятельности духовенства на службе эксплуататорских классов. Еще в «Письмах из Вупперталя» Энгельс рассказывал о том, как фабриканты используют религию для одурачивания рабочих, объяснял причины распространения ее в народных массах. В труде «Положение рабочего класса в Англии», которое Ленин назвал ужасным обвинением капитализма, Энгельс заложил основы тех научных методов конкретных социальных исследований, которые применяются ныне для изучения религиозности населения. Он изучал отношение рабочих к религии на основании бесед с ними после церковной службы. Энгельс отметил, что рабочему чужд фанатизм, и если он все же несколько религиозен, то его религиозность обычно почти номинальная — рабочие не имеют религии и не посещают церкви, духовенство всех сект на очень плохом счету у пролетариата. Изучение религиозности и атеизма английских рабочих привело Энгельса к выводу, что нужда учит не только молиться, но и, что гораздо важнее, мыслить и действовать.

Энгельс анализировал религию как воинствующий материалист и атеист, как глубокий диалектик. Он писал, что пантеизм является непосредственным выводом из христианства. Еще Мюнцер в XVI в. проповедовал пантеизм, соприкасавшийся местами с атеизмом в христианском облачении. Недаром и новейшая философия долгое время должна была прикрываться христианскими воззрениями, а материалистическая философия XVII—XVIII вв. возникла, по словам Энгельса, «в лоне христианства».

В нашу эпоху идеи социализма прокладывают себе дорогу к умам и сердцам даже самых отсталых и забитых людей капиталистического мира. Эти люди нередко пытаются сравнить великие идеалы освобождения человечества, с которыми выступает научный коммунизм, со своими ограниченными взглядами и представлениями. В буржуазных странах издается огромное число книг проповедников различных религий, пытающихся убедить верующих в том, что никакого научного коммунизма не надо, ибо идеи истинного «пророческого» или «христианского» социализма содержатся в священном писании. Еще Энгельс критиковал стремление отождествить христианство и коммунизм. Он писал по поводу

тех, кто утверждал такое тождество: «Они стараются это подтвердить ссылками на библию, на то, что первые христиане якобы жили на общинных началах и т. д. Но все это только показывает, что эти добрые люди отнюдь не являются наилучшими христианами, хотя и называют себя таковыми; ибо если бы это было так, они лучше бы знали библию и убедились бы, что если немногие места из библии и могут быть истолкованы в пользу коммунизма, то весь дух ее учения, однако, совершенно враждебен ему, как и всякому разумному начинанию» [1].

Великая сила коммунистических идей в том и заключается, что они в отличие от мистифицированных социальных иллюзий угнетенных масс являются научными идеями, верно отражающими действительность и поэтому способными на деле помочь социальному преобразованию мира. Идеи коммунизма опираются не на мистическую веру в сверхъестественные силы, якобы способные принести счастье людям в небесном царстве, а на научное знание путей создания счастливой жизни на земле. Коммунисты не только уверены в том, что их идеалы осуществимы, но и активно борются за их претворение. То, что идеи научного коммунизма вытесняют из сознания людей несбыточные религиозные верования, — надежный залог дальнейшего социального прогресса.

Маркс и Энгельс определили политику пролетарской партии по отношению к религии. Они предупреждали против мер принуждения и насилия, ставящих целью искоренение религиозных убеждений. Исчезновение религии не может быть достигнуто путем ее запрещения. Энгельс высмеял Дюринга, требовавшего запрета религии в социалистическом обществе, и доказал, что это приведет к увенчанию ее ореолом мученичества и тем самым продлит ее существование. Энгельс осуждал бланкистов за то, что они провозглашали шумливую войну против религии. Ленин писал, что в 90-х годах прошлого века Энгельс счел необходимым решительно выступить против оппортунистического извращения политики рабочей партии в отношении к религии, и требовал от рабочей партии умения терпеливо вести борьбу против религиозных предрассудков, а не бросаться в авантюры политической войны с религией. Маркс и Энгельс, научно обосновывая

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 532.

пропаганду атеизма, предупреждали против антиисторизма, который допускал в своих работах, в частности, Б. Бауэр.

Маркс и Энгельс были убеждены, что верующие трудящиеся неизбежно освободятся от влияния религии, когда поймут, что их религиозные убеждения несовместимы с научным мировоззрением. Описывая существовавшие в XIX в. в Англии и Америке коммунистические общины, Энгельс отмечал, что религиозные нелепости мешают людям строить новую жизнь. «Ведь, очевидно, безразлично, — писал Энгельс, — верят ли лица, доказывающие делом осуществимость коммунизма, в одного бога, в двадцать богов или совсем не верят в бога. Если они придерживаются нелепой религии, то это только препятствие на пути к жизни в коммуне, и если тем не менее последняя осуществлена ими в жизни, то насколько легче это должно происходить у людей, свободных от подобных бессмысленных взглядов» [1].

Воззрения Маркса и Энгельса на религию получили свое дальнейшее развитие и обогащение в бессмертных трудах Ленина, в теоретической и практической деятельности марксистско-ленинских партий. В основе их политики лежит стремление привлечь всех трудящихся независимо от их взглядов на существование бога к борьбе за лучшее будущее, за социальный прогресс. В Документе, принятом международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 г., «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил» говорится: «В результате серьезного обострения социальных противоречий во многих капиталистических странах открылись возможности для союза на антимонополистической и антиимпериалистической основе революционного рабочего движения с широкими массами верующих. Католическая церковь и некоторые другие религии переживают идеологический кризис, расшатывающий их вековые концепции и сложившиеся структуры. В некоторых странах развиваются сотрудничество и совместные действия коммунистов с широкими демократическими массами католиков и верующими других религий; приобрел большую акту-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. III. М.—Л., 1929, стр. 254.

альность диалог между ними по таким проблемам, как война и мир, капитализм и социализм, неоколониализм и развивающиеся страны; совместные действия против империализма, за демократию и социализм являются весьма актуальными. Коммунисты убеждены, что именно на этом пути — пути широких контактов и совместных выступлений — масса верующих становится активной силой антиимпериалистической борьбы и глубоких социальных преобразований» [1].

Диалог марксистов с верующими не означает, что марксисты должны скрывать свои атеистические взгляды или отказываться от них, отступать от материалистического мировоззрения. Коммунистические и рабочие партии отбрасывают измышления ревизионистов о том, что устарело марксистско-ленинское отношение к религии.

Воззрения Энгельса по вопросам религии имеют сейчас особенно актуальное научное и политическое значение в борьбе со всеми, кто пытается фальсифицировать марксистское атеистическое наследие.

---

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.». М., 1969, стр. 309—310.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Марксизм как энциклопедическая научная система

Глава двадцать первая

Энгельс — энциклопедист марксистской науки

Ф. Энгельс наряду с Марксом был великим мастером материалистической диалектики, одним из ее основоположников. В. И. Ленин подчеркивал в статье «Карл Маркс», что нельзя понять марксизма и нельзя цельно изложить его, если не считаться со всеми сочинениями Энгельса. Очевидно, поэтому Ленин при характеристике философских воззрений Маркса в ряде мест приводит отдельные формулировки из трудов Энгельса, выражая свою полную солидарность с ними.

Энгельс был энциклопедически образованным ученым, причем в различных областях человеческого знания он выступал не как любитель-дилетант, высказывающий поверхностные суждения по тому или иному случайному поводу, а как глубокий знаток дела, проникающий в самую суть обсуждаемых вопросов. К. Маркс писал об Энгельсе, что «он — настоящая энциклопедия». Именно Энгельс впервые изложил марксизм как целостную теоретическую систему.

Энциклопедический размах научной деятельности Энгельса был возможен только на основе метода материалистической диалектики, которым он владел в совершенстве. При наличии определенного объема специальных знаний по тому или иному предмету именно она открывала возможность для понимания совершенно, казалось бы, различных процессов с единой точки зрения, возможность энциклопедического охвата всех без исключения областей человеческого знания с этой точки зрения.

В самом деле, диалектика, по определению Энгельса, есть наука о наиболее общих законах всякого движения, где бы оно ни происходило — во внешнем мире (природе или обществе) или в нашем внутреннем мире (в мышлении, собственно, духовной жизни). Эти предельно общие, предельно широкие законы, пронизывающие различные области знания, тем самым объединяют их, синтезируют в единую, внутренне цельную систему. Какие бы глубо-

кие изменения и даже перевороты в частных областях научных знаний ни происходили за истекшее после Энгельса время, эта установленная Энгельсом принципиальная основа, на которой строится общая система всех наук, остается незыблемой.

Материалистическая диалектика, образующая эту основу, в качестве центрального своего пункта («ядра» или «сути», по выражению Ленина) имеет учение о противоречии как источнике, или стимуле (движущей силе), всякого развития, ее внутренней сущности, его собственного импульса (источника «самодвижения»). Соответствующий закон диалектики Энгельс формулировал как закон взаимного проникновения полярных противоположностей. С этой стороны мы и попытаемся проанализировать отдельные звенья общей системы научного знания, разработанной Энгельсом, рассматривая каждое такое звено, как реальное диалектическое противоречие, как единство двух противоположных сторон, или аспектов.

1. Диалектика как теория познания и логика

(единство двух ее сторон: объективность и субъективность)

Поскольку материалистическая диалектика с ее основными законами составляет стержень общей энциклопедии всего человеческого знания вообще, и прежде всего марксизма, необходимо более подробно рассмотреть взгляды Энгельса на диалектику и его труды, посвященные ее разработке. Ей Энгельс посвятил такие произведения, как «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», а также целый ряд статей и писем, в особенности писем об историческом материализме, написанных в начале 90-х годов XIX в.

Коренным вопросом в трудах Энгельса, касающихся диалектики, был вопрос о нераздельности диалектики, логики и материалистической теории познания в марксизме. Этот вопрос можно сформулировать как вопрос о диалектике объективной, царящей в природе и обществе, и о диалектике субъективной, которую Энгельс рассма-

тривал как отражение первой (т. е. объективной диалектики) в мышлении людей [1]. Уже здесь формулировалось основное положение всей марксистской философии — о нераздельности диалектики, теории познания и логики, ибо субъективная диалектика (т. е. диалектика мышления, познания) трактовалась с самого начала как отражение в голове человека диалектики природы и общества; в то же время она тем самым трактовалась и как логика, т. е. как наука о мышлении, познающем истину, и о его законах.

Говоря о двух рядах законов — о законах внешнего мира (объекта) и о законах человеческого мышления (субъекта), которое отражает этот мир, Энгельс подчеркивал общность, совпадение обоих рядов законов по их содержанию, и их различие, их своеобразие по их форме, по способу их действия и проявления.

В этом учете тождества и различия между объектом и субъектом как раз и проявляется специфичность противоречия «объект — субъект» применительно к разбираемой области науки. В результате этого диалектика выступала у Энгельса как единство объективной и субъективной диалектики, представляющих собой различные (по своей форме) стороны диалектики. Это единство легло в основу внутренней цельности всей марксистской философии, взаимопроникновения друг в друга всех ее сторон и частей, всех функций диалектики, в том числе методологической, гносеологической и логической.

Итак, с самого начала Энгельс преодолел существовавший внутри самой философии традиционный разрыв между методологией, гносеологией и логикой, который делал необходимым введение, кроме того, и онтологии в качестве особого раздела философии, изучающего бытие, как таковое, бытие само по себе. Подобное раздроб-

---

[1] Термин «субъективная диалектика» Гегель употреблял в смысле — субъективистская, искусственно придуманная, навязываемая извне, лишенная объективного значения. Объективной же он считал диалектику процесса познания, независимую от отдельного субъекта и его стремлений. Такая постановка вопроса была связана у Гегеля с его объективным (абсолютным) идеализмом. Энгельс и в этом пункте поставил Гегеля с головы на ноги: под субъективной он понимал диалектику человеческого познания, отражающую диалектику внешнего мира, а потому имеющую объективное значение. Только в этом смысле мы и будем употреблять далее термин «субъективная диалектика».

ление единой философской науки на обособленные между собой части или учения можно обнаружить, например, у Канта и его последователей. Но и в других философских системах нередко эклектически сочетаются те или иные философские разделы и учения без всякой внутренней связи между собой, причем наряду с уже перечисленными сюда попадали также и другие, например натурфилософия, философия истории и т. п.

В противоположность всем подобным философским системам Энгельс развил учение о диалектике как науке, включающей в себя (в указанном выше смысле) теорию познания и логику, делающей ненужными, излишними такие прежде весьма распространенные учения, как онтология, априорная методология, натурфилософия, философия истории и др. Диалектика выступила у Энгельса как единое учение, проявляющее себя и как учение о методе (методология) и одновременно как учение о познании (гносеология) и о законах мышления (диалектическая логика).

Вне соотношения между объективной и субъективной диалектикой — объективная отражается в человеческом сознании в качестве субъективной — нельзя, по Энгельсу, рассматривать диалектику внешнего мира (бытия, как такового, самого по себе). Поэтому в принципе отпадал и исключался из марксистской философии особый онтологический подход в его традиционном понимании, как игнорирующий в самой своей основе вопрос о том, *как* отражается бытие в человеческом сознании. На наш взгляд, нет и сегодня никаких оснований для того, чтобы возрождать подобный «онтологический» подход. С указанных выше позиций только и можно понять, почему Энгельс назвал вопрос об отношении сознания к бытию, духа к природе, мышления к материи, субъекта к объекту, психического к физическому основным вопросом всякой философии, именно философии в целом, а не только теории познания (гносеологии). Как нам кажется, нельзя считать гносеологизмом или догматизмом отстаивание в современных условиях положений Энгельса о том, что вопрос об отношении мышления к бытию действительно является и сегодня основным для любой философии и что, исходя прежде всего из него, надо анализировать любую философскую проблему, любой философский спор, как это и делал всегда Ленин.

В чем же особенность трактовки Энгельсом основного вопроса всякой философии? В том, что он поднял его на уровень коренного вопроса всей диалектики, выведя его за тесные рамки «чистой» гносеологии в ее традиционном толковании представителями старой философии (т. е. в ее обособлении от диалектики и логики).

Вдумаемся глубже в характеристику основного вопроса всякой философии, данную Энгельсом. Материалистическое решение первой его стороны состоит, как известно, в признании первичности материи, бытия, природы, объекта, физического и вторичности мышления, сознания, духа, субъекта, психического. В каком же смысле понимает и употребляет здесь Энгельс понятия «первичное» и «вторичное»? Прежде всего в смысле историчности развития самой действительности, всего мира, а принцип историзма является одним из важнейших принципов диалектики. Ответ на вопрос о том, что́ является первичным, детерминирующим, а что́ — вторичным, производным, Энгельс находит в рассмотрении того, что́ было первым по времени в реальной истории всего мироздания и что́ исторически появилось позднее на более высокой ступени развития истории, будучи порождено развитием материи, природы как исходным, первичным.

Значит, на чисто, казалось бы, гносеологический вопрос об отношении мышления к материи, духа к природе Энгельс дает ответ, исходя из общих принципов диалектики и выводя его прежде всего из принципа историзма. Значит, в данном случае, как и везде, диалектика выступает у Энгельса как теория познания, проявляя свою гносеологическую функцию.

То же касается и второй стороны основного вопроса всякой философии. Признание познаваемости вещей и их материальной сущности, т. е. отражаемости их в сознании субъекта, Энгельс выводит, опираясь на историю науки, на историю всего человеческого познания, которые свидетельствуют о том, что к открытию абсолютной истины человечество приходит через бесконечный ряд относительных (все более и более полных) истин, так что абсолютная истина образуется в конечном счете из суммы относительных истин. При этом критерием истины (правильности нашего познания) служит человеческая практика. Ничего похожего на скучную, серую картину прямого, одноактного, зеркального, механического совпаде-

ния субъекта (образа) с объектом (отображаемым предметом) у Энгельса нет и в помине. Теория познания материализма выступает у него как диалектика процесса познания, так что и здесь обнаруживается совпадение теории познания с диалектикой. Поэтому жалкой пародией на его действительные взгляды по данному вопросу выглядят попытки противников марксистской философии приписать теории отражения марксизма черты неподвижности, т. е. метафизичности и механистичности. Эти критики взглядов Энгельса особенно стараются лишить разработанную им теорию отражения признаков активности субъекта, субъективного фактора, сводя эту теорию на уровень плоской, пассивной созерцательности предмета. Не кто иной, как Энгельс, с исключительной глубиной развил известные тезисы Маркса о Фейербахе, в которых со всей силой подчеркивается положение об активной роли человеческого сознания (субъекта), о решающей роли практики в процессе познания.

Единство диалектики и теории познания материализма с логикой (учением о законах мышления) наиболее выпукло обнаруживается в марксистской диалектической логике, важнейшие принципы которой разработал опять-таки Энгельс. Одним из таких принципов был принцип историзма в применении к категориям логики (категориям мышления). Эти последние выступают, по Энгельсу, как ступени познания, последовательно проходимые человеческим сознанием в ходе его развития, в частности, в процессе его восхождения от единичности к особенности и от особенности к всеобщности. Поэтому законы мышления в конечном счете действительно должны совпадать с законами мира, если, конечно, они правильно познаны.

Принцип историзма дал возможность Энгельсу определить самый предмет марксистской философии, рассматривая его в историческом развитии, но отнюдь не как данный в готовом виде. В итоге, согласно Энгельсу, от старой философии осталось только учение о мышлении — диалектика и логика, причем, говоря о мышлении, Энгельс имеет в виду, что мышление есть отражение объекта в сознании субъекта, а потому по содержанию оно в конечном счете совпадает с объектом и различается с ним лишь по форме. Нам хотелось только подчеркнуть, что диалектика с ее принципом историзма позволяет пра-

вильно ставить и решать коренные вопросы теории познания материализма. Из предмета диалектического материализма неверно было бы как исключать теорию познания (субъективную диалектику), так и сводить к ней всю диалектику и предмет философии.

При рассмотрении вопроса о предмете марксистской философии, о предмете материалистической диалектики возможны два односторонних толкования, которые могут привести к той или иной крайности.

Одна крайность состояла бы в том, что диалектика рассматривалась бы только как наука о наиболее общих законах всякого движения объективного мира. В этом случае вся диалектика фактически сводится к объективной диалектике и не учитываются особенности субъективной диалектики как отражения (процесса отражения) диалектики объективного мира. В итоге получилось бы так: поскольку субъективная диалектика отражает объективную, постольку-де она с ней полностью совпадает, так что выделять и подчеркивать субъективный момент в процессе познания, его специфику и особенности нет необходимости. Такая позиция неизбежно вела бы к сведению ее лишь к диалектике бытия, в которой полностью растворялась бы диалектика сознания.

Таким может быть первый односторонний взгляд в трактовке диалектики и ее предмета.

Другой односторонний взгляд, напротив, вел бы к противоположной крайности: по сути дела он сводил бы всю диалектику к диалектике субъективной. В итоге неизбежно получалась бы односторонняя гносеологизация диалектики, ее отрыв от диалектики самой объективной действительности, замыкание ее в тесные рамки диалектики как логики познания.

В качестве аргументов в защиту той и другой позиций можно было бы подобрать и соответственно истолковать цитаты из работ Энгельса. В итоге такого странного подхода одни его формулировки приходили бы в прямое столкновение с другими, как якобы несовместимые, исключающие друг друга. Между тем у самого Энгельса они органически связаны между собой и полностью совпадают одни с другими. То же мы видим и у Ленина, который и в этом вопросе полностью разделял взгляды и формулировки Энгельса.

Два определения диалектики у Энгельса и соответ-

ственно два ее толкования: одно — наука о наиболее общих законах всякого движения, другое — наука о мышлении — выражают в сущности одно и то же и не могут быть противопоставлены друг другу. Оба вместе и каждое в отдельности они выражают лишь в разных формулировках, с разными акцентами одно и то же соотношение между объективной диалектикой и ее отражением в субъективной диалектике.

Напомним, что в последних работах и письмах Энгельс особенно подчеркивал обратное воздействие сознания людей (субъективный фактор) на их бытие (объективный фактор), следовательно, активную роль первого по отношению ко второму. Основной тезис материализма «бытие определяет сознание» он развил и дополнил указанием на то, что сознание, определяемое в конечном счете бытием, в свою очередь активно воздействует на породившее его бытие и посредством материальной человеческой практики вызывает в нем глубочайшие изменения.

Так был поставлен и решен Энгельсом вопрос о диалектике и ее двойственном, противоречивом характере, в котором отражалось общее коренное противоречие, существующее между объектом и познающим (отражающим) его субъектом.

2. Марксизм как научная система

(единство двух аспектов структуры: структура предмета и структура науки)

Продолжая развивать тему о соотношении объекта и субъекта применительно к общей проблеме энциклопедического охвата всего человеческого знания, остановимся теперь на основной структуре самого марксистского учения. Энциклопедией марксизма справедливо называют работу Энгельса «Анти-Дюринг». Это произведение состоит из трех главных частей или отделов: I. Философия. II. Политическая экономия. III. Социализм. Здесь изложены Энгельсом три теоретических источника и вместе с тем три составные части марксизма.

Возникает вопрос: почему выделены именно эти три источника и соответственно три составные части марксизма? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить,

что Энгельс всегда подчеркивал, что структура науки отражает собой так или иначе структуру изучаемого ею предмета. Ибо наука есть не что иное, как отражение изучаемой ею формы движения.

Подходя с этой точки зрения к вопросу о структуре марксистского учения, о его характере как научной системы, обратим внимание на то, что это учение имеет своим предметом прежде всего законы общественного развития, как материального, так и духовного. В предисловии к I тому «Капитала», центральному произведению марксизма, Маркс указывал, что конечной целью этого сочинения является открытие экономического закона движения современного общества. Точно так же марксизм ищет и открывает общесоциологические законы общественного развития.

Короче говоря, в отличие от естествознания, имеющего цель открывать законы природы, существующие вне человека и независимо от человека, марксизм имеет своей целью открытие законов, в центре которых стоит человек как социальное существо. Это — законы взаимоотношений между человеком и природой и законы взаимоотношений между самими людьми. Те и другие не изолированы друг от друга и в совокупности составляют законы развития современного общества.

Очевидно, когда говорят о структуре современного общества, имеют в виду прежде всего его экономический базис и его надстройки — политическую (государственно-правовую) и идеологическую, наиболее высоким компонентом которой является философия. Составные части марксизма являются прямым отражением этих структурных элементов современного общества, по крайней мере первые две из них. В самом деле, философия прямо отражает наиболее высокую область идеологической надстройки, а политическая экономия — экономический базис общества. Таким образом, в отношении этих двух составных частей марксизма не возникает никаких сомнений в том, что они являются как бы сколком с основной структуры современного общества.

Сложнее обстоит дело с третьей составной частью марксизма, которую Энгельс, а вслед за ним Ленин называли научным социализмом. Соответствует ли третья составная часть марксизма политической надстройке в современном обществе, иначе говоря, учению о госу-

дарстве и праве, о политическом устройстве и политической жизни общества? Обратимся к «Анти-Дюрингу». Третий отдел книги, озаглавленный «Социализм», начинается с исторического очерка, в котором социалистические домарксистские (утопические) учения излагаются на фоне анализа современной им социально-политической обстановки в разных странах. В следующем затем очерке теории говорится о современном (научном) социализме, об антагонизме между основными классами капиталистического общества — пролетариатом и буржуазией, о противоречии между производительными силами и производственными отношениями, которые переросли первые. Отсюда вытекает главная перспектива разрешения этих антагонизмов и противоречий: пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства в государственную собственность. Тем самым в центр внимания выдвигается вопрос о государстве. Когда же оно, наконец, из орудия эксплуататорских классов превращается в представителя всего общества, оно само себя делает излишним и в конце концов отмирает. Общественные классы упраздняются. Совершается скачок из царства необходимости в царство свободы. Этот переворот призван совершить современный пролетариат. Научный социализм, являющийся теоретическим выражением пролетарского движения, имеет задачей исследовать исторические условия и характер этого переворота.

В следующих двух частях третьего отдела «Анти-Дюринга» освещаются вопросы производства, его организации, разделения труда и распределения. Заключительная часть третьего отдела посвящена государству, семье, воспитанию. Вопрос о государстве и о завоевании пролетариатом государственной власти занимает здесь центральное место.

Именно так и понял Энгельса Ленин. В статье «Три источника и три составных части марксизма» (1913 г.) он писал относительно третьей из них, что здесь речь идет об исторической роли пролетариата как той общественной силе, которая способна стать творцом нового общества, о борьбе классов как основе всего общественного развития и его движущей силе.

В более развернутом виде мысль о трех составных частях марксизма нашла свое отражение в статье Ленина «Карл Маркс» (1914 г.). Здесь в том же порядке сна-

чала идут разделы, составляющие философию: «Философский материализм», «Диалектика», «Материалистическое понимание истории». Затем идет раздел «Классовая борьба», теорию которой дал Маркс. Этот раздел как бы связывает первую и вторую составные части марксизма и является основой марксистской исторической науки.

После философских и общеисторических разделов следует политическая экономия: «Экономическое учение Маркса» с подразделами «Стоимость» и «Прибавочная стоимость», переходящими в анализ исторической тенденции капиталистического накопления, открытой Марксом. Далее следуют разделы, составляющие общее учение о социализме: «Социализм», «Тактика классовой борьбы пролетариата».

В первом из них Ленин характеризует историческую роль пролетариата и его борьбу против буржуазии, борьбу, которая неизбежно становится политической борьбой, направленной на завоевание политической власти пролетариатом (диктатура пролетариата). Ленин характеризует далее социализм Маркса в отношении постановки им национального вопроса и вопроса о государстве. Говоря, что социализм, ведя к уничтожению классов, тем самым приводит и к уничтожению государства, Ленин ссылается на третий раздел работы «Анти-Дюринг» и на работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Наконец, Ленин рассматривает отношение научного социализма к мелкому крестьянству.

Во втором подразделе Ленин специально и подробно останавливается на тактике классовой, политической борьбы пролетариата и ее общественных основах.

Все это неоспоримо свидетельствует о том, что третья составная часть марксизма — социализм — включает в себя, по мысли Энгельса и Ленина, в первую очередь проблемы, связанные с политической борьбой пролетариата, направленной на завоевание государственной власти и установление диктатуры пролетариата, имеющей целью построение социалистического общества.

Так ставил этот вопрос Энгельс. Так понимал Энгельса продолжатель дела Маркса и Энгельса Ленин, писавший по этим вопросам в 1913 и 1914 гг., т. е. в канун победы социалистической революции в России. Это озна-

чает, что до 1917 г. вопрос о трех составных частях марксизма, т. е. о структуре марксистского учения, решался в плоскости соответствия структуры науки (марксизма) структуре ее предмета (общества): первая является теоретическим отражением второй. Очевидно, таким же образом вопрос о структуре марксизма должен ставиться и решаться сегодня, разумеется, с учетом всего нового, что внесла и вносит наука.

Что же изменилось в постановке этого вопроса после 1917 г., когда в нашей стране установилась диктатура пролетариата и началось строительство нового, социалистического общества? Новым стало то, что социализм из теоретического учения, каким он был до тех пор, реализовался на практике в особую, причем самую высокую социально-экономическую формацию. Соответственно этому в странах социализма возникла новая политическая экономия, изучающая экономический базис социализма, а марксистская философия, поднявшись на более высокую ступень, стала господствующей, играющей роль определяющего фактора в отношении всей вообще идеологической надстройки социалистического общества. Короче говоря, сегодня слова «социализм» и «коммунизм» относятся уже не только к определенному учению, но и к определенной реально сложившейся социально-экономической формации, взятой в ее целом.

В этих условиях современное учение о социализме и коммунизме приобретает интегральный характер и до некоторой степени включает в себя все три составные части марксизма — философию, политическую экономию и социализм (в смысле взглядов на политическое развитие общества, на его политическое, государственное устройство).

В социалистических странах все эти три момента выступают в органическом единстве, когда речь идет о коммунизме как о социально-экономической формации, предполагающей наличие свойственных ей экономического базиса, политической и юридической надстройки (государства и права) и идеологической надстройки (включая философию).

3. Целостный и структурный подходы к изучению общества (единство двух аспектов: целое и часть — синтез и анализ)

Продолжая разбирать вопрос о структуре общественной науки, отражающей структуру самого предмета, рассмотрим теперь соотношение между общественными науками двух различных типов, хотя и связанных между собой теснейшим образом вследствие прежде всего принципа историзма, пронизывающего их. К первому типу, на наш взгляд, принадлежат те науки, которые изучают отдельные структурные стороны общества — его базис и его надстройки — и которые образуют разобранные выше три составные части марксизма. Назовем эти науки *структурными,* или базисно-надстроечными.

Науки второго типа рассматривают общество как нечто единое, связное целое без вычленения из него отдельных его структурных частей и элементов, но во взаимодействии всех его частей и сторон, в том числе его базиса и его надстроек. Такие науки назовем *общеисторическими.* Ф. Энгельс писал в работе «Анти-Дюринг», что без анализа нет синтеза, и пояснял: когда мы рассматриваем мысленно историю человечества, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий. Но такой суммарный (диффузный) взгляд хотя и верно схватывает общий характер картины общественных явлений, но все же недостаточен для объяснения тех частностей, из которых она складывается. А пока мы не знаем их, нам остается неясной и общая картина. Возникает необходимость подвергнуть всю эту картину анализу, вычленяя из нее отдельные ее связи, стороны и отношения.

В итоге подобного анатомического подхода к изучению общества в нем вычленяются такие стороны его структуры, как экономический базис, политическая надстройка, идеологическая надстройка. Диалектика требует того, чтобы каждая такая сторона общества рассматривалась не как данная, готовая, а в ее историческом развитии в общей связи с движением всего человеческого общества. Тем не менее членение структуры общества на отдельные элементы и изучение каждого из них в отдельности сохраняется в рамках отдельных общественных наук структурного типа.

Исторические науки, и прежде всего гражданская история, напротив, изучают не одну какую-либо сторону общей структуры общественного организма, а весь этот организм как целое, во взаимодействии всех его сторон и факторов. Членение здесь производится не по способу выделения отдельных сторон жизни и структуры общества, а иначе — по временному (хронологическому) или пространственному (национально-географическому) признаку. В итоге выделяется история отдельных исторических эпох, стран и народов.

Оба типа общественных наук нераздельно связаны между собой в марксизме, и Энгельс в работах «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» показал их взаимосвязь и нераздельность. Если признак историзма присущ всем марксистским наукам об обществе, а не только истории, то гражданская история в свою очередь есть не что иное, как история развития человеческого общества во взаимодействии всех его сторон, которые порознь изучаются отдельными науками структурного типа; следовательно, ее предмет есть совокупность предметов всех вообще общественных наук, взятых синтетически, в их взаимодействии и в их взаимозависимости.

Выдвигая общую проблему энциклопедического охвата с позиций марксизма всех общественных наук, Энгельс последовательно решил и задачу синтетического объединения общественных наук обоего типа, показав их общность и связь между собой, а также их различие, особенность каждого типа наук.

В последнее время все чаще и резче встает вопрос о недостаточности изучения того или иного сложного общественного явления в случае рассмотрения его с отдельных сторон, относящихся к сфере либо политической экономии, либо философии, либо государственно-правовой науки и т. д. В настоящее время требуется рассматривать каждое явление со всех его сторон в их взаимодействии, понимать и изучать его как целое. В этом отношении диалектический подход Энгельса приобретает в настоящее время исключительно важное значение.

Было время, когда каждая наука имела свой обособленный предмет, который она изучала самостоятельно и независимо от других, смежных с нею наук. Каждой на-

уке отвечал один особый предмет, который она не делила с другими науками и который исследовала своим, присущим ей методом. В настоящее время ситуация в этом отношении существенно изменилась: сейчас постоянно требуется один и тот же предмет изучать одновременно с разных сторон разными науками, с тем чтобы в итоге создавать всестороннюю, цельную картину этого предмета.

Такого подхода требуют к себе в нашу эпоху такие сложные общественные процессы, как развитие современной науки, современной научно-технической революции, как движение различных социальных, возрастных, семейных, профессиональных и т. д. групп и слоев в современном обществе (например, молодежи, семьи и т. д.). Ни к одному из структурных элементов базисно-надстроечного характера такие общественные явления отнести нельзя. Изучение их становится предметом новых областей общественной науки, получивших название науковедения, конкретной социологии или науки о конкретных социальных явлениях и т. д.

Главная особенность таких новых общественных дисциплин и междисциплинарных направлений в науке — их комплексность, предполагающая теснейшее взаимовлияние и переплетение таких фундаментальных наук, для которых до недавнего времени допускалась возможность изучения того или иного общественного явления с одной его стороны, в одном определенном разрезе.

Так все современные общественные и — шире — все гуманитарные марксистские науки сливаются в единую научную систему взглядов, в разработке которой активно участвовал Энгельс, будучи наряду с Марксом одним из ее основоположников.

4. Принципы классификации естественных наук

(единство двух принципов: по формам движения и по их материальному содержанию)

Энциклопедический охват научного знания не мог ограничиться у Энгельса одними лишь общественными и вообще гуманитарными науками. Здесь требовалась всеобщность, и ее Энгельс достиг, показав, что не только развитие общества и человеческой мысли, но и явлений

природы протекает диалектически и подчинено одним и тем же всеобщим законам диалектики. В предисловии к «Анти-Дюрингу» Энгельс писал, что в своих занятиях математикой и естествознанием он преследовал цель убедиться на частностях в том, что в природе сквозь хаос бесчисленных изменений прокладывают себе путь те же диалектические законы движения, которые и в истории общества господствуют над кажущейся случайностью событий, равно как проходят красной нитью через историю развития человеческого мышления.

Раскрытие законов диалектики в явлениях природы привело Энгельса к возможности отыскать рациональную взаимную связь естественных наук (включая и математику) и на этой основе построить их классификацию. Вначале (май 1873 г.) в основу классификации он положил понятие формы движения. Таким путем он смог охватить все области природы, как неживой, так и живой. Более того, это понятие обнимало собой область не только природы, но и общественных явлений, а также человеческого мышления, давая возможность построить общую систему научного знания вообще.

Методологической основой классификации наук у Энгельса служили диалектико-материалистические принципы. Во-первых, связь наук (т. е. их структура) трактовалась как отражение связей самих форм движения (т. е. их структуры как предмета исследования); это был материалистический принцип объективности; во-вторых, науки располагались в последовательный ряд, согласно их развитию и переходу от низшего к высшему, от простого к сложному; это был диалектический принцип их субординации (соподчинения), принцип историзма.

В результате у Энгельса в самом начале его работы над «Диалектикой природы» родилась основная иерархическая схема естественных наук, ставшая исходной для создания будущей «Диалектики природы» и соответствующих разделов «Анти-Дюринга»:

механика	*физика*	*химия*	*биология*	*переход к человеку*
(механическая форма движения)	(тепловая и другие физические формы движения)	(химическая форма движения)	(биологическая форма движения)	(истории и мышлению)

Спустя три года, приступив к созданию книги «Анти-Дюринг» (май 1876 г.), Энгельс дополняет, углубляет и расширяет свою классификацию наук. Теперь наряду с формами движения он выдвигает также и вопрос об их материальном содержании, т. е. об их материальном субстрате (носителе). Конкретно речь идет о тех дискретных видах материи, специфическим способом существования которых являются соответствующие им формы движения. Ход рассуждения Энгельса был следующим: если движение, в общем случае понимаемое как всякое изменение вообще, есть способ (или форма) существования материи, то каждая специфическая форма движения имеет свой особый, отвечающий ей в качественном отношении вид материи, способом (или формой) существования которой она является. Такими материальными носителями, согласно воззрениям Энгельса, являются дискретные виды материи — макротела или микрочастицы. Неразрывность и единство между содержанием (материей) и формой (в данном случае движением) конкретизируются здесь как неразрывность и качественное соответствие между дискретным видом материи и отвечающей ему формой движения. В итоге этого предыдущий ряд наук и изучающихся ими объектов природы получил у Энгельса следующее выражение:

механика	*физика*	*химия*	*биология*	*переход к человеку*
(механическое движение и его носитель — макротела: земные массы и небесные тела)	(тепловые и прочие физические движения и их носитель — молекулы)	(химическое движение и его носитель — атомы)	(биологическое движение и его носитель — белок)	(истории общества и мышлению)

Главное внимание Энгельс сосредоточил на переходах между науками (между формами движения и соответственно между их вещественными носителями). В пределах естествознания это были области перехода между механикой и физикой (механическая теория теплоты, термодинамика, кинетическая теория газов); затем — перехода между физикой и химией (рождавшаяся в то время физическая химия) и между химией и биологией

(предвиденная Энгельсом биохимия). Именно эти междисциплинарные области изучения природы представляли, по мнению Энгельса, главный интерес для современного ему, и в особенности для будущего, естествознания. Подчеркивая важность этих переходных, связующих звеньев между фундаментальными науками (как теперь говорят), Энгельс определял физику как механику молекул, химию как физику атомов, биологию как химизм белков. Так, Энгельс вскрывал диалектический характер взаимоотношений и переходов между естественными науками: с одной стороны, существующую между ними связь и неразрывность, с другой — различие, дискретность каждой пары сближенных между собой (смежных) наук.

Естествознание выступало у Энгельса в результате как единая, интегрально слитная область научного знания, в которой междисциплинарные (переходные) участки играли роль цементирующего начала, придающего цельность и нераздельность всей совокупности фундаментальных наук, которые до тех пор представлялись обособленными между собой. Так реализовалось на деле единство и взаимопроникновение двух противоположных тенденций в развитии человеческого познания: к дифференциации наук, к усилению и углублению процесса специализации, с одной стороны, и к интеграции наук, к их объединению в общую систему, преодолевающую их разобщенность, — с другой.

Работа Энгельса в этом направлении не ограничивалась только одними естественными или одними гуманитарными науками; он преследовал цель связать те и другие между собой, раскрыв реальный переход от природы к человеку, к истории общества, реально совершившийся в ходе развития материи. Этому вопросу посвящено исследование Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

Уже Дарвин средствами естествознания, например с помощью сравнительно-анатомического метода, доказал происхождение человека из обезьяноподобного предка. Энгельс показал недостаточность в данном случае чисто натуралистического подхода и необходимость учета такого социального фактора, как производительная трудовая деятельность, благодаря которой только и смог подняться наш отдаленный предок над прочим живот-

ным миром и превратиться собственно в человека как общественное существо. Именно трудовая теория антропогенеза, созданная Энгельсом, особенно способствовала проложению пути к установлению единства и связи между естествознанием и общественными науками, а значит, и к созданию целостной энциклопедии всего научного знания.

Следует подчеркнуть, что идея Энгельса о дискретных материальных носителях различных форм движения послужила исходным пунктом и основой для многих его предвидений более частного, специального и более общего порядка. К числу первых относятся также его предвидения, которые касались неизвестных еще в его время дискретных носителей оптических и электрических явлений. Связывая условно эти явления с движением молекул (за неимением сведений о других физических частицах), Энгельс предвидел, что в будущем наука откроет их специфические носители, которые он столь же условно называл частицами «эфира». Но то, что́ он писал конкретно по этому поводу, показывает, что фактически речь шла о световых частицах, воплотившихся позднее в понятие фотонов, и о частицах электричества, получивших реализацию в электронах. Говоря о физико-химических основах явлений жизни, и в частности о специфических белках как вещественных носителях биологических свойств, Энгельс фактически предвидел пути развития современной биологии, в частности генетики.

Сама идея Энгельса о ряде последовательно усложняющихся дискретных видов материи нашла конкретное выражение в представлении об уровнях структурной организации материи. Фактически именно такое представление Энгельс и разрабатывал в «Диалектике природы» и «Анти-Дюринге», когда писал, что материя расчленена на ряд больших, хорошо отграниченных групп с относительно различными значениями масс; при этом дискретные части различных ступеней («атомы эфира», «химические атомы», земные массы, небесные тела) являются различными узловыми точками, которые обусловливают различные качественные формы существования всеобщей материи.

Современная наука фактически подтверждает идеи Энгельса, называя уровнями структурной организации материи то же, что́ Энгельс называл дискретными ча-

стями различных ступеней, узловыми точками и качественными формами существования материи. Что касается различных частных классификаций наук, разрабатываемых в настоящее время с разными специальными целями, то все они в конечном счете, коль скоро сохраняют научный характер, опираются так или иначе на основную и всеобщую классификационную структуру, созданную Энгельсом на базе учения об иерархии основных типов (форм) движения материи.

5. Технические науки и их место в системе научного знания

(единство двух аспектов: субъективная цель и объективная возможность ее достижения — свобода и необходимость)

Если переход от высших обезьяноподобных живых существ к человеку явился связующим звеном между природой и обществом во всей мировой истории, то в дальнейшем историческом развитии роль связующего звена между ними играла техника: с момента возникновения она служит областью постоянного и все разрастающегося стыка человека с природой. Соответственно этому технические и вообще прикладные науки в ином смысле, нежели антропология с трудовой теорией антропогенеза, служат связующим звеном между естественными и общественными науками.

Особенность техники состоит именно в том, что здесь субъективная сторона практической деятельности человека — ее цель — нераздельно сливается с объективной — с использованием законов природы, познанных человеком. Это значит, что естествознание ставит своей задачей открытие законов природы и выяснение условий их действия и проявления, а технические науки преследуют цель найти практическое (производственное, промышленное) применение и приложение этих законов, с тем чтобы, регулируя искусственно условия их проявления, направлять подчиняющиеся данному закону процессы природы в нужную человеку сторону. Это и означает управлять действием данного закона, управлять соответствующим естественным процессом, заставляя протекать его в ис-

кусственно созданной (технически изобретенной) человеком обстановке.

Следовательно, свобода, согласно Энгельсу, состоит не в воображаемой независимости людей от законов природы, а, напротив, в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для достижения определенных целей. Значит, чем свободнее суждение человека в каком-то отношении, с тем большей необходимостью определяется его содержание.

Таким образом, в самой основе техники и технических наук лежит диалектическое противоречие, существующее между свободой (субъекта) и необходимостью (объекта), т. е. в конечном счете то же самое противоречие соотношения между объективным и субъективным, о котором уже говорилось выше.

В связи с тем, что существо техники определяется обоими противоречивыми моментами в их взаимодействии, место отдельных технических (и вообще практических, прикладных) наук определяется, во-первых, характером используемых в данной отрасли техники законов природы (механических, химических и др.) и, во-вторых, характером той отрасли народнохозяйственной деятельности, где применяется данная техника (промышленность, транспорт, связь и т. д.); в более широком смысле в практические (прикладные, или технические) науки включаются науки сельскохозяйственные и касающиеся здравоохранения (медицина).

Без учета технических наук невозможно достичь полноты энциклопедического охвата всего научного знания, а тем более раскрытия его внутреннего единства в таком важном пункте, как соотношение между естественными и общественными науками. Основная схема общей системы этих трех групп наук может быть представлена так:

естественные — технические — общественные науки

Двоякий, двусторонний характер технических наук выражен в этом промежуточном их положении: поскольку в технике используются законы природы, эти науки непосредственно примыкают к соответствующим естественным наукам. Но вместе с тем эти же технические науки связаны с различными областями народного хозяйства, значит, общественной жизни людей, а потому тесно связаны с общественными науками.

6. Философские основы всеобъемлющей энциклопедии наук

(единство двух аспектов: общее и частное)

Всеобъемлющая энциклопедия наук, заложенная трудами Энгельса, предполагает раскрытие органической связи между всеми отраслями научного знания, как основными, так и промежуточными, служащими для основных в качестве связующих звеньев. Исходные посылки для разработки такой энциклопедии дает марксистская философия и прежде всего марксистская диалектика, включающая в себя теорию познания материализма и логику. Возводя вместе с Марксом фундамент марксистской философии, Энгельс вместе с тем закладывал краеугольный камень общей энциклопедии наук вообще.

В самом деле, определение диалектики Энгельсом не только как науки о мышлении, но и как науки о наиболее общих законах всякого движения, совершающегося в природе, обществе и мышлении, является истинным стержнем общей системы всех современных наук. Речь идет, разумеется, не о таких законах, которым подчиняется движение либо в природе, либо в обществе, либо в человеческом мышлении, а о таких, которым подчинено и наше субъективное мышление и объективный мир и которые поэтому действуют и здесь и там.

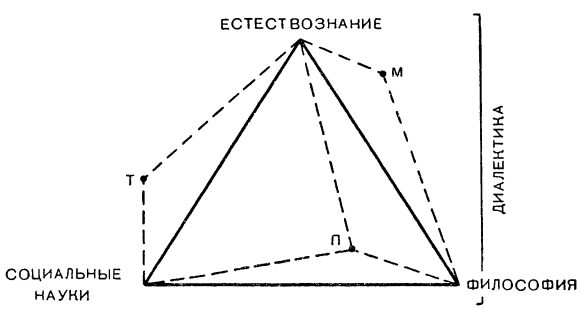
Соответственно тому, что эти законы носят предельно широкий, всеобщий характер, изучающая их наука — диалектика как душа марксистского учения — является общей наукой. Всякая другая наука при всей сравнительной своей широте всегда является частной по отношению к философии. Ибо любая другая наука изучает не всеобщие законы всякого движения, всякого развития, а законы какой-то одной определенной области явлений мира или одной определенной их стороны. Любая другая наука не изучает также той проблематики, на которую указывает основной вопрос философии.

Таким образом, в фундаменте взаимоотношений между философией и всеми остальными науками и тем самым в фундаменте энциклопедии всех наук лежит диалектическое соотношение между общим и частным.

Всякая энциклопедия наук, если, конечно, она является не искусственным построением ума, а обладает необходимым логическим обоснованием и вытекает из

внутренней связи между самими науками и соответственно между их объектами, выражает единство самого мира, которому и принадлежат объекты научного познания. Углубляя диалектическое и вместе с тем материалистическое понимание мира как предмета познания и сферы приложения практической деятельности человека, Энгельс показал, в чем состоит это единство мира: действительное его единство состоит в его материальности, т. е. в том, что все вещи и предметы мира образованы материей, а все явления и процессы суть ее действия и проявления. Материальность мира, обусловливающая его единство, доказывается, как говорит Энгельс, длинным и трудным путем развития философии и естествознания.

При определении диалектики Энгельс исходил из наличия трех наиболее крупных и широких областей предметного мира, каковыми являются природа, общество и мышление. Если стержень энциклопедии наук, разработанной Энгельсом, видеть в соотношении этих трех важнейших областей, то графически этот стержень мы могли бы, следуя полностью за Энгельсом, представить в виде «треугольника наук», в вершинах которого стоят науки, изучающие ту или другую область предметной действительности. Но философия изучает не только мышление и его общие специфические законы, но и всеобщие законы всякого движения, пронизывающие природу, общество и мышление, а значит, естественные и общественные (социальные) науки. Поэтому «треугольник наук», образующий стержень всеобщей энциклопедии наук, следует представить примерно так:



Здесь диалектика рассматривается как ядро философии. Прямая скобка, проходящая через слово «филосо-

фия» вместе со словом «диалектика», показывает, что диалектическая философия как общая наука пронизывает собой область исследований всех без исключения частных наук. Промежуточные науки, возникающие на стыке между тремя основными отраслями научного знания, на приведенной схеме показаны как точки, лежащие на прерывистых ломаных линиях, соединяющих смежные науки (т. е. вершины «треугольника наук») между собой. Так, технические науки в их широком понимании (точка Т) лежат на стыке между естествознанием и социальными науками. Математические науки (точка М) лежат на стыке между естествознанием (физикой прежде всего) и логикой как частью философии, причем переход от математики к физике совершается через математизированные (абстрактные) области естествознания (механику, термодинамику и т. д.), а переход от нее же к логике — через математическую логику.

Психология (точка П), в которой перекрещиваются все три основные области предметной действительности, находится как бы в пункте, где сходятся линии от всех углов «треугольника наук». Ведь вещественной основой психических явлений служат определенные органы высших живых существ (отсюда связь психологии через зоопсихологию и учение о высшей нервной деятельности с естественными науками). Но вместе с тем психология как наука имеет дело с психикой человека как общественного существа, как члена социального организма (отсюда ее связь с общественными науками через социальную психологию). Наконец, психология имеет дело с мышлением и сознанием человека в их индивидуальном проявлении (отсюда ее связь с философией, особенно логикой и гносеологией, изучающих мышление и сознание человека в их общечеловеческом разрезе).

7. Марксизм против абстрактного антропологизма и позитивистского сциентизма

(борьба на два фронта за истину)

В последние годы в зарубежных странах в области философии возникли два диаметрально противоположных течения, которые сходятся в одном: оба, являясь лож-

ными, противопоставляют себя марксизму, выступая иногда от его имени.

Первое течение — так называемый антропологизм. В центр всей философии он ставит человека («антропос» и значит человек). Однако речь идет не о конкретно-историческом человеке современного общества, иначе говоря, не о народе как субъекте истории, не о трудящихся классах во главе с рабочим классом как гегемоном борьбы за социальный прогресс, за революционное преобразование общества, а о некоем «человеке вообще», «абстрактном человеке» и о связанных с этим понятием внеисторических категориях и нормах, которыми якобы определяются пути современного общественного прогресса. Речь идет о всеобщих, лишенных по сути дела какого-либо конкретного содержания представлениях о свободе человека вообще, о критике и отрицании любого социального строя вообще — в равной мере и капиталистического, и социалистического — и т. п. Таким образом смазывается, стирается классовое содержание всех без исключения категорий, касающихся современного общества.

Второе течение — так называемый сциентизм. По сути дела это — новый вариант старого позитивизма, подменявшего философию в ее специфике частными науками, отрицавшего всеобщие законы всякого развития, всякого движения и ограничивавшегося рамками специальных законов естественных или общественных явлений. Сциентизм происходит от слова «сциенция» — наука. Однако было бы ошибочно видеть в сциентизме защиту верного требования, которое гласит, что подлинная философия современности должна быть научной, т. е., как и всякая наука, должна иметь предметом своего исследования определенные законы внешнего, объективного мира и его познания человеком. В сциентизме как особом течении речь идет именно о подмене всеобщих законов развития, которые составляют предмет научной (диалектико-материалистической) философии, специальными законами частных наук.

Оба названных течения с разных позиций нападают на марксизм, на марксистскую диалектику, обвиняя ее — одни в сциентизме, другие — в приверженности абстрактным принципам, отсутствующим якобы в самой действительности. Диалектика учит, что крайности сходятся. В борьбе против марксизма действительно сходятся оба

крайних и, казалось бы, взаимоисключающих друг друга течения — абстрактный антропологизм и кичащийся своей мнимой конкретностью позитивистский сциентизм. Сторонники того и другого мыслят неправильно, односторонне. «Но неправильное мышление, если его последовательно проводить до конца, — предупреждал Энгельс, — неизбежно приводит, по давно известному диалектическому закону, к таким результатам, которые прямо противоположны его исходному пункту» [1].

Посмотрим, как это выглядит на деле.

Сциентисты-позитивисты критикуют марксизм и его диалектику за то, что марксисты признают всеобщие законы всякого развития. Сциентисты отрицают эти законы, считают их несуществующими, выдуманными. Но если так, то, с точки зрения сциентизма, не остается места и для научной философии, которая у сциентистов становится простым придатком для частных, и прежде всего естественно-математических, наук, растворяется в них, низводится до уровня логики частных наук.

Представители абстрактного антропологизма, напротив, критикуют марксизм и его диалектику за научность, за то, что марксистское учение и его душа — диалектика — признают, что предмет диалектико-материалистической философии составляют определенные законы предметного мира — природы, общества и мышления, общие для всех этих трех областей предметной действительности. Сторонники абстрактного антропологизма утверждают, что, дескать, считать предметом философии какие-либо законы объективного мира и его познания — значит становиться на путь сциентизма, на путь конформизма, т. е. примирения с существующей действительностью, приспособления к ней, поскольку она сама в своем развитии подчиняется этим законам. Отсюда, по мнению антисциентистов, вытекает тенденция к оправданию любых недостатков существующего строя, все равно, повторяем, какого — капиталистического или социалистического, а это, дескать, противоречит коренным образом принципам деятельной, критической философии, под которой имеется в виду философия абстрактного гуманизма и абстрактного антропологизма.

Между тем марксизм, отвергающий оба названные

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 382.

выше течения, исходит из того, что только та философия может служить делу преобразования мира, как к этому призывал Маркс, которая от начала до конца является строго научной. Ее научность выражается, во-первых, в том, что своим предметом она имеет определенные, только ей свойственные законы (законы диалектики), а во-вторых, в том, что эта философия теснейшим образом связана с остальными сферами научного познания (с частными науками), подобно тому как общее всегда и везде нераздельно связано с частным и существует только через частное. По поводу научной, марксистской философии Энгельс писал: «Это вообще уже больше не философия (в старом смысле слова. — *Б. К.*), а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках» [1].

Следовательно, связь философии с частными науками сама по себе еще не является признаком сциентизма как определенной концепции. Напротив, она диктуется самой природой современной научной философии. Сциентизм появляется только при том условии, когда общее подменяют частным, сводят к частному. Иногда дело доходит до того, что научную диалектику пытаются изобразить в виде детского занятия замены специальных терминов частных, прежде всего естественно-математических, наук философскими терминами, и наоборот, замены философских терминов естественно-математическими. Так, модным у некоторых авторов в настоящее время является переименование отражения в информацию, взаимодействия в прямую и обратную связь и т. д. Это — когда речь идет о философии. Когда же речь заходит о кибернетике, производится обратная операция: информация именуется отражением, прямая и обратная связь — взаимодействием и т. д.

Сциентизм превращается в данном случае в голый вербализм, за которым не кроется никакого научного, творческого содержания, никакой конструктивной мысли: заменяй одни слова другими — и дело с концом.

Разумеется, правы те философы, которые протестуют против подобного принижения и опошления философской науки, доходящих до прямой ее ликвидации по существу,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 142.

хотя на словах она и восхваляется. При этом иногда наблюдается и другая крайность прямо противоположного характера: из-за того что некоторые авторы неумно сводят все дело к игре в словечки, в термины, делается вывод, что философию нужно резко обособить от частных наук вообще, придать ей замкнутый характер. Некоторые наиболее рьяные защитники такой точки зрения, согласно которой всякая связь философии с частными науками уже и есть проявление сциентизма, предлагают придумать своего рода философский жаргон, доступный лишь для узкой кучки посвященных и непонятный для широкого круга читателей. Здесь антисциентизм доведен до абсурда, до прямых и резких нарушений всего того, о чем писал Энгельс по поводу связи между философией и естествознанием и в чем его полностью поддержал Ленин.

Абстрактный антропологизм, выступающий в роли «антисциентизма», отрицающий научный характер марксистской философии, ее связи и взаимодействия с частными науками, глубоко чужд марксистской диалектике. Абстрактный антропологизм подобно абстрактному гуманизму иногда излагается с добавлением эпитета «марксистский». Но марксистским от этого он не становится. Излагаемые с позиций абстрактного гуманизма и антропологизма концепции человеческой личности полностью выхолащивают классовое содержание этих проблем, т. е. самое главное здесь с точки зрения марксизма. При этом марксизм-ленинизм обвиняют в том, что он якобы забыл человека, игнорирует личность и затушевывает ее извечные интересы и запросы, и заявляют, что происходит это, дескать, по той причине, что на первое место марксисты-ленинцы ставят общественные интересы, интересы революционных классов, интересы социалистического общества, социалистического государства, и в результате «забывают» о самом человеке.

Между тем марксистское учение отнюдь не игнорирует человека как личность и как социальное существо. Напротив, именно марксизм-ленинизм ставит во главу угла своего учения реального, живого человека со всеми его социальными, классовыми и личными интересами, преломляя все это через призму общих коренных интересов всего человечества, всего прогрессивного исторического развития общества. Совершенно превратно толкует-

ся нашими идейными противниками само философское учение марксизма в том виде, как оно было изложено Энгельсом. Самого Энгельса изображают сциентистом в том смысле, что он будто бы говорил лишь о детерминизме всеобщих законов бытия, и притом так, словно они только подавляют человека, лишают его свободы, заставляют его слепо подчиняться окружающим его условиям и даже, грубо говоря, попросту приспособляться к обстановке.

Ничего похожего на подлинный марксизм и его диалектику в таких утверждениях нет и быть не может. Это — явная клевета на Энгельса и марксизм. Ее нетрудно опровергнуть, если вдуматься хотя бы в то определение диалектики, которое было дано Энгельсом.

В самом деле, когда речь идет о том, что диалектика есть наука о наиболее общих законах развития, совершающегося в природе, обществе и мышлении, то каждая из указанных здесь трех областей предметной действительности является так или иначе сферой деятельности людей или же теснейшим образом связана с их деятельностью.

Очевидно, что общество не существует и не может существовать вне и помимо человека и человеческой деятельности. Точно так же мышление это — *человеческое* мышление, которого вне человека нет и быть не может, как бы ни пытались спиритуалисты и теологи придумывать некое мышление, стоящее над человеком и превращенное в бога. Что касается природы, то это — внешний мир, существующий вне и независимо от человека и человечества и отражаемый человеческим сознанием. Однако это отражение происходит не путем пассивного созерцания природы человеком, а в процессе его практической преобразующей деятельности. «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление, — констатировал Энгельс. — Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком,* а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» [1].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 545.

Соответственно этому, критикуя абстрактно-натуралистическое понимание природы и истории Фейербахом, Маркс и Энгельс писали в «Немецкой идеологии»: «Фейербах говорит особенно о созерцании естествознания, упоминает о тайнах, которые доступны только глазу физика и химика, но чем было бы естествознание без промышленности и торговли?» [1], т. е. без практической деятельности людей.

Таким образом, вовсе нет никакой необходимости вводить дополнительно в определение диалектики, данное Энгельсом, особую ссылку на человека и его судьбы. Достаточно раскрыть более глубокое содержание энгельсовского определения, чтобы увидеть, что человек присутствует там во всех трех его компонентах, объединяемых всеобщими законами движения.

На примере борьбы современного марксизма против двух крайностей, именуемых антропологизмом и сциентизмом, можно проследить противоречие между истиной и заблуждением, причем заблуждение выступает как доведение до крайности, т. е. как абсолютизация одного из моментов действительного, или истинного, знания. При этом раздвоение единого — процесса познания — совершается не только в том отношении, что на одном полюсе стоит истина (марксизм и его диалектика), а на другом — заблуждение (оба противоположных марксизму течения), но и в том, что оба этих течения противостоят одно другому, как две метафизически противоположные крайности, из которых одна превращает человека в некую внеисторическую отвлеченность, а другая подменяет общие законы развития частными. Марксизм преодолевает обе эти крайности, следуя диалектическому методу, разработанному Энгельсом вместе с Марксом и развитому дальше Лениным. В результате только в марксизме и его диалектике соединяются во внутренней нераздельности рассмотрение человека и строгая научность, основанная на учете всеобщих законов всякого развития и на раскрытии взаимосвязи между философией и всеми частными науками.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 43.

* * *

Когда исполнилось 100 лет со дня рождения Ф. Энгельса (ноябрь 1920 г.), В. И. Ленин опубликовал начатый им в 1913 г. обзор переписки между Марксом и Энгельсом, сделав подзаголовок: «Энгельс, как один из основателей коммунизма».

В постановке и решении проблемы энциклопедического охвата марксистского учения и вообще всей совокупности научных знаний решающим инструментом служила Энгельсу марксистская диалектика с ее основными законами и принципами. На первом месте среди них стояло ядро диалектики, которое Энгельс формулировал как взаимное проникновение полярных противоположностей и превращение их друг в друга, а Ленин — как единство и «борьба» противоположностей.

Диалектическое противоречие было вскрыто и разрешено Энгельсом по всем затронутым пунктам:

а) в отношении самой диалектики (соотношение между объективной диалектикой и субъективной диалектикой как противоречие между объектом и субъектом в философском разрезе);

б) в понимании марксизма как научной системы (соотношение между предметом науки и самой наукой как его отражением, соответственно — между структурой предмета и структурой изучающей его науки как сколком с его структуры);

в) применительно к общественным наукам, изучающим или общество в целом, или определенную его сторону, часть, т. е. к историческим и структурным общественным наукам (соотношение между предметом в целом и вычлененной его частью, между интегральным и дифференциальным подходом к нему, между синтезом и анализом);

г) в области предмета естественных наук и их классификации (соотношение между содержанием и формой, между материей и движением как способом, или формой, ее существования);

д) касательно техники и технических наук (соотношение между субъективной целью и объективной возможностью ее достижения, между свободой и необходимостью, что реализуется в познании законов природы и их практическом использовании);

е) в сфере взаимосвязи между философией (диалектикой как теорией и методом) и всеми остальными науками в единой их системе (соотношение между общим и частным);

ж) с точки зрения соотношения истины (марксизм и его диалектика) и заблуждений (антропологизм и сциентизм), причем раздвоение происходит здесь не только на истинное и ложное, но и на две крайние формы ложного, когда доводится до крайности и возводится в абсолют та или иная сторона реального диалектического противоречия, правильно улавливаемого лишь марксизмом и его диалектикой.

Все эти диалектически противоречивые соотношения, выражаемые «парными» категориями диалектики, в которых конкретизируется взаимное проникновение (Энгельс) или единство (Ленин) противоположностей, и составили методологический ключ к постановке, раскрытию и решению проблемы разработки универсальной энциклопедии наук. С этой задачей в силах был справиться только такой выдающийся ученый, как Фридрих Энгельс — великий энциклопедист марксистской науки.

* * *

Если говорить об актуальных вопросах дальнейшей разработки теоретического наследия Энгельса применительно к современным историческим условиям, то нам хотелось бы назвать несколько взаимосвязанных между собой проблем.

Первой из них является строго научное формулирование предмета марксистско-ленинской философии, который в настоящее время иногда искажается, с одной стороны, в духе абстрактного «гносеологизма», с другой — в духе «онтологизма» и рецидивов спекулятивной натурфилософии.

Вторая задача состоит в дальнейшей разработке марксистской диалектической логики как логической стороны материалистической диалектики, как «субъективной» диалектики, по терминологии Энгельса.

Третья задача заключается в том, чтобы на уровне естествознания второй половины XX в. продолжить работу по философскому осмыслению достижений специальных областей знания, начатую Энгельсом в «Диалектике

природы» на уровне естествознания XIX в. и выполненную Лениным в условиях развития наук начала XX в.

Четвертую задачу составляет, по нашему мнению, некоторое уточнение содержания третьей составной части марксизма-ленинизма, связанное с тем, что в настоящее время в СССР и ряде других социалистических стран построена первая фаза коммунистической формации (социализм) или завершается ее строительство. Если теория научного коммунизма выделяется в особую научную дисциплину, рассматривающую проблемы построения коммунистического общества всесторонне, т. е. в философском, идеологическом, экономическом и других аспектах, то, возможно, в современных условиях было бы целесообразно рассматривать в качестве третьей составной части общей теории марксизма то, что связано непосредственно с вопросами стратегии и тактики международного революционного движения, классовой борьбы пролетариата. Разумеется, данная проблема требует серьезного и всестороннего обсуждения.

Пятой задачей обобщающего характера является дальнейшая разработка марксистско-ленинской классификации наук и на ее основе — общей системы всего современного научного знания, т. е. осуществление теоретического синтеза последнего.

Разумеется, есть много других важных проблем, связанных с разработкой теоретического наследия Энгельса, но главными, на наш взгляд, являются названные выше.

Опираясь на марксистско-ленинский диалектический метод, требующий рассматривать вещи и процессы во всем комплексе их сложных взаимосвязей, современные марксисты, работающие в различных областях науки, могут успешно решать актуальные вопросы марксистско-ленинской теории, которые каждодневно выдвигает перед ними нынешняя сложная и динамическая эпоха. Как это надо осуществлять, нас учит В. И. Ленин — великий продолжатель дела К. Маркса и Ф. Энгельса.

Заключение

В коллективном труде, с которым ознакомился читатель, советские и немецкие философы-марксисты стремились осветить философскую деятельность и борьбу Фридриха Энгельса — друга и соратника Карла Маркса, одного из основоположников научного коммунизма. В главах этого труда авторы рассмотрели основные стороны и черты исключительно многогранной теоретической деятельности Ф. Энгельса как философа, исследуя их через призму актуальных проблем современной идеологической борьбы, задач международного коммунистического движения. В книге характеризуются вклад Энгельса в развитие общих принципов диалектического материализма и марксистской истории философии, критика им идеализма и ревизионизма, разработка широкого цикла проблем диалектического материализма, исследование вопросов исторического материализма и философских проблем научного коммунизма, вопрос о месте Энгельса как энциклопедиста марксистской науки в истории человечества.

Прошедшие после окончания жизни великого основоположника марксизма три четверти века не только не затемняют яркого образа Энгельса, но, наоборот, все более рельефно подчеркивают и выделяют огромное теоретическое и практическое значение его поразительно разносторонней деятельности. Неоценимый вклад Ф. Энгельса в теорию марксизма — в развитие диалектического и исторического материализма, экономического учения, в учение о стратегии и тактике классовой борьбы пролетариата и научный социализм в целом никоим образом не может рассматриваться лишь как некоторая конкретизация и дополнение теоретических воззрений Маркса. Энгельс внес в сокровищницу научной идеологии пролетариата не отдельные моменты и детали, но огромной важности кардинальные положения, без которых марксизм не был бы всесторонним и целостным учением. Как уже отмечалось, Ф. Энгельс со свойственной ему чрезвычайной скромностью преуменьшал значение того, что он свершил при разработке теории марксизма, характеризуя себя только как помощника К. Маркса в его

научном подвиге. В действительности же целые разделы системы диалектического и исторического материализма, научного социализма именно благодаря Энгельсу приобрели свой вполне научный и систематизированный вид, не говоря уже о ряде сфер специального приложения философской теории и диалектического метода марксизма, как-то: вопросы антропогенеза и происхождения семьи, теории языка и др. Принципиально важным и творческим был титанический и самоотверженный труд Энгельса по подготовке к изданию второго и третьего томов «Капитала» и других рукописей Маркса.

Замечательный мастер диалектического метода, Ф. Энгельс сформулировал принципиальные положения, без которых было бы невозможно дальнейшее успешное развитие марксистской диалектики как науки, теории познания и логики. Такие кардинальные проблемы теории марксизма, как характеристика предмета философии марксизма, диалектически связывающая в своем анализе все структуры и уровни философского знания при рассмотрении противоположности и диалектической взаимосвязи всеобщего и особенного, раскрытие сложного диалектического взаимоотношения между объективной и субъективной диалектикой, диалектической и формальной логикой, в результате разделения труда, сложившегося между основоположниками марксизма, получили свою фундаментальную разработку именно в рамках энциклопедического творчества Ф. Энгельса. Это в не меньшей мере может быть сказано об исследовании взаимодействия труда, языка и мышления в интегральном процессе становления и развития человеческой культуры, о научном анализе происхождения частной собственности и государства и других научных открытиях Энгельса. Он первым приступил к исследованию истории марксизма и его философии, глубоко анализировал вопросы партийности и преемственности в истории философии; систематизировал марксистскую диалектику и применил ее к современному ему естествознанию и ряду отраслей обществоведения, особенно к теории научного социализма. Энгельс внес значительный вклад в разработку материалистического понимания истории в приложении его к конкретным историческим периодам. Знаменитые письма Энгельса 90-х годов XIX в. об историческом материализме пролили яркий свет на многообразие диалектиче-

ских связей между общественным бытием и сознанием, между социально-экономическим базисом и надстройкой, дали в руки идеологов освободительной борьбы рабочего класса могучее оружие для критики право- и левооппортунистических лжеучений. Разработкой проблемы относительной самостоятельности идеологии и механизма действия ее составных элементов Энгельс внес существенно новое в марксизм и подверг глубокой обоснованной критике как вульгарно-фаталистический «экономический материализм», так и идеалистическую концепцию «филиации идей».

И К. Маркс, и впоследствии В. И. Ленин высоко оценивали значение теоретической деятельности Энгельса, его борьбы за чистоту и развитие марксистской теории против философских доктринеров, эпигонов мелкобуржуазного утопизма, реформистов и ревизионистов. Огромный труд по критике и разоблачению политического и философского ревизионизма в третьей четверти XIX в. преимущественно лег на плечи именно Ф. Энгельса, и он с честью его выполнил. Борьба Энгельса на два фронта — как против фатализма и буржуазно-объективистской конформистской созерцательности в научных исследованиях, так и против волюнтаризма и субъективизма крикливых абстрактно-гуманистических, а по сути дела дезориентирующих и разлагающих проповедей, борьба за подлинно научный и революционно-действенный, пролетарский гуманизм составляет ценнейшую часть теоретического наследия Энгельса.

В наши дни теоретическое наследие Энгельса, как и идейное наследие Маркса, находится в центре идеологической борьбы, и уже это говорит о его огромной актуальности. Современные буржуазные «марксологи», такие, как Т. Адорно, Г. Маркузе, И. Фетчер, Г. Лихтгейм и др., пытаются противопоставить Энгельса и Ленина Марксу, Ленина и продолжателей его дела — Энгельсу. Этот прием вслед за ними используют и ревизионисты. Преследуя свои низменные цели, реакционные буржуазные идеологи, оппортунисты разных мастей фальсифицируют ныне теоретические воззрения Энгельса, изображая его то неким равнодушным к судьбам человека «сциентистом», для которого проблемы социальной практики, отчуждения, человеческого счастья и т. д. были будто бы несущественными и малозначительными, то схематическим

доктринером, пожертвовавшим «общечеловечностью» идей Маркса ради «узкоклассового» подхода к социальным явлениям и процессам, а то и вообще отрицают философско-теоретическое значение его трудов [1].

Подобные рассуждения совершенно несостоятельны. Тов. Курт Хагер и другие партийные и научные работники, выступая на Международной теоретической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса, убедительно показали беспочвенность попыток «сконструировать» противоречия между Энгельсом и Марксом, направленных против «революционного содержания и целостности марксизма-ленинизма» [2].

Исторические факты неоспоримо доказывают глубокую и творческую внутреннюю преемственность в теоретической и практической деятельности Маркса, Энгельса и Ленина. Значительный вклад в разработку диалектико-материалистической теории субъективного фактора общественного развития, который был осуществлен великим соратником Маркса, связывал в органическую целостность объективные и субъективные стороны исторического процесса, отражение независимых от человека и его воли закономерностей реальной действительности и творческую, активную созидающую практическую деятельность людей, необходимость и свободу, науку и гуманизм, знание и революционную борьбу за светлое будущее. Факты подлинной истории деятельности Энгельса опровергают измышления ревизионистов о схематизме и метафизичности творчества Энгельса, о том, что он был будто бы далек от гуманизма и т. п. Неоднократные и непрекращающиеся попытки буржуазных «марксологов», «энгельсоведов» и ревизионистов расколоть монолитное единство научно-теоретических концепций Ф. Энгельса и обособить его от творческого гуманизма Маркса обречены на провал.

---

[1] Ревизионист Э. Фишер в книге «Что действительно сказал Маркс» доходит, например, до того, что всю теоретическую роль Энгельса сводит к тому, что он «был лишь другом Маркса». М. Пруха в пасквильном сочинении «Техника и философия» пишет о понимании диалектического материализма Энгельсом как о некоем «шаге назад» от молодого Маркса. Р. Гароди в серии своих оппортунистических и ревизионистских сочинений высказал аналогичные мысли.

[2] *К. Хагер.* Фридрих Энгельс — великий теоретик научного социализма, вождь международного рабочего класса. — «Проблемы мира и социализма», 1970, № 9.

Огромны заслуги Ф. Энгельса в разработке основ научного коммунизма и создании революционной пролетарской партии, в теоретическом исследовании конкретных процессов буржуазно-демократического и пролетарско-социалистического движений XIX в., в разработке идейных основ I Интернационала и в обобщении опыта Парижской Коммуны. После смерти К. Маркса Энгельс возглавлял международное пролетарское движение. Эти стороны деятельности Энгельса не могли, к сожалению, получить широкого освещения в рамках настоящей книги, ограниченной определенной, собственно философской тематикой.

Теоретическое наследие Энгельса как философа было бы не полностью очерчено, если бы не были учтены такие важные стороны его творчества, как историко-философские исследования и извлечение им «рационального зерна» из философского наследия прошлого, а в особенности достижений диалектики классической немецкой философии конца XVIII — начала XIX в., чему он придавал большое значение на протяжении всей своей деятельности. Своеобразие духовного развития молодого Энгельса состояло, в частности, в том, что уже в его раннем творчестве важное место занимал анализ утопических теорий в социальных движениях, особенно критического утопического социализма, а также эпигонского его этапа. В течение многих лет Энгельс последовательно критиковал реакционно-декадентский характер западноевропейской буржуазной философии второй половины XIX в., разоблачая свойственные ей идеализм, агностицизм и метафизику. Марксистская историко-философская концепция в значительной мере сложилась благодаря Энгельсу.

Данный коллективный труд охватывает весьма широкий круг проблем марксистско-ленинской философии, которые были поставлены и исследованы Ф. Энгельсом. Среди этих проблем, как мы отмечали, были вопросы единства логики, диалектики и теории познания, принципы логики научного мышления, структура диалектики природы и задачи ее научного исследования, проблема происхождения идеологии и ее функций, вопросы развития форм общественного сознания и их обратного влияния на экономический базис и т. д. По некоторым из этих проблем авторы настоящего издания высказывают

не вполне одинаковые точки зрения, что объясняется неисчерпаемостью содержания теоретических работ и рукописного наследия Энгельса и еще недостаточной разработанностью ряда самих философских проблем.

Авторы стремились рассматривать анализируемые вопросы с учетом современного состояния естественных и общественных наук, практики борьбы между лагерями социализма и капитализма, борьбы за построение коммунистического общества в СССР и победу международного коммунистического движения. Учитывая теоретические дискуссии, которые ведутся ныне советскими и зарубежными философами-марксистами, авторы и редакционная коллегия данного труда стремились увязать освещение философских идей Энгельса как с задачами идеологического наступления на антикоммунизм и ревизионизм, против всевозможных буржуазных извращений научно-теоретического наследия Энгельса, так и с неразрывно связанными с этой борьбой проблемами дальнейшего творческого развития марксистской философии.

Участие в данном труде ряда видных философов Германской Демократической Республики — первого немецкого государства, в котором идеи Маркса и Энгельса ныне успешно претворяются в жизнь, — было весьма плодотворным. Оно позволило, в частности, включить в проблематику настоящего издания ряд вопросов, связанных с практикой социалистического строительства в ГДР. В работах философов-марксистов из ГДР, помещенных в настоящей книге, сделан определенный акцент на философские проблемы, вытекающие из задач научно-технической революции наших дней.

Принципы творческого содружества философов-марксистов социалистических стран получают в данной книге дальнейшую реализацию, стимулирующую развитие марксистской философской мысли. Опираясь на глубокие отечественные философские традиции, немецкие ученые-марксисты специально исследуют, в частности, духовное развитие Энгельса и его роль как историка философии.

Фридрих Энгельс умер в 1895 г., в переломный исторический момент, когда эпоха домонополистического капитализма только начала сменяться эпохой империализма и пролетарских революций. И именно в этот переломный момент оппортунисты-бернштейнианцы, а затем

каутскианцы создали серьезную ревизионистскую опасность коренного извращения теории Маркса и Энгельса.

Первые русские революционные марксисты 80—90-х годов XIX в. во главе с Г. В. Плехановым восприняли и отстаивали философские традиции Энгельса, но в это время во весь рост встали гораздо более сложные задачи. Разрешение их оказалось по плечу только гению Ленина и созданной им марксистской партии нового типа. Великая заслуга В. И. Ленина состояла в том, что в этот чрезвычайно ответственный период, когда решался вопрос о грядущих судьбах марксизма, путях и целях его дальнейшего развития в целом, он решительно и уверенно принял в свои руки знамя революционной теории, защитил и отстоял учение Маркса и Энгельса от всевозможных посягательств справа и «слева» и развил его в соответствии с запросами и требованиями новой исторической эпохи — нового этапа революционной борьбы, начавшейся революции в технике и естествознании, новых достижений науки.

Ленинизм как дальнейшее продолжение и новая ступень марксизма в исторических условиях XX в. бережно сохранил все теоретические завоевания Маркса и Энгельса и стимулировал их всестороннее развитие на основе нового исторического опыта и прогресса различных областей человеческого знания, уроков социальной практики XX в. Осветить основные моменты развития философского наследия Ф. Энгельса в трудах В. И. Ленина и его учеников и продолжателей — такова была одна из важных задач, стоящих перед авторами данного произведения.

Теоретическое наследие Энгельса неисчерпаемо. Далеко не все его стороны исследованы в настоящей книге, некоторые из них только намечены для дальнейших исследований. Советские и зарубежные историки марксизма проделали к настоящему времени в этом отношении определенную работу. В этой связи следует напомнить об исследовании М. В. Серебрякова «Фридрих Энгельс в молодости» (1958 г.), о книге Е. А. Степановой «Фридрих Энгельс» (1956 г.), трудах Б. М. Кедрова, А. И. Малыша, Т. И. Ойзермана, Б. А. Чагина и других ученых по истории марксизма, сослаться на обобщение истории философских идей Маркса и Энгельса в третьем томе «Истории философии» (1959 г.), в книге ««Капитал»

Маркса, философия и современность» (1968 г.), в биографии К. Маркса и других современных марксистских работах. К юбилею Энгельса Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подготовил биографию Фридриха Энгельса. Ученые Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС издали труд «Энгельс-теоретик» (1970 г.).

Французский марксист О. Корню создал фундаментальное исследование о жизни и деятельности Маркса и Энгельса (уже вышли в свет три тома). В Германской Демократической Республике изданы книги В. Шуффенхауэра о Марксе (1965 г.), Х. Ульриха о молодом Энгельсе (1966 г.), коллективный труд «К истории марксистско-ленинской философии в Германии» (1969 г.), дополненная биография Ф. Энгельса (1970 г.) и др. Ряд трудов о наследии Энгельса и его современном значении создан марксистами других стран. В Праге отдельной книгой выпущены в свет материалы международной теоретической конференции «Фридрих Энгельс и коммунистическое движение». Еще многое предстоит сделать в дальнейшем.

Фридрих Энгельс — яркий светоч человечества. Его теоретические работы и история всей его жизни и деятельности побуждают марксистскую мысль к интенсивным исследованиям. Его страстная преданность делу освобождения трудящихся, его научная смелость, энциклопедизм теоретических работ и их глубина, яркий литературный талант и обаяние его личности вдохновляют новые поколения философов-марксистов на разработку наследия Энгельса, развитие поставленных им вопросов и современных проблем марксистской теории.

Наследники Энгельса — современные марксистско-ленинские партии, отбившие атаки ревизионистов и развивающие марксизм-ленинизм теоретически и практически. Ведя решительную борьбу против буржуазной идеологии и ревизионизма, коммунисты опираются в своей деятельности на богатое наследие Ф. Энгельса — одного из великих основоположников диалектического и исторического материализма, теоретиков научного коммунизма.

Содержание

От редакции 3

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Общие проблемы марксистской философии и ее истории

Глава первая. Концепция предмета и задачи философии в свете трудов Энгельса 11
1. Возможна ли и что собой представляет научная философия? 12
2. Марксистская философия как мировоззрение и идеология 21
3. Философия и логика 33

Глава вторая. Духовное развитие молодого Энгельса . . 39
1. Первые мировоззренческие конфликты . . 40
2. Переход Энгельса к революционному демократизму и к гегелевской философии (1838—1840 гг.) 43
3. Позиция Энгельса в младогегельянском движении (1840—1842 гг.) 48
4. Переход Энгельса на позиции коммунизма и материализма (1842—1844 гг.) 60

Глава третья. Фридрих Энгельс и немецкая идеалистическая философия (Кант и Гегель) 73

Глава четвертая. Энгельс, революционная мысль и марксизм в России XIX в. 89
1. Ф. Энгельс и общественное развитие России 91
2. Проблемы революционного движения в России и его международное значение . . . 98
3. Энгельс и русская революционная мысль второй половины XIX в. 101
4. Энгельс и российские марксисты 80—90-х годов XIX в. 108
5. Традиции диалектического материализма и марксистская философская мысль в России до середины 90-х годов XIX в. 114

Глава пятая. В. И. Ленин и философское наследие Ф. Энгельса 124
1. Энгельс и общие проблемы диалектического материализма в оценке Ленина 127
2. Диалектика общественного развития в трудах Энгельса 135
3. Деятельность Энгельса как историка философии 143

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Проблемы диалектического материализма

Глава шестая. Вопросы теории познания в трудах Энгельса 151
1. Об объектах и видах отражения 152
2. О двух направлениях в анализе прообразов абстракций и об уровнях отражения . 161
3. Об относительной и абсолютной истине . . 168

Глава седьмая. Критика Энгельсом агностицизма . . . 183

Глава восьмая. Вопросы диалектической логики 207
1. Предмет диалектической логики 211
2. Практическая основа и содержание диалектической логики 214
3. Ф. Энгельс и логика «Капитала» 225
4. Диалектическая логика как система категорий 230

Глава девятая. Энгельс и современные проблемы логики научного познания 233

Глава десятая. Исторические корни взглядов Энгельса на язык и их современное значение 256

Глава одиннадцатая. Труды Энгельса о диалектике природы и современность 272

Глава двенадцатая. Вопрос об основных формах существования материи 302
1. Движение — фундаментальная категория философии 304
2. Время и пространство — формы всякого бытия 312

Глава тринадцатая. Энгельс и проблема диалектики необходимости и случайности 320
1. Энгельс о соотношении необходимости и случайности 322
2. Три вида необходимости 329
3. Закон и случайность 334
4. О дифференциации случайностей 343

Глава четырнадцатая. Диалектическое превращение необходимости в свободу 347
1. Проблема свободы и формирование научно-философского мировоззрения Ф. Энгельса 349
2. Диалектическое понимание необходимости и основные аспекты свободы 359
3. Противоречия процесса превращения необходимости в свободу 369

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Проблемы исторического материализма

Глава пятнадцатая. Ф. Энгельс и материалистическое понимание истории 381

1. Создание исторического материализма и его методологическая роль 383
2. Концепция экономических отношений и их роль в развитии общества 388
3. Проблемы общественного сознания и надстройки 395

Глава шестнадцатая. Разработка Энгельсом вопроса о субъективном факторе в истории 408

Глава семнадцатая. Идеи Энгельса о развитии производительных сил в связи с прогрессом науки и современность 424

Глава восемнадцатая. Проблема человека в трудах Энгельса 440
1. Социально-экономический анализ проблемы человека 443
2. Диалектико-материалистическая концепция человека 450
3. Критика Энгельсом абстрактного гуманизма 456

Глава девятнадцатая. Философский анализ в трудах Энгельса перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу 466
1. Объективный характер смены первобытно-общинного строя классово антагонистическим обществом 468
2. Материалистическая оценка процесса перехода от первобытного общества к классовому и выделение его стадий 475
3. Взаимосвязь тенденций классообразования 487
4. Становление классово антагонистического общества как революционный процесс . . 493

Глава двадцатая. Ф. Энгельс и проблемы религии . . . 501

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Марксизм как энциклопедическая научная система

Глава двадцать первая. Энгельс — энциклопедист марксистской науки 523
1. Диалектика как теория познания и логика (единство двух ее сторон: объективность и субъективность) 524
2. Марксизм как научная система (единство двух аспектов структуры: структура предмета и структура науки) 530
3. Целостный и структурный подходы к изучению общества (единство двух аспектов: целое и часть — синтез и анализ) 535
4. Принципы классификации естественных наук (единство двух принципов: по формам движения и по их материальному содержанию) 537
5. Технические науки и их место в системе научного знания (единство двух аспектов:

субъективная цель и объективная возможность ее достижения — свобода и необходимость) 542
6. Философские основы всеобъемлющей энциклопедии наук (единство двух аспектов: общее и частное) 544
7. Марксизм против абстрактного антропологизма и позитивистского сциентизма (борьба на два фронта за истину) 546
ние 556

Э63 **Ф. Энгельс** и современные проблемы философии марксизма. Под общ. ред. М. Т. Иовчука (руководитель авт. коллектива) и др. М., «Мысль», 1971.
567 с. (АН СССР. Ин-т философии).

В данной книге, подготовленной коллективом авторов Института философии АН СССР и Института философии при Университете имени Гумбольдта в Берлине (ГДР), поставлена задача глубоко раскрыть вклад Ф. Энгельса в создание основ и дальнейшее развитие теории марксизма. В книге освещается широкий круг проблем марксистской философии, разработанных в трудах Ф. Энгельса. Это — вопрос о предмете философии, ее структуре и отношении к специальным наукам, вопросы теории познания, логики, взаимодействия общественного бытия и общественного сознания и закономерностей развития его форм, функции идеологии и др. Рассматриваемые проблемы анализируются с учетом современного состояния наук и общественной практики.

1-1-3 **1 М**
73-74-71

Редактор В. Е. Викторова
Младший редактор В. А. Нартикоева
Оформление художника С. С. Верховского
Художественный редактор А. А. Брантман
Технический редактор С. П. Лебедева
Корректор Л. М. Чигина

Сдано в набор 11 августа 1970 г. Подписано в печать 20 января 1971 г. Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$, № 2. Усл печатных листов 29,82. Учетно-издательских листов 30,49. Тираж 10 000 экз. А 03512. Цена 2 р. 03 к. Заказ № 1286.

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3.